193395

C-22,12 21IV

Проверено 19-4г.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІИ

О

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ IV.

ТИФЛИСЪ.

1870.

2/IV

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

Кавказскаго Горскаго Управленія.

Выпускъ IV.

ТИФЛИСЪ. 1870

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

съ соизволенія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

при

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ IV.

ТИФЛИСЪ.

—

1870.

Библиотека им. К. Маркса

С 22,1

Библиотека
Ростов н-Д.
книгохранилище
им. К. Маркса.
КР
Я93.3 95
Проверено
1937—38 г.

Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ Кабардинскомъ округѣ, *Н. Ф. Грабовскаго.*

2) Природа и люди Закатальскаго округа, *А. И. Фонъ-Плотто.*

3) Матеріалы для древней исторіи осетинъ, *П.*

4) Истинные и ложные послѣдователи тариката, *Мугеддина Магомедъ-Ханова* (переводъ съ арабскаго, съ предисловіемъ, *А. Омарова*).

5) Ичкерія (историко-топографическій очеркъ), *И. М. Попова.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Изъ чеченскихъ сказаній: а) Нѣсколько словъ о герояхъ въ ингушевскихъ сказаніяхъ, *Ч. Ахріева*; б) чеченскія сказки, басни и пословицы.

III. Этнографическіе очерки:

1) Какъ живутъ лаки, *Абдуллы Омарова.*

2) Свадьба у сѣверныхъ осетинъ, *Джантемира Шанаева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Извлеченіе изъ отчета объ осмотрѣ казенныхъ свободныхъ земель нагорной полосы между рр. Тебердой и Лабой (съ картою).

2) Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи.

3) Замѣтка о карачаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ, *Н. Г. Петрусевича.*

4) Изъ горской криминалистики (криминальные случаи: а) изъ дѣлъ Полеваго Аудиторіата и б) изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія).

5) Борьба съ леопардомъ, *Н. Г. Петрусевича.*

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ОЧЕРКЪ

суда и уголовныхъ преступленій въ Кабардинскомъ округѣ.

.....

I.

Прослѣдить исторически, съ должною точностью, постепенное развитіе и форму кабардинскихъ суда и обычаевъ, какъ равно и примѣненіе ихъ на самомъ дѣлѣ, представляется окончательно невозможнымъ, вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія какихъ-либо достовѣрныхъ указаній. Рисуя прошлую картину суда въ Кабардѣ, приходится руководствоваться словесными разсказами людей, знакомыхъ съ существовавшими порядками *по преданію*. Только со времени фактическаго подчиненія Кабарды Россіи можно прослѣдить это съ достовѣрною точностью, по имѣющимся въ окружномъ архивѣ письменнымъ указаніямъ.

Нѣкоторое, впрочемъ, понятіе о судопроизводствѣ въ Кабардѣ, хотя и въ крайне-скудныхъ и общихъ чертахъ, дастъ намъ „Исторія Адыхейскаго народа,“ составленная кабардинцемъ Шора Ногмовымъ (*). Какъ основанная тоже на упомянутыхъ выше устныхъ преданіяхъ, исторія эта, само собою разумѣется, не можетъ служить вѣрнымъ изображеніемъ прошлаго; но, тѣмъ не менѣе, судя по

(*) Кавказскій календарь на 1862 годъ.

нѣкоторымъ общимъ чертамъ склада жизни кабардинскаго народа, она все-таки даетъ приблизительное понятіе о быломъ. Сначала въ Кабардѣ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, начинавшихъ только жить, представителемъ власти и судьею былъ глава семейства. Такъ, описывая древнее положеніе Кабарды, Ш. Ногмовъ говоритъ: „Народъ нашъ не имѣлъ гражданскаго устройства и, не зная выгодъ правительства сильнаго, не терпѣлъ неограниченныхъ владѣтелей въ землѣ своей и думалъ, что лучшее благо для человѣка— это дикая, необузданная свобода. Но въ семействѣ старшій имѣлъ власть неограниченную: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрою. Всякій избиралъ мѣсто жительства и строился гдѣ хотѣлъ. Но общій древній обычай служилъ между ними общественною связью. Въ важныхъ случаяхъ единоплеменные сходились для совѣщаній и народъ уважалъ приговоръ старцевъ. Съ общаго согласія предпринимали воинскіе походы, избирали вождей; но, будучи привязаны къ независимости, весьма ограничивали ихъ власть и часто не повиновались имъ даже во время самыхъ битвъ. Совершивъ общее дѣло и возвратясь домой, всякій считалъ себя господиномъ и владыкой въ своей хижинѣ. Съ теченіемъ времени завелся для совѣщанія нѣкоторый порядокъ въ общемъ собраніи. Всякое предложеніе владѣльцевъ было разсматриваемо нѣсколькими старшинами, которые съѣзжались по приглашенію въ назначенное мѣсто. Потомъ владѣльцы и старшины предлагали дѣло общему собранію ворковъ и вмѣстѣ съ ними разсматривали его. Ворки почти всегда были согласны съ мнѣніемъ владѣльцевъ, у которыхъ они были въ зависимости. Наконецъ дѣло вносилось въ народное собраніе, въ которомъ участвовали всѣ подданные владѣльцевъ. Согласіе простаго народа рѣшало законодательное положеніе“ (*).

Впослѣдствіи, кабардинцы, поставленные въ необходимость бороться съ сосѣдями и пришельцами, постепенно должны были приходить къ сознанію необходимости учрежденія общихъ и обязательныхъ для всѣхъ правилъ, при существованіи которыхъ только и возможно было самое существованіе націи. Такъ, послѣ длин-

(*) Тамъ-же, стр. 39.

наго ряда войнъ, побѣдъ и претерпѣнныхъ пораженій, мы встрѣчаемъ уже въ Кабардѣ, вмѣсто отдѣльнаго въ каждой семьѣ главенства старѣйшаго, нѣчто похожее на форму благоустроеннаго правленія.

Ш. Ногмовъ, описывая дѣянія и жизнь князя Инала, управлявшаго адыхейскимъ народомъ въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтій, между прочимъ говоритъ: „Обиженные находили защиту, и притѣснители справедливое наказаніе. Мудрыя постановленія упрочили возникающее спокойствіе. Сорокъ судей, поставленныхъ надъ народомъ, заботились о его благосостояніи и поддерживали тишину и благодействіе“ (*). Если выраженное авторомъ „Исторіи адыхейскаго народа“ сейчасъ приведенное положеніе Кабарды и сорока судей, поставленныхъ Иналомъ, не есть стереотипная фраза, употребляемая зачастую для характеристики времени и личности великихъ людей,—то нужно заключить, что вліяніе судей на народъ было весьма благодѣтельно и что значеніе ихъ не заключалось лишь въ отправленіи судейскихъ обязанностей, въ тѣсномъ смыслѣ этого опредѣленія. Нужно полагать, они были и правители народа, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась власть всѣхъ видовъ. Такую именно форму правленія Шора Ногмовъ приводитъ нѣсколько послѣ, говоря о сохранившихся древнихъ обычаяхъ между тѣми адыхейскими племенами, у которыхъ не могли укрѣпиться потомки египетскихъ князей, породившіе безпорядки и междоусобія въ другихъ племенахъ. „У нихъ—говоритъ Ногмовъ—управляютъ старшины и если кто-нибудь совершитъ преступленіе, то по *всенародному суду* наказывается смертью“ (**).

Нѣсколько болѣе опредѣленную форму судъ въ Кабардѣ принимаетъ только во время управленія народомъ князя Берслана Джанкутова, въ концѣ XVI вѣка. По разсказу Ногмова, подтверждаемому и другими лицами—кабардинцами, знакомыми по преданію съ прошлымъ своей страны, «Берсланъ, впродолженіи управленія своего кабардинскимъ народомъ, желая улучшить и упрочить его

(*) Стр. 70.
(**) Стр. 94.

благосостояніе и для оказанія всякому правосудія, первый учредилъ во всѣхъ аулахъ, въ каждомъ по одному *хъезэжа* (третейскій судъ), въ которомъ разбирались всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ, и жалобы мѣстныхъ жителей. Судъ этотъ составляли нѣсколько человѣкъ изъ благонадежныхъ узденей и депутатовъ со стороны народа, ежегодно имъ избираемыхъ, съ утвержденія самаго князя, который въ руководство имъ и народу издалъ разные законы и обряды. Жалобы же на судей, также уголовныя и относившіяся до всего народа дѣла разбирались и рѣшались подъ предсѣдательствомъ князя въ *хъ*, т. е. главномъ судѣ, учреждавшемся въ постоянномъ мѣстѣ жительства князя. Кромѣ того, князь Бекмурзинъ установилъ разные штрафы за неисполненіе данныхъ имъ узаконеній и обрядовъ, нынѣ не соблюдаемыхъ народомъ, и старался всѣми силами искоренить зловредныхъ людей, и весьма многихъ князей за неблагонамѣренные ихъ поступки лишалъ княжескаго достоинства, а нѣкоторыхъ и вовсе изгонялъ» (*). Подобный порядокъ судопроизводства былъ поддерживаемъ и впослѣдствіи другими князьями и существовалъ до начала XVIII столѣтія, т. е. до окончательнаго обращенія кабардинцевъ изъ христіанства въ магометанство.

Главнымъ дѣятелемъ обращенія кабардинцевъ въ исламъ, по словамъ Иогмова, былъ князь Адиль-Гирей Хатожукинъ (Атажукинъ). Онъ-же, съ помощью эфендія Исхака Абукова, ..ввелъ между кабардинскимъ народомъ шаріатъ, по которому преступники, всѣ безъ изъятія, по степени важности преступленія, подвергались смертной казни и тѣлесному наказанію. Наказанія эти опредѣлялись: за воровство, не болѣе рубля серебромъ.—лишеніе лѣвой руки; свыше рубля до 100 руб. ассигнаціями—отрубленіе правой руки и лѣвой ноги; за развратное поведеніе—смертная казнь. Убійцы предавались также смертной казни. Всѣ претензіи, касающіяся до имущества и личныхъ правъ каждаго, разбирались шаріатомъ, а дѣла между князьями и узденями и узденей съ холопами рѣшались по обычаямъ" (**).

(*) Стр. 113 и 114.

(**) Стр. 148. Очевидно, что Ш. Иогмовъ, описывая дѣянія Адиль-Гирея *Хатожукина*, относитъ его жизнь и дѣятельность ко времени

Такимъ образомъ, со времени введенія въ Кабарду магометанства, судебная власть, какъ видимъ, главнымъ образомъ сосредоточивалась въ рукахъ духовныхъ—муллъ, рѣшавшихъ дѣла по шаріату.

II.

Наше правительство, желая окончательно упрочить за собою владѣніе Кабарды, стремилось къ этому первоначально посредствомъ однѣхъ лишь вышеприведенныхъ мѣръ, заключавшихся въ привлеченіи на нашу сторону вліятельныхъ людей подарками и въ появленіи отъ времени до времени на кабардинской территоріи отрядовъ войскъ.

Генералъ Гудовичъ, управлявшій краемъ въ концѣ прошлаго столѣтія, еще въ 1791 году пришелъ къ заключенію, что одними вышеприведенными мѣрами нельзя достигнуть желаемаго результата, и что до тѣхъ поръ, пока кабардинцы будутъ предоставлены сами себѣ, относительно ихъ внутреннихъ распорядковъ, нельзя ожидать отъ нихъ ни пользы для Россіи, ни ослабленія ихъ свирѣпыхъ нравовъ; поэтому онъ въ томъ-же году предпринялъ возстановить у нихъ новое правленіе, на что и получилъ Высочайшее разрѣшеніе, но съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы для этого не было употреблено ни малѣйшаго принужденія и введеніе новыхъ

окончательнаго обращенія кабардинцевъ въ исламъ, совершившагося, по словамъ Ногмова, въ началѣ XVIII столѣтія (см. стр. 45 и 146 Ист. адых. народа). Нужно полагать, что Ногмовъ ошибся, приписавъ этому лицу существованіе въ означенный періодъ. Ашль-Гирей Хатожукинъ, ярый послѣдователь магометанства, проявилъ свою дѣятельность въ Кабардѣ лишь въ 1799 году, возвратясь въ отечество послѣ побѣга изъ г. Екатеринослава, куда онъ былъ отправленъ въ 1795 году, вмѣстѣ съ другими кабардинцами. Помышляя о возвращеніи свободы, Хатожукинъ возбуждалъ народъ не повиноваться требованію русскаго начальства относительно выбора судей въ родовой и расправный суды, требовать уничтоженія новаго правительства и возстановленія духовнаго суда по корану. См. Матер. для нов. ист. Кавказа, съ 1722 по 1803 годъ. П. Г. Буткова. Спб. 1869 г. ч. II, стр. 560—562.

учрежденій въ дѣйствіе было сдѣлано посредствомъ убѣжденія и иначе, какъ съ согласія и по доброй волѣ самихъ кабардинцевъ.

Въ 1793 году, генералъ Гудовичъ установилъ и открылъ, по Высочайше утвержденнымъ штатамъ, внутри Большой Кабарды, для владѣльцевъ (князей) съ ихъ подвластными—два суда, названные *родовыми*; и для узденей также съ подвластными—двѣ *родовыя расправы*, а въ Малой Кабардѣ, на томъ-же основаніи,—одинъ родовой судъ и одну родовую расправу. Въ Моздокѣ-же былъ учрежденъ верхній пограничный судъ. Каждый родовой судъ состоялъ, безъ участія русскихъ чиновниковъ, изъ лучшихъ владѣльцевъ: одного предсѣдателя и двухъ засѣдателей, по выбору лицъ ихъ сословія, съ перемѣною чрезъ три года; родовыя расправы, на тѣхъ же основаніяхъ, были составлены изъ узденей: одного предсѣдателя и семи засѣдателей; въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ отъ кадіевъ или первенствующихъ муллъ. Родовые суды и расправы поставлены были въ независимость между собою; тѣмъ и другимъ предоставлено было сужденіе обыкновенныхъ тяжебныхъ гражданскихъ дѣлъ и незначительныхъ проступковъ, на основаніи своихъ обычаевъ, и полицейская обязанность относительно открытія преступниковъ; для письмоводства назначены были въ каждый судъ и расправу одинъ мулла и одинъ помощникъ ему для переписокъ. Верхній пограничный судъ составленъ былъ изъ шести владѣльцевъ и шести узденей Большой и Малой Кабардъ, по выбору-же, двухъ членовъ изъ армянъ и грузинъ, поселившихся въ Моздокѣ, и одного изъ мурзъ татарскихъ, кочевавшихъ здѣсь, близъ горы Бештау и по р. Калаусу, подъ предсѣдательствомъ моздокскаго коменданта и засѣданіемъ россійскаго пристава при обѣихъ Кабардахъ и одного полковаго штабъ-офицера, секретаря, переводчиковъ и прочихъ канцелярскихъ служителей. Этому суду дана была власть надъ родовыми судами и расправами и предоставлено право сужденія по россійскимъ законамъ всѣхъ безъ изъятія кабардинскихъ уголовныхъ дѣлъ, касающихся измѣны, убійства, явнаго ослушанія начальству, разбоя, грабежа и воровства, учиненныхъ насильно, вооруженною рукою; туда-же должна была поступать и апелляція на рѣшенія родовыхъ судовъ и расправъ по гражданскимъ искамъ. Жалованье судьямъ отнесено на счетъ казны.

Хотя кабардинцы и приняли добровольно эти новыя учрежденія и было прекращено требованіе аманатовъ отъ нихъ, а также прощены имъ всѣ накопившіяся претензіи русскихъ, но вскорѣ затѣмъ они постигли, что все это куплено слишкомъ дорогою цѣною: лишеніемъ той полной свободы въ самоуправленіи, какая существовала до того времени. Контроль судовъ надъ дѣйствіями и поступками кабардинцевъ, уголовное преслѣдованіе за убійства, даже изъ мести, отвѣтственность за укрывательство преступниковъ, что, по обычаю, считалось до того не только не проступкомъ, а напротивъ—добродѣтелью, воспрещеніе собираться молодымъ людямъ на кошахъ для удальства и вообще дѣлать общественныя собранія безъ особаго повелѣнія,—все это такъ подѣйствовало на нихъ (жителей Большой Кабарды), что они, въ февралѣ 1794 года, чрезъ четыре мѣсяца послѣ открытія судовъ, возмутились и оказали полное неповиновеніе родовымъ судамъ и расправамъ (*).

Изъ прошенія, поданнаго кабардинцами проѣзжавшему чрезъ Кабарду въ 1825 году начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту Дибичу, видно, что они въ 1801 или 1802 году—не помнятъ навѣрно—просили, чрезъ бывшаго пристава, генерала Дельпоцо, объ уничтоженіи родовыхъ судовъ и расправъ, какъ учрежденій, противныхъ духу мусульманскаго закона. Главнокомандовавшій въ краѣ, князь Циціановъ, разрѣшилъ упраздненіе этихъ судовъ и расправъ и учрежденіе взамѣнъ ихъ судовъ, подъ названіемъ *мехкемэ*. Когда именно открыты эти новые суды,—нѣтъ свѣдѣній въ дѣлахъ кабардинскаго округа, но они дѣйствительно существовали и, какъ увидимъ ниже, были уже въ 1807 году.—Одинъ изъ такихъ судовъ находился въ Мисостовой и Атажукиной, а другой—въ Бекмурзиной и Кайтукиной фамиліяхъ, не завися одинъ отъ другаго и рѣшая дѣла лишь своего народа.

Народнымъ условіемъ, сдѣланнымъ 10 Іюля 1807 года, послѣ свирѣпствовавшей въ Кабардѣ чумы, подтверждено существованіе мехкемэ, причемъ опредѣлено, чтобы, въ случаѣ принадлежности истца къ одному мехкемэ, а отвѣтчика къ другому, дѣло разби-

(*) Тамъ-же, стр. 263—265 и 267.

рать въ томъ, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ. Мехкемэ состояло изъ старшаго судьи—*салія* (*) и 12 членовъ, изъ которыхъ было два или три князя, остальные—уздени; въ тоже число входили кадій и секретарь; каждый членъ выбирался на три мѣсяца.

Мехкемэ были учрежденія чисто сословныя и доступныя только привиллегированнымъ классамъ. Народъ-же, къ сожалѣнію, не принималъ въ нихъ участія, не пользовался благодѣтельнымъ значеніемъ ихъ, ограждавшимъ отъ произвола жадныхъ муллъ, и былъ вполнѣ предоставленъ на волю этихъ послѣднихъ, которые дотого, вѣроятно, злоупотребляли своимъ правомъ, что кабардинцы принуждены были, при совершеніи вышеупомянутаго народнаго условія, постановить слѣдующее правило, изложенное въ 6 пунктѣ: „никто ни о какомъ дѣлѣ не долженъ просить кадія скрытно. Истецъ и отвѣтчикъ обязаны просьбы свои и жалобы приносить оба, въ чемъ только въ состояніи разрѣшить ихъ кадій; если-же кто одинъ будетъ у кадія просить объявленія преждевременно, чѣмъ дѣло можетъ кончиться,—то, при дознаніи объ этомъ, проситель подвергается штрафу 20 руб. сер.; равно и кадій тому-же штрафу подлежитъ, при допущеніи просителя вопреки этого правила; эти штрафы беретъ въ пользу свою валій".

При составленіи народнаго условія, высшій классъ, заботясь лишь о своихъ интересахъ, постановилъ: „дѣла, оказавшіяся нерѣшенными съ учрежденія мехкемэ, разобрать, для оказанія обиженнымъ удовлетворенія, неключая дѣлъ черни, которыя обязанъ рѣшить безъ замедленія одинъ валій и депутатъ, а на будущее время всякое дѣло въ народѣ рѣшать по шаріату, за исключеніемъ претензій князя съ узденями, узденей съ ихъ крѣпостными, такъ какъ они, по желанію ихъ, предоставлены разбирательству по древнимъ обрядамъ".

(*) Валій—собственно значитъ владѣтель; валій-же въ Кабардѣ—это бывшій верховный предсѣдатель мехкемэ и правитель народа. Въ Кабардѣ до 1807 года, и нѣсколько позже, временно, было два валія: одинъ—въ Мисостовой и Атажукиной, а другой—въ Бекмурзиной и Кайтукиной фамиліяхъ; послѣ-же былъ одинъ. Валіи избирались народомъ изъ княжескихъ фамилій и преимущество въ выборѣ давалось старшему по лѣтамъ князю.

Масса кабардинскаго населенія, лишенная правъ на одинаковый судъ съ привиллегированными сословіями, обязана была кромѣ того еще безусловно подчиняться рѣшеніямъ муллъ, не имѣя даже права апелляціи. Вотъ что говорятъ нѣкоторые пункты народнаго условія.

„Если мулла рѣшитъ дѣло въ аулѣ, то рѣшеніе это считается равнымъ рѣшенію въ мехкемэ и никто оному противиться и перерѣшать не можетъ.

„Когда прежде какое дѣло было рѣшено шаріатомъ, или третейскимъ судомъ, или по согласію, въ такихъ дѣлахъ просьбъ не возобновлять и разбирательства не дѣлать".

„Если какія-либо дѣла рѣшены муллою, недовольная сторона невправѣ просить другаго муллу о перерѣшеніи, къ чему онъ и приступить не смѣетъ, равно не вмѣшиваются въ дѣла кабардинцевъ посторонніе муллы изъ кумыкъ, подъ опасеніемъ платежа въ штрафъ 100 руб. сер.".

„По рѣшенію шаріата, виновный обязанъ платою претендателю въ назначенный срокъ; въ противномъ случаѣ, долгъ этотъ взыскивается чрезъ продажу имущества и сверхъ того берется съ виновнаго 20 руб. штрафу".

Подобное судопроизводство, съ одной стороны оберегаемое отъ произвола муллъ, а съ другой—отданное имъ въ безусловное вѣдѣніе, опутало народъ до 1822 года. Въ этомъ-же году, 29 августа, бывшій главнокомандующій, генералъ отъ артиллеріи Ермоловъ, въ прокламаціи къ почетнымъ кабардинскимъ владѣльцамъ, духовенству, уздепямъ и всему народу, объявилъ объ учрежденіи у нихъ временнаго суда, назначилъ предсѣдателя, шесть судей изъ княжескихъ и уздепскихъ фамилій, секретаря и русскаго чиновника для повѣрки журналовъ, предоставилъ выбрать кадія и препроводилъ въ судъ для руководства правила, изложенныя въ временномъ наставленіи. Какъ любопытный документъ, я считаю не лишнимъ помѣстить здѣсь тѣ части наставленія, которыми опредѣлялись значеніе и власть суда.

„Ст. 1. Временной судъ въ Кабардѣ составляютъ владѣльцы и узденя, по одному изъ каждаго рода или фамиліи, на первое время по назначенію начальства".

„Ст. 7. Обязанности сего временнаго суда состоятъ въ разборѣ дѣлъ тяжебныхъ между всѣми состояніями кабардинцевъ, какъ то: владѣльцевъ, узденей и простого народа, въ спорахъ, обидахъ и претензіяхъ".

„Ст. 8. Въ случаяхъ дѣлъ спорныхъ и претензій, случающихся между владѣльцами или узденями съ подвластными или и между сими простолюдинами, приглашаются въ сей судъ для совѣщанія и сужденія, со стороны сихъ послѣднихъ, люди, по лѣтамъ и пріобрѣтенному уваженію признанные достойными по избранію отъ народа въ депутаты для сихъ дѣлъ".

„Ст. 9. Всѣ дѣла гражданскія и спорныя между кабардинцами равно и претензіи на нихъ отъ людей инородныхъ, разбираются и рѣшаются по ихъ древнимъ обычаямъ и обрядамъ, приспособляя оные, поколику возможность случаевъ дозволитъ, къ правамъ россійскимъ".

„Ст. 10. На сей конецъ по всѣмъ таковымъ дѣламъ составляется въ судѣ секретаремъ, за подписью или печатьми суден, журнальная записка, содержащая обстоятельства дѣла и постановленное рѣшеніе".

„Ст. 11. Сіи журнальныя записки, составлясь по данной формѣ и бывъ въ порядкѣ собираемы каждый мѣсяцъ, повѣряются начальникомъ въ Кабардѣ".

„Ст. 12. Рѣшеніе сего суда въ дѣлахъ тяжебныхъ получаетъ полную силу и не подвергается разсмотрѣнію начальника, буде цѣна тяжбы не превышаетъ 200 руб.; въ суммахъ-же, превышающихъ сіе количество, недовольная сторона вправѣ принесть жалобу на рѣшеніе суда начальнику въ Кабардѣ".

„Ст. 13. Въ семъ случаѣ, дабы начальство тѣмъ съ большею основательностью могло разсматривать таковыя рѣшенія, владѣльцы, узденя и депутаты простонародные обязываются заняться составленіемъ правилъ на законахъ и обычаяхъ сего народа для дѣлъ всякаго рода, которыя по разсмотрѣніи начальствомъ могутъ

быть исправлены и утверждены для единообразнаго по онымъ исполненія" (*).

„Ст. 15. Дѣла уголовныя разбирательству сего (суда) не принадлежатъ и подвергаются вообще законамъ и строгости военной".

„Ст. 16. Уголовными преступленіями кабардинцевъ почитаются:

а.) Убійство.

б.) Измѣна.

в.) Возмущеніе въ народѣ.

г.) Побѣгъ за предѣлы линій съ злымъ намѣреніемъ.

д.) Подводъ хищниковъ къ злодѣйствамъ и сношенія съ ними.

е.) Набѣги въ границы линій, нападенія и хищничества въ оной.

ж.) Обнаженіе оружія въ ссорахъ, съ причиненіемъ ранъ".

„Ст. 17. Проступки, не заключающіе особенной важности, рѣшаются временнымъ судомъ и наказаніе производится по опредѣленію онаго штрафомъ или на тѣлѣ розгами, не свыше ста ударовъ".

„Ст. 18. Маловажными проступками признаются:

1.) Воровство-кража скота и прочаго на сумму не свыше 200 руб.

2.) Обманы или лживые поступки, со вредомъ другому.

3.) Захваты чужаго съ насиліемъ.

4.) Ссоры и драки безъ обнаженія оружія.

5.) Оскорбленія владѣльцамъ и узденямъ отъ подвластныхъ или холопей, превышающія мѣру домашняго исправленія".

„Ст. 19. Въ дѣлахъ маловажныхъ, составляющихъ обыкновенные проступки подвластныхъ и холопей противу своихъ владѣльцевъ и уздеей, предоставляются штрафу легкому и наказанію самими владѣльцами и узденями, не полагая взысканія свыше мѣры преступленія".

„Ст. 20. Никто изъ духовенства кабардинскаго не мѣшается въ разборъ дѣлъ гражданскихъ".

(*) И по-сихъ-поръ еще не составленъ сборникъ кабардинскихъ обычаевъ.

„Ст. 21. Предметы разбирательству духовнаго суда принадлежащіе:

а.) Дѣла до вѣры и совѣсти касающіяся.

б.) Дѣла по несогласію мужей и женъ.

в.) Дѣла между родителями и дѣтьми.

г.) Вообще дѣла, не имѣющія уликъ, ясныхъ доказательствъ и письменныхъ свидѣтельствъ."

„Ст. 22. Всѣ сіи дѣла разбираются на основаніи ихъ закона; всѣ прочія рѣшаются судомъ".

На обязанность временнаго суда, помимо разбора дѣлъ, возлагалось еще и собраніе свѣдѣній о народныхъ новинностяхъ и выдача увольнительныхъ билетовъ ѣдущимъ на линію.

Предсѣдателю, судьямъ, муллѣ и секретарю назначено было содержаніе отъ правительства.

III.

Нѣсколько ранѣе учрежденія временнаго суда, прокламаціею отъ 22 Іюня 1822 года, генералъ Ермолокъ, подтвердивъ владѣльцамъ и узденямъ прежнія права надъ подвластными, уничтожалъ впредь обычное право лишать рабовъ жизни; за нарушеніе этого, кромѣ строгаго наказанія, предписывалось освобождать на волю семейство убитаго. Постановлено также: рабовъ, обвиненныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, отдавать подъ военный судъ.

Съ учрежденіемъ этого новаго суда, желаемый порядокъ однакоже не возстановился и судъ далеко не выполнялъ своего назначенія. Судя по характеру нѣкоторыхъ предписаній генерала Ермолова, вскорѣ послѣ открытія суда, и генерала Вельяминова, спустя нѣсколько лѣтъ.—такое индеферентное отношеніе къ благому и полезному повидимому учрежденію происходило вообще изъ нераспоряженія къ нашему правительству. Къ этому примѣшивалась, по увѣренію кабардинцевъ, еще и та причина, что судьи первоначально были назначены постоянные, которые такимъ образомъ, въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ, обязаны были вполнѣ отда-

ваться исполненію порученныхъ имъ обязанностей насильно. Найдя впослѣдствіи возможность устранить послѣднее неудобство, нелегко было справиться съ первымъ: народъ, привыкшій къ болѣе самостоятельному управленію, трудно мирился съ вводимыми къ нему извнѣ новыми порядками.

Въ какомъ печальномъ положеніи, на самомъ дѣлѣ, находился временной кабардинскій судъ, можно заключить изъ слѣдующаго предписанія генерала Ермолова, 31 августа 1824 года: „Два года какъ учрежденъ мною кабардинскій временной судъ, собственно для счастья кабардинцевъ; суду сему порученъ разборъ споровъ и тяжбъ между всѣми жителями Большой и Малой Кабарды, онъ долженъ налагать наказанія за маловажные проступки и сверхъ того предписано ему привести въ извѣстность подати и повинности, отбываемыя подвластными и холопами въ пользу владѣльцевъ и духовенства, для того чтобы можно было назначить и утвердить навсегда обоюдныя пользы и обязанности. Но и до сего времени народъ не пользуется еще правосудіемъ и защитою отъ притѣсненій. Сильнѣйшіе дѣйствуютъ какъ хотятъ, жалобы лежатъ безъ рѣшенія. Судьи, не думая о своихъ обязанностяхъ, рѣдко бываютъ въ судѣ, а дѣла отправляютъ въ домахъ и духовенство допускается къ разбирательству дѣлъ гражданскихъ, не смотря на мое запрещеніе.“— Далѣе, подтверждая свои приказанія, относительно составленія различныхъ съѣздовъ, генералъ Ермоловъ прописываетъ: „между тѣмъ, желая доставить членамъ суда облегченіе и дать имъ время для занятія по хозяйству, я предоставляю имъ пользоваться свободой отъ присутствія въ судѣ и отъ дѣлъ: 1) по наступленіи весны, во время полевыхъ работъ, четыре недѣли; 2) лѣтомъ, во время сѣнокоса и жатвы хлѣба, четыре недѣли; 3) осенью, для устройства конюшенъ, или зимовниковъ для скота, четыре-же недѣли; сверхъ того, для поста рамазана одинъ мѣсяцъ и три дня и для праздника курмана тринадцать дней, почему и предписываю объявить во всей Кабардѣ, чтобы въ сіи сроки просители съ жалобами въ судъ не приходили. Прочее время, исключая дней праздничныхъ по магометанскому закону и дней торжественныхъ для Императорскаго дома, всѣ члены суда должны непремѣнно быть при судѣ, заниматься

разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ, доставлять обиженнымъ защиту и оказывать всѣмъ правосудіе. Дабы-же судъ сей могъ съ большею скоростію и успѣхомъ исполнять его рѣшенія—назначаю быть при оном двумъ расторопнымъ владѣльцамъ въ званіи экзекуторовъ, съ жалованьемъ по 250 руб. въ годъ; владѣльцы сіи, не присутствуя въ судѣ, будутъ выполнять только его постановленія и требованія, а для посылокъ и призыва къ суду назначится особо нѣсколько человѣкъ казаковъ".

Такимъ образомъ одна часть неудобства новаго суда—безотлучность судей,—вскорѣ сознанная, была устранена, а другая—не расположеніе къ нашимъ властямъ, еще глубоко продолжала корениться въ кабардинцахъ, которые хотя и не заявляли открытаго протеста, но тѣмъ не менѣе при всякомъ удобномъ случаѣ и подъ благовидными предлогами противодѣйствовали нововведенію. Выше я упомянулъ о предписаніяхъ генерала Вельяминова, а теперь приведу и выписки изъ нихъ, для того чтобы нагляднѣе показать, какъ кабардинцы и самый судъ смотрѣли на свои отношенія къ намъ.

По поводу двухъ представленій суда, коимъ послѣдній оправдывалъ двухъ узденей въ сношеніяхъ ихъ съ „измѣнникомъ Росламбекъ Біесленовымъ" и въ томъ, что, встрѣтивъ хищническую партію „подлыхъ кабардинскихъ бѣглецовъ," запретили стрѣлять въ нихъ,—генералъ Вельяминовъ писалъ суду 28 Декабря 1824 года: „Дабы судъ и на будущее время не полагалъ, что всякое оправданіе можетъ быть принято, нужнымъ нахожу объяснить ему слѣдующее: въ одномъ изъ представленій своихъ судъ говоритъ самъ, что не смотря на пріемъ Росламбека Біеслеова г. Главнокомандующимъ, не смотря на увѣренія Росламбека, что возвратится въ Кабарду,—судъ имѣлъ къ нему недовѣрчивость и наблюдалъ за дѣйствіями его. Они были таковы, что и русское начальство, менѣе съ Росламбекомъ знакомое, нежели его соотечественники, не имѣло къ увѣреніямъ его ни малѣйшей довѣренности. Разсказами его могъ быть обманутъ простой народъ, но конечно не главнѣйшія фамиліи, каковы К. . . ., Т. . . и имъ подобныя. Слѣдовательно, оправдывать ихъ невѣдѣніемъ измѣнническихъ намѣреній Ро-

сламбека нельзя. Полагая даже, что могли они не знать истинной цѣли, для которой пріѣзжали люди отъ Росламбека Біесленова, не могли однакоже не знать они того, что люди сіи пріѣзжали въ Кабарду тайно и тамъ скрывались. Ни одинъ изъ сихъ людей не имѣлъ билета на проѣздъ въ Кабарду. Принимавшіе ихъ легко могли въ томъ удостовѣриться и конечно знали сіе. Этого было уже достаточно, чтобы сихъ людей представлять къ начальству ибо кто не понимаетъ, что человѣку правому, не имѣющему виновныхъ намѣреній, нѣтъ никакой нужды скрываться? — Сынъ К. К. . . . признался, что онъ видѣлся съ сыномъ Росламбека Біесленова тайно. Судъ оправдываетъ его въ семъ поступкѣ молодостью лѣтъ. Можетъ быть, въ лѣтахъ совершенныхъ и съ разсудкомъ болѣе зрѣлымъ, онъ сего не сдѣлалъ-бы. Но если молодость А-ки сколько-нибудь его оправдываетъ, то весьма многихъ сильно обвиняетъ. А-ки, будучи еще дѣтскихъ лѣтъ, конечно не имѣлъ-бы понятія о тайныхъ свиданіяхъ, если-бы примѣры старшихъ тому его не научили. Судъ, представляя оправданія свои и ходатайствуя за виновныхъ, безъ сомнѣнія видѣлъ неосновательность сихъ оправданій. Не смотря на то, судъ не хотѣлъ отступить отъ обычая ходатайствовать передъ властями за всякаго нарушителя общаго спокойствія; и потому не должно удивляться, если подобное ходатайство остается безъ уваженія".

Не менѣе характеристично и другое предписаніе генерала Вельяминова кабардинскому суду, 17 марта 1825 года, по поводу назначенія, съ платою, 380 подводъ для развозки провіанта. „Кабардинскій временной судъ, не отказываясь отъ исполненія сего, представилъ однако-же, что сей случайный нарядъ подводъ съ кабардинцевъ можетъ дать народу подозрѣніе, что подобная повинность будетъ всегда требоваться и сдѣлается для народа тягостною; что посему судъ, не отрекаясь исполнить подобныя требованія на будущее время, нынѣ убѣдительно представительствуетъ объ отмѣнѣ сего наряда, ибо сомнѣвается въ спокойствіи народа и опасается подать людямъ неблагонамѣреннымъ поводъ къ вреднымъ внушеніямъ. Вслѣдствіе сего представленія кабардинскаго суда предписалъ я означенный нарядъ подводъ отмѣнить, не потому, чтобы онъ

сколько-нибудь былъ тягостенъ для народа,—я весьма увѣренъ въ противномъ,—не потому, чтобы народъ опасался, что требованіе сіе случайное обратится въ постоянную повинность,—я весьма зналъ, что при всемъ стараніи весьма трудно было-бы князьямъ увѣрить въ этомъ народъ; не потому, чтобы нарядъ сей могъ подать людямъ неблагонамѣреннымъ поводъ къ вреднымъ внушеніямъ,—я хорошо понималъ, что мѣру, которая дастъ народу средство за трудъ ничтожный получить значительныя денежныя выгоды, трудно представить ему въ такомъ видѣ, чтобы возбудить негодованіе: но нарядъ сей приказалъ я отмѣнить единственно для того, что правительству не нужны услуги людей, нимало не желающихъ общей пользы, что не имѣетъ оно необходимости въ содѣйствіи князей и узденей, жаждающихъ въ судѣ и безпрестанно уклоняющихся отъ исполненія истинныхъ своихъ обязанностей противъ правительства и народа. Не могу я вѣрить, чтобы члены суда не понимали, что, первенствуя между народомъ, обязаны они внушать ему, въ случаяхъ недоумѣнія, что мѣры, предпринимаемыя правительствомъ, имѣютъ цѣлью общую пользу; что всегда легко могутъ они вывести народъ изъ заблужденія, если-бы когда-нибудь и случилось впасть въ оное: что, при такомъ поученіи съ ихъ стороны о благѣ народномъ, вредныя внушенія людей неблагонамѣренныхъ были-бы безуспѣшны. Напротивъ того, кабардинскій судъ во всемъ находитъ затрудненія; при каждомъ случаѣ изъявляетъ опасенія на счетъ могущихъ произойти безпокойствъ; безпрестанно говоритъ о внушеніяхъ людей неблагонамѣренныхъ и никого изъ нихъ не называетъ. Такое поведеніе членовъ суда заставляетъ думать, что они нимало не заботятся объ общей пользѣ, народа и объ его спокойствіи. Кабардинскій судъ, часто говоря о вредныхъ внушеніяхъ людей неблагонамѣренныхъ, долженъ знать, кто сіи люди. Вся неблагонамѣренность ихъ состоитъ въ томъ, что не желаютъ они подчиняться тому порядку, который правительство желаетъ ввести въ Кабардѣ для блага народа. Люди, коимъ порядокъ сей тягостенъ, ни для правительства, ни для народа совершенно не нужны. По сей причинѣ намѣренъ я исходатайствовать имъ позволеніе выселиться изъ Кабарды за границу, дабы не имѣ-

ли они нужды искать къ тому средствъ въ постыдномъ побѣгѣ.— Кабардинскому суду предлагаю о всѣхъ такихъ людяхъ представить мнѣ списокъ".

Подобныя предписанія, само собою разумѣется, не требуютъ коментарій, представляя и безъ того довольно-отчетливо существовавшее въ Кабардѣ положеніе; а если мы присоединимъ къ этому еще постоянные побѣги кабардинцевъ къ непокорнымъ, нападенія на русскихъ, убійства, разбои и грабежи, вызвавшіе грозныя прокламаціи генерала Ермолова, то легко убѣдимся, какъ на самомъ дѣлѣ непріязненно относились къ намъ кабардинцы: поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что учрежденный и открытый русскимъ главнокомандующимъ судъ долго не могъ привиться. Этому не мало препятствовало еще и то обстоятельство, что временной судъ не былъ чисто-юридическимъ учрежденіемъ. На обязанности его лежала и исполнительная часть по всѣмъ отраслямъ управленія въ Кабардѣ, руководимая русскимъ начальствомъ.

Неоднократно кабардинцы обращались къ генералу Ермолову съ просьбою объ упраздненіи временнаго суда, а въ 1825 году просили объ этомъ-же и чрезъ проѣзжавшаго по Кабардѣ начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта Дибича, объясняя, что упомянутое учрежденіе, какъ противное мусульманскимъ законамъ, служило главною причиною всѣхъ возстаній въ Кабардѣ и многочисленныхъ побѣговъ къ закубанцамъ. Но просьбы эти не были уважены и кабардинскій временной судъ существовалъ до 1858 г., по временамъ видоизмѣняясь лишь въ томъ, что иногда предсѣдательствовали къ судѣ лица отъ правительства, т. е. русскіе чиновники, а иногда почетные туземцы, по назначенію начальства.

Въ 1858 году былъ учрежденъ окружной народный судъ, на обязанность котораго было первоначально возложено: принятіе мѣръ для исполненія всѣхъ относящихся до народа распоряженій правительства, надзоръ за благосостояніемъ и нравственностью кабардинцевъ и разбирательство тяжебныхъ дѣлъ между ними. Тяжебныя дѣла судъ долженъ былъ только разбирать, а по разборѣ и разъясненіи истины дѣла, съ своимъ заключеніемъ, представлять къ начальнику округа на разсмотрѣніе и утвержденіе, безъ чего ни одно рѣшеніе

не должно было приводиться въ исполненіе. Изъ этого правила исключались дѣла незначительныя, не превышавшія 250 руб. ассигнаціями, которыя судъ могъ рѣшать самъ, но не иначе, какъ въ полномъ присутствіи и опредѣливъ рѣшеніе журнальнымъ постановленіемъ.

Въ 1860 году, инструкціею для окружныхъ начальниковъ лѣваго крыла Кавказской линіи (Терская область), во вновь учрежденныхъ народныхъ судахъ, состоящихъ изъ депутатовъ по выбору народа, возложено предсѣдательство въ окружномъ судѣ на начальника округа, въ участковыхъ—на начальниковъ оныхъ. Обязанности, порядокъ дѣлопроизводства и предметы занятій въ судахъ подробно обозначены въ названной инструкціи.

Въ 1862 году, при преобразованіи военно-народныхъ управленій Терской области, кабардинскій окружной судъ остался въ прежнемъ видѣ и въ такомъ существуетъ до настоящаго времени.

Изъ числа судовъ, бывшихъ въ каждомъ участкѣ, съ 1867 года остался только одинъ мало-кабардинскій; прочіе-же упразднены, такъ какъ, по географическому положенію, Черекскій, Баксанскій и Горскій участки находятся въ такомъ разстояніи отъ окружнаго суда, что не встрѣчаютъ необходимости въ отдѣльныхъ мѣстныхъ судахъ.

Кромѣ окружнаго и мало-кабардинскаго судовъ, въ округѣ существуютъ съ 1868 года еще и аульные суды, которые состоятъ не менѣе какъ изъ трехъ судей, по выбору аульнаго общества. Судамъ этимъ предоставлено рѣшать всѣ споры и тяжбы между жителями одного и того-же аула, на сумму до 100 руб. включительно. По согласію тяжущихся сторонъ, въ аульныхъ судахъ могутъ быть рѣшаемы дѣла и на бо̀льшую сумму. Кромѣ дѣлъ тяжебныхъ, судамъ этимъ предоставлено право налагать взысканія за слѣдующіе маловажные проступки: за порчу воды въ рѣкахъ. канавахъ и ко̀лодцахъ, продажу испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ, неподачу помощи при наводненіи, пожарѣ и т. п. случаяхъ; за обиду словомъ въ мечети и при сборѣ народа, за ударъ рукою, ногою, палкою и т. п., безъ причиненія увѣчья; за злоумышленную запашку или потраву чужаго поля, порчу забора, обмѣръ

и обвѣсъ, необъявленіе о приблудившемся скотѣ, объ имуществѣ завѣдомо краденномъ и о находкѣ чужихъ вещей и денегъ; за умышленную растрату работникомъ хозяйскаго имущества, воровство-кражу и воровство-мошенничество, на сумму не свыше 30 руб. и когда воровство сдѣлано въ первый разъ. Аульные суды за означенные проступки приговариваютъ виновныхъ къ удовлетворенію обиженныхъ и налагаютъ на нихъ взысканія: нарядъ на общественныя работы (кромѣ князей и узденей 1-й степени) до шести дней, или денежному взысканію до 10 руб., или же аресту до 7 дней. Назначеніе рода и мѣры наказанія предоставляется самимъ судамъ. Всѣ спорныя и тяжебныя дѣла въ аульныхъ судахъ разбираются словесно и гласно и рѣшаются на основаніи существующихъ въ народѣ обычаевъ, а дѣла, касающіяся совѣсти и брачныя,—по шаріату.

Независимо разбора дѣлъ въ судахъ, у кабардинцевъ издавна существуетъ обычай отдавать свои дѣла на рѣшеніе выбираемыхъ тяжущимися сторонами посредниковъ—медіаторовъ. Въ прежнее время рѣшеніе медіаторовъ считалось, по обычаю, окончательнымъ и безапелляціоннымъ, но въ настоящее—нерѣдко случается, что какая-либо изъ сторонъ тяжущихся, недовольная этимъ рѣшеніемъ, переноситъ жалобу въ судъ. Это нарушеніе добровольнаго договора вызвало необходимость отбирать отъ тяжущихся, прежде начатія медіаторскаго разбора, подписки въ томъ, что они останутся довольны рѣшеніемъ, каково-бы оно ни было.

Представивъ возможный очеркъ постепеннаго развитія кабардинскаго суда, можно затѣмъ перейти и къ характеристикѣ тѣхъ дѣлъ, которыя составляютъ предметъ занятія суда. Желая въ настоящей статьѣ выяснить лишь значеніе этого учрежденія по отношенію къ такъ называемымъ уголовнымъ преступленіямъ, имѣющимъ мѣстный, своеобразный характеръ, обрисовать взгляды кабардинцевъ на эти преступленія и рѣшенія ихъ по обычаямъ,—я не внесу сюда тѣхъ спорныхъ, тяжебныхъ, по наслѣдствамъ и брачныхъ дѣлъ, которыя не имѣютъ никакой мѣстной особенности

и рѣшаются на основаніи общихъ мусульманскихъ законовъ. Поэтому, и въ таблицѣ дѣлъ, рѣшенныхъ судомъ съ 1858 года, приложенной въ концѣ статьи, я отдѣлилъ отъ общаго числа количество дѣлъ только по убійствамъ и нанесеніямъ, воровству и увозу дѣвицъ.

IV.

Самолюбіе и обидчивость съ одной стороны и съ другой—легкость взгляда на жизнь, не имѣющую особенной цѣны въ глазахъ кабардинцевъ, воспитанныхъ вѣками въ правилахъ боевой жизни и въ рыцарскихъ понятіяхъ о чести,—породили въ нихъ наклонность къ ссорамъ и дракамъ, изъ-за самыхъ пустячныхъ и ничтожныхъ причинъ, финаломъ которыхъ всегда является употребленіе оружія. Весьма естественно поэтому, что подобныя ссоры и драки нерѣдко оканчиваются убійствами и слишкомъ часто—болѣе или менѣе тяжкими нанесеніями. Въ отдаленное прошлое время подобныя убійства и нанесенія влекли за собою цѣлые ряды слѣдующихъ убійствъ, превращаясь въ такъ называемую кровную месть. Ужасные результаты кровной мести, жертвами которой падали цѣлые десятки людей съ враждующихъ сторонъ, вызвали кабардинскихъ правителей на учрежденіе такихъ правилъ, которыя, давъ извѣстное матеріальное вознагражденіе пострадавшей сторонѣ, прекращали-бы месть.

Не вдаваясь въ объясненіе значенія кровной мести кабардинцами, общей равно всѣмъ туземцамъ Кавказа и весьма полно разъясненной г. Комаровымъ, въ статьѣ: „Адаты и судопроизводство по нимъ“, помѣщенной въ I выпускѣ „Сборника“,—я коснусь лишь тѣхъ мѣстныхъ особенностей, которыя создались помощью взгляда на дѣло мести, сословнымъ положеніемъ и экономическимъ бытомъ кабардинцевъ.

Кровной мести, т. е. узаконеннаго обычаемъ права мстить убійствомъ за убійство или нанесеніе, какъ я упомянулъ выше, между кабардинцами давно уже не существуетъ; но за убій-

ства и пораненія, до конца 1865 года, налагалась на виновнаго установленная обычаемъ плата, прекращавшая месть и мирившая враговъ—кровниковъ.

По словамъ знакомыхъ съ старипою кабардинцевъ, кровная месть между ними не имѣла тѣхъ строго и положительно опредѣленныхъ границъ, правилъ и подраздѣленій, какія встрѣчаются въ обычаяхъ другихъ жителей Кавказа, напримѣръ, въ Дагестанской области. Главнымъ мотивомъ мести служило кабардинцу личное чувство. Никакія смягчающія и законныя обстоятельства въ его глазахъ не имѣли цѣны, хотя онъ и обязанъ былъ подчиняться въ .. въ отношеніи нѣкоте ъ условіямъ. Такъ, по существовавшему обычаю, никакой мститель, встрѣтясь съ противникомъ, не имѣлъ права убить его, если послѣдній, при обнаружившемся покушеніи перваго, успѣвалъ закричать слово: „шаріатъ" (*). Никто не имѣлъ права мстить за убійство застигнутаго мужемъ на прелюбодѣяніи съ его женою, а также и убитаго на воровствѣ, если воръ, будучи останавливаемъ, продолжалъ намѣреніе скрыться. Но все это исполнялось чрезвычайно рѣдко: необузданная своевольная натура кабардинца не терпѣла стѣсненій и дико разрывала ихъ.— Коварство и обманъ даже не считались предосудительными для достиженія цѣли. Слѣдующій разсказъ изъ прошлаго, сохранившійся въ народной памяти, рельефно характеризуетъ понятія въ этомъ случаѣ кабардинцевъ.—Два князя, Шужій и Хатакшуко, питали другъ къ другу ненависть, первый—за убійство, по приказанію Хатакшуко, его племянниковъ, а другой—за коварное убійство Шужіемъ любимца Хатакшуко—борца Созирахо. Хатакшуко, вознамѣрившись отомстить Шужію за убійство Созирахо такимъ-же коварнымъ

(*) Сказать это слово при встрѣчѣ съ кровникомъ—значило объявить согласіе разобраться по шаріату. Если и послѣ этого со стороны мстящаго слѣдовало убійство,—онъ лишался слѣдуемой ему прежде по обычаю кровной платы и кромѣ того несъ еще нравственное наказаніе, считаясь въ народѣ отступникомъ отъ вѣры и нарушителемъ закона Божіяго. Если-же при этомъ бывалъ убитъ нападавшій, то убійца не считался отвѣтственнымъ за это убійство, какъ служившее лишь защитою собственной жизни.

убійствомъ, прибѣгнулъ къ хитрости. Прежде всего Хатакшуко поѣхалъ къ Шужію въ домъ, оказавъ такимъ образомъ согласіе примириться, и увѣрилъ его въ искренности чувствъ и братской любви. Простодушный старикъ Шужій повѣрилъ коварнымъ рѣчамъ Хатакшуко и предложилъ ему вмѣстѣ съѣздить къ *Татартупу* (*), гдѣ, по древнему обычаю, въ знакъ братскаго союза и вѣрности дружбы, принести клятву и сломать стрѣлы—удостовѣреніе клятвы. Согласившись на это, назначили день отъѣзда; но хитрый Хатакшуко, тайнымъ образомъ, поѣхалъ туда ранѣе и, помолившись передъ Татартупомъ, произнесъ клятву непремѣнно убить Шужія; затѣмъ возвратился и въ назначенный день снова поѣхалъ къ Татартупу вмѣстѣ съ Шужіемъ. Произнеся здѣсь условленную клятву и переломивъ свои стрѣлы, Хатакшуко и Шужій возвращались домой. Доѣхавъ до р. Чегема, Хатакшуко предложилъ остановиться отдохнуть; отославъ слугъ Шужія въ ближайшій аулъ за закускою, князья прилегли, чтобы заснуть немного. Когда Шужій дѣйствительно уснулъ, Хатакшуко всталъ и вмѣстѣ съ своимъ слугою убилъ спавшаго.

Строго придерживясь древнему правилу, по которому каждый благородный *адыге* долженъ стыдиться забывать обиды и оскорбленія и мстить за нихъ не только обидчику, но и всему роду его,—кабардинцы, безпощадно истребляя другъ друга, не были особенно, какъ я замѣтилъ выше, разборчивы и въ причинахъ, служившихъ поводомъ къ ссорамъ. Самаго незатѣйливаго и невиннаго спора, хотя-бы о курицѣ, баранѣ, достоинствѣ лошади, красотѣ дѣвушекъ и т. п., было совершено достаточно для того, чтобы освирѣпѣвшіе старцы и молодежь взялись за кинжалы и пистолеты—всегдашніе спутники каждаго. Возникали цѣлыя свалки, въ которыя, съ кольями въ рукахъ, вступали и холопы за честь и достоинство своихъ господъ. До-сихъ-поръ Кабардинцы сохранили въ памяти преданіе объ одной чудовищной свалкѣ изъ-за самой пустой при-

(**) *Татартупъ*—минаретъ, находящійся по дорогѣ между ст. Змѣйской и Николаевской, на р. Терекѣ. Кабардинцы считали его священнымъ мѣстомъ и принимали тамъ по разнымъ случаямъ обѣты и клятвы.

чины. Ш. Ногмовъ передаетъ ее слѣдующими словами: „Одинъ бѣднякъ выпросилъ у сосѣда своего на короткое время для сѣянія муки сито и, забывъ возвратить его хозяину, затерялъ его. Хозяинъ сита былъ въ претензіи, поссорился и слѣдствіемъ произошедшей по этому случаю драки было умерщвленіе до 500 душъ обоего пола. Всѣ они погребены въ одномъ мѣстѣ и могилу ихъ называютъ *кузанака*, т. е. ситовая могила; она находится между р.р. Баксаномъ и Гундаленомъ".

Самою величайшею обидою считался, да пожалуй и теперь еще считается, ударъ плетью. Не считаются побои плетью и палкою только во время игръ, бывающихъ при народныхъ празднествахъ.

Въ настоящее, послѣднее время, убійства и поранения встрѣчаются не часто, однакоже бываютъ случаи, когда кабардинцы, по старой памяти, учиняютъ битвы изъ-за пустяковъ. Такъ, въ началѣ 1869 года, былъ слѣдующій случай: на базаръ въ Нальчикѣ одинъ кабардинецъ пригналъ для продажи барановъ; спустя нѣкоторое время, туда-же явилась и другая отара; одинъ баранъ изъ послѣдней забѣжалъ въ стадо первыхъ; хозяинъ бросился ловить бѣглеца и этимъ, разумѣется, разогналъ стадо; пастухъ послѣдняго разобидѣлся и ударилъ своею дубинкою нарушившаго порядокъ; завязалась серьезная драка, такъ какъ на базарѣ оказались родственники одной и другой изъ подравшихся сторонъ. Слѣдствіемъ этой драки было пять человѣкъ раненныхъ, изъ которыхъ двое вскорѣ умерли отъ ранъ.

Приложенный въ концѣ статьи перечень дѣлъ по убійствамъ и пораненіямъ, разбиравшихся въ окружномъ судѣ съ 1858 года, наглядно подтверждаетъ, что кабардинцы весьма легко относились къ подобнымъ явленіямъ и не придавали имъ серьезнаго значенія, руководясь, съ одной стороны, мудрымъ правиломъ, что благородный адыге не долженъ забывать обидъ и оскорбленій, а съ другой—имѣя всегда возможность покончить вражду обычною платою, не особенно затруднявшею кабардинцевъ, благодаря благопріятнымъ условіямъ ихъ экономической жизни.

Приведенныя цифры убійствъ и пораненій указываютъ только на число случаевъ подобнаго рода, разбиравшихся въ окружномъ судѣ. Не меньшее—если не большее—число такихъ-же случаевъ разбиралось въ участковыхъ судахъ, и много легкихъ пораненій, не сопровождавшихся увѣчьемъ, окончилось, съ согласія подравшихся, примиреніями. Къ сожалѣнію, въ участковыхъ управленіяхъ, кромѣ мало-кабардинскаго, не оказалось настольныхъ журналовъ, въ которыхъ можно было-бы добыть необходимыя свѣдѣнія; также оказалось рѣшительно невозможнымъ собрать свѣдѣнія о легкихъ пораненіяхъ, окончившихся примиреніями.

Настольные журналы мало-кабардинскаго участка съ 1863 г. представляютъ слѣдующіе цифры разбиравшихся въ немъ дѣлъ такого рода:

	по убійствамъ:	по пораненіямъ:
въ 1863.	9.	5.
— 1864.	3.	5.
— 1865.	6.	3.
— 1866.	»	3.
— 1867.	3.	2.
— 1868.	2.	1.
— 1869.	1.	2.

Отбросивъ даже всѣ случаи, о которыхъ невозможно было собрать свѣдѣнія, оказывается, что ежегодный процентъ убійствъ и пораненій до 1869 года былъ слишкомъ великъ для 50 тысячнаго населенія Кабарды.

Для большей характеристики причинъ, вызывавшихъ ссоры, слѣдствіемъ которыхъ бывали убійства и пораненія, я приведу нѣкоторые случаи, заслуживающіе вниманіе и весьма не безынтересные.

Въ 1867 году, въ одномъ изъ ауловъ Баксанскаго участка, два человѣка поссорились за мѣсто на водопоѣ; послѣдствіемъ ссоры былъ одинъ убитый и три человѣка тяжело раненныхъ.

Въ Горскомъ участкѣ совершено убійство при спорѣ за барана.

Въ Мало-кабардинскомъ участкѣ, во время праздника, два молодыхъ человѣка шалили кинжалами; одинъ изъ нихъ нечаянно сдѣлалъ другому царапину на рукѣ; безъ ссоры и претензіи молодые люди разошлись, но братъ легко-раненнаго, услышавъ объ этомъ, отправился на мѣсто происшествія и, встрѣтивъ въ толпѣ народа отца поранившаго, — убилъ его кинжаломъ.

Тамъ-же, во время танцевъ на свадьбѣ, молодой человѣкъ хотѣлъ уступить танцовавшую съ нимъ дѣвушку пріѣзжему гостю, за что и былъ раненъ братомъ дѣвушки, принявшимъ такое желаніе за обиду.

Въ Черекскомъ участкѣ одинъ назвалъ другаго въ шутку милиціонеромъ и за это былъ раненъ.

Тамъ-же, одинъ старикъ, замѣтивъ, что 8-ми лѣтній мальчикъ, прогоняя мимо быковъ, пустилъ ихъ травить его сѣно, сталъ бранить мальчика и ударилъ его хворостинкою; послѣдній выхватилъ кинжалъ и убилъ старика.

Тамъ-же, проѣзжавшій заѣхалъ въ аулъ къ своему знакомому, но не засталъ его дома и, по знакомству, взялъ висѣвшій на стѣнѣ сакли сидѣльный арчакъ; хозяинъ дома, возвратясь и узнавъ, что проѣзжій взялъ арчакъ, догналъ его въ дорогѣ и убилъ за это.

Въ 1868 году, въ Баксанскомъ участкѣ, за то, что съ одного хутора было пущено на выгонъ другаго стадо барановъ, произошла ссора, причемъ одинъ былъ убитъ и шесть человѣкъ ранено.

Тамъ-же, при спорѣ за пахатную землю, былъ одинъ раненъ.

Въ Черекскомъ участкѣ, два молодыхъ человѣка проходили около огорода своего одноаульца; одинъ изъ проходившихъ зашелъ въ огородъ и сорвалъ нѣсколько пучковъ луку; это замѣтилъ хозяинъ огорода и, прибѣжавъ туда, ранилъ похитившаго лукъ.

Въ Мало-кабардинскомъ участкѣ, на свадьбѣ, во время танцевъ, одинъ изъ танцовавшихъ хвастался удальствомъ; другой, танцовавшій рядомъ, возразилъ, что едвали онъ въ состояніи въ этомъ соперничать съ нимъ. Заспорили. Одинъ объявилъ другому, что если онъ захочетъ, то отниметъ танцующую съ нимъ дѣвушку, а послѣдній сказалъ, что онъ въ состояніи отнять не только дѣвуш-

ку, но и жену его. Первый оскорбился, выхватилъ пистолетъ и наповалъ убилъ своего противника.

Весьма часто серьезныя драки происходили за пастбищныя, сѣнокосныя и пахатныя поля, также и при преслѣдованіи увозившихъ дѣвушекъ.

Ужасный примѣръ послѣдняго рода былъ въ 1868 году: одинъ молодой человѣкъ, желая взять въ замужство нравившуюся ему дѣвушку и по различнымъ обстоятельствамъ не имѣя возможности сдѣлать это законнымъ путемъ, пригласилъ трехъ товарищей помочь ему увезти дѣвушку; въ назначенный день, ночью, молодежь пріѣхала къ саклѣ дѣвушки и, выломавъ дверь, ворвалась въ нее, пользуясь отсутствіемъ изъ дома мужчинъ. Находившіяся въ саклѣ вмѣстѣ съ дѣвушкою женщины, увидѣвъ намѣреніе ворвавшихся, стали защищать предметъ ихъ покушенія; молодежь, отбивая дѣвушку, не скупилась на удары защитницамъ. При борьбѣ этой присутствовала въ саклѣ 12-ти лѣтняя дѣвочка—сестра похищаемой; замѣтивъ, что молодежь уже одолѣваетъ и сильно избила нѣкоторыхъ женщинъ,—дѣвочка схватила ножницы, которыми стригутъ барановъ, и бросилась къ похитителямъ защищать отбивавшуюся отъ нихъ сестру. Кровавыя послѣдствія быстраго нападенія заставили молодежь отступить передъ храброю дѣвочкою, оставивъ самаго жениха убитымъ на мѣстѣ и захвативъ съ собою одного тяжело-раненнаго товарища. Нелишнимъ считаю при этомъ сказать, что дѣвочка, по обычаю, признана невиновною и, по ходатайству окружнаго суда, оставлена безъ отвѣтственности.

Интересенъ по своему комизму также случай мести за прелюбодѣяніе. Супругѣ нѣкоего достопочтеннаго кабардинца, однажды ночью, дѣлалось нѣсколько разъ дурно,—какъ она сама заявляла мужу,—вслѣдствіе чего каждый разъ и выходила изъ сакли. Припадокъ дурноты послѣдовалъ и передъ разсвѣтомъ; супруга, какъ и раньше, вышла опять изъ сакли; мужъ въ это время не спалъ. Прошло довольно времени, а супруга не возвращалась; поэтому мужъ, обезпокоенный тѣмъ, что, можетъ быть, съ нею сдѣлался обморокъ, набросилъ бешметъ и направился къ дверямъ сакли; но едва успѣлъ онъ отворить ихъ, какъ, къ ужасу своему, замѣ-

тилъ, что жена, въ передней комнаткѣ сакли, нѣжно покоится въ объятіяхъ любовника. Взбѣшенный и нагло-обманутый мужъ, не имѣвшій при себѣ оружія, чтобы наказать виновныхъ, и боясь упустить любовника, бросился къ послѣднему и, въ порывѣ справедливаго негодованія, откусилъ ему ухо.

Вообще, смотря несерьезно на убійства и пораненія, кабардинцы однако-же считаютъ недостойнымъ дѣломъ подобную расправу съ женщинами и дѣтьми. Пренебрегшій этимъ правиломъ клалъ на всю свою жизнь клеймо позора, даже и въ томъ случаѣ, если жертвами бывали женщины и дѣти, не принадлежавшія къ числу кабардинскаго народа. Поэтому понятно, что въ Кабардѣ убійство или пораненіе женщинъ и дѣтей бываетъ феноменально-рѣдкимъ явленіемъ. Исключая возмутительнаго убійства цѣлаго семейства на р. Малкѣ, въ 1869 году, съ цѣлью грабежа, о которомъ я упомяну ниже и о наказаніи виновниковъ котораго смертію просили всѣ представители народа,—случай убійства женщины въ Кабардинскомъ округѣ былъ въ 1866 году; но и тутъ причиною было не чувство негодованія или какой-нибудь расчетъ, а чувство любви. Убійство *по любви* было вызвано слѣдующими обстоятельствами: небогатый человѣкъ, вольноотпущенникъ, состоялъ нѣсколько лѣтъ въ любовной связи съ унауткою одного господина, расчитывая современемъ, накопивъ деньженокъ, выкупить ее у владѣльца и жениться. Усиленнымъ трудомъ онъ добился наконецъ возможности осуществить давно-задуманное желаніе и, полный надеждъ, явился къ владѣльцу унаутки съ предложеніемъ за нее выкупа; владѣльцу однако-же почему-то не заблагоразсудилось принять это предложеніе и онъ прогналъ бѣдняка, а чтобы лишить его возможности продолжать связь и надѣяться современемъ все-таки выкупить унаутку,—рѣшилъ продать послѣднюю куда-нибудь подальше. Любовникъ, узнавъ объ этомъ намѣреніи, повторилъ свою просьбу, умоляя не губить его счастья, но владѣлецъ твердо стоялъ на своемъ. Тогда, увидя свои надежды погибшими и не имѣя возможности чѣмъ-либо поправить дѣло, бѣднякъ рѣшился на отчаянное средство; онъ вызвалъ любовницу потихоньку со двора

владѣльца и убилъ ее, чтобы, какъ потомъ выразился, она уже болѣе никому не принадлежала.

Жаль только, что кабардинцы, считая позоромъ убійство женщины, пришли къ этому заключенію не изъ уваженія къ ней, а напротивъ—вслѣдствіе сознанія ея ничтожества и рабскаго положенія въ семьѣ.

Кромѣ случаевъ убійства, при встрѣчѣ съ кровникомъ и въ минуту ссоры и оскорбленія, бываютъ нерѣдко и тайныя убійства въ Кабардѣ. Въ большинствѣ подобныхъ случаевъ виновные остаются не открытыми, а потому и причины этихъ убійствъ остаются тайною; нужно полагать, впрочемъ, что и здѣсь преимущественно играетъ роль месть, такъ какъ эти убійства почти никогда не сопровождаются грабежомъ.

Послѣ всѣхъ случаевъ, слѣдствіемъ которыхъ бываютъ убійства или пораненія, убійца или ранившій обязанъ, по обычаю, до разбора дѣла, при встрѣчѣ съ родственниками убитаго или раненнаго, а также и съ самимъ раненнымъ, сворачивать въ сторону, во избѣжаніе новой схватки. Это разумное установленіе, къ сожалѣнію однако-же, рѣдко исполняется, при всемъ желаніи къ тому самого кровника; встрѣтившіеся противники, замѣтивъ намѣреніе кровника исполнить обычай и уступить имъ дорогу, по обыкновенію начинаютъ его ругать и требовать, если онъ не трусъ и не женщина, чтобы ѣхалъ прямо. Ни одинъ кабардинецъ изъ самолюбія не захочетъ показать, что онъ въ самомъ дѣлѣ трусъ, и потому такія встрѣчи всегда бываютъ кровавыми.

При разборѣ дѣлъ по убійствамъ и пораненіямъ существовали у кабардинцевъ слѣдующіе обычаи:

Каждый свободнаго сословія кабардинецъ за убійство такового-же обязанъ заплатить за кровь 1500 руб. серебромъ.

За убійство князя княземъ никакой кровной платы не существовало; убійца обязанъ былъ примириться съ семействомъ убитаго и для этого взять изъ него къ себѣ въ домъ малолѣтняго, ближайшаго родственника убитаго, воспитать его, одѣть, дать полное оружіе и двѣ лошади съ надлежащею сбруею. За убійство князя человѣкомъ некняжескаго сословія также не существовало ни-

какой платы, такъ какъ подобнаго примѣра никогда не бывало въ Кабардѣ; поэтому, когда однажды въ Карачаѣ случилось убійство двухъ кабардинскихъ князей, Атажукиныхъ, и по справкамъ ни у одного изъ народовъ черкесскаго племени не оказалось, чтобы бывали когда-нибудь подобные примѣры,—само начальство опредѣлило удовлетворить за кровь князей вдвое, чѣмъ слѣдовало-бы за свободныхъ вообще людей, т. е. по 3000 руб. за каждаго.

Если человѣкъ свободнаго сословія убивалъ холопа, то за кровь убитаго платилъ стоимость сего послѣдняго. Точно также, если холопъ убивалъ свободнаго человѣка, то платилъ не 1500 руб., а столько, сколько лишь самъ по оцѣнкѣ стоилъ.

Когда кто-либо дѣлалъ нападеніе вооруженною рукою, безъ всякаго къ тому законнаго повода, и при этомъ былъ убитъ тѣмъ, на кого сдѣлано нападеніе,—то таковой убійца не подвергался отвѣтственности, если дѣйствительно доказывалъ, что убитый не имѣлъ права нападать на него; но существовалъ обычай примиренія: если убитъ уздень—убійца долженъ былъ сварить изъ двухъ или трехъ пудовъ меду *бузу* (напитокъ), приготовить нѣсколько блюдъ кушанья, угостить этимъ родственниковъ убитаго и дать имъ лошадь, стоимостью отъ 30 до 50 руб.; если-же убитъ холопъ—варилась простая буза и семейству убитаго дарили кусокъ бѣлой бязи (*).

Если кто входилъ въ чужой домъ съ предосудительною цѣлью и былъ убитъ хозяиномъ дома или его родственникомъ,—то убійца не подвергался отвѣтственности: точно также не подвергался отвѣтственности и тотъ, кто при погонѣ убивалъ успѣвшаго выбѣжать изъ дому человѣка, послѣ приведеннаго имъ въ исполненіе задуманнаго преступнаго намѣренія, для котораго онъ приходилъ туда. Если-же преступникъ успѣвалъ скрыться на нѣсколько дней и обиженный въ это время не жаловался, а напротивъ, искалъ возможности и случая убить виновнаго и такимъ образомъ убилъ его,—то убійца подвергался отвѣтственности, какъ за самоуправство, т. е. вносилъ обычную плату за кровь.

(*) Количество бузы, число блюдъ и стоимость примирительнаго подарка опредѣлялись точно разбиравшими дѣло.

За убійство уздеия холопомъ, убійца поступалъ въ рабство къ семейству убитаго или платилъ за кровь по стоимости самого себя. За намѣреніе холопа убить уздеия или за обиду словами, холопъ, если онъ былъ обрядной, обращался въ безобряднаго и владѣлецъ имѣлъ право продавать членовъ его семьи въ разныя руки.

Неосторожное убійство не преслѣдовалось, но виновный все-таки обязанъ былъ вносить половину кровной платы.

Плата за кровь вносилась частью деньгами и частью различнымъ имуществомъ.

Народный судъ и вообще лица, коимъ случалось разбирать такія дѣла, руководствуясь при рѣшеніи ихъ вышеприведенными обычаями, имѣли право, при назначеніи размѣра платы за убійство, соображаться и съ обстоятельствами, сопровождавшими его.

Раны и увѣчья дѣлились на четыре разряда:

Къ первому разряду принадлежали раны, слѣдствіе которыхъ было лишеніе двухъ членовъ или если члены оставались безъ дѣйствія, а также поврежденіе черепа, вслѣдствіе чего произошло сотрясеніе мозга. За подобныя увѣчья виновный платилъ: уздею первой степени—750 руб., уздею второй степени—500 руб. и вообще свободному человѣку—300 руб.

Ко второму—принадлежали раны, отъ которыхъ раненный лишался одного какого-либо члена или владѣнія имъ; въ такихъ случаяхъ виновный платилъ половину платы перваго разряда, сообразно съ происхожденіемъ раненнаго.

Къ третьему—относились раны, не принадлежавшія къ первымъ двумъ разрядамъ, но оставившія незначительныя послѣдствія и причинившія однако-же органическій вредъ раненному; такія раны изслѣдывались разбиравшими дѣло и, смотря по степени вліянія ихъ на здоровье раненнаго, опредѣлялась плата, въ размѣрѣ не болѣе $^1/_3$ части полной платы перваго разряда.

Къ четвертому—принадлежали раны, не оставившія никакого вреднаго послѣдствія для здоровья раненнаго; за такія раны виновный подвергался только обязательству сдѣлать примирительное угощеніе.

Кромѣ этого удовлетворенія, назначалась еще и примирительная плата за всѣ раны 4-хъ разрядовъ, сообразно происхожденію раненнаго. За рану узденю первой степени виновный обязанъ былъ дать ему: хорошую лошадь, панцырь, шишакъ, налокотники, лукъ, саблю и сварить бузу изъ семи пудовъ меду. Узденю второй степени: хорошую лошадь, саблю и сварить бузу изъ трехъ пудовъ меду. Вольноотпущенникамъ: лошадь или быка, корову, кусокъ бязи,—смотря потому, съ какого времени они свободны,—и бузу изъ одного пуда меду.

Независимо отъ всей вышепрописанной платы, расходы на леченіе ранъ, плата лекарю и пища находившимся при раненномъ во время болѣзни его, возлагались также на виновнаго (*).

За покушеніе князя—какъ-бы ничтожна ни была рана—виновный не могъ оставаться въ народѣ. Если-же князь былъ раненъ ночью на воровствѣ или при совершеніи прелюбодѣянія,—то за это виновный не отвѣтствовалъ.

Если вольноотпущенникъ наносилъ рану своему бывшему владѣльцу, платы за это не существовало, но вольноотпущенникъ обязанъ былъ пасть въ ноги раненному и просить прощенія.

Назначенная плата за убійство или покушеніе вносилась сообща всѣми родственниками убійцы или виновнаго въ покушеніи; точно также, наоборотъ, вся полученная плата дѣлилась между родственниками убитаго или раненнаго.

Въ прежнее время, т. е. до учрежденія временнаго суда, существовалъ въ Кабардѣ и былъ въ ходу обычай, по которому убійца, почему-либо не соглашавшійся заплатить опредѣленную кровную плату, преслѣдовался обществомъ, и пойманный при содѣйствіи его отдавался въ полное распоряженіе семьи убитаго связаннымъ. Въ подобныхъ случаяхъ отецъ, братъ, жена или другіе родственники убитаго имѣли право лишить убійцу жизни на могилѣ убитаго имъ; при мягкосердечіи мстителей, убійца могъ получить и тутъ прощеніе, но ни въ какомъ случаѣ отъ кровной платы не

(*) Во время болѣзни раненнаго, къ нему обыкновенно собираются изъ аула родственники, знакомые и дѣвушки; послѣднія, для развлеченія больнаго, поютъ и пляшутъ.

избавлялся. Случай подобнаго рода мести, какъ разсказываютъ помнящіе его кабардинцы, былъ въ 1844 или 1845 году. Убійца, по распоряженію начальства, былъ пойманъ и посаженъ на гауптвахту, но, по просьбѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей, ему предоставлена была возможность бѣжать изъ-подъ ареста; когда убійца воспользовался этою возможностью, его схватили заранѣе подкарауливавшіе родственники убитаго, отвели на могилу послѣдняго и тамъ убили.

Кровомщеніе прекращалось и враждовавшіе мирились еще и въ томъ случаѣ, если сторона, за которою оставалась кровь, успѣвала украсть изъ семьи кровниковъ мальчика; по воспитаніи и достиженіи юношескаго возраста, онъ возвращался въ свою семью, надѣленный воспитателями разными подарками и въ томъ числѣ лошадью и оружіемъ. Такіе воспитанники назывались по-кабардински *тлечежипканъ*, т. е. воспитанный за кровь, а по-горски—*канъ-эмчекъ*.

Существовалъ также обычай, по которому убійца получалъ прощеніе, если успѣвалъ какимъ-нибудь тайнымъ образомъ пробраться къ матери убитаго и пососать у нея грудь или даже только прикоснуться къ груди губами.

Въ концѣ 1865 года, во вниманіе къ тому, что, при разборѣ и рѣшеніи кровныхъ дѣлъ въ народномъ судѣ, степень наказанія не всегда удовлетворяетъ обиженную сторону, весьма часто влечетъ за собою совершенное разореніе семейства отвѣтчика, а иногда судъ, придерживаясь обычая, принужденъ постановлять рѣшенія, не соотвѣтственныя современному положенію даже туземнаго общества,—предложено подобнаго рода дѣла передавать въ окружной судъ только для разъясненія обстоятельствъ дѣла и опредѣленія степени виновности лицъ, совершившихъ преступленіе, а затѣмъ дѣла эти, съ мнѣніемъ о мѣрѣ наказанія, представлять для рѣшенія административнымъ порядкомъ.

Кажется, не впадая въ ошибку, можно сказать, что вышеприведенная мѣра начинаетъ въ настоящее время оказывать благодѣтельное вліяніе на кабардинцевъ: только три случая убійства и три—покушеній, разслѣдывавшихся въ окружномъ и мало-кабар-

дискомъ участковомъ судахъ въ прошломъ 1869 году, могутъ служить хорошимъ ручательствомъ къ тому. Если изъ приведенныхъ въ настоящей статьѣ цифръ и усматривается, что большее число убійствъ и покушеній было въ 1867 и 1868 годахъ, т. е. послѣ введенія означеннаго порядка, то это весьма легко объясняется тѣмъ, что только въ 1868 году этотъ порядокъ получилъ фактическое примѣненіе,—значитъ, только съ этого времени кабардинцы могли увидѣть нешуточность послѣдствій своихъ ссоръ и дракъ, сопровождающихся убійствами и серьезными покушеніями.

Въ 1868 и 1869 годахъ сослано кабардинцевъ за убійство между собою въ арестантскія роты, на сроки до 5 лѣтъ, шесть человѣкъ и въ Сибирь на поселеніе—два человѣка, изъ которыхъ одна женщина. За покушенія, кромѣ платы, виновные подвергались аресту, сообразно съ обстоятельствами дѣла и степенью значительности ранъ, въ Нальчикѣ или въ Георгіевскѣ, на сроки отъ 3-хъ мѣсяцевъ до одного года.

Вышеприведенныя наказанія за убійства, взамѣнъ ссылки въ каторжную работу, налагаются, съ разрѣшенія каждый разъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, только въ видѣ уступки неразвитости горцевъ и особенности понятій ихъ о важности подобныхъ преступленій.

Съ потерею возможности оканчивать кровныя дѣла путемъ матеріальнаго вознагражденія пострадавшей сторонѣ, кабардинцы на самомъ дѣлѣ начинаютъ серьезно относиться ко всѣмъ случаямъ, вызывавшимъ въ недавнее время убійства и покушенія. Прежнія вспыльчивость и готовность изъ-за самой пустой причины пустить въ дѣло кинжалъ начинаютъ замѣняться сдержанностью и разсудительностью. Примѣръ подобнаго явленія былъ недавно и, нужно сказать, при такихъ обстоятельствахъ, гдѣ дѣйствительно требовалось много самообладанія и разумнаго пониманія. Въ концѣ прошлаго года, при сборѣ подати, одинъ кабардинецъ, заспоривъ съ своимъ аульнымъ старшиною—*княземъ*, ударилъ послѣдняго палкою; присутствовавшіе при этомъ судьи и другіе люди накинулись на обидчика, на помощь къ которому не замедлили явиться родственники; произошла серьезная драка, ограничившаяся лишь выби-

тыми зубами, разбитыми носами и т. п. Что князь, получивъ такое тяжкое оскорбленіе, не убилъ обидчика—это явленіе въ высшей степени отрадное! Дай Богъ, чтобы примѣръ этотъ послужилъ въ назиданіе остальнымъ кабардинцамъ. За подобную обиду князю, по существовавшему обычаю, слѣдовало вырѣзать всю семью обидчика.

V.

Самымъ предосудительнымъ преступленіемъ, въ полномъ значеніи этого слова, и по понятіямъ кабардинцевъ, считается поджогъ. Убійство, воровство и всякое другое насиліе всегда хотя въ комъ-нибудь могутъ найти себѣ защитниковъ; для оправданія въ такихъ дѣлахъ всегда явятся на подмогу разныя смягчающія обстоятельства, мотивируемыя условными и обычными взглядами на совершившійся фактъ. Ничего подобнаго въ защиту уличенному поджигателю не является. Обвиненный, кромѣ обязанности уплатить потерпѣвшему отъ пожара двойную стоимость сгорѣвшаго, лишается въ обществѣ всякаго значенія, права голоса на общественныхъ сходкахъ, не принимается въ свидѣтели, словомъ—становится паріей общества, внушаетъ къ себѣ полное презрѣніе. Особенно строго и неумолимо относятся къ этому преступленію жители горскихъ обществъ округа. Уличеннымъ въ поджогѣ остается одно: бѣжать изъ общества и тѣмъ избавиться отъ вѣчнаго позора.

Строгость такого нравственнаго наказанія, между прочимъ весьма удивительная въ кабардинцахъ, при своеобразныхъ понятіяхъ и взглядахъ ихъ вообще на преступленія, даетъ какъ нельзя болѣе благопріятные результаты: настольные журналы окружнаго суда, разсмотрѣнные мною за 12 лѣтъ (съ 1858 года), не заключаютъ въ себѣ ни одного случая умышленнаго поджога. Такой взглядъ на поджогъ, какъ на преступленіе, не составляетъ исключительнаго понятія лишь по отношенію къ достоянію своего ближняго — одноплеменника. Такимъ-же преступленіемъ считается поджечь что-либо и у своихъ враговъ, и особенно сжечь

хлѣбъ. Даже въ прежнія времена непріязненныхъ отношеній къ русскимъ, какъ увѣряютъ кабардинцы, они не прибѣгали къ огню, какъ къ средству выразить свою непріязнь, считая это дѣло позорнымъ для себя. Дѣла кабардинцевъ за прежнее время, имѣющіяся въ окружномъ управленіи, представляя длинный рядъ грабежей и разбоевъ съ убійствами, воровства, увода въ плѣнъ и т. п. случаевъ,—дѣлъ о поджогахъ не заключаютъ въ себѣ.

Эти данныя даютъ право сказать, что кабардинцы были далеки отъ того общаго и присущаго цивилизованнымъ народамъ понятія о справедливости употребленія вмѣстѣ съ „мечомъ“ и „огня“, въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ выгоды воюющихъ сторонъ.

Придерживаясь вышеприведеннаго взгляда на поджогъ, кабардинцы къ этому средству не прибѣгали, хотя-бы изъ мести, и тогда, какъ ихъ собственныя жилища и достояніе пылали въ огнѣ, при наступленіи нашихъ войскъ для наказанія за неповиновеніе, не смотря на то, что къ тому они имѣли всегда возможность, живя по сосѣдству съ станицами и поселеніями нашими,—по крайней мѣрѣ нигдѣ нѣтъ указанія на подобные случаи. Напротивъ, кабардинцы всегда являются лучшими и энергическими дѣятелями противъ всепожирающаго пламени. Такой недавній примѣръ въ постигнутой несчастьемъ станицѣ Солдатской, занявшейся страшнымъ пожаромъ лѣтомъ 1868 года, показалъ, что только благодаря помощи сосѣднихъ кабардинцевъ и ихъ энергическимъ, даже геройскимъ усиліямъ, были спасены жалкіе остатки станицы.

Нельзя не отдать должной справедливости этой благородной, нравственной чертѣ кабардинцевъ, доказывающей, что они на самомъ дѣлѣ далеко не такіе дикіе и черствые сердцемъ, какими ихъ обыкновенно привыкли считать.

Въ случаяхъ, когда падаетъ на кого-либо подозрѣніе въ поджогѣ, подозрѣваемый долженъ оправдаться: или свидѣтельствомъ въ невинности его двухъ назначаемыхъ ему присяжныхъ, или личною очистительною присягою. Въ горскихъ обществахъ требуется для оправданія 12 присяжныхъ изъ ближайшихъ родственниковъ подозрѣваемаго.

VI.

Выше мы видѣли, что въ числѣ причинъ, вызывающихъ убійства и пораненія, бываютъ и похищенія дѣвицъ.

Каждый семьянинъ, у котораго крадутъ дѣвушку, считаетъ себя крайне оскорбленнымъ, даже и въ такомъ случаѣ, если сватавшій ее человѣкъ былъ окончательно сговоренъ съ дѣвушкою и, во избѣжаніе только предстоявшей свадебной церемоніальности, позволилъ себѣ подобную выходку. Нисколько не разбирая, какимъ побужденіемъ руководствовался похититель, оскорбленный не медлитъ преслѣдованіемъ. Погоня и встрѣча въ степи—значитъ вѣрная рѣзня, и потому-то молодежь при подобныхъ случаяхъ старается поскорѣе припрятать похищенную дѣвушку въ домъ къ своимъ родственникамъ или къ кому-нибудь изъ почетныхъ людей; случается, что украденную прямо ташатъ въ лѣсъ, гдѣ съ нею и остается женихъ нѣсколько дней, пока не угомонится и не пройдетъ первый пылъ негодованія родныхъ дѣвушки. Къ этому послѣднему средству укрывательства прибѣгаетъ больше простой народъ.

Обыкновенно, послѣ успѣшнаго исхода похищенія, т. е. когда преслѣдуемые и преслѣдователи не столкнутся, родственники похитителя, вмѣстѣ съ почетными людьми, вступаютъ въ переговоры съ родными дѣвушки и въ концѣ концовъ улаживаютъ дѣло такъ, что похититель платитъ калымъ и оставляетъ у себя похищенную женою. Но случается и наоборотъ, если отецъ или братъ украденной заупрямится и ни-за-что не соглашается оставить ее женою укравшаго. Никакіе резоны и просьбы, расточаемые людьми, принявшими на себя роль ходатаевъ, ни стыдъ возвращенія въ домъ, быть можетъ, обезчещенной уже дѣвушки, не помогаютъ дѣлу. Упрямые требуютъ непремѣннаго возвращенія ея и похитившій волею-неволею долженъ возвратить дѣвушку, хотя-бы она даже и изъявила согласіе остаться женою его. Обычай не позволяетъ быть женою, безъ согласія на то ближайшихъ родственниковъ.

Увозъ дѣвушекъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣлается съ обоюднаго согласія и по заранѣе составленному плану. Женихъ—по-

хититель—съ товарищами пріѣзжаетъ въ условленный время и мѣсто, и для большаго успѣха—всегда ночью; невѣста также, или потихоньку, или подъ какимъ-нибудь предлогомъ, выходитъ изъ дому къ назначенному мѣсту, садится тамъ къ жениху на лошадь—и слѣдъ простылъ. Домашніе замѣчаютъ отсутствіе дѣвушки, понявъ причину его, или слишкомъ поздно ночью, или поутру на другой день, когда преслѣдованіе становится уже безполезнымъ. Похищенія, также по согласію, дѣлаются иногда и во время праздниковъ, когда дѣвушки собираются куда-нибудь вечеромъ потанцовать. На этотъ разъ дѣятельными помощницами дѣвушкѣ, желающей учинить побѣгъ, являются подруги—большія охотницы до всѣхъ такихъ случаевъ. Составивъ небольшую группу, онѣ гуляютъ по двору во время антрактовъ между танцами и затѣмъ, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія, заходятъ въ саклю на женскую половину; отсюда, заднимъ ходомъ изъ сакли, отправляются въ огородъ или садъ, гдѣ за плетнемъ ожидаютъ ихъ три-четыре человѣка лихихъ молодцовъ: дѣвушки-пособницы подаютъ имъ желанную и сами возвращаются назадъ къ танцующимъ, какъ ни въ чемъ не бывали. Во время танцевъ, разумѣется, никому и въ голову не придетъ повѣрять дѣвушекъ, тѣмъ болѣе, что при подобныхъ случаяхъ ихъ собирается всегда много; а если кто-нибудь и замѣтитъ случайно отсутствіе бѣжавшей, то легко можетъ предположить, что она вошла на женскую половину и тамъ сидитъ. Обнаруживается похищеніе обыкновенно тогда, какъ начинаютъ расходиться по домамъ. Братъ или другой родственникъ, пришедшій съ дѣвушкою на праздникъ, не находя ея, поднимаетъ тревогу. Всѣ приходятъ въ неописанное изумленіе и удивляются болѣе всѣхъ тѣ, которые сами помогали бѣжавшей.

Бываютъ и еще интереснѣе случаи, когда похищаютъ уже засватанныхъ невѣстъ, не желающихъ выйти замужъ за тѣхъ, кто сватался. Само собою разумѣется, что тутъ уже непремѣнно должно быть согласіе дѣвушки; но и при этомъ такія похищенія весьма рискованы. Похищенія подобнаго рода иногда случаются и въ то время, когда обыкновенно передъ тѣмъ, какъ везти дѣвушку къ ея жениху, собираются къ ней подруги, приходятъ

молодежь и начинаются танцы. До этого еще, засватанная дѣвушка, чрезъ какого-нибудь довѣреннаго человѣка, передастъ тому, за кого желала-бы выйти замужъ, чтобы онъ, если не трусъ и не женщина, пріѣхалъ, когда будетъ прощальный праздникъ, и взялъ ее; случается, что это передается чрезъ подругу и во время самыхъ даже танцевъ. Ревностныхъ охотниковъ помогать побѣгу — и со стороны мужчинъ, и со стороны женщинъ — бываетъ всегда болѣе, чѣмъ сколько необходимо. И вотъ, въ то время, когда собравшіеся веселятся во всю ночь, невѣста, не принимающая, по обычаю, въ этомъ участія и остающаяся съ избранными подругами внутри сакли, улучивъ удобную минуту, потихоньку ускользаетъ изъ нея съ вѣрными наперсницами, которыми услужливо и вручается похитителю. Рано или поздно, побѣгъ, конечно, обнаруживается и скандалъ выходитъ весьма серьезный. Такое наглое похищеніе сильно затрогиваетъ честь и семьи невѣсты, и самого проворонившаго ее жениха, особенно если послѣдній оказывается, къ увеличенію бѣды, солиднымъ и занимающимъ видное мѣсто въ обществѣ. Печальныя послѣдствія такого оскорбленія не обнаруживаются немедленно, благодаря лишь тому, что въ первое время имя похитителя остается тайною. Потомъ, для устраненія кровавыхъ послѣдствій обиды, маститые старцы и другіе почетные люди принимаются энергически улаживать дѣло и, благодаря ихъ благоразумному вліянію, экженихъ успокоивается, получивъ калымъ и мысленно выбранивъ дрянную дѣвчонку; дѣвушка остается женою похитителя, а семья ея, получивъ калымъ отъ другаго, до отвалу наѣдается и напивается на примирительномъ угощеніи, вмѣстѣ съ устроившими побѣгъ и благополучно окончившими исходъ его.

Страсть къ похищеніямъ дѣвушекъ между кабардинцами до такой степени развита, что они не ограничиваются похищеніями, когда это дѣйствительно вызывается необходимостью, но прибѣгаютъ къ этому способу, будучи уже засватанными и за нѣсколько дней до свадьбы, живя въ одномъ аулѣ, а иной разъ такъ и по сосѣдству. Воровство для кабардинца — это прелесть, ему одному только понятная. Всякій ошибется, если предположитъ, что все это дѣлается ради какихъ-нибудь экономическихъ выгодъ. Далеко нѣтъ. —

Тотъ-же калымъ обязанъ внести похититель, да еще къ этому долженъ присоединить подарокъ за безчестье, въ видѣ хорошей лошади, оружія и т. п., и, наконецъ, устроить примирительную пирушку, сваривъ для этого изъ нѣсколькихъ пудовъ меду бузу и приготовивъ большое количество блюдъ съ яствами (*). а если при этомъ дѣло доходитъ еще до начальства, то съ виновнаго взыскивается штрафъ до 100 руб. сер. и онъ самъ подвергается аресту на гауптвахтѣ до 3-хъ мѣсяцевъ.

Кабардинцы не ограничиваются только похищеніемъ дѣвушекъ, съ согласія этихъ послѣднихъ. Нерѣдко, провѣдавъ, что въ домѣ, гдѣ живетъ нравящаяся дѣвушка, нѣтъ мужчинъ, желающій овладѣть ею насильно врывается на женскую половину, что уже само по себѣ считается оскорбленіемъ, и съ неменьшимъ насиліемъ беретъ дѣвушку. Часто также похищаютъ насильно, заставъ дѣвушку одну на рѣкѣ, огородѣ или въ степи. Подобныя похищенія рѣдко оканчиваются благополучно, такъ какъ дѣвушка, не желающая быть похищенною, всегда крикомъ даетъ знать объ этомъ. Всякій посторонній, охотно готовый помогать похищенію по обоюдному согласію, считаетъ обязанностью явиться на помощь къ насильно увлекаемой дѣвушкѣ. Благо похитителю, если на крикъ поспѣютъ только посторонніе, а не родственники дѣвушки: въ такомъ случаѣ дѣло обойдется лишь одними побоями. Страшныя послѣдствія покушенія на увозъ дѣвушки мы видѣли изъ вышеприведеннаго случая убійства 12-ти лѣтнею дѣвушкою одного и пораненія другаго изъ числа ворвавшихся въ домъ похитителей.

Всѣ вышеприведенныя мирныя соглашенія возможны только въ тѣхъ случаяхъ, когда и похититель и похищенная принадлежатъ къ одному и тому-же сословію или если похититель высшаго происхожденія. Никогда подобное соглашеніе не можетъ состояться, если похищенная дѣвушка изъ высшаго класса, но за то и самые

(*) При разборѣ дѣлъ по увозу дѣвушекъ въ аулѣ или судѣ, какъ и за другіе оскорбляющіе честь проступки, назначается примирительное угощеніе и точно опредѣляется количество меду для бузы и самое число блюдъ, которое, смотря по степени важности примиренія, доходитъ счетомъ отъ 10 до 30-ти.

случаи такихъ похищеній являются лишь какъ исключеніе. И мужчины и женщины—кабардинцы—настолько искренно проникнуты особенными понятіями о своемъ сословномъ происхожденіи, что рѣдко покушаются компрометировать его такими неблаговидными выходками, особенно женщины; мужчины нерѣдко вступаютъ въ бракъ даже съ унаутками, и имъ это не предосудительно. По существовавшему въ прежнее время обычаю, дѣвушка, рискнувшая бѣжать и выйти замужъ за человѣка ниже ея по происхожденію, отбиралась отъ послѣдняго и продавалась въ рабство, какъ не умѣвшая поддержать своего сословнаго достоинства, а похититель лишался жизни.

Примѣръ подобнаго неравнаго брака случился въ Кабардѣ года два тому-назадъ и, своею исключительностью произведя великій скандалъ, взволновалъ кабардинскую знать. Бракъ этотъ совершился при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Дочь одного изъ первостепенныхъ узденей полюбила молодаго временно-обязаннаго крестьянина и, не скрывая этого отъ него, просила, чтобы онъ женился на ней; несчастный холопъ, видя несообразность желаній дѣвушки-барышни, при ея сословномъ положеніи, старался уклоняться отъ ея расположенія, но дѣвушка, во что-бы то ни стало, желала сдѣлаться его женою и пренебречь своимъ привиллегированнымъ происхожденіемъ. Не разъ, конечно, она окрестила друга своего сердца „женщиною" за нерѣшительность, не свойственную мужчинамъ, по понятіямъ кабардинокъ. Доведенный страстною любовью дѣвушки до послѣдней степени безъисходнаго положенія, крестьянинъ рѣшился наконецъ овладѣть ею, не смотря на то, что въ перспективѣ за подобную смѣлую выходку ему могла, по старой памяти, грозить встрѣча съ кинжаломъ или пистолетомъ кого-нибудь изъ членовъ знатной семьи дѣвушки. Такъ какъ о совершеніи открытаго брака и думать было нельзя, то любовники согласились бѣжать, и это рѣшеніе не замедлили привести въ исполненіе. Родственники бѣглянки, какъ и слѣдовало ожидать, страшно всполошились, узнавъ имя и званіе похитителя. Только благодаря вмѣшательству одного офицера, къ которому подъ защиту любовники явились, дѣло уладилось такъ, что отважный крестьянинъ не поплатился жизнью; но бѣжавшую все-таки

пришлось возвратить въ семью, хотя та этого и не желала и клятвенно завѣряла, что сдѣлалась уже фактически женою любимаго человѣка.

Кабардинцы, усмотрѣвъ въ молодыхъ людяхъ слишкомъ сильно развивающуюся страсть къ похищенію дѣвушекъ, еще въ 1807 году признали необходимымъ установить порядокъ, который прекратилъ бы подобное дѣяніе. 5-мъ пунктомъ народнаго условія опредѣлено: «княжескихъ, узденскихъ и вольныхъ дочерей насильно не брать, какъ было прежде, что такую хорошую дѣвку замѣтивъ, могъ самовольно брать самымъ разбоемъ, а что произошло, кромѣ ссоръ, убійства, и кто насильно взялъ дѣвку, тотъ только извѣщалъ ея родственникамъ. Что отнынѣ сдѣлать, что безъ согласія родственниковъ и безъ вѣдома муллы своего аула никто ни у кого дѣвку [illegible] а кто въ противность сему [illegible] тотъ подвергается штрафу 100 руб. серебр., а если [illegible] аула [illegible] — подвергается 30 руб. сер.».

[illegible] кабардинцы за увозъ дѣвушекъ, кромѣ неполненія [illegible], установленныхъ [illegible] подвергали [illegible] наказанію по шаріату. [illegible] различія [illegible] и различія сословій. Такъ, въ [illegible] 1858 и 1859 годы встрѣчаются [illegible] о [illegible] наказаній [illegible] за увозъ дѣвушекъ [illegible] ударовъ палками по [illegible] современному [illegible] случаи, были [illegible].

[illegible] кабардинцевъ [illegible] часть [illegible] значительное число [illegible] всякій понимаетъ, что [illegible] около 100 руб.,

въ видѣ штрафа, и кромѣ того подвергнуть себя аресту. Такой келейный способъ окончанія дѣлъ ставитъ администрацію въ очевидное затрудненіе преслѣдовать вредныя во всѣхъ отношеніяхъ похищенія дѣвицъ, а сами кабардинцы, какъ видно, не хотятъ помогать этому и о всѣхъ подобныхъ случаяхъ стараются избѣгать официальныхъ заявленій. Жаль, конечно, что они не хотятъ понять, что отъ этого зла терпятъ болѣе всего сами-же.

VII.

Съ насильственнымъ увозомъ дѣвушекъ тѣсно связывается и другое преступленіе—изнасилованіе. Страдательными субъектами и въ этомъ, въ большинствѣ случаевъ, являются дѣвушки или вдовы, вслѣдствіе особеннаго, замкнутаго положенія кабардинской замужней женщины и невсегдашней возможности молодымъ людямъ, благодаря высокой цѣнѣ калыма, вступать въ законные браки. При этомъ-же способѣ, во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій, приходится волею-неволею женить молодца на изнасилованной имъ дѣвушкѣ, такъ какъ никто другой, послѣ этого безчестья, и не подумаетъ—посвататься за нее. Хотя и рѣдко, но все-таки случаются и изнасилованія женщинъ замужнихъ. Кабардинскій обычай и основанныя на немъ понятія о супружеской вѣрности (со стороны только женщинъ), не особенно строго, относительно, осуждая явленія перваго рода, т. е. изнасилованія дѣвицъ и вдовъ, страшно и неумолимо преслѣдуютъ вторыя—изнасилованія замужнихъ. Не только за изнасилованіе замужней женщины, но иногда и за покушеніе къ этому, виновные *расплачиваются жизнью, такъ какъ этого безчестья кабардинцы рѣшительно выносить не могутъ и нѣтъ средствъ искупить его другимъ путемъ. Бываютъ случаи изнасилованія и русскихъ женщинъ, до которыхъ кабардинцы вообще большіе охотники; конечно, такіе порывы тоже не дешево выкупаются ими.

Изнасиловавшій дѣвушку, какъ замѣчено выше, обязанъ, по обычаю, жениться на ней, если на то согласится сама дѣвушка, и исполнить всѣ тѣ условія, какія требуются при совершеніи брака съ похищеніемъ, т. е. заплатить калымъ, за безчестье и устроить примирительное угощеніе. Въ противномъ случаѣ, виновный, если изнасилованная имъ дѣвушка изъ простаго сословія и ближайшіе родственники ея изъявятъ согласіе на примиреніе,—обязанъ заплатить ей за безчестье ту сумму, какая будетъ присуждена разбирающими дѣло. Плата эта, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ насиліе, назначается до 150 руб. Если-же была изнасилована дѣвушка изъ высшаго класса человѣкомъ ниже ея по происхожденію,—никакого вознагражденія не полагается и примиреніе никакимъ образомъ состояться не можетъ. Виновному въ этомъ случаѣ, если судьба избавила его отъ возможности быть убитымъ на первыхъ-же порахъ, остается лишь бѣжать куда-нибудь подальше, такъ какъ, живя въ Кабардѣ, онъ непремѣнно рискуетъ рано или поздно все-таки быть убитымъ—и иного исхода ожидать не можетъ.

При существованіи въ Кабардѣ зависимыхъ сословій, былъ обычай, по которому владѣлецъ, изнасиловавшій свою холопку, обязывался освободить на волю самое изнасилованную и съ нею еще нѣсколько человѣкъ изъ ея родственниковъ.

За изнасилованіе мальчика, виновный въ томъ, по обычаю, преслѣдуется убійствомъ. Случаи такого рода изнасилованія въ Кабардѣ впрочемъ не бываютъ, по-крайней-мѣрѣ ни сами кабардинцы, ни дѣла управленія за нѣсколько десятковъ прошлыхъ лѣтъ, не представляютъ ни одного подобнаго примѣра.

Вообще говоря, между кабардинцами неразвита наклонность къ мужеложству и скотоложству, особенно къ первому. Рѣдкость подобныхъ явленій, само собою разумѣется, исключила и необходимость установленія за то какой-нибудь карательной мѣры. Обличенные въ такихъ проступкахъ преслѣдуются только насмѣшками да презрительнымъ обращеніемъ съ ними одноаульцевъ и людей, узнавшихъ объ этомъ, но и то лишь на время, такъ какъ чаще всего это оправдывается молодостью. Въ горскихъ обществахъ ок-

руга, въ средѣ низшаго, бывшаго зависимаго сословія, скотоложство является чаще, особенно между табунщиками, поставленными въ совершенно-исключительныя условія жизни, благодаря обитанію, почти втеченіи всей жизни, въ степи да въ горахъ. Эти люди, въ буквальномъ смыслѣ, дикари. Обычай горцевъ также не преслѣдуетъ виновныхъ за этотъ проступокъ; всякій солидный горецъ, услышавъ или увидавъ подобное, развѣ лишь плюнетъ да выбранитъ провинившагося гяуромъ, скотомъ,—и тѣмъ дѣло кончено.

VIII.

Самымъ неутѣшительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма частымъ явленіемъ въ средѣ населенія Кабардинскаго округа служитъ воровство. Народный судъ и слѣдователь въ округѣ, въ большинствѣ случаевъ, заняты дѣлами подобнаго рода. Нижеприводимыя цифры краснорѣчивѣе всего доказываютъ, до какой сильной степени развита въ кабардинцахъ страсть къ похищенію чужой собственности: при этомъ нужно имѣть еще въ виду, что въ число выраженныхъ цифрами случаевъ воровства не внесены тѣ, болѣе или менѣе, мелкія дѣла этого рода, которыя разбирались начальниками участковъ, аульными судами и окончены частными соглашеніями. Всѣ эти случаи, если-бы можно было собрать о нихъ точныя свѣдѣнія, еще значительнѣе увеличили-бы и безъ того довольно солидныя цифры. Что частныя соглашенія въ большомъ ходу не только между собою, но часто и съ русскими, въ томъ нерѣдко убѣждаютъ повальные обыски о поведеніи людей, привлекаемыхъ къ разбору дѣла въ народномъ судѣ или къ слѣдствію; эти повальные обыски иной разъ свидѣтельствуютъ о трехъ и болѣе келейныхъ сдѣлкахъ такого рода.

Сильная наклонность въ кабардинцахъ къ воровству и неудержимое развитіе его невольно вызываютъ вопросъ о причинахъ подобнаго явленія. Всякому, незнакомому съ складомъ жизни нашихъ туземцевъ, это явленіе естественно должно

показаться всеобщею испорченностью нравственности; но, на самомъ дѣлѣ и особенно по понятіямъ кабардинцевъ, воровство далеко не составляетъ для репутаціи ихъ того унизительнаго и грязнаго значенія, какое обыкновенно придаемъ ему мы.

Въ статьѣ „Экономическое положеніе бывшихъ зависимыхъ сословій Кабардинскаго округа", напечатанной въ III выпускѣ „Сборника", я, мимоходомъ, касался уже слегка этого вопроса, а теперь, занявшись спеціально имъ, имѣю возможность выяснить его болѣе подробно; ктому-же и самый предметъ, такъ сказать, составляющій повальную болѣзнь почти всего населенія Кабарды, стоитъ тщательнаго и, по возможности, всесторонняго разбора.

Первое проявленіе воровства въ Кабардѣ, какъ и вездѣ, несомнѣнно возникло въ то далекое прошлое время, когда въ странѣ существовало кулачное право—право сильнаго. При подобномъ порядкѣ, каждый, терявшій по своей физической слабости собственность, разумѣется, при удобномъ случаѣ, не упускалъ возможности вознаграждать себя тѣмъ-же путемъ. Жалобы на подобные захваты приносить было некому и потому право сильнаго должно было получить форму закона, въ примѣненіи его къ частнымъ семьямъ. Далѣе, когда отдѣльныя семьи пришли къ заключенію о необходимости, въ видахъ сбереженія своихъ интересовъ, сплотиться въ болѣе или менѣе тѣсный союзъ, этотъ порядокъ долженъ былъ измѣниться: интересы каждой семьи, вошедшей въ союзъ, ограждались отъ произвола другихъ членовъ его, но потери все-таки не могли исчезнуть совсѣмъ, такъ какъ постоянно были враждебные сосѣди, не упускавшіе случая поживиться насчетъ близкихъ и оплошныхъ сообитателей. Въ эту эпоху междоусобій, вырабатывавшихъ воинственный характеръ въ людяхъ, стоявшихъ за интересы своихъ общинъ, и самый видъ похищенія чужой собственности долженъ былъ принять иную форму. Это насиліе не могло уже являться въ людяхъ, какъ исключительное сознаніе необходимости вознагражденія себя за понесенныя потери; нужно было еще занугивать враждебныхъ сосѣдей смѣлостью нападеній, отвагою и молодечествомъ; тутъ уже приходилось поучить ребенка, поселить въ немъ, что называется, съ молокомъ матери сознаніе объ удальствѣ,

какъ единственномъ оплотѣ его будущаго благосостоянія. Что несомнѣнно подобный порядокъ и взглядъ на воровство существовали и существуютъ до нѣкоторой степени и въ настоящее время, нетрудно доказать, сославшись на тѣ многія, сохранившіяся въ народной памяти, старыя пѣсни, гдѣ главнымъ образомъ воспѣваются удальство и неизбѣжные пособники его: ,,темныя ночи'' и ,,надежные кони'' и тою своеобразною колыбельною пѣснью, которую и до-сихъ-поръ заботливые воспитатели (*бофхако*) напѣваютъ своимъ крошечнымъ питомцамъ-мальчикамъ (*кана*). Вотъ слова этой поучительной пѣсенки: ,,лелай, лелай, лелай, мой свѣтъ, вырастешь великъ, будешь молодцомъ; отбивай коней и всякую добычу, да не забывай меня, старика'' и т. д. Еще болѣе простительный взглядъ на воровство доказываетъ и существовавшій нѣкогда въ Кабардѣ обычай, который предоставлялъ бѣднымъ переселенцамъ изъ чужихъ странъ, для поправленія своего имущественнаго состоянія, красть втеченіи семи лѣтъ; только по истеченіи этого срока воспрещалось обогащать себя этимъ-же путемъ.

Впослѣдствіи, наряду съ самыми строгими наказаніями, какъ наприм., лишеніемъ руки за воровство въ своей общинѣ, воровство у непріязненныхъ сосѣдей считалось геройскимъ поступкомъ и создавало хвалебныя пѣсни отважнымъ молодцамъ. Чтобы быть такимъ героемъ, не нужно было воспользоваться имуществомъ враждебныхъ сосѣдей и вообще непріятеля, какъ воинскою добычею, взятою съ боя,—достаточно было коварно и потихоньку угнать табунъ сосѣдей.

При существованіи этихъ порядковъ и когда еще очень недавно большая часть населенія—низшій классъ—была въ рабскомъ подчиненіи у высшихъ сословій, когда послѣднія безнаказанно пользовались имуществомъ первыхъ, когда имущество этихъ составляло законную принадлежность владѣльцевъ, вмѣстѣ съ ихъ жизнью,—едвали возможно было поселить въ людяхъ понятіе о неприкосновенности чужой собственности и внушить уваженіе къ чужому добру.

Для болѣе наглядаго ознакомленія съ прошлымъ Кабарды въ этомъ отношеніи, я приведу нѣкоторые установленные обычаемъ и

существовавшіе еще недавно взгляды на собственность. Такъ напримѣръ, кабардинскіе князья, еще въ началѣ настоящаго столѣтія, имѣли право отбирать у своихъ подвластныхъ (*) барановъ; при необходимости въ лошадяхъ, князь могъ брать ихъ сколько угодно изъ любаго табуна, принадлежавшаго чьему-бы то ни было уздею, ѣздить на нихъ и потомъ опять возвратить въ табунъ; нравилась-ли князю хорошая охотничья собака—подвластный обязанъ былъ отдать ее безпрекословно, иначе съ него взыскивалась въ штрафъ пара быковъ; точно также тотъ, кто противился выдать князю барановъ, платилъ въ штрафъ тому-же князю одну хорошую холопку и пару воловъ, даже и въ томъ случаѣ, если-бы по разбирательству оказалось, что князь не имѣлъ никакого права отбирать барановъ. Это значило—уважай и повинуйся волѣ князя! Когда князь умиралъ и на немъ оставались долги, не уплаченные при жизни, то наслѣдники не обязаны были платить ихъ. Кабардинскіе князья имѣли въ своемъ подчиненіи карачаевцевъ—сосѣдей; кромѣ опредѣленной подати съ нихъ, поступавшей въ пользу старшаго лѣтами князя, каждый князь еще имѣлъ право послать туда взять что ему необходимо: лошадей, скотъ и проч.; если тотъ, у кого забирали это необходимое для князя, противился, то посланный имѣлъ право конфисковать у неповинующагося домъ, положивъ для того камень въ дверяхъ; послѣ этого не только никто не имѣлъ права взять этотъ камень, но даже и переступить черезъ него; такимъ образомъ люди, оставшіеся внутри дома, не могли уже выходить наружу, а находившіеся на дворѣ—войти въ домъ; снималея этотъ неприкосновенный камень только съ разрѣшенія князя. Точно также могъ быть положенъ камень и на пахать; производившій въ то время пахату не имѣлъ права переѣхать черезъ него и за нарушеніе этого воспрещенія платилъ князю штрафъ —хорошую холопку. Когда малолѣтній сынъ какого-нибудь князя въ первый разъ пріѣзжалъ въ Карачай, то каждый изъ чернаго

(*) Подъ словомъ *подластные* нужно разумѣть узденей и прочихъ свободныхъ людей, которые, по обычаю, должны были находиться въ извѣстной зависимости отъ князей: жить около нихъ, т. е. въ княжескихъ аулахъ, составлять свиту князя при поѣздкахъ и т. п.

народа обязанъ былъ подарить малолѣтнему: лошадь, корову, быка. барана, словомъ, кто что въ состояніи, а старшины дарили хорошія ружья, шашки, пистолеты и прочіе воинскіе доспѣхи. Всѣ эти самовольные поборы, штрафы, а равно и безнаказанное убійство со стороны князей, уничтожены вышеприведеннымъ народнымъ условіемъ 10 іюля 1807 года.

Подобные обычаи, предоставляя широкія права самовластію владѣльцевъ,—наоборотъ, весьма стѣсняли подчиненныхъ. Похитившій, напримѣръ, у князя лошадь изъ дому,—возвращая ее, платилъ князю въ видѣ штрафа еще восемь лошадей своихъ и лучшаго холопа или холопку; сколько-бы ни украдено было лошадей —за каждую платилось въ такомъ-же размѣрѣ. За воровство у узденя подчиненнымъ его, послѣдній отдавался въ непосредственное распоряженіе перваго, причемъ возвращалось ему и украденное: если у проворовавшагося находились родственники, то они могли выкупить виновнаго, заплативъ 150 руб. деньгами или скотомъ, по оцѣнкѣ. Кто изобличался въ воровствѣ чего-либо у узденей Кудинетовыхъ, пользовавшихся въ Кабардѣ особенными, почетными правами, тотъ обязанъ былъ уплачивать втрое стоимость украденнаго.

Натурально, что подобная отвѣтственность за воровство у своихъ и, напротивъ, поощреніе къ тому у непріязненныхъ, направляли за поживою къ этимъ послѣднимъ всѣхъ тѣхъ, кто нуждался въ поправленіи своего матеріальнаго состоянія.

Воровство, ограничивавшееся въ прежнее время лишь тайными и открытыми угонами скота и лошадей у оплошныхъ и непріязненныхъ сосѣдей, составляя первоначально существенную необходимость и видъ особеннаго отличія,—съ появленіемъ вблизи Кабарды русскихъ поселеній и войскъ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія,—получило еще большій просторъ къ своему развитію. Служа до этого лишь узаконеннымъ вѣковыми понятіями средствомъ къ удальству, тутъ оно явилось уже съ болѣе опредѣленнымъ значеніемъ: всякій, считавшій себя ревностнымъ мусульманиномъ, поставленнымъ силою обстоятельствъ въ зависимость къ своимъ заклятымъ врагамъ—христіанамъ, считалъ своею священ-

ною обязанностью, при каждомъ удобномъ случаѣ, чѣмъ-бы то ни было мстить имъ за свое безсиліе. Побѣги къ непокорнымъ членовъ лучшихъ фамилій Кабарды и затѣмъ появленіе ихъ съ шайками въ наши предѣлы для разбоевъ и грабежей, прокровительство этимъ шайкамъ соотчичей и подстрекательство фанатиковъ—муллъ—сильно волновали кабардинскую молодежь, позывая и ее на подобные подвиги. Ничегонедѣланіе молодежи, при существованіи рабовъ, находило въ этомъ занятіи самый лучшій и почетный исходъ, а первоначальная безнаказанность—породила и сильную привычку къ преступному времепрепровожденію.

Въ какомъ неутѣшительномъ положеніи была Кабарда въ то смутное время, видно изъ тѣхъ энергическихъ и грозныхъ прокламацій генерала Ермолова, которыя онъ адресовалъ къ кабардинцамъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя и болѣе характеристичныя изъ нихъ. 26 іюня 1822 года генералъ Ермоловъ писалъ: „Кабардинцы жалуются на утѣсненіе и наказаніе невинныхъ и до сего времени, впродолженіи болѣе пяти лѣтъ моего здѣсь начальствованія, кромѣ гнусной измѣны, нарушенія клятвы, воровства и убійствъ ничего не дѣлали. Кто изъ владѣльцевъ, котораго сынъ, братъ, или ближайшій изъ родственниковъ, или подвластный уздень, или рабы ихъ, свободу получившіе, не дѣлали злодѣйствъ? Кто сказать можетъ въ оправданіе свое, что не зналъ о томъ? Чрезъ чьи земли не проходили шайки разбойниковъ, кто отказалъ имъ въ пристанищѣ? Возвратившіеся изъ плѣна люди называютъ ихъ по именамъ; бѣгущихъ подлецовъ не разъ видали въ лицо преслѣдующія наши войска. Полковникъ Подпрятовъ и полковникъ Кацаревъ никого не наказывали самопроизвольно: всѣ участвовали въ измѣнѣ, всѣ и должны были нести наказаніе. Я требовалъ разбойниковъ для наказанія—ихъ не выдали, хотя ихъ было многое число; укрывая ихъ злодѣйства—умножали число ихъ и справедливо за то потерпѣли. Я хочу забыть прежнее: и владѣльцамъ и узденямъ, вышедшимъ изъ горъ по моему призванію, не только не допущу впредь дѣлать ни малѣйшей обиды, напротивъ—готовъ быть полезнымъ. Всемилостивѣйшія грамоты покойной императрицы Екатерины II и нынѣ благополучно царствующаго Великаго Императора даны

были кабардинцамъ, какъ подданнымъ покорнымъ и вѣрнымъ! Будутъ впредь кабардинцы таковыми и ихъ удостоены будутъ, но ихъ заслужить должно.“—Далѣе, объявляя о свободѣ вѣроисповѣданія, сохраненіи обычаевъ, поземельномъ пользованіи и другихъ установленіяхъ по устройству края, генералъ Ермоловъ продолжаетъ: „Владѣльцы и узденя, остающіеся въ горахъ, лишаются достоинства своего, равно и дѣти ихъ; лишаются также и земель, которыя безъ разрѣшенія моего никѣмъ занимаемы быть не могутъ. Рабы ихъ, которые выбѣжали, получаютъ вольность. Подлые сіи измѣнники захотятъ продать ихъ, но воспрещаю покупать и покупка признается мною беззаконною со времени прокламаціи моей, объявленной полковникомъ Кацаревымъ. Владѣльцамъ и узденямъ, вѣроподданнымъ Великаго Государя, воспрещается всякое съ сими измѣнниками сношеніе и накажу строго, если узнаю о томъ. Имена сихъ мошенниковъ, лишенныхъ прежняго достоинства, мною обнародованы будутъ.“—1-го августа того-же 1822 года, была адресована къ кабардинцамъ новая прокламація: „Не смотря на желаніе мое, чтобы кабардинцы жили счастливо и спокойно, многіе не выходятъ изъ горъ и, продолжая подлыя мошенничества, грабятъ тѣхъ, кои переселились, и дѣлаютъ убійства. Нѣкоторые обманули, прося позволенія переселиться; другіе, получивши оное лично отъ меня, не только бѣжали сами, но и другихъ склонили къ побѣгу. Я объявляю всѣмъ кабардинцамъ, и въ особенности простому народу, что всѣхъ владѣльцевъ и узденей, бѣжавшихъ за Кубань или укрывающихся въ горахъ, какъ явныхъ измѣнниковъ своему Великому Государю, именемъ Его Величества, лишаю всѣхъ правъ и ихъ достоинствъ. Если кто изъ кабардинцевъ будетъ имѣть съ ними связи и сношенія, будутъ строго наказаны. Съ ними запрещается вступать въ новыя связи и родства. Ежели досего были съ ними разбирательства по шаріату, отнынѣ все уничтожается; ибо люди честные, подданные вѣрные, не судятся съ измѣнниками и подлыми мошенниками. Узденямъ и простому народу повелѣваю при всякой встрѣчѣ съ измѣнниками дѣйствовать оружіемъ и забыть глупое обыкновеніе не стрѣлять на князей, когда они стрѣляютъ. Если кто изъ измѣнниковъ, бѣжавшихъ за

Кубань или укрывающихся въ горахъ, будетъ нападать на селенія или догнанъ будетъ въ преслѣдованіи, и противъ него простой народъ стрѣлять не будетъ, то селеніе будетъ наказано оружіемъ, о чемъ и дано уже приказаніе начальникамъ строящихся крѣпостей. Мошенники, по глупому прежнему обыкновенію, будутъ защищаться тѣмъ, что они князья,—простой народъ не долженъ сему вѣрить и я еще повторяю, что со всѣхъ вообще измѣнниковъ сняты прежнія ихъ достоинства. Отнынѣ впредь запрещается всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ и уденямъ отдавать дѣтей своихъ на воспитаніе къ чужимъ народамъ, т. е. къ закубанцамъ, карачаевцамъ и вообще горскимъ народамъ, но воспитывать ихъ въ Кабардѣ. Тѣхъ, кои отданы прежде, тотчасъ возвратить.“—На просьбу, поданную кабардинцами 6-го августа 1822 года, генералъ Ермоловъ отвѣчалъ 9-го августа: „О крѣпостяхъ просьбы безполезны; я сказалъ, что онѣ будутъ—и онѣ строятся. Подвластные, которые примутъ христіанскую вѣру, останутся въ такой-же какъ и прежде зависимости и отбираемы не будутъ. Владѣльцы не должны препятствовать имъ въ отправленіи вѣры и я строго накажу тѣхъ эфендіевъ и муллъ, которые, по гнусному невѣжеству своему, ихъ утѣснять будутъ. За земли, которыми пользуются, должно отвѣтствовать и потому защищать ихъ отъ прорыва разбойниковъ. Въ случаѣ набѣга мошенниковъ, будетъ всегда дѣлаемо слѣдствіе. Виновные заплатятъ за похищенное, если видѣли партію разбойниковъ, не препятствовали, не противились оружіемъ или тотчасъ-же не увѣдомляли начальниковъ ближайшихъ крѣпостей. Въ случаѣ измѣны или участія въ разбояхъ, всякій владѣлецъ и уденъ теряетъ свое достоинство и наказывается, какъ всякій преступникъ, по законамъ россійскимъ. Подтверждаю еще, что рабы тѣхъ подлыхъ мошенниковъ, кои ушли за Кубань или скрываются въ горахъ, оставя свое отечество, получаютъ вольность, когда отъ нихъ выбѣгутъ. Лучшія и вѣрныя мѣры, дабы не бѣжали рабы, принадлежащіе владѣльцамъ и уденямъ, выселившимся изъ горъ, есть кроткое и снисходительное съ ними ихъ обращеніе. Воспрещаю имѣть сношеніе съ бѣжавшими въ горы мошенниками, и напрасно думаютъ увѣрить меня, что есть изъ нихъ ушедшіе по

неволѣ. Нарушающій сіе запрещеніе будетъ наказываемъ, какъ измѣнникъ. Хочу видѣть, кто желать можетъ продолжать связи съ подлыми мошенниками, лишенными прежнихъ достоинствъ владѣльцевъ и узденей? Если-же кто изъ бѣжавшихъ въ горы, обманутый злонамѣренными внушеніями, вознамѣрится ввѣрить себя россійскому начальству, или даже тѣ, кои, боясь наказанія за прежнія воровства, раскаясь, придутъ просить прощенія и позволенія поселиться на равнинѣ, я далъ наставленіе начальнику, который будетъ мною назначенъ въ Кабардѣ, разсматривать, кто того достоинъ и давать позволеніе. Если-же кто не получитъ ошаго, можетъ безопасно возвратиться и остановленъ не будетъ, но прощенія просить долженъ не иначе, какъ лично. Въ случаѣ отгона табуна, скота или другой покражи у поселившихся на равнинѣ, для отысканія оныхъ никто не имѣетъ права ѣздить въ горы безъ билета начальства, а дабы отвратить вредныя сношенія, билеты будутъ выдаваться только извѣстнымъ людямъ. Изъ словъ простаго народа вижу я, что приказанія мои или совсѣмъ не сообщаются ему или истолковываемы въ другомъ смыслѣ, а паче глупыми муллами, которые въ Кабардѣ по-большей-части происходятъ изъ самаго подлаго состоянія. Пришлю я чиновника, который въ присутствіи владѣльцевъ и узденей каждаго аула, соберетъ старѣйшихъ изъ простаго народа и имъ истолкуетъ мои распоряженія. Давъ повелѣніе черному народу употреблять оружіе противъ презрительныхъ мошенниковъ, скрывающихся въ горахъ, слышалъ я, что думаютъ владѣльцы и узденя дѣлать какое-то на счетъ того постановленіе. Я предостерегаю, что умѣю требовать исполненія моихъ повелѣній и исполнять заставить".

Имѣли-ли эти строгія мѣры надлежащій успѣхъ, намъ знать не интересно, но онѣ доказываютъ, какъ нельзя лучше, что кабардинцы несовсѣмъ дружелюбно относились къ намъ. Такъ какъ при подобныхъ натянутыхъ отношеніяхъ каждый сторожилъ свое имущество и невсегда безнаказанно уступалъ его,—кабардинцы, встрѣчая отпоръ и зашедши уже слишкомъ далеко въ порывѣ удальства, когда уже поздно было отступать, стали прибѣгать къ насилію. Такимъ образомъ, простое, тайное похищеніе обратилось въ

грабежъ. Потерявши возможность поживляться по прежнему, они начали сторожить по дорогамъ и нападать на одиночныхъ проѣзжающихъ; нападенія эти всегда влекли за собою убійства и пораненія. Такой грабежъ, судя по имѣющимся въ окружномъ архивѣ дѣламъ, былъ еще въ довольно значительномъ ходу и въ 50-хъ годахъ. Подобное явленіе въ такое относительно недавнее время нужно объяснять тѣмъ, что кабардинцы, совершивъ злодѣйства, имѣли возможность сваливать ихъ на бродячія шайки непокорныхъ и абрековъ, въ которыхъ недостатка тогда не было. Желаніе со стороны кабардинцевъ такимъ путемъ избавляться отъ преслѣдованія властей и нежеланіе этихъ послѣднихъ оставлять ихъ безнаказанными, вызвали установленіе особеннаго вида отвѣтственности: каждый аулъ, къ которому доводили слѣды украденнаго, обязанъ былъ найти и выдать похитителя или уплатить стоимость украденнаго и всѣ убытки, причемъ взыскивался еще особо и штрафъ. Обыкновенно, похитителей не отыскивалось и всю требуемую сумму уплачивалъ аулъ; но этотъ послѣдній, собственно говоря, не несъ тутъ никакой потери, ибо вся плата, только подъ видомъ аула, вносилась самимъ виновнымъ, по обыкновенію скрываемымъ отъ властей, сколько вслѣдствіе желанія избавить его отъ личной отвѣтственности, столько и изъ общаго нерасположенія къ намъ. Это мѣстное, своеобразное доказательство воровства, посредствомъ *довода слѣдовъ*, какъ выражаются казаки, вызванное особенностями прошлаго времени, теперь начинаетъ утрачивать свое значеніе. Администрація, усматривая въ этихъ „доводахъ" нерѣдко самыя крайнія злоупотребленія со стороны доводящихъ слѣды, не всегда принимаетъ ихъ теперь за основаніе при рѣшеніи дѣла и требуетъ болѣе положительныхъ указаній для обвиненія. Желательно было-бы, чтобъ эта несовременная мѣра и совсѣмъ окончила свое дряхлое существованіе, такъ какъ та цѣль, которой она служила прежде, теперь не достигается.

Строгія наказанія за грабежъ и разбой, какъ, напримѣръ, ссылка въ каторжныя работы, отсутствіе безопасныхъ убѣжищъ для виновныхъ и, наконецъ, измѣнившійся къ намъ отношенія къ лучшему, послѣ окончательнаго покоренія всего Кавказа,—постепенно

искоренили видъ подобнаго преступленія. Если иногда и теперь бываютъ случаи грабежа или разбоя, сопровождаемые убійствами и пораненіями, то они являются лишь рѣдкимъ исключеніемъ, можно сказать даже рѣже, чѣмъ въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ самой Россіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прошу читателя обратить вниманіе на цифры въ таблицѣ уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ путемъ слѣдствій, приложенной ниже.

IX.

Не зная всѣхъ вышеприведенныхъ условій воспитанія и понятій кабардинцевъ, странным кажется изобличеніе какого-нибудь князя, уздени или вообще вполнѣ матеріально обезпеченнаго молодаго человѣка въ воровствѣ. Весьма многіе честные люди, но, къ сожалѣнію, именно несовсѣмъ близко знакомые съ мѣстными условіями воспитанія, нерѣдко признаютъ необходимымъ и полезнымъ примѣнять къ членамъ привиллегированныхъ кабардинскихъ сословій наказаніе за воровство по статьямъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Кажется, лишнимъ будетъ говорить, обративъ вниманіе на все предъидущее, что введеніе въ настоящее время такого порядка будетъ немалою ошибкою и преждевременною мѣрою. Въ доказательство этого считаю умѣстнымъ поставить лишь два вопроса: справедливо и можно-ли обвинять людей за то, что они дѣлаютъ безъ сознанія степени преступности совершаемаго и подъ вліяніемъ традиціоннаго воспитанія? Справедливо и можно-ли сразу строго наказывать людей за проступокъ, который, не далѣе какъ вчера, въ средѣ всѣхъ окружающихъ, считался не только не проступкомъ, а напротивъ—похвальнымъ дѣломъ? Подобною защитою я далекъ отъ мысли оставлять безнаказанными ворующихъ людей и слагать за то всякую отвѣтственность съ самого общества. Нѣтъ. Я думаю только, что раціональнѣе и человѣчнѣе было-бы заставить обратить вниманіе на причины, вызывающія такіе про-

ступки, а не карать лишь за послѣдствія ихъ. Секретъ, какъ и самое средство открыть его, находятся въ рукахъ самихъ кабардинцевъ и отчасти, въ смыслѣ руководящемъ, у близко поставленныхъ къ нимъ начальствующихъ лицъ. Не вдаваясь въ разборъ этихъ средствъ, не составляющихъ предмета настоящей статьи, можно-же, однако, мимоходомъ сказать, что воровство, какъ привитая наклонность (многіе, впрочемъ, служащіе по туземному управленію серьезно считаютъ, что причина воровства лежитъ въ самой природѣ кабардинцевъ), могло-бы значительно сократиться, если-бы кабардинцы серьезно взглянули на воспитаніе своихъ дѣтей, перестали-бы считать за стыдъ обращать вниманіе на нихъ и—главное—обратили-бы вниманіе на свое общественное положеніе, т. е. выбирали-бы въ должности старшинъ, судей и прочихъ аульныхъ властей дѣйствительно людей разумныхъ, честныхъ и способныхъ поселить къ себѣ уваженіе, а не пустыя головы, случаемъ лишь посаженныя на княжескія или первостепенно-узденскія плечи, и только ради этого послѣдняго ихъ достоинства. Полагаться лишь на кару закона за воровство—плохая надежда и ктому-же послѣдняя уже: начальство, имѣя въ рукахъ лишь палліативныя средства, само не въ силахъ бороться съ глубоко-укоренившимся зломъ. Къ этому еще и сами кабардинцы нерѣдко парализировали дѣйствія начальства, заставляя значительныхъ людей просить о прощеніи и помилованіи тѣхъ проворовавшихся, которые попадались въ руки властей. Выше мы видѣли, какъ генералъ Вельяминовъ упрекалъ кабардинскій судъ за различныя ходатайства, которыя дотого укоренились въ нихъ, что въ большомъ ходу и до настоящаго времени.

Желаніе съ нашей стороны, въ видахъ политическихъ, поддерживать авторитетъ извѣстныхъ въ средѣ народа людей, давало еще въ недавнее время широкій просторъ этимъ ходатайствамъ, особенно за проворовывавшихся изъ молодежи. Послѣдніе, оставаясь безнаказанными, благодаря ходатайству какого-нибудь князя или значительнаго узденя, но въ то-же время не получая отъ этого благодѣтеля никакого нравственнаго урока, и не думали унимаяться въ воровствѣ. Все это дало тѣ печальныя послѣдствія, которыя приходится намъ видѣть ежедневно въ судѣ и при производствѣ дѣлъ

слѣдователемъ; даже въ частныхъ разговорахъ у кабардинцевъ между собою чаще всего слышится слово „воровство". На это явленіе теперь обращено самое строгое и серьезное вниманіе, причемъ всѣ ходатайства по такимъ дѣламъ запрещены „вліятельнымъ" и просьбы ихъ такого рода рѣшительно не принимаются начальствомъ. Конечно, это—хорошее правило, и лучше поздно, чѣмъ никогда, но дурно то, что многіе изъ насъ впали въ крайность, приписывая существовавшимъ ходатайствамъ значительныхъ людей все зло воровства. Это обвиненіе, по меньшей мѣрѣ, несправедливо: мы поощряли, поддерживали, уступали этимъ ходатайствамъ—и мы-же теперь начинаемъ сильно кипятиться, слыша повторенія ихъ. Есть, правда, и такіе ходатаи, которые своею просьбою, что называется, не даютъ „ходу", чуть не ловятъ за полы. —но о такихъ людяхъ я ничего и не говорю.

Далекъ я также отъ мысли защищать огуломъ всѣхъ воровъ Кабарды. Между ними встрѣчаются дѣйствительно крайне-испорченные нравственно люди, для которыхъ воровство не составляетъ упомянутыхъ выше условныхъ понятій, а вызывается простою бездѣльностью и сознательною наклонностью къ легкому способу добыванія чужой собственности; но и тутъ даже не можетъ быть рѣчи о безусловномъ обвиненіи. Примѣры лучшихъ людей и необходимость, попавшись одинъ разъ въ воровствѣ, вознаградить потерпѣвшаго отъ этого въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ стоимость украденнаго,—служатъ и здѣсь руководящимъ началомъ. Дѣла окружнаго управленія являютъ нерѣдкій примѣръ, что люди весьма порядочные, попавшись одинъ разъ по увлеченію и, даже, по обману товарищей въ воровствѣ или въ принятіи украденнаго, и поплатившись за это весьма ощутительно, становились отъявленными негодяями, причемъ ихъ вовсе не соблазняла жизнь ловкаго воришки, а влекло къ этому лишь простое желаніе вознаградить себя какимъ-нибудь путемъ за понесенныя потери.

Кабардинцы теперь сильно промышляютъ тайнымъ воровствомъ по ночамъ, захватомъ скота и лошадей, остающихся безъ присмотра. Можно навѣрное поручиться, что ни одинъ молодой человѣкъ, воспитанный въ правилахъ кабардинской жизни, не уну-

стить случая, чтобы не захватить быковъ или лошадей, пасущихся отдѣльно въ полѣ, безъ надзора. Нерѣдко, производя по подобнымъ случаямъ дознанія, я задавалъ молодымъ людямъ, хорошихъ фамилій и матеріально вполнѣ обезпеченнымъ, вопросы о причинахъ, заставившихъ угнать корову или бычка, и всегда почти получалъ такой отвѣтъ: «Да, право, я и самъ не знаю, для чего укралъ. Увидѣлъ, что скотинка бродитъ сама по себѣ, ну и не выдержалъ —угналъ; кстати, можно было и похвастать передъ дѣвушками. . . Впрочемъ, нужно-же было когда-нибудь украсть, а я до этого еще ничего не воровалъ».

Вотъ и извольте быть строгимъ судьею подобной наивности! Что я ни на одну іоту не преувеличилъ этой наивности и что дѣйствительно кабардинцы не считаютъ порокомъ подобное воровство, я готовъ сослаться на всѣхъ достойныхъ и почетныхъ людей Кабарды, само собою разумѣется—воспитанныхъ въ своей средѣ. Едва-ли найдется много изъ нихъ, которые, воспоминая свое прошлое, скажутъ, что ничего не крали; почти за всякимъ водился въ молодости подобный грѣшокъ; по-крайней-мѣрѣ такъ они сами говорятъ объ этомъ.

Какъ послѣдній и самый вѣскій доводъ того, что кабардинцы не смотрѣли, да и теперь еще не смотрятъ на воровство, какъ на проступокъ, я приведу документъ окружнаго суда. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1866 года, этотъ судъ журнальнымъ постановленіемъ опредѣлилъ просить начальство, вмѣсто ссылки воровъ въ арестантскія роты и въ Георгіевскъ, опредѣлять ихъ въ военную службу, во вниманіе къ тому своеобразному понятію, которое кабардинцы имѣютъ о воровствѣ, какъ молодечествѣ и удальствѣ, не считая безнравственнымъ похищеніе чужой собственности, и потому еще, что арестантскія роты, не исправляя, а портя подобныхъ людей,—при возвращеніи ихъ на родину, даютъ обществу членовъ, крайне-испорченныхъ нравственно и вредныхъ по вліянію на легкомысленную молодежь. Ходатайство это, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣло успѣха, при существованіи закона, воспрещающаго принимать въ военную службу людей порочныхъ.

X.

Въ послѣднее время у кабардинцевъ развилось сильно воровство и между собою, такъ что случаи похищенія у своихъ являются чаще, чѣмъ у русскихъ. Это воровство, судя по тому, что ворами оказываются въ большинствѣ такихъ случаевъ люди изъ бывшаго зависимаго сословія, имѣетъ совершенно иной характеръ, ничего общаго не заключающій въ себѣ съ вышеприведеннымъ понятіемъ. Причина этого, нужно полагать, кроется въ томъ новомъ положеніи, которое создала недавняя реформа освобожденія крестьянъ: послѣдніе, лишившись значительной части своего скуднаго имущества, отошедшаго въ пользу бывшихъ владѣльцевъ, и озабоченные необходимостью ежегодно вносить этимъ владѣльцамъ извѣстную часть выкупной платы,—ищутъ возможности пополнить свои недостатки похищеніемъ чужой собственности. Какъ народъ, находившійся цѣлые вѣка подъ ярмомъ рабства и потому стоящій на самой низкой ступени умственнаго развитія,—онъ не задаетъ себѣ труда, да и не можетъ размыслить о неблаговидности употребляемаго имъ промысла, тяжелыхъ послѣдствіяхъ и крайней его убыточности. При гнетущей нуждѣ и неумѣлости притомъ взяться за какой-нибудь прибыльный трудъ, этотъ черный народъ видитъ въ воровствѣ самый сподручный и легкій способъ, если и не обогатиться, то, по-крайней-мѣрѣ, хотя на время заглушить голосъ нужды, расчитывая при этомъ, что ему-то можетъ быть судьба неблагопріятствуетъ и не откроетъ его продѣлки. Само собою разумѣется, что подобная надежда на самомъ дѣлѣ оказывается крайне-шаткою. Если и случается часто, что воры удачно скрываютъ похищенное у русскихъ и остаются безнаказанными, то, наоборотъ, гораздо чаще они несутъ всѣ неблагопріятныя послѣдствія воровства — у своихъ.

Кабардинцы, смотря сквозь пальцы на воровство у насъ-русскихъ, зорко слѣдятъ за похитителями своей собственности. Каждый, потерпѣвшій отъ воровства, считаетъ своею обязанностью, помимо заявленія аульнымъ властямъ, разсказать о случившемся

всякому встрѣчному, описать примѣты похищеннаго и просить сообщить ему, если случится увидѣть гдѣ-нибудь нѣчто похожее на украденное. Хозяинъ украденнаго, отправляясь на поиски, и въ каждомъ аулѣ заявитъ тоже. Кто бывалъ въ Кабардѣ, тотъ навѣрно обратилъ вниманіе на двери кунацкихъ, которыя испещрены непонятными гіероглифами. Это ничто иное, какъ изображеніе тавръ украденнаго и напоминаніе хозяину кунацкой ночевавшаго гостя о просьбѣ слѣдить за попадающимися ему лошадьми и скотомъ. Всякій приходящій въ кунацкую видитъ тавро и, разумѣется, принимаетъ его къ свѣдѣнію. Понятно, что при подобныхъ способахъ отысканія украденнаго несовсѣмъ легко его припрятать.

Кромѣ этихъ общеупотребительныхъ способовъ разысканія краденнаго, существуетъ въ Кабаръѣ и еще одинъ—посредствомъ *доказчиковъ*. Этотъ родъ людей, сохраняя изъ опасенія мести свое имя въ тайнѣ, объявляетъ хозяину о мѣстѣ нахожденія похищеннаго и о лицахъ, участвовавшихъ въ томъ, узнавъ объ этомъ по случаю или какимъ-нибудь другимъ путемъ. Отыскавъ украденное, хозяинъ отбираетъ его и представляетъ вора къ начальству, или, чаще, окончивъ съ воромъ дѣло миролюбиво и домашнимъ образомъ, отпускаетъ его. Доказчикъ получаетъ за открытіе вора вознагражденіе, по уговору, которое взыскивается съ вора-же. Нерѣдко доказчиками являются и сами виновные, т. е. одинъ изъ участниковъ, иногда изъ желанія остаться безнаказаннымъ и съ прямою выгодою—платою за открытіе, а иногда и по необходимости, если особенно предвидится, что воровство должно быть непремѣнно открыто. Расчетъ подобнаго доказчика почти всегда бываетъ вѣренъ относительно выгоды: онъ получаетъ довольно хорошее вознагражденіе за открытіе и притомъ остается лично безнаказаннымъ, такъ какъ воръ, изобличенный въ проступкѣ, старается по возможности скрыть своихъ соучастниковъ, если не подозрѣваетъ этихъ послѣднихъ почему-либо въ предательствѣ; такимъ образомъ, съ одной стороны, не представляется возможности обвинить участника-доказчика, а скрытіе имени его передъ обличеннымъ—обезпечиваетъ его инкогнито и съ другой стороны. Поплатившійся воръ впослѣдствіи взыщетъ съ него, какъ съ соучастника, выпавшую на

его долю часть, но доказчикъ все-таки остается не въ убыткѣ, такъ какъ получаемая за открытіе плата бываетъ всегда больше павшей на доли за воровство, особенно если участниковъ было нѣсколько человѣкъ; наконецъ, избавленіе отъ личной отвѣтственности, когда дѣло доходитъ до свѣдѣнія начальства, составляетъ также прямую выгоду.

При спекуляціяхъ такого рода случается, что обнаруживается и участіе самого доказчика, и это происходитъ тогда, когда воръ не бываетъ пойманъ съ поличнымъ и не дѣлаетъ сознанія въ воровствѣ; тутъ доказчикъ становится въ необходимость, посредствомъ очной ставки, уличить обвиняемаго имъ, а этотъ послѣдній, увидѣвъ передъ собою въ лицѣ доказчика соучастника и не имѣя потому возможности отклонить нѣкоторыхъ уликъ,—сознаваясь въ винѣ, заявляетъ, что главнымъ виновнымъ былъ самъ доказчикъ, и въ свою очередь начинаетъ уличать его. Случаются и еще забавнѣе сцены: обвиняемый, иногда поставленный на очную ставку съ доказчикомъ, не принимавшимъ участія въ воровствѣ, хладнокровно выслушиваетъ всѣ улики и доводы послѣдняго, и когда этотъ послѣдній все скажетъ,—преспокойно объявлетъ, что это-то именно онъ, обвиняемый, и самъ хотѣлъ сказать противъ доказчика, т. е. что воръ—самъ обвинитель. Незнакомый съ подобными уловками станетъ въ тупикъ отъ такого оборота дѣла; но дальнѣйшее разбирательство вскорѣ обнаруживаетъ, что этотъ оборотъ ничто иное, какъ фарсъ, и фарсъ иногда до чрезвычайности нелѣпый, ибо доказчикъ представляетъ самыя положительныя и несомнѣнныя доказательства, какъ къ обвиненію указаннаго имъ лица, такъ и въ ложномъ оговорѣ себя, и безъ нихъ рѣдко берется доказывать. Случается, однако-же, что доказательства бываютъ недостаточныя и тогда обычай предоставляетъ обвиняемому право *очистить* себя отъ обвиненія присягою двухъ, назначаемыхъ ему разбирающими дѣло, извѣстныхъ хорошимъ поведеніемъ людей, называемыхъ присяжниками. Если эти люди, или одинъ изъ нихъ—какъ будетъ назначено при разборѣ дѣла—примутъ требуемую присягу и такимъ образомъ оправдаютъ обвиняемаго,—взысканіе за воровство возлагается на самого доказчика, что и служитъ ему наказаніемъ за ложный оговоръ.

Процедура доказательства невиновности посредствомъ присяжниковъ довольно сложна: назначаемые присяжники, прежде чѣмъ засвидѣтельствовать передъ кораномъ и судьями невиновность обвиняемаго, требуютъ самой строгой присяги въ томъ отъ родственниковъ его, которые, предполагается, судя по образу жизни и вообще характеру подозрѣваемаго, должны знать и заявить о томъ, могъ-ли онъ совершить данный проступокъ; для того, чтобы дать положительный отвѣтъ, родственники, иногда, при сомнѣніи, требуютъ въ свою очередь очистительной присяги отъ самого обвиняемаго. Только послѣ присяги родственниковъ и когда нѣтъ въ народѣ дурныхъ слуховъ объ обвиняемомъ, присяжники соглашаются произнести оправдательный вердиктъ. Этотъ порядокъ примѣнимъ не къ однимъ лишь случаямъ воровства, но общеупотребителенъ и при разборѣ другихъ дѣлъ, съ разницею только въ количествѣ присяжниковъ, назначаемыхъ въ такомъ числѣ, сколько требуется по обычаю, смотря по важности дѣла.

Масса кабардинцевъ, стоя на довольно низкомъ уровнѣ умственнаго развитія и не понимая значенія простаго честнаго слова, во всѣхъ своихъ дѣлахъ, общественныхъ, судебныхъ и частныхъ, руководится присягою и только за нею признаетъ неопровержимое доказательство справедливости, напримѣръ, обѣщанія, свидѣтельства и т. п.; поэтому-то, какъ замѣчено, кабардинцы вообще относятся къ присягѣ довольно серьезно (въ дѣлахъ съ русскими только неособенно церемонятся съ нею, не считая ложную присягу за клятвопреступленіе, какъ свидѣтельство противъ христіанъ); но и при этомъ иногда прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ уловкамъ, по ихъ мнѣнію вовсе непредосудительнымъ и не нарушающимъ значенія и святости присяги. Кабардинцы сами разсказываютъ слѣдующій забавный примѣръ подобной уловки, не признаваемый ими за клятвопреступленіе: молодой человѣкъ—кабардинецъ—у своего сосѣда ловко укралъ лошадь; хозяинъ лошади, не имѣя основательныхъ уликъ къ прямому обвиненію своего сосѣда, однако-же, по нѣкоторымъ даннымъ, заподозрилъ его въ этомъ воровствѣ и потребовалъ къ разбирательству. Молодой человѣкъ при разборѣ рѣшительно заявилъ, что лошади не кралъ, и такъ какъ хозяинъ

ея, какъ сказано выше, не имѣлъ положительныхъ уликъ,—предоставлено было отвѣтчику очиститься присягою двухъ назначенныхъ ему присяжниковъ; послѣдніе, по обыкновенію, потребовали отъ родственниковъ заподозрѣннаго предварительной присяги; но родственники, почему-то сомнѣваясь, потребовали очистительную присягу отъ самого отвѣтчика, который и далъ ее въ такой формѣ: „Валлаги, Биллаги, Таллаги! Клянусь, что не воровалъ ничего съ тѣхъ поръ, какъ былъ спеленатъ и лежалъ въ люлькѣ!“ Опредѣленіе подобной присяги, казалось-бы, и требовать нельзя. Родственники, поэтому, не задумываясь, присягнули въ невиновности заподозрѣннаго передъ назначенными присяжниками, а эти послѣдніе—передъ судьями. Дѣло кончилось и подозрѣваемый остался правымъ. Но спустя нѣкоторое время, хозяинъ украденной лошади случайно добылъ ясныя улики въ воровствѣ ея у него именно тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ подозрѣвалъ и прежде. Не медля, представилъ онъ эти улики и потребовалъ обвиненія вора и въ клятвопреступленіи. Провѣдавъ о такомъ новомъ оборотѣ дѣла, бывшіе присяжники смутились и стали упрекать родственниковъ виновнаго за вовлеченіе въ грѣхъ; родственники, въ свою очередь, также напустились на виновника этого грѣхопаденія.

—Гяуръ, проклятый!—вопили солидные родственники,—побоялся-бы Бога, посовѣстился-бы класть срамъ на наши сѣдыя головы! . . . Говори: принялъ ложную присягу?

—Нѣтъ!, улыбаясь и спокойно отвѣчалъ виновный.

—Какъ нѣтъ? Развѣ не ты передалъ лошадь такому-то? Развѣ не тебя видѣли такіе-то?

—Меня, но я принялъ не ложную присягу. . .

—Какъ не ложную? Говори, собака!

—А такъ, не ложную: пока вы совѣщались съ присяжниками, я сходилъ въ саклю матери, попросилъ спеленать себя и прилегъ на минуту въ люльку,—ну, а послѣ и далъ вамъ присягу.

Ошеломленные и съ вопросительными взглядами, родственники смотрѣли на пройдоху молодаго человѣка; отправились затѣмъ къ судьямъ, попросили законовѣда—аульнаго муллу, спросили мать—и порѣшили цѣлымъ совѣтомъ, что молодой человѣкъ принялъ не

ложную присягу, обязавъ, впрочемъ, его заплатить сосѣду за лошадь.

Разсказываютъ и еще одинъ случай,—мнѣ и самому лично извѣстно нѣсколько подобныхъ-же,—что бывшій нѣкогда въ Кабардѣ одинъ уважаемый народный кадій, весьма ученый, былъ одержимъ страстью къ водкѣ, которую истреблялъ въ весьма значительномъ количествѣ. Выпивка, какъ равно и послѣдствія ея, сильно компрометировали репутацію почетнаго кадія и весьма не нравились многимъ солиднымъ и набожнымъ людямъ, привыкшимъ связывать съ саномъ народнаго кадія чуть не непогрѣшимость, которая такъ желательна римскому первосвященнику. Нѣкоторые изъ друзей кадія, желавшіе сохранить за нимъ заслуженное право на уваженіе, упросили его наконецъ оставить употреблять вредное питье. Кадій сдался на убѣдительныя просьбы и торжественно принялъ присягу, что съ того дня онъ перестаетъ пить водку. Велика была по этому случаю радость почитателей кадія, но еще бо́льшее огорченіе постигло ихъ, когда они въ тотъ-же вечеръ обрѣли достоуважаемаго сильно подшившимъ. На всѣ упреки за нарушеніе клятвы, тѣмъ болѣе непростительное высокому его сану,—кадій преспокойно отвѣтствовалъ, что упрекающіе жестоко ошибаются: онъ *водки* и капли въ ротъ не бралъ, но не принималъ присяги не пить *ромъ*. Резонно—и возражать было нельзя.

Если даже не признать за этими разсказами дѣйствительной справедливости и видѣть въ нихъ лишь анекдотическое значеніе, то и по этому одному уже можно судить, что кабардинцы имѣютъ наклонность, при частомъ повтореніи присяги, прибѣгать къ нѣкоторымъ хитростямъ, какъ напримѣръ—двусмысленному изложенію фразъ, недомолвкамъ и т. п., не составляющимъ, по ихъ понятіямъ, прямаго клятвопреступленія. Этотъ способъ хитрить научилъ кабардинскихъ стариковъ и судей не лишней житейской мудрости: взвѣшивать каждое слово присягающаго и точно, опредѣленно, назначать формулу присяги.

Воровство у кабардинцевъ, какъ между собою, такъ въ большей части случаевъ и у русскихъ, ограничивается лишь исключительно похищеніемъ рогатаго скота и лошадей и имѣетъ видъ обыкно-

венной кражи. При покушеніи на кражу, обычай предоставляетъ, при извѣстныхъ, вышеупомянутыхъ условіяхъ (см. объ убійствѣ), право каждому въ защиту своего имущества употреблять и оружіе; но подобные случаи между кабардинцами бываютъ очень рѣдко и это, во-первыхъ, потому, что обыкновенно воруютъ скотъ и лошадей съ поля, если за ними нѣтъ присмотра, и, во-вторыхъ, если бываютъ воровства со двора и конюшни, то это не представляетъ никакого труда и опасности, ибо кабардинцы, по барской своей привычкѣ, вовсе не заботятся о прочномъ устройствѣ дворовъ и конюшенъ: эти постройки представляютъ свободный доступъ кому-угодно; еще менѣе мыслимо, чтобы кабардинецъ вышелъ ночью посмотрѣть свою скотину; развѣ уже когда слишкомъ одолѣютъ воровствомъ, такъ оставитъ онъ нагрѣтое мѣстечко около жены. Зато, если при такихъ обстоятельствахъ попадется воръ, ему приходится слишкомъ дорого платить за свой рискъ. Разскажу здѣсь кстати одинъ такой примѣръ, представляющій жестокое и варварское возмездіе за неоднократное воровство и лишеніе покоя кабардинскаго сибарита въ ночное время.

Въ Малой Кабардѣ, въ аулѣ П. . ., къ одному небѣдному узденю повадился воръ: въ одну ночь укралъ пару быковъ со двора, спустя недѣлю—потянулъ другую. Уздень разсердился за такое частое посѣщеніе и сталъ караулить вора; просидѣлъ одну ночь, другую, третью—не идетъ злодѣй; надоѣло сидѣть въ засадѣ, пошелъ къ женѣ, а на другой день, проснувшись, увидѣлъ, что лошади нѣтъ. Это нахальство окончательно взорвало узденя и онъ рѣшилъ во что-бы то ни стало подкараулить вора; терпѣливо ждалъ онъ нѣсколько ночей, но воръ не шелъ; наконецъ, въ одну темную ночь, когда узденя отъ скучнаго сидѣнья клонило уже къ дремотѣ, онъ заслышалъ легкій трескъ плетня и затѣмъ увидѣлъ двѣ фигуры, направлявшіяся къ быкамъ; какъ только онѣ приблизились къ нимъ—уздень спустилъ курокъ бывшаго давно наготовѣ ружья и бросился вслѣдъ за обратившимися въ бѣгство ворами, изъ которыхъ одинъ успѣлъ бѣжать, а другой—раненный—остался въ рукахъ озлобленнаго хозяина дома. Не смотря на серьезную рану, уздень скрутилъ несчастнаго веревкою и сталъ ждать

разсвѣта. Едва только мулла прокричалъ утреннюю молитву, уздень потащилъ своего обезсиленнаго отъ раны плѣнника къ мечети и потребовалъ туда старшинъ и судей; туда-же не замедлили явиться и разные аульные зѣваки, большіе охотники до всевозможныхъ зрѣлищъ. Представители аульной власти принялись за допросы,—оказалось, что пойманный былъ житель Ингушевскаго округа; узнали его имя и фамилію, мѣсто жительства, и стали допытывать о соучастникѣ, предполагая въ немъ кого-нибудь изъ своихъ одноаульцевъ; но ингушъ заупрямился и никакъ не хотѣлъ назвать его, увѣряя, что былъ одинъ; долго бились, уговаривали, грозили, а ингушъ все твердилъ, что былъ одинъ. Наконецъ, чтобы рѣшить, что дѣлать съ пойманнымъ, старшина, судьи и нѣсколько почетныхъ лицъ отдѣлились въ сторону и усѣлись для совѣщаній, по обыкновенію, въ кружокъ. Думали, думали и порѣшили послать разсыльнаго привезти арбу дровъ. Сказано — сдѣлано: черезъ полчаса запылалъ около мечети костеръ. Привязали плѣнника къ лѣстницѣ, а нѣсколько услужливыхъ кабардинцевъ взяли концы ея и подняли надъ костромъ. . . Вздулась спина ингуша, а онъ все твердилъ: былъ одинъ!—Не помогло. Послѣ этого бросили возиться съ упрямымъ и отпустили его восвояси. Медицинское освидѣтельствованіе поступившаго въ госпиталь ингуша огласило, что ему сдѣлано было нѣсколько сильныхъ ожоговъ на спинѣ и рукахъ (*).

Есть между кабардинцами и еще одинъ видъ похищенія, который они даже и не признаютъ за воровство. Напримѣръ, князь, уздень или кто другой, даетъ на время, по просьбѣ, кому-нибудь лошадь для ѣзды или для пасьбы въ табунѣ, а потомъ, когда встрѣчается въ ней надобность, требуетъ отъ взявшаго возвращенія ея. Послѣдній, по какимъ-бы то ни было причинамъ (случается, что пропадаетъ лошадь, или табунъ находится далеко, или она отдана тоже кому-нибудь на время), не имѣя возможности предста-

(*) Случай этотъ былъ въ 1866 году и о немъ имѣется дѣло въ окружномъ управленіи. Виновные въ пыткѣ старшина, понятикъ и другіе наказаны ссылкою въ Георгіевскъ.

вить ее немедленно, объявляетъ о томъ хозяину, обѣщаясь скоро доставить. Требующій, не получая лошади нѣкоторое время, спокойно отправляется ночью въ конюшню того, кому отдана была она и, безъ всякаго стѣсненія, выбираетъ себѣ любую изъ принадлежащихъ послѣднему, или даже и двѣ, если думаетъ, что одна не стоитъ его лошади. Поступаетъ, разумѣется, жалоба на такой образъ дѣйствія похитителя, но онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пренаивно объясняетъ, что онъ нѣсколько разъ просилъ возвратить лошадь и, не получивъ таковой, принужденъ былъ самъ взять взамѣнъ ея. На вопросъ: зачѣмъ это сдѣлано самовольно и выбрано время ночью, какъ будто для воровства?—получается отвѣтъ: такъ лучше—дѣло обошлось безъ хлопотъ.

Воровство-мошенничество, наоборотъ, встрѣчается у кабардинцевъ весьма рѣдко. При легкомъ взглядѣ на обыкновенную кражу, обманъ, если онъ сопряженъ съ какими-нибудь потерями для другого, считается ими поступкомъ предосудительнымъ, особенно въ средѣ привиллегированнаго класса. Обманъ-же въ простомъ видѣ, какъ напримѣръ, неисполненіе своего обѣщанія подарить что-нибудь, является самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, которому они и не придаютъ никакого значенія; къ этому до такой степени привыкли, что нѣкоторые, получившіе обѣщаніе подарка, спрашиваютъ обѣщающаго: даритъ-ли онъ по-кабардински, или въ самомъ дѣлѣ?

Педантически строго кабардинцы смотрятъ также на утайку приблудившагося рогатаго скота, а особенно барановъ; все это должно быть непремѣнно возвращено хозяевамъ и скрытіе считается большимъ позоромъ. Между жителями горъ взглядъ на неприкосновенность приблудившагося скота получилъ даже суевѣрное значеніе: когда случайно заболѣваютъ въ семьѣ нѣсколько человѣкъ или умираютъ, горцы приходятъ немедленно къ заключенію, что они съѣли приблудившагося барана.

Въ настоящее время, уличенный воръ обязанъ возвратить украденное или заплатить стоимость его, а также вознаградить и за издержки по дѣлу, въ дѣйствительности которыхъ истецъ долженъ представить удостовѣреніе отъ аульнаго муллы, судей или своихъ сосѣдей. Точно также поступается и въ дѣлахъ по воров-

ству у русскихъ. Кромѣ вознагражденія за похищенное, виновные въ этомъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, наказываются арестомъ въ Нальчикѣ или ссылаются въ Георгіевскъ, подъ арестъ-же, съ употребленіемъ на крѣпостныя работы (на работы не употребляются князья и уздени 1-й степени), срокомъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 1 года. Уличенные въ воровствѣ три и болѣе раза наказываются, насколько возможно, примѣнительно къ Улож. о наказ. уголов. и исправ., но не по суду, административною ссылкою въ арестантскія роты. Князья-же и уздени 1-й степени, какъ лица, пользующіяся особенными правами и равныя нашимъ дворянамъ, за неоднократное воровство предаются военному суду, ибо ссылка ихъ въ арестантскія роты административнымъ порядкомъ состояться не можетъ. Но подобные случаи крайне-рѣдки и допускаются лишь по отношенію къ неисправимымъ и окончательно испорченнымъ людямъ высшаго сословія; всѣмъ-же остальнымъ, преимущественно молодымъ людямъ, являющимся обвиненными въ воровствѣ, начальство, зная особенность понятія кабардинцевъ объ этомъ проступкѣ, дѣлаетъ уступку, замѣняя строгое по закону наказаніе, слѣдуемое какъ лицу привилегированнаго класса, болѣе или менѣе продолжительнымъ арестомъ.

Въ горскихъ обществахъ округа, гдѣ случаи воровства встрѣчаются въ значительно-меньшемъ числѣ,—до освобожденія рабовъ, существовали особенныя правила на счетъ вознагражденія таубіевъ за воровство. Всякій свободнаго сословія человѣкъ, за воровство изъ сакли таубія, кромѣ возвращенія украденнаго или уплаты за него по стоимости, обязанъ былъ отдать таубію, въ видѣ штрафа, двухъ мальчиковъ или двухъ дѣвушекъ, ростомъ до 7 четвертей (погорски: шесть разъ разстоянія между концами большаго пальца и мизинца), изъ кунацкой—также двухъ дѣтей: одного 4-хъ, а другого 5-и четвертей, изъ конюшни—одного ребенка 4-хъ четвертей и съ коша или зимовника—100 барановъ или 10 коровъ; если-же это воровство учинялось каракишами или ясакчами, т. е. подвластными, то они обращались въ холоповъ, а холопы—въ безобрядныхъ.

За воровство чего-нибудь у пріѣзжаго гостя, по кабардинскому обычаю, вознагражденіе слѣдуетъ отъ хозяина, у котораго

остановился гость. Такой обычай происходитъ изъ особеннаго понятія о гостепріимствѣ, по которому не только особа гостя, но и все ему принадлежащее должно быть неприкосновенно.

XI.

Условія прошлой жизни, выработавшія изъ кабардинцевъ воинственныхъ людей, поселяли вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ политической независимости и къ свободѣ дѣйствій каждаго отдѣльнаго лица, если дѣйствіе это не заключало въ себѣ нарушенія общественнаго спокойствія и не приносило никому изъ своихъ вреда. Для достиженія этихъ цѣлей, чему главными вспомогательными средствами должны были служить личная отвага и умѣніе владѣть оружіемъ,—кабардинцы естественно поставлены были въ необходимость воспитываться для того въ понятіяхъ крайняго самолюбія. Первенствующее значеніе Кабарды въ средѣ окружающихъ сосѣднихъ народовъ—карачаевцевъ, осетинъ и ингушъ, состоявшихъ даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ вассальныхъ отношеніяхъ къ ней,—еще болѣе поддерживали взглядъ на подобное воспитаніе. При такомъ порядкѣ вещей, каждаго имѣвшаго право носить оружіе и не умѣвшаго, въ данномъ случаѣ, защитить себя имъ съ достоинствомъ, общественное мнѣніе клеймило эпитетами труса и женщины. Нужно знать кабардинца, чтобы понять, какой страшный смыслъ имѣютъ для него эти слова даже и теперь, при прогрессивномъ развитіи мирныхъ наклонностей: эти два роковыя слова способны двинуть его на самые опасные и безумные поступки; для того, чтобы не удостоиться быть названнымъ трусомъ и женщиною, онъ готовъ жертвовать рѣшительно всѣмъ, не исключая и жизни. Изъ этого понятія вытекаютъ тѣ частые въ прежнее и изрѣдка являющіеся и въ настоящее время случаи, когда кабардинецъ, совершивъ какой-нибудь незначительный проступокъ, при намѣреніи арестовать его за это, берется за оружіе и ни-зачто не соглашается отдать его, хотя навѣрное иногда знаетъ, что его

ожидаетъ лишь арестъ на нѣсколько [illegible]: самолюбіе стоитъ выше всего. Онъ иной разъ, пожалуй, и подчинился-бы охотно требованію, если-бы при арестованіи не присутствовали свои люди, а при нихъ отдать оружіе—Боже избавь, какой срамъ! Лучше провалиться сквозь землю! Оказавши такое упрямство иногда лишь въ минуту вспыльчивости, кабардинецъ, хотя-бы потомъ и понялъ безполезность выходки, все-таки не согласится отступить отъ принятаго одинъ разъ рѣшенія, прибавляя къ стыду отступленія еще и сознаніе, что за оказанное неповиновеніе его ждетъ впереди болѣе или менѣе строгое наказаніе. Никакія обѣщанія, никакіе уговоры, ни страхъ къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ подобнаго упрямства,— ничто не въ состояніи заставить кабардинца, рѣшившагося при такихъ обстоятельствахъ умереть, отдать требуемое оружіе. Окончаніе этихъ исторій бывало всегда печально, ибо волею или неволею приходилось овладѣвать виновнымъ, но только мертвымъ— иначе не давался онъ. Теперь, впрочемъ, случается, что нѣкоторые, благоразумные, кабардинцы, угадавъ причину, по которой требуетъ ихъ начальство, являются къ нему безъ оружія и тѣмъ избавляютъ себя отъ необходимости исполнять дѣдовское правило: не отдавать оружія добровольно. Конечно, такой невинный способъ сдѣлки съ своимъ щекотливымъ самолюбіемъ гораздо лучше, чѣмъ безусловное и неразсудительное подчиненіе ему.

Вообще говоря, это понятіе о стыдѣ быть арестованнымъ, съ оружіемъ въ рукахъ, къ счастью, начинаетъ замѣтно и быстро исчезать; теперь чаще приходится видѣть, какъ какой-нибудь еще несовсѣмъ остывшій джигитъ, при объявленіи ему неизбѣжной необходимости быть арестованнымъ, колеблется нѣсколько секундъ между прежнимъ понятіемъ и теперешнею разсудительностью, причемъ побѣда почти всегда остается на сторонѣ послѣдней.

Самый крупный случай неповиновенія начальству за послѣднее время былъ въ началѣ 1867 года: 14-ть человѣкъ кабардинцевъ, волновавшіе народъ при освобожденіи зависимыхъ сословій, отказались исполнить требованіе начальника округа отдать оружіе и отправиться на гауптвахту, чему воспротивилась и бывшая при этомъ толпа до 500 человѣкъ, не желавшая отдать зачинщиковъ

возмущенія въ руки власти. Это рискованное для кабардинцевъ упрямство окончилось безъ кровавыхъ послѣдствій, только благодаря хладнокровію и благоразумному, гуманному взгляду на обнаружившееся явленіе начальствовавшихъ лицъ, съумѣвшихъ увидѣть въ ослушникахъ не бунтовщиковъ и злостныхъ возмутителей законнаго порядка, а лишь продуктъ и жертвы традиціоннаго воспитанія—людей, съ своеобразнымъ понятіемъ о соблюденіи собственныхъ интересовъ, составлявшихъ основу ихъ экономическаго положенія. Кабардинцы, сколько мнѣ лично извѣстно, съ глубокою признательностью относятся теперь къ этому, незнакомому имъ прежде, явленію умиротворенія, окончившемуся безъ картечи и висѣлицъ. Для насъ этотъ фактъ также не менѣе знаменателенъ, ибо онъ поселилъ наконецъ въ кабардинцахъ сознаніе, что мы, для разъясненія недоразумѣній, готовы дѣйствовать и одними убѣжденіями; пробужденіе этого сознанія, можетъ быть, положило основной камень вѣры ихъ въ отеческую заботливость правительства и—самое важное—что они не насыпки его.

Всѣ отдѣльные подобнаго рода случаи неповиновенія, если притомъ употреблено было оружіе, предаются сужденію по полевымъ уголовнымъ законамъ; во всѣхъ-же другихъ случаяхъ виновные наказываются административнымъ порядкомъ: ссылкою въ Георгіевскъ или на срокъ, подъ надзоръ полиціи, во внутреннія губерніи Имперіи, смотря по важности оказаннаго ослушанія.

XII.

Дѣла по наслѣдству на благопріобрѣтенныя имущества рѣшаются на основаніи правилъ, составленныхъ самимъ судомъ для этихъ случаевъ, съ примѣненіемъ къ шаріату. Эти правила точно опредѣляютъ права на вышеозначенное наслѣдство различныхъ членовъ фамиліи, выражаясь въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) дѣти мужскаго пола, пожелавшія отдѣлиться отъ отца, при жизни сего послѣдняго, получаютъ изъ недвижимаго имущества только то, что онъ, т. е. отецъ, пожелаетъ имъ дать; женскій-же полъ на наслѣдство недвижимаго имущества

правъ не имѣетъ. 2) Если глава семейства, т. е. отецъ, при жизни не сдѣлалъ раздѣла недвижимаго имущества между сыновьями, то по смерти его оно дѣлится ими поровну. 3) Если по смерти отца остается въ живыхъ одинъ сынъ и племянникъ сего послѣдняго, оставшійся отъ роднаго его брата, умершаго еще при жизни отца, то все недвижимое имѣніе переходитъ къ сыну, а племянникъ его на это правъ не имѣетъ, но можетъ получить только то, что пожелаетъ дядя. 4) Внуки, по нисходящей мужской линіи, наслѣдуютъ недвижимое имѣніе дѣда поровну, а внуки по женской линіи правъ на недвижимое имущество не имѣютъ. 5) По пресѣченіи мужскаго колѣна въ одной изъ линій какой-либо фамиліи, недвижимое имущество, не переходя въ женское колѣно, поступаетъ въ мужское поколѣніе другой линіи. 6) Пасынки отъ жены изъ другой фамиліи отъ правъ на наслѣдство недвижимаго имущества отчима устраняются вовсе; но могутъ таковое получить по духовному завѣщанію отчима въ такомъ только случаѣ, когда весь мужской родъ отчима угасаетъ въ лицѣ даже самыхъ дальнихъ его родственниковъ, и если впослѣдствіи кто-либо окажется въ живыхъ, то правъ на отошедшую по духовному завѣщанію недвижимость не имѣетъ.

Въ горскихъ обществахъ округа существуетъ мѣстный, особенный способъ доказательства границъ земли, при спорахъ о ней. Истцу, заявившему претензію на принадлежность ему части земли, владѣемой другимъ, предоставляется доставить двухъ присяжныхъ, которые обязаны, вмѣстѣ съ отвѣтчикомъ и истцомъ, отправиться на спорную землю и рѣшить, кому принадлежитъ какая часть; для этого, пріѣдя на спорную землю, присяжные должны снять съ себя всю одежду съ правой стороны, т. е. одежду и обувь съ правой руки и ноги, взять въ правыя обнаженныя руки по камню и, произнеся клятву въ томъ, что они укажутъ извѣстныя имъ границы спорной земли по совѣсти, идти, наполовину голыми, къ спорному участку и положить тамъ камни; мѣсто, на которомъ кладутся камни, признается тяжущимися сторонами за дѣйствительную границу и искъ прекращается этимъ рѣшеніемъ безапелляціонно. Эта странная присяга, наполовину раздѣтымъ, весьма уважается горцами и, какъ разсказываютъ они, уваженіе

это окрѣпло будто-бы вслѣдствіе бывшаго однажды случая въ Балкаріи, когда одинъ изъ поклявшихся присяжныхъ, указавъ, изъ личныхъ своихъ интересовъ, ненастоящую границу спорной земли, скоропостижно умеръ намѣстѣ.

Само собою разумѣется, что подобный порядокъ разрѣшенія поземельныхъ споровъ, нисколько необязателенъ для тяжущихся и къ нему они могутъ прибѣгать лишь съ обоюднаго согласія.

XIII.

Настольные журналы окружнаго суда съ 1858 года и мало-кабардинскаго участковаго съ 1863 года представляютъ слѣдующія цифры дѣлъ, разбиравшихся въ нихъ *).

	Въ окружномъ судѣ.					Въ мало-кабард. участк.	
	Всѣхъ дѣлъ.	Изъ общаго числа.					
		По убійствамъ.	По ранен.	По воровству.	По увозу дѣвицъ.	По воров.	По увозу дѣвиц.
Въ 1858 году . . .	114	1	3	39	5	»	»
— 1859 — . . .	101	4	3	28	1	»	»
— 1860 — . . .	8**)	»	»	2	»	»	»
— 1861 — . . .	68	1	2	11	2	»	»
— 1862 — . . .	83	2	2	10	1	»	»
— 1863 — . . .	52	4	1	3	2	84	27
— 1864 — . . .	52	5	2	5	»	81	23
— 1865 — . . .	46	8	1	6	2	69	26
— 1866 — . . .	146	9	1	20	3	63	17
— 1867 — . . .	315	15	14	36	3	39	6
— 1868 — . . .	306	8	17	44	8	27	3
— 1869 — . . .	336	2	1	56	»	32	1

*) Помѣщаю въ таблицѣ, изъ числа разобранныхъ вообще дѣлъ въ мало-кабардинскомъ участковомъ судѣ, только дѣла по воровствамъ и увозу дѣвицъ, какъ имѣющія интересъ для настоящей статьи; число разобранныхъ тамъ-же дѣлъ по убійствамъ и пораненіямъ помѣщено выше.

**) Въ 1860 году изъ Кабарды было переселеніе въ Турцію и потому-то судъ, принимавшій въ этомъ участіе, вѣроятно не могъ заниматься разборомъ дѣлъ.

Слѣдующая таблица представляетъ число различныхъ за послѣднія 10 лѣтъ случаевъ, по которымъ производились слѣдственныя дѣла и виновными оказывались кабардинцы.

	Число случаевъ.						
	Разбои и грабежи.	Убійства.	Поджоги.	Захваты въ плѣнъ.	Воровства.	Пристанодержательства черезъ кордонъ.	Неповиновеній начальству.
Въ 1860 году . . .	5	15	10	8	6	2	»
— 1861 — . . .	5	10	1	1	11	»	»
— 1862 — . . .	4	6	»	»	13	1	1
— 1863 — . . .	2	5	»	»	5	»	4
— 1864 — . . .	6	3	»	»	17	»	»
— 1865 — . . .	2	»	2	»	14	»	»
— 1866 — . . .	5	4	»	»	11	»	2
— 1867 — . . .	3	3	»	»	14	»	1
— 1868 — . . .	2	5	6	»	11	»	1
— 1869 — . . .	2*)	3	2	»	28	»	»

Общее число дѣлъ, разбиравшихся въ окружномъ судѣ, означенное въ первой таблицѣ, даетъ наглядное понятіе о дѣятельности суда. Какъ видно, дѣла до 1867 года шли несовсѣмъ успѣшно. Одна изъ причинъ подобнаго застоя заключалась въ томъ, что, при существованіи до 1867 года участковыхъ судовъ, большее число дѣлъ разбиралось въ сихъ послѣднихъ; кромѣ того судъ часто бывалъ отвлекаемъ отъ прямыхъ своихъ занятій подготовительными работами по дѣламъ поземельнымъ и другимъ, касавшимся общественныхъ вопросовъ.

*) Одинъ случай былъ 8 января, въ домѣ отставнаго коллежскаго ассесора Трипольскаго, прожившаго въ степи, близъ р. Малки; при этомъ были убиты самъ Трипольскій и находившіеся въ то время въ домѣ другіе 5 человѣкъ, изъ коихъ двѣ женщины и одинъ ребенокъ, и ранена 3-хъ лѣтняя дѣвочка; виновными оказались 4 человѣка кабардинцевъ; трое изъ нихъ казнены смертью чрезъ повѣшеніе, а одинъ сосланъ въ Сибирь. Это происшествіе сильно взволновало кабардинцевъ своимъ звѣрствомъ.

Съ одной стороны, такимъ образомъ, существовали причины неудовлетворительной дѣятельности суда, помимо воли сего послѣдняго, но съ другой и, къ сожалѣнію, главной—эта неудовлетворительность являлась прямымъ слѣдствіемъ равнодушнаго отношенія къ суду самихъ кабардинцевъ, и особенно судей, оставшагося, вѣроятно, въ наслѣдство отъ отцовъ, непріязненно встрѣтившихъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ открытіе временнаго суда.

Бездѣйствіе кабардинскаго суда, еще не въ очень давнее время, обращало не разъ на себя вниманіе начальства, которое неоднократно внушало судьямъ о необходимости большей дѣятельности и за недостатокъ ея дѣлало выговоры. Какое непростительно-лѣнивое участіе въ дѣлахъ суда принимали засѣдавшіе въ немъ народные депутаты, можно заключить, помимо вышеприведенныхъ тощихъ цифръ дѣлъ, разобранныхъ за первыя девять лѣтъ, еще и изъ того, что въ управленіи Кабардинскаго округа имѣется одно дѣло съ очень кроспорѣчивымъ заглавіемъ: „о возстановленіи порядка въ Кабардинскомъ окружномъ судѣ". Да не подумаютъ читатели, что это продуктъ лишь игривой, изобрѣтательной фантазіи писаря, облекавшаго дѣло въ обертку: внутреннее содержаніе его вполнѣ охарактеризовывается вышеприведенною надписью. Нижеизлагаемыя послѣдствія существовавшаго порядка избавляютъ отъ необходимости анализировать упомянутое дѣло.

Понятно, что при полномъ равнодушіи къ общественному учрежденію лучшихъ людей—выборныхъ депутатовъ,—и народъ относился къ нему недовѣрчиво. Всякій, имѣвшій дѣло, избѣгалъ суда, зная навѣрное, что ему придется десять разъ съѣздить въ Нальчикъ и десять разъ возвратиться назадъ, ничего не сдѣлавъ, ибо отвѣтчики никогда не являлись къ назначенному сроку, а судъ, по своей безпечности, или забывалъ настаивать на исполненіи отдаваемыхъ имъ приказаній, или вовсе не хотѣлъ дѣлать этого. Равнодушіе подобнаго рода влекло за собою и другіе безпорядки: всякій, приходившій въ судъ и имѣвшій за собою сословное преимущество, имѣлъ болѣе права на голосъ въ судѣ; подобные люди часто вмѣшивались въ чужія дѣла, производя этимъ безпорядокъ, а судьи молчали, изъ снисхожденія къ званію вмѣшивавшагося; дѣла рѣша-

лись часто ошибочно и съ такимъ отсутствіемъ вниманія, что иногда изъ виду упускался главный предметъ разслѣдованія, а рѣшенія состоялись по второстепеннымъ и даже по другимъ обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ начатаго дѣла, а только выяснившимся при разборѣ его и составлявшимъ особое дѣло; судьи часто вовсе не являлись въ засѣданія или приходили только *на часъ*.— Все это, конечно, не могло не внушать къ себѣ въ народѣ недовѣрія, и потому-то становится неудивительнымъ, что многіе люди, имѣвшіе болѣе или менѣе серьезныя дѣла, избѣгали разбора ихъ въ окружномъ судѣ и охотнѣе отдавали ихъ на судъ медіаторовъ или участковому суду.

Всѣ вышеприведенныя явленія, истекавшія изъ небрежнаго исполненія народными представителями своихъ обязанностей, естественно должны были худо отражаться и на нравственности самого народа. Послѣдній, видя ошибки судей и принимая ихъ за умышленныя и какъ злоупотребленія,—разумѣется, попавъ въ судъ, старался въ пользу своего дѣла всѣми правдами и неправдами. Отсюда происходятъ случаи клятвопреступленій и безсовѣстныя, наглыя запирательства виновныхъ, при болѣе даже чѣмъ очевидныхъ уликахъ и доказательствахъ.

Невнимательное отношеніе судей къ своему значенію и къ важности довѣреннаго имъ дѣла иногда доходило до такой степени, что, во время судебныхъ засѣданій, происходили шумные и безпорядочные гвалты тяжущихся и постороннихъ, доказывавшіе лишь полное неуваженіе къ самому суду и лицамъ, составлявшимъ его. Появлялись даже оскорбленія въ присутствіи суда, а маститые депутаты утѣшались при этомъ лишь тѣмъ, что оскорбленія произносились большею частью какимъ-нибудь чиновнымъ, авторитетнымъ *пши* (князь) или первостепеннымъ узденемъ. Если-же, паче чаянія, это дѣлалъ человѣкъ, имя котораго не было обставлено какимъ-нибудь титуломъ, о тогда гордость судейская просыпалась, и дерзкому приходилось плохо: его услужливо спроваживали въ тюрьму, гдѣ онъ, по забывчивости, случалось, просиживалъ цѣлые годы и на вопросы ревизующихъ тюрьму отвѣчалъ: „не вѣдаю, за что!“—и все-таки содержался.

Все сказанное мною относительно прошлыхъ судейскихъ порядковъ я могъ-бы подтвердить фактами, т. е. подробнымъ изложеніемъ ихъ, но не дѣлаю этого потому, что оно, къ счастью, составляетъ именно прошлое—невозвратное. Не желаю я также называть дурнымъ все то, что было прежде; но, къ сожалѣнію, многое настоящее показываетъ, что прежде много было дурнаго. Кто виноватъ во всемъ этомъ—трудно рѣшить теперь. Разумѣется, въ допущеніи вышеприписанныхъ безпорядковъ бывали виноваты и предержащія власти, которыя, не обращая вниманія на судъ, отдавались всецѣло лишь внѣшней сторонѣ управленія народомъ, видя лишь въ этомъ надежное средство къ приручению кабардинцевъ; но виноваты лишь по необходимости, вслѣдствіе бывшихъ исключительныхъ обстоятельствъ.

Послѣ всего сказаннаго покажется неудивительнымъ, что, при обращеніи должнаго вниманія на Кабардинскій народный судъ, пришлось первоначально прибѣгать даже къ школьническимъ мѣрамъ; такъ, напримѣръ, судьи подвергались, за неявку въ засѣданіе въ назначенный часъ, штрафу.

Относясь къ дѣятельности Кабардинскаго суда только съ одной оффиціальной стороны, и то нетрудно замѣтить, что народъ и въ настоящее время далеко не питаетъ къ нему того уваженія, которымъ, по своему значенію, онъ долженъ былъ-бы пользоваться. Винить въ этомъ безусловно и исключительно людей, засѣдающихъ въ судѣ, взваливать на нихъ недостатокъ умѣнія относиться серьезно къ такому дѣлу, какъ правосудіе,—было-бы тоже несовсѣмъ справедливо: они ничто иное, какъ видимое изображеніе той среды, которая втеченіи сотенъ лѣтъ воспитывалась подъ гнетомъ сословныхъ предразсудковъ, при особенныхъ, своеобразныхъ понятіяхъ о правѣ. Положимъ, что выбираемый народомъ въ судьи, насколько необходимо, знакомъ съ обычаями, но развѣ этого одного знанія достаточно при постепенномъ, прогрессивномъ развитіи народа?—А что прогрессъ, хотя и не замѣтно, но дѣлаетъ свое дѣло,—это не подлежитъ сомнѣнію. Развѣ судья не автоматъ, если онъ не можетъ съ критическою оцѣнкою отнестись къ какому-нибудь дикому и непримѣнимому къ современному положенію обычаю?

Не имѣя на это права, онъ долженъ быть рабомъ обычая, не смѣетъ отступить отъ смысла его, имѣвшаго значеніе когда-то — сто лѣтъ тому назадъ. И это положеніе должно оставаться до тѣхъ поръ, пока кому-нибудь, наиболѣе развитому, не придетъ на умъ представить несообразность употребляемаго обычая, которому давно пора-бы отойти въ вѣчность.

Къ обычному ярму кабардинцы такъ привыкли, что какъ будто и на самомъ дѣлѣ они безъ него обойтись не могутъ. Вѣруя въ то, что предки ихъ настолько были умные люди, что обезпечили навсегда своими мудрыми постановленіями должный порядокъ въ Кабардѣ и что затѣмъ имъ не предстоитъ уже труда измѣнить своими собственными мозгами, — они сидятъ себѣ теперь, сложа руки. Нельзя сказать, чтобы между кабардинцами не было людей, понимающихъ весь вредъ рутиннаго обычнаго порядка, но дѣло въ томъ, что люди эти — капля въ морѣ. Задумаютъ они какое-нибудь измѣненіе древняго обычая въ форму, болѣе соотвѣтствующую духу настоящаго времени, какъ смотрятъ — авторитетные старцы уже напустились на смѣльчаковъ, обозвали ихъ [illegible] измѣнниками религіи и народности; ну, конечно, и оказывается, что одинъ въ полѣ — не воинъ. Такой именно исходъ имѣло предложеніе недавно измѣнить нѣкоторыя мѣстныя, матеріальныя условія вступленія въ бракъ, т. е. уменьшить плату калы[illegible] никами этого измѣненія, настоятельно вызываемаго [illegible] условіями экономической жизни, оказались, къ удив[illegible] люди, которые и нами-то считаются за болѣе цивил[illegible] Какое парализующее дѣйствіе эти почтенные люди оказываютъ и во многомъ другомъ и это дѣлается не изъ желанія сохранить достоинство древняго, напримѣръ, обычая, а изъ простаго эгоизма и ради лишь своихъ личныхъ интересовъ. Они очень хорошо понимаютъ, что, допустивъ измѣненіе въ самомъ невинномъ видѣ, придется наконецъ допустить его и на счетъ ихъ вліятельности, доставляющей такія существенныя выгоды, отъ [illegible] не хочется отказаться. Эти авторитеты, начинающіе замѣтно [illegible] ываться, благодаря тому, что народъ раскусилъ суть ихъ, вышесши на своей шеѣ горькіе плоды ихъ отеческой заботливости, — еще не-

давно имѣли широкій просторъ для своей эгоистической дѣятельности. Этимъ людямъ, если можно такъ выразиться, поручали даже прирученіе кабардинцевъ и ужъ какими путями шло оно— извѣстно одному всевышнему существу! Конечно, все это дѣлалось изъ политическихъ видовъ и въ то время, когда еще несовсѣмъ выплывали наружу сомнительныя достоинства людей, возводимыхъ въ авторитеты.

При подобномъ, высказанномъ сейчасъ парализующемъ дѣйствіи кабардинской знати, не всякому приходитъ охота быть выскочкою и потому-то всѣ мирно почиваютъ, поджидая извнѣ помощи; и потому-то многіе лелеютъ втайнѣ надежду на скорое введеніе у нихъ общихъ въ Имперіи законовъ, относительно дѣлъ уголовныхъ и нѣкоторыхъ общественныхъ. И теперь нерѣдко бываютъ случаи, когда кабардинцы, не смотря на то, что правительство дастъ имъ право разбора нѣкоторыхъ уголовыхъ дѣлъ по своимъ обычаямъ, требуютъ разбора ихъ и рѣшенія порядкомъ, принятымъ на основаніи общихъ законовъ Имперіи, и остаются вполнѣ довольными [illegible] результатомъ.

Грабовскій.

15 мая 1870 года.
Нальчикъ.

Примѣчаніе. Указываемое авторомъ и объясняемое историческими [illegible] недовѣріе кабардинцевъ къ своему суду, какъ результатъ [illegible] выборныхъ депутатовъ къ исполненію лежащихъ на нихъ [illegible], есть во всякомъ случаѣ явленіе чисто-мѣстное, которое, точно также какъ и указываемое въ одной изъ статей настоящей книжки «Сборника» неудовлетворительное состояніе судебной части въ Абхазіи, вовсе не принадлежитъ къ явленіямъ нормальнымъ въ средѣ горскихъ населеній. Напротивъ, горцы вообще питаютъ большое довѣріе къ дѣйствующимъ у нихъ судебнымъ учрежденіямъ, и засѣдающіе въ нихъ народные депутаты, подъ разумнымъ руководствомъ окружныхъ начальниковъ, относятся къ судейскимъ своимъ обязанностямъ большею частію весьма добросовѣстно.

Ред.

ПРИРОДА И ЛЮДИ ЗАКАТАЛЬСКАГО ОКРУГА.

I.

Закатальскій округъ занимаетъ восточную часть Алазанской долины и вполнѣ заслуживаетъ названіе «сада Закавказья».

Съ сѣверной окраины Ширакской плоской возвышенности, служащей южною границею округа, открывается очаровательный видъ. На первомъ планѣ—серебряною полосою извивается р. Алазань; за нею—море зелени, затопившей всю низменность долины; далѣе поднимаются, уступами, предгорья, изъ которыхъ ближайшія изрѣзаны ущельями и покрыты сплошнымъ лѣсомъ; потомъ, сѣрою полосою, выдвигается болѣе возвышенная линія втораго предгорья, и наконецъ—снѣговая цѣпь главнаго Кавказскаго хребта, съ выдающимися вершинами: Динди-дагомъ—11355' высоты, Гудуръ-дагомъ—11220' и другими *).

При спускѣ съ Ширака,—весною или лѣтомъ,—васъ, замѣтно, охватываетъ болѣе теплый воздухъ, пропитанный благоуханіемъ растеній. Правый берегъ Алазани еще сохраняетъ характеръ Ширакской степи; но на лѣвомъ берегу рѣки мѣстность совершенно измѣняется: густые лѣса и сады тянутся по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги до самаго города Закаталъ, лежащаго почти у подошвы лѣсистаго предгорья.

Сѣверо-восточною границею округа служитъ водораздѣлъ главнаго Кавказскаго хребта, гигантскою стѣною заслоняющаго его плоскость отъ вліянія сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ. Спускаясь къ югу двумя громадными уступами, переходящими потомъ въ легкую покатость, онъ служитъ причиною теплаго

*) Геодезическая закавказская треангуляція.

климата Алазанской долины, непохожаго на климатъ сосѣднихъ мѣстъ. Съ запада примыкаетъ къ округу Сигнахскій, а съ юго-востока—Нухинскій и Елисаветопольскій уѣзды. Въ такихъ границахъ онъ заключаетъ 81,95 кв. миль или 3695,2 кв. верстъ *), на которомъ находится около 52,000 душъ обоего пола (по камеральному описанію 1859 года).

Почти всѣ рѣки и рѣчки Закатальскаго округа берутъ начало съ вершины снѣговаго хребта. Стремясь оттуда по ущельямъ съ шумомъ и пѣнясь, мчатся онѣ къ Алазани, снабжая территорію округа обиліемъ воды. Въ нихъ много водится форели, а въ Алазани—форели и лосося; заходитъ иногда и стерлядь.

Обиліе естественнаго и искусственнаго орошеній увлажаетъ дотого почву, что она, при здѣшнемъ климатѣ, производитъ чудовищные экземпляры растительнаго царства. Человѣкъ, проникающій въ чашу здѣшнихъ лѣсовъ, останавливается въ нѣмомъ изумленіи, при видѣ этихъ мощныхъ дубовъ, буковъ, кленовъ, чинаровъ (platanus orientalis), карагачей (ulmus); этихъ гигантскихъ каштановъ, орѣховъ, явора, ясени, липы, въ особенности tilia europaea grandiflora; тополей — пирамидальнаго и серебристаго, плакучей ивы, поражающихъ своимъ величіемъ, стройностью и громадностью развитія. Инжиръ, кизилъ, айва, гранаты, груши, яблони, и въ особенности зимній сортъ, шишки (mespilis hermanica), черешни, сливы, абрикосы, персики, хурма (diospyrus lotus), — какъ-бы спорятъ въ своей растительной силѣ и свѣжести. Деревья эти бываютъ въ иномъ мѣстѣ перевиты плющемъ и виноградомъ, которые гирляндами, падающими внизъ, перекидываютъ свои вѣтки на сосѣднія деревья, создавая такимъ образомъ искусственный сводъ, черезъ который не проникаютъ лучи палящаго солнца. Своды эти украшаются пунцовыми, пестрыми, розовыми цвѣтами и висящими гроздями винограда. Между деревьями мелькаетъ серебристый, журчащій ручей, а вдали раздается ревъ горнаго потока.

Для полнаго очарованія недостаетъ здѣсь хора пернатыхъ пѣвцовъ, которыми такъ дивно оглашаются лѣса Малороссіи. Какая-то трель, чуть-чуть напоминающая соловьиную, свистки дроздовъ, чириканье ласточки да кукованье кукушки оживляютъ величественную природу, и то какъ-то вяло, боязливо. Зато

*) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ, томъ 1-й, 1869 г.

звучнымъ аккордомъ гудятъ пчелы, окруживъ цвѣтущую липу, а ниже—миріады комаровъ наполняютъ воздухъ своимъ докучливо-однообразнымъ жужжаніемъ.

Въ лѣсахъ, между кустарниками, попадается много грибовъ, по-большей-части ядовитыхъ, отличающихся своимъ свинцовымъ или краснымъ цвѣтомъ, который, при разрѣзѣ, отъ вліянія воздуха, измѣняется. Иногда попадаются шампиньоны, а въ горахъ—и бѣлые грибы.

Насколько здѣшніе лѣса бѣдны пѣвчими птицами, настолько-же они богаты всякою дичью: фазаны, курочки, дикіе голуби, вальдшнепы, бекасы, дикія утки—все это въ огромномъ количествѣ. У подошвы Ширака бродятъ аисты, а на скалистыхъ вершинахъ горъ гнѣздятся беркуты (aquila regia), коршуны, ястребы. Послѣдніе употребляются туземцами для охоты на фазановъ и другихъ птицъ и, хорошо выдрессированные, цѣнятся довольно дорого.

Изъ царства животныхъ здѣсь водятся шакалы, лисицы обыкновенныя и чернобурыя, дикія кошки, барсы, рыси, медвѣди, дикіе кабаны, дикія козы, олени, куницы, зайцы; на горахъ-же, въ особенности около селенія Елису, — туры (ovis argali); послѣ заката солнца то-и-дѣло снуютъ летучія мыши.

Въ лѣтнія ночи искорками порхаютъ свѣтящіеся жучки (fulgura) и тогда-же появляются маленькія мошки, дотого уязвляющія тѣло, что на укушенныхъ мѣстахъ вскакиваютъ красные волдыри, которые нестерпимо чешутся.

Обиліе шашеня (teredo navalis) страшно уничтожаетъ дерево въ подѣлкѣ: во всякомъ домѣ, на полу и окнахъ, образовываются кучки древесной пыли,—слѣды работы шашеня.

Изъ пресмыкающихся—ужи и нѣкоторые виды ядовитыхъ змѣй попадаются въ степяхъ, на правомъ берегу Алазани. Salamandra terrestris водится въ темныхъ и сырыхъ мѣстахъ, между селеніями Кахомъ и Елису, у подошвы юго-западныхъ склоновъ, омываемыхъ р. Курмухомъ (притокомъ Алазани). Елисуйцы положительно думаютъ, что это пресмыкающееся бросается на человѣка и что укушеніе его смертельно.

Изъ хлѣбныхъ злаковъ произрастаютъ здѣсь пшеница, ячмень, просо, рисъ, лучшій сортъ котораго—зарпинскій. Замѣчательно достоинство почвы Зарпинской котловины: она не знаетъ отдыха и на ней ежегодно и всегда получается громадный урожай.

Зарнинскій рисъ не уступаетъ лучшимъ сортамъ, такъ называемаго въ торговлѣ, нѣмецкаго риса.

Въ началѣ этой статьи я сказалъ о богатствѣ воды въ округѣ; но, кромѣ обыкновенныхъ водъ, здѣсь есть минеральные источники. Такъ, въ 10 верстахъ отъ сел. Елису, вверхъ по теченію Гамамъ-чая, въ ущельѣ Гамамъ-дара, находится сѣрно-щелочной источникъ горячей воды (+30°).

Вода эта не только пользуется извѣстностью у мѣстныхъ жителей, но для пользованія ею, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, пріѣзжаютъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ. Туземцы говорятъ, что цѣлебность источника «Гамамъ» славится съ незапамятныхъ временъ. Шагахъ въ 60-ти отъ этого источника, по направленію ущелья, изъ двухъ разщелинъ въ скалѣ (одна изъ нихъ выше, а другая ниже) бьютъ двѣ струи такой-же горячей воды и, надо полагать, такого-же состава. Струи эти вливаются въ Гамамъ-чай. Струя, бьющая съ большей высоты, называется «Огланъ-булагъ», а съ меньшей—«Кызъ-булагъ». Почему этимъ источникамъ дано такое названіе—неизвѣстно *).

Въ одной верстѣ отъ Елису есть другой минеральный ключъ, называемый «Мохъ-булагъ». Онъ вытекаетъ изъ-подъ лѣваго берега р. Курмуха, въ которую тутъ-же и вливается. Вода Мохъ-булага считается полезною отъ всякихъ недуговъ; она имѣетъ сильный сѣрный запахъ.

На противоположномъ берегу находится нѣсколько углекислыхъ источниковъ *). Жаль, что доступъ къ этимъ источникамъ весьма труденъ, а потому ими пользуются только туземцы. Въ 20 верстахъ отъ Елису, между селеніями Алибегло и Шихляромъ, находится бассейнъ минеральной холодной воды, надо полагать, тоже сѣрно-щелочной. Источникъ этотъ извѣстенъ у туземцевъ подъ именемъ «кайнатмы», что на адербейджанскомъ языкѣ значитъ «бьющая ключемъ». Туземцы питаютъ большую вѣру къ «кайнатмѣ»: лѣтомъ образовывается вокругъ бассейна цѣлый лагерь паціентовъ. Жаль, что эта вода не изслѣдована. Дорога къ ней удобна и для экипажной ѣзды, а близость ауловъ (Алибегло — 2 версты и Шихляръ — 7 верстъ) дастъ возможность пользоваться этимъ источникомъ не однимъ туземцамъ.

---

*) Огланъ-булагъ значитъ—источникъ юноши, кызъ-булагъ—источникъ дѣвицы.

*) Никитинъ. «Описаніе Елисуйскаго ущелья».

Нѣдра горъ Закатальскаго округа богаты металлами, изъ которыхъ только нѣкоторые изслѣдованы. Въ Белоканскомъ ущельѣ находится довольно-хорошая мѣдная руда, кабальтъ, желѣзный купоросъ, колчеданъ, желѣзо, антимонія; въ Тальскомъ — мѣдь, въ Мухахскомъ—свинецъ и серебро, въ Елисуйскомъ—серебро.

Геологическій составъ возвышенностей округа—известнякъ и песчаникъ, на которые набросанъ круглякъ, смѣшанный съ пескомъ и глиною *). Составъ-же почвы—это смѣсь чернозема, глины и каменныхъ валуновъ.

Изъ этого краткаго обзора мѣстности Закатальскаго округа читатель можетъ видѣть, какъ щедро природа раскинула здѣсь свои дары и какія богатыя удобства она предстанила человѣку для веденія сельскаго хозяйства, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Но какъ человѣкъ пользовался этою сокровищницею, что онъ изъ нея черпалъ,—увидимъ дальше.

II.

Прежде нежели опишемъ настоящій бытъ туземнаго населенія округа, оглянемся на его прошлое.

Территорія Закатальскаго округа составляла нѣкогда восточную часть Кахетинскаго царства. Господствующій народъ были грузины; господствующая религія—христіанская.

Развалины храмовъ и монастырей служатъ до-сихъ-поръ безмолвными свидѣтелями бывшаго нѣкогда здѣсь христіанства.

Кромѣ грузинъ, здѣсь жили монголы (мугалы), оставшіеся здѣсь, вѣроятно, со времени «великаго переселенія народовъ», какъ для удержанія покоренныхъ народовъ подъ властью Тимура, такъ, быть можетъ, и очарованные дивною природою и богатыми ея дарами. Съ паденіемъ-же великой монархіи Чингисъ-хана, монголы стали подпадать подъ власть то турокъ, то персіанъ, пока царица Тамара не покорила тогдашнихъ враговъ Грузіи. Эпоха съ 1184 по 1212 годъ была самою блестящею для Грузіи, а слѣдовательно и для Кахетіи, составлявшей прежде ея

*) Геодезическая закавказская треангуляція.

провинцію. Имя Грузій было страшно для всего Закавказья. Но царица Тамара какъ-бы унесла съ собою въ могилу славу и могущество своего отечества. Нападенія персовъ и турокъ постепенно отнимали силы у Грузіи и заставляли ея жителей быть постоянно готовыми къ отраженію враговъ.

Въ 1445 году, Грузинскій царь Георгій VIII раздѣлилъ Грузію на три царства: Карталинское, Кахетинское и Имеретинское, поручивъ каждое изъ нихъ управленію трехъ своихъ сыновей. Кахетія въ административномъ отношеніи раздѣлялась на 3 эриставства: Кахетинское, Кахское и Джарскую область.

Вслѣдствіе этого силы Грузіи, и безъ того слабыя, еще болѣе истощились. Кахетія, сдѣлавшись самостоятельнымъ царствомъ, вскорѣ должна была просить чужой помощи. Такъ, въ 1492 году, посольство кахетинскаго царя Александра явилось въ Москву; просить покровительства у русскаго царя Іоанна III. Между тѣмъ турки и персы громятъ грузинъ съ одной стороны,—дикія племена Дагестана съ другой. Эти народы какъ-бы оспаривали свое владычество надъ Кахетіею. Между дагестанцами особенно отличались своими разбойничьими набѣгами лезгины. Кахетинцы упорно защищали свою родину, но, вотъ, персидскій шахъ Аббасъ Великій, въ 1616 и 1617 году, до крайности опустошаетъ Кахетію.

Тогда лезгины спускаются съ горъ и заселяютъ Джарское ущелье.

Впрочемъ, царевичъ Вахуштъ считаетъ поселеніе лезгинъ въ Кахетіи гораздо раньше. Онъ говоритъ, что «у подошвы горы находится мѣстность, называемая Фифинети, гдѣ въ 1520 году кахетинскій царь Леванъ I-й поселилъ лезгинъ, съ условіемъ, чтобы они, въ видѣ дани, доставляли ему въ лѣтнее время ледъ съ Кавказскихъ горъ» *).

Народное-же преданіе о поселеніи лезгинъ въ Кахетіи говоритъ двояко: одни разсказываютъ, что изъ-за главнаго хребта, изъ Дагестана, стали приходить сюда то лезгины, то джурмутцы, то кусурцы, то другіе мелкіе народцы, носившіе общее имя *булхадаровъ*. Суровый климатъ, скудныя произведенія земли, однимъ словомъ—голодъ и холодъ заставили ихъ перешагнуть порогъ своей бѣдной родины, и вотъ у ногъ ихъ раскинулась

*) Brosset. Description géographique de la Géorgie par le Tsarévitsch Vakhoucht.

роскошная Кахетія. Нуждающаяся въ постоянной поддержкѣ своихъ силъ, Кахетія широко раскрыла имъ свои объятія.

Радушный пріемъ подстрекнулъ нѣкоторыхъ пришельцевъ отправиться домой и пригласить своихъ соотчичей въ эту богатую страну.

Булхадары несли здѣсь сначала самыя тяжелыя работы и, не смотря на это, число ихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, такъ, что кахетинцы принуждены были отказывать всѣмъ вновь появлявшимся горцамъ. Слѣдствіемъ этого были сначала воровство, а потомъ грабежи. Ущелья и черезъ нихъ тропинки въ горы служили дагестанцамъ надежною защитою.

Наконецъ, благодаря поселеннымъ здѣсь прежде землякамъ, которые способствовали грабителямъ, набѣги стали повторяться чаще и чаще, все въ большей и большей массѣ горцевъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ, шамхалы тарковскіе постоянно нападали на грузинскія земли. Кахетинскій царь Александръ II, въ 1586 году, обратился къ царю Ѳеодору Іоанновичу, съ просьбою оказать ему покровительство противъ Крымъ-Шамхала. А тутъ вторженіе персовъ окончательно подрываетъ силы Кахетіи, такъ, что царь Теймуразъ I, въ 1618 году, шлетъ гонцовъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу просить защиты.

Настала рѣшительная минута для дагестанскихъ лезгинъ: они спустились съ горъ и заняли Джарскую область. Они бросились разорять жилища грузинъ; разорять ихъ храмы, монастыри; уничтожать ихъ сады и пажити... Кахетинцы, кто могъ, спасались бѣгствомъ на западную половину своего отечества; оставшіеся же были принуждаемы къ принятію мусульманства. Вѣроотступники эти названы «ингелойцами» (новообращенными). Поработивъ жителей, лезгины отняли у нихъ принадлежавшія имъ земли, которыя потомъ отдавали въ пользованіе имъ-же, получая за это извѣстную часть дохода. Такія земли назывались кешкелями. Ингелойцы и мугалы должны были уступить прежнія свои жилища, у подошвы предгорья, побѣдителямъ, которые, обложивъ ихъ данью, поселили ниже, на плоскость, гдѣ лѣтніе жары чувствительнѣе и гдѣ обилуетъ царство комаровъ и другихъ докучливыхъ насѣкомыхъ.

Другое-же преданіе говоритъ, что, во времена глубокой древности, изъ Дагестана въ Кахетію пришли два горца: одинъ изъ Нухлинскаго общества, другой изъ Чимчилинскаго. Они посели-

лись на Гунзугурѣ *) и стали принимать къ себѣ только тѣхъ горцевъ, которые соглашались признать надъ собой первенство ихъ. Такимъ образомъ, вскорѣ составилось два общества или, какъ говорятъ лезгины, два тохума, которые назывались именами своихъ правителей. Черезъ нѣсколько времени, какой-то горецъ, изъ Тибелинскаго общества, образовалъ третій тохумъ, получившій названіе Тибелинскаго. Потомъ нѣсколько выходцевъ изъ Дагестана образовали еще четыре тохума: Арабликскій, Джурмутскій, Богахлинскій и Цибелинскій. Названія этихъ тохумовъ существуютъ и теперь.

Во время владычества въ Грузіи турокъ, джарскіе лезгины подпали тоже подъ верховную ихъ власть, и непосредственно, какъ и вся Кахетія, подчинялись турецкому пашѣ Сари-Мустафа, резиденціею котораго былъ замокъ Тамары, близъ урочища Царскихъ-Колодцевъ.

Этотъ Сари-Мустафа былъ страшный фанатикъ и особенною его заботливостью было распространеніе въ краѣ мусульманства. У него былъ миссіонеръ, молла Муртузъ-Али, который, проповѣдуя исламъ, поселился въ Джарахъ, женился, завелся хозяйствомъ и наконецъ образовалъ тохумъ, который названъ Чапаръ-Али **).

Какъ-бы то ни было, но окончательное господство лезгинъ въ нынѣшнемъ Закатальскомъ округѣ началось съ XVII вѣка.

Лезгины раздѣлили Джарскую область на пять главныхъ обществъ, которыя имѣли одинаковыя права: Джарское, Белоканское, Тальское, Мухахское и Джинихское. Джарское общество считалось могущественнѣе и богаче прочихъ, а потому имѣло и большее вліяніе на остальныя.

Всѣ вообще селенія въ области управлялись старшинами, избираемыми большинствомъ голосовъ. Власть ихъ была весьма ограничена: она заключалась въ разбирательствѣ споровъ и надзорѣ за порядкомъ. Наказанія, налагавшіяся старшинами, относились только къ ворамъ. Воровство наказывалось тѣлесно и кромѣ того воръ долженъ былъ возвращать въ пять разъ больше, чѣмъ стоило украденное.

Въ названныхъ пяти владѣльческихъ обществахъ достоинство старшины было чрезвычайно почетно. Власть его была на-

*) Выдающаяся точка низшаго предгорья (у подошвы котораго расположено сел. Джары), достигающая до 8000' по геодезической треангуляціи Кавказа.

**) Чапаръ—посланникъ, гонецъ.

слѣдственная. Ежели родъ старшины прекращался, то избирался новый старшина изъ какой-нибудь знатной фамиліи, которыхъ было нѣсколько въ каждомъ селеніи.

Дѣла, которыя касались всѣхъ обществъ, разбирались въ общемъ собраніи старшинъ всѣхъ аристократическихъ фамилій, которыми были исключительно лезгины. Собранія эти происходили на открытомъ мѣстѣ «Ахдамъ», близъ селенія Мухахъ. Мѣсто это показываютъ и теперь.

Въ высшихъ владѣльческихъ судахъ разбирались уголовныя преступленія. Казнь, за каждый проступокъ, опредѣлена была адатомъ: такъ, наприм., за смертоубійство — смертная казнь,— ежели только родственники убитаго не желали сами отомстить злодѣю, что по обычаю дозволялось. Тѣ, которые попадались нѣсколько разъ въ какомъ-нибудь преступленіи, изгонялись совершенно изъ края. Дома-же ихъ разорялись до основанія, сады вырубливались, поля выжигались. Большую часть времени они проводили въ набѣгахъ на владѣнія грузинъ, выводя оттуда множество плѣнныхъ, которыхъ или обращали въ рабство, или отправляли на продажу въ Персію и Турцію.

Уголъ юговосточной Кахетіи составлялъ Кахское эриставство. Во время владычества мусульманъ въ Кахетіи, управлявшій этимъ эриставствомъ не только не противился завоеваніямъ пришельцевъ, но, принявъ магометанскую вѣру, своимъ примѣромъ способствовалъ ея распространенію среди ввѣреннаго ему народа.

Въ вознагражденіе за это, лезгины признали его независимымъ правителемъ, съ титуломъ султана. Резиденцію свою изъ Каха онъ перенесъ въ Елису, отчего и получилъ названіе елисуйскаго. Впрочемъ, народное сказаніе о бывшемъ Елисуйскомъ султанствѣ совершенно расходится съ приведеннымъ выше. Одинъ изъ жителей селенія Кахъ *) такъ передавалъ намъ о происхожденіи елисуйскихъ султановъ: «Давно, очень давно было то время, когда подгорная поляна нынѣшняго Елисуйскаго наибства населена была грузинами. Главный городъ ихъ, Кахъ (теперь большое село)— отъ него получила названіе Кахетія—назывался прежде *Тургай*. Кахомъ-же онъ названъ по слѣдующему обстоятельству. Во время войнъ грузинъ съ мусульманами, одна битва около Каха отличалась

*) Гаджи-Баба-эфенди,—извѣстный въ округѣ своимъ знаніемъ старины

страшною рѣзнею и кровопролитіемъ. Возвращавшіеся, или убѣгавшіе съ поля сраженія, какъ грузины, такъ и мусульмане, говорили, что каждый воинъ крошитъ своего врага, какъ «*кахъ*», что означаетъ на адербейджанскомъ языкѣ изрѣзанное для сушки яблоко или грушу. Въ воспоминаніе такой рѣзни, Тургай съ того времени, началъ называться Кахомъ.

«Кромѣ Тургая, или Каха, были еще грузинскія селенія, разбросанныя или у самой подошвы предгорій, или нѣсколько отступивъ. Слѣды церквей, жилищъ и укрѣпленій сохранились и до настоящаго времени. Низменная-же часть этой мѣстности, по теченіямъ рѣкъ Алазани и Агри-чая, была занята мугалами (монголами), которые втеченіи двухъ-трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, по случаю сильныхъ при-алазанскихъ жаровъ, перекочевывали на вершины предгорій. Слѣды этого кочевья и теперь еще можно видѣть на горахъ. Приблизительно, въ 500 годахъ магометанской эры *), въ ущельѣ, называемомъ Санбуръ (Самуръ), было построено селеніе Захуръ (Цахуръ), которое считалось въ то время самымъ сильнымъ селеніемъ по многолюдству и отвагѣ его обитателей. Вслѣдствіе этого, изъ окрестныхъ мѣстъ стали приходить къ цахурцамъ другія племена, селились и за это сначала подчинялись имъ, а потомъ и совершенно подпали подъ ихъ владычество. Цахурцы всѣхъ переселявшихся къ нимъ назвали своими раятами (подвластными).

«Это новое общество избрало изъ цахурцевъ особыхъ повелителей, которые были родоначальниками нынѣшнихъ елисуйскихъ бековъ. Повелители эти съумѣли сосредоточить всѣ общественные интересы въ одно цѣлое, и по мѣрѣ того, какъ возрастало ихъ могущество, общество это вело мирныя сношенія съ окружающими ихъ горцами, съ помощью которыхъ составляло скопища, спускалось съ горъ, нападало на грузинскія селенія, грабило ихъ, истребляя жителей.

«Набѣги цахурцевъ и ихъ союзниковъ повторялись такъ часто, что грузины не въ состояніи были долѣе держаться; они принуждены были оставлять свои жилища и селиться по другую сторону р. Алазани. Такимъ образомъ, занявъ горы и равнины, цахурцы расширили свои владѣнія, какскіе-же грузины, которые остались на своихъ мѣстахъ, сдѣлались данниками цахурцевъ, чрезъ что спасли свое селеніе отъ окончательнаго разоренія.

---

*) Около 1162 года нашего лѣтосчисленія.

«Около 315 лѣтъ тому-назадъ, нѣкоторые жители селенія Цахуръ, отдѣлившись отъ своего общества, переселились на другой склонъ главнаго хребта и основали селеніе Сарубашъ. Грузины не могли вынести такого близкаго сосѣдства новыхъ пришельцевъ. Они составили огромное войско и пошли на сарубашцевъ, которые, узнавъ о предстоящемъ нападеніи, построили, въ полуторѣ верстѣ ниже селенія, завалъ. Слѣды этого завала видны и теперь. Такое укрѣпленіе оказалось для грузинъ неприступнымъ, однако-же, не смотря на это, битва продолжалась нѣсколько дней сряду. Наконецъ, осаждающіе, видя невозможность овладѣть заваломъ, раздѣлились на двѣ партіи: одна громила завалъ, а другая пошла въ обходъ.

«Пройдя по ущелью Ахъ-Чай-дара, партія эта поднялась на господствующую надъ Сарубашемъ возвышенность; спустившись оттуда, она бросилась на селеніе, въ которомъ остались только немощные старики, женщины и дѣти. Старики въ это время были въ мечети и совершали молитву. Разъяренная толпа ворвалась въ мечеть и истребила всѣхъ, находившихся въ ней. Потомъ умертвила всѣхъ женщинъ и дѣтей и, разрушивъ нѣкоторыя зданія, возвратилась обратно.

«Мечеть эта, въ настоящее время, носитъ названіе *Шагидмекъ-Эры*, что значитъ: мѣсто мучениковъ; гора-же, по которой спускались грузины въ селеніе, называется *Гюрджи-Кошунъ* (грузинское войско).

«Вѣсть объ этомъ ужасномъ побоищѣ дошла до цахурцевъ, хиновцевъ и другихъ горцевъ, которые напали на грузинъ и разбили ихъ на голову. Часть изъ нихъ была убита, а часть взята въ плѣнъ; остальныхъ-же, затѣмъ, прогнали за Алазань. Кахцы также были наказаны за ихъ вѣроломство.

„Прошло по-крайней-мѣрѣ 150 лѣтъ послѣ разсказаннаго мною происшествія, какъ часть населенія Сарубаша спустилась, съ своими беками, къ подошвѣ предгорій и основала селеніе Елису *). Мугалы, бывши подданными турокъ и персовъ, узнавъ о свободныхъ обширныхъ земляхъ въ окрестности новаго селенія, стали переходить туда. Одни изъ нихъ заняли мѣста въ образо-

*) Элли—пятьдесятъ, су—вода. Иные называютъ Илли-су, отъ илли—сѣра, су—вода.

бавшихся уже селахъ, другіе стали заводить новые поселки. Вся эта мѣстность, составлявшая почти настоящее Елисуйское ханство, получила названіе Цахурскаго округа, жители котораго промышляли въ то время хищничествомъ; они нападали на своихъ сосѣдей, грабили ихъ, убивали, брали въ плѣнъ. Необузданная ватага эта не признавала надъ собою ничьей власти; она вела свободную жизнь. Каждый видѣлъ повелителя только въ самомъ себѣ.

„Послѣ такой привольной жизни, цахурцы стали подпадать въ зависимость то турокъ, то персіанъ, то опять возвращались къ полнѣйшему своему безначалію. Наконецъ *мудрые* цахурскіе беки взяли въ свои руки узду правленія этимъ народомъ. Правители эти, созвавъ джамаатъ изъ горцевъ, приказали имъ построить въ концѣ сел. Елису завалъ, чтобы—въ случаѣ вторженія внѣшнихъ враговъ—имѣть укрѣпленное мѣсто для защиты.

„Не припомню, въ которомъ именно году, прибылъ въ Кахетію персидскій шахъ Надиръ. Онъ хотѣлъ было покорить Цахурскій округъ и включить его въ свои владѣнія, но цахурцы приготовили все, что было нужно, для встрѣчи такого *знаменитаго* гостя и еще сильнѣе укрѣпили завалъ. Надиръ шахъ подошелъ къ Елису, но жители его выдержали нѣсколько сраженій, и персы ни-зачто-бы не овладѣли заваломъ, ежелибы не помогла имъ измѣна одного изъ бековъ, — *Усми-бека*, который послалъ преданное ему лицо къ Надиръ-шаху съ предложеніемъ, что онъ впуститъ его въ селеніе. Шахъ, разумѣется, принялъ это предложеніе.

„Когда персидскія войска двинулись черезъ завалъ, то одна фамилія елисуйскихъ бековъ ушла въ горы, — въ тлейсерухскій и анкратльскій магалы.

„По повелѣнію Надиръ-шаха, верхній кварталъ Елису (*Юхари магла*), гдѣ находился домъ бѣжавшихъ бековъ, былъ преданъ огню.

„Усми-бекъ выдалъ потомъ дочь свою замужъ за Надиръ-шаха и былъ назначенъ безсмѣннымъ правителемъ округа.

„Когда-же этотъ край освободился изъ-подъ власти персовъ, то бѣжавшіе беки возвратились въ Елису и, вслѣдствіе любви и преданности къ нимъ народа, были возведены въ санъ цахур-

скихъ правителей и, въ свою очередь, сожгли нижній кварталъ селенія, въ которомъ находился домъ Усми-бека.

„Съ тѣхъ поръ потомки возвратившихся бековъ, по желанію народа, были постоянно елисуйскими султанами.“

Насколько справедливо такое преданіе объ образованіи Елисуйскаго султанства, судить не беремся: для исторіи Закатальскій округъ представляетъ, можно сказать, непочатую почву.

Въ мартѣ 1803 года, войска наши въ первый разъ вступили въ Джарскую область. Поводомъ къ этому движенію служило постоянное вторженіе джарскихъ лезгинъ въ Кахетію и помощь, оказываемая ими дагестанцамъ, которые то-и-дѣло нападали на бывшія грузинскія владѣнія. Результатомъ прихода сюда нашихъ войскъ была присяга джарскаго народа на подданство Россіи, причемъ они дали обязательство платить ежегодно по 1100 литръ шелку, на тифлисскій вѣсъ *), и отнюдь не принимать къ себѣ ни дагестанскихъ лезгинъ, ни другихъ народовъ, которые-бы покушались нападать на Грузію.

Елисуйскій султанъ, Али-Султанъ, какъ сосѣдственный, союзный и всегда дружественный съ джарцами, также поступилъ въ подданство Россіи, со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ **).

Въ обезпеченіе точнаго выполненія своихъ условій, джарцы обязались дать по одному аманату изъ лучшихъ и первѣйшихъ фамилій, слѣдующихъ селеній: Белоканы, Катехъ, Джары, Талы, Мухахъ и Дженихъ. Аманаты эти должны были отвѣчать за всѣ приписанныя къ нимъ деревни ***).

Не смотря на это, въ іюлѣ того-же года, партія дагестанскихъ лезгинъ прошла черезъ Джарскую область и напала на Кахетію. Главнокомандующій приказалъ генералу Гулякову призвать джарскихъ и катехскихъ старшинъ, прочесть имъ заключенное ими-же въ Тифлисѣ условіе и внушить, что, за нарушеніе этого договора и присяги на подданство, ихъ аманаты будутъ прогнаны сквозь строй. А такъ какъ лезгины, при этомъ нападеніи, отбили казачій табунъ, въ числѣ 211 лошадей, то старшины должны были заплатить за эту потерю, на томъ основаніи, что они, видя невозможность удержать дагестанцевъ собственною си-

*) Тифлисская литра равна 9 фунтамъ.

**) Дубровинъ, „Закавказье.“

***) Тамъ-же.

лою, обязаны были дать знать объ этомъ въ ближайшее мѣсто расположенія нашего войска. Вмѣстѣ съ этимъ главнокомандующій написалъ джарцамъ слѣдующее воззваніе: «Васъ Богъ наградилъ землею богатою, дающею вамъ стократный плодъ. Дагестанцамъ-же Богъ судилъ жизнь свою погублять за кусокъ хлѣба и не наслаждаться въ будущей жизни блаженствомъ. Опомнитесь, говорю я вамъ, отстаньте отъ вѣтренныхъ бунтовщиковъ, кои минутную корысть предпочитаютъ спокойной жизни; вспомните, что можетъ Россія? Сколько разъ и дагестанцы отъ россіянъ, падая ницъ, зубами своими стискивая землю, испускали духъ свой, въ адъ исходящій? Еще разъ повторяю, что вы не возвратитесь болѣе въ землю, гдѣ родились, гдѣ предки ваши погребены, гдѣ сродники ваши васъ воспитывали; не увидите вы домовъ своихъ, которые были покойной вашей жизни убѣжищемъ.»

Голосъ главнокомандующаго былъ гласомъ въ пустынѣ. Между тѣмъ, настала пора перемѣнять аманатовъ, настала пора взносить половину слѣдуемой дани,—новые наши подданные какъ-бы и забыли объ этомъ. Князь Цицiановъ напомнилъ имъ, грозя придти съ огнемъ и мечемъ; но, вмѣсто исполненія законнаго требованія, джарцы написали къ главнокомандующему, что они бѣдны, что у нихъ нѣтъ шелку и потому не могутъ заплатить дань.

Князь Цицiановъ разрѣшилъ имъ, вмѣсто шелку, внести 11 тысячъ деньгами, причемъ сулилъ имъ полнѣйшее разореніе всего ихъ имущества, ежели они и послѣ этого не исполнятъ его приказанія.

„Ждите времени, — писалъ главнокомандующій, — сберите всѣхъ дагестанцевъ и готовьтесь перемерзнуть въ снѣгу между горъ, буде стоять устрашитесь. Не обманите вы меня другой разъ; истреблю васъ съ лица земли, и не увидите вы своихъ селеній; пойду съ пламенемъ, по вашему обычаю, и хотя русскіе не привыкли жечь, но спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь на вѣки въ вашей землѣ. Знайте, что, писавъ сіе письмо къ вамъ, неблагодарнымъ, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ, члены всѣ дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду; землю вашей области покрою кровью вашею и она покраснѣетъ; но вы, яко зайцы, уйдете въ ущелья—и тамъ васъ достану, и буде не отъ меча, то отъ стужи пооколѣете.“

Это грозное воззваніе не испугало джарскихъ лезгинъ, не привыкшихъ къ повиновенію. Сила слова не имѣла никакого значенія тамъ, гдѣ физическая сила играла главную роль.

Дань не взносилась; дагестанцы продолжали дѣлать набѣги на Кахетію и Грузію. Наконецъ, зимою 1803 года, джарцы дошли до наибольшаго уклоненія отъ данной ими присяги. Они приняли къ себѣ дагестанцевъ (такъ какъ въ зимніе мѣсяцы переходы чрезъ главный хребетъ невозможны) и общими силами стали нападать на Кахетію.

Терпѣніе главнокомандующаго истощилось: онъ приказалъ генералу Гулякову, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 16 ротъ пѣхоты, при 5 орудіяхъ*), двинуться въ Джарскую область и наказать джарцевъ. Лезгины, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ перестрѣлокъ, толпами бѣжали въ ущелья. Генералъ Гуляковъ упорно преслѣдовалъ ихъ до самаго селенія Джаръ, покинутаго жителями. Увлекшись успѣхомъ своимъ, Гуляковъ направилъ отрядъ въ Джарское ущелье, находящееся выше селенія. Засѣвшія тамъ скопища лезгинъ открыли сильный огонь, жертвою котораго былъ генералъ Гуляковъ, и съ гикомъ бросились на голову нашей колонны. Отрядъ, тѣснимый лезгинами и потерявшій начальника, смѣшался; солдаты и офицеры валились въ кучу; въ числѣ послѣднихъ находились генералъ-маіоръ Леонтьевъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ князь М. С. Воронцовъ, бывшій, какъ извѣстно, впослѣдствіи Намѣстникомъ и Главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ.

Не смотря на такую неудачную экспедицію нашихъ войскъ, чрезъ нѣсколько дней многія селенія прислали своихъ депутатовъ просить пощады. Князь Орбеліани, принявши начальство послѣ генерала Гулякова, объявилъ депутатамъ, чтобы они внесли слѣдуемую дань шелкомъ или заплатили по червонцу за каждый фунтъ. Интересно, что причину такой непокорности всѣ лезгинскія общества сваливали на джарцевъ, а джарцы говорили, что „случившееся по сіе время дѣло отъ воли Божіей“ **).

Чрезъ депутатовъ, князь Орбеліани написалъ старшинамъ и обществу: „Довѣренные ваши ко мнѣ пріѣхали и объявили, что вы хотите покаяться въ своемъ преступленіи и данную присягу, прошлогоднюю, на вѣрность великому нашему Государю Импера-

*) Полковникъ Романовскій. „Кавказъ и Кавказская война.“
**) Дубровинъ. „Закавказье“.

тору, возобновить; то и должны на этотъ разъ выполнить два мои предложенія: быть преданными нашему Великому Государю Императору, на вѣрность скоро поновить присягу съ такимъ обѣщаніемъ, чтобы впредь не могли и не осмѣлились уже нарушить; второе: — собрать по постановленію, прежде вами заключенному, дань шелкомъ или деньгами. То, на чемъ вы согласитесь, дайте знать мнѣ непремѣнно черезъ 5, или, послѣдній срокъ, черезъ 10 дней. Почему я не остановился въ вашихъ предѣлахъ, не сжегъ ваши деревни и не разорилъ до конца, то упросилъ меня о томъ Айтамуръ, съ обѣщаніемъ, что вы будете выполнять волю Великаго нашего Государя" *).

Но еще долго пришлось выжидать, пока джарцы собрались взнести первую подать. Просьбы отсрочекъ, жалобы на бѣдственное состояніе, заставляли побѣдителей быть снисходительными.

Между тѣмъ постоянныя войны въ разныхъ частяхъ Закавказья мало-по-малу отвлекли наше вниманіе отъ джарцевъ. Вслѣдствіе этого, данныя ими обязательства стали ослабѣвать. Джарцы опять начали заниматься грабежомъ, совершенно перестали взносить подать и наконецъ, въ 1830 году, возмутились. Возмущеніе это было подавлено, и въ томъ-же году заложена, близъ сел. Джаръ, крѣпость Новые Закаталы и учреждена Джаро-Белоканская область. Съ этого времени, можно сказать, начинается болѣе твердое владычество наше въ этомъ краѣ.

Слишкомъ не понравилось джарскимъ лезгинамъ наше здѣсь водвореніе. Они не допускали мысли, чтобы сел. Джары было въ русскихъ рукахъ и чтобы у нихъ, передъ глазами, эти-же русскіе воздвигли укрѣпленіе. Нѣкоторые изъ нихъ покинули свои дома, бѣжали въ Дагестанъ и оттуда съ булхадарами нападали на Джаро-Белоканскую область и Кахетію, а другіе, подъ предводительствомъ Шихъ-Шабана, возмутились въ самой области и, 24 іюля 1830 года, при сел. Белоканахъ, потерпѣли совершенное пораженіе.

Чтобы сильнѣе оградить отъ нападенія дагестанцевъ, какъ Кахетію, такъ и новую нашу область, необходимо было воздвигнуть, частью у подошвы предгорій, частью на уступахъ хребта, цѣлый рядъ укрѣпленій, башенъ и постовъ. Такая линія укрѣпле-

*) Дубровинъ, „Закавказье".

ній получила названіе *Лезгинской кордонной линіи.* Послѣ этого набѣги значительно уменьшились и административная дѣятельность стала успѣшнѣе вліять на туземное населеніе края.

Джаро-Белоканская область дѣлилась на 5 округовъ. Высшая административная власть сосредоточивалась въ начальникѣ области, который былъ предсѣдателемъ областнаго правленія. Въ вѣдѣніи его состояли: областное казначейство, коммисары для сбора податей и два магальные наиба. Въ вѣдѣніи начальника области находилось также Елисуйское султанство, управлявшееся султаномъ *).

Спокойствіе, казалось, возстановилось. Администраторы наши слѣдили за своевременнымъ взносомъ податей и сторожили спокойствіе области отъ прежнихъ вторженій дагестанцевъ. Елисуйскій султанъ, сохранивъ прежнюю власть, былъ только нашимъ данникомъ.

Въ помощь нашимъ войскамъ сформирована была изъ туземцевъ постоянная милиція, которая слѣдила за прорывомъ черезъ кордонную линію качаговъ **). Постоянная тревога, вслѣдствіе нападенія мелкихъ шаекъ качаговъ, мѣшала жителямъ улучшить свой домашній бытъ и заняться болѣе мирною дѣятельностью, а администрація не имѣла возможности нравственно вліять на умы здѣшнягонаселенія, исключительно заботясь объ отраженіи враговъ. Наступилъ 1844 годъ. Елисуйскій Султанъ Даніель-бекъ собираетъ довольно-сильное скопище, какъ изъ своихъ подданныхъ, такъ и изъ жителей Дагестана, и производитъ возмущеніе. Войска наши, подъ предводительствомъ генералъ-лейтенанта Шварца, двинулись въ Елисуйское султанство и 13 мая, при сел. Чардахло, разбили мятежниковъ на голову, а султана вытѣснили изъ Белоканской области. Даніель-Бекъ бѣжалъ въ горы и вступилъ въ скопища Шамиля.

Въ 1852 г. Даніель-бекъ опять явился въ предѣлахъ Белоканской области. Жители горныхъ деревень, помня грознаго своего повелителя, приняли его съ полнѣйшею покорностью, за что, по приказанію генералъ-маіора барона Врангеля, командовавшаго

*) Кавказскій Календарь на 1868 г.: „Историческій обзоръ гражданскихъ учрежденій Кавказскаго и Закавказскаго Края.“

**) Качагъ значитъ—бѣглецъ. Такъ назывались дагестанцы и бѣглецы изъ округа, спускавшіеся съ горъ небольшими отрядами для нападенія на мирныхъ жителей.

въ то время войсками на Лезгинской кордонной линіи, были выселены на плоскость.

Елисуйскій Султанъ не ограничился этими двумя неудачами и въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1853 года явился въ скопищѣ дагестанцевъ, появившихся, подъ предводительствомъ Шамиля, на высотахъ близъ селен. Джаръ. Смѣлый походъ генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго черезъ снѣговой хребетъ, считавшійся въ то время года непроходимымъ, уничтожилъ замыслы Шамиля, бѣжавшаго въ горы.

Въ 1855 году, горцы, подъ предводительствомъ сына Шамиля, Казы-Магома, еще разъ пытались прорваться въ область, но были отражены жителями Мухахскаго ущелья.

Въ 1860 году, Джаро-Белоканская область преобразована въ Закатальскій округъ, который въ административномъ отношеніи раздѣлялся на 3 участка: Белоканскій, Енисельскій и Елисуйскій.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 года вновь вспыхнулъ мятежъ въ округѣ. Шайка, подъ предводительствомъ белоканца, штабсъ-капитана Хаджи-Муртуза, штурмовала Закатальскую крѣпость, но штурмъ этотъ былъ отбитъ, не смотря на малочисленность нашего гарнизона.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же года послѣдовало утвержденіе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавказскою арміею о преобразованіи внутренней администраціи въ Закатальскомъ округѣ, по примѣру округовъ военно-народнаго управленія Дагестана.

Въ настоящее время Закатальскій округъ въ административномъ отношеніи раздѣляется на 6 наибствъ: Джарское, Белоканское, Мухахское, Аліабатское, Карасуйское и Елисуйское. Начальникъ округа подчиняется Начальнику Кавказскаго Горскаго Управленія. Каждое селеніе въ округѣ управляется старшиною, а для разбора тяжебныхъ дѣлъ, не превышающихъ 30 руб., и могущихъ возникнуть между жителями споровъ и несогласій, въ каждомъ селеніи существуютъ сельскіе суды. Старшины и судьи избираются ежегодно большинствомъ голосовъ, по закрытой балотировкѣ. Выборы производятся такимъ образомъ: сельское общество (джамаатъ) избираетъ изъ своей среды нѣсколькихъ кандидатовъ, на вышеназванныя должности, и повѣренныхъ. Повѣренные, принесши присягу, балотируютъ каждаго кандидата и у кого изъ нихъ окажется больше избирательныхъ

шаровъ, того, по представленію начальника округа, утверждаетъ въ должности начальникъ Кавказскаго Горскаго Управленія.

Кромѣ сельскихъ судовъ, въ округѣ существуетъ окружной словесный судъ, который состоитъ изъ предсѣдателя—начальника округа, а въ его отсутствіе—одного изъ его помощниковъ, двухъ казіевъ, для разбора дѣлъ по шаріату *), 6-ти диванъ-бековъ**), по одному изъ каждаго наибства, для разбора дѣлъ по адату, и двухъ депутатовъ отъ города, для разбора дѣлъ горожанъ съ сельскимъ населеніемъ. Казіи, диванъ-беки и депутаты избираются тѣмъ-же порядкомъ, какъ старшины и сельскіе судьи, чрезъ каждые три года.

Апелляціи на рѣшенія окружнаго суда подаются въ главный народный судъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ Начальника Кавказскаго Горскаго Управленія, изъ членовъ, избираемыхъ по закрытой балотировкѣ, одновременно съ членами окружнаго суда.

Производство дѣлъ въ округѣ—гласное и оканчивается чрезвычайно быстро.

III.

Выше было сказано, что территорія Закатальскаго округа населена тремя народностями. Разсмотримъ каждую изъ нихъ отдѣльно и начнемъ, по хронологическому порядку населенія, съ ингелойцевъ.

Много невзгодъ перенесъ ингелоецъ; много видѣлъ онъ горя, въ то время, когда долженъ былъ отречься отъ религіи отцевъ своихъ и назваться настоящимъ его именемъ ***). Трехсотлѣтнее иго, постоянныя кровопролитія, необузданный деспотизмъ властей,—все это пагубно вліяло на характеръ этого народа. Не измѣнился только его языкъ: во всѣхъ ингелойскихъ деревняхъ, даже у оставшихся мусульманами, обще-употребительный домашній языкъ—грузинскій; многія женщины совершенно не-

---

*) Т. е. касающихся религіи, семейныхъ отношеній, завѣщаній, наслѣдства.

**) Диванъ—присутственное мѣсто; бекъ—господинъ.

***) Т. е. ингелойцемъ (новообращеннымъ).

знаютъ иного языка. Часть ингелойцевъ исповѣдуетъ теперь православіе.

Христіанская проповѣдь нашихъ миссіонеровъ представляетъ здѣсь страшную борьбу съ религіознымъ убѣжденіемъ потомковъ древнихъ христіанъ; мусульманскій фанатизмъ такъ глубоко пустилъ въ нихъ свои корни, что нужно еще много времени, предстоитъ еще много труда, пока лучъ истины озаритъ сердца «новообращенныхъ».

Начало принятія ингелойцами православной вѣры относится къ 1822 году, когда прибыли изъ Закатальскаго округа къ экзарху Грузіи, архіепископу Іонѣ, 6 человѣкъ ингелойцевъ, съ просьбою принять ихъ въ лоно православной церкви. Вслѣдствіе такого заявленія, экзархъ отправилъ къ нимъ двухъ проповѣдниковъ, которые встрѣтили здѣсь сильное противодѣйствіе со стороны мусульманъ, и ученіе ихъ не имѣло ожидаемаго успѣха. Поэтому, генералъ Ермоловъ, находя несвоевременнымъ пребываніе здѣсь миссіи, просилъ экзарха вызвать ее обратно. Въ 1831 году митрополитъ Іона, по предварительному соглашенію съ графомъ Паскевичемъ, послалъ опять миссіонеровъ къ ингелойцамъ, но ближайшее начальство возвратило проповѣдниковъ до болѣе благопріятнаго времени.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, ингелойцы стали чаще и чаще посѣщать грузинъ Сигнахскаго уѣзда, и, дѣля съ ними хлѣбъ-соль, всматривались въ религіозные ихъ обряды. Потомъ, тайкомъ, стали крестить своихъ дѣтей. Въ Телавскомъ уѣздѣ есть старый монастырь, Алаверды. Въ 1850 году, на бывшій тамъ храмовой праздникъ, прибыли изъ сел. Кахъ 8 человѣкъ ингелойцевъ и просили настоятеля окрестить ихъ въ православную вѣру. Настоятель не удовлетворилъ ихъ просьбѣ, а посовѣтовалъ имъ отправиться въ Тифлисъ и просить объ этомъ тамошнее высшее духовенство. Они такъ и сдѣлали: поѣхали въ Тифлисъ, гдѣ и были окрещены въ Сіонскомъ соборѣ. Эти вновь окрещенные сообщили, что въ округѣ найдутся еще желающіе принять христіанство. Въ 1851 году учрежденъ штатный приходъ въ селеніи Кахъ. Съ этого времени быстрѣе стало развиваться христіанство въ округѣ, такъ, что въ 1853 году миссіонеры могли перенести свою дѣятельность въ другія села ингелойцевъ. Проповѣдь ихъ, болѣе и болѣе распространяясь, вызвала необходимость усилить составъ миссіонеровъ и образовать по-

вые приходы въ селеніяхъ Корагань, Алибегло, Тасмало и Енгіяны *).

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній, на счетъ суммъ Общества возстановленія православнаго христіанства, стали воздвигаться православныя церкви, около которыхъ недавно пріютились удобныя помѣщенія для священниковъ и причта и тутъ-же маленькія школы, гдѣ дѣти прочтутъ вамъ на ломанномъ русскомъ языкѣ «Молитву Господню», «Богородице Дѣво, радуйся...» Дѣло распространенія христіанства вообще шло безпрепятственно до 1858 года, но въ этомъ годѣ предстала новая борьба съ мусульманствомъ, такъ, что почти до-сихъ-поръ обращеніе ингелойцевъ какъ-бы замерло.

Среди ингелойскаго духовенства есть священникъ и діаконъ, бывшіе прежде муллами.

Въ настоящее время въ Кахѣ существуетъ фамилія Кешишъ-оглы (священническія дѣти), теперь христіане, которая до-сихъ-поръ сохраняетъ въ особомъ сундучкѣ древніе иконы, кресты, Евангеліе, нѣкоторые сосуды, Богослужебныя книги и епитрахиль. Сундучекъ этотъ почти весь облитъ воскомъ отъ свѣчекъ, прилѣпляемыхъ къ нему усердіемъ христіанъ. Особеннымъ-же религіознымъ уваженіемъ, не только ингелойцевъ, но и мусульманъ, пользуется мѣсто на берегу р. Курмуха, гдѣ, по преданію, былъ монастырь св. Георгія. Ежегодно, 10 ноября, туда стекается много народа. Священники служатъ молебны, послѣ которыхъ жители, въ видѣ жертвоприношенія, закалываютъ барановъ. Обычай этотъ ведется съ незапамятныхъ временъ.

Клятва мѣстомъ курмухской церкви считается чрезвычайно важною. Какъ увидимъ ниже, ингелойцы, призывая благословеніе Божіе на новобрачныхъ, говорятъ: «Боже и курмухская церковь! дайте молодымъ счастіе и благополучіе»!

Мусульмане-же разсказываютъ о курмухской церкви, что въ настоящее время она ничто иное, какъ громаднаго размѣра камень. Онъ находится у самой подошвы скалистой горы. Съ одной стороны, въ скалѣ, есть углубленіе, похожее на двери. По поводу этого углубленія говорятъ, будто эта скала была церковью еще во времена Іисуса Христа, но, послѣ его вознесенія, двери ея превратились въ камень и заперлись навсегда.

Христіане всѣхъ исповѣданій—грузины и армяне,—по воск

*) Послѣдніе два упразднены.

реснымъ и праздничнымъ днямъ, благоговѣйно отправляются туда на богомолье и тамъ приносятъ въ жертву барановъ. Кромѣ того, разъ въ годъ, а именно въ ноябрѣ, со всѣхъ сторонъ народъ туда стекается со своими семьями. Всѣ они, съ арбами и лошадьми, располагаются вокругъ церкви. Глядя издали на эту пеструю массу, невольно кажется, будто въ томъ мѣстѣ образовался на время кочующій городъ. Послѣ жертвоприношенія начинаютъ веселиться: играютъ на зурнѣ, бьютъ въ бубны, поютъ и пляшутъ; шумъ и крикъ далеко оглашаютъ окрестность. Христіане очень уважаютъ и почитаютъ курмухскую церковь и вѣруютъ въ ея чудодѣйственную силу. Когда приходится кому-нибудь изъ нихъ, по какому-нибудь случаю, произнести клятву, то каждый готовъ клясться чѣмъ-угодно, только не курмухскою церковью,—исключая слишкомъ важнаго обстоятельства. Мусульмане-же говорятъ, что они не питаютъ къ этому мѣсту ни малѣйшаго уваженія. Нѣкоторые изъ татаръ хотя и посѣщаютъ это мѣсто съ христіанами, но это, говорятъ, дѣлается ради хорошаго тамъ угощенія, а никакъ не отъ уваженія къ святынѣ.

Главная, отличительная черта ингелойца, — гостепріимство. Нечаянно заѣхавшаго къ нему онъ называетъ «гостемъ Божіимъ». Первое условіе гостепріимства — угощеніе, и ингелоецъ для гостя ничего не жалѣетъ. Онъ его накормитъ, чѣмъ Богъ послалъ. Ежели у него выдѣлывается вино, то откроетъ непочатый кувшинъ на счастье и здоровье неоцѣненнаго гостя. Потомъ возьметъ инструментъ, въ родѣ гитары, поетъ, играетъ, а дѣтей заставитъ плясать. При отъѣздѣ, онъ проситъ, чтобы гость и на будущее время не миновалъ его жилища. По достоинству и званію гостя, провожаетъ его до воротъ, или верхомъ на конѣ за деревню. Ингелоецъ вспыльчивъ, но не злопамятенъ. Со введеніемъ христіанства месть стала уступать прощенію обидъ. Ингелоецъ по-своему трудолюбивъ: онъ не любитъ откладывать дѣла, хотя, работая, часто отдыхаетъ. Походка его тяжелая, съ переваломъ. Умственныя способности плохо развиты. Богатство природы даетъ ему все: у него вдоволь хлѣба, вина, скота; между тѣмъ его угрюмый видъ, его нищенская одежда и обувь поражаютъ европейца. Женщина у нихъ, какъ и вообще у всего здѣшняго туземнаго населенія, не знаетъ отдыха: она, кромѣ обыкновенныхъ заботъ хозяйки дома, молотитъ и вѣетъ хлѣбъ, воспитываетъ шелковичныхъ червей, смотритъ за скотомъ, ухаживаетъ за огородомъ. Глава семейства,

или старшій въ домѣ, глубоко уважается всѣми домашними; онъ держитъ себя относительно прочихъ членовъ семейства съ достоинствомъ.

Дома ингелойцевъ, какъ и вообще у остальныхъ здѣшнихъ сельскихъ обывателей, строятся въ глубинѣ чистаго, ровнаго, вѣчно зеленѣющаго двора, огороженнаго плетнемъ, а кто побогаче, то и каменнымъ заборомъ, изъ булыжника. Крыши на домахъ — по-большей-части камышевыя и рѣдко деревянныя. По бокамъ двора —два сада: виноградный и тутовый; около нихъ—огороды и здѣсь-же лужайка, съ которой собираютъ сѣно. Черезъ дворъ проведена неширокая канавка, по которой бѣжитъ чистая вода. Домъ ингелойца, — по-большей-части, плетеный, обмазанный глиною, а у болѣе состоятельныхъ каменный, — имѣетъ такую архитектуру: сначала навѣсъ, подъ которымъ обыкновенно помѣщается станокъ для размотки шелка; по срединѣ задней стѣны—дверь въ комнату, войдя въ которую, замѣчаешь еще нѣсколько дверей на дворъ, для того чтобы, по случаю бывшихъ во время войнъ частыхъ пожаровъ, скорѣе можно было спасти имущество. Полъ въ комнатѣ земляной, ничѣмъ не смазанный. Посрединѣ потолка, подпертаго нѣсколькими столбами, находится сквозное, черезъ крышу, отверстіе для выхода дыма. Противъ этого отверстія, на полу, разводится огонь, какъ для приготовленія пищи, такъ и для отогрѣванія, въ ненастные зимніе мѣсяцы, охладѣвшихъ членовъ *). У зажиточныхъ-же устроиваются камины. Въ углахъ комнаты наложены двумя параллелями камни или по два бревна, на которыхъ лежатъ доски, а на нихъ собственнаго тканья ковры, паласы **), джиджимы ***), мутаки ****), одѣяла—у зажиточныхъ шелковыя, подшитыя ситцемъ или бязью (родъ коленкора). Такихъ отдѣльныхъ складовъ для постели бываетъ обыкновенно столько, сколько живетъ въ комнатѣ семействъ. По стѣнамъ, въ нишахъ, сдѣланы полки, на которыхъ внизу ставятся сундучки и ящички, съ разнымъ бѣльемъ и платьемъ; выше—сложена разная утварь: мѣдный котелъ;

*) У многихъ ингелойцевъ скотъ помѣщается вмѣстѣ съ хозяевами и отгораживается отъ комнаты только яслями. Для окуриванія скота очень часто закрывается отверстіе въ потолкѣ и дымъ наполняетъ все жилище ингелойца.

**) Паласъ—узкій коверъ, около аршина ширины и аршина $2^1/_2$ длины.

***) Джиджимъ нѣсколько длиннѣе и шире паласа, подшитъ войлокомъ.

****) Мутака—круглая, продолговатая подушка.

такое-же блюдо, что-то въ родѣ сковороды, мѣдный большой тазъ, необходимый при разматываніи шелка; а еще выше—кувшины для воды и вина, маленькіе мѣдные подносы, большой, продолговатый, четырехъ-угольный, деревянный подносъ (хончá), на который во время ѣды ставится кушанья и проч. Гдѣ-нибудь въ простѣнкѣ между дверьми стоитъ выдолбленная изъ дерева кадка, для ссыпки разныхъ припасовъ; выдолбленное деревянное корыто, для мѣсенія хлѣбовъ, выдолбленный изъ дерева боченокъ, для приготовленія коровьяго или буйволинаго масла,—вотъ и все убранство жилища пшелойца *). Образовъ въ домахъ почти нѣтъ ни у кого.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ и водопроводной канавы находится пекарня (*тендуръ*—по татарски и *тоне*—по грузински): это круглая,—аршина 2 въ діаметрѣ и аршина $2^1/_2$ глубины,—яма, обмазанная внутри глиною. Иногда яма эта на поверхности земли, обводится небольшою каменною, сложенною на извести, стѣнкою, на которую садится пекущая хлѣбы. Отверстіе ямы закрывается деревяннымъ кругомъ. Передъ тѣмъ, какъ нужно печь, яма сильно нагрѣвается; потомъ изъ приготовленнаго тѣста лѣпятся различной формы, преимущественно тонкіе, узкіе, продолговатые хлѣбы, которые накладываются на набитую соломою подушку, прикрѣпленную къ деревянной дощечкѣ; подъ дощечкою прибивается ременокъ такъ, чтобы подъ нимъ могла пройти кисть руки. Затѣмъ, одною рукою тѣсто опускается въ тендуръ и придавливается этою подушкою къ стѣнкамъ ямы, а черезъ нѣсколько минутъ вытаскивается желѣзными крючками.

Пища пшелойна состоитъ изъ бараньяго сыра, различной зелени—луку, тархуну, мяты,—жирнаго супа, съ бараниной и яйцами, бараньяго шашлыка, плова. Вообще нужно сказать, что баранина у здѣшнихъ жителей въ большомъ употребленіи. У пшелойцевъ, какъ и у большинства туземцевъ, нѣтъ ложекъ; жидкія кушанья они ѣдятъ такимъ образомъ: крошатъ въ одну общую чашку хлѣбъ и, когда онъ пропитается жидкостью, вынимаютъ его пальцами. Надо быть слишкомъ голоднымъ, чтобы ѣсть въ

*) Туземцы сбиваютъ масло такимъ образомъ: въ отверстіе съ боку боченка вливается сметана; затѣмъ онъ привѣшивается къ какой-нибудь перекладинѣ и качается по направленію длины боченка, какъ обыкновенная висячая люлька. Приготовленіе масла такимъ образомъ нисколько неутомительно.

обществѣ туземцевъ. Послѣ ѣды непремѣнно пьютъ вино, иначе, они говорятъ, можно заболѣть.

При входѣ гостя, разстилается коверъ, кладется мутака и затѣмъ слѣдуетъ приглашеніе сѣсть.

Одежда ингелойца состоитъ изъ ситцевой, или какой-нибудь бумажной матеріи рубахи, по-большей-части темно-синяго цвѣта; рубаха шьется безъ воротника и, застегиваясь у ключицы, на груди расходится, отчего грудь почтоянно обнажена. Сверху надѣвается обыкновенно пестраго ситца и довольно короткій архалукъ, тоже безъ воротника, застегивающійся у поясницы; рукава на немъ узкіе и у кисти оканчиваются длиннымъ треугольникомъ, съ закругленными боками. Треугольникъ закидывается назадъ, а рукавъ плотно застегивается отъ кисти руки почти до локтя; дальше—узкій поясъ, большею-частью изъ кожи, а у зажиточныхъ изъ серебрянаго галуна, съ пряжкою. Къ поясу привѣшивается кинжалъ. На архалукъ надѣвается чуха, какъ и у грузинъ, съ длинными, висячими рукавами. Шаравары по-большей-части темнаго цвѣта, широкіе и короткіе; они вокругъ голени и ступни обматываются шерстяною, пальца въ 4 шириною, тесемкою. Затѣмъ слѣдуетъ обувь, называемая по татарски *чарыхъ*, состоящій изъ одной подошвы; чарыхъ подвязывается къ ступнѣ перепутанными сверхъ подъема ремешками. Головы у всѣхъ бритыя, прикрываемыя папахомъ. Въ ненастные дни ингелоецъ надѣваетъ бурку.

Женскій нарядъ состоитъ изъ бѣлой,—бумажной матеріи,—рубахи (нѣкоторыя недавно стали носить цвѣтныя), спускающейся немного ниже колѣнъ; коротенькаго пестраго архалука, выкроеннаго, какъ и мужской, только съ короткими, немного выше локтей оканчивающимися, рукавами; длиннаго, съ нагрудникомъ, фартука, который надѣвается черезъ голову и завязывается у поясницы; въ праздники надѣвается широкій поясъ изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ. Широкіе, красные шаравары обшиваются внизу пестрою тесемкою. Волосы заплетаются въ нѣсколько маленькихъ косокъ и на вискахъ выпускаются двумя прядями (бирчекъ). Голова покрывается чѣмъ-то въ родѣ капора (тюлю), а сверху—бѣлымъ покрываломъ, какъ у малороссіянокъ Кіевской и Подольской губерній (фюта). Сверхъ фюты накладываются серебряныя цѣпочки, съ прикрѣпленными къ нимъ мелкими монетами.

Ингелойцы—мусульмане — ничѣмъ не отличаются отъ хри-

стіанъ. У многихъ изъ нихъ сохранилось уваженіе къ постамъ великому и успенскому.

Мугалы, по характеру своему, во многомъ схожи съ ингелойцами, особенно живущіе въ Аліабатскомъ и Елисуйскомъ наибствахъ: деспотизмъ турокъ, персовъ, а потомъ лезгинъ отражается на нихъ до-сихъ-поръ. Угрюмый видъ, медленныя движенія, по-большей-части опущенная голова, — вотъ наружный оттѣнокъ мугала. Чувство правды имъ почти незнакомо. Пустое, ничтожное обстоятельство вызываетъ между ними разнорѣчивые отвѣты. Присяга для него, какъ и для ингелойца, ничто иное, какъ игра словъ: онъ готовъ присягать сколько-угодно. Ложныя свидѣтельства—обыкновенное явленіе среди мугаловъ; сутяжничество, незначительныя и часто несправедливыя жалобы неразлучны съ нимъ. Мугалъ слишкомъ легковѣренъ, но только къ мусульманину, и наоборотъ, слишкомъ недовѣрчивъ—къ христіанину. Каждое правительственное нововведеніе пугаетъ его: онъ видитъ въ немъ или приступъ къ увеличенію налоговъ, или начало рекрутской повинности. Ежели говорятъ, что масса глупа, то это совершенно вѣрно въ отношеніи къ мугаламъ и ингелойцамъ: куда одинъ, туда и всѣ, не давая себѣ отчета, какой можетъ быть изъ этого результатъ. «Всѣ такъ дѣлаютъ,—зачѣмъ я буду отставать?» говоритъ онъ. Обращаясь къ начальнику съ какимъ-нибудь дѣломъ, онъ заводитъ разговоръ съ самыхъ отвлеченныхъ предметовъ. Рѣчь свою ведетъ медленно, растягивая почти каждое слово.

Мугалы занимаются земледѣліемъ, обработкою рисовыхъ полей, шелководствомъ и скотоводствомъ. У нѣкоторыхъ есть довольно большія стада овецъ. Земледѣліе-же у нихъ далеко не совершенно, и только благодаря богатству почвы, обилію орошенія и теплому климату, они не знаютъ неурожая. Мугалы лѣнивѣе ингелойцевъ. Вся тяжесть работы выпадаетъ на долю женщинъ; мужчины-же, окончивъ работу, любятъ посидѣть у бѣгущаго ручья и послушать туземнаго импровизатора или пѣвца. Мотивъ ихъ пѣсенъ чрезвычайно однообразенъ: это какое-то плачевное завываніе, съ судорожнымъ сжиманіемъ горла. Въ этихъ судорогахъ заключается вся прелесть, все достоинство пѣвца.

Жилище и костюмъ мугаловъ, въ селеніяхъ, расположенныхъ на плоскости, такіе-же, какъ и у ингелойцевъ; у подгорныхъ-же—какъ у лезгинъ, т. е. дома́ по-большей-части каменные,

съ высокими крышами, а въ горныхъ селеніяхъ—съ плоскими. Двери по-большей-части одне. При входѣ въ комнату, у стѣны направо или налѣво—бухари (родъ камина); полъ—гладкій, залитый известью и какъ-бы лакированный. Въ стѣнахъ продѣланы оконныя отверстія, безъ рамъ и стеколъ, закрываемыя изъ внутренней стороны ставнями. Въ нѣкоторыхъ домахъ остались еще въ стѣнахъ амбразуры. Домашняя утварь одинакова у всѣхъ здѣшнихъ жителей. Пловъ и шашлыкъ—любимыя блюда, какъ мугаловъ, такъ и лезгинъ.

Одежда мугаловъ разнится отъ ингелойской только въ томъ, что архалуки имѣютъ невысокій воротникъ и застегиваются такъ, что закрываютъ грудь; рукава шире и безъ треугольниковъ на концахъ; чуха надѣвается въ рукава; шаравары уже и длиннѣе, чѣмъ у ингелойцевъ, и не завязываются внизу; ноги обуты или въ высокіе, съ узкими голенищами и закрученными носками, сапоги, подбитые подковами, или въ полусапожки, безъ подборовъ и тоже съ узкими носками.

Женскій костюмъ разнится тѣмъ, что у мугалки рубаха короче, и непремѣнно цвѣтная, и шаровары уже; вмѣсто тюлю, на головѣ—родъ тюрбана, надѣваемаго набокъ, болѣе на лѣвую сторону. Ротъ прикрывается чадрою.

Лезгины. Характеръ лезгина вспыльчивый, мстительный. Онъ нерѣдко готовъ предпринять самое отчаянное средство, чтобы достигнуть задуманнаго. Отважный до безумія, онъ, въ случаѣ неудачи, скоро падаетъ духомъ.

Походка его чрезвычайно легкая и быстрая. Онъ строенъ и статенъ. Считая себя какъ-бы высшимъ существомъ, онъ съ нѣкоторою надменностью смотритъ на остальныя народности въ округѣ. Слово «мугалъ» служитъ для лезгина выраженіемъ ругательства: такая брань можетъ окончиться весьма трагически.

Роскошная природа и труды мугаловъ и ингелойцевъ, постоянно работавшихъ на лезгина, сдѣлали его лѣнивымъ до крайности. Щегольское оружіе и добрый конь составляютъ его славу, его гордость. Нерасположенность къ гяурамъ, присущая всѣмъ мусульманамъ, въ немъ слишкомъ развита: среди жителей сел. Джары есть такія личности, которыя ни разу не были въ Закаталахъ, со времени нашего здѣсь водворенія, не смотря на то, что Джары отъ Закаталъ въ верстѣ.

Отличительное достоинство лезгина заключается въ томъ, что онъ не любитъ сутяжничать, и видя, что напали на слѣдъ

проступка, чистосердечно скажетъ всю правду. Вообще нравственный и умственный уровень лезгина гораздо выше ингелойскаго и мугальскаго.

Одежда женщинъ-лезгинокъ разнится только тѣмъ, что рубахи у нихъ спускаются до самой ступни, такъ что шаравары едва замѣтны, и онѣ не носятъ тюрбана и тюлю, а просто покрываютъ голову фютой и сверху пестрымъ распущеннымъ платкомъ (кюльбанге). Обувь у всѣхъ женщинъ въ округѣ одинакова: пестрые шерстяные чулки и красные или какіе-нибудь цвѣтные кожаные башмаки, безъ задниковъ, съ узкими, закрученными назадъ, носками и на высокихъ подборахъ; башмаки эти дѣлаются такъ, что пятки не входятъ въ нихъ.

IV.

Свадебные обряды у жителей Закатальскаго округа немногимъ отличаются между собою. Разница въ кебинныхъ деньгахъ и свадебныхъ угощеніяхъ. Придерживаясь порядка знакомства съ народностями округа, начнемъ съ ингелойцевъ.

Ингелоецъ, желая засватать своего сына за извѣстную ему дѣвушку, избираетъ посредникомъ самаго любимаго и ближайшаго родственника матери невѣсты. Ежели этотъ родственникъ изъявитъ согласіе на свое посредничество, то идетъ въ домъ невѣсты и держитъ такую рѣчь: «такой-то послалъ меня къ вамъ съ просьбою, выдать за его сына (или родственника) вашу дочь. Женихъ—хорошій, состоятельный человѣкъ и молодецъ собой. Я-бы совѣтовалъ вамъ согласиться».

Достоинство родителей невѣсты не дозволяетъ тотчасъ-же дать свое согласіе на это предложеніе, а потому посредникъ выслушиваетъ обыкновенно слѣдующія фразы: «посмотримъ, подумаемъ, посовѣтуемся и тогда дадимъ какой-нибудь отвѣтъ». Посредникъ, за третьимъ только приходомъ, получаетъ удовлетворительный отвѣтъ, который заключается въ томъ, чтобы къ извѣстному дню былъ доставленъ задатокъ: 1 серебряный рубль, 1 шелковый платокъ, 1 серебряный перстень, 1 баранъ, 10 слобныхъ хлѣбовъ, 1 чинахъ или литра мелкихъ орѣховъ, столько же каштановъ, 15 и болѣе красныхъ яицъ, блюдо халвы, 3 десятка яблокъ и 4 чапы (2 ведра) вина.

Вечеромъ, въ назначенный день, посредникъ, съ кѣмъ-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ жениха, привозятъ все это въ домъ невѣсты, куда приглашаются ближайшіе ея родственники, и въ присутствіи ихъ выставляются привезенныя задаточныя вещи. Затѣмъ посредникъ произноситъ: «все это прислалъ такой-то на обрученіе вашей дочери. Дай Богъ счастья и здоровья и вамъ, и имъ». Всѣ повторяютъ: «дай Богъ! поздравляемъ!»

Послѣ этого рѣжутъ привезеннаго барана и готовятъ изъ него супъ и шашлыкъ. Платокъ, перстень и деньги беретъ мать невѣсты. Перстень она тотчасъ надѣваетъ на палецъ дочери, а остальное прячетъ въ сундукъ. Невѣста не должна послѣ этого никому показываться.

Привезенные орѣхи, яблоки, каштаны, яйца и халва раздаются гостямъ, а остатки прячутся. Потомъ подаютъ ужинъ, во время котораго кто-нибудь играетъ на балалайкѣ и поетъ какую-нибудь татарскую пѣсню, причемъ и малые и большіе пляшутъ. Послѣ ужина пьютъ за хорошій и благополучный исходъ начатаго дѣла, и всѣ расходятся по домамъ.

На Ѳоминой недѣлѣ посредникъ долженъ доставить изъ дома жениха въ домъ невѣсты 1 чапу (1/2 ведра) вина, десятокъ красныхъ яицъ, 5 сдобныхъ хлѣбовъ, четверть барашка или столько-же бараньей ветчины, или вяленаго бараньяго мяса (кахаджи), одинъ рубль, одну тафту (кусокъ канауса). По этому случаю опять приглашается 2—3 близкихъ родственника невѣсты. Повеселившись, посредникъ собирается ѣхать, но тутъ съ пустыми руками его не пустятъ: въ его хурджинъ (большая сумка изъ ковра) положатъ кувшинъ съ виномъ, пару или двѣ шерстяныхъ носковъ, столько-же паръ чарыховъ,—все это онъ долженъ доставить въ домъ жениха.

Послѣ праздника Богоявленія, родители невѣсты назначаютъ день, въ который посредникъ долженъ доставитъ имъ *нишанъ*, т. е. большую посылку. *Нишанъ* составляютъ: 2 барана, цѣлая бараньяя ветчина, 6 ведеръ вина, восемь десятковъ яблокъ, 2 чанаха *) мелкихъ орѣховъ, столько-же каштановъ, четыре десятка красныхъ яицъ, 25 сдобныхъ хлѣбовъ и столько-же простыхъ, 2 большихъ блюда халвы, 2 тафты, 1 лечакъ, два рубля деньгами и серебряный перстень.

Наканунѣ отправленія нишана, приглашаются родителями жениха ближайшіе ихъ родственники, которые, поздравляя ихъ

*) Чанахъ составляетъ почти 1/30 часть четверти.

съ этимъ днемъ, дарятъ кто рубль, кто 50 коп., кто перстни; все это посредникъ, въ сопровожденіи двухъ родственниковъ жениха, везетъ къ невѣстѣ. Тамъ готовится ужинъ; приглашаются родственники и друзья родителей невѣсты, предъ которыми вновь выставляется все привезенное посредникомъ. Когда всѣ соберутся, посредникъ громко провозглашаетъ: „Наши сватья прислали все видимое вами. Дай Богъ имъ здоровья!“—и всѣ повторяютъ тоже.

Потомъ все съѣдомое раздѣляется между присутствующими, а вещи и деньги опять прячутся матерью невѣсты.

Затѣмъ слѣдуетъ веселый ужинъ. Тѣмъ изъ родныхъ жениха, которые прислали подарокъ невѣстѣ, посылаются носки, снурки для подвязки чарыховъ; тестю старшаго зятя и его женѣ —носки, чарыхи и снурки для нихъ.

Наконецъ, по прошествіи нѣкотораго времени, назначается *парчисъ-нишани* (посылка матеріи). Этотъ нишанъ составляютъ: 1 чаргатъ *), 2 лечака, 2 или 3 тафты, 25 сдобныхъ хлѣбовъ и столько-же простыхъ, отъ 4 до 6 десятковъ яицъ, 8 десятковъ яблокъ, мелкіе орѣхи и каштаны—сколько кто хочетъ, 5—6 ведеръ вина, 1 или 2 барана, цѣлая баранья ветчина. Въ этотъ разъ посредника сопровождаетъ, кромѣ двухъ мужчинъ, одна женщина. Опять собираются всѣ родственники невѣсты и въ присутствіи ихъ или мать невѣсты, или жена дяди должна покроить для невѣсты платье, причемъ она говоритъ, что ножницы не рѣжутъ; вслѣдствіе этого, женщина, которая пріѣхала отъ жениха, даетъ ей два абаза (40 коп.) Потомъ, примѣрявъ матерію къ невѣстѣ, даютъ сдѣлать первый надрѣзъ такой дѣвушкѣ или женщинѣ, у которой живы родители, послѣ чего, какъ сказано выше, кроятъ все платье. Этотъ нишанъ заключается обычнымъ весельемъ.

Мѣсяца за три до предполагаемаго дня свадьбы, родители жениха шлютъ посредника къ родителямъ невѣсты спросить, отдадутъ-ли въ этомъ году имъ невѣсту и когда они прикажутъ имъ приготовить свадьбу. Случается, что день свадьбы откладывается на нѣсколько лѣтъ. Ежели-же предполагается сыграть свадьбу скоро, то назначается еще нишанъ, въ которомъ должно быть не менѣе 30 сдобныхъ хлѣбовъ и столько-же простыхъ, 30 штукъ красныхъ яицъ, 40 яблокъ, 1 чанахъ каштановъ и столько-же мелкихъ

*) Длинный шелковый платокъ, которымъ закрываютъ лицо.

орѣховъ, 5 ведеръ вина, 1 баранъ, цѣлая баранья ветчина, 2 блюда халвы, деньгами рубль, который долженъ быть завернутъ въ платокъ, 1 лечакъ, тафта и пара башмаковъ (коши). Все это доставляется вышеописаннымъ способомъ.

Невѣста, къ дню свадьбы, должна соткать собственноручно, изъ разновременно-присылаемой женихомъ шерсти и шелку, 12 паласовъ или джиджимовъ и 4 одѣяла. Войлоки для джиджимовъ, подкладка для одѣялъ и шерсть для матрацовъ должны быть доставлены изъ дома жениха.

Наконецъ, день свадьбы назначенъ; къ нему готовятся какъ въ домѣ жениха, такъ и невѣсты. Наканунѣ, посредникъ, въ сопровожденіи *ахсажкала* *), получаетъ изъ дома жениха 25 чанаховъ пшеницы, 12½ ведеръ вина, живую скотину, и доставляетъ все это въ домъ невѣсты, послѣ чего приглашаются они оба въ домъ жениха, гдѣ, въ сообществѣ всѣхъ его родственниковъ, цѣлую ночь „звучитъ зурна и льются вины.“ Женихъ, съ двумя изъ своихъ родственниковъ, проводитъ эту ночь въ особомъ домѣ. Эти два лица, на другой день, во время обѣда, одѣваютъ жениха въ брачную одежду.

Въ томъ домѣ, гдѣ пируютъ гости, на большой подносъ (хончà) кладутъ лепешки изъ муки, медъ, масло, мелкіе орѣхи, изюмъ и, воткнутыя на трехъ-гранныя деревянныя палочки, яблоки. Эту хончу беретъ на плечо одна изъ ближайшихъ родственницъ жениха и, сопровождаемая зурною и толпою народа, идетъ въ тотъ домъ, въ которомъ находится женихъ. Одинъ изъ родственниковъ, находящихся съ женихомъ, выходитъ на дворъ, а другой запираетъ двери, которыя до-тѣхъ-поръ не открываются, пока оставшійся на дворѣ не получитъ 20 коп. за то, что одѣвалъ жениха. Потомъ выходитъ женихъ, окутанный въ бурку, такъ, что только видѣнъ одинъ глазъ его. При появленіи жениха раздается ружейный выстрѣлъ, послѣ котораго подходятъ къ жениху прежде старшіе, а потомъ и остальная родня и каждый цѣлуетъ его въ лобъ. Потомъ, предшествуемый пляшущими женщинами и зурною, онъ вводится въ большой домъ, гдѣ усаживаютъ его на приготовленное мѣсто и ставятъ передъ нимъ хончу. Два родственника, бывшіе до этого безотлучно при немъ, садятся по бокамъ его. Затѣмъ снаряжается изъ родныхъ жениха посоль-

*) Почетный, пожилой человѣкъ. Ахсахкалъ — слово татарское, означаетъ собственно: «бѣлая борода». Ред.

ство, состоящее изъ 4 или 12 женщинъ (енги) и столько-же мужчинъ, которые должны привезти невѣсту. Женщины отправляются верхами, а мужчины, предводительствуемые посредникомъ и ахсахкаломъ,—пѣшкомъ. Женихъ остается дома. Выѣздъ ихъ сопровождается однимъ выстрѣломъ.

Вотъ всѣ они у двора невѣсты, а ворота заперты и около нихъ, на длинномъ шестѣ, прикрѣпленномъ къ забору, воткнуто очищенное яблоко. Случается, что шестъ этотъ, за заборомъ, держитъ кто-нибудь изъ дома невѣсты. Посланные отъ жениха мужчины должны стрѣлять въ это яблоко и пулею сбить его. Стрѣлять можно только 3 раза, послѣ чего отпираются ворота и всѣ вступаютъ во дворъ. Въ это время у невѣсты тоже много гостей, которые сидятъ на дворѣ рядами,—мужчины отдѣльно отъ женщинъ. Имъ подаютъ различныя угощенія.

Невѣсту, въ особенномъ домѣ, одѣваютъ двѣ ея подруги. Здѣсь передается ей, привезенный отъ жениха, *энгали* (серебряный поясъ, стоящій не менѣе 25 руб.), *башъ-зынджиръ* (серебряная головная цѣпь), архалукъ съ серебряными пуговицами.

Подругамъ невѣсты присылается отъ жениха 20 коп. Зурначи получаютъ отъ матери невѣсты по парѣ носковъ. Получивъ подарки, они, играя, подходятъ къ дверямъ того дома, въ которомъ находится невѣста. Черезъ нѣсколько времени, она, съ закрытымъ лицомъ, поддерживаемая подругами, выходитъ на дворъ; въ это время раздается ружейный выстрѣлъ. Невѣста, предшествуемая пляшущими родственницами, ведется къ женщинамъ, пріѣхавшимъ отъ жениха. Каждая *енга*, подходя къ ней, цѣлуетъ ее въ лобъ; послѣ этого она садится между ними и вслѣдъ за этимъ которая-нибудь енга передаетъ прибывшимъ съ ними мужчинамъ хурджинъ, въ которомъ заключаются сдобные хлѣбы, сырое мясо, вареная курица и $^1/_2$ ведра вина; все это раздѣляется между гостями невѣсты. Затѣмъ начинаютъ плясать: сначала мужчины, потомъ женщины; зурначи то-и-дѣло переходятъ отъ одной партіи къ другой. Когда пляшутъ мужчины, женщины пьютъ, и наоборотъ.

Наконецъ, на бойкомъ осѣданномъ конѣ, покрытомъ разшитымъ чапракомъ, въѣзжаетъ во дворъ невѣсты *джилавдари* (стремянный). Ретивый конь не можетъ постоять на мѣстѣ и джилавдари то-и-дѣло проѣзжаетъ его. Черезъ нѣсколько времени присылается

изъ дому жениха арба, на которую складывается приданое невѣсты; сверху садится одинъ изъ ея родственниковъ и отправляется въ домъ жениха. Погоницикъ буйволовъ складываетъ всѣ вещи въ одну кучу и никого къ нимъ не допускаетъ.

Между тѣмъ въ домѣ родителей невѣсты начинаются сборы къ ея отправленію; всѣ гости встаютъ со своихъ мѣстъ, убирается скатерть, которая была разостлана передъ ними во время угощенія, и невѣсту ведутъ въ домъ ея родителей, какъ-бы для прощанія съ мѣстомъ, гдѣ она росла. Въ это время джилавдари подводитъ къ дверямъ дома лошадь; на нее садится невѣста, сзади ея усаживается маленькій братъ ея или кто-нибудь изъ ближайшихъ ея родственниковъ – *садзмо*,—что, по-грузински, значитъ «собратъ». Чтобы не обидѣть и лошади, на которой должна ѣхать невѣста, навязываютъ на ея шею, какъ-бы въ подарокъ, шерстяную веревку, называемую *мороза*. Енги садятся на своихъ коней. Къ мужчинамъ присоединяется изъ числа гостей невѣсты 8 человѣкъ и 6 *гамотанебулебовъ*, что, на грузинскомъ языкѣ, означаетъ—«посланные»; собираются и остальные мужчины, присланные изъ дома жениха, и поѣздъ двигается.

Впереди идутъ зурначи и барабанщики, за ними посредникъ и мужчины, потомъ невѣста, окруженная енгами; лошадь ея джиловдари ведетъ подъ уздцы.

Въ это время ворота во дворѣ жениха запираются и на длинномъ шестѣ выставляется пылающая плошка. *Гамотанебулебы* должны старатся сбить эту плошку, но во всякомъ случаѣ послѣ 3-хъ выстрѣловъ ворота отворяются—и поѣздъ, остановленный на время, двигается во дворъ жениха. Ихъ встрѣчаютъ пляшущія женщины, къ которымъ присоединяются слѣзшія съ коней енги, и невѣста, медленнымъ шагомъ, подъѣзжаетъ какъ можно ближе къ дверямъ дома. Въ это время женихъ, стоя съ однимъ изъ своихъ друзей на лѣстницѣ, приставленной къ крышѣ, высыпаетъ на голову невѣсты цѣлое блюдечко мелкихъ орѣховъ. Потомъ подходитъ свекоръ, а если его нѣтъ, то кто-нибудь изъ старшихъ въ домѣ, и снимаетъ невѣсту съ лошади; тутъ одна изъ ближайшихъ ея родственницъ, *мдаде*, беретъ ее за руку, а изъ дому выходитъ на встрѣчу какая-нибудь женщина, которая держитъ на плечѣ хончу, съ зажженными по краямъ восковыми свѣчечками и наполненную лепешками, медомъ, масломъ и сыромъ.

Какъ только невѣста войдетъ въ домъ, хонча ставится на

разостланный джиджимъ, на который рядомъ кладется пистолетъ, для того, чтобы невѣста была бойкая, молодцоватая, чтобы при смутныхъ обстоятельствахъ защищала домъ.

Старшая въ семействѣ женщина подходитъ къ невѣстѣ и кладетъ ей въ ротъ немного меду, въ знакъ сладости жизни; потомъ даетъ ей немного тѣста, которое та прилѣпляетъ къ косяку двери, что означаетъ вступленіе ея въ права хозяйки, что ей нужно будетъ печь хлѣбъ и довольствовать семью; съ этимъ выражается также желаніе, чтобы въ ея домѣ было постоянное обиліе земныхъ плодовъ, чтобы въ дверь къ ней всегда вносилось хорошее зерно и вкусный печеный хлѣбъ. Потомъ кладетъ на ея голову нѣсколько шелковичныхъ коконовъ, чтобы у нихъ былъ всегда хорошій шелкъ; затѣмъ подводитъ ее къ кадкѣ съ мукой и къ корыту съ печеными хлѣбами, и невѣста, опуская туда руку, должна ощупать эти продукты, въ знакъ того, что она, дѣлаясь хозяйкой, должна знать, гдѣ что находится. Наконецъ, сажаютъ ее на особо-приготовленное мѣсто, отдѣленное занавѣской изъ полосатой *бязи*; вокругъ нея садится мдаде и нѣсколько подругъ. По сю сторону занавѣски усаживаются остальные гости и подается ужинъ.

По уходѣ гостей, гамотанебулебы угощаются пловомъ и укладываются спать вмѣстѣ съ женихомъ.

На другой день, рано утромъ, каждому гамотанебулебу (всѣхъ ихъ 9 человѣкъ) должно быть непремѣнно дано по одному шашлыку, т. е. сырой говядины на 9 вертеловъ, иначе люди эти не войдутъ на дворъ. Между тѣмъ собираются гости; каждый изъ нихъ долженъ прежде всего подойти къ жениху съ поздравленіемъ, а потомъ уже сѣсть; не исполнившаго этого гамотанебулебы штрафуютъ: привязываютъ его къ дереву и одинъ бьетъ его, какъ будто-бы по ногамъ. Привязанный взываетъ о помощи, но напрасно: онъ долженъ заплатить 10—20 коп., или-же его домашніе должны прислать $^1/_2$ ведра вина, или ветчины, или курицу, и тогда только онъ освобождается. Штрафы эти идутъ въ пользу гамотанебулебовъ. Гости усаживаются на дворѣ, мужчины и женщины особо, на связанныхъ соломенныхъ подстилкахъ, называемыхъ—*наджа*. Почетнымъ гостямъ постилается джиджимъ или войлокъ. Женихъ садится съ мужчинами, невѣста съ женщинами; по бокамъ жениха садится 9 гамотанебулебовъ, по бокамъ невѣсты—мдаде и молодыя женщины, недавно вышедшія замужъ. Разсѣвшись такимъ образомъ, всѣ умываютъ себѣ

руки, послѣ чего разстилается предъ ними скатерть и на нее, предъ каждымъ, кладется по одной лепешкѣ, по одному яблоку или по кисти винограда, и на три человѣка по бутылкѣ водки и по куску пындыра (овечьяго сыра). Потомъ, подходятъ старшіе въ домѣ къ гостямъ, берутъ лежащія передъ ними лепешки и, давая одинъ конецъ гостю, а другой держа въ рукахъ, говорятъ: „Боже и курмухская церковь! дайте счастье и благополучіе молодымъ!» Затѣмъ переламливаютъ лепешку и ѣдятъ ее. По-крайней-мѣрѣ черезъ часъ послѣ этого подается на каждыхъ 3-хъ человѣкъ сырая говядина для одного вертела. Мясо разрѣзываютъ сами гости, обсыпаютъ его накрошеннымъ лукомъ, солятъ, нанизываютъ на вертелъ и даютъ прислуживающимъ сжарить, за что тѣ получаютъ по куску шашлыка. Потомъ подаютъ на 3-хъ человѣкъ по $^1/_2$ ведра вина. Въ полдень опять разносятъ тѣже порціи мяса: это называется *самцваде*, что, по-грузински, означаетъ «мясо на шашлыкъ». Около двухъ часовъ по полудни подается вареная говядина и супъ и наконецъ, вечеромъ, каждый изъ уходящихъ гостей несетъ по куску вареной говядины, называемой *сатвіна*. Гамотанебулебы получаютъ въ этотъ день нѣсколько-лучшую провизію: кромѣ мяса, имъ даютъ 3 курицы, съ каждой убитой для свадьбы скотины — филе, половину печени и другихъ потроховъ. Часть этого они должны удѣлить женщинамъ, пекшимъ хлѣбъ.

Молодые вѣнчаются или въ этотъ день, или наканунѣ, ежели невѣста неслишкомъ поздно пріѣдетъ въ домъ жениха. Въ церковь они идутъ отдѣльно: жениха сопровождаютъ 5—6 парней, невѣсту—столько-же женщинъ. Во время пути ни пѣсенъ, ни зурны не бываетъ.

На третій день гости сходятся къ обѣду. Женихъ садится такимъ образомъ, чтобы остальные посѣтители могли размѣститься по бокамъ его. Передъ нимъ ставится большой подносъ (хонча), тотъ самый, съ которымъ встрѣчали невѣсту, при входѣ ея въ домъ жениха. Зурна и барабанъ возвѣщаютъ начало торжества. Каждая изъ женщинъ, приглашенная на этотъ обѣдъ, приноситъ съ собою хончà, съ мелкими орѣхами, яблоками, халвою, медомъ и ветчиною изъ баранины; все это должно быть прикрыто бумажнымъ платкомъ; иная тащитъ, кромѣ того, живую курицу и чапу вина. Поставивъ принесенное предъ женихомъ, она снимаетъ съ хончи платокъ, накидываетъ его на шею жениха, цѣлуетъ его въ лобъ и пляшетъ. Послѣ обѣда натыкается на палку

очищенное яблоко и привязывается къ какому-нибудь большому на дворѣ дереву. Въ это яблоко прежде всего стрѣляютъ гамотанебулебы, и ежели они за третьимъ выстрѣломъ не собьютъ его, то предоставляютъ это право желающему показать свое искусство. Выстрѣлы должны производиться изъ ружья, заряженнаго пулею. Сбившій яблоко получаетъ въ награду платокъ съ головы жениха.

Послѣ этого кто-нибудь изъ разбитныхъ парней беретъ большое яблоко и подходитъ съ нимъ прежде всего къ старшему въ домѣ, получаетъ отъ него рубли 2—3 мелкими деньгами, втыкаетъ ихъ въ яблоко и, ставъ въ срединѣ пирующихъ, кричитъ: «Эй, джамаатъ, слушайте новость!»—«Дай Богъ, чтобы эта новость была пріятна», отвѣчаетъ джамаатъ.—«По милости Божьей, она хороша!» продолжаетъ крикунъ: «дай Богъ здоровья хозяину дома (называетъ его по имени): онъ даритъ молодому *столько-то* рублей».—«Дай Богъ здоровья»! кричатъ гости. Потомъ каждый изъ присутствующихъ вручаетъ этому сборщику, кто что можетъ; о каждомъ изъ нихъ крикунъ оповѣщаетъ, какъ и о хозяинѣ дома, а гости отвѣчаютъ тѣми-же фразами. Пересчитавъ собранныя деньги и завязавъ ихъ въ узелъ, сборщикъ кричитъ: «Эй, джамаатъ! слушайте свѣжую новость».—«Да будетъ она полезна»! отвѣчаетъ джамаатъ.—«Она, благодаря Бога, полезна! Дай Богъ здоровья роднымъ, знакомымъ, сосѣдямъ и всему обществу нашего села за то, что они подарили нашему молодому *столько-то* рублей»! выкрикиваетъ сборщикъ. — «Дай Богъ всѣмъ здоровья!», какъ эхо, повторяютъ гости. Вслѣдъ за этимъ встаетъ женихъ и, сопровождаемый зурною, двумя гамотанебулебами и нѣсколькими изъ гостей, идетъ открывать кувшинъ съ виномъ *), который называется «кувшинъ жениха». Вино для этого кувшина приготовляется особенно тщательно и потому оно бываетъ лучше, сравнительно съ прочими винами, имѣющимися въ запасѣ. Подойдя къ кувшину, жениху подаютъ желѣзную лопатку, которою онъ ударяетъ одинъ разъ по землѣ, насыпанной на крышку кувшина; но въ это время кто-нибудь изъ гостей выхватываетъ у него лопатку и очищаетъ остальную землю. Барабанщикъ зорко слѣдитъ за открытіемъ крышки и, какъ только она обнажится, становится на нее и до-тѣхъ-поръ не сойдетъ, пока одинъ изъ старѣйшихъ

*) Винные кувшины здѣсь громадной величины; они постоянно бываютъ закопаны въ землѣ.

родственниковъ жениха не дастъ ему двугривеннаго. Потомъ открывается кувшинъ и тотъ-же родственникъ черпаетъ оттуда вино особеннымъ сосудомъ, *кокоша* *), и предлагаетъ гостямъ; каждый, пожелавъ здоровья жениху, выпиваетъ вино. Зурна въ это время гудитъ съ особеннымъ усердіемъ.

Женское общество угощаетъ этимъ-же виномъ старѣйшая въ домѣ жениха. Пиръ продолжается до вечера.

По уходѣ гостей, гаматапебулебы собираютъ всѣ поступившіе въ пользу ихъ продукты; изъ числа ихъ удѣляютъ зурначамъ: по горсти мелкихъ орѣховъ и каштановъ, около десяти яблокъ, курицу и сыраго мяса на шашлыкъ. Въ это-же время идетъ расчетъ съ прочими членами свадебнаго обряда: посредникъ получаетъ рубль; *ахсалкалъ*—1 курицу, за каждый день свадьбы по куску сыраго мяса для шашлыка и $^1/_5$ всѣхъ штрафныхъ продуктовъ; *садзмо*—10 коп.; державшій узду лошади, на которой ѣхала молодая,—20 коп., *мдаде*—2 руб. Потомъ, 2—3 человѣка, не изъ родныхъ жениха, съ кувшинами, наполненными виномъ, провожаютъ ихъ за ворота, причемъ то-и-дѣло предлагаютъ выпить за здоровье молодыхъ, кромѣ того даютъ имъ $^1/_2$ ведра вина для того, чтобы они потчивали каждаго встрѣчнаго. Вся эта компанія, а также и женихъ, идутъ въ домъ невѣсты, гдѣ пируютъ по-крайней-мѣрѣ до полуночи. Молодой, съ двумя своими родственниками, остается почевать въ домѣ тестя. На другой день, во время обѣда, молодой открываетъ непочатый винный кувшинъ; эта церемонія повтореніе того-же, что было и въ домѣ жениха, съ тою только разницею, что на крышку кувшина становится не барабанщикъ, а кто-нибудь изъ родныхъ молодой. Набравъ вина, онъ возвращается въ домъ, гдѣ присутствующіе продолжаютъ обѣдъ и, наливая въ особенный кувшинчикъ, называемый ангелойцами *ораци*, подноситъ каждому, начиная съ тести, а ежели его нѣтъ, то съ старшаго въ домѣ, причемъ берущій вино говоритъ: «за здоровье и счастье молодыхъ».

Вечеромъ, провожая молодаго, отецъ и мать просятъ его приходить къ нимъ почаще: «нашъ домъ—твой домъ, не стыдись посѣщать насъ», говорятъ они.

Возвратясь домой, молодой застаетъ у себя всѣхъ близкихъ родныхъ. Послѣ ужина, гости снимаютъ съ себя обувь, и моло-

*) Кокоша—въ родѣ большой разливной ложки, сдѣланной изъ тыквы, съ прикрѣпленною къ ней палкою.

дая, въ сопровожденіи одной женщины, въ знакъ покорности, уваженія и готовности служить, обходитъ всѣхъ, начиная со старшаго, и моетъ имъ ноги, обтирая полотенцемъ. По окончаніи омовенія, подносится, сначала къ старшему, а потомъ и къ прочимъ, тарелка, на которую кладутъ деньги, кто сколько можетъ; это собственность молодой.

Этимъ оканчивается свадьба ингелойцевъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого, мдаде наполняетъ сумки (хурджины) 15-ю сдобными хлѣбами (пазуки), однимъ ведромъ вина, блюдомъ халвы, 2—3 десятками красныхъ яицъ и большимъ блюдомъ плову, на которомъ лежатъ двѣ жареныхъ курицы (все это заворочено въ особый полотенца) и, въ сопровожденіи двухъ своихъ родственницъ, несетъ въ домъ молодаго, у котораго по этому случаю готовится обѣдъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, мдаде, какъ ближайшая родственница молодой, интересуется узнать о первомъ впечатлѣніи ея супружеской жизни, а чтобы признаніе было искреннѣе, уводитъ ее въ сторону и потихоньку распрашиваетъ: какъ обращается съ нею мужъ; не терпитъ-ли она отъ него какихъ-нибудь обидъ, или напротивъ, онъ ласкаетъ ее,—и вообще, добрый-ли онъ человѣкъ. По окончаніи этой бесѣды, всѣ садятся обѣдать. Хурджинъ, принесенный мдаде, лежитъ неприкосновеннымъ: она сама, въ половинѣ обѣда, развязываетъ его и, доставъ все, заключающееся въ немъ, раздѣляетъ между присутствующими. При уходѣ ея, кувшинъ ея наполняется виномъ изъ запасовъ молодаго, а въ хурджинъ складываются части всѣхъ кушаньевъ, которыя были за обѣдомъ: мдаде тащитъ это къ себѣ домой.

Невѣста не приноситъ съ собою почти никакого приданаго: она получаетъ отъ своихъ родителей только деревянный сундукъ, въ которомъ заключается нѣсколько паръ шерстяныхъ носковъ, связанныхъ ею-же и которые она даритъ новой своей родня, да нѣсколько серебряныхъ пуговокъ, пряжка и цѣпочка (*башъ-зынджиръ* и *кочъ-бойнузъ*), такъ что цѣнность вывозимаго ею изъ дома родителей едва-ли превышаетъ рублей 20. Обезпеченіе будущаго ея матеріальнаго состоянія лежитъ на обязанности жениха: онъ даетъ деньги; онъ посылаетъ ей шерсть, шелкъ и проч., для приготовленія ковровъ, войлоковъ, матрацовъ; онъ даритъ ей наряды. Количество денегъ невѣстѣ до послѣдняго времени простиралось до 400 и даже 500 руб., но теперь христіане постановили платить

дѣвицѣ—30 р., а вдовѣ—50 руб., — такъ какъ она опытнѣе въ хозяйствѣ.

Брачные обряды у мусульманъ почти тѣже; разница заключается въ обрядѣ вѣнчанія или совершенія кебина. Оно производится слѣдующимъ образомъ. Казій и нѣсколько почетныхъ лицъ приглашаются въ домъ жениха и, условившись въ цѣнѣ, которую женихъ платитъ невѣстѣ, посылаютъ къ ней двухъ благонадежныхъ лицъ. Невѣста въ это время сидитъ съ подругами за занавѣскою, называемою *пардеисматъ*. Посланные останавливаются предъ занавѣскою и говорятъ: «за такое-то количество *мелче* (плата невѣстѣ) тебя отдаютъ за такого-то; даешь-ли согласіе своему отцу, чтобы онъ выдалъ тебя за него?» Выслушавъ согласіе невѣсты, лица эти приходятъ къ ея отцу и сообщаютъ ему объ этомъ. Въ это время отецъ, съ своей стороны, назначаетъ двухъ благонадежныхъ векилей (повѣренные) и двухъ свидѣтелей, которые идутъ къ казію. Казій посылаетъ двухъ человѣкъ къ жениху, спросить его согласіе на вступленіе въ бракъ съ такою-то, за такую-то сумму. Когда онъ согласится, то довѣряетъ одному изъ нихъ совершить бракъ. Довѣренный объявляетъ казію о своемъ назначеніи, и тотъ, вызвавъ повѣреннаго со стороны невѣсты, приказываетъ имъ взяться за руки и читаетъ надъ ними брачныя молитвы, по окончаніи которыхъ свидѣтели идутъ поздравлять молодыхъ.

Въ 1-й день свадьбы, призываютъ сельскаго муллу, чтобы онъ надѣлъ папахъ на голову жениха. Когда мулла явится, то два молодыхъ человѣка, которые находятся во всѣ дни свадьбы при женихѣ, выводятъ его, закутаннаго въ бурку, и, сопровождаемые зурною и маленькими барабанами, пройдя нѣсколько шаговъ, останавливаются, мулла надѣваетъ на его голову папахъ, затѣмъ цѣлуетъ его въ лобъ; послѣ этого подходятъ къ нему всѣ его родные и тоже цѣлуютъ въ лобъ. По окончаніи этого обряда, его уводятъ тѣмъ-же порядкомъ.

Послѣ совершенія кебина, женихъ называется *бекомъ*, а невѣста—*дявинъ*—получаетъ названіе *ханумъ* (барыня).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ воспѣваются достоинства жениха и невѣсты. За идеалъ красоты мужчины принимается въ особенности *терланокуши* (лучшей породы ястребъ).

Вотъ, для образчика, почти въ буквальномъ переводѣ, нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ, съ сохраненіемъ настоящаго ихъ размѣра·

I.

«Я потеряла своего *терланокуши*,
«И вижу его среди этой молодежи.
«Разскажу вамъ о достойной родинкѣ, находящейся на его бѣломъ челѣ:
«Она помѣщается въ промежуткѣ его бровей.
«Я очарована этимъ похитителемъ сердецъ!
«Я отлучилась отъ моей родины и лишилась ума!
«Эй, черныя рѣсницы и черные глаза!....
«Но важнѣе—чернота его бровей.
«Башнига доланимъ *), красавецъ изъ красавцевъ!
«Мечты о возлюбленномъ не оставляютъ моей души:
«Онъ сынъ священника, странствуетъ по Ирану,—
«Взгляни, въ какомъ онъ находится мѣстѣ этого округа.»

II.

«Сѣрые глаза! станьте на балконѣ и взгляните на меня.... Я умираю!
«Посмотри, какое страданье я переношу черезъ тебя, возлюбленная!.... Умираю!
«Узнай, что ожиданіе тебя не выходитъ изъ души моей.... Умираю!
«Я шейда бюлбюлъ **). Эй, улыбающаяся роза!.... Умираю!
«Твои рѣсницы—стрѣлы, брови—луки.... Умираю!
«Брови стрѣляютъ, подбородокъ улыбается.... Многіе съ ума сошли..... Разукрашенныя комнаты! Ежели не взойдутъ въ васъ мои пріятели и не скажутъ о моей тоскѣ.... Лекарство!.... Умираю!

«Каждое утро по улицѣ жеманно гуляешь.... Хороша!
«Съ сотнею жеманства надѣваешь алый цвѣтъ сверхъ зеленаго.... Хороша!
«На тонкій станъ надѣваешь поясъ, покрытый эмалью.... Хороша!
«На выкрашенныя хной руки надѣваешь браслеты..... Хороша!

---

*) Предаюсь твоей головѣ, т. е. твоему благоразумію.
**) Влюбленный соловей.

«Каждое утро разбрасываешь гребешкомъ кудри въ стороны.... Хороша!

«Сними язву съ моего сердца и прогуливайся по листьямъ шамки *).

«Я воспѣваю тебя стихами, съ трудомъ и муками.

«Я, несчастный, ни днемъ, ни ночью не имѣю покоя!

«Изъ твоихъ устъ вытекаетъ медъ, съ сахаромъ и шербетомъ **).

«Кому ты суждена, тотъ выпьетъ все это со вкусомъ.

«Разодѣлась въ разноцвѣтный и разнообразный нарядъ:

«Скрою твое платье..... откажусь отъ души и головы.....

«Оставлю свое отечество..... если дашь яду—выпью.

«Разбросалъ я нѣсколько рубиновъ ***), драгоцѣнная сокровищница!

«Ювелиръ! Не оторви отъ себя мою руку.... умираю!

«Приводящая меня въ грусть!—бываетъ ли такое опустошеніе?

«Ежели-бы глаза не видѣли и сердце не полюбило-бы, — могъ-ли-бы я быть влюбленъ и очарованъ!

«Посмотримъ, отойдетъ-ли отъ меня впечатлѣніе этой любви?

«Бываютъ-ли между двумя друзьями невзгоды міра?

«Могутъ-ли больше меня проливать по тебѣ слезы?

«Очарованъ я ея пріятною бесѣдою, достоинствомъ и сладкосладкими словами....

«Изподтишка взглянулъ на ея розовое тѣло.... О, розовыя щечки и родинка!... Умираю!

«О, если-бы ты была, возлюбленный другъ, другомъ меня, пастуха!

«Ты—херувимъ рая; ты—цвѣтокъ рая,—возлюбленная!—

«Эта хвалебная пѣснь Магомеда (имя сочинителя) пусть останется въ память тебя, возлюбленная!

«Пріими мой трудъ! Сохрани его во вѣки вѣка!

«Не выдай моей тайны народу и не проливай, плача, кровавыхъ слезъ.

*) Шамка—маленькая душистая дыня; на татарскомъ языкѣ—шамалы.

**) Сладкій напитокъ.

***) Подразумѣваются вышеприведенные стихи.

«Иди проститься со мною..... я съ тобою разлучусь..... умираю!» *).

Почти такіе-же свадебные обряды, какіе мы видѣли у ингелойцевъ, существуютъ и у прочихъ жителей Закатальскаго округа. Разница заключается въ количествѣ и разнообразіи яствъ, уложенныхъ на *хонча*, и въ публичномъ сборѣ денегъ въ подарокъ жениху. У мугаловъ сборъ этотъ называется *шабашъ* и сборщикъ не провозглашаетъ именъ жертвователей. У лезгинъ совсѣмъ не собираютъ денегъ въ пользу жениха и предоставляется самимъ родственникамъ его дѣлать въ его пользу складчину.

Похоронные обряды ингелойцевъ заключаются въ слѣдующемъ. Послѣ смерти ингелойца, тотчасъ-же отправляются послы изъ оспротѣлаго семейства сообщить грустную вѣсть всей роднѣ, какъ живущей въ томъ же селеніи, такъ и въ другихъ деревняхъ. Потомъ, часа черезъ 2—3, приступаютъ къ обмыванію покойника. Обрядъ этотъ совершаютъ надъ мужчинами—два ближнихъ родственника, надъ женщинами—двѣ ближайшихъ родственницы усопшаго. Одежду, въ которой умеръ покойный, прячутъ въ особое мѣсто.

Во время обмыванія тѣла, одинъ изъ присутствующихъ держитъ бѣлую бязь (бумажный холстъ), а другой обмываетъ умершаго, сначала теплою, а потомъ окачиваетъ трупъ холодною водою, которая должна стекать въ приготовленную мѣдную посуду, называемую *тунчи*. Потомъ одѣваютъ покойнаго въ лучшія его одежды, сколько-бы ихъ у него ни было; поэтому очень часто случается, что на мертвомъ бываетъ надѣто нѣсколько перемѣнъ бѣлья, платья и проч. Одѣвъ покойнаго, кладутъ его на разостланномъ паласѣ. Какъ только выйдутъ совершавшіе обрядъ обмыванія и одѣванія, входитъ въ комнату толпа женщинъ—и старшая изъ родственницъ покойнаго, съ визгомъ и воемъ, ударяя

*) Пѣсня: «Я потеряла терлапокуши». . . принадлежитъ лезгинамъ, хотя поется и на адербейджанскомъ языкѣ. Пѣсня: «Сѣрые глаза! станьте на балконѣ».... сочинена мугальскимъ пѣвцомъ Магомедомъ, жителемъ сел. Верхіанъ, Закатальскаго округа, недавно умершимъ. Онъ былъ извѣстный импровизаторъ въ округѣ, воспѣвалъ преимущественно молодость и красоту, и его импровизаціи поются въ народѣ, въ особенности молодежью. — Ингелойцы на своихъ свадьбахъ поютъ татарскія пѣсни.

себя въ грудь и голову, выкрикиваетъ различныя причитанья. Едва голосъ ея начинаетъ тянуть одну и туже ноту, ее подхватываютъ остальныя женщины. Этотъ раздирающій душу хоръ усаживается вокругъ тѣла усопшаго. Мужчины-же и близкіе родственники покойнаго, поплакавъ немного надъ тѣломъ, выходятъ на дворъ и садятся у дверей дома.

Между тѣмъ печальная вѣсть облетѣла чуть не весь аулъ; во дворъ, гдѣ лежитъ покойникъ, стали сходиться больше и больше—родные, друзья и знакомые. Каждый изъ нихъ, подходя къ хозяину, говоритъ: «Царствіе небесное умершему, а оставшимся въ живыхъ—здравіе!» Потомъ мужчины садятся къ мужчинамъ, а женщины идутъ въ домъ, гдѣ присоединяются къ остальнымъ плакальщицамъ, предварительно обнявъ съ глубочайшимъ безмолвіемъ всѣхъ находящихся тамъ старшихъ женщинъ.

Съ наступленіемъ ночи, на лицо мертваго кладутъ зеркало и сито, чтобы, какъ говорятъ ингелойцы, злой духъ не прокрался въ ротъ его и не ощарапалъ его лица.

Утромъ, на другой день, число посѣтителей увеличивается пришедшими изъ сосѣднихъ ауловъ родными и знакомыми. Какъ и наканунѣ, составляется два общества: мужское — на дворѣ, женское—вокругъ покойнаго. Первое—толкуетъ о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, второе—воетъ, оплакивая утрату.

Но, вотъ, изъ мужскаго общества выдѣляется 5 человѣкъ: 3-е идутъ копать могилу, а 2-е отправляются на арбѣ за камнями и дубовыми бревнами, чтобы прикрыть тѣло въ могилѣ. Могилы у ингелойцевъ, такъ какъ они не кладутъ мертвыхъ въ гроба, роются такимъ образомъ: сначала выкапывается продолговатая, широкая (аршина въ 3) яма, глубиною не больше аршина; потомъ дѣлается уступъ аршина въ два глубиною, смотря по длинѣ и объему тѣла; въ эту-то послѣднюю яму кладется тѣло и покрывается привезенными бревнами и камнями, а сверху засыпается землею.

Возвратившіеся съ арбою даютъ знать, что могила готова. Тогда одна изъ пожилыхъ женщинъ обвиваетъ покойнаго бѣлою бязью, сложенною вдвое; въ глаза, ноздри, ротъ и уши покойнаго кладется ладанъ, въ знакъ бальзамированія тѣла; кромѣ того ротъ покрывается хлопчатою бумагою, а лицо—бѣлою бязью, предварительно обмокнутою въ растопленный воскъ. Въ правую руку вставляется крестообразно-сложенная восковая свѣчечка, которая потомъ зажигается и сейчасъ-же опять гаснется. Затѣмъ зашиваетъ-

ся все тѣло и вслѣдъ за этимъ одна изъ домашнихъ женщинъ приноситъ въ ситѣ 3 хлѣбныхъ лепешки. Сито ставится на тѣло покойнаго, а лепешки, сложенныя вмѣстѣ, разомъ переламливаются въ 3-хъ мѣстахъ и уносятся обратно съ ситомъ. Это означаетъ прощаніе мертваго съ домашнимъ хлѣбомъ. Затѣмъ отпѣваютъ покойника по обрядамъ православной церкви, послѣ чего выносятъ тѣло на дворъ и кладутъ на деревянныя носилки, вокругъ которыхъ садятся на корточкахъ присутствующіе и плачутъ. Затѣмъ покрываютъ трупъ шелковою матеріею краснаго или желтаго цвѣта, называемою *тафта*, а кто побѣднѣе—ситцемъ или синею бязью. Покрывало это обматываютъ вокругъ тѣла и носилокъ моткомъ шелка. Потомъ двое изъ родственниковъ покойнаго какъ-бы стараются поднять носилки, но два раза имъ не удается это; за третьимъ-же едва подымутъ, къ нимъ присоединяется нѣсколько человѣкъ,—и съ новымъ взрывомъ плача и рыданій, печальная процессія, предводительствуемая священникомъ и причтомъ, двигается на кладбище. Остающіеся дома говоритъ вослѣдъ покойнаго: «добрый путь».

Что означаетъ это троекратное подниманіе носилокъ, николойцы, къ сожалѣнію, не могли объяснить.

Когда могилу засыплютъ землею, то присутствующій при этомъ лѣвша, а ежели его нѣтъ, то кто-нибудь долженъ разрѣзать кинжаломъ, лѣвою рукою, носилки, и палки отъ нихъ втыкаются у изголовья и у ногъ погребеннаго. Что означаетъ этотъ обычай—тоже неизвѣстно. Потомъ рѣжется на небольшіе куски, по числу присутствующихъ, синій бурмегъ и каждому изъ присутствующихъ на кладбищѣ выдается по одному лоскутку.

Входя, по возвращеніи съ кладбища, въ домъ, каждый говоритъ: «царствіе небесное покойнику, а вамъ здравіе и благополучіе!», женщины-же еще долго продолжаютъ рыдать и причитывать. Послѣ обѣда, когда гости собираются уйти, хозяинъ обращается къ нимъ и проситъ ихъ подарить весь трудъ, понесенный ими, на что каждый отвѣчаетъ, что дарятъ отъ души.

На третій день, въ домѣ, гдѣ былъ покойникъ, бываетъ, такъ называемая по-грузински, *таплоба*, отъ слова *тапло—медъ*. Это—особенно приготовленное кушанье, съ виномъ, употребляемое исключительно въ дни поминовенія усопшихъ, какъ въ Малороссіи кутья (каша изъ пшеницы) съ медомъ. Въ этотъ день всѣ родственницы и сосѣдки обязаны приготовить у себя дома и принести въ домъ, гдѣ поминки, *тапло*, 5 хлѣбовъ, 1 блюдо пло-

ва, 1 кувшинъ вина или 1 бутылку водки; нѣкоторыя, вмѣсто плова, приносятъ разные фрукты, смотря по времени года. Все приносимое ставится на то мѣсто, гдѣ умеръ и лежалъ покойный. Блюда и прочая посуда облѣпливаются восковыми свѣчами, собственнаго издѣлія, которыя зажигаются, и пока онѣ не сгорятъ, никто не касается къ тапло. Въ это время подаются на мѣдной тарелкѣ раскаленные угли, и старшая родственница, посыпая на нихъ три раза ладанъ, произноситъ: «за упокой души усопшаго (или усопшей, называя имя)»; такимъ образомъ, старуха эта, въ сопровожденіи другой женщины, окуриваетъ всѣ тапло. Обычай этотъ сохранился со времени перехода ингелойцевъ въ мусульманство, и дотого вошелъ въ необходимое употребленіе, что и теперь, послѣ совершенія священникомъ литіи, какъ только духовенство выйдетъ изъ дому, женщины все-таки окуриваютъ тапло. Обычай этотъ, вѣроятно, замѣнялъ прежде кажденіе священника при совершеніи литіи.

Послѣ обѣда развѣшивается та одежда, въ которой умеръ покойный, и подъ нею опять повторяется женскій вопль и причитанія. Одежда эта вывѣшивается кромѣ того на 8, 15 и 40-й дни, и втеченіи этого времени старшая хозяйка въ домѣ покойнаго ежедневно окуриваетъ ладаномъ всѣ кушанья, приготовляемыя къ обѣду и ужину.

Выраженіемъ траура у мужчинъ служатъ небритыя впродолженіи недѣли головы и бороды, почему, по прошествіи этого срока, устроиваются особыя поминки—*тависъ-сапарси*,—что, по-грузински, означаетъ *бритье головъ*. Въ этотъ день приглашается цирюльникъ, который передъ обѣдомъ брѣетъ у всѣхъ головы и бороды. Женщины въ это время отправляются на кладбище, гдѣ, разостлавъ на могилѣ одежды покойнаго, плача и завывая, вспоминаютъ о жизни умершаго.

Обряды погребенія у мугаловъ и лезгинъ, полагаю, общи всѣмъ мусульманскимъ *), т. е. во время предсмертной агоніи присутствуетъ вся родня умирающаго и едва вылетитъ послѣдній вздохъ его, какъ женщины начинаютъ рыдать, бить себя по головѣ и по-очереди говорить различныя причитанія. Степень скорби и

*) Сказанное о похоронныхъ обрядахъ ингелойцевъ въ сущности относится только къ ингелойцамъ-христіанамъ; въ какой-же степени оно можетъ относиться къ ингелойцамъ-мусульманамъ—авторъ не упоминаетъ, а потому редакція имѣетъ въ виду помѣстить объ этомъ замѣтку въ слѣдующей книжкѣ „Сборника“. *Ред.*

оплакиванія обусловливается лѣтами умершаго: надъ стариками и маленькими плачутъ меньше, надъ юношами и людьми зрѣлыхъ лѣтъ—больше. Такъ, напримѣръ, при трупѣ юноши причитанія бываютъ въ такомъ родѣ: «Ведетъ ли эта дорога въ Джары? Нѣтъ, она ведетъ въ темную могилу.—Можетъ ли вылечиться сердечная рана у того, кто потерялъ такого юношу? Плачутъ по тебѣ цвѣты на горахъ, косогорахъ и низменностяхъ; но болѣе всѣхъ оплакиваетъ тебя мать».

Отца семейства причитываютъ такими словами: «Бѣлый фонтанъ остается бьющимъ; архалукъ остается безъ воротника; твои любимыя дѣти остаются съ устремленными вдаль глазами. Горы, горы высокія! горы съ ключами и источниками! Сейчасъ умеръ семьянинъ. По немъ *ржетъ небо и плачутъ облака*».

Съ приходомъ муллъ всѣ оставляютъ покойника. Въ это время обмываютъ тѣло и читаютъ коранъ; потомъ обворачиваютъ тѣло въ саванъ и кладутъ на *джиназе* (ручныя носилки), покрываютъ нѣсколькими разноцвѣтными кусками матеріи и, совершивъ намазъ, несутъ на кладбище. Если состояніе позволяетъ, то на могилѣ разбивается палатка, и муллы, впродолженіи 3—4 дней, читаютъ тамъ коранъ.

Впродолженіи 40 дней, по понедѣльникамъ и четвергамъ, родные ходятъ на могилу для поминовенія, куда являются и женщины оплакивать умершаго.

V.

Чѣмъ менѣе развитъ народъ, тѣмъ болѣе онъ способенъ вѣрить во все чудесное, сверхъестественное, и тѣмъ болѣе простора его пылкой фантазіи.

Среди туземнаго населенія округа въ особенности развита вѣра въ дѣйствія злыхъ духовъ и противъ этого рекомендуется множество средствъ; такъ, напримѣръ, чтобы бѣсы не могли имѣть никакого вліянія на родильницу, при разрѣшеніи ея отъ бремени, ее обкладываютъ черною веревкою, похожею на змѣю, и безпрестанно стрѣляютъ изъ ружей, такъ какъ злые духи боятся змѣй и выстрѣловъ. Когда-же ребенокъ родится, то, чтобы вѣдьма не коснулась родильницы, навѣшиваютъ ей на шею какой-то узелокъ, говоря, что это *гальдабани* (пятка вѣдьмы). А чтобы злые духи не коснулись новорожденнаго, то родильница, впродолженіи 3-хъ сутокъ, не должна спать, для чего ей

дають жвачку и не оставляютъ одну съ младенцемъ. Не пускаютъ также къ новорожденному недавно разрѣшившейся женщины, и чтобы предохранить его отъ болѣзни *кирхбазаръ* (40-а дневные припадки), не позволяютъ подносить близко къ новорожденному сырое мясо и прѣсное молоко, равно недавно окотившихся кошекъ и ощенившихся собакъ.

Ежели, по предположенію, ребенокъ заболѣетъ отъ того, что къ нему подносили близко сырое мясо или прѣсное молоко, то мясо обмываютъ водою и въ ней, или въ прѣсномъ молокѣ, купаютъ заболѣвшаго. Въ случаѣ это средство не поможетъ, то 3 недѣли сряду, по четвергамъ, выносятъ больнаго на христіанское кладбище и тамъ купаютъ.

Не позволяютъ подходить къ родильницѣ съ золотомъ, алмазами и бисеромъ.

Такъ какъ, по повѣрью, злые духи больше блуждаютъ ночью, то въ это время не выливаютъ на дворъ горячей воды и не выбрасываютъ горячей золы, чтобы бѣсы не обожглись и не отомстили потомъ дѣтямъ.

Чтобы бѣсы не унесли платья, то, когда прячутъ его въ сундукъ или вынимаютъ оттуда, нужно сказать *бисмиллахъ* (во имя Бога); тоже самое наблюдается при набираніи муки изъ чуваловъ.

Въ ночь пятницы нельзя брать воду изъ рѣчки, потому что тамъ живутъ русалки, которыхъ нужно бояться, а также нельзя въ эту-же ночь оставлять открытымъ кувшинъ съ водою, потому что два ангела,—которые подвержены мученію, повѣшенные головами внизъ, одинъ на востокъ, а другой на западъ,—въ ночь пятницы, бьются головами такъ сильно, что мозги ихъ разлетаются, а ежели частица мозга попадетъ въ открытый кувшинъ и человѣкъ напьется оттуда воды, его неминуемо постигнетъ болѣзнь и смерть.

Для того, чтобы овцы хорошо ягнились, стадохозяева собираютъ ножки отъ зарѣзанныхъ осенью или зимою барановъ, жгутъ ихъ и оставляютъ до весны. Весною-же, когда овцы начинаютъ ягниться,—отвариваютъ пшеницу и, примѣшавъ жженыхъ ножекъ, ѣдятъ.

Когда появится на овцахъ оспа, достаютъ бисеръ, называемый *чечегъ-минджагъ*, полощатъ его въ водѣ и этою водою брызжутъ въ стадо.

Чтобы предохранить шелковичныхъ червей отъ дурнаго глаза, то около личинокъ кладется яйцо и ставится чашка съ водою, а также не допускаютъ подходить къ нимъ съ золотомъ, алмазомъ и бисеромъ, думая, что эти вещи вліяютъ на ростъ червей.

Когда выводятся шелковичные черви, то иногда появляется на нихъ насѣкомое, *гювя*, которое истребляетъ ихъ. Замѣтивъ это, убиваютъ штуки три этого насѣкомаго, заворачиваютъ его въ красную тряпку и даютъ мальчику, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ мальчиковъ верхами на палочкахъ, съ зурною и барабанчикомъ, отправляется къ пруду или озеру, и въ него бросаетъ эту тряпочку; въ это время всѣ должны сказать: «Гювя! мы принесли васъ сюда, погружайтесь-ка на дно озера». — «Это очень вѣрное средство», говорятъ туземцы.

Ночью нельзя давать изъ дома огня, и съ пустымъ мѣднымъ кувшиномъ, который служитъ для воды, черезъ дворъ сосѣда проходить не слѣдуетъ: отъ этого можетъ быть вредъ скотинѣ или шелковичнымъ червямъ.

Когда молодая первый разъ вступаетъ въ домъ мужа, то брасаютъ въ огонь кусокъ желѣза; если оно раскалится докрасна, то невѣста будетъ счастлива въ домѣ и честныхъ правилъ; если-же онъ почернѣетъ, то быть несчастію.

Чтобы у молодой былъ первенецъ сынъ, — даютъ ей подержать мальчика.

Говорятъ, что человѣкъ, надѣвающій шаравары стоя, — не долговѣченъ.

Не слѣдуетъ ѣсть хлѣбъ и пить воду стоя, потому что въ домѣ не будетъ изобилія.

Черезъ спящаго или лежащаго переходить не слѣдуетъ, потому что спадутъ всѣ несчастія съ переходящаго на того, черезъ котораго онъ переступитъ.

Слушать сказку, побасенку, прибаутку, доставляетъ большое удовольствіе туземцу Закатальскаго округа. Здѣсь есть спеціальные сказочники, приглашаемые во всякое собраніе. Они по-большей-части начинаютъ разсказъ, придравшись къ какому-нибудь случаю. Изъ болѣе употребительныхъ сказокъ слѣдующія:

Два друга *).

Жили два человѣка и были между собою большими друзьями. Одинъ изъ нихъ былъ богатъ, а другой бѣденъ. Однажды бѣдный

зашелъ въ гости къ богатому и, при наступленіи ночи, сталъ собираться домой. Богатый другъ, прощаясь, подарилъ бѣдному быка, съ условіемъ, чтобы черезъ три дня, когда богатый прійдетъ къ нему, то былъ-бы готовъ отвѣтить на вопросы, которые тотъ ему предложитъ; въ противномъ-же случаѣ бѣднякъ долженъ будетъ возвратить ему въ семь разъ больше, чѣмъ стоитъ быкъ. Бѣдный согласился и, взявъ подарокъ, отправился домой. Не заставъ жены дома, онъ, не долго думая, зарѣзалъ быка. Когда возвратилась жена и увидѣла мясо убитаго животнаго, спросила мужа, откуда онъ взялъ быка. Тотъ разсказалъ ей о случившемся. Тогда жена, сообразивъ, сказала мужу: «Ты давно съ богачемъ знакомъ и до-сихъ-поръ не получалъ отъ него никакихъ подарковъ, а теперь вдругъ онъ подарилъ тебѣ быка. Это не безъ хитрости. Не будемъ лучше ѣсть его».

На третій вечеръ приходитъ въ домъ къ бѣдняку нищій и проситъ у него пріюта на ночь,—тотъ его принялъ. Замѣтя на лицахъ хозяевъ грустъ, нищій спросилъ: «Не умерли-ли у васъ родители или не случилось-ли съ вами какого несчастія, что вы такъ печальны?» Хозяева разсказали ему исторію про быка. Тогда нищій сказалъ: «Не безпокойтесь ни о чемъ. Я избавлю васъ отъ бѣды и отвѣчу на вопросы».

Когда наступила ночь, богатый другъ постучался въ дверь. Убѣдившись, что бѣднякъ не спитъ, началъ предлагать ему слѣдующіе вопросы:

«Чего на свѣтѣ одинъ, а не два?»

—«Одинъ Богъ», отвѣтилъ нищій.

«Чего два, а не три?»

—«День и ночь» (а иные говорятъ: солнце и луна).

«Чего три, а не четыре?

—«Три развода съ женою» (при разводѣ съ женою мусульманинъ бросаетъ 3 камешка).

«Чего четыре, а не пять?»

—«Четыре священныя книги, низпосланныя отъ Бога: инджиль (новый завѣтъ), тавратъ (библія), забуръ (псалтирь) и коранъ.»

«Чего пять, а не шесть?»

—«Пять условій исламизма: признаніе единаго Бога, постъ, молитва, путешествіе въ Мекку и закатъ.»

«Чего шесть, а не семь?»

*) Сказка эта разсказывается лезгинами и мугалами.

— «Шесть правилъ при совершеніи намаза: омовеніе, обращеніе на югъ, очищеніе, подыманіе рукъ къ ушамъ при началѣ молитвы, поклонъ поясной и поклонъ земной».

«Чего семь, а не восемь?»

—«Семь небесъ до престола Божія» (повѣрье мусульманъ; иные говорятъ: семь земель и семь адовъ).

Лаичъ *).

Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней, которые Богъ такъ щедро разсыпаетъ на пользу людямъ, лаичи отправились въ лѣсъ, чтобы срубить нѣсколько деревъ для своихъ построекъ. Проходивши попусту цѣлый день,—вечеромъ, возвращаясь домой, они нашли великолѣпнѣйшее дерево. Осмотрѣвъ его, рѣшили, чтобы на другой день его срубить и надѣлать изъ него ложекъ, котловъ и другихъ вещей. Одному изъ нихъ, болѣе разумному, ночью, пришла въ голову мысль — срубить это дерево самому и воспользоваться имъ. Вотъ, неизвѣстно въ какое именно время ночи, онъ всталъ съ постели, хорошенько одѣлся и приказалъ женѣ, чтобы она подала ему хлѣбъ и топоръ. Жена, будучи умнѣе своего мужа, подала хлѣбъ, а вмѣсто топора—*чомчу* (большую деревянную ложку). Лаичъ, положивъ хлѣбъ на одно плечо, а чомчу на другое, отправился въ лѣсъ. Подойдя къ намѣченному дереву, онъ снялъ свою ношу, взялъ въ руки чомчу и, проговоривъ молитву: «во имя единаго Бога», изо всей силы ударилъ ложкою о дерево. Разумѣется, ложка сломалась и одинъ конецъ ея отлетѣлъ въ сторону, а другой остался въ рукахъ. Лаичъ, видя это, сказалъ про себя: «жаль, топоръ попалъ на камень и сломалъ себѣ хвостъ». Затѣмъ, въ темнотѣ, сталъ онъ искать отбитую часть ложки. Проползавъ по землѣ часа два, онъ возвратился опять къ тому дереву, обратилъ взоръ къ небу и, поднявъ руки, сталъ молиться Богу, говоря: «Господи, ежели я найду свой топоръ, обѣщаюсь дать нищему одинъ чанагъ проса» ($11^1/_2$ фун-

*) Лаичи—жители Лаичскаго участка Шемахинскаго уѣзда, славящіеся—по мнѣнію туземцевъ Закатальскаго округа—своею глупостью. Говорятъ, что въ концѣ прошлаго или въ началѣ настоящаго столѣтія, часть лаичей переселилась въ Закатальскій округъ, образовавъ въ немъ два селенія—Бекюкъ и Кичи-Лаичъ (Большой и Малый Лаичъ). Про лаичей разсказывается много анекдотовъ, характеризующихъ ихъ простоватость и тупоуміе.

товъ). Потомъ опять сталъ искать, и вдругъ подъ руку попадается ему отломленный конецъ ложки. Ощупавъ его хорошенько, онъ сказалъ: «удивительно дѣяніе Господа Бога! Не возвративъ мнѣ топора, посылаетъ мнѣ чанагъ, для того, чтобы я отдалъ обѣщанное просо».

Находчивость верблюда.

Въ стадѣ овецъ, когда наступила пора перегона ихъ въ горы на лѣтнее пастбище, одинъ изъ барановъ былъ страшно худъ, да ктому-же и хромъ, такъ-что не могъ слѣдовать за стадомъ. Для ѣды тоже не годился,—вслѣдствіе своей худобы,—такъ хозяинъ почелъ за лучшее оставить его на произволъ судьбы.

Спустя небольшой промежутокъ времени, черезъ эту-же поляну проходитъ караванъ верблюдовъ. Какимъ-то образомъ одинъ изъ верблюдовъ, самой сильной и лучшей породы, сломилъ себѣ ногу. Погонщикъ пожалѣлъ его зарѣзать и тоже оставилъ въ этой степи, а самъ съ караваномъ пошелъ дальше. Эти животныя никогда не разлучались: днемъ паслися вмѣстѣ, а по ночамъ баранъ залазилъ въ ухо верблюда и тамъ усыпалъ.

Наконецъ, въ срединѣ осени, нога верблюда зажила; баранъ тоже поправился до такой степени, что началъ даже бѣситься отъ жира, и вздумалъ перейти на противоположную сторону ширакской горы «Кашъ-дагъ», на поле, называемое «Безиргянъ»; верблюдъ-же остался. На томъ полѣ, гдѣ находился баранъ, бродила голодная лисица, и, замѣтивъ, что отличный, жирный баранъ пасется одинъ, сказала про себя: «вотъ судьба послала мнѣ мой жребій!», и затѣмъ быстро подскочила къ барану, очень любезно привѣтствовала его и спросила: «какъ-же ты позволилъ себѣ даромъ кушать здѣсь траву? Развѣ ты не знаешь, что поле это на откупѣ и обработано, и что за пасьбу платится пошлина?» Баранъ спросилъ, какая слѣдуетъ съ него пошлина? Та отвѣчала: «отдай свой курдюкъ, онъ у тебя черезъ нѣсколько дней опять выростетъ и будетъ такой-же, какъ и теперь». Баранъ, видя свое безвыходное положеніе, сказалъ: «хорошо, только позволь мнѣ прежде сходить къ старшему брату, посовѣтоваться съ нимъ, и потомъ, возвратясь, взнесу пошлину».

Пришедъ къ верблюду, баранъ разсказалъ все случившееся

съ нимъ. Верблюдъ спросилъ: «гдѣ-же теперь сборщикъ податей?» —«По ту сторону горы Кашъ-дагъ», отвѣчалъ баранъ. Вотъ они вмѣстѣ отправились туда. Лисица-же, разставшись съ бараномъ, встрѣтила волка, который спросилъ, зачѣмъ она тутъ разгуливаетъ. «Мнѣ достался лакомый кусокъ; онъ теперь ушелъ, но скоро придетъ. У него такой громадный курдюкъ, что для насъ двухъ будетъ достаточно», отвѣтила лисица. Въ это время баранъ, съ своимъ братомъ — верблюдомъ, шелъ уже по той сторонѣ Кашъ-дага и увидѣлъ стоящихъ тамъ волка и лисицу. Волкъ, подойдя къ нимъ, сталъ также очень любезно привѣтствовать ихъ, послѣ чего верблюдъ сказалъ: «О дѣти! Вотъ этотъ баранъ жалуется на васъ, что вы здѣсь его мучите и безпокоите. Чего вы отъ него желаете?»

Лиса, понявъ въ чемъ дѣло, сказала волку: «ты, какъ старшій братъ, иди и отвѣчай».

Волкъ смѣло выступилъ впередъ и спросилъ верблюда: «позволь узнать, кто ты?»

—»Я»? спросилъ его верблюдъ, «я—Маадинъ-бекъ».

—«Поле это имѣетъ хозяина, оно не разгульное, поэтому за пасьбу здѣсь взимается пошлина»,—сказалъ волкъ.

— »Я старъ, ничего не слышу; подойди ближе»,—сказалъ верблюдъ.

Волку очень не понравилось такое невѣжество со стороны верблюда, однако онъ подошелъ и сталъ прямо подъ его морду; въ это время верблюдъ схватилъ его зубами за спину, поднялъ кверху, сталъ все сильнѣе и сильнѣе сжимать челюсти, такъ что волкъ испустилъ духъ. Лисица, видя все это, сказала: «судя по челюстямъ Маадинъ-бека и стопамъ сборщика податей—волка, я заключаю, что намъ здѣсь не заплатятъ пошлины»,—и поскорѣе удалилась.

Лисица и Шакалъ.

Какой-то охотникъ поставилъ капканъ и положилъ около него жирный кусокъ курдюка. Вдругъ бѣжитъ голодная лисица, видитъ курдюкъ и давай ходить около него, а подойти боится. Между тѣмъ подбѣгаетъ туда-же и шакалъ. Лисица спрашиваетъ его, куда это онъ направился. «Ахъ, мнѣ ужасно ѣсть хочется,

и вотъ я хотѣлъ идти въ селеніе, да боюсь собакъ; между тѣмъ голодъ страшно мучитъ меня».

— «А вотъ, братецъ шакалъ, недалеко отсюда лежитъ очень жирный кусокъ курдюка, не желаешь-ли его скушать?»

— «Отчего-же ты сама не съѣшь его?» спросилъ шакалъ.

— «Я держу теперь оруджъ» (постъ),—и съ этими словами она показала шакалу курдюкъ.

Какъ только тотъ протянулъ морду, чтобы схватить его, капканъ обхватилъ его шею. Шакалъ, желая поскорѣе высвободиться, сталъ мотать головою, причемъ задѣлъ курдюкъ, который и отлетѣлъ въ сторону.

Лисица только и ждала этого: она быстро схватила добычу и стала преспокойно пожирать.

Шакалъ, увидя это, спросилъ: «какъ-же ты только-что говорила, что держишь оруджъ, а теперь ѣшь!»

— «Я увидѣла луну и потому праздную».

— «Когда-же я буду праздновать?» спросилъ шакалъ.

— «Когда придетъ хозяинъ капкана,»—отвѣчала уходящая лисица.

Кто выше, тотъ и старше.

Лисица, волкъ и верблюдъ, заключивъ между собою дружбу, пошли странствовать. Дорогою они страшно проголодались, какъ вдругъ находятъ хлѣбъ. Глядя на него, они стали разсуждать такимъ образомъ: «втроемъ этимъ хлѣбомъ мы не наѣдимся а ежели онъ достанется одному изъ насъ, то будетъ предостаточно». Каждый изъ нихъ одобрилъ эту мысль; осталось только рѣшить главную задачу: кому-же съѣсть этотъ хлѣбъ? Наконецъ, рѣшили такъ: «кто изъ насъ старше лѣтами, тотъ пускай имъ и пользуется». Всѣ согласились.

Вотъ предложили первому волку опредѣлить свои года. Волкъ сказалъ: «Знайте, братцы, что во время потопа, я былъ взятъ Ноемъ, какъ самецъ волчьей породы, и плавалъ въ ковчегѣ». Лисица разсмѣялась и говоритъ: «волчикъ братецъ, ты просто вчерашній ребенокъ! а вотъ я была еще въ то время, когда Богъ, изъ стихій, создалъ перваго человѣка и вдунулъ въ него душу. Я сама видѣла, какъ Адамъ послѣ этого зачихалъ, а потомъ, вставъ»...

Но въ это время верблюдъ опустилъ съ гигантской высоты

свою голову, схватилъ хлѣбъ и поднявъ его во всю длину шеи, сказалъ своимъ друзьямъ: «ахъ вы, безтолковые! Мнѣ кажется, что вы во мнѣ видите тоже вчерашняго ребенка». Затѣмъ лисица и волкъ были только зрителями того, какъ верблюдъ кушалъ хлѣбъ.

Лисица и Шакалъ.

Лисица, идя по дорогѣ, несла въ лапѣ клочокъ бумаги. Встрѣчается ей голодный шакалъ, и послѣ первыхъ любезностей лисица спросила: «ай, шакалъ! куда ты идешь?» Шакалъ отвѣтилъ, что ему приходится хоть умирать отъ голоду, а между тѣмъ боится собакъ и не рѣшается пойти въ селеніе.

День былъ очень жаркій. Лисица знала уже по опыту, что въ такую жару всѣ деревенскія собаки прячутся въ садахъ, подъ деревьями, въ густой травѣ, а потому смѣло взяла шакала съ собой и пошла къ селенію; подойдя къ нему, сама остановилась въ сторонѣ, а шакала отправила ловить куръ. «Смотри-же, шакалъ, — сказала она ему, — дѣйствуй смѣлѣе, потому что у меня есть приказъ собакамъ не трогать тебя».

Шакалъ, гоняясь за курами, съ жадностью слѣдилъ, которую-бы ему скорѣе можно было поймать, но въ это время собаки почуяли присутствіе звѣря, и, покинувъ мѣста отдыха, бросились на него. Едва онъ выбѣжалъ за деревню, какъ собаки догнали его и стали терзать. Въ это время онъ обратился къ лисицѣ съ просьбою, чтобы та показала имъ приказъ, который былъ у нея; но лисица отвѣтила: «любезный! хлопочи теперь о спасеніи своей души, такъ какъ я замѣчаю, что никто изъ нихъ не захочетъ ни читать, ни слушать этотъ приказъ».

Лисица.

Однажды путешествовала лисица, лежа вверхъ ногами, на хвостѣ верблюда. Попадается на встрѣчу имъ волкъ и, думая, что лисица поймалась въ неволю, сказалъ: «что это съ тобою сталось, лисица? тебя никто не могъ ни перехитрить, ни обмануть. . . . Какъ-же ты такъ?—Ай, ай.» . . .

—«О, ты сумасшедшій, неужели ты думаешь, что меня кто перехитрилъ или обманулъ,—отвѣтила лисица,—нѣтъ, не думай такъ легко обо мнѣ. Я просто держусь за поясъ высокаго существа, надѣясь, что онъ выведетъ меня на хорошую дорогу».

Дружба мыши съ лягушкой.

Мышь и лягушка заключили между собою дружбу. Вотъ разъ мышь предлагаетъ своему другу пойти вмѣстѣ и осмотрѣть ея помѣщеніе; лягушка согласилась и онѣ отправились въ путь. Мышь по порядку стала показывать ей свои владѣнія: «вотъ это моя кухня, а это гостиная; вотъ это собственно мои покои, а здѣсь живетъ мое семейство». Лягушка, осмотрѣвъ все это, пришла къ тому заключенію, что насколько такое помѣщеніе представляетъ удобства для житья мыши, настолько неудобно для нея, и потому сказала: «твое житье-бытье на сушѣ, а мое въ водѣ, поэтому намъ нужно найти такое мѣсто, гдѣ-бы можно было обѣимъ удобно жить». Мышь вполнѣ согласилась съ такимъ заключеніемъ лягушки и онѣ пошли поискать себѣ такое мѣстечко. Вотъ приходятъ онѣ къ чалтычному (рисовому) полю и лягушка прыгнула въ воду. Почувствовавъ себя въ своей стихіи, она начала квакать на тысячу ладовъ и тоновъ; бѣдной мыши долго пришлось стоять на сухомъ мѣстѣ; наконецъ она обратилась къ лягушкѣ съ слѣдующимъ предложеніемъ: «знаешь-ли что, лягушка? для того, чтобы намъ не расходиться больше другъ съ другомъ на далекое разстояніе, давай привяжемъ себя одна къ другой за ноги». Лягушка отозвалась на такое предложеніе совершенно сочувственно; нашли кусокъ веревки, одинъ конецъ ея мышь привязала къ своей лапкѣ, а другой къ лягушкиной,—и затѣмъ обѣ предались покойному и беззаботному сну.

Въ одинъ прекрасный день, злой коршунъ, паря подъ облаками, замѣтилъ спящую мышь и съ ужасною быстротою спустился на свою добычу. Вонзивъ свои острые когти въ бока мыши, онъ съ тою-же быстротою взвился на воздухъ. Лягушка, будучи привязана веревкою къ мыши, не избѣгла несчастія. Болтаясь въ воздухѣ, она стонала и дѣлала наставленіе своему племени, чтобъ изъ него кто-нибудь тоже не привязалъ себя къ

мыши, а не къ себѣ подобнымъ: «не то, пострадаете такъ, какъ и я невинно страдаю», заключила лягушка.

Блоха и Муха.

Однажды муха шла изъ города въ деревню, а блоха — изъ деревни въ городъ. На дорогѣ онѣ встрѣтились.

Размѣнявшись привѣтствіями и распросивъ одна другую, кто куда идетъ, блоха спросила у мухи, зачѣмъ она оставила городъ и идетъ въ деревню?

— «Я недовольна городскими жителями,—отвѣтила муха,— за то, что они ѣдятъ дочиста и потомъ вымываютъ посуду, такъ что ничего не остается; въ деревнѣ-же посуды не моютъ, слѣдовательно тамъ будетъ чѣмъ поживиться». — «Ну, а ты зачѣмъ идешь въ городъ?» спросила она блоху.

— «Охъ, я, напротивъ, недовольна сельскими жителями», сказала блоха. «Они отдыхаютъ до 3—4-хъ часовъ утра, затѣмъ встаютъ и начинаютъ работать. Городскіе-же жители спятъ часовъ до 8, до 9, такъ я тамъ буду отлично поживляться.» Послѣ этого каждая пошла своей дорогой.

Анекдоты.

На тѣлѣ одного падишаха помѣстилась вошь и довольно спокойно на немъ благодушествовала. Приходитъ къ ней блоха и, видя ея блаженство, проситъ оказать ей гостепріимство и пріютить на жирномъ тѣлѣ своего благодѣтельнаго хозяина. Вошь сначала задумалась, потомъ говоритъ ей: «мой другъ! это было-бы весьма хорошо; но вѣдь ты, ежели крѣпко укуснешь, можешь уйти, а я, пожалуй, поплачусь жизнію за это». Блоха стала увѣрять, что этого не будетъ и что потому вошь можетъ быть совершенно увѣрена, что ея житье не нарушится. Послѣ этого та согласилась. Какъ только падишахъ улегся спать и убрали отъ него свѣчку, блоха вползла къ нему на шею и сильнѣйшимъ

образомъ укусила. Падишахъ, проснувшись отъ боли, созвалъ своихъ служителей и приказалъ отыскать нарушителя его покоя. Блоха, увидѣвши свѣтъ отъ огня, обратилась въ бѣгство, а вошь попалась въ пальцы одного изъ слугъ и въ глазахъ падишаха была казнена.

Катеръ пришелъ въ пятницу въ мечеть и спросилъ джамаатъ, есть-ли въ числѣ ихъ кюса *)? Кюса между тѣмъ находился въ это время въ мечети. Услыхавъ, что объ немъ спрашиваютъ, онъ приказалъ находившемуся при немъ человѣку сказать катеру, что кюсы здѣсь нѣтъ. На этомъ основаніи катеръ заявилъ джамаату, что онъ имѣетъ жалобу. Джамаатъ просилъ сообщить ему эту жалобу.

— «Меня притѣсняютъ двоякимъ образомъ», сказалъ катеръ: «ѣздятъ на мнѣ, какъ на лошади, и навьючиваютъ, какъ осла. Я не въ состояніи выносить такое двойное бремя и прошу избавить меня отъ котораго-нибудь изъ нихъ».

Джамаатъ былъ поставленъ въ недоумѣніе, какъ рѣшить ему этотъ вопросъ. Кюса, видя это, вышелъ изъ мечети и приказалъ катеру повторить свою претензію. Когда тотъ исполнилъ, кюса сказалъ: «послушай, катеръ! ты, во-первыхъ, начинаешь ржать, какъ лошадь, и оканчиваешь, какъ оселъ; во-вторыхъ, у тебя мать—кобылица, а отецъ—оселъ. Ежели ты будешь ржать только по-лошадиному и обратишь отца своего въ лошадь, то на тебѣ и ѣздить будутъ, какъ на лошади; ежели-же будешь кричать, какъ оселъ, и мать обратишь въ ослицу,—тебя будутъ навьючивать, какъ осла».

Катеръ, услыхавъ подобное рѣшеніе, уткнулъ голову въ землю и проговорилъ: «ежели-бы я зналъ, что кюса здѣсь, то не заявлялъ-бы ничего».

Какой-то человѣкъ везъ вьюкъ глиняной посуды. Встрѣчается съ нимъ сумасшедшій и давай колотить палкою по вьюку, такъ, что разбилъ нѣсколько кувшиновъ, и потомъ спрашиваетъ, что онъ везетъ. «Ежели ты еще разъ ударишь, то ничего», отвѣтилъ хозяинъ посуды.

---

*) Кюса—мужчина, у котораго не растутъ ни усы, ни борода.

Когда мухахцы *) замѣтятъ, что двое дерутся между собою, то всѣ они нападаютъ и колотятъ слабаго въ дракѣ, а потомъ спрашиваютъ: «въ чемъ онъ провинился?»

Одна старуха приготовляла пловъ. При этомъ сидѣлъ возлѣ огня посторонній человѣкъ, который, взглянувъ на старуху и замѣтивъ, что она, высыпая въ котелъ пшено, шевелитъ губами, спросилъ ее: «бабушка! что это ты шепчешь?»—«Читаю молитву»,—отвѣтила старуха.—«Для чего-же эта молитва?»—«Для того, чтобы пшена прибавилось въ котлѣ».—«Прибавилось?» спросилъ посторонній: «а хочешь-ли, я научу тебя такой хорошей молитвѣ, отъ которой будетъ гораздо больше изобилія въ твоемъ котлѣ?»—«Хочу»—отвѣтила старуха.—«Вотъ что, бабушка: ежели ты будешь такъ добра, что не пожалѣешь пшена, да положишь его въ котелъ, да потомъ раза два хорошенько его встряхнешь, то плову будетъ изобильно настолько, что всѣ твои сосѣди будутъ сыты».

Во время владычества въ Закатальскомъ округѣ мусульманъ, кахскіе христіане, лишаясь мало-по-малу своего духовенства, стояли на очень низкой ступени развитія. Когда управленіе Елисуйскимъ султанствомъ перешло въ руки Ханъ-Баба-бека (приблизительно, около 80 лѣтъ тому-назадъ), онъ предложилъ имъ перейти въ магометанство. Предложеніе это было принято и имъ назначили муллу, котораго звали Абдулла. Мулла этотъ никакъ не могъ познакомить «новообращенныхъ» съ религіозными обрядами. Въ одинъ праздничный день, когда всѣ были въ мечети, молла, въ заключеніе всѣхъ своихъ поученій и проповѣдей, сказалъ имъ: «при совершеніи молитвы дѣлайте такъ, какъ я буду дѣлать» и началъ совершать байрамъ-намазъ. Вдругъ у него пошла кровь изъ носа; онъ схватилъ его руками и сталъ выходить изъ мечети. Въ это время всѣ, схватившись за носы, тоже начали выходить изъ мечети. Мулла, увидѣвъ это, крикнулъ: «куда вы идете, безумные»! Народъ повторилъ тоже самое: «куда вы идете, безумные» **).

---

*) Жители сел. Мухахъ, Закатальскаго округа.

**) Этотъ анекдотъ разсказывается за быль.

Пословицы и поговорки.

1. Воспоминаніе о Богѣ—благополучіе, о людяхъ—мученіе.

2. Сѣмена добродѣтели не сгніютъ и польза отъ нихъ не погибнетъ.

3. Величіе человѣка зависитъ отъ его благовоспитанности, а не отъ происхожденія.

4. Чтобы достигнуть почестей и величія—понуждай себя къ труду.

5. Рана, нанесенная словомъ,—хуже оружейной.

6. Будь добръ къ своему спутнику—будешь благополученъ въ дорогѣ.

7. Хорошее слово улучшаетъ характеръ.

8. Рѣдкое свиданіе съ другомъ увеличиваетъ дружбу.

9. Сношенія съ друзьями развиваютъ умъ.

10. Милость, оказанная приближеннымъ, затрудняетъ козни враговъ.

11. Тѣло есть залогъ грѣховъ.

12. Благополучіе тѣла—выше всѣхъ грѣховъ.

13. Посторониться отъ невѣжъ доказываетъ развитость вкуса.

14. Меньше съѣшь—больше останется.

15. Борода краситъ человѣка: чѣмъ она длиннѣе, тѣмъ лучше.

16. Береги уста, чтобы голова не была бита.

17. Что посѣешь, то пожнешь.

18. Сегодняшній день полезнѣе завтрашняго.

19. У кого мало помощниковъ, у того глазъ тупѣетъ.

20. Будь преданъ тому, кто доставляетъ тебѣ пропитаніе.

21. Случается, что милосердіе языка бываетъ полезнѣе милосердія руки.

22. Когда бываешь въ чемъ-нибудь заподозрѣнъ — береги себя, потому что за тобою слѣдятъ.

23. Убытокъ, радующій тебя, пріятнѣе прибыли, печалящей тебя.

24. Желаніе порождаетъ наслажденіе, экономія—почетъ.

25. Ноготь грѣха съ трудомъ срѣзывается.

26. Крылья повиновенія удлиняются постоянствомъ.

27. Плеть для лошади необходима, хотя-бы она и хорошо ходила.

28. Съ собакой дружи, но палки изъ рукъ не выпускай.

29. Ежели не побережешь языка, то дьяволъ завладѣетъ уздою твоею.

30. Видѣлъ много хромыхъ на высокомъ мѣстѣ, а ходящихъ свободно—оставшимися на послѣдней ступени.

31. Благородство характера выражается на челѣ.

32. О недостаткахъ другаго не говори, хотя-бы онъ оглашалъ о твоихъ.

33. Радость купца—въ кошелькѣ, а ученыхъ—въ книгахъ.

34. Сѣявшіе жнутъ, ѣвшіе пьютъ.

35. Ослушивающіеся голоса старшаго—съ воплемъ уходятъ.

36. Много найдется сожалѣющихъ о сиротѣ, но мало доставляющихъ ему пропитаніе.

37. Гдѣ не можешь быть сытымъ, тамъ не заявляй о своемъ голодѣ.

38. Гдѣ тебя не поймутъ, тамъ не расточай своей страсти.

39. Лошадь оберегаетъ паланъ (вьючное сѣдло), войско—ложь.

40. Не стыдись быть по приглашенію, не отѣсни безъ приглашенія.

41. Отъ дешеваго мяса не бываетъ навара.

42. Не сыпь золота на голову невѣжды: оно сдѣлается у ногъ его поддѣльнымъ.

43. Разостлавшій коверъ, самъ сядетъ на него.

44. Не рой ямы другому,—самъ упадешь.

45. Барсукъ, забравшись на гумно, долженъ переносить побои вилами.

46. Если воръ спленъ, то обворованный остается со стыдомъ.

47. Закрытый базаръ (т. е. когда не торговались въ цѣнѣ вещей) разстроиваетъ дружбу.

48. Послѣ перекочевки многіе предлагаютъ подводы.

49. При обратномъ движеніи стада, хромые бываютъ впереди.

50. Упускающій случай—раскаивается.

51. Съѣденное—прочное твое достояніе; оставленное — наслѣдство другихъ.

52. Что скрошишь въ чашку, то выймешь на ложкѣ.

53. Дѣлать добро за добро—обязанность каждаго; а дѣлать добро за зло—дѣло достойнаго.

54. Бери спутника изъ дома, а хлѣбъ изъ кадки.

55. Гость—насыщеніе хозяина.

56. Гость—соколъ домохозяина: гдѣ захочетъ, тамъ и прилягетъ.

57. Изъ простолюдина не можетъ быть бека, какъ изъ золы холма.

Загадки.

1. Наставилъ котелъ и пустилъ курдюкъ, распустился котелъ—остался курдюкъ (ноги, обутыя въ поршни — родъ башмаковъ).

2. Въ срединѣ полно, а стоитъ вверхъ дномъ (папахъ).

3. Маленькій мисри *)—весь свѣтъ плѣнилъ (золото).

4. Маленькій мильдаши **)—жжетъ горы и камни (огонь).

5. Гель, гель! (иди, иди!) говоришь—не идетъ; гельма, гельма! скажешь (не подходи, не подходи), а онъ идетъ (губы, при словѣ *гель* не касаются одна другой; при словѣ-же *гельма*—касаются).

6. Прыгаетъ, какъ Мехрибани ***), имѣетъ шесть ногъ, два копыта (вѣсы, цѣпочки на нихъ и чашки).

7. Отсюда ударилъ топоромъ, оттоль поднялся колтанъ ****), изъ земли вышелъ молодецъ—султанъ неба и земли (пшеница).

8. Средина—красная, верхъ—зеленый макъ; его рождаетъ и мужескій и женскій полъ. Пускай-ка умный отгадаетъ, а дуракъ удивляется (арбузъ).

9. Съ неба упало дерево безъ вѣтвей и корня; его съѣла птица, у которой нѣтъ языка и неба (снѣгъ и солнце).

10. Въ одной жаровнѣ двѣ рыбы: одна холодная, другая горячая (луна и солнце).

11. На дорогѣ стоитъ чашка съ кислымъ молокомъ (луна).

12. На верхушкѣ дерева—просяная яма (винная ягода).

13. Что выше лошади, а ниже собаки?—(сѣдло).

14. Въ одномъ яйцѣ 150 цыплятъ (граната).

15. Вышла изъ моря птица безъ имени; на пропитаніе ея

---

*) Мисри—не имѣетъ значенія.

**) Мильдаши—не имѣетъ значенія.

***) Мехрибани—женское имя.

****) Колтанъ—глыба земли, отбрасываемая плугомъ.

явилось два барана безъ костей; пришла для нее неживая лошадь (ребенокъ, груди матери и колыбель).

16. Со всѣхъ сторонъ твердое, а въ срединѣ—желтое сѣмя (яйцо).

17. У меня есть быкъ; ежели за хвостъ его не возьмешь, то въ сарай не введешь (большая деревянная ложка—чомча).

18. Гнѣздо на бревнѣ, пищу ѣстъ, а воды не пьетъ (шелковичный червь).

19. Руками сѣютъ, языкомъ жнутъ (грамотные).

20. 360 досокъ прикрѣплены однимъ гвоздемъ (мусульманскій годъ).

21. Голова внизу, а ноги вверху (лукъ—растеніе).

22. Ашикъ *) говоритъ: «въ одномъ кувшинѣ отчего двѣ воды не смѣшиваются?» (яйцо).

23. Ашикъ говоритъ: «что этакое, что не сѣя жнется и въ пищу не употребляется»? (волосы на головѣ и борода) **).

А. Фонъ-Плотто.

---

*) Ашикъ—народный импровизаторъ или пѣвецъ.

**) Всѣ приведенныя пѣсни, сказки, анекдоты, пословицы, поговорки и загадки переведены на русскій языкъ съ адербейджанскаго. Загадки—туземнаго произведенія и всѣ мугальскія. Пословицы и поговорки говорятся какъ между лезгинами, такъ и между мугалами и ингедойцами, и всѣ онѣ взяты съ арабскаго языка. Анекдотъ про катера и кюсу разсказываютъ лезгины; остальные анекдоты и сказки собраны отъ мугаловъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ ОСЕТИНЪ *).

Введеніе.

Изученіе горскаго племени осетинъ, обитающаго въ среднемъ Кавказѣ, къ западу отъ Казбека, по обѣимъ сторонамъ главнаго хребта, въ высшей степени любопытно, не только для языковѣдѣнія, но и для этнографіи, сравнительнаго законовѣдѣнія и исторіи. Языкъ этого племени признанъ индо-европейскимъ нарѣчіемъ и обработанъ въ значительномъ числѣ сочиненій [1]). Эти лингвистическія изслѣдованія имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія вопроса о происхожденіи осетинъ и о смѣшеніи ихъ съ другими племенами. На основаніи этихъ изслѣдованій уже и теперь можно сказать, что осетины, по своему происхожденію,— иранцы и принадлежатъ къ той вѣтви индо-персидскаго племени, которая въ Европѣ извѣстна подъ названіемъ сарматовъ. Сар-

*) Статья эта заключаетъ въ себѣ сводъ историческихъ свидѣтельствъ о древнѣйшемъ изъ горскихъ племенъ Кавказа, давно уже обратившемъ на себя вниманіе ученыхъ, но все еще мало изслѣдованномъ. Такой сводъ редакція считаетъ весьма полезнымъ дѣломъ для дальнѣйшей разработки вопроса о происхожденіи и историческихъ судьбахъ осетинъ. Но придавая значеніе высказанному въ статьѣ трудолюбію автора по группировкѣ историческихъ свѣдѣній объ осетинскомъ племени, редакція считаетъ долгомъ оговориться, что въ этихъ свѣдѣніяхъ все еще не видно полнаго основанія для принятія тѣхъ выводовъ и предположеній, къ которымъ приходитъ авторъ. Правда, предметъ изслѣдованія, по темнотѣ и запутанности своей, нуждается въ принятіи многихъ гипотезъ, но все-же видимая шаткость нѣкоторыхъ изъ нихъ, принятыхъ такъ рѣшительно въ настоящей статьѣ, должна остаться на отвѣтственности лишь самого-же автора. *Ред.*

[1]) См. въ соч. Шифнера: „Осетинскіе тексты". Приложеніе къ XIV т. Записокъ Ак. Н.

маты, какъ извѣстно, жили въ странѣ между рр. Дунаемъ и Дономъ. *Дон* на нынѣшнемъ осетинскомъ языкѣ значитъ—вода и рѣка, *Дон-бире* [2]) (Днѣпръ) — много воды, полноводная рѣка, *Дон-стгр* (Днѣстръ)—большая рѣка, *Дунеі-дон*—всемірная рѣка; Терекъ у древнихъ (Эратосѳена и Зонараса) назывался *Термодон*, или *Тормодон*. Уже на основаніи этихъ названій можно-бы допустить, что нынѣшніе осетины—потомки древнихъ сарматовъ. Но это предположеніе подтверждается еще и другими доказательствами [3]).

Мидо-персидское или сарматское происхожденіе осетинъ проглядываетъ прежде всего въ названіи нынѣшнихъ осетинъ „иронъ,“ въ нѣкоторыхъ (по моему соображенію, около 40) индо-европейскихъ словахъ, сохранившихся въ ихъ языкѣ, въ сарматскихъ собственныхъ именахъ [4]), въ нѣсколькихъ арійскихъ обычаяхъ, въ искусствѣ варить пиво, въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, напр. въ судопроизводствѣ (доказчики, присяжники), наконецъ—въ наружности. Осетины никогда не были чистыми сарматами,—они уже въ глубочайшей древности перемѣшались со многими другими племенами, прежде и раньше всего—съ какимъ-то семитическимъ племенемъ. Наружность, жесты, говоръ, у весьма многихъ осетинъ напоминаютъ евреевъ. Осетинскіе обряды погребенія и жертвоприношенія во многомъ сходны съ древне-еврейскими. У коренныхъ осетинъ сынъ почти всегда остается жить при отцѣ и всю жизнь безпрекословно подчиняется ему и всѣмъ старшимъ въ родѣ: это учрежденіе чисто-семитическое,—семиты народъ патріархальный по преимуществу. По коренному осетинскому праву, братъ былъ обязанъ жениться на вдовѣ умершаго брата, — это такъ называемый левиратскій бракъ,—учрежденіе, свойственное, какъ извѣстно, только семитамъ. У осетинъ почти всякій, живу-

---

[2]) Правда, въ нынѣшнемъ осетинскомъ языкѣ прилагательное всегда ставится напереди, но въ древнемъ сарматскомъ нарѣчіи, вѣроятно, оно ставилось и назади.

[3]) Чтобы избѣгнуть всякой полемики, не обѣщающей, въ данномъ случаѣ, никакихъ результатовъ, мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ какъ дѣйствительныя, такъ и мнимыя доказательства лингвистовъ. Относительно производства имени Осъ, лингвистика рѣшительно увлеклась. Такъ какъ лингвистическое изслѣдованіе всегда должно начинать съ составленія грамматики, подробнаго словаря и собранія текстовъ, а не съ этимологіи двухъ, трехъ именъ, то поэтому и невозможно строить исторію осетинъ на шаткомъ основаніи этимологіи одного только имени Осъ.

[4]) Напр. Бадза, Бесса и т. д.

щій въ достаткѣ, кромѣ законной жены, держалъ еще одну или нѣсколько наложницъ (номлус, nominalis uxor); дѣти, рожденныя отъ подобной наложницы или именной жены, назывались *кавдасардами*, оттого, что они рождались въ ясляхъ; кавдасарды служили своему отцу и старшимъ братьямъ, какъ рабы. И это учрежденіе свойственно исключительно только евреямъ или семитамъ. У осетинъ встрѣчается нѣсколько еврейскихъ именъ мѣстностей [5]). Но они не знаютъ Моисеева закона и въ осетинскомъ разговорномъ языкѣ до-сихъ-поръ, кромѣ восклицанія: вай, вай!, не найдено ни одного еврейскаго слова. Это можетъ быть объясняемо тѣмъ, что евреи и семиты вообще утрачиваютъ свой народный языкъ, почему и лингвистика къ этнографіи семитическихъ племенъ трудно приложима. Что-же касается незнанія осетинами Моисеева закона, то это можно объяснить тѣмъ, что семиты, съ которыми они смѣшались, жили на Кавказѣ раньше XV в. до Р. Х.

Въ этнологическомъ отношеніи осетины представляютъ странную, и поэтому въ высшей степени интересную, смѣсь еврейскихъ и мидо-персидскихъ элементовъ, съ заимствованіями отъ другихъ народностей, съ которыми они, впродолженіи своей многовѣковой исторіи, бывали въ соприкосновеніи.

Всѣ явленія народной жизни, будучи всегда результатомъ долгаго историческаго развитія, могутъ быть объяснены *только историческимъ путемъ*. Поэтому, для изученія осетинской народности, я счелъ *прежде всего* необходимымъ, собрать изъ доступныхъ для меня источниковъ всѣ свѣдѣнія объ исторіи этого древнѣйшаго народа. Конечно, разработка подобныхъ свѣдѣній—задача столь трудная, что требуетъ напряженной работы многихъ лѣтъ; первоначально-же, достаточно собрать эти свѣдѣнія и объяснить ихъ, насколько это возможно, при данныхъ обстоятельствахъ.

Источниками къ исторіи осетинъ служатъ народныя преданія и сказанія и свѣдѣнія объ нихъ, разсѣянныя въ письменныхъ источникахъ исторіи. Этимологія именъ только вспомогательное средство, за неимѣніемъ лучшаго.

Собраніе осетинскихъ народныхъ сказаній [6]) и преданій уже

---

[5]) Напр. Гальята=Golgatha.

[6]) Важнѣе всего нартовскія сказанія, которыя еще не собраны. Изъ числа этихъ сказаній могутъ считаться подлинными только тѣ, которыя, по содержанію своему, имѣютъ отношеніе къ древне-иранскимъ или къ греческимъ миѳологическимъ сказаніямъ.

начато. Трудъ этотъ требуетъ спеціальнаго знанія осетинскаго языка и поэтому за него можетъ взяться только лингвистъ или образованный туземецъ. Я познакомился съ содержаніемъ осетинскихъ народныхъ сказаній въ путешествіяхъ по ущельямъ Осетіи, но, за неполнымъ знаніемъ языка, лишенъ возможности передать подлинные тексты этихъ сказаній. Разработка ихъ *не иначе возможна*, какъ въ связи съ извѣстіями письменныхъ источниковъ исторіи [7]) и путемъ сравненія ихъ съ древне-иранскими сказаніями (въ родѣ тѣхъ, которыя помѣщены въ Шахъ-Наме Фирдуси), съ которыми они стоятъ въ тѣсной связи. Въ настоящее время мы должны довольствоваться ихъ отрывками.

Сколько новаго матеріала для исторіи обѣщаютъ эти сказанія, это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра. Осетинское сказаніе знаетъ о какихъ-то богатыряхъ, пришедшихъ въ глубокой древности изъ Азіи на Кавказъ. Эти богатыри называли себя нартами. Въ Азіи, они, по всей вѣроятности, обитали на южномъ берегу Каспійскаго моря и въ горахъ Эльбурсъ, извѣстныхъ подъ этимъ названіемъ уже въ Зендавестѣ. Въ этихъ мѣстахъ, по свидѣтельству древнихъ географовъ, жилъ воинственный народъ, подъ названіемъ Mardi [8]). Черезъ нхъ страну протекала рѣка Amardus, Mardonius (Мардонъ, Нардонъ). Къ этому народу, по всей вѣроятности, принадлежали и кавказскіе нарты. Послѣдніе могли перенести названіе Эльбурсъ на высочайшую вершину Кавказа, около которой они, вѣроятно, впервые поселились. Во время нашествія партовъ, средняя часть Кавказа [9]) была населена народомъ, называвшимъ себя, отъ своего родоначальника, *Дауо*, *Дау*, или правильнѣе *Дзау*.

Миѳическая личность Дауо или Дзау извѣстна не только въ осетинскихъ, но и въ антійско-черкесскихъ [10]) сказаніяхъ; названіе этого лица мы встрѣчаемъ въ имени осетинскаго племени Дзау или джавцевъ, обитающихъ на южной сторонѣ главнаго хребта. Отъ него названъ и Дзауджigay (Владикавказскій аулъ), сел. Джава и

---

[7]) См. ниже, напр. сказаніе объ Осибагатарѣ, объясняемое не иначе, какъ въ связи съ свѣдѣніями, почерпаемыми изъ грузинской лѣтописи.

[8]) Одноплеменники римскаго бога Mars. Они упоминаются тоже въ исторіи Александра Великаго, но тогда уже нѣсколько южнѣе.

[9]) По предположенію, съ должной осторожностью выраженному въ прекрасной статьѣ „Начало христіанства на Кавказѣ“, быть можетъ, весь Кавказъ былъ населенъ евреями. «Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ.» Вып. 2.

[10]) Nogmow,—Sagen und Lieder, стр. 30.

гора Дзаухохъ, въ Осетіи. Кромѣ племени Дзау, въ среднемъ Кавказѣ обитало еще другое, того-же происхожденія, племя, называвшее себя задами (Зад) [11]). Пришедшіе изъ Азіи нарты, въ ущельяхъ средняго Кавказа, преимущественно Ардона, Нардона и Фіягдона [12]), долго и жестоко боролись съ племенами Дзау и Зак. Главный ихъ миѳическій герой былъ Батрасъ, сынъ Хæмуца. На сторонѣ туземцевъ въ этой борьбѣ выступили на сцену богатыри Буреѳæрнугъ и Сайнæгъ [13]). Они, при содѣйствіи нѣкоего Челесхана, убили отца Батраса, и за то этотъ мстилъ имъ кровью. Послѣ продолжительной борьбы съ Буреѳæрнугомъ и Челесханомъ (около крѣпости Хизъ), Батрасъ, умертвивъ Челесхана, пошелъ противъ Сайнæга. Но Сайнæгъ въ своей крѣпости защищаемъ былъ ангелами, покровительствовавшими племенамъ заковъ и дзау. Ангелы, по испрошенному ими у Бога приказанію, завлекли Батраса въ безводныя мѣста, и тамъ отъ солнца раскалился мѣдный его черепъ. Батрасъ изнемогъ и умеръ. Разложившееся его тѣло распространяло страшную вонь по всѣмъ окрестностямъ, отчего и умерли многіе ангелы. Тогда остальные изъ нихъ снова обратились къ Богу и онъ имъ приказалъ похоронить трупъ Батраса въ Сопіи [14]).

Вспоминая эти происшествія, осетины, до-сихъ-поръ, при своихъ поминкахъ, каждый разъ приносятъ Батрасу торжественную жертву, что можетъ служить лучшимъ доказательствомъ глубокой древности этого сказанія.

Въ лицѣ Батраса погибла на Кавказѣ средне-азіатская цивилизація. Оставшіеся послѣ смерти своего героя нарты смѣшались со своими побѣдителями. Доказательствомъ тому служитъ слѣдующее: Моисей Хоренскій, въ своей географіи (450 г.), приводитъ, что около Дарьяльскаго и Дзаханскаго (т. е. Закскаго) проходовъ обиталъ народъ, по имени *дзанарцы*, т. е. дзау и нарты, соединившіеся въ одно племя.

Разбирая осетинъ этнологически, мы замѣчаемъ въ нихъ два главныхъ элемента—мидо-персидскій и семитическій. Нарты, очевидно, были мидо-персы,—слѣдовательно, названія Дзау и Зак, вѣроятнѣе всего, относятся къ племенамъ семитовъ, на-

---

[11]) Правильнѣе, вѣроятно, Зак.

[12]) Нартовскія сказанія нигдѣ не сохранились такъ живо въ народной памяти, какъ здѣсь.

[13]) Получившій впослѣдствіи прозвище Алдаръ.

[14]) Sobagha?

селявшихъ средній Кавказъ [15]) за много вѣковъ до Р. Х. Около Р. Х. или въ 1-мъ вѣкѣ, осетины соединились съ сильнымъ мидо-персидскимъ племенемъ алановъ. Благодаря этому усиленію мидо-персидскаго элемента, индо-европейскія черты у осетинскаго народа могли сохраниться до нашего времени.

Кромѣ сказанія о Батурасѣ, осетины имѣютъ множество другихъ, не менѣе любопытныхъ и чрезвычайно важныхъ, сказаній.

Но прежде, чѣмъ приступить къ ихъ объясненію [16]), необходимо знать что-нибудь о положительной исторіи осетинъ. Поэтому, въ настоящемъ трудѣ я старался собрать историческія свѣдѣнія объ осетинахъ, преимущественно изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ римскихъ писателей, особенно Тацита; изъ разныхъ греческихъ и византійскихъ источниковъ, преимущественно тѣхъ, которые помѣщены въ соч. Stritter' a: Memoriae populorum ad... Pontum Euxinum.... incolentium, т. IV; изъ грузинскихъ, армянскихъ и отчасти арабскихъ источниковъ, насколько они мнѣ были доступны въ переводахъ Brosset, St. Martin, Defrémery и др.; наконецъ, изъ личныхъ справокъ у туземцевъ и наблюденій во время путешествій по осетинскимъ ущельямъ. Само собою разумѣется, что трудъ мой, какъ первый опытъ обработки исторіи осетинъ, во многихъ отношеніяхъ требуетъ дополненія и критическаго исправленія.

Просмотрѣвъ, по мѣрѣ силъ и возможности, литературу, для ознакомленія съ предметомъ, я остановился также на слѣдующихъ трудахъ:

1) Jak. Grimm: Geschichte der deutschen Sprache, 1848, I, стр. 223 и сл., 435, 473 и сл. (по вопросу о сарматахъ и готахъ).

2) Глава объ осетинахъ у Вахушта (Description géogr. de la Géorgie, publ. par Brosset, 1842, стр. 425—461. Одинъ изъ наилучшихъ трудовъ объ осетинахъ).

3) Отдѣлы объ осетинахъ въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Клапрота, бар. Гакстгаузена, Dubois de Montpéreux, и у другихъ путешественниковъ по Кавказу.

4) Статья объ осетинахъ въ Геогр.-стат. словарѣ г. Семенова. Тамъ-же и литература.

---

[15]) О позднѣйшемъ выселеніи въ эти мѣста евреевъ ничего въ исторіи неизвѣстно.

[16]) Собраніе ихъ можетъ и должно идти своимъ путемъ.

5) Vivien de St. Martin, въ Nouv. annales des voyages, 1848 г., и въ его Recherches, преимущ. стр. 149 и сл. и 163.

6) Осетія, въ Обозрѣніи Росс. влад. за Кавк., 1836, т. 2, стр. 159—210.

7) А. Берже: Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ, въ Кавк. Календарѣ 1858 г. Въ перев. на нѣм. у Petermann: Mittheilungen, 1860 г.

8) Ст. Н. Берзенова, въ Закавк. Вѣст. 1852 г., № 39 и 40 и въ газ. Кавказъ: разсказъ: «Осетинская Сафо».

9) Главнѣйшія свѣдѣнія о горскихъ племенахъ, на которыя распространяется дѣятельность Общества возстановленія православнаго Христіанства на Кавказѣ. Отчетъ этого Общества за 1868 г., стр. 21 и сл.

10) А. Головина: Топографическія и статистическія замѣтки объ Осетіи, въ Кавк. Кал. 1859 г., стр. 426—571.

11) М. Баева: Тагаурское общество и экспедиція ген.-маіора кн. Абхазова, въ Тер. Вѣд. 1869 г., № 6—10.

Наконецъ, нелишнимъ считаю упомянуть, что къ составленію настоящаго труда побудило меня исключительно только то обстоятельство, что, для предпринятой мною обработки осетинскаго народнаго права, оказалось безусловно-необходимымъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи осетинъ.

I.

Общія мѣста къ осетинской исторіи.

Праотцы осетинъ принадлежали къ великой семьѣ народовъ, населявшей, вмѣстѣ съ нѣкоторыми семитическими племенами, Иранское плоскогоріе и, вѣроятно, называвшей себя общимъ именемъ или Иронъ, или Ары [1]). Объ исторіи этого народа, кромѣ того что можно найти въ каждомъ хорошемъ руководствѣ ко всеобщей и среднеазіатской исторіи и разбросанныхъ у разныхъ авторовъ свѣдѣній о средней Азіи, нельзя сказать ничего положительнаго [2]).

Эта семья народовъ стояла на значительной степени образованія. Выселившись въ Европу въ такую пору, когда среднеазіатская цивилизація несовсѣмъ еще погибла, нѣкоторая часть этого народа, своимъ появленіемъ среди дикаго горскаго населенія и семитовъ, населявшихъ тогда Кавказъ, произвела такое глубокое впечатлѣніе, что и поздніе потомки вспоминаютъ объ нихъ, воспѣвая ихъ доблесть [3]), подобно тому какъ донынѣ природные жители Америки воспѣваютъ грозную доблесть бѣлыхъ боговъ, пришедшихъ изъ-за моря,—испанцевъ, сопровождавшихъ Кортеца и Пизарро. Сравнивая народныя сказанія о титанахъ, азахъ и нартахъ съ подобными-же народными сказаніями Америки, мы находимъ въ нихъ много сходнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ и другія расходятся въ одномъ важномъ пунктѣ. Въ Америкѣ, сказанія о бѣлыхъ богахъ кончаются побѣдою послѣднихъ, въ Европѣ-же, и въ особенности на Кавказѣ, напротивъ—почти всегда гибелью титановъ, азовъ и нартовъ. Это означаетъ, что въ Америкѣ европейская цивилизація осталась побѣдительницею, въ Европѣ-же древняя цивилизація средней Азіи была задавлена превосходнымъ числомъ дикарей, населявшихъ тогда Европу. От-

---

[1]) Аріи Геродота.

[2]) Въ новѣйшее время много сдѣлано для разъясненія этой темной страницы въ исторіи (см. напр. соч. Busch—Die Urgeschichte des Orients, 3 т. и Карр — Die Religion und Sitte der Perser въ Zeitschr. d. morg. Gesch. 1865 и 1866 г.

[3]) См. Шифнеръ: „Осетинскіе тексты“, въ Зап. И. Ак. Н. Прилож. № 4 къ XIV т. 1868 г., стр. 20.

важные сокрушители неба, титаны, азы и нарты, понесли отъ руки безсмертныхъ боговъ жестокое наказаніе; Прометей былъ прикованъ къ кавказской скалѣ и коршунъ выклевывалъ его сердце; въ осетинскомъ-же сказаніи нартъ Батурасъ, за дерзкое посягательство противъ Бога и его ангеловъ (зады и даjеги) [4]), былъ наказанъ смертью и разложившееся его тѣло распространяло страшное зловоніе по всѣмъ окрестностямъ.

Историческій смыслъ кавказскихъ, въ высшей степени любопытныхъ, сказаній о нартахъ можетъ быть разъясненъ не иначе, какъ послѣ составленія полнаго, по всѣмъ частямъ Кавказа, сборника этихъ сказаній. Въ этомъ сборникѣ важнѣйшее мѣсто займутъ сказанія о нартахъ, сохранившіяся у осетинъ, потому что осетины, вмѣстѣ съ горскими евреями, грузинами и армянами, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ жителей Кавказскаго перешейка [5]).

Изъ сказанія о нартѣ Батурасѣ явствуетъ, что праотцы осетинъ имѣли сношенія съ древними греками, въ ту отдаленную эпоху, когда оба эти народа жили еще въ Азіи,—иначе не могло-бы быть сходства въ основной идеѣ сказанія о Батурасѣ со сказаніемъ о Прометеѣ [6]). Какъ видно изъ сказокъ, праотцы осетинъ жили на Кавказѣ еще въ такое время, когда въ немъ внутренній огонь еще не погасъ. Сказанія знаютъ о землетрясеніяхъ и въ нихъ встрѣчается очень часто фраза: „когда на такой-то горѣ не лежало еще снѣга, тогда случилось то-то“.

Древніе нарты долго и жестоко боролись съ туземцами и даже между собою. Объ этой борьбѣ мы узнаемъ нѣсколько подробностей изъ критическаго разбора подлинныхъ сказаній о нартахъ. Наконецъ, они были побѣждены, упали до уровня туземцевъ и смѣшались съ ними, впрочемъ—въ достаточномъ числѣ, чтобы сохранить ясные и до сихъ-поръ проявляющіеся слѣды своего мидо-персидскаго происхожденія. Смѣшавшись съ ними, они—по всей вѣроятности—позаимствовали у туземцевъ свойственныя имъ фор-

---

[4]) Т. е. людей, ими покровительствуемыхъ.

[5]) Осетинскій Хœмуцъ—греческій Одиссей; Батурасъ—Прометей, отчасти и Ахиллъ; Созруко (путешествіе въ подземный міръ)—Геркулесъ и т. д. Сравнительное изученіе этихъ сказокъ много обѣщаетъ для разъясненія древнѣйшей исторіи Греціи. Онѣ образуютъ обширную народную эпопею, со множествомъ рапсодій.

[6]) Оба эти сказанія—отголоски древняго иранскаго сказанія о Бюраспѣ.

[7]) См. напр. въ сказаніи о Рекомѣ.

мы общежитія. Надо полагать, что туземцы эти, какъ и всѣ народы семитическаго происхожденія, жили небольшими обществами, устроенными патріархально; сынъ всегда оставался жить при отцѣ и былъ обязанъ безпрекословнымъ ему повиновеніемъ; старшіе всегда руководили дѣйствіями младшихъ. Послѣ смерти отца, власть наслѣдовалъ старшій сынъ, и ему тогда подчинялись семейства всѣхъ младшихъ сыновей. По смерти старшаго сына заступалъ его мѣсто второй, потомъ 3-й, 4-й и т. д. Послѣ смерти послѣдняго изъ сыновей родоначальника, власть переходила всегда въ руки старшаго сына старшаго изъ сыновей родоначальника, а если такого не было—въ руки старшаго сына 2-го, и т. д., до безконечности.

При такомъ способѣ наслѣдованія власти не могло быть ни выборовъ, ни споровъ о томъ, кому власть должна принадлежать. Въ случаѣ чрезмѣрнаго размноженія народонаселенія въ подобномъ обществѣ, лишніе члены его уходили, мирно, по общественному приговору, и отыскивали себѣ новыя, незанятыя никѣмъ, мѣста для жительства. Отдѣлившіеся устроивали свой бытъ на такихъ-же патріархальныхъ началахъ.

Въ подобныхъ обществахъ не можетъ быть никакихъ законовъ, но есть обычаи, которымъ каждый безпрекословно долженъ повиноваться, и которые, не допуская личной воли, связывали каждаго отдѣльнаго члена по рукамъ и по ногамъ. При подобномъ общественномъ строѣ нѣтъ развитія, нѣтъ исторіи: человѣкъ вѣчно остается сыномъ своего отца и никогда ни на шагъ дальше его не идетъ. Патріархальный вѣкъ—вѣкъ неподвижности и вѣчнаго застоя. Исторія этого вѣка состоитъ въ спискахъ именъ лицъ, наслѣдовавшихъ постепенно патріархальную власть. Кромѣ того, исторія патріархальныхъ обществъ вспоминаетъ, куда разселились отдѣльныя вѣтви кореннаго общества.

Подобное-же патріархальное общество парты нашли на Кавказѣ повсемѣстно. Они внесли въ это тихое и мирное, но осужденное на вѣчный застой, общество новое начало — личной воли, воинственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начало своеволія, самоуправства. Семитическія общества соединились противъ нихъ, долго боролись съ ними, и среди этой долгой доисторической борьбы, семиты, бывшіе прежде мирными родичами, сдѣлались уже воинственными, выставивъ изъ среды себя отважныхъ героевъ. Наконецъ, семиты, благодаря превосходству своего числа, остались побѣдителями, побѣжденные-же парты подчинились семитамъ, при-

ния ихъ строй и нравы, образовавъ потомъ съ прежними своими врагами новое племя, или вѣрнѣе—новыя племена, такъ какъ туземцы, семиты, вѣроятно, говорили на различныхъ языкахъ.

Нарты дѣйствовали преимущественно въ среднемъ Кавказѣ, у осетинъ, гдѣ они оставили вѣчныя памятники своего присутствія въ сказкахъ и индоевропейскихъ корняхъ словъ осетинскаго языка. Были настоящіе нарты и въ Дагестанѣ, но въ другихъ мѣстахъ Кавказа, насколько можно теперь судить, названіе нартовъ было перенесено на инородныхъ завоевателей.

Вотъ простое начало, на основаніи котораго, по всей вѣроятности, разыгралась древняя исторія Кавказа. Но, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе многократныхъ войнъ и смѣшенія туземцевъ съ весьма различными, по своему происхожденію, національями, простое это начало значительно осложнялось.

До 1-го вѣка (до Р. Х.), соединившіеся въ среднемъ Кавказѣ нарты и семиты (съ примѣсью еще другихъ народностей, относительно которыхъ мы ничего пока еще не знаемъ) жили, какъ кажется, впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, мирно и счастливо; сказанія этихъ народовъ упоминаютъ и о какомъ-то блаженномъ вѣкѣ. Уровень ихъ образованія и тогда не былъ низокъ, хотя они уже находились въ эпохѣ упадка. Женщины, какъ видно изъ сказаній, были еще довольно свободны. Но въ 1-мъ в. до Р. Х. тронулся изъ Азіи авангардъ того страшнаго и дикаго ополченія, которому, въ связи съ дикими народами, населявшими еще раньше всю сѣверную и восточную половину Европы, суждено было разрушить гнилое зданіе, всемірной нѣкогда, римской имперіи.

Въ числѣ первыхъ пришло мидо-персидское племя аланъ, перемѣшавшееся на пути съ другими племенами. Это многочисленное воинственное племя раздѣлилось на двѣ части: одна часть пошла на западъ, а другая, остановившаяся сначала нѣкоторое время на Дону, поселилась потомъ навсегда на Кавказѣ. Смѣшавшись затѣмъ съ сильнѣйшимъ изъ туземныхъ племенъ, т. е. съ осами, они снова укрѣпили въ этомъ племени мидо-персидскій элементъ, вслѣдствіе чего народъ этотъ (называвшійся теперь уже новымъ именемъ—аланъ, валанъ и, можетъ быть, валаджиръ) окончательно оставилъ мирныя занятія и сталъ заниматься почти исключительно войною и грабежомъ. — Подобному перевороту способствовало и наступленіе грознаго вѣка великаго переселенія народовъ.

Внутри общинъ и въ этомъ вѣкѣ сохранялось патріархальное устройство. У нихъ были знатные роды, но дворянства въ

собственномъ смыслѣ не было. Principes sunt, qui autoritate majus, quam potestate praesunt,—эти слова Тацита относятся не только къ древнимъ германцамъ, но ко всему арійскому племени.

Впрочемъ, разрозненность отдѣльныхъ мелкихъ общинъ въ патріархальномъ быту не способствовала у аланъ-осетинъ сильному сосредоточенію власти въ чьихъ-либо рукахъ: у нихъ не было ни царей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, ни династій. Правда, исторія сохранила намъ имена весьма немногихъ аланско-осетинскихъ царей, но власть ихъ ограничивалась почти только однимъ предводительствомъ на войнѣ, безъ всякаго территоріальнаго значенія. По всему видно, что Осетія или Аланія никогда не была государствомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова: начиная со II-го в. по Р. Х., грузины, одержавшіе тогда верхъ надъ осетинами, силились преобразовать Осетію въ феодальное государство, по грузинскому образцу, но успѣли въ этомъ только отчасти,—на южномъ склонѣ главнаго Кавказскаго хребта.

Исторія аланъ—это постоянная война, или кровавая борьба съ наступавшими на нихъ племенами. Въ этой борьбѣ, на плоскости, они по нѣсколько разъ были поражаемы и потомъ спасали свое существованіе въ глубокихъ ущельяхъ Кавказа. Борьба это довела осетинъ до крайнихъ предѣловъ естественнаго состоянія. Мужчины знали одну только войну; случалось даже, что и женщины въ ней участвовали. Земледѣліемъ занимались только временно, въ горныхъ ущельяхъ; на плоскости-же они отбивали у разныхъ пришельцевъ-номадовъ стада, которыми и кормились.

Какъ народъ воинственный, аланы собственно не имѣли мѣстъ для постояннаго жительства. Потерпѣвши пораженіе на одной сторонѣ Кавказа, они переходили на другую, но во всякомъ случаѣ они старались до крайности защищать ущелья, расположенныя въ среднемъ Кавказѣ; въ особенности-же Валаджирское и Куртатинское ущелья, со всѣхъ сторонъ замкнутыя громадными горами и искусственно защищенныя во всѣхъ слабыхъ пунктахъ сильными укрѣпленіями, служили имъ надежнымъ убѣжищемъ на крайній случай. Въ этихъ просторныхъ ущельяхъ по временамъ помѣщался весь аланскій народъ; но, само собою разумѣется, въ громадномъ количествѣ онъ въ нихъ не могъ

долго держаться: голодъ заставлялъ его снова браться за оружіе и выходить на плоскость.

Дарьяльское ущелье, какъ единственная въ среднемъ Кавказѣ проходная дорога, не было удобно для жительства воинственнаго племени, но благоразумно было оставаться вблизи этой дороги, чтобы править движеніемъ на ней. Дѣйствительно, осетины впослѣдствіи на этой дорогѣ наложили на проѣзжающихъ пошлину, весьма доходную для народа.

На историческихъ картахъ Кавказа мы встрѣчаемъ названіе Alania то въ срединѣ Кавказа, по сѣверному его склону, то на западѣ, вблизи отъ страны черкесовъ, то на востокѣ, въ Дагестанѣ, то на юго-восточной сторонѣ. На картахъ-же Европы мы видимъ слово Alani на сѣверномъ берегу то Азовскаго, то Чернаго морей, то на Балканахъ, наконецъ, даже, въ средней и западной части Европы. Одинъ писатель, Дегинъ, знаетъ аланъ даже на Уральскихъ горахъ. Въ подобномъ разногласіи въ указаніи мѣстъ жительства аланъ многіе видятъ противорѣчіе и часто упрекаютъ источники въ неточности; но такой упрекъ напрасенъ. Народы, часто перемѣняющіе свое мѣстожительство, занимаются не земледѣліемъ, не скотоводствомъ, но войною: случай, счастіе или несчастіе, бросаетъ ихъ то сюда, то туда. Если-бы мы начертили всѣ историческія карты Кавказа въ одномъ и томъ-же масштабѣ, на прозрачной бумагѣ, и клали-бы эти карты одна на другую, то замѣтили-бы, что въ большинствѣ этихъ картъ, въ среднемъ Кавказѣ, около Валаджирскаго ущелья, гдѣ въ иныхъ картахъ находится полное слово Alania, совпадаютъ то начальныя буквы этого слова, то его окончаніе. Слѣдовательно, здѣсь и находилось постоянное и древнѣйшее въ Европѣ мѣстожительство аланъ. Во время могущества этого племени, границы его владѣній распространялись на сѣверъ, до р. Дона. Аланскій народъ былъ такъ многочисленъ, что могъ выставлять армію въ 40,000 и болѣе человѣкъ. Онъ втеченіи нѣсколькихъ столѣтій господствовалъ надъ всѣмъ Кавказомъ, какъ по сѣверному, такъ и по южному его склонамъ.

По нравственности своей, аланы были люди свирѣпые и жестокіе: infraenes saevisque moribus Alanos esse, — говоритъ объ нихъ византійскій писатель Пахимересъ. Они поступали по найму на службу къ армянамъ, грузинамъ, грекамъ, персамъ, хазарамъ и т. д., и дрались только за плату, и потому очень часто случалось, что они, ради выгоды своей, измѣннически перехо-

дили къ непріятелю. Чаще всего мы встрѣчаемъ ихъ на службѣ у грузинъ и грековъ, но часто они шли и противъ нихъ. Если по временамъ и случалось, что они не были заняты войною внѣ границъ своихъ владѣній, то навѣрно можно предполагать, что непріятель стоялъ передъ собственными ихъ вратами.

Вотъ простыя начала, которыя лежатъ въ основаніи исторіи осетинъ въ первые вѣка послѣ Р. Х. и въ средніе вѣка.

II.

Отрывки изъ исторіи осетинъ до Р. Х. Древнія стѣны, запиравшія осетинскія ущелья.

Въ началѣ грузинской лѣтописи Вахтанга встрѣчается любопытное извѣстіе о столкновеніи потомковъ Картлоса съ древними греками. Этотъ разсказъ, не смотря на миѳическій его характеръ, заслуживаетъ полнаго вниманія, уже по древности своей. Во время одного междоусобія между сыновьями Афридуна, Картлосиды воспользовались случаемъ завоевать страну грековъ. Но грекамъ осталась страна ниже Эгриса (Имеретіи). Заключивъ союзъ съ осами, жители этого края пригласили ихъ къ себѣ и убили персидскаго эристава, со всѣми персами. Однако-жъ персамъ осталась еще страна Ранъ и Геретъ (Hereth[1]).

Не менѣе загадочно и слѣдующее извѣстіе грузинской лѣтописи: овладѣвъ Закавказьемъ, Александръ Великій назначилъ своимъ намѣстникомъ Азона. При немъ было 100,000 отборныхъ войскъ изъ страны Ромъ (?) Съ ихъ помощью Азонъ завоевалъ Осетію и Хазарію (?).

Въ это время царь карталинскій Фарнаосъ, или Фарнавасъ, былъ еще въ малолѣтствѣ и скрывался со своею матерью въ Кларджетѣ и греческихъ (?) колоніяхъ.

Въ 302-мъ г., Фарнавасъ, съ дружиною изъ осовъ и другихъ племенъ, явился къ Мцхету и выгналъ Азона. Послѣдній защищался, но въ битвѣ при Артанѣ (Каджта-калаки, Гори) онъ

[1]) Brosset, Hist. d. l. Géorgie, I, 27.

былъ убитъ и войско его разсѣяно. Изъ признательности за оказанную помощь, Фарнавасъ выдалъ свою сестру замужъ за осетинскаго царя [2]).

Въ началѣ третьяго вѣка до Р. Х., сынъ Фарнаоса Саурмакъ былъ свергнутъ съ престола и успѣлъ спастись въ горы. Но впослѣдствіи онъ съ помощью осетинъ и другихъ горцевъ возвратилъ себѣ престолъ [3]).

Конечно, всѣ эти извѣстія возбуждаютъ многія сомнѣнія; они, очевидно, основаны на преданіяхъ, лишенныхъ достоинства свидѣтельствъ уже потому, что въ лѣтописи не означенъ источникъ, откуда они взяты. Но все-таки, съ нашей стороны, было-бы весьма ненаучно голословно отвергнуть ихъ, какъ вымыслы автора лѣтописи.

Во второмъ вѣкѣ до Р. Х., въ царствованіе Мирвана I, дурдзуки вторгнулись черезъ ущелья средняго Кавказа въ Грузію. Мирванъ разбилъ ихъ, при преслѣдованіи безъ сопротивленія прошелъ ихъ страну, опустошилъ ее и, въ отвращеніе непріятельскихъ набѣговъ, построилъ въ 112 г. Дарьяльскія [4]) ворота.

Это укрѣпленіе играетъ столь важную роль въ древнѣйшей исторіи не только осетинъ, но и вообще Кавказа, что мы должны привести нѣсколько подробностей объ этомъ памятникѣ, развалины котораго сохранились отчасти до нашего времени.

У разныхъ племенъ Кавказа идетъ преданіе о томъ, что, въ древнія времена, весь Кавказскій перешеекъ, отъ Дербента до Чернаго моря, къ сѣверу, былъ запертъ громадною каменною стѣною, на подобіе Китайской.

Это преданіе основывается преимущественно на томъ, что въ восточной части Кавказскаго перешейка, на протяженіи 400 верстъ, отъ Дербента до р. Алазани, виднѣются по мѣстамъ, въ горахъ, хорошо уцѣлѣвшія развалины громадной стѣны, со многими бастіонами, въ различномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Эта стѣна носитъ названіе Александровой стѣны, а также различныя мѣстныя названія, напр. Дагъ-бары и т. д. У древнихъ, вѣроятно, не только Каспійскія ворота, но и эта стѣна называлась Caspiae pylae. Строи-

---

[2]) Brosset, I, 34—40. См. и Армян. лѣтоп. тамъ-же. Addit. et éclair. стр. 7—9, гдѣ объ этомъ происшествіи разсказывается нѣсколько иначе. См. и St. Martin, Mémoires, 1818 г., II, 197.

[3]) Brosset, I, 40; Addit. et éclair. 10.

[4]) Дарубаль, Дарбала въ Дшарталь, Brosset, I, 45 и Addit. (Арм. хрон.) стр. 11; тамъ-же упоминаются еще третьи ворота, la porte de Crazm (Цхрасма), См. у Вахушта описаніе Дшарталя.

телямъ этой стѣны сводъ не былъ еще извѣстенъ, почему и немыслимо, чтобы она могла быть построена греками и въ особенности—Александромъ Великимъ. Большинство мусульманскихъ историковъ приписываютъ строеніе Каспійской стѣны персидскому государю Сассанидской династіи, Нушпрвану Справедливому [5]), но и это предположеніе невозможно, потому, во первыхъ, что во всѣхъ извѣстныхъ постройкахъ эпохи Сассанидовъ сводъ вездѣ употребляется, и во вторыхъ, что она упоминается гораздо раньше, напр. въ географіи Моисея Хоренскаго.

Каспійская стѣна, вѣроятно, принадлежитъ какому-то народу, современному вавилонянамъ и ассиріянамъ. Народъ этотъ былъ чрезвычайно многочисленный, подобно китайцамъ, и съ мирными наклонностями [6]). Слѣдовательно, Каспійская стѣна по всему можетъ быть относима только къ какому-то народу семитическаго происхожденія.

Какъ на востокѣ, такъ и въ среднемъ Кавказѣ, въ Осетіи, почти во всѣхъ ущельяхъ встрѣчаются остатки стѣнъ, когда-то закрывавшихъ проходы по нимъ. Подобныя стѣны есть и въ ущельяхъ рр. Терека и Арагвы и притоковъ Терека—Гизельдона, Фіягдона, Ардона и, какъ говорятъ, Уруха.

Отъ стѣны, когда-то запиравшей ущелье р. Терека, осталось только—вѣроятно, вслѣдствіе сооруженія военно-грузинской дороги,—немного слѣдовъ [7]); я ихъ не замѣтилъ. Въ ущельи р. Гизельдона подобная стѣна есть ниже аула Даргавсъ. Замѣчательнѣе всего громадная и широкая стѣна, закрывавшая ущелье р. Фіягдона (Куртатинское), между аулами Харистиномъ и Хилакомъ. Эта стѣна такъ широка, что по ней можетъ проѣхать арба; она защищена нѣсколькими башнями, изъ которыхъ нныя хорошо сохранились. Она тянется во всю ширину живописнаго ущелья, до отвѣсныхъ скалъ, его окаймляющихъ. Крайняя на ней башня разрушена громаднымъ камнемъ, брошеннымъ сверху скалы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣна уже снесена, но, по краямъ и у самой рѣки, она хорошо сохранилась. И въ Ардонскомъ, или Валаджирскомъ, ущельи встрѣчаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ остатки

---

[5]) Березинъ, Путешествіе по Дагестану, II, 25. Александрова стѣна была соединена съ Дербентскою стѣною, но и Березинъ признаетъ (стр. 26), что обѣ принадлежатъ разнымъ строителямъ.

[6]) Спарта не была обнесена стѣною.

[7]) По большимъ дорогамъ кипящая дѣятельность современной жизни не даетъ оглянуться и скоро поглощаетъ слѣды минувшихъ временъ.

стѣнъ, закрывавшихъ проходы чрезъ нихъ. Главная изъ этихъ стѣнъ сохранилась до настоящаго времени; она находится на самомъ узкомъ мѣстѣ той части Ардонскаго ущелья, которое получило названіе Касарскаго, между русскимъ укрѣпленіемъ Св. Николая и аулами Нарскаго общества, на военно-осетинской дорогѣ. Эта стѣна называется у осетинъ Сулуи дуар, т. е. кривыя ворота, оттого, что въ этой стѣнѣ входъ къ воротамъ застроенъ другою стѣною, такъ что къ нимъ можно пробраться только кривымъ путемъ [8]). На западной сторонѣ, на крутой, но не очень высокой скалѣ, находится домикъ, назначенный, очевидно, для сборщика пошлинъ: дѣйствительно, эта стѣна была ничто иное, какъ таможенная застава. Впрочемъ, она, судя по постройкѣ, не древнѣе 300 — 500 лѣтъ. Напротивъ, вышеупомянутыя стѣны, преимущественно стѣна на р. Фіягдонѣ, такъ ветха, что даже камни въ ней отчасти уже распадаются. Стѣна эта держится преимущественно только тѣмъ, что она построена на очень хорошемъ цементѣ. Вообще, для вѣрнаго сужденія о древности осетинскихъ построекъ, всегда нужно имѣть въ виду, что чѣмъ древнѣе онѣ, тѣмъ лучше въ нихъ составленъ цементъ. Новыя-же постройки сооружены большею частью безъ всякаго цемента. Другой признакъ древности осетинскихъ построекъ заключается въ размѣрахъ отверстій для стрѣльбы. Чѣмъ древнѣе постройки, тѣмъ уже и длиннѣе эти отверстія.

Сооруженіе всѣхъ вышеупомянутыхъ стѣнъ вызвано, безъ сомнѣнія, потребностью древняго и средневѣковаго военнаго искусства. Стѣны эти большею частью различныхъ размѣровъ и, очевидно, принадлежатъ различнымъ временамъ; поэтому, и невозможно предполагать, чтобы онѣ были продолженіемъ великой Каспійской стѣны.

Стѣны и укрѣпленія, запиравшія ущелья рр. Терека и Арагвы, уже въ глубокой древности пользовались громкою извѣстностью. Эти стѣны назывались то Caucasiae pylae, то Sarmatiae pylae, то Porta Cumana.

Упоминая о Кавказскихъ воротахъ, Страбонъ, кажется, имѣетъ въ виду скорѣе загражденіе каменною стѣною и укрѣпленіемъ ущелья р. Арагвы; но Плиній [9]), очевидно, относитъ это заграж-

[8]) Теперь эта стѣна отчасти уже разрушена, вслѣдствіе постройки новой дороги.

[9]) См. въ геогр. Вахушта карту № 3. Не знаю, къ какой развалинѣ отнести упомянутый тамъ царскій замокъ.

деніе къ ущелью р. Терека. Здѣсь, по его словамъ, находилась крѣпость Cumania, мимо которой, въ узкомъ ущельи, среди отвѣсныхъ скалъ, тѣснилась бѣшеная рѣка. Поэтому, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Cumania у древнихъ называлась крѣпость, стоявшая на одинокой высокой скалѣ, на самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья р. Терека, нѣсколько сотъ шаговъ на югъ отъ нынѣшняго Дарьяльскаго укрѣпленія. Крѣпость эта хорошо уцѣлѣла до настоящаго времени. Названіе Cumania (Кумли, грузинскихъ лѣтописей) происходитъ отъ народа киммеровъ, обитавшаго въ сѣверной части Кавказскаго перешейка, до переселенія въ эти мѣста скифовъ [10]) и потомъ сарматовъ. Поэтому, мы предполагаемъ, что названіе Porta Cumana [11]) древнѣе названія Sarmatiae pylae.

Грузинская лѣтопись, какъ выше упомянуто, относитъ сооруженіе Дарьяльскихъ воротъ къ царствованію Мирвана I, во 2-мъ в. до Р. Х., а въ 5-мъ в. по Р. Х. грузинскій царь Вахтангъ Гургасланъ, какъ будто, подвинулъ рубежъ Грузіи отъ замка Кумли далеко за Кавказъ, возобновилъ Дарьяльскія ворота, построенныя Мирваномъ I, и въ узкой долинѣ горъ укрѣпилъ Терскій проходъ, извѣстный подъ именемъ Албанскихъ воротъ.

Но эти извѣстія, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ мало довѣрія, во-первыхъ, потому, что Porta Cumana, вѣроятно, гораздо древнѣе 2-го в., въ которомъ на Кавказѣ о киммерахъ нѣтъ уже и помину. Что-же касается, во-вторыхъ, возобновленія Вахтангомъ Гургасланомъ Дарьяльскихъ воротъ, то вообще, какъ извѣстно, личность этого царя весьма загадочна и его походъ противъ осовъ въ особенности болѣе чѣмъ сомнителенъ. Кромѣ того, это мѣсто сомнительно еще потому, что въ немъ отличается замокъ Кумли отъ Дарьяла.

Общее названіе, какъ дарьяльскаго прохода вообще, такъ и стѣны и крѣпости, въ немъ сооруженной,—Caucasiae pylae. По народамъ, обитавшимъ къ сѣверу отъ этого мѣста, оно называ-

---

[10]) Въ 7-мъ в. до Р. Х.

[11]) Cumania называлась иногда еще въ среднихъ вѣкахъ страна между Дономъ и Волгою, по сѣв. берегу Азовск. моря, обитаемая впослѣдствіи половцами (Семеновъ, библ. иностр. писателей о Россіи, I, 115). Но, конечно, названіе это не можетъ происходить отъ половцевъ. Сюда относится и названіе р. Кумы, которое тоже древнѣе половцевъ.

лось сначала Porta Cumana, потомъ Sarmatiae pylae и наконецъ (начиная съ 1-го в. по Р. Х.) Porta Alanica или Albanica [12]).

Названіе Дарьялъ [13]) столь-же древнее, какъ слово дер, дверь, thur. Оно встрѣчается не только на Кавказѣ, но даже на Гималайскихъ горахъ: Darjiling, по братьямъ Шлагинтвейтъ, называется одинъ изъ важнѣйшихъ проходовъ по главному хребту Гималайскихъ горъ.

Многіе древніе писатели переносятъ названіе Caucasiae pylae, и даже Caspiae pylae, на проходы черезъ Паропамитъ (Индійскій Кавказъ) и на хребетъ Эльбурсъ, на южномъ берегу Каспійскаго моря. Это смѣшеніе именъ, весьма естественное при маломъ знаніи географіи, произвело сильную путаницу во многихъ важныхъ вопросахъ всеобщей исторіи. Римскіе писатели нерѣдко смѣшиваютъ и Кавказскія съ Каспійскими воротами.

О Caucasiae pylae существуетъ нѣсколько монографій; важнѣе всѣхъ Риттера: Дарьяльскій и Дербентскій проходы.

III.

Помпей въ Осетіи и Амазонки.

Покоривъ армянскаго царя Тиграна, Помпей въ 65 г. до Р. Х., преслѣдовалъ Митридата VI Понтійскаго черезъ Кавказскія горы. По словамъ Аппіана [1]), переходъ этотъ послѣдовалъ въ древней Албаніи, т. е. въ нынѣшней Кахетіи и нагорномъ Дагестанѣ. Въ этой богатой странѣ, по словамъ Страбона, Тацита [2]) и Евтропія [3]), жилъ народъ не дикій, честный, миролюбивый,

---

[12]) Уже въ 5-мъ в. Георг. Моисея Хоренскаго, въ соч. St. Martin, Mém. II, 355.

[13]) См. Stritter, Memoriae populorum, IV, 341; II, 244. Этимологія имени Дарьялъ чрезвычайно сомнительна; существуетъ множество различныхъ мнѣній: Дарь-ьель (т. е. дверь героевъ, отъ персидскаго слова jel); Дарь-іолъ (по татарски—узкая дорога); дверь алановъ и т. д. См. St. Martin, Mém. II, 193.

[1]) Mithrid. 103.

[2]) I, 6 Ann.

[3]) VI, 14.

но весьма лѣнивый, занимавшійся охотою и скотоводствомъ, — албанцы. Нѣкоторые считаютъ ихъ потомками аргонавтовъ [4]), но, вѣроятно, это были массагеты, называвшіеся впослѣдствіи аланами, а теперь осетинами [5]). Массагеты, какъ извѣстно, жили еще во многихъ другихъ мѣстахъ, напр. на восточномъ берегу Каспійскаго моря (Tomyris). Обыкновенно, это племя описывается какъ народъ воинственный, но, очень можетъ быть, что, по мѣстамъ, они жили и мирно, какъ напр. въ Албаніи. То или другое всегда зависитъ отъ обстоятельствъ. Жилища этого могущественнаго народа уже въ 1-мъ в. до Р. Х. тянулись далеко по сѣверно-восточному склону Кавказскихъ горъ.

По разсказу Зонараса [6]), можетъ казаться, что переходъ Помпея черезъ Кавказскія горы послѣдовалъ въ среднемъ Кавказѣ, въ Аланіи. Аланы сначала покорились, но потомъ, собравши сильное ополченіе въ 40,000 чел., вдругъ напали на него. Аппіанъ приводитъ ихъ число даже въ 60,000 пѣхоты и 22,000 конницы. Въ кровавой битвѣ, Помпей остался побѣдителемъ. На сторонѣ непріятеля было много убитыхъ. Римскіе солдаты замѣтили въ числѣ сражавшихся много женщинъ. Любопытствуя объ этомъ невиданномъ ими явленіи, они, послѣ битвы, хотѣли узнать, что это были за женщины, и не были-ли это переодѣтые въ женское платье мужчины. Поэтому, они стали рыться въ кучахъ труповъ, покрывавшихъ поле битвы, чтобы найти какое-нибудь женское тѣло, но не нашли ни одного, но, зато, нашли много амазонскихъ щитовъ и обуви [7]).

Разсказавъ объ этомъ, Зонарасъ [8]) прибавляетъ слѣдующее объясненіе. Эти амазонки живутъ на Кавказѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя лежатъ ближе къ Каспійскому морю (mare Hyrcanum). Между ними и аланами живутъ народы Gellae et Ligyes [9]), съ которыми они ежегодно, на два мѣсяца, сходятся у р. Термодона [10]). Остальное время онѣ живутъ однѣ и безъ мужчинъ. Дѣ

---

[4]) Tac. Ann. VI, 34..

[5]) Forbiger Handb. d. alten Geogr.

[6]) Штриттеръ, IV, 332 и сл. Въ лѣтописи Моисея Хоренскаго, II гл. 15, о походѣ Помпея разсказывается совершенно иначе.

[7]) Peltas amazonicas et cothurnos.

[8]) См. Штриттеръ, IV, 332.

[9]) Галгайцы и Лезгины, по Клапроту.

[10]) Термодонъ—древнее названіе Терека. Термодонъ упоминается уже Эратосѳеномъ.

тей женскаго пола, рожденныхъ по прошествіи 9 мѣсяцевъ послѣ этихъ сходокъ, онѣ оставляютъ у себя и воспитываютъ, младенцевъ-же мужскаго пола онѣ выкидываютъ около земли ихъ отцовъ (circa patruum terram exponunt).

Многіе писатели считаютъ амазонокъ народомъ миѳическимъ, въ родѣ грифовъ, гипербореевъ и т. д.; но объ нихъ говорится въ столь многихъ и разнообразныхъ источникахъ [11]) древней исторіи, что можно и не сомнѣваться въ ихъ существованіи. Что касается прикаспійскихъ амазонокъ, то, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онѣ жили на западномъ его берегу, болѣе къ сѣверу; на этомъ мѣстѣ объ нихъ знаетъ уже Амміанъ Марцеллинъ; по древнѣйшимъ-же извѣстіямъ, онѣ жили на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, онѣ всегда выступаютъ вмѣстѣ съ массагетами или аланами.

Происхожденіе амазонокъ можно объяснять слѣдующимъ образомъ. Въ жизни человѣчества, послѣ разложенія древняго патріархальнаго устройства народнаго быта, слѣдовалъ вѣкъ кровавыхъ и разрушительныхъ войнъ. Вслѣдствіе этихъ войнъ, число мужчинъ уменьшалось иногда до такой степени, что женщины окончательно получали перевѣсъ. Отсюда къ амазонскому быту — одинъ шагъ. Стоитъ только явиться какому-нибудь энергическому женскому характеру, въ родѣ напр. Томириды (Tomyris). Подобная женщина можетъ взять въ свои руки бразды правленія. Затѣмъ мужчины или подчиняются женщинамъ, вслѣдствіе чего развивается тогда поліандрія, т. е. каждая можетъ имѣть по нѣсколько мужей, или-же живетъ съ кѣмъ хочетъ. Но подобное устройство амазонскихъ государствъ непрочно, потому что оно оканчивается всеобщимъ развратомъ. Или-же женщины совсѣмъ выгоняютъ всѣхъ мужчинъ, какъ это, можно предполагать, случилось у кавказскихъ амазонокъ. Тогда, по необходимости, развиваются совершенно особыя формы общежитія. Въ подобныхъ амазонскихъ государствахъ женская добродѣтель ставится

[11]) О существованіи на Кавказѣ амазонокъ, кромѣ Зонараса, свидѣтельствуютъ еще Страбонъ и Прокопій. Послѣдній упоминаетъ объ нихъ въ описаніи одной битвы римлянъ съ гуннами. Но онѣ встрѣчаются еще гораздо позже, въ одной войнѣ горцевъ противъ имеретинъ, въ бытность въ этихъ мѣстахъ отца Ламберти, 1650 г. Ламберти описываетъ ихъ вооруженіе—кас ку, щитъ, панцырь, къ которому придѣлана короткая. до колѣнъ, юбка, ярко-краснаго цвѣта (Petit de la Croix, Descr. des pays situés entre l. m. Noire et l. m. Caspienne, 1797).

выше всего, вслѣдствіе чего каждая, какъ это было на Кавказѣ, обязана втеченіи десяти мѣсяцевъ вовсе удерживаться отъ всѣхъ сношеній съ мужчинами.

Но для сохраненія рода и по чувству самосохраненія, амазонки поставлены были въ необходимость имѣть ежегодно, въ извѣстное время, сношенія съ мужчинами. Мы уже приводили, какъ эти сходки были устроены у кавказскихъ амазонокъ. Любопытно было-бы знать, имѣли-ли амазонки на этихъ сходкахъ сношенія со многими мужчинами, или каждая только съ однимъ.

Весьма естественно, что дѣти мужскаго пола, рожденныя у амазонокъ, по прошествіи нѣкотораго времени послѣ этихъ сходокъ, должны были быть выкидываемы около земли ихъ отцовъ. Вслѣдствіе этого, должно быть, и у сосѣднихъ народовъ, Gellae и Ligyes, развились совершенно особенныя формы общежитія: у нихъ, должно быть, число мужчинъ было гораздо больше числа женщинъ, или, быть можетъ, они вовсе у себя не терпѣли женщинъ. Къ сожалѣнію, объ этомъ ничего неизвѣстно.

Въ средней Африкѣ и въ глубинѣ средне-азіатскаго плоскогорія, даже въ настоящее время еще существуютъ амазонскія общества и государства различныхъ видовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заведена поліандрія, въ другихъ-же живутъ на тѣхъ-же началахъ, какъ нѣкогда кавказскія амазонки. Замѣчательно, что подобныя общества встрѣчаются преимущественно на такихъ мѣстахъ, гдѣ велись продолжительныя и жестокія войны.

Впрочемъ, объ африканскихъ амазонкахъ весьма мало извѣстно, и еще менѣе—о средне-азіатскихъ. Мы въ этомъ отношеніи руководствуемся сочиненіемъ Теод. Вайца, Anthropologie der Naturvolker, въ 1-мъ томѣ, о негрскихъ народахъ. О зачаткахъ амазонской жизни въ Гималайскихъ горахъ, мы находимъ нѣкоторыя указанія въ сочиненіяхъ бр. Шлагинтвейтъ и у разныхъ англійскихъ туристовъ и путешественниковъ.

Извѣстно, что и въ исторіи нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи, преимущественно Граубюндена, горскія амазонки играли весьма важную роль.

Желательно, чтобы вопросъ объ амазонкахъ сдѣлался предметомъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія, результаты котораго, судя по важности дѣла, обѣщаютъ много для сравнительнаго законовѣдѣнія.

IV.

Соединеніе древнихъ осовъ съ аланами.

Около Р. Х., втеченіе цѣлаго столѣтія, исторія молчитъ объ осахъ. Это былъ тотъ вѣкъ, въ который въ первый разъ стали приходить въ движеніе орды, населявшія Туранскую низменность и часть средне-азіатскаго плоскогорія. На р. Волгѣ и на берегу Меотійскаго озера показались предвѣстники того дикаго ополченія, которое нѣсколько столѣтій позже разгромило всю Европу.

Въ числѣ первыхъ пришли аланы — потомки той вѣтви древнихъ массагетовъ, которые уже во время Кира обитали въ степяхъ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Разбивъ хазаровъ, аланы вторгнулись въ сѣверную часть Кавказскаго перешейка, гдѣ тогда уже обитала, смѣшавшаяся отчасти съ семитами, другая вѣтвь громаднаго индо-персидскаго племени, извѣстная здѣсь подъ названіемъ осовъ или нартовъ. Такъ какъ осы говорили на томъ-же языкѣ и, вѣроятно, придерживались, вслѣдствіе общаго происхожденія, тѣхъ-же обычаевъ, какъ и аланы, то послѣдніе легко съ ними могли смѣшаться и составить одинъ народъ.

Это смѣшеніе, по всей вѣроятности, послѣдовало не безъ продолжительной борьбы; но объ этомъ смутномъ времени до насъ не дошли никакія положительныя извѣстія. Но происшествія слѣдующихъ вѣковъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что аланы утвердились на Кавказѣ и, смѣшавшись съ главнымъ туземнымъ племенемъ, образовали новый народъ, именовавшійся то аланами, то осами; сами они называли себя ирон, а у римлянъ извѣстны были подъ названіемъ сарматовъ, страна-же ихъ—Sarmatia asiatica или Alania. Послѣ этого сліянія, аланы впродолженіе многихъ вѣковъ стали владычествовать надъ всѣмъ Кавказскимъ перешейкомъ.

По свидѣтельству Амміана Марцеллина, нужно полагать, что число аланъ простиралось до нѣсколькихъ милліоновъ людей. Они занимали, со своими стадами, почти всѣ степи на сѣверъ отъ Кавказскихъ горъ до р. Дона и почти всѣ главныя горныя ущелья, начиная отъ Эльборуса до южнаго Дагестана. Аланы оставили въ Дагестанѣ слѣды своего пребыванія въ индо-европейскихъ корняхъ словъ нѣкоторыхъ нарѣчій.

Аланы были раздѣлены на множество мелкихъ колѣнъ и обществъ и каждое изъ нихъ имѣло своего собственнаго предводителя или князя [1]).

По географіи Моисея Хоренскаго (въ половинѣ 5-го вѣка) [2]), осетины, подъ разными названіями, жили въ различныхъ частяхъ Кавказа—на западѣ, вблизи отъ абхазцевъ, подъ названіемъ царскихъ сарматовъ [3]), на востокѣ, около Каспійскаго моря и Дербента (Targant), подъ названіемъ массагетовъ. Только въ этихъ частяхъ они образовали болѣе сильныя общества; въ другихъ-же мѣстахъ они жили мелкими обществами, будучи перемѣшаны съ другими племенами. Къ числу обществъ и колѣнъ великаго народа алановъ, принадлежали и дзанарцы—Dzanaries, дзау-нарцы, т. е. соединившіеся въ одно племя дзау (или джавцы) и нарты (жители ущелья р. Нардона), обитавшіе, по свидѣтельству того-же Моисея Хоренскаго, около Албанскихъ (Дарьялъ) и Дзаханскихъ [4]) воротъ (по Закскому ущелью, Закскій перевалъ).

IV.

Участіе осетинъ въ великихъ войнахъ первыхъ вѣковъ по Р. Х.

Впродолженіе всего перваго вѣка по Р. Х., въ Закавказскомъ краѣ были жестокія смуты и войны, въ которыхъ, кромѣ иверійцевъ, армянъ, парѳянъ и римлянъ, принимали участіе и кавказскіе сарматы, т. е. аланы, праотцы осетинъ. Весь этотъ періодъ исторіи Закавказскаго края уже приведенъ въ надлежащую ясность изслѣдованіями П. А. Бартоломея, преимущественно въ его статьѣ: „Двѣ классическія надписи, найденныя въ Закавказскомъ краѣ“, Тифлисъ, 1867. Мы здѣсь пользуемся этими изслѣдованіями, насколько они касаются сарматовъ кавказскихъ, или осетинъ.

---

[1]) Taciti Annal. VI, 33.

[2]) St. Martin, Mémoires sur l'Arménie, II, 355, 356.

[3]) Подъ этимъ названіемъ они извѣстны и Птоломею.

[4]) La porte de Dzakhan (Zakha). Ср. Brosset, Addit. et éclair., стр. 11, la porte de Crazm. Дорога по Закскому ущелью ведетъ въ Цхрасму.

По свидѣтельству Тацита, въ 35 г. по Р. Х., при императорѣ Тиберіѣ, въ Мцхетѣ царствовалъ Фарасманъ. Римляне тогда вели войну съ парѳянскимъ царемъ Артабаномъ.

Послѣдній завладѣлъ Арменіей и посадилъ тамъ на царство сына своего, Арзаса. Въ виду подобной опасности, Тиберій назначилъ Арзасу соперника въ лицѣ Фраата; тотъ однако скоро скончался, вслѣдствіе чего Тиберій назначилъ царемъ Арменіи Тиридата и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ иверійцу Митридату, помиривъ его прежде съ братомъ Фарасманомъ, занять Арменію. Иверійцы, съ огромнымъ войскомъ, вторгнулись въ Арменію и овладѣли городомъ Артаксатою. Артабанъ, узнавъ объ этомъ, поручилъ сыну своему, Ороду, отомстить за себя, далъ ему парѳянскую армію и послалъ нанять чужеземныя войска. Фарасманъ, съ своей стороны, соединился съ албанцами и призвалъ сарматовъ, князья которыхъ, по своему обычаю, взявъ деньги съ обѣихъ воюющихъ сторонъ, обѣщали помочь той и другой. Но иверійцы владѣли землею и помогавшіе имъ сарматы, безъ труда, чрезъ Каспійскія ворота (Кавказскія?), вторгнулись въ Арменію, а тѣ, которые шли помогать парѳянамъ, легко были отражены, потому что всѣ проходы были заняты непріятелемъ, кромѣ одного, остававшагося между моремъ и крайними горами Албаніи, да и тотъ былъ недоступенъ по времени года.

Затѣмъ дѣло дошло до кровавой битвы. Объ участіи въ этой битвѣ сарматовъ Тацитъ разсказываетъ слѣдующее: „Сарматы сдѣдовали не одному голосу своего вождя; они подстрекали другъ друга, совѣтовали бросить стрѣлы, смѣлымъ натискомъ подступить къ врагамъ и вступить въ рукопашный бой..... Сарматы, оставивъ луки, которыми не такъ ловко владѣютъ, бросились на враговъ съ мечами. Парѳяне должны были уступить побѣду“.

Но этою битвою война еще не кончилась. Впослѣдствіи и римляне, войска и гарнизоны которыхъ стояли въ различныхъ мѣстахъ Арменіи и Закавказья, приняли въ ней дѣятельное участіе.

Въ 52 г., братья Фарасманъ и Митридатъ разссорились и

начали междоусобіе, въ которомъ снова сарматы и албанцы принимали участіе.

Въ этомъ вѣкѣ кавказскіе аланы достигли уже такого могущества, что могли совершить нѣсколько губительныхъ набѣговъ на среднюю Азію. „Въ 75 г., аланы вторглись въ предѣлы Парѳянскаго царства, и царь Вологезъ просилъ у Веспасіана помощи противъ нихъ. Веспасіанъ колебался, а сынъ его, Домиціанъ, завидуя славѣ брата своего, Тита, пріобрѣтенной разоренiемъ Іерусалима, интриговалъ, чтобы получить начальство надъ войскомъ, которое предназначалось на Востокъ. Однако, эти предположенія не осуществились: переговоры парѳянъ съ Веспасіаномъ кончились отказомъ въ помощи. Царь Вологезъ, выгнавъ самъ грабителей и недовольный отказомъ Рима, готовился къ вторженію въ восточныя римскія провинціи". Противъ этого Веспасіанъ принималъ мѣры и вошелъ въ переговоры съ царствовавшимъ тогда въ Грузіи Митридатомъ, для охраненія столицы котораго, Мцхета, была построена римлянами крѣпостца: о ней-то говорится въ греческой надписи, найденной въ 1867 г. недалеко отъ Мцхета и объясненной, въ вышеприведенномъ сочиненіи, И. А. Бартоломеемъ.

Нужно предполагать, что подобныхъ крѣпостей, устроенныхъ римлянами въ Закавказскомъ краѣ и въ Арменіи, было не малое число. Названная только-что крѣпостца въ г. Мцхетѣ, вѣроятно, имѣла назначеніе охранять вассальную зависимость отъ римлянъ грузинскихъ царей. Если въ упомянутой надписи сказано, что императоры выстроили эту крѣпость царю иверійцевъ Митридату, то я въ этомъ вижу только лестную, для народнаго самолюбія, фразу. Amici populi Romani почти всегда были римскими вассалами. Въ Мцхетской крѣпости, вѣроятно, всегда стоялъ римскій гарнизонъ.

Грузинская и армянская лѣтописи не касаются этихъ важныхъ происшествій, но зато мы находимъ въ нихъ много подробностей о распряхъ грузинъ съ армянами между 87 и 103 годами; въ этихъ распряхъ и осетины принимали весьма дѣятельное участіе.

Въ этой войнѣ грузинскіе цари Азоркъ и Армазель [5]) при-

[5]) Въ армянской лѣтописи—Азукъ и Азмайеръ.

звали противъ армянъ въ помощь осетинъ и лековъ. Осетины явились съ значительнымъ войскомъ, подъ начальствомъ двухъ богатырей, Базука и Абазука [6]), и вторгнулись въ Арменію. Армянскій полководецъ Сумбатъ (Сембатъ) Бивриціанъ пошелъ имъ на встрѣчу. Осетины отступили до р. Куры, и армяне взяли въ плѣнъ сына осетинскаго царя. Стоя на р. Курѣ, осетины вошли съ армянами въ переговоры и требовали выдачи сына своего царя. Но армянскій царь Арташесъ [7]) отказалъ. Затѣмъ прекрасная дочь осетинскаго царя, Сатинигъ, вышла къ берегу рѣки и обратилась съ умными рѣчами къ царю Арташесу. Увидавъ Сатинигъ, Арташесъ возлюбилъ ее и согласился на выдачу молодаго царевича, подъ условіемъ, если дадутъ ему Сатинигъ въ жены. Она сдѣлалась главною его супругою. Такъ разсказываетъ объ этомъ Моисей Хоренскій (II, 47).

По словамъ-же грузинской лѣтописи [8]), на р. Курѣ, между осетинами и армянами произошла тогда кровавая битва. Сембатъ вызвалъ Базука на поединокъ, убилъ его, послѣ чего вызвалъ и Абазука. Осетины проиграли битву и убѣжали въ горы, гдѣ они отъ преслѣдованія армянъ спаслись только благодаря знанію горныхъ дорогъ. Съ-тѣхъ-поръ осетины присоединились къ грузинамъ. Война съ армянами продолжалась. Армяне осадили Мцхетъ и 5 мѣсяцевъ стояли подъ стѣнами его. Стѣсненные со всѣхъ сторонъ, грузины и осетины, наконецъ, вынуждены были просить унизительнаго мира, который имъ и данъ былъ. Въ отмщеніе за это, когда армяне заняты были войною съ персами и римлянами,—грузины, съ помощью тѣхъ-же осетинъ, сами вторглись въ Арменію. Царь Артачанъ, съ небольшими войсками, выслалъ противъ нихъ сына своего, Зарена, но въ Джавахетѣ армяне были частью истреблены, а частью разсѣяны; самъ Заренъ попался въ плѣнъ. Осетины требовали, чтобъ онъ былъ убитъ, но грузины спасли ему жизнь и три года держали его въ Дарьялѣ, пока, наконецъ, между враждующими народами не былъ заключенъ въ Тріалетѣ

---

[6]) Анбазукъ.

[7]) Артачанъ. Онъ былъ свергнутъ съ престола Эруандомъ. Но, выступивъ противъ узурпатора, Сембатъ разбилъ его. Въ этой войнѣ встрѣчается названіе маровъ (партовъ?). Мары считались тогда народомъ, презрѣннымъ въ Азіи.

[8]) Brosset, I, 66 и 67, см. и Addit. et éclair., 14.

миръ, по которому грузины обязались возвратить Зарена [9]). Армяне возвратили Грузіи завоеванныя у ней области [10]).

Все это случилось, будто-бы, въ царствованіе Азорка и Армазеля; но такъ какъ названные два царя принадлежатъ къ числу парныхъ царей, существованіе которыхъ не подтверждается и даже противорѣчитъ даннымъ приводимымъ классическими писателями [11]), то черезъ это и самое извѣстіе дѣлается нѣсколько подозрительнымъ, хотя подробности, приводимыя лѣтописью, не лишены правдоподобія. Весь разсказъ, очевидно, основанъ на народномъ преданіи, чѣмъ и объясняются противорѣчія между грузинскими и армянскими источниками.

Въ царствованіе императора Адріана, въ 136 г., послѣдовало новое нашествіе аланъ на Мидію, Арменію и Каппадокію. По свидѣтельству Зонараса [12]), царь иверійскій Фарасманъ II подучилъ ихъ напасть на владѣнія парѳянъ и пропустилъ ихъ черезъ свои земли. Тогда парѳянскій царь Валогезъ II купилъ у нихъ миръ, а римляне угрожали имъ войною, вслѣдствіе чего они воротились назадъ. Объ этомъ самомъ нашествіи разсказываетъ и Флавій Арріанъ, но онъ тутъ-же приводитъ, что грузины тогда подчинялись аланамъ.

Въ 182 г., при восшествіи на престолъ грузинскаго царя Амцаспа II, осетины вторгнулись въ Грузію и разграбили Мцхетъ. Но Амцаспъ преслѣдовалъ ихъ, догналъ и разбилъ въ сраженіи на р. Ляхвѣ [13]). Въ этой битвѣ отличился осетинъ Хуанхуа.

Въ слѣдующемъ году, Амцаспъ предпринялъ удачный походъ противъ осетинъ. Но, вскорѣ послѣ этого, война грузинъ съ армянами возобновилась. Осетины, чтобы отомстить за прежнее пораженіе, пошли (черезъ Лечгумъ и Рачу) въ Имеретію и, присоединившись къ эриставу Мегрскому, перешли черезъ Лихскія горы. Соединившись съ армянами, они разбили грузинскаго

---

[9]) Brosset, I, 70.
[10]) Головинъ: „Ист. обозр. Грузіи“, стр. 21 и 22.
[11]) См. у Бартоломея, стр. 6.
[12]) Штриттеръ, IV, 334.
[13]) Brosset, I, 75.

царя, и въ этомъ сраженіи онъ былъ убитъ [14]). Въ армянской лѣтописи объ этомъ походѣ разсказывается нѣсколько иначе [15]).

Между 262 и 265 г., въ царствованіе въ Карталиніи Асфагура, осетины помогали ему въ войнѣ противъ персовъ [16]). По армянской лѣтописи, Асфагуръ умеръ въ Осетіи [17]), оставивъ дочь Абсхуру.

При сассанидѣ Миріанѣ, осетины, подъ начальствомъ Фероха и Кавція, сдѣлали нападеніе на Закавказье, но Миріанъ разбилъ ихъ, прошелъ Осетію и Хазарію и воротился назадъ по дорогѣ черезъ Двалетію [18]).

Въ сторонѣ къ Двалетіи, граница Осетіи, должно быть, въ это время далеко распространилась по южному склону горъ, потому что въ источникахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [19]), говорится, что Осетія лежитъ въ сосѣдствѣ отъ Мцхета. По географіи Вахушта [20]), двалеты были осетины.

V.

Начало распространенія между осетинами христіанства.

Уже въ 1-мъ вѣкѣ христіанство въ Закавказьѣ пустило довольно глубокіе корни. Здѣсь проповѣдывали апостолы Андрей, Симеонъ Кананитъ, Ѳаддей и, въ южномъ Дагестанѣ, между ал-

---

[14]) Тамъ-же, I, 76.

[15]) Brosset, Addit. et éclair., 16.

[16]) Brosset, I, 78.

[17]) Add. et écl., 17.

[18]) Brosset, I, 86. Add. et. écl., 19.

[19]) Brosset, Addit. et écl., 18 и I, 83.

банцами, апостолъ Варѳоломей. Надобно полагать, что, по мѣстамъ, апостолы имѣли большой успѣхъ, премущественно между евреями, населявшими тогда Кавказъ.

Извѣстно, что кавказскіе евреи имѣли съ Палестиною весьма частыя сношенія, почему и вѣсть о появленіи Мессіи должна была на нихъ произвести сильное впечатлѣніе [1]). Какъ нынѣ магометане въ Мекку, такъ въ древнее время многія тысячи евреевъ ежегодно странствовали въ Іерусалимъ. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ одномъ (66-мъ) году въ Іерусалимѣ собралось до 2,500,000 пилигримовъ. Чрезъ подобныхъ странниковъ новое ученіе скоро разнеслось по разнымъ частямъ Азіи и Европы. Въ Закавказьѣ, въ особенности, многіе евреи уже въ первые вѣка приняли христіанство; въ ихъ числѣ упоминаются, между прочимъ, 50 семействъ, по имени Варрава [2]).

По разсказу армянскаго историка Іоанна Каѳоликоса [3]), нѣкоторые аланы приняли христіанство уже въ первомъ вѣкѣ.

Въ царствованіе въ Арменіи Арташеса, 40 лѣтъ послѣ мученической смерти апостола Ѳаддея, ученики его пришли къ источникамъ р. Евфрата и поселились тамъ. На это мѣсто пришли и нѣкоторые аланы, земляки царицы Сатинигъ [4]), супруги Арташеса. Многіе изъ этихъ аланъ обратились въ христіанство. Но, раздраженные этимъ, сыновья царицы Сатинигъ велѣли убить учениковъ св. Ѳаддея. Тогда земляки Сатинигъ, принявшіе христіанство и оскорбленные этимъ убійствомъ, пошли въ даль и основали колонію. „Они убѣжали на гору Дшрапахъ, гдѣ находятся большіе пространства зеленыхъ пастбищъ. Послѣ того какъ души ихъ разстались съ тѣлами, покрытыми росою неба, имъ дали названіе Хохъ“.

Какъ-бы ни были загадочны эти слова армянскаго лѣто-

---

[1]) См. ст. г. П. У. „Начало христіанства въ Закав. и на Кавказѣ“, въ „Сбор. свѣд. о горцахъ“, вып. II.

[2]) Brosset, I, 33.

[3]) Hist. d'Armenie, trad. par. St. Martin, p. 29.

[4]) Сатенуй, Сатана, у осетинъ обыкновенное женское имя. Отъ род-

писца, но все-таки они заслуживаютъ большаго вниманія. Что такое гора Дшрапахнъ? не Шаропань-ли, вблизи которой еще во время Вахушта жили многіе осетины? „Хохъ“ (по-нѣмецки hoch), по-осетински значитъ—гора; но, быть можетъ, въ этомъ мѣстѣ армянской лѣтописи, слово „Хохъ“ тоже самое, что слово Гогъ, играющее столь важную роль въ древне-египетскихъ и иранскихъ сказаніяхъ и въ мусульманскихъ преданіяхъ [5]).

Такъ какъ и по сѣверному склону кавказскихъ горъ было весьма много евреевъ, то черезъ нихъ христіанство легко могло распространиться и между остальными аланами. Апостолъ Симеонъ проникъ далеко по сѣверному склону, до г. Веріоспоръ или Босфоръ (?), гдѣ и нашелъ мученическую смерть [6]).

Въ началѣ IV столѣтія, св. Нина, при содѣйствіи епископа Іоанна, распространила христіанство у нѣкоторыхъ осетинъ южнаго склона, въ Дшарталѣ, у Фкоель (Пхойцевъ), у Гудамакаровъ [7]).

Упоминается еще другой епископъ, содѣйствовавшій распространенію въ этихъ странахъ христіанства, по имени Авивъ.

Должно полагать, что было время, когда христіанство у осетинъ пустило довольно глубокіе корни. Иначе нельзя никакъ объяснить происхожденіе безчисленнаго множества древне-христіанскихъ легендъ, всюду распространенныхъ между осетинами. Откуда, иначе, у нихъ могли явиться многочисленныя, проникнутыя духомъ христіанства, поговорки, формулы привѣтствія, поздравленія и т. д.? Послѣ Грузіи, на Кавказѣ нѣтъ, кромѣ Осетіи, страны, въ которой находилось-бы такое множество древнихъ церквей и монастырей. Сомнѣваюсь, чтобы всѣ эти церкви могли быть построены при одной только царицѣ Тамарѣ. Цвѣтущій вѣкъ христіанства у осе-

---

ственниковъ Сатинигъ произошла армянская фамилія Арцехіанъ (М. Хор., II, 58).

[5]) См. извѣстное мѣстѣ о Гогѣ и Магогѣ въ коранѣ.

[6]) М. Хоренскій, II, гл. 34. См. Brosset, I, 61, прим. 5.

[7]) Головинъ, Ист. обозр. Груз., стр. 26.

тинъ мы полагаемъ не въ послѣдней, но въ первой половинѣ ихъ исторіи послѣ Р. Х. Къ сожалѣнію, исторія знаетъ осетинъ вообще только въ порѣ ихъ распаденія и медленной гибели.

П.

(*Продолженіе будетъ*).

ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ ПОСЛѢДОВАТЕЛИ ТАРИКАТА.

Переводъ съ арабскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Во 2-мъ выпускѣ «Сборника» было помѣщено сочиненіе, бывшаго въ Дагестанѣ наставника въ тарикатѣ, Джамалэддина казикумухскаго, написанное имъ для современныхъ ему мюридовъ. Сочиненіе это имѣетъ свой интересъ, главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что авторъ изложилъ въ немъ свои наставленія, повидимому, самымъ невиннымъ, но въ то-же время весьма практическимъ образомъ, сообразно съ понятіями суевѣрнаго народа, не упуская изъ виду и своей главной, честолюбивой цѣли—цѣли политической. Все содержаніе этого сочиненія направлено на то, чтобы послѣдователи тариката безусловно и слѣпо подчинялись своимъ учителямъ, признавали ихъ непогрѣшимость, не замѣчали ихъ нравственныхъ недостатковъ, исполняли ихъ волю безпрекословно, не позволяли себѣ разсуждать о ихъ дѣлахъ, и поступкахъ, и т. д. Основанное на такихъ началахъ ученіе тариката, на практикѣ, развивалось успѣшно и достигало предположенныхъ цѣлей: въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, тарикатъ и происходящій отъ него мюридизмъ имѣли сильное вліяніе на образъ мыслей народныхъ массъ и служили главными двигателями къ пагубнымъ переворотамъ въ общественномъ быту недавно покоренныхъ обитателей горъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ недавно оконченной партизанской войнѣ въ Дагестанѣ, народъ былъ руководимъ главнымъ образомъ религіозными понятіями, внушаемыми тарикатистами, патріотическія-же и національныя чувства стояли на дальнемъ планѣ. Члены этого,

по видимому, безвреднаго монашескаго ордена бывали нарочно командируемы для возбужденія въ народѣ религіозной ненависти, какъ къ иновѣрцамъ, такъ и къ своимъ единовѣрцамъ, не слѣдовавшимъ образу мыслей властолюбивыхъ и не чуждыхъ корыстолюбія мюридовъ. Сами тарикатисты размножались съ каждымъ днемъ (даже по взгляду ихъ самихъ) больше изъ личныхъ выгодъ, чѣмъ для общественной пользы. Кромѣ успокоенія своей души исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, набожный горецъ увлекался главнымъ образомъ тѣми удобствами жизни, которыя доставались безъ труда въ удѣлъ проповѣдниковъ тариката. Такіе тарикатисты-праздполюбцы появлялись нерѣдко и послѣ покоренія Дагестана и каждый разъ наносили обществу непоправимое зло. Не смотря на особую заботливость правительства искоренить изъ среды народа, недавно принятаго на его попеченіе, такое зло, какъ сильно препятствующее просвѣщенію и развитію мирной, трудолюбивой жизни, причемъ всячески разубѣждаютъ младенчествующій народъ въ его заблужденіяхъ, однако еще и теперь иногда случается, что появляется гдѣ-нибудь незамѣтно какой-либо ловкій проповѣдникъ тариката, съ исключительно-корыстолюбивой цѣлью, и очень скоро находитъ себѣ множество послѣдователей. А мелкихъ ремесленниковъ этой гнусной профессіи можно найдти очень много. Я говорю—гнусной, потому что положительно можно сказать, что каждый изъ этихъ проповѣдниковъ обманываетъ народъ умышленно, пользуясь его легковѣріемъ, и не пропускаетъ удобнаго случая отнять послѣдній грошъ у бѣдняка, обѣщая ему за то соблазнительное вознагражденіе отъ Бога.

Кромѣ сочиненія Джемалэддина, между дагестанскими горцами и вообще кавказскими мусульманами, обращается не мало другихъ рукописей о тарикатѣ. Всѣ онѣ трактуютъ объ этомъ ученіи исключительно въ его теоріи, по которой оно кажется самымъ невиннымъ, даже нѣкоторымъ образомъ полезнымъ, для нравственнаго развитія общества, наставленіемъ въ монашеской жизни. Въ дѣйствительномъ-же проявленіи своемъ въ жизни горскихъ населеній, тарикатъ, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ служилъ и служитъ удобнымъ орудіемъ всякаго фанатизма и своекорыстія.

Въ 1868 году, въ Закатальскомъ округѣ обнаружилась цѣлая партія тарикатистовъ, которые успѣли въ короткое время повліять на народъ въ своихъ исключительно-корыстолюбивыхъ цѣляхъ, и мѣстная власть тотчасъ-же распорядилась отвратить

отъ легковѣрнаго народа такое зло. Къ числу этой партіи принадлежалъ и авторъ настоящей статьи — житель Средняго Дагестана, Казикумухскаго округа, сел. Арчи, Мугеддинъ Магомедъ-Хановъ. Для того, чтобы читатель могъ дать надлежащую оцѣнку этой статьѣ, считаю нужнымъ немного познакомить его съ личностью автора.

Мугеддинъ—человѣкъ лѣтъ 32—35, принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ грамотныхъ муллъ, которые смотрятъ на свою грамотность, какъ на единственное средство къ добыванію насущнаго хлѣба. Отецъ его, Магомедъ-Ханъ, принадлежалъ къ числу *хорошихъ ученыхъ* (алимовъ) и занималъ видную должность при Шамилѣ. Съ раннихъ лѣтъ онъ посвятилъ своего сына исключительно изученію арабскаго языка, и Мугеддинъ учился у аварскихъ и казикумухскихъ ученыхъ, и оказывалъ (какъ я слышалъ) хорошіе успѣхи. На 16-ти лѣтнемъ возрастѣ, по принятому въ то время обычаю, Магомедъ-Ханъ женилъ его на дочери одного тарикатскаго шейха, къ которому онъ поступилъ, какъ мюридъ, и сдѣлался его постояннымъ спутникомъ, какъ ученикъ и зять.

Послѣ покоренія Дагестана, Мугеддинъ, увидѣвъ, что его профессія теряетъ значеніе, отсталъ отъ тариката, какъ отъ безполезнаго ремесла, и попытался было (какъ самъ говорилъ) взяться за другаго рода трудъ. Но ему, какъ непривычному къ тому человѣку, трудъ не давался. Между тѣмъ семейство его увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и потребности жизни. Тогда онъ взялся опять за свою прежнюю спеціальность и сталъ каждую зиму ходить въ Закатальскій округъ, гдѣ пристроивался къ мечети какого-нибудь аула и открывалъ маленькую школу. Благодаря отсутствію порядочно-грамотныхъ людей въ этомъ округѣ, ремесло его приносило ему матеріальныхъ выгодъ болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было на его родинѣ. Въ послѣднее время начали появляться и изъ среды мѣстныхъ жителей округа люди, выдававшіе себя за тарикатскихъ шейховъ, и легковѣрный народъ сталъ смотрѣть и на нихъ довольно благосклонно, считая ихъ даже за святыхъ, между тѣмъ какъ это были люди малограмотные и ничего не смыслившіе въ тарикатѣ. Хотя Мугеддинъ, какъ человѣкъ развитый и одаренный природнымъ умомъ, видѣлъ ясно и понималъ злоупотребленія мнимыхъ святыхъ и пытался было (какъ самъ говоритъ) возражать имъ и опровергать мнѣніе суевѣрнаго народа о своихъ лже-святыхъ, но увидѣлъ, что подобныя либеральныя и богохульныя, по мнѣ-

нію народа, разсужденія могутъ сильно повредить его репутаціи, а потому онъ, подчинившись обстоятельствамъ, сталъ смотрѣть на проповѣдь тарикатскую, какъ на новый источникъ для своихъ личныхъ матеріальныхъ выгодъ.

Мугеддинъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ другими тарикатистами, и при освобожденіи его, г. Начальникъ Кавказскаго Горскаго Управленія предложилъ ему, какъ человѣку опытному и вполнѣ знающему похожденія тарикатистовъ, написать о сущности настоящаго тарката и примѣненіи его на дѣлѣ современными тарикатистами. Но, къ сожалѣнію, Мугеддинъ написалъ на вторую часть этой темы весьма мало, ограничившись нѣсколькими анекдотическими разсказами, которые впрочемъ довольно характеризуютъ почти изчезнувшихъ мюридовъ.

А. Омаровъ.

Во имя Бога Милостиваго и Милосерднаго. Нѣтъ силы и могущества, кромѣ отъ Бога. Хвала Ему, Господу міра! Да будетъ благословеніе надъ царемъ Божьихъ посланниковъ, Магомедомъ, надъ послѣдователями и потомками его. Аминь!

Я получилъ приглашеніе одного важнаго лица, не исполнить которое я не посмѣю, написать нѣсколько листковъ въ объясненіе сущности тарикатскаго ученія, а также примѣненія его въ жизни между населеніемъ нашего края. Я принялся за исполненіе этой обязанности, сознавая вполнѣ недостаточность моего таланта для выполненія такой трудной задачи, тѣмъ болѣе трудной, что я, будучи поглощенъ множествомъ житейскихъ заботъ, отвлекающихъ мысли мои отъ исключительнаго занятія настоящимъ предметомъ, не могу особенно надѣяться на удовлетворительное исполненіе своего труда.

Въ составленіи этой коротенькой замѣтки я руководствовался сочиненіями давно отжившихъ добрыхъ людей и житейскимъ опытомъ бѣдныхъ послѣдователей названнаго ученія въ наше время. Я изложилъ свое сочиненіе въ семи главахъ.

I.

Объ истинныхъ мюридахъ.

Мюриды, по своимъ достоинствамъ, раздѣляются на два разряда: истинные, сердца которыхъ въ дѣйствительности освѣщены Божественнымъ свѣтомъ, охранены волею Его и одарены Его милостію, и подражающіе, которые хотя и идутъ по пути истинныхъ мюридовъ, но могутъ шагать два раза правильно, а на третьемъ шагу спотыкаются и уклоняются отъ настоящей дороги.

Представители этихъ двухъ разрядовъ имѣютъ свои особенныя качества, по которымъ легко ихъ различить между собою. Начну съ качествъ истиннаго мюрида, и хотя ихъ неисчислимое множество, но я ограничусь здѣсь указаніемъ самыхъ главныхъ изъ нихъ, насколько это соотвѣтствуетъ цѣли нашей маленькой записки. Ихъ восемь:

1) Мюридъ долженъ быть постоянно и всегда занятъ молитвами и служеніемъ своему Господу, Творцу: днемъ-ли, ночью-ли, въ тайнѣ и наяву, лѣтомъ и зимою, въ трудѣ и при свободѣ, ничто на свѣтѣ не должно отвлекать его отъ исполненія молитвы, поста, чтенія корана и вообще богослуженія. 2) Онъ долженъ стараться замѣнить свои дурныя и низкія наклонности и привычки похвальными и хорошими; очистить свое тѣло отъ осквернеиія грѣхами и сердце отъ вражды, ненависти къ ближнему и пр., а главное—заняться тѣмъ, чтобы обновить свое нравственное существо. 3) Онъ долженъ обратиться всѣми мыслями къ Богу, съ полнымъ раскаяніемъ во всѣхъ грѣхахъ, ибо грѣхъ заграждаетъ совершителю онаго путь къ блаженствамъ будущаго свѣта. А потому искатель будущаго долженъ отказаться отъ всего желаемаго, кромѣ Бога, такъ, чтобы онъ забылъ ту часть, которая принадлежитъ ему въ семъ свѣтѣ, и считалъ, что онъ будто даже и не существуетъ въ семъ свѣтѣ. 4) Онъ долженъ отказаться отъ всего, что соблазняетъ человѣка на свѣтѣ, какъ то: богатства, величія и пр., такъ, чтобы цѣлый свѣтъ, съ его украшеніями, не равнялся въ глазахъ его даже съ крыломъ комара. 5) Онъ долженъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ уповать на Бога, съ полною вѣрою въ Него. Богъ сказалъ: «Кто уповаетъ на Бога, тому Богъ поручитель». Слѣдовательно, мюридъ долженъ положиться на Творца своего во всѣхъ дѣйствіяхъ, мысляхъ и словахъ. 6) Онъ долженъ освободить себя отъ подчиненія тѣлес-

нымъ потребностямъ и желаніямъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ для существованія человѣка, такъ, что мюридъ долженъ избѣгать роскоши, излишествъ въ пищѣ, удобствъ въ жильѣ, ограничиваясь только тѣмъ, что необходимо для поддержанія тѣлесныхъ силъ, и то ради того, чтобы могъ исполнять богослуженіе. 7) Онъ долженъ постоянно вспоминать всевышняго Бога словами: «*Ла ілаһа ілла-ллàһ*» (нѣтъ Бога, кромѣ единаго) или-же словомъ *аллàһ* (существо, которому по истинѣ всѣ прочія должны поклоняться) или-же наконецъ словомъ: «*һу*» (Онъ), произнося таковыя постоянно день и ночь, и 8) онъ долженъ поставлять себя ниже всякой Божьей твари, такъ, чтобы самый сильнѣйшій вельможа и самый несчастный сирота казались ему совершенно равными, чтобы слонъ и мошка производили на него одинаковое впечатлѣніе, чтобы онъ дрожалъ отъ страха предъ всякою тварью Божьею, точно онъ стоялъ-бы предъ грознымъ повелителемъ, сознавая, что она есть тварь Всемогущаго Господа Бога.

II.

О настоящей побудительной причинѣ къ принятію тариката.

Когда Всевышній Господь Богъ пожелаетъ разбудить Своего раба отъ сна забвенія и возвести его отъ степени животности на степень чистаго духа Своего, тогда Онъ указываетъ душѣ человѣка на молитву, какъ на украшеніе сердца. Душа-же человѣка начинаетъ приходить въ движеніе, вступая на вновь указанный ей путь, и дѣйствовать по небесному внушенію, которое послѣдовало отъ особой Божьей милости. Тогда человѣкъ, пробужденный такимъ образомъ, начинаетъ думать о томъ, что Богъ ниспослалъ къ нему Своего посла (пророка) и сообщилъ, что у него есть Господь всемогущій, всезнающій, вѣчно живущій и вѣчно безсмертный, который повелѣваетъ ему исполнить то-то и не дѣлать того-то, который можетъ наказать за ослушаніе и который знаетъ его тайны и мысли. Онъ-же обѣщалъ чрезъ посла Своего вознаградить раемъ того, кто послушаетъ Его, и наказать адомъ того, кто ослушается. Такія мысли зани-

маютъ сердце раба и они вращаются непрестанно въ его умѣ, такъ, что въ немъ порождается постоянно чувство страха и наконецъ онъ бѣжитъ къ дверямъ своего Бога искать спасенія своей души. Такіи мысли заставляютъ раба твердо взяться за богослуженіе; онъ со всѣмъ стараніемъ берется за служеніе своему Господу, причемъ отказываетъ себѣ, насколько можетъ, въ ѣдѣ, питьѣ, снѣ и бесѣдѣ съ людьми и избѣгаетъ сообщества послѣднихъ, ища его развѣ въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Вотъ основныя начала, ведущія человѣка къ мюридизму и принятію тариката.

III.

О значеніи шейха въ отношеніи къ мюриду и о необходимости перваго для втораго.

Когда рабъ Божій, пробудившись отъ сна забвенія, почувствуетъ стремленіе къ служенію Богу (какъ мы сказали выше) и двинется вступить въ дѣйствіе, то онъ находитъ себя совершенно ничего незнающимъ и становится въ недоумѣніе, какъ и что ему дѣлать, чтобы служить Богу, какъ слѣдуетъ, безукоризненно, и какъ заставить душу свою отречься отъ вражды, ненависти, гнѣва, гордости и вообще отъ низкихъ и грѣшныхъ свойствъ человѣчества.

Сознаваясь такимъ образомъ въ своемъ ничегоневѣдѣніи, онъ невольно ищетъ для себя свѣдущаго руководителя, который-бы вывелъ его изъ мрака на ясный свѣтъ и направилъ на путь, по коему можно достичь къ цѣли, а именно: къ Всевышнему Господу Богу.

Поэтому, мюридъ обязывается привязать сердце свое къ одному изъ истинныхъ шейховъ, который провелъ большую часть дней своей жизни въ униженіи своего тѣла, обуздалъ его богобоязливостію, служилъ Богу и тѣмъ достигъ до высшихъ ступеней набожности, ограждаясь сообществомъ божественнаго свѣта отъ всего остальнаго міра, и который, идя по пути истины, хорошо изучилъ всѣ опасности этой дороги, угрожающія неопытному путешественнику неминуемой гибелью. Ибо на пути,

избранномъ неопытнымъ мюридомъ, находится множество опасностей, отъ которыхъ необходимо остерегаться съ полнымъ стараніемъ.

Если-бы мюридъ рѣшился идти по своей новой дорогѣ безъ опытнаго проводника, который-бы могъ предупредить его обо всѣхъ гибельныхъ опасностяхъ, могущихъ встрѣтить его по дорогѣ, онъ былъ-бы похожъ тогда на человѣка, попавшаго въ незнакомый ему густой и темный лѣсъ, въ которомъ онъ видитъ множество тропинокъ, идущихъ по различнымъ направленіямъ. На этихъ тропинкахъ есть много опасностей для жизни, напр. разбойники, звѣри, гады, пропасти и т. п. Между тѣмъ, за этимъ лѣсомъ находится городъ, въ которомъ живетъ любимая особа нашего новичка, и къ ней-то ему нужно идти. Онъ выбираетъ одну дорогу, безъ путеводителя, и идетъ по ней. Само собой, нѣтъ ручательства, что путешественникъ нашъ не наткнулся-бы на какую-нибудь опасность и не погибъ-бы, и если онъ въ самомъ дѣлѣ пострадаетъ такимъ образомъ, то некого въ томъ и винить, кромѣ самого путешественника, который пошелъ по незнакомой ему дорогѣ, лишь вслѣдствіе своей глупости и неопытности.

Совершенно также и на пути раба Божьяго находится множество опасныхъ препятствій въ служеніи своему Богу, на которыя легко набрести и погибнуть. Напр.: свѣтъ, соблазнъ, плоть, страсть, дьяволъ и, наконецъ, люди. Свѣтъ приманиваетъ человѣка къ своимъ суетамъ и отвлекаетъ взоры раба отъ Господа Бога къ своимъ ничтожнымъ и временнымъ благамъ; рабъ начинаетъ искать богатства, положенія въ свѣтѣ и т. д. Все это занимаетъ его воображеніе и потому онъ забываетъ о молитвѣ и постѣ. Богъ сказалъ въ своей несомнѣнной книгѣ: *«Васъ занимаетъ богатство, пока вы не вступите въ могилу»*. Тѣло человѣка есть самый опасный врагъ его: оно направляетъ человѣка, посредствомъ своихъ плотскихъ стремленій, ко всему запрещенному, напр. къ воровству, убійству, разбою, разврату, пьянству, оскорбленію ближняго, къ ссорамъ и т. д. Весьма мало людей, которые-бы могли спастись отъ этого опаснаго и вліятельнаго врага, даже имѣя для себя хорошаго путеводителя. А какъ-же ты думаешь, читатель, про того бѣднякa, который не имѣетъ никакой защиты противъ этого сильнаго врага, и идетъ по своей дорогѣ, не вѣдая его силы! Дьяволъ есть для человѣка врагъ, дѣйствующій противъ него воровскимъ образомъ. Онъ

портитъ служеніе Богу своимъ коварствомъ и обманомъ, направляя человѣка изподтишка къ соблазнамъ его тѣла; онъ старается внушить ему самодовольство, показываетъ въ глазахъ его добро зломъ, а зло добромъ. Такъ, что утверждаютъ, будто дьяволъ руководствуетъ человѣку въ 99 добрыхъ дѣлахъ, чтобы имѣть возможность внушить ему зло въ 100-й разъ и тѣмъ погубить его. Люди — самая опасная преграда для искателя истины въ его пути. Остерегаться отъ нихъ гораздо труднѣе, чѣмъ отъ дьявола. Неизбѣжное сообщество съ людьми и необходимыя, хотя и ограниченныя сношенія съ ними, невольно вовлекаютъ въ грѣхи, напр. въ пересуды, запрещенные священнымъ кораномъ; Богъ Всевышній сказалъ: «*Не шпіонничайте и не сплетничайте другъ на друга: развѣ кто-нибудь изъ васъ пожелаетъ съѣсть трупъ своего умершаго брата?*»; въ клевету, запрещенную изреченіемъ великаго посла Божьяго (да будетъ на немъ миръ и благословеніе!), который сказалъ: «*Клеветникъ никогда не войдетъ въ рай*»; затѣмъ въ ложь, вражду, лицемѣріе, оскорбленіе другаго, убійство, воровство и пр.,—и потому человѣкъ погибаетъ.

И такъ, когда душа раба пробуждается отъ сна заблужденія (какъ сказано выше) и любовь направляетъ его къ любимому Всевышнему Великому Господу Богу, а онъ вступаетъ на путь спасенія души безъ опытнаго проводника, не смотря однако на всѣ опасности этой дороги и на то, что онъ окруженъ всюду сильнѣйшими врагами, то нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ не наткнется на которую-нибудь изъ опасностей и не погибнетъ въ семъ и въ будущемъ свѣтѣ. Посолъ Божій сказалъ: «*Кто не имѣетъ себѣ шейха, то его шейхъ есть дьяволъ, и кто не имѣетъ путеводителя, то путеводителемъ ему служитъ влеченіе его собственной плоти*». Поэтому, является необходимость для вновь вступающаго на истинный путь имѣть шейха, который-бы могъ руководить имъ во всемъ и который-очистилъ-бы сердце его отъ всякаго рода влеченій къ суетамъ сего свѣта и удалилъ-бы его отъ всего, что можетъ повредить ему въ достиженіи блаженства въ будущей жизни.

IV.

О первоначальныхъ внушеніяхъ шейхи своему новому мюриду.

По появленіи вновь поступающаго мюрида, шейхъ долженъ прежде всего заставить его раскаяться во всѣхъ его прошлыхъ грѣхахъ, напр. въ убійствѣ, прелюбодѣяніи, воровствѣ, пьянствѣ, клеветѣ, враждѣ и т. д., однимъ словомъ, во всемъ противномъ Богу. Когда-же шейхъ убѣдится въ искренности раскаянія вновь появившагося мюрида и чистотѣ его убѣжденій, тогда онъ разъясняетъ ему ничтожество сего міра и всего, что въ немъ есть, непостоянство его и то, что міръ этотъ не стоитъ крылышка насѣкомаго. Великій посолъ Божій сказалъ. „*Весь міръ не стоитъ предъ Богомъ крылышка насѣкомаго*!“

Потомъ внушаетъ ему, что онъ долженъ отречься отъ свѣта и его богатствъ, такъ, чтобы предъ глазами мюрида имѣли одинаковое значеніе и золото и грязь, и чтобы мюридъ не отдавалъ преимущества золоту передъ грязью, и если-бы ему пришлось проходить мимо грудъ золота и серебра и могъ-бы онъ безъ грѣха овладѣть оными, то чтобы не мелькнуло въ головѣ его и мысли воспользоваться ими. Поэтому, первый шагъ раба въ сближеніи съ своимъ Богомъ состоитъ въ отреченіи себя отъ сего свѣта. Ибо, для сближенія съ Богомъ нужно, чтобы сердце раба очистилось отъ любви ко всему и ко всякому на свѣтѣ, кромѣ Всевышняго Создателя, а также и тѣхъ изъ людей, которыхъ самъ Богъ велѣлъ любить, какъ-то: пророковъ, святыхъ и добрыхъ правовѣрныхъ. Небезъизвѣстно, что Божьи существа суть только ангелы, пророки и святые, и что въ ихъ свойствахъ не имѣется любви къ свѣту. Іисусъ сказалъ (да будетъ на немъ миръ и благословеніе Божіе!): „*Любовь сего міра есть начало всякаго грѣха*!“ Изъ этого видно, что кто не прерветъ всякихъ отношеній къ сему міру и не откажется отъ него, тотъ не можетъ вступить на путь сближенія съ Богомъ.

Когда шейхъ положительно убѣдится въ очищеніи сердца своего мюрида отъ всего, кромѣ Бога, и въ прочности его убѣжденій, тогда шейхъ повелѣваетъ мюриду, чтобы онъ постоянно, явно и тайно, занимался воспоминаніемъ Бога, исполнялъ молит-

вы и удалялъ себя отъ сообщества съ людьми, такъ, чтобы онъ отъ всего сердца избѣгалъ ихъ, какъ баранъ, по инстинкту, бѣжитъ отъ волка. Ибо сообщество съ людьми отвлекаетъ отъ Бога.

V.

О послѣдствіяхъ исполненія повельній шейха и о положеніи, достигаемомъ чрезъ это мюридомъ.

Когда мюридъ, наконецъ, усвоитъ всѣ наставленія своего шейха—удалится совершенно отъ людей, свыкнется съ похвальными качествами, откажется вполнѣ отъ всего запрещеннаго и очистится отъ дурныхъ качествъ, когда шейхъ умоетъ его священною водою отъ нечистоты сердечной, и, наконецъ, когда измѣнится самое существо его, переродившись посредствомъ молитвъ и *зикра* *) изъ образа просто-животнаго въ высшее духовное существо,—тогда сердце его освѣтится свѣтомъ Божіимъ, откроются его внутреннія глаза, поднимется завѣса мрака, закрывавшая его отъ созерцанія Господа Бога, и постепенно онъ станетъ восходить на высоту святости, пока не достигнетъ до положенія избранныхъ великихъ людей и не обратится всѣмъ своимъ существомъ къ Творцу Богу. Эта самая степень святости называется—достигнуть истины, такъ, что мюриду такого положенія не остается другой цѣли желанія, кромѣ единаго Всемогущаго Бога.

Если бы мюриду предлагали положеніе всѣхъ пророковъ и пословъ Божьихъ, или знатность всѣхъ царей, бывшихъ, настоящихъ и будущихъ на свѣтѣ, то мюридъ не долженъ даже обратить на это вниманія и не отвлекать своихъ мыслей отъ Бога, хотябы и на одинъ мигъ; существованіе его должно находиться въ существованіи Бога, душа его—въ созерцаніи Божества; онъ долженъ быть погруженъ во всякое время въ ожиданіе Его, и весь міръ долженъ казаться ему ниже всякой щепки. Когда такимъ образомъ усовершенствуется въ мюридѣ его отшельничество и онъ обратится всѣмъ своимъ существомъ къ Богу, забудетъ совер-

---

*) Т. е. воспоминаніе имени Бога.

шенно о прочихъ предметахъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, тогда предъ нимъ раскроется ясно единство Божіе и тогда онъ откажется отъ всякихъ способовъ, словомъ и дѣйствіемъ, для добыванія себѣ средствъ къ жизни, потому что тогда онъ ясно увидитъ справедливость и законность ручательства Божьяго за жизненные припасы для всякой твари Своей, которое Онъ самъ выразилъ въ Своемъ коранѣ, гдѣ Всевышній сказалъ: „*Нѣтъ на землѣ ни одного животнаго, которому Богъ не былъ-бы обязанъ доставить пропитаніе*“. Поэтому, изъ сердца истиннаго мюрида удаляется всякая заботливость о средствахъ къ своей жизни, ему раскрывается ясно воля Божія и онъ не видитъ въ дѣйствіяхъ людскихъ ничего зависящаго отъ нихъ, такъ что онъ убѣждается, что лишь одинъ Богъ есть вседающій и всеотнимающій у человѣка, и Богъ, съ Своей стороны, укрѣпляетъ въ мюридѣ такое убѣжденіе и указываетъ ему одну только истину. Вслѣдствіе этого, мюридъ избѣгаетъ всякаго рода домогательствъ съ своей стороны къ пріобрѣтенію жизненныхъ припасовъ обыкновенными свѣтскими средствами, какъ-то: трудомъ, просьбами у другихъ и т. д. Подобнаго рода добываніе средствъ къ жизни мюридъ находитъ достойнымъ лишь только обыкновенныхъ людей; онъ-же ждетъ только того, что Богъ самъ пошлетъ къ нему,—и средства къ жизни, само собою, являются къ нему: ему отворяются ворота благодѣяній Божіихъ и онъ пребываетъ въ ожиданіи новыхъ откровеній въ дѣлахъ Божіихъ.

Степеней созерцанія Бога считается три, и ими опредѣляется достиженіе мюрида до извѣстнаго совершенства: а) созерцаніе воли Божіей, б) созерцаніе качествъ Его и в) созерцаніе лица Божія.

Созерцаніе воли Божіей порождаетъ въ мюридѣ чистосердечное довольство его всѣмъ, что случится съ нимъ въ жизни, и предаетъ его вполнѣ въ распоряженіе судьбы; созерцаніе качествъ Его порождаетъ въ мюридѣ страхъ и наслажденіе, и наконецъ созерцаніе лица Божія приводитъ его къ уничтоженію себя. Такъ, что мюридъ сначала чувствуетъ страхъ отъ величія Бога, потомъ—наслажденіе въ созерцаніи красоты Его, а потомъ уничтожаетъ себя въ лицѣ Бога.

Нѣкоторые говорятъ, что когда мюридъ совершенно отказывается отъ труда для добыванія средствъ къ жизни и остается лишь въ ожиданіи того, что доставитъ ему судьба, то это есть то-же самое уничтоженіе. Но это есть только уничтоженіе

воли и тѣлесныхъ потребностей, слѣдовательно—внѣшнее уничтоженіе. Внутреннее-же уничтоженіе состоитъ въ томъ, что въ мысляхъ мюрида смываются слѣды его существованія при блескѣ свѣта отъ лица Божія. Вотъ это и есть самая высшая степень святости мюрида, а именно—уничтоженіе себя въ Богѣ и существованіе однимъ Божествомъ. Выше этого ничего не остается для цѣлей мюрида.

VI.

Такъ какъ мы разсказали вкратцѣ о качествахъ и признакахъ истиннаго мюрида, о причинахъ, заставляющихъ его прибѣгнуть къ содѣйствію шейха, и о послѣдствіяхъ всего этого, то теперь мы желали-бы немного познакомить читателя съ истиннымъ шейхомъ и отношеніями его къ своему мюриду.

Истинный шейхъ долженъ прежде всего, собственнымъ отреченіемъ отъ всего земнаго, внушить своимъ мюридамъ, что и имъ необходимо тоже отказаться отъ свѣта, объяснивъ, что кто любитъ свѣтъ, тотъ лишается охраны Божіей и дѣлается ничтожнымъ въ небесномъ и земномъ царствахъ. Онъ долженъ самъ прежде всѣхъ показать другимъ примѣръ во всемъ этомъ, потому что малѣйшее подозрѣніе мюрида въ корыстолюбіи своего шейха разслабляетъ и въ немъ убѣжденіе въ необходимости отреченія отъ міра. Небезпонятно, что если шейхъ, проповѣдующій о ничтожности міра и необходимости отказаться отъ него, самъ противорѣчитъ своему слову и не только не отказывается отъ свѣта, а напротивъ, даже старается добыть себѣ сокровища его,—то какъ-же мюридъ можетъ исполнить его проповѣдь? Вотъ къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ шейхи нашего времени, которые проповѣдуютъ своимъ братьямъ отреченіе отъ сокровищъ сего міра, тогда какъ въ то-же самое время сами вполнѣ погружены въ корыстолюбіе, и даже свое лжешейхство употребляютъ орудіемъ для добыванія себѣ богатства легкимъ путемъ. Слѣдовательно, они являются примѣрами въ жадности, а не въ отреченіи отъ міра. Истинный шейхъ долженъ имѣть самыя ограниченныя потребности въ жизненныхъ припасахъ, такъ, что онъ не долженъ имѣть съѣдомаго, кромѣ самаго

необходимаго количества для поддержанія своихъ физическихъ силъ и для оказанія помощи нуждающимся въ томъ братьямъ своимъ (мюридамъ); изъ одежды онъ не долженъ имѣть ничего, кромѣ необходимаго для прикрытія своего тѣла и сохраненія приличія своего сана; онъ не долженъ никогда принимать никакихъ приношеній или подарковъ отъ кого-бы то ни было, развѣ только встрѣтится нужда на пользу богоугодныхъ дѣлъ или-же для избавленія своего мюрида отъ угнетеній бѣдности. Истинные святые избѣгаютъ имѣть въ собственности цѣлую золотую монету.

Пророкъ сказалъ: „*Клянусь Богомъ, что меня такъ не радовала-бы груда золота, величиною съ гору Ухудъ* *), какъ радуетъ меня единственная драхма, которую я употребляю на богоугодное дѣло.*“ Для истиннаго шейха считается неприличнымъ и унизительнымъ просить подаянія, хотя-бы онъ нуждался, тѣмъ болѣе предпринимать путешествія съ этою цѣлію по турецкимъ и персидскимъ городамъ. Иначе вышло-бы то, что шейхъ, предлагая богатымъ и знатнымъ людямъ отказаться отъ богатствъ сего міра, на томъ основаніи, что они ничтожны и преходящи, домогался-бы наглымъ образомъ самъ пріобрѣсти ихъ, потому лишь, что онъ носитъ званіе шейха и слыветъ необыкновенно-святымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, забывъ о томъ, что по-истинѣ онъ самъ представляетъ начало всякаго зла. Къ числу необходимыхъ для званія истиннаго шейха качествъ принадлежитъ то, чтобы онъ былъ достаточно свѣдущимъ во всѣхъ богословскихъ наукахъ, свѣдущимъ настолько, чтобы былъ въ состояніи разрѣшать вопросы или недоразумѣнія мюридовъ, касательно Божьяго закона, такъ, чтобы мюридъ не нуждался въ необходимости обращаться къ другому лицу за разъясненіемъ какого-нибудь вопроса. Потому, во-первыхъ, что мюридъ долженъ смотрѣть на своего шейха, какъ на самаго ученаго, а если онъ замѣтитъ, что шейхъ не знаетъ чего-либо, что другой знаетъ, тогда онъ терятъ къ нему полное уваженіе и довѣріе, и во-вторыхъ, различныя наставленія разныхъ лицъ порождаютъ болѣзнь въ убѣжденіяхъ мюрида, и такой недостатокъ шейха послужитъ причиною колебанія образа мыслей мюрида, подобно тому какъ разнородныя кушанья могутъ породить въ организмѣ человѣка такую болѣзнь, которой не можетъ излечить никакое медицинское пособіе. Шейхъ не долженъ различать своимъ вниманіемъ кого-

*) Названіе горы, находящейся около города Мекки.

либо изъ своихъ мюридовъ, такъ, что когда ему придется раздавать подаянія, онъ долженъ раздать всѣмъ и каждому изъ мюридовъ поровну, не различая своего роднаго сына отъ другаго, и оказать различіе только въ такомъ случаѣ, если положеніе кого-либо изъ нихъ слишкомъ жалкое, внушающее всѣмъ остальнымъ бѣднякамъ сочувствіе къ его несчастію и не могущее возбудить ропотъ, что такому придется получить лишнюю часть раздаваемаго подаянія. При такихъ случаяхъ шейхъ долженъ остерегаться, чтобы себѣ не удѣлить какой-либо части изъ раздаваемаго подаянія, во избѣжаніе того, чтобы не показать себя въ глазахъ бѣдныхъ равнымъ съ ними, а когда поступитъ къ нему какое-нибудь подаяніе для раздачи бѣднымъ, онъ долженъ раздать его, кому слѣдуетъ, цѣликомъ, не оставляя въ свою пользу ни одного гроша. Иначе, если въ такихъ случаяхъ шейхъ поставитъ себя наравнѣ съ другими бѣдными, онъ можетъ потерять къ себѣ уваженіе ихъ и ослабить свое вліяніе на нихъ. Когда-же шейхъ найдетъ нужнымъ оказать особое вниманіе къ одному изъ мюридовъ, который заслуживаетъ того по своей вѣрности и набожности, онъ долженъ оказывать его тайно отъ прочихъ мюридовъ, чтобы не вызвать чувствъ зависти и вражды между ними. Ибо, въ самой натурѣ человѣка кроется зависть и онъ не можетъ смотрѣть равнодушно на отличія другаго, хотя подобныя чувства и не выражаются явно. Даже во время пророка бывало, что когда онъ оказывалъ матеріальное вниманіе кому-нибудь изъ своихъ товарищей (да пошлетъ Богъ имъ свое благословеніе!), то другіе замѣчали, что это не богоугодное подаяніе, а человѣческое пристрастіе. Если у товарищей самого пророка замѣчалась такая зависть и недовольство, что̀-же можно ожидать отъ бѣдныхъ братьевъ нынѣшнихъ нашихъ шейховъ, у которыхъ вѣра положена на ногти ногъ, такъ, что малѣйшее колебаніе можетъ сбросить ее вонъ!

Истинный шейхъ долженъ считать себя ниже всякаго на землѣ и видѣть хорошую сторону каждаго, не пускаясь въ сравненіе качествъ одного съ качествами другаго; онъ не долженъ находить въ тварп Божіей ничего дурнаго; онъ не долженъ никому говорить оскорбляющее слово, какъ рабъ не можетъ сказать таковое своему господину. Самъ-же онъ долженъ переносить отъ всякаго всякую обиду и оскорбленіе, безъ ропота, какъ рабъ переноситъ таковыя отъ господина своего, такъ какъ онъ сознаетъ его господство надъ собою. Совершенно такъ-же, истинный

шейхъ долженъ сознавать превосходство всякаго и каждаго изъ людей надъ собою, какъ рабъ въ отношеніи своего господина (это качество совершенно отсутствуетъ въ шейхахъ нашего времени); онъ не долженъ никогда посылать проклятіе кому-либо за то, что его тотъ оскорбилъ или притѣснилъ, не долженъ молиться, напр., такъ: „*Боже, кто насъ обманываетъ, того Ты обмани, кто желаетъ намъ зла, на того пошли свою кару, и т. д.*“ Ибо, когда пророкъ Божій проклиналъ корейшитовъ, Богъ послалъ къ нему Архангела Гавріила, сказавши: „*Мы тебя послали только для блага міра.*“ Тогда пророкъ постыдился предъ Богомъ и пересталъ проклинать. Великіе святые люди (шейхи) должны усвоить нравъ посла Божьяго. Каждый изъ нихъ долженъ видѣть въ лицѣ своемъ такого грѣшника, что если-бы не милость Божія, то его-бы поглотила земля за грѣхи. Какое-бы несчастіе ни случилось и какая-бы бѣда ни постигла его въ жизни, онъ долженъ считать себя заслужившимъ гораздо большее наказаніе Божіе по своимъ грѣхамъ, чѣмъ какое случилось съ нимъ, и смотрѣть на себя въ такихъ случаяхъ какъ на человѣка, заслужившаго сожженіе на кострѣ, а взамѣнъ сожженія брошеннаго въ холодную золу. А потому онъ не долженъ никогда огорчаться или быть недовольнымъ за неблагопріятное теченіе его жизни. Онъ долженъ, какъ и каждый изъ насъ, терпѣливо сносить, если высоко поставленные на свѣтѣ люди притѣсняютъ его. Мы должны вѣрить въ то, что если-бы мы не согрѣшили передъ Богомъ, такъ Онъ-бы не послалъ къ намъ притѣснителей, и въ то, что никто на свѣтѣ не имѣетъ силы притѣснить или возмутить жизнь другаго, если на то нѣтъ воли Божіей, что никто не можетъ сдѣлать малѣйшее движеніе самовольно и что всякое дѣйствіе человѣка зависитъ отъ воли Всемогущаго Творца. Такое убѣжденіе долженъ имѣть всякій Бога признающій рабъ. Вѣдь когда *забани**) потащутъ грѣшнаго раба къ адскимъ мукамъ, безжалостно, въ день страшнаго суда, то ихъ никто не осудитъ за это и никто не назоветъ ихъ жестокими мучителями и притѣснителями, потому что на томъ свѣтѣ, гдѣ человѣкъ освобождается изъ вещественности, ясно видно, что на это есть воля Божія. На этомъ свѣтѣ одни только святые ясно видятъ, что во всемъ дѣйствуетъ лишь одна воля Божія и что люди созданы орудіемъ для нѣкоторыхъ дѣйствій. Поэтому, истинный шейхъ никогда не

*) Ангелы, управляющіе адомъ.

чувствуетъ злобы къ притѣснителю своему, хотя-бы послѣдній былъ изъ невѣрныхъ. Иначе, если-бы святые призывали проклятіе Божіе на тѣхъ, которые ихъ оскорбляютъ или притѣсняютъ, то Богъ долженъ былъ-бы услышать молитву и тѣмъ нарушилось-бы несомнѣнное качество Его — Всемилостивѣйшій, которое распространяется на семъ свѣтѣ на всѣхъ и каждаго, безъ различія вѣры и націи; но это невозможно никогда, потому что Богъ есть Всемилостивѣйшій для вѣрныхъ и невѣрныхъ рабовъ Своихъ на семъ свѣтѣ безразлично.

Истинный шейхъ долженъ быть милостивъ ко всѣмъ правовѣрнымъ; онъ долженъ относиться къ нимъ доброжелательнѣе, чѣмъ родители къ дѣтямъ, подражая въ этомъ Господу Богу и пророку Его, Магомеду. Пророкъ сказалъ: „*Богъ милостивъе къ своему рабу, чѣмъ его родительница.*“ Богъ сказалъ въ своей книгѣ: „*Пророкъ лучше для вѣрующихъ, чѣмъ они сами.*“ Въ нѣкоторыхъ неизданныхъ книгахъ сказано: „*Бываетъ, Я больше жалѣю моего раба, когда онъ отворачивается отъ Меня.*“ Истинный шейхъ долженъ снисходительно смотрѣть на грѣшныхъ людей и прощать имъ прежде, чѣмъ начнетъ давать имъ наставленія. Онъ не долженъ никому внушать раскаяніе въ грѣхахъ, прежде чѣмъ не пожалѣетъ его искренно, отъ души. Пророкъ сказалъ: „*Богъ милуетъ тѣхъ, которые сами милуютъ другихъ.*“ Будьте милостивы къ тому, кто на землѣ, и къ вамъ будетъ милостивъ Тотъ, Кто на небѣ.

Относясь ко всѣмъ людямъ одинаково, шейхъ долженъ, однако, относиться съ особеннымъ уваженіемъ къ тѣмъ, которые приносятъ особую пользу человѣчеству, и оказывать имъ почести, сообразно приносимой ими пользы, какъ-то: врачу, ученому, начальству (хотя-бы изъ иновѣрцевъ), судьѣ и пр. Онъ долженъ къ нимъ относиться съ особеннымъ уваженіемъ, ласково и съ почтеніемъ. Люди эти необходимы для блага народа: иначе, если-бы не было врача, больныхъ некому было-бы лечить; если-бы не было шейховъ, некому было-бы лечить душу человѣка отъ грѣховной болѣзни; безъ ученыхъ не было-бы порядка въ вѣрѣ; безъ начальства не было-бы порядка въ общежитіи и сильный обижалъ-бы слабаго; безъ судьи некому было-бы разбирать и рѣшать людскія тяжбы, и т. д.

Къ обязанностямъ истиннаго шейха также принадлежитъ, чтобы онъ оказывалъ помощь всѣмъ, кто-бы ни призывалъ его въ роковыя минуты. Напримѣръ, вотъ какъ однажды помогъ изъ-

вѣстный тарикатскій шейхъ, Магомедъ Бухарскій, погибавшимъ на морѣ бухарскимъ купцамъ. Это случилось такъ. Однажды, бухарцы, на пути возвращенія ихъ на родину съ многими дорогими товарами, были настигнуты бурею на морѣ. Купеческимъ кораблямъ грозила гибель и, казалось, не было никакого спасенія. Пловцы были въ отчаянномъ положеніи: одни кричали, другіе плакали и молились и, наконецъ, стали призывать на помощь шейха Магомеда Бухарскаго, умоляя его явиться спасти ихъ и обѣщая, въ случаѣ спасенія, пожертвовать въ угоду Богу тысячу золотыхъ монетъ. Въ то самое время, когда на морѣ происходило это, шейхъ Магомедъ сидѣлъ въ мечети, окруженный своими мюридами, какъ вдругъ слышится голосъ погибающихъ. Къ всеобщему удивленію, шейхъ изчезъ съ глазъ своихъ мюридовъ и, явившись на мѣсто гибельнаго происшествія, схватился за веревки корабля и притащилъ его къ берегу, а потомъ возвратился, не замѣченный никѣмъ, на свое мѣсто въ мечеть. Тогда нѣкоторые изъ мюридовъ спросили о причинѣ его внезапнаго изчезновенія, и шейхъ разсказалъ имъ о случившемся, причемъ показалъ свои плечи, на которыхъ остались явные слѣды корабельныхъ веревокъ, врѣзавшихся въ тѣло шейха, при сильномъ потягиваніи имъ корабля. Мюриды были изумлены необыкновенною святостію своего шейха. Спустя послѣ того мѣсяцъ, богатый караванъ бухарскихъ купцовъ благополучно въѣзжалъ въ городъ Бухару. Желая исполнить свой обѣтъ, данный на морѣ, купцы отправили одного изъ своихъ товарищей, съ обѣщанною суммою, къ шейху Магомеду. Проклятый дьяволъ, преобразившись въ почтеннаго шейха, съ четками и палкою въ рукахъ, встрѣтилъ на дорогѣ посланнаго и спросилъ: „Сынъ мой, куда ты?“—„Къ шейху Магомеду, отъ имени вновь прибывшихъ купцовъ,“ отвѣтилъ посолъ. — „Зачѣмъ ты къ нему?“ спросилъ опять дьяволъ. — „Для передачи ему тысячи золотыхъ, которыя мы обѣщали ему пожертвовать за спасеніе нашего корабля отъ гибели.“—„Боже мой, какіе-же вы сумасшедшіе! Тратите свое имущество, когда вовсе не нужно, и признаете въ дѣйствіяхъ Бога помощь отъ людей. Вы глупый народъ! Богъ, по милости Своей, спасъ васъ Своей могучей рукою отъ гибели, а вы приписываете это шейху Магомеду! Какое участіе можетъ имѣть онъ въ Божьихъ дѣлахъ, чтобы вы жертвовали ему ваше имущество, за то что Богъ ниспославъ на васъ Свою милость? Развѣ вы не знаете, что Богъ сказалъ въ коранѣ: *Не расточайте вашего*

имущества безъ надобности: тѣ, которые тратятъ свою собственность,—братья чертямъ. Возвратись, откуда идешь, и не будь братомъ чорта", — сказалъ мнимый шейхъ, желая этимъ ввести купцовъ въ заблужденіе и грѣхъ, въ случаѣ неисполненія ими даннаго Богу обѣта, и тѣмъ навлечь на нихъ гнѣвъ Божій. Посланный вернулся съ этой дороги и направился къ шейху Магомеду по другому пути; давешній мнимый шейхъ опять явился къ нему на встрѣчу и продолжалъ убѣждать, чтобы посланный не относилъ денегъ къ шейху Магомеду; но тотъ упорно стоялъ на своемъ и хотѣлъ непремѣнно исполнить свое обѣщаніе. Тогда проклятый дьяволъ, увидѣвъ непоколебимое упорство посла, прибѣгнулъ къ другому способу и сказалъ: „Ты безумецъ, когда стоишь на своемъ, но если счастливая судьба шейха Магомеда заставляетъ тебя, чтобы ты отнесъ къ нему деньги, такъ отнеси по-крайней-мѣрѣ половину того, что у тебя, и оставь для себя остальную половину". Посланный вздумалъ поступить такъ, какъ ему совѣтовалъ встрѣченный старецъ, и отправился дальше, а проклятый дьяволъ изчезъ.

Когда посланный дошелъ до дверей мечети, онъ остановился и почтительно поклонился шейху.

— Здравствуй, одинъ изъ бывшихъ на кораблѣ, спасеномъ мною съ помощію Бога,—сказалъ ему шейхъ.

— Господинъ мой, да вознаградитъ тебя Богъ за то, что ты спасъ насъ отъ потопленія; возьми эту бездѣлицу, обѣщанную нами предъ Богомъ, въ случаѣ спасенія нашего.

— Послушай, вы просили меня на помощь и обѣщали за это тысячу золотыхъ. Итакъ, заплатите-же по условію за труды мои, за то что я вытянулъ вашъ корабль на своихъ плечахъ,—сказалъ ему шейхъ и при этомъ показалъ свои израненныя плечи. Посланный устыдился и началъ просить у шейха прощенія, причемъ объяснилъ все, что случилось съ нимъ на дорогѣ и какъ встрѣченный старецъ, съ почтеннымъ видомъ, отклонялъ его отъ исполненія обѣщанія.

— Да, ты правъ: тебя встрѣтилъ проклятый дьяволъ и старался ввести васъ въ грѣхъ, отклонивъ отъ исполненія даннаго вами Богу обѣщанія,—сказалъ шейхъ и получилъ тысячу золотыхъ цѣликомъ. Подобныя чудеса не подлежатъ сомнѣнію; они бываютъ отъ подобныхъ святыхъ, даже отъ умершихъ, когда ихъ душа призывается на помощь при несчастныхъ случаяхъ.

И, наконецъ, истинный шейхъ долженъ охранять своего

мюрида отъ всего грѣшнаго, даже и въ мысляхъ, и имѣть постоянный за нимъ надзоръ, находится-ли онъ при немъ или въ другомъ мѣстѣ. Напр., одинъ изъ истинныхъ шейховъ спасъ своего мюрида отъ страшнаго грѣха, будучи самъ на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ мѣстонахожденія мюрида. Дѣло было такъ. Одинъ изъ мюридовъ, находясь въ далекомъ разстояніи отъ своего шейха, соблазнился женщиною и, рѣшившись удовлетворить свое плотское возбужденіе, отправился къ этой женщинѣ, а она согласилась совершить съ нимъ грѣхъ. Въ то самое время, когда мюридъ покушался на такой грѣхъ,—шейхъ, по созерцанію своему, увидѣлъ это и, протянувъ руку свою, удержалъ мюрида. Послѣдній, увидѣвъ руку, задерживающую его, и признавъ въ ней руку своего шейха, не зналъ, что дѣлать отъ стыда, и убѣжалъ отъ мѣста грѣха и никогда больше въ своей жизни не совершалъ подобнаго. Такія чудеса святыхъ шейховъ не исчислимы, но мы ограничиваемся здѣсь однимъ только намекомъ на нихъ, чтобы не наскучить читателю.

VII.

Въ первой главѣ мы познакомили читателя съ истиннымъ мюридомъ, насколько позволяло намъ короткое наше изложеніе; теперь-же скажемъ немного словъ о ложныхъ мюридахъ. Они раздѣляются на нѣсколько разрядовъ. Изъ нихъ есть люди дѣйствительно чистосердечные и богобоязливые, душа которыхъ пробуждена отъ сна забвенія тѣмъ-же божественнымъ вдохновеніемъ, какое бываетъ первоначально у истиннаго мюрида. Но таковой и идетъ по пути истины, и если дѣлаетъ два шага вѣрно, то на третьемъ скользитъ, а пользующійся случаемъ дьяволъ завлекаетъ его, внушая ему лицемѣріе, самодовольство, ненависть и т. д. Это зависитъ отъ неточнаго исполненія мюридомъ наставленій шейха, или-же отъ недостатка въ совершенствѣ шейха. Богъ покровительствуетъ тому, кого Онъ пожелаетъ направить на путь истины. Есть также и такіе, которые притворяются истинно-святыми, щеголяя своими раскрашенными и вызолоченными словами, скромною одеждою и дѣйствіями, какъ-то: потупленіемъ глазъ, чтеніемъ народу проповѣдей и пр., такъ что про-

стой народъ воображаетъ, будто они истинные святые, не смотря даже на то, что по-большей-части ихъ дѣйствія не согласуются не только съ тарикатомъ, но даже и шаріатомъ. Но, разумѣется, тотъ, кто сколько-нибудь одаренъ правильнымъ разумомъ, понимаетъ ихъ и различаетъ больнаго отъ здороваго и хромаго отъ прямаго. И, наконецъ, изъ нихъ есть и такіе, которые воруютъ у настоящихъ мюридовъ ихъ слова и манеры и передаютъ ихъ народу, какъ собственныя, притворяясь въ присутствіи посторонихъ истинными мюридами, а люди полагаютъ, что они и въ самомъ дѣлѣ настоящіе мюриды, не зная, что они въ сущности никто иные, какъ люди заблудившіеся и другихъ заблуждающіе, источники общественнаго вреда и зла. Обманывая умышленно простой и непонимающій народъ, они употребляютъ свою мнимую святость орудіемъ для своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Дѣйствуя самымъ безсовѣстнымъ образомъ и ловко играя роль святаго предъ людьми, они въ уединеніи превращаются въ бродячихъ собакъ, и не стыдясь Всевышняго Бога, торгуютъ вѣрою изъ-за суетъ сего міра.

Къ этому разряду лже-святыхъ принадлежатъ почти всѣ мюриды нашего времени, которыхъ не мало является въ средѣ легковѣрнаго населенія нѣкоторыхъ мѣстностей Кавказа.

Да не осудитъ ихъ Богъ своимъ правосудіемъ и да направитъ блуждающихъ на путь истины Своею милостію. Аминь!

Для образца, помѣщаю здѣсь собственный разсказъ одного изъ такихъ промышленниковъ вѣрою, слышанный мною отъ него самого. „Я отправился однажды—говорилъ онъ—въ Закатальскій округъ, для добыванія себѣ хлѣба, и послѣ долгаго странствованія по деревнямъ, употребляя всевозможныя хитрости, чтобы пріобрѣсти себѣ копѣйку, наконецъ остановился въ одной изъ деревень Енисельскаго участка, гдѣ и былъ назначенъ кадіемъ, за ничтожную плату. Въ то самое время, въ сел. Алмало жилъ нѣкто Махмудъ-эфенди, который славился по всему округу своей святостью и выдавалъ себя за шейха. Появленіе этого мнимаго шейха принесло существенный вредъ моей профессіи; я замѣтилъ, что народъ стекался къ нему со всѣхъ сторонъ, чтобы получить отъ него благословеніе, съ приличными подарками и приношеніями,—кто отправлялся къ нему съ вьюкомъ хорошихъ фруктовъ, кто съ приличнымъ количествомъ хлѣба, кто съ деньгами, одеждами и т. д. Я началъ терять всякое значеніе въ глазахъ народа и, сравнительно, во мнѣніи жителей я сталъ ниже

собаки. Когда я окончательно убѣдился въ томъ, что никакихъ даровъ мнѣ болѣе ожидать нечего, что все счастіе направилось къ Махмудъ-эфенди и что знакомство съ нимъ придаетъ уваженіе, я, вопреки моему самолюбію, рѣшился не пропустить случая и попытать счастія: дѣйствуя согласно съ обстоятельствами даннаго времени, я направилъ свою узду немедленно къ порогу шейха. Проходя по дорогѣ мимо одной деревни, я остановился для ночлега у одного почтеннаго гаджи въ той деревнѣ, рекомендовалъ себя тоже за гаджи и разсказалъ о цѣли своего путешествія слѣдующимъ образомъ:

— Я кадій N-ской деревни и гаджи, я потерялъ дни своей жизни въ грѣхахъ и заблужденіи, безъ всякой пользы; теперь-же Господь Богъ разбудилъ меня отъ сна забвенія и я направился къ шейху Махмудъ-эфенди, чтобы предъ нимъ раскаяться въ своихъ прошлыхъ грѣхахъ и принять отъ него благословеніе. Какъ ты думаешь объ этомъ? Ты вѣдь умный и праведный человѣкъ...

—„Добро пожаловалъ, добрый ученый!“ сказалъ мнѣ хозяинъ дома, и, извиняясь въ томъ, что онъ не узналъ меня, началъ обходиться со мною чрезвычайно вѣжливо и ласково, снова поздоровался и сталъ уже совсѣмъ почтительно обходиться со мною. Потомъ сказалъ: „Ученый братъ, гаджи, какъ-же ты не надѣлъ свою абу (плащъ) и чалму? Вѣдь неприлично явиться къ эфендію безъ чалмы и абы, ему будетъ это непріятно и его сердце возмутится. Надѣнь хоть мою абу, она еще новая, я ее мало надѣвалъ“. Я поблагодарилъ за любезность и на другой день, надѣвъ абу его, отправился къ шейху. Я сталъ передъ шейхомъ, потупивъ глаза въ землю, съ опущенными руками, и старался принять положеніе самыхъ набожныхъ мюридовъ. Шейхъ принялъ меня ласково, и почему-то я понравился ему; онъ началъ хвалить меня своимъ окружающимъ и рекомендовалъ, какъ благочестиваго ученаго. Потомъ онъ далъ мнѣ наставленіе, какъ вновь поступающему мюриду, а когда я уходилъ, — подарилъ мнѣ свою рубаху, въ знакъ особаго расположенія ко мнѣ. Возвращаясь, по дорогѣ, я опять зашелъ къ знакомому гаджи, возвратилъ ему его плащъ и отправился въ ту деревню, гдѣ былъ кадіемъ. Узнавши о моемъ посѣщеніи святаго шейха и о томъ, какого вниманія его я удостоился, народъ сталъ особенно внимателенъ ко мнѣ. Ктому-же я видимо перемѣнилъ свой образъ жизни: когда у меня бывалъ кто-нибудь, я сталъ ѣсть мало,

спалъ мало, молился много, какъ подобаетъ набожному мюриду, —и это не ускользало отъ вниманія посѣтителей. И вотъ, въ короткое время имя мое стало извѣстно въ ингелойскихъ деревняхъ. Такъ какъ въ сел. Аліабатъ было много поклонниковъ мюридизма и святости, то я сталъ часто посѣщать это селеніе и въ немъ нашелъ себѣ много друзей, мюридовъ, которые являлись ко мнѣ за полученіемъ моего благословенія и никогда не отпускали меня съ пустыми руками. Въ числѣ мюридовъ я нашелъ одну женщину. Я предпочелъ останавливаться именно у нея въ гостяхъ, и гостилъ по-нѣсколько сутокъ. Я старался показать въ ея глазахъ, какъ мало сплю по ночамъ и какъ молюсь. Случалось, что я засыпалъ, сидя, и оставался такимъ образомъ до утра, а она воображала, что я все читаю молитву. Поэтому, она начала мнѣ оказывать особыя почести и распространяла разные благопріятные для меня слухи, благодаря которымъ народъ сталъ больше и больше посѣщать меня, а этимъ расширялся кругъ моего вліянія.

„Однажды, сидя задумчиво, я вдругъ вскочилъ на ноги и сказалъ, что мнѣ нужно отправиться въ N-скую деревню, потому что одна благочестивая особа изъ той деревни призываетъ меня,—и я отправился тотчасъ-же въ деревню, гдѣ я самъ жилъ, а набожная знакомка осталась въ удивленіи. Чрезъ нѣсколько дней я опять прибылъ въ Аліабатъ къ этой знакомой, и она, заинтересованная моимъ поступкомъ, не замедлила спросить меня: зачѣмъ меня звала набожная особа изъ другой деревни?

— Она проспла, чтобы я женился на ней,—сказалъ я.

— Боже мой, какъ она могла такъ безсовѣстно и нахально сказать такую вещь въ твои глаза, какъ-бы ни была влюблена въ тебя?

— Послушай, тутъ ничего нахальнаго нѣтъ. Я часто думалъ о женщинахъ и тѣмъ портилъ образъ своихъ моленій; грѣшныя мысли, рождавшіяся во мнѣ вслѣдствіе такихъ думъ, часто преслѣдовали меня. Эта набожная особа тоже страдала такимъ-же недугомъ. Я понялъ ее путемъ созерцанія и она также поняла меня, поняла и то, что я знаю ея грѣшныя мысли, а потому проспла меня, чтобы я женился на ней и тѣмъ преодолѣлъ законнымъ образомъ нашу плоть, во избавленіе отъ грѣха.

Собесѣдница моя стыдливо покраснѣла и замолчала. Чрезъ нѣсколько дней я опять съигралъ ту-же самую сцену и собрался

ѣхать къ мнимо-призывающей меня красавицѣ. На этотъ разъ хозяйка моя начала меня уговаривать.

— Нѣтъ, не ходи къ ней: зачѣмъ?...., говорила она.

— Я далъ ей слово. Измѣнять своему слову и обманывать — неприлично подобнымъ намъ.

— Развѣ ты не найдешь въ нашей деревнѣ такой, на которой-бы ты женился? и здѣсь найдется охотница пойти за тебя, если ты самъ пожелаешь.

— Если я желаю жениться, то хочу взять такую-же благочестивую и набожную, какъ я самъ, чтобы она мнѣ помогала въ отправленіи богослуженія.

— Ты-бы нашелъ и у насъ такую-же женщину.

— Не являются-ли и у тебя иногда такія-же грѣшныя мысли, какъ у меня и той женщины, что мѣшаютъ чистосердечнымъ молитвамъ?

— Развѣ я не человѣкъ, чтобы не могла мыслить такъ-же, какъ ты и твоя красавица можете мыслить! — сказала она, какъ-бы стыдясь и обижаясь. Я сталъ на эту тему продолжать свою проповѣдь и въ скоромъ времени планъ мой осуществился, т. е. я сочетался съ нею тайно.“—

Разсказчикъ кончилъ тѣмъ, что сказалъ мнѣ, какъ въ томъ году онъ вернулся домой съ хорошею добычею.

Подобныя проказы нашихъ мнимыхъ благочестивыхъ являются часто и въ бо́льшихъ размѣрахъ. Я ограничиваюсь здѣсь однимъ только образчикомъ ихъ похожденій, чтобы не наскучить читателю.

Я говорилъ о притворствахъ мюридовъ нашихъ временъ; теперь разскажу одинъ случай, котораго я самъ былъ очевидцемъ.

Во время шаріата, въ горахъ, въ 1855 году, одинъ человѣкъ, изъ сел. Арчи*), проводилъ всю свою жизнь пастухомъ и никогда не отлучался отъ своихъ барановъ, во всѣ времена года. Находясь постоянно въ удаленіи отъ людей, онъ все вспоминалъ Бога, нараспѣвъ; самъ-же былъ человѣкъ неграмотный. Однажды, когда онъ пасъ своихъ барановъ и вспоминалъ Бога, по своему обыкновенію, — вдругъ съ нимъ сдѣлался *джазмъ* (припадокъ), по вдохновенію Божьему; очнувшись отъ своей безсознательности, онъ бросилъ барановъ и, прибѣжавъ къ себѣ

*) Въ Среднемъ Дагестанѣ, въ Казикумухскомъ округѣ.

домой, заперся у себя, изучилъ коранъ и занялся исключительно богослуженіемъ. Впродолженіе двухъ-лѣтней отшельнической жизни своей, онъ сдѣлался извѣстнымъ вездѣ и имя его быстро распространилось въ народѣ, какъ человѣка святого. Къ нему стекался народъ всякаго состоянія и положенія, со всѣхъ концовъ, и онъ пользовался необыкновенными почестьми и уваженіемъ, какъ первый истинный набожникъ своего времени. Два года продолжалась его тихая, уединенная и ничѣмъ не нарушаемая спокойная жизнь, а потомъ онъ былъ призванъ своимъ шейхомъ на поприще общественной дѣятельности. Онъ получилъ повелѣніе отъ шейха странствовать по деревнямъ и читать проповѣди простому народу, въ особенности женщинамъ. Онъ повиновался шейху противъ собственнаго желанія и сталъ посѣщать разныя деревни. Однажды, явившись въ одинъ изъ хуторовъ сел. Арчи, онъ собралъ, по обыкновенію своему, всѣхъ женщинъ того хутора и читалъ имъ наставленія, потомъ предложилъ имъ раскаяться въ своихъ прошедшихъ грѣхахъ и наконецъ велѣлъ имъ сѣсть кружкомъ и начать *зикръ* (воспоминаніе Бога), на распѣвъ. Женщины, зная, что во время зикра благочестивые люди впадаютъ въ джазмъ, начали показывать, что и онѣ не грѣшницы, а потому тоже могутъ впасть въ джазмъ: однѣ начали плакать, другія прыгать на-подобіе только-что зарѣзанной курицы, третьи плясали, и каждая старалась заявить какое-либо особое доказательство своего джазма.

Всѣ эти странныя движенія, вмѣстѣ съ непстовыми и дикими криками, представляли изъ себя весьма дикую сцену и сборъ какихъ-то особенно-бѣшеныхъ людей. Одна только старуха оставалась неподвижною, съ грустнымъ и озабоченнымъ видомъ. Увѣренная въ томъ, что подруги ея впали въ джазмъ по вдохновенію божества и негрѣховности ихъ плоти, она была въ отчаяніи, что не чувствуетъ въ себѣ ничего особенно-заставляющаго ее подражать своимъ подругамъ, и она начала вызывать свое сердце къ полному раскаянію, говоря: „сердце мое, ну, ну, ну, очищайся отъ грѣховъ, пробудись и повинуйся Господу Богу“! Но всѣ вызовы ея оставались тщетными и безъ успѣха. Увидя такое ослушаніе своего сердца, она ударила себя въ грудь и закричала: „о, засохшее сердце, подожди, пока я вернусь домой, и посмотри, что я съ тобою сдѣлаю!“ Въ это самое время, женщина, находившаяся возлѣ старухи въ полномъ джазмѣ и представлявшая изъ себя зарѣзанную курицу, услышала послѣднія слова

своей сосѣдки и расхохоталась самымъ неприличнымъ образомъ, а за нею и всѣ начали хохотать, передавая другъ другу, что сказала старуха, забывъ при этомъ совершенно о своихъ божественныхъ вдохновеніяхъ. И такимъ образомъ обнаружилось притворство и искусственный джазмъ женщинъ, вслѣдствіе наивнаго поступка огорченной старухи. Тогда наставникъ нашъ, раздосадованный и опечаленный обманомъ своихъ слушательницъ, ушелъ домой.

Другой случай. Однажды, этотъ-же самый отшельникъ прибылъ въ сел. Арчи поклониться своему шейху (послѣдній былъ уроженецъ этого аула). По появленіи этого отшельника, къ нему и къ шейху собралась толпа женщинъ, съ просьбою, прочесть имъ наставленіе. Шейхъ принялъ просьбу женщинъ, приказалъ имъ собраться въ мечеть и велѣлъ своему мюриду исполнить ихъ желаніе. Вечеромъ того-же дня мечеть была полна женщинъ всякаго возраста, и наставникъ, совершивъ вмѣстѣ съ ними вечернюю молитву, предложилъ всѣмъ сперва раскаяться въ своихъ прошлыхъ грѣхахъ, а потомъ началъ зикръ. Нужно замѣтить, что вообще наши женщины снимаютъ свои шаравары при совершеніи молитвы, а потому и на этотъ разъ всѣ ихъ шаравары лежали, вмѣстѣ съ обувью, въ передней. Въ то время, когда женщины были заняты своими молитвами, молодые люди собрались на площади, тайно унесли всѣ эти шаравары и, отрѣзавъ нѣкоторыя части отъ нихъ, перемѣшали ихъ; потомъ, часть бросили на улицу, а часть разбросали въ сѣняхъ мечети, а сами скрылись. Женщины, ничего не подозрѣвая, продолжали распѣвать зикръ и скоро начали впадать въ джазмъ. Въ мечети было темно, и я сидѣлъ, вмѣстѣ съ двумя малолѣтными своими родственницами, вблизи наставника. Представленія были ужасны: казалось, будто вся мечеть была напóлнена какими-то бѣшеными звѣрями, которые ревѣли на разные лады самыми разнообразными неистовыми криками. Къ этому присоединялось еще стуканье ногъ, хлопанье рукъ, и все вмѣстѣ производило въ темнотѣ ужасный гулъ. Такимъ образомъ продолжалось слишкомъ два часа. Наконецъ, когда безобразный шумъ дошелъ до невѣроятныхъ размѣровъ, наставникъ прокричалъ: „женщины, я не позволю вамъ дѣлать такія движенія и кричать въ Божьемъ домѣ такъ неистово,“ а потомъ велѣлъ подать свѣтъ. Когда сальная лампада освѣтила мечеть, то предъ моими глазами открылось страшное зрѣлище: стараясь каждая показать свою на-

божность предъ наставникомъ, женщины начали еще яростнѣе выказывать свои продѣлки: однѣ лежали, содрогаясь всѣмъ тѣломъ, другія кричали ужасно громко, третьи плясали, плакали, прыгали, причемъ у многихъ были совсѣмъ открыты заповѣдныя части ихъ тѣла. Въ это время одна пожилая женщина встала и начала бить ихъ по-одиночкѣ, по лицу и головѣ, приказывая имъ перестать, и наконецъ всѣ умолкли. Наставникъ, увидѣвъ эту отвратительную сцену въ Божьемъ домѣ, заплакалъ и, поклявшись болѣе не участвовать въ такихъ сборищахъ, удалился домой.

Нужно было видѣть, какой безпорядокъ произошелъ послѣ: когда онѣ начали искать своихъ шараваръ и обуви, то увидѣли, что они разбросаны и перемѣшаны,—тутъ начались между ними руготня, драка, шумъ, гамъ. Иныя потеряли своихъ дѣтей и плакали, что еще болѣе усилило безпорядокъ. Подобныя возмутительныя сцены, не смотря на противность ихъ основнымъ правиламъ ислама, можно было видѣть весьма часто и онѣ разыгривались сплошь да рядомъ во времена Шамиля, и не только никто не сопротивлялся ихъ появленію, но даже многіе поощряли ихъ.

Разсказавъ о притворствахъ и самозванствѣ мюридовъ и шейховъ нашего времени, считаю нелишнимъ упомянуть и о томъ, какъ часто случается, что глупые люди сами отъ себя выдумываютъ про этихъ шейховъ разныя чудеса, безъ всякаго повода къ этому отъ самихъ шейховъ. Въ такихъ случаяхъ послѣдніе, самособой, не станутъ опровергать приписываемыхъ имъ безумными людьми признаковъ святости. Напротивъ, они рады глупости народа, которая расширяетъ кругъ ихъ дѣятельности, основанной исключительно на корыстолюбіи.

Разскажу одинъ примѣръ изъ такихъ случаевъ. Однажды, двѣ набожныя женщины, въ Закатальскомъ округѣ, посѣтили, по обыкновенію, одного шейха. Сидя возлѣ него, одна изъ нихъ (которая была помоложе) услышала біеніе карманныхъ часовъ на груди шейха, но хотя и не подозрѣвала существованія часовъ, тѣмъ не менѣе не придала этому особаго значенія. Подруга ея была пожилая особа, слывшая между женщинами своей деревни весьма набожною и сама всегда разсказывавшая о различныхъ чудныхъ своихъ сновидѣніяхъ, внушеніяхъ Божества и тому подобныхъ небылицахъ, стараясь казаться святою. Вдругъ эта святая старуха услышала то-же самое стуканье ча-

совъ и удивилась, не зная что̀ это такое. Послѣ долгаго размышленія, она порѣшила свое недоразумѣніе тѣмъ, что, должно быть, ангелы распѣваютъ молитвы, сидя въ сердцѣ шейха, и пришла въ неописанный восторгъ, что онъ обладаетъ такою великою святостію, какой нельзя полагать ни въ комъ другомъ изъ сыновей Адама. Когда старуха размышляла такимъ образомъ, шейхъ вышелъ изъ комнаты, по своей надобности.

Тогда старуха обратилась къ своей молодой подругѣ съ вопросомъ, не слыхала-ли и она чудеснаго звука изъ груди шейха, какого не услышишь отъ другихъ шейховъ въ наше время?

— Да, слышала. Что̀ же это такое въ самомъ дѣлѣ?—спросила та съ любопытствомъ.

— Это—приближенные къ Богу ангелы, воспѣвающіе хвалу Ему въ сердцѣ нашего шейха,—сказала старуха.

Та не могла и думать, чтобы можно было въ этомъ сомнѣваться и не повѣрить старшей, многознающей подругѣ своей. Извѣстіе объ этомъ распространилось между женщинами аула, и онѣ передавали другъ дружкѣ, какою мнимый шейхъ обладаетъ неслыханною святостію, что даже сами ангелы являются къ нему на поклонъ. Шейхъ былъ, само-собой, доволенъ, потому что этимъ увеличилось его значеніе въ глазахъ суевѣрныхъ жителей.

Подобныя нелѣпости не рѣдкость, и шейхи нашего времени больше выигрываютъ отъ нихъ, чѣмъ отъ своихъ умышленныхъ подлостей.

ИЧКЕРІЯ.

Историческо-топографическій очеркъ.

Ичкеріею называется часть горнстаго пространства Терской области между округами—съ С. Чеченскимъ, съ В. Нагорнымъ, съ Ю. Андійскимъ (Дагестанской области), съ ЮЗ. и З. Аргунскимъ. Естественныя границы Ичкеріи составляютъ: съ С. плоскость Чечни (здѣсь считается границею хребетъ Малхъ-Басса, идущій перпендикулярно къ Хулхулаускому ущелью), съ В. рѣка Аксай, съ Ю. Андійскій хребетъ, съ З. хребетъ горъ, составляющій лѣвую сторону Бассовскаго ущелья, и гора Пешхой-ламъ, подходящая къ р. Шаро-Аргуну.

Ичкерія покрыта горами довольно значительной высоты, поросшими большею частію весьма густымъ лѣсомъ. Съ юга на сѣверъ по ней протекаютъ рѣки: Бассъ, Хулхулау, Гудермесъ и Аксай. Послѣдній составляетъ границу съ Нагорнымъ округомъ. Между притоками, какъ болѣе значительный по величинѣ, слѣдуетъ назвать Аржинъ-ахкъ (чорная балка), впадающій въ Хулхулау съ лѣвой стороны. Его начало—балка Мушпинъ-чу, въ горѣ Бехпинъ-ламъ, въ Чаберлоѣ, Аргунскаго округа.

Всѣ эти рѣки—съ каменистымъ русломъ и имѣютъ характеръ горныхъ потоковъ: мелки, но чрезвычайно быстры; во время-же сильныхъ дождей опасны для переправы.

Пространство Ичкеріи не опредѣлено, но площадь ея можно полагать приблизительно до 1000 квадр. верстъ, заселенныхъ 40 аулами, въ которыхъ, по камеральному описанію 1868 года, считается за 12 т. душъ обоего пола, раздѣленныхъ на два наибства (участка): Веденское и Даргинское.

Наибство Веденское.

(12 ауловъ).

Наибство это заселяютъ *восемь* фамилій (*тайпанышъ*), именно: Харачоевская, Дишни-Веденская, Эрсеноевская, Эхишбатоевская, Гуноевская, Элистанджинская, Чермоевская и Чаберлоевская. Правомъ превосходства изъ нихъ, по древности рода и правдивости убѣжденій (съ точки зрѣнія ичкеринцевъ, конечно), пользуются элистанджинцы, дишни-веденцы и эрсеноевцы. Аулы:

1) *Харачой* и *Ца-Ведень*—оба фамиліи Харачоевской. Они расположены по теченію р. Хулхулау: первый—при входѣ въ Харачоевское ущелье, а второй—въ ущельи Хулхулаускомъ. Рѣка Хулхулау, по быстрому паденію своему и, слѣдовательно, шуму, хулъ-хулъ-хулъ-хулъ, производящемуся водой при неровности фарватера ея, получила настоящее свое названіе отъ мѣстныхъ обывателей. Ее составляютъ три рукава, берущіе начало—одинъ въ Андійскомъ ущельи, другой въ Харачоевскомъ, а третій вытекаетъ изъ ущелья, образовавшагося двумя горами, называемыми Чермой-ламъ.

Основаніемъ аула Харачой, какъ гласитъ преданіе ичкеринцевъ, послужилъ слѣдующій случай. Два брата, *Элсанъ*—старшій, и *Дишни* — младшій, во времена незапамятныя, были первыми выходцами въ Ичкерію, по лѣвую сторону рѣки Гудермеса, изъ аула Нашахэ, Аргунскаго округа; они поселились—первый у подошвы горы, при полянѣ, получившей впослѣдствіи названіе свое отъ собственнаго имени обывателя на ней, Элсана *); второй — на Вэдэна **). Имѣя семейства, братья жили покойно и искренно любя другъ друга. Въ одинъ изъ приходовъ Дишни къ Элсану, они условились поохотиться и съ этой цѣлью, взявши оружіе, отправились въ лѣсъ. Идя по дорогѣ, братья увидѣли недалеко въ сторонѣ отъ нея кадушку (*выдолбленный чинаръ, кадушка—хара*), подойдя къ которой, Дишни замѣтилъ въ срединѣ ея (*середина—чу*) что-то похожее на живое существо. Всматриваясь ближе, они узнали въ существѣ томъ ребенка мужескаго пола, закутаннаго

---

*) Элсанъ-чу, измѣненное потомъ въ Элистанджи. На этомъ мѣстѣ былъ аулъ Элистанджи, но въ 1865 г., по распоряженію начальства, онъ перенесенъ въ Надтеречное наибство Чеченскаго округа, какъ безпокойный по образу мыслей.

**) Вэдэна—равнина.

въ весьма бѣдное одѣяніе. Разсуждая о томъ, что остается имъ дѣлать съ находкою, Элсанъ первый подалъ мысль не въ пользу ребенка: онъ рѣшилъ убить его, приходя къ тому заключенію, что это подкидышъ, слѣдовательно незаконнорожденный; оставить его живымъ значитъ взять пятно позора какъ на себя, такъ и на все послѣдующее свое поколѣніе. «Родъ нашъ чистъ и составляетъ фамильную нашу гордость», заключилъ Элсанъ и уже былъ близокъ къ исполненію своего намѣренія; но Дишни остановилъ его. Онъ началъ просить брата пощадить ребенка и попеченіе о немъ предоставить ему, такъ какъ у него нѣтъ дѣтей и этотъ подкидышъ замѣнитъ ему сына. За такой образъ мыслей Дишни, Элсанъ остался недоволенъ, но, любя его, согласился съ нимъ. Охота не состоялась и братья воротились домой— Элсанъ нахмуреннымъ, а Дишни веселымъ, съ пошею въ полѣ черкески. Прійдя въ саклю, Дишни передалъ подкидыша своей женѣ и поручилъ ей уходъ за нимъ, назвавъ его именемъ *Хара-чу*, т. е. найденнымъ *въ срединѣ кадушки* *). Хара-чу, обязанный спасеніемъ собственной жизни Дишни, жилъ въ домѣ его лѣтъ до 20-ти, съ полною покорностію сына; но, зная свое происхожденіе, тяготился имъ. Элсанъ не упускалъ случая упрекать брата, даже въ присутствіи подкидыша, въ расположеніи его къ человѣку чуждому, а тѣмъ болѣе къ человѣку, происхожденіе котораго было темно. Тогда Дишни, видя непріязнь брата къ Хара-чу, длившуюся такое долгое время, рѣшился наконецъ удалить пріемыша изъ своего дома. Вмѣстѣ съ нимъ онъ отправился вверхъ по теченію р. Хулхулау и, дойдя до ущелья, называемаго нынѣ Харачоевскимъ, указалъ Хара-чу лощину, образовавшуюся оконечностями горъ—отрога Андійскихъ, Чермой-ламъ и Гизгинъ-ламъ,—мѣсто, на которомъ обитаетъ аулъ Харачой въ настоящее время. Хара-чу, по преданію ичкерипцевъ, былъ первымъ человѣкомъ фамиліи Харачоевской, иначе—незаконнорожденной. Дѣйствительно, «харачоевецъ» служитъ бранью «не-харачоевцу» и теперь.

Одинъ изъ археологическихъ памятниковъ древнихъ обитателей въ Ичкеріи—это каменная башня, расположенная отъ аула Харачоя въ $^1/_2$ верстѣ, вправо отъ дороги, при входѣ въ Харачоевское ущелье. Построившій эту башню, какъ говорятъ сами харачоевцы, былъ нѣкто Бики, харачоевецъ. Сколько лѣтъ тому

*) Имена у ичкерипцевъ даются произвольно и въ настоящее время.

назадъ она построена, между ними не сохранилось даже легендарнаго сказанія; но о томъ, въ силу какихъ обстоятельствъ предпринята постройка эта, я буду говорить ниже. Въ хронологическомъ-же порядкѣ, по словамъ ичкеринцевъ, башня построена послѣ Хара-чу, родоначальника Харачоевской фамиліи.

Нѣсколько словъ о башнѣ, въ архитектурномъ ея отношеніи. Она имѣетъ въ основаніи 20-ти аршинный правильный четыреугольникъ; кверху она съуживается, имѣя видъ какъ-бы пирамиды, оканчиваясь зубцами; самая шапка ея разрушена, нужно думать, рукою времени. Ширина стѣнъ 1 аршинъ. Входъ въ башню, полуразрушенный, ведетъ съ юго-западной стороны; внутренность ея имѣла два отдѣленія—верхнее и нижнее; отъ бывшихъ деревянныхъ перекладинъ и пола не осталось и слѣда. Верхній этажъ испещренъ бойницами: съ каждой стороны по одному отверстію, на подобіе небольшихъ оконъ (въ одномъ изъ которыхъ сохранился до настоящаго времени камень, плотно пригнанный, въ видѣ ставни, извнутри); надъ каждымъ отверстіемъ, въ неправильномъ расположеніи, дугообразно, я насчиталъ съ одной стороны болѣе 30 бойницъ, въ величину менѣе кулака каждая. Вышина башни аршинъ 20. Верхній этажъ ея съ наружной стороны отъ времени и сырости поросъ мхомъ. Башня поставлена на курганѣ, составляющемъ протяженіе горы Цієнъ-бердъ (красный обрывъ). Крутые обрывы кургана этого съ трехъ сторонъ имѣютъ вышину саженей по 15-ти.

Такой истинно-гигантскій трудъ не есть трудъ Бики, пришедшаго, по мнѣнію харачоевцевъ, въ Ичкерію первымъ и съ небольшою семьею. Переселеніе сюда Бики въ позднѣйшее время доказывается и тѣмъ, что вокругъ башни, немного ниже, замѣтны въ трехъ мѣстахъ и теперь слѣды бывшихъ каменныхъ построекъ, уже разрушившихся, за исключеніемъ стѣнъ въ землѣ. Можно съ нѣкоторою достовѣрностію предположить, что постройки эти, судя по формѣ камней и способу кладки, были воздвигнуты если не раньше, то одновременно съ башнею; но, находясь въ худшемъ условіи, онѣ разрушены дождевыми потоками; башня-же стоитъ на возвышеніи и, исключая дождя и всепоглощающаго времени, другихъ разрушающихъ вліяній не испытывала. Вообще, харачоевцы, какъ и каждая чеченская фамилія, не имѣя никогда сословныхъ подраздѣленій, силятся доказывать знатность и древность происхожденія собственнаго рода. Это общая слабость между чеченцами и ичкеринцами, конечно, извинительная.

Харачоевская фамилія, слушая разсказы о себѣ своихъ сосѣдей, не придаетъ имъ никакого вѣроятія. Происхожденіе свое она объясняетъ такъ. Когда-то давно, изъ аула Нашахэ (откуда вышли Элсанъ и Дишни) пришелъ съ семействомъ къ Харачоевскому ущелью Бики; впослѣдствіи онъ сталъ очень богатымъ человѣкомъ и имѣлъ много скота, пастбу котораго на горахъ стѣснили тогда андійцы, изъ аула Зило (Дагестанской области), такъ какъ горы тѣ, принадлежавшія аварскимъ ханамъ, были безъ исключенія уступлены имъ владѣльцами за опредѣленный ясакъ *). Зилоевцы угнали скотъ Бики, что не обходилось безъ кровопролитія **). Кровь требовала крови (съ точки зрѣнія горцевъ), почему Бики, въ видахъ самосохраненія и дорожа жизнію своихъ работниковъ, предпринялъ постройку башни, примѣнивъ ее къ оборонительнымъ цѣлямъ.

Однако, мѣра эта хотя и успокоила Бики, но случаи убійства, бывавшіе уже рѣже, все-таки не переставали повторяться. Тогда владѣтель башни, подъ вліяніемъ мирныхъ побужденій, прибѣгъ къ другому средству. Онъ рѣшился войти въ переговоры съ андійцами по поводу опредѣленія на горахъ границы, съ обязательствомъ уплаты ясака ханамъ при посредствѣ зилоевцевъ, и тѣмъ совершенно покончить всякое между ними недоразумѣніе. Предложеніе было принято, но какъ привести его въ исполненіе безъ обиды для Бики и зилоевцевъ?—вопросъ, бывшій долго перѣшеннымъ. Наконецъ Бики, слывшій грамотнымъ (по-арабски) и умнымъ человѣкомъ, первый подалъ мысль порѣшить его скачкою: два верховыхъ—одинъ харачоевецъ, а другой зилоевецъ,—должны были скакать на Андійскія горы, каждый отъ границы своего аула, и тамъ, гдѣ они встрѣтятся, провести межу пастбищъ, андійскихъ — къ аулу Зило, а харачоевскихъ—къ башнѣ Бики. Верховые условились во времени и пустили лошадей насколько хватало силъ; встрѣча ихъ произошла на горѣ, около озера Чархи-амъ, служащаго и теперь лѣтнимъ водопоемъ для табуновъ.

Съ окончаніемъ споровъ, стоившихъ нерѣдко крови, Бики, прійдя въ положеніе мирнаго гражданина, имѣлъ возможность развить свое хозяйство; слава о немъ и его богатствѣ

---

*) Подать.

**) По разсказамъ харачоевцевъ, Бики, имѣя скотъ, имѣлъ и пастуховъ достаточное количество.

быстро разнеслась по окрестнымъ обитаемымъ мѣстамъ и наконецъ достигла до аварскихъ хановъ — владѣтелей горъ. Одинъ изъ нихъ, заинтересованный богатствомъ Бики, соединеннымъ (по сказанію ичкерицевъ) нестолько съ личными физическими достоинствами, сколько съ нравственными качествами богача, пожелалъ войти съ нимъ въ родственныя отношенія. Съ этою цѣлью онъ беретъ свою дочь, рабу (дѣвушку), принадлежавшую дочери, и отправляется съ ними къ Бики.

Вѣсть о намѣреніи хана дошла и до Харачоя. Къ вечеру одного прекраснаго дня, поѣздъ, спустившись съ горы, остановился, не доѣзжая башни, шагахъ въ 200 *). Бики въ эту пору не было дома и потому хану пришлось нѣкоторое время ожидать должнаго пріема. Семейство хозяина башни посѣщеніемъ хана было озадачено и совершенно растерялось, не зная, какъ встрѣтить такого великаго гостя. Ханъ, волнуясь нетерпѣніемъ принять почетъ скорѣе, самъ устроилъ свой ходъ въ башню: онъ потребовалъ ковровъ и канаусу; приказавъ разостлать первые отъ башни до мѣста, гдѣ остановился, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился покрыть ихъ вторымъ — канаусомъ, и по такой пышной дорогѣ повелъ свою дочь. Въ то время, когда ханъ съ дочерью вошелъ въ башню, явился Бики, изумленный такою сценою. Онъ, будучи небольшаго роста, весьма некрасивый собою и чрезвычайно бѣдно одѣтый, прижался въ углу башни и смотрѣлъ на все удивленными глазами, не вѣря въ дѣйствительность. Наконецъ ханъ, обратившись къ Бики и не подозрѣвая въ немъ богача, спросилъ: «а гдѣ-же хозяинъ? позови его!» — «Хозяинъ здѣсь я, — что тебѣ угодно?» — «Ты? мнѣ нужно Бики, я его хочу видѣть.» — «Я самый Бики и есть.» Ханъ посмотрѣлъ на него изъ подлобья и, вспыливъ, сказалъ: «я предполагалъ встрѣтить въ тебѣ красиваго, статнаго мужчину и всѣ тѣ наружныя достоинства, которыя могли-бы соотвѣтствовать твоему богатству, а ты скорѣе похожъ на пастуха, чѣмъ на человѣка богатаго и съ тою славою, которою пользуешься. Я хотѣлъ имѣть тебя своимъ зятемъ, но, вижу, ты недостоинъ моей дочери; взамѣнъ ея, я оставляю тебѣ караваншъ (холопку); она болѣе, чѣмъ ханша, будетъ нужна тебѣ при уходѣ за скотомъ, въ которомъ заключаютсятвоя твоя сила.» Окончивъ рѣчь эту, возмутившую душу Бики, ханъ вышелъ изъ башни съ дочерью и уѣхалъ съ нею обратно.

---

*) Мѣсто это мнѣ показывали.

Какая послѣдовала участь холопку дочери хана—неизвѣстно; но харачоевцы не допускаютъ, чтобы Бики могъ быть когда-либо ея мужемъ. — «Однако, такая маленькая непріятность—продолжаютъ харачоевцы—не мѣшала большимъ выгодамъ Бики»: онъ по-прежнему оставался съ правомъ на пастбища, конечно, платя ясакъ. Послѣ рѣшенія спора съ зилоевцами, Бики написалъ на камнѣ время скачки и объяснилъ мѣсто, разграничивающее пастбу,—озеро Чархи-амъ; камень тотъ онъ положилъ въ одну изъ стѣнъ своей башни, надъ дверями, гдѣ онъ и хранился даже въ первое время имамства Шамиля, не смотря на то, что Бики давно уже не существовалъ и что личныхъ правъ на башню никто не имѣлъ. Во время Шамиля, между харачоевцами и андійцами споръ за пастбища, рѣшенный Бики, возникъ снова. Андійцы, съ тѣмъ вмѣстѣ какъ Шамиль провозгласилъ себя имамомъ и перерѣзалъ ханскихъ потомковъ, отвергали какую-бы то ни было границу на тѣхъ горахъ, присвоивая ихъ себѣ; харачоевцы доказывали принадлежность горъ аварскимъ ханамъ, получавшимъ за нихъ ясакъ, и указывали на камень, надпись на которомъ обозначала границу пастбищъ тѣхъ и другихъ. Шамиль, желая убѣдиться въ дѣлѣ, уже разъ рѣшенномъ, потребовалъ отъ харачоевцевъ доставить ему тотъ камень; но андійцы, имѣя въ виду споръ за горы, предварительно вынули камень изъ стѣны и разбили его въ дребезги. «Съ тѣхъ поръ—заключаютъ харачоевцы—лишившись такого доказательства на право иска, мы потеряли не мало».

2) *Ца-Ведень*, правильнѣе *Тце-Вэдэна—огненная равнина*; чеченцы-же называютъ Ахки-чу-юртъ, т. е. аулъ въ балкѣ. Аулъ этотъ, заселенный Харачоевскою фамиліею со времени покоренія края (въ 1858 году), былъ прежде занятъ исключительно выходцами изъ аула Цудахаръ (въ Сѣверномъ Дагестанѣ), пришедшими сюда разновременно до покоренія Ичкеріи года за три, по недостатку земли на прежнемъ мѣстѣ ихъ жительства. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ къ бывшей резиденціи имама—Ведень, цудахарцы большею частію возвратились обратно. Во все-же предшествовавшее время тамъ не было поселенія. Однако, преданіе харачоевцевъ говоритъ иначе: на мѣстѣ Тце-Вэдэна когда-то стояла башня, по постройкѣ современная башнѣ вблизи аула Харачоя. Въ башнѣ той жилъ одинъ чаберлоевецъ, по имени Дугули, извѣстный за человѣка грубаго, нелюдимаго и жестокосердаго: онъ былъ съ наклонностями дикаго звѣря и встрѣча съ

нимъ, по какому-бы то ни было случаю, служила неминуемымъ предвѣстникомъ смерти для встрѣтившагося. Дугули былъ силенъ, храбръ и всегда остороженъ, не довѣрялся никому и совершенно незнакомъ былъ съ общественною жизнію. Живя въ башнѣ, построенной близь дороги, имѣвшей и тогда сообщеніе съ плоскостію, онъ высматривалъ какъ конныхъ, такъ и пѣшеходовъ; выстрѣлами изъ амбразуръ онъ убивалъ путника, съ единственною цѣлью грабежа, и, удовлетворивъ затѣмъ своимъ корыстнымъ побужденіямъ, возвращался въ башню. Рѣдкій человѣкъ, спасаемый однимъ Провидѣніемъ, проходилъ благополучно мимо башни Дугули, внушавшаго образомъ своей жизни повсемѣстный страхъ. Такое поведеніе Дугули продолжалось до его смерти, послѣ которой въ башнѣ найдено много богатства, принадлежавшаго несчастнымъ, бывшимъ жертвами *огня* злодѣя.

Слѣдовъ башни, бывшей по преданію на мѣстѣ Ца-Веденскаго аула, не сохранилось.

3) *Дишни-Ведень*, или Дишни-Вэдэна, расположенъ по теченію р. Хулхулау, между аулами Ца-Ведень и Харачоемъ. Исторія Элистанджи и Дишни-Ведень тѣсно связана съ исторіею Харачоевской фамиліи, которую я объяснилъ выше.

Вблизи аула этого есть гора *Гамеръ-дукъ*, иначе — *песчаная гора*: по-чеченски *гамеръ*, отъ слова *гумъ—песокъ*, *дукко—продольная возвышенность*. О мѣстности этой народъ не имѣетъ никакихъ преданій. Кромѣ Гамеръ-дукка, аулу принадлежитъ гора Гизгинъ-ламъ, на которой жители пользуются покосами.

Нынѣшніе элистанджинцы считаютъ себя въ 11-мъ поколѣніи, производя свой родъ отъ Элсана. Нисходящая линія идетъ въ такомъ порядкѣ: Элсанъ имѣлъ сына Мовка, Мовка—Уока, Уока—Урузбія, Урузбій—Эрсимирзу, Эрсимирза—Иссу, Исса—Муссу, Мусса—Бетыша, Бетышъ—Даа, Даа—Саада, а этотъ—Есу, еще и въ настоящее время живаго старика.

4) *Эрсеной*. Аулъ этотъ расположенъ на Эрсеноевской горѣ, спускъ по которой ведетъ къ р. Гудермесу, по-чеченски *Гумсъ*, по-кумыкски *Гуйдуръ-месъ*, что значитъ въ переводѣ: *месъ—не*, *гуйдуръ—жжетъ*, т. е. *не жжетъ*. Начало свое Гудермесъ беретъ въ балкѣ между горами Тупри и Гизгинъ-ламъ (въ Ичкеріи), выходя оттуда большимъ истокомъ. Резервуаръ истока этого имѣетъ въ діаметрѣ аршина $1^1/_2$ и бьетъ вверхъ болѣе аршина, безпрестанно клокоча, на подобіе кипящей воды. Отсюда: хотя и кипитъ, но *не жгуча*.

Названіе аула Эрсеной, или Эрсени (измѣненное уже впо-

слѣдствіи) производится отъ двухъ кумыкскихъ словъ: *яръ*—крутая, обрывистая возвышенность и *сене*—слово, имѣющее тоже самое значеніе, что у насъ, русскихъ,—*сѣни*. Итакъ, *яръ-сене*—значитъ гора, служащая какъ-бы сѣнями при входѣ въ цѣлое зданіе, мѣстность. Слѣдующее обстоятельство подтверждаетъ такое объясненіе.

Эрсеноевская фамилія въ преданіяхъ своихъ сохранила весьма интересный разсказъ, хотя, къ сожалѣнію, въ немъ также замѣчается сказочный элементъ. Эрсеноевцы возводятъ свой родъ до Кулаба — жителя города Шамъ (въ Турціи); изъ Турціи Кулабъ переселился въ Бухару, съ сыномъ своимъ Кусаемъ, который впослѣдствіи, уворовавъ невѣсту бухарца Ахмата, бѣжалъ съ нею въ аулъ Нашахэ; здѣсь онъ встрѣтилъ стараго своего друга, Мааша, и поселился подъ его покровительствомъ, какъ человѣка вліятельнаго и всѣми уважаемаго (откуда выходецъ Маашъ—преданіе не говоритъ). Все время живя съ Маашемъ въ дружбѣ, Кусай предложилъ ему войти въ родственныя отношенія, имѣя въ виду разрѣшеніе отъ беременности женъ своей и его. Маашъ изъявилъ на это предложеніе полную готовность и они заключили такое условіе: если у обоихъ ихъ родятся два сына — пусть они будутъ братьями, если двѣ дочери—сестрами, а если у одного сынъ, а у другого дочь—женить одного на другой. Наконецъ родители отпраздновали рожденіе: Кусай—сына Мулку, а Маашъ—дочери Яга, и условіе свое скрѣпили клятвой. Спустя года два послѣ побѣга Кусая изъ Бухары, Ахматъ, честь котораго была оскорблена похищеніемъ у него невѣсты, искалъ Кусая, съ цѣлью отомстить ему за обиду; побывавши во многихъ мѣстахъ, обиженный приходитъ наконецъ въ Нашахэ и узнаетъ тайно, что Кусай здѣсь и что онъ пользуется покровительствомъ сильнаго человѣка. Ахматъ, не принимая явныхъ противъ Кусая враждебныхъ намѣреній, убилъ его, воспользовавшись удобнымъ для этого случаемъ, послѣ чего возвратился въ Бухару.

Мать Мулку, Хузейматъ, послѣ смерти мужа, пожелала возвратиться на родину, къ братьямъ своимъ, жившимъ въ Бухарѣ; она беретъ сына и уходитъ. Мулку, по силѣ и терпѣнью, былъ необыкновенный ребенокъ, что онъ показалъ еще въ Нашахэ: онъ твердо ходилъ, имѣя отъ роду нѣсколько мѣсяцевъ; бралъ огонь и жогъ имъ себя, не чувствуя никакой боли, какъ-бы говоря въ назиданіе старикамъ: «терпѣнье все превозмогаетъ.» Живя въ Бухарѣ до совершеннолѣтія (15 лѣтъ), Мулку, не имѣя

ни правилъ чести, ни уваженія къ старшимъ, велъ себя въ высшей степени дурно и тѣмъ заслужилъ общее нерасположеніе. Старики-бухарцы, видя въ мальчикѣ совершенную испорченность, совѣщаются между собою, что имъ нужно сдѣлать для того, чтобы избавиться отъ Мулку, котораго многіе стали уже побаиваться, какъ человѣка съ дурными наклонностями и весьма сильнаго физически. Они рѣшили: «жизнь для Мулку у насъ тѣсна, поищемъ ему простора въ свободной сторонѣ.» Поговоривъ сообща и пріискавъ мѣсто, нѣсколько стариковъ идутъ къ Мулку, уговариваютъ его и вмѣстѣ съ нимъ и его матерью отправляются въ путь. Какой дорогой они шли—неизвѣстно; но только послѣ долгаго пути они приходятъ въ Ичкерію, на *Эртень-кортъ* (*тупая возвышенность*), невдалекѣ отъ нынѣшняго аула Эрсеноя. Обозрѣвъ съ возвышенности этой мѣстность, старики спустились ниже и у одного родника указали Мулку мѣсто, назвавъ его *Яръ-сене*. Посовѣтовавъ Мулку поселиться съ матерью на указанномъ ими мѣстѣ, бухарцы возвратились сами обратно. Новый пришелецъ въ Ичкерію устроилъ близь родника каменную саклю и поселился въ ней навсегда. Устроившись какъ должно, мать Мулку предлагаетъ сыну жениться и съ этою цѣлью посылаетъ его въ Нашхэ къ Маашу, дочь котораго предназначалась ему въ жены. Мулку идетъ, является къ Маашу, который припоминаетъ его и его отца, Кусая, отдаетъ Мулку свою дочь и, проводивъ ихъ въ Яръ-сене, самъ остается въ прежнемъ своемъ аулѣ.

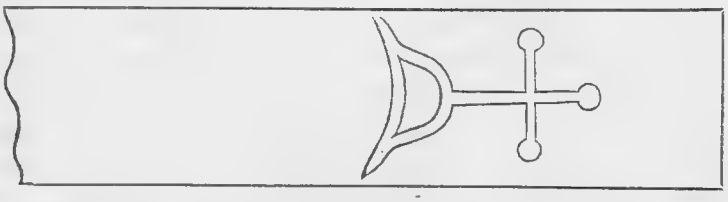
Развалины сакли Мулку указываются и теперь эрсеноевцами; указывая на нихъ, они говорятъ: *мулкунъ-метыкъ — мѣсто Мулку*.

Нисходящая линія отъ Мулку идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: онъ имѣлъ сына Устара, Устаръ—Яшургана, Яшурганъ—Болата, Болатъ—Буртага, Буртагъ—Ажава, Ажавъ — Хасата, Хасатъ — Дырши, а этотъ—Чамагу, Уци и Пари *). Отъ Чамаги родился сынъ Цогалъ, отъ Цогала—Гаймерды, отъ Гаймерды — Гаммирза, отъ Гаммирзы — Гаракишъ, отъ Гаракиша — Хамза, отъ Хамзы—Айдемиръ, отъ Айдемира — Мячи, а отъ этого послѣдняго Албаетъ и Чополау, живущіе и нынѣ въ аулѣ Эрсеной, какъ представители своей фамиліи: оба они уже старики. Итакъ, аулъ Эрсеной готовится смѣнить 17 поколѣніе.

---

*) Потомки Уци и Пари, Эрсеноевской фамиліи, заселяютъ аулы: Шали, Мескеръ-Юртъ и Мартанъ, Чеченскаго округа.

Въ восьмомъ поколѣніи (Дырши), явился въ Эрсеной шейхъ Бэрсанъ, внося съ собой ученіе Ислама. Ученіе это, по преданію эрсеноевцевъ, плохо прививалось къ нимъ; какой же вѣры предки ихъ были до того—они не знаютъ, хотя и не отвергаютъ въ нихъ христіанскаго исповѣданія. Этотъ, хотя и слабый намекъ на бывшее въ Ичкеріи христіанское населеніе, быть можетъ, извращенное въ религіозныхъ своихъ вѣрованіяхъ вслѣдствіе постояннаго притока болѣе сильнаго народа — не-христіанъ, искавшаго свободы и привольной жизни, доказывается могильными памятниками, нерѣдко находимыми въ прежнее время въ окрестностяхъ Эрсеноя. Одинъ изъ такихъ памятниковъ, съ крестомъ, имѣется у меня: онъ представляетъ надмогильный камень, по положенію креста надломленный снизу; длина его въ настоящемъ видѣ—5 четвертей 1 вершокъ, ширина стороны, на которой высѣченъ крестъ желобкомъ—6 вершковъ, сторона боковая—7 вершковъ, длина креста—2 четверти 1 вершокъ, длина поперечной черты—3½ вершка. Самая форма креста:



Нѣсколько словъ о шейхѣ Бэрсанѣ. Ичкеринцы говорятъ, что онъ выходецъ изъ Казп-Кумуха (въ Среднемъ Дагестанѣ). Будучи пропагандистомъ ученія Магомеда, Бэрсанъ былъ человѣкомъ строгихъ правилъ и искренно вѣровалъ въ слова корана. Явившись въ Ичкерію, онъ прежде всего поселился въ аулѣ Курчали, откуда, какъ говоритъ преданіе, не мечемъ, а сильнымъ словомъ и точными предсказаніями будущихъ событій, проводилъ мусульманство въ окрестные аулы.

Эрсеноевская фамилія считаетъ, что со времени поселенія въ Ичкеріи Мулку прошло болѣе 1000 лѣтъ.

5) *Эхишбатой*. *Эхишъ*—собственное имя человѣка, основателя этого аула. Слово *батой*, не имѣя перевода, означаетъ множественное число,—*батоевцы*, въ смыслѣ фамильныхъ потомковъ, какъ напримѣръ: эхишъ-батоевцы,—что примѣняется и къ каждой другой фамиліи.

Эхишбатоевскій аулъ расположенъ по откосу горы того-же названія, между рр. Гудермесъ и Хулхулау. Жители его довольно

ствуются родниковою водою, протекающею въ изобиліи въ самомъ аулѣ.

Говоря о фамиліи Эхищбатоевской, нельзя опять не упомянуть и объ эрсеноевцахъ. «Въ то время когда Мулку, сынъ убитаго Ахматомъ Кусая, — говоритъ преданіе—переселился съ матерью въ Бухару, Маашъ оставался въ аулѣ Нашахэ, имѣя, кромѣ дочери Ягп, еще двухъ сыновей: Эхина и Галгаша *). Первый вышелъ въ Ичкерію и поселился на мѣстѣ, гдѣ расположенъ нынѣ аулъ; второй-же основалъ свое жительство между рр. Ассою и Фортангою (въ Ингушевскомъ округѣ)».

6) *Гуни.* Основателемъ аула этого, по преданію гуноевцевъ, былъ нѣкто *Гундалъ*, вышедшій изъ аула Нашахэ. Гуни расположенъ по склону небольшой горы, при р. Гудермесѣ. Водою-же жители довольствуются изъ родниковъ, вытекающихъ въ самомъ аулѣ.

Существуетъ мнѣніе, что гуноевцы, бывши христіанами, приняли мусульманство изъ числа послѣднихъ обитателей Ичкеріи. Мнѣніе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія, что гуноевская фамилія и въ настоящее время считаетъ себя родственниками гребенскихъ казаковъ (Червленная станица), и наоборотъ—казаки эти не лишены родственныхъ чувствъ къ гуноевцамъ, что выражается перепискою между ними и предложеніемъ со стороны казаковъ матеріальныхъ пособій, въ случаяхъ крайности ихъ собратовъ. Сами-же гуноевцы объ отношеніяхъ своихъ къ казакамъ разсказываютъ такъ: «Были-ли мы когда-нибудь христіанами или нѣтъ—не знаемъ, но знаемъ, что мусульманство мы приняли отъ шейха Бэрсана, сына женщины изъ нашего аула, вышедшей замужъ за курчалинца, жившаго въ аулѣ Курчали (въ Ичкеріи). Считая родоначальникомъ своимъ Гундала, поселившагося въ Ичкеріи, мы впослѣдствіи размножились, и терпя недостатокъ въ землѣ, нѣкоторые изъ нашего аула перешли въ Чечню и основали аулъ Алды (Бугунъ-юртъ). Живя въ этомъ аулѣ, два молодые человѣка нашей фамиліи поссорились между собою, вслѣдствіе чего былъ жертвою одинъ; убійца, избѣгая мщенія родственниковъ убитаго за кровь, бѣжалъ въ Червленную станицу, гдѣ и поселился между казаками. Это было назадъ тому

*) Не онъ-ли родоначальникъ галгаевской фамиліи? Потомками Галгаша считаютъ себя карабулаки и назрановцы, въ Ингушевскомъ округѣ.

лѣтъ 100. Бѣжавшій, изъ чувства самосохраненія, не имѣя желанія возвращаться на родину, принялъ христіанство и, женившись на русской женщинѣ, имѣлъ отъ нея семь сыновей, которые, считая уже мѣстомъ родины названную станицу, основали въ ней свою осѣдлость навсегда, всосавъ съ молокомъ матери привычки, образъ жизни и убѣжденія гребенцовъ».

Гуноевцы добавляютъ, что цифру потомковъ отъ однофамильца ихъ, бѣжавшаго изъ Алды, въ настоящее время можно полагать на половину числа казаковъ, живущихъ въ Червленной.

О шейхѣ Бэрсанѣ преданіе гуноевцевъ говоритъ слѣдующее. Бэрсанъ, родившійся въ аулѣ Курчали, былъ родственникомъ гуноевцамъ по матери. Живя въ домѣ родныхъ до совершеннолѣтія, Бэрсанъ, будучи ловкимъ молодымъ человѣкомъ, впослѣдствіи отправился въ Казн-Кумухъ (въ Дагестанѣ), съ цѣлью выучиться грамотѣ по-арабски; чрезъ короткое время, оказавъ большіе успѣхи, онъ воротился домой и жилъ, не отличаясь особенно ничѣмъ. Наконецъ, настало время женитьбы Бэрсана. Засватавъ дѣвушку въ своемъ-же аулѣ и ожидая дня, назначеннаго для свадьбы, Бэрсанъ часто бывалъ у своей невѣсты и въ одинъ вечеръ, возвратившись уже домой и улегшись спать, онъ, поздно, ночью, съ большою тревогою, былъ разбуженъ будущею своею тещею, съ упрекомъ: «ты все спишь и не знаешь, что на нашъ аулъ напали тавлинцы (аварцы); ступай защищай, иначе мы всѣ погибнемъ!» Бэрсанъ такимъ упрекомъ, тѣмъ болѣе со стороны женщины, былъ очень сконфуженъ и поклялся тутъ-же или умереть въ битвѣ, или, какъ трофей, принести голову предводителя партіи.

Аварцы, опустошивъ часть аула, уже отступали обратно, когда Бэрсанъ догналъ главу партіи и выстрѣломъ нанесъ ему смертельную рану. Раненый, падая съ лошади, сказалъ: «Бэрсанъ, я шейхъ Гада; истинно слѣдуя закону пророка Магомеда, я училъ народъ идти путемъ правымъ; умирая отъ руки твоей, я именемъ Аллаха завѣщаю тебѣ силу моего слова и ученіе пайхомара *): обращай народъ въ мусульманство и прійми его прежде самъ». Сказавъ послѣднія слова, Гада умеръ. Бэрсанъ возвратился домой печальнымъ отъ перваго впечатлѣнія случившагося, но вскорѣ принялъ мусульманство и началъ пропо-

*) Пайхомаръ—пророкъ.

вѣдывать ученіе Магомеда. Первый аулъ въ Ичкеріи, обратившійся къ исламизму, былъ Курчали—родина Бэрсана; затѣмъ мало-по-малу стали слѣдовать ученію этому и другіе окрестные аулы, въ которыхъ новый шейхъ началъ учить народъ, бывшій до того, какъ и самъ Бэрсанъ, *безъ вѣры, безъ закона.*

7) *Хаттуни.* Аулъ этотъ фамиліи Элистанджинской; онъ образовался назадъ тому около 40 лѣтъ, что помнятъ еще многіе старики—хаттунинцы. Исторію Хаттунскаго аула разсказываютъ такъ. Одинъ элистанджинецъ, изъ аула Элистанджи *), нуждаясь въ пахатномъ мѣстѣ, отправился съ цѣлью поискать свободной поляны; вблизи онъ не нашелъ ея и поэтому ему пришлось удалиться отъ аула верстъ за семь, по направленію къ СЗ. Проходя мѣстность густымъ лѣсомъ, онъ замѣтилъ невдалекѣ отъ себя опушку орѣшника, мысленно рѣшивъ уже вырубить его и расчищенное мѣсто пріобрѣсти въ свою пользу; но, подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что грунтомъ орѣшника было *болото, грязь — хаттъ* **). Сообразивъ, что усилія его въ этомъ мѣстѣ останутся напрасными, элистанджинецъ пошелъ дальше по теченію ручейка, который выходилъ изъ болота, и, пройдя еще версты три, дошелъ до мѣста, жизнь на которомъ обѣщала полное приволье. Безъ особенно-усиленнаго труда онъ расчистилъ мѣстность подъ посѣвъ и занялъ ее; но такъ какъ уходъ за посѣвомъ требовалъ прохода отъ дома къ занятому мѣсту и обратно верстъ 20, то онъ рѣшился поселиться тамъ навсегда. Впослѣдствіи онъ взялъ свое семейство и водворился съ нимъ на вновь пріобрѣтенномъ мѣстѣ. Конечно, переселеніе элистанджинца изъ аула не было секретомъ ни для кого изъ жителей, его одноаульцевъ, и потому многіе послѣдовали примѣру переселившагося.

Признательные пришельцы, совершенно довольные жизнію на новомъ мѣстѣ и обязанные открытіемъ его болоту, назвали свое поселеніе *Хатт-туной* ***).

Ручеекъ, вытекающій изъ болота на разстояніи, какъ я сказалъ, верстъ 3-хъ до аула, принимаетъ въ себя нѣсколько родниковъ, образуя такимъ образомъ массу здоровой воды, совершенно достаточную и для хаттунинцевъ, и для ихъ скота.

8) *Таузень*—Элистанджинской фамиліи; онъ основанъ раньше

---

*) Жители аула Элистанджи, какъ я сказалъ выше, въ 1865 году переселены въ Чеченскій округъ.

**) Хаттъ—чеченское слово.

***) Туной тоже самое что и батой. (См. исторію аула Эхишбатой).

(въ 1820 году) Хаттуни и былъ расположенъ на Тавзанъ-Эрзау, т. е. на расчищенномъ отъ лѣса мѣстѣ, элистанджинцемъ, по имени *Тавзанъ*.

Тавзанъ—переселенецъ изъ аула Элистанджи — расчистилъ себѣ поляну на мѣстѣ, не представлявшемъ большихъ удобствъ къ заселенію его нѣсколькими семействами: на мѣстѣ томъ было устроено двѣ-три сакли и тѣмъ ограничивалось все тавзанское поселеніе. Съ покореніемъ-же края, обитателямъ хутора было указано другое мѣсто, на западъ отъ Хаттуни верстахъ въ 2-хъ, при р. Бассѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ цѣлый аулъ.

9) *Махкеты*—Чермоевской фамиліи, при р. Бассѣ, отдѣляющей его отъ аула Таузень. Махкетинскій аулъ расположенъ на полянѣ, при Бассовскомъ ущельи; поляна эта имѣетъ уровень возвышенія болѣе значительный, чѣмъ мѣстность Таузень и другія окрестныя поляны. Названіе Махкеты производится отъ двухъ чеченскихъ словъ: *мохкъ—земля* и *тээ—выше*.

Исторію своего происхожденія махкетинцы, хотя и съ трудомъ, облекаютъ въ слѣдующій разсказъ. Очень давно, житель изъ Чаберлоя (Аргунскаго округа), по имени Чарми, вольноотпущенный холопъ, пришелъ поохотиться въ окрестностяхъ аула Харачоя; онъ былъ очень хорошій стрѣлокъ и убилъ массара (тура); время клонилось уже къ вечеру, и такъ какъ идти куда-бы то ни было на ночлегъ было поздно, охотникъ остался переночевать на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ имъ туръ. Разведя костеръ (это было въ лѣсу), Чарми приготовилъ для себя шашлыкъ и, удовлетворивъ голодъ, улегся спать вблизи огня, предварительно повѣсивъ подъ рукою ружье на палкѣ, забитой имъ въ землю. Проснувшись по-утру и собираясь идти домой, Чарми замѣтилъ, что на ружьѣ его свито гнѣздо ласточкою; онъ принялъ чудо это за хорошее предзнаменованіе и рѣшилъ, что мѣсто, на которомъ онъ ночевалъ, обѣщаетъ счастливую жизнь. Онъ пришелъ домой, сообщилъ о видѣнномъ случаѣ женѣ и, недолго думая, переселился съ нею на мѣсто, обѣщавшее много хорошаго *).

Аулъ Чермой на мѣстѣ поселенія Чарми стоялъ до появленія въ Ичкеріи Шамиля. Когда-же власть имама пріобрѣла харак-

*) Ичкеринецъ считаетъ за хорошій признакъ, если ласточка вьетъ гнѣздо въ его саклѣ.

теръ деспотизма, Чермоевскій аулъ былъ переселенъ имъ на настоящее мѣсто и названъ Мохкъ-тээ. Переселеніе это Шамиль сдѣлалъ въ тѣхъ видахъ, чтобы гору Чермой-ламъ, бывшую до того во владѣніи чермоевцевъ, взять подъ покосы и пастбу «казенныхъ» и собственыхъ лошадей, такъ какъ аулъ Ведень (бывшая резиденція имама), отдѣляясь только балкою, былъ расположенъ у подножія той горы.

Развалины бывшаго аула Чермой видны и въ настоящее время.

Рѣка Бассъ получила названіе свое отъ Бааса—основателя аула Бассынъ-берды, въ Чечнѣ, бывшаго при входѣ въ Бассовское ущелье, но въ 1859 г. разселеннаго по другимъ ауламъ.

10) *Зазарганъ*—Чермоевской фамиліи. Поселеніе это образовалось, по преданію старожиловъ, лѣтъ за 150 до основанія укр. Грознаго (1818 г.),—слѣдовательно, аулу этому 200 лѣтъ. Зазарганъ получилъ свое названіе отъ мѣстности, усыпанной когда-то цвѣтами—*дзедзгишъ*, впослѣдствіи *Дзадзарганъ*, а въ настоящее время *Зазарганъ*. Аулъ этотъ пользуется водою изъ родниковъ.

11) *Агашты*—расположенъ въ Бассовскомъ ущельи, при р. Бассѣ. Мѣстность, на которой онъ стоитъ, назадъ тому лѣтъ 50 была чрезвычайно лѣсиста, что и послужило поводомъ назвать это маленькое тогда поселеніе *Агачты—дрова*, куда народъ пріѣзжалъ для рубки дровъ. *Агачъ* слово кумыкское, измѣненное впослѣдствіи чеченцами.

Агашты заселяетъ Чаберлоевская фамилія—пришельцы изъ горъ Аргунскаго округа.

12) *Зиверхи*—Чаберлоевской фамиліи. Жители его—выходцы изъ аула Ригахой, Аргунскаго округа. *Дзиверха*—имя человѣка, поселившагося на мѣстѣ этомъ кутаномъ, для пастбы баранты; временемъ къ нему присоединялись другіе, вслѣдствіе чего образовался небольшой аулъ, на западномъ склонѣ горы, близь границы съ Аргунскимъ округомъ. Водою жители довольствуются изъ родниковъ. Аулъ существуетъ, по преданію зиверхинцевъ, болѣе ста лѣтъ.

Наибство Даргинское.

(28 ауловъ).

Коренныхъ обитателей наибства этого составляютъ *десять* фамилій: Цонтароевская, Эйты-калинская, Эпо-калинская, Ялхой-мохковская, Ширды-мохковская, Курчалинская, Белгатоевская, Гордалинская, Шуанинская и Аллероевская. Изъ нихъ Цонтароевская считаетъ себя древнѣе другихъ. Аулы:

1) *Цонтари*—выходцы изъ аула Нашахэ. Первый изъ нихъ, имя котораго было *Сунтаръ*, основалъ Цонтароевскій аулъ лѣтъ 700 тому-назадъ. Цонтари расположенъ при притокѣ р. Аксая, на горѣ, по сосѣдству къ которой, на югъ, находится гора Кеттешъ-Кортъ. Гора эта, по преданію ичкеринцевъ, служила сборнымъ пунктомъ людей отъ всѣхъ обществъ, для установленія адата—обычая, вызваннаго стремленіемъ первыхъ здѣшнихъ обитателей къ соціальной жизни.

2) *Тезинъ-кале*—Цонтароевской фамиліи, при р. Гудермесѣ. Аулъ этотъ основанъ, лѣтъ 500 назадъ, переселенцемъ изъ Цонтари, *Тези*; *кале*, т. е. *кэлли—хуторъ*. Нынѣ хуторъ называется—*котаръ*.

3) *Тезинъ-чу. Тези*—выходецъ изъ Кабарды, поселился при р. Гудермесѣ, въ глубинѣ балки, т. е. въ серединѣ ея. *Середина—чу*. Аулъ этотъ принялъ Цонтароевскую фамилію по тому обстоятельству, что Тези, прибывъ въ Ичкерію, просилъ покровительства себѣ у Сунтара, пользовавшагося большимъ уваженіемъ. Слѣдовательно, аулъ Тезинъ-чу современенъ аулу Цонтари.

4) *Нажи*—Цонтароевской фамиліи. Нѣсколько человѣкъ изъ аула Цонтари, назадъ-тому лѣтъ 50, пришли къ р. Гудермесу, на мѣсто, которое было заросшее дубнякомъ, вырубили его и основали аулъ. *Дубъ—нажъ*.

5) *Эйты-кале*—расположенъ при р. Гудермесѣ. *Эйты*—имя человѣка, основавшаго хуторъ лѣтъ 600 тому назадъ и вышедшаго въ Ичкерію изъ аула Нашахэ. *Кэлли*, на языкѣ прежнихъ обитателей Ичкеріи, означаетъ—*хуторъ*.

6) *Ачаришки*—Эйты-калинской фамиліи. Аулъ этотъ, лежащій при р. Гудермесѣ, заселяютъ выходцы изъ аула Эйты-кале. Ачаришки — мѣсто солончаковъ; прежде оно называлось *Ача-*

рышъ—сырое соленое мѣсто. Въ настоящее время, на языкѣ ичкеринцевъ: соленый—*дюринъ*.

7) *Эно-кале*—при р. Гудермесѣ. *Эно*—выходецъ изъ Нашахэ, основавшій здѣсь хуторъ лѣтъ 600 тому-назадъ. *Кэлли*—хуторъ.

8) *Куренбей*—Эно-калинской фамиліи, расположенъ при р. Гудермесѣ. Основавшіе аулъ этотъ, лѣтъ 40 назадъ, не болѣе,—переселенцы изъ Эно-кале. Разыскивая мѣсто для устройства новаго удобнаго поселенія, одинъ изъ энокалинцевъ пашелъ въ лѣсу поляну, представлявшую всѣ требуемыя условія къ образованію небольшаго поселка. Нѣсколько человѣкъ поселились здѣсь и дали настоящее названіе новому аулу потому, что поляна, на которой они поселились, была въ лѣсу, занятомъ семействами ястребовъ. *Ястребъ—кюри*; *бенъ—гнѣздо*.

9) *Ялхой-мохкъ*—при притокѣ р. Гудермеса. Люди, основавшіе аулъ этотъ, лѣтъ 500 назадъ тому,—выходцы изъ аула Нашахэ. Они были чрезвычайно бѣдны, имѣя единственное средство къ существованію—заработокъ; ихъ услугами пользовались болѣе зажиточные землевладѣльцы. *Ялхой—работникъ*; *мохкъ—земля*.

10) *Ширды-мохкъ*—при притокѣ р. Гудермеса. *Ширды*—имя человѣка, вышедшаго изъ Нашахэ лѣтъ 500 тому-назадъ. Онъ поселился на свободной *землѣ—мохкъ*, основавъ такимъ образомъ хуторъ, который впослѣдствіи получилъ названіе аула.

11) *Курчали* (верхній).—Два брата, вышедшіе изъ Нашахэ, сначала поселились въ Чаберлоѣ, Аргунскаго округа; потомъ, лѣтъ 600 назадъ, они вышли въ Ичкерію, пришли въ аулъ Цонтари и, явясь къ Вису Тенаеву, просили покровительства его, какъ человѣка сильнаго по положенію въ обществѣ. Вису принялъ ихъ и указалъ имъ мѣсто, гдѣ нынѣ, при притокѣ р. Гудермеса, расположенъ цѣлый аулъ.

Братья, пользовавшіеся покровительствомъ Вису, имѣли красавицу сестру, Чилли, дѣвушку весьма гордую и разборчивую въ женихахъ: она многимъ отказывала, не находя человѣка, который могъ-бы ей понравиться. Молодежь, возвращаясь отъ красавицы, всегда отвѣчала на вопросъ: гдѣ вы были?—у *кур Чилли*. *Кур—гордый*; *Чилли*—собственное имя.

12) *Курчали* (средній)—при притокѣ р. Гудермеса; названіе притока *Кайчи-хи—бѣлая вода*

13) *Курчали* (нижній)—при притокѣ рѣки Гудермеса. Оба аула эти Курчалинской фамиліи. Съ приращеніемъ народонаселенія, они разселились изъ верхняго Курчали. Нижній Курчали—родина

шейха Бэрсана *); здѣсь-же и могила его, весьма чтимая народомъ.

14) *Белгатой*—водою пользуется изъ родниковъ, впадающихъ въ р. Аксай. Мѣсто, гдѣ нынѣ аулъ, было свободнымъ и удобнымъ мѣстомъ для работъ. Идя туда на работы изъ окрестныхъ ауловъ, жители разныхъ фамилій, извѣщая другъ друга о времени сбора, всегда кричали: *белхи говай*—идемъ на работу! *Белхи—работа*; *говай—идемъ*. Аулъ Белхи-говай получилъ настоящее свое названіе—Белгатой—уже впослѣдствіи.

Белгатоевская фамилія ведетъ свой родъ отъ Персыка, который имѣлъ сына Сусика, Сусикъ—Сослана, Сосланъ — Сулима, Сулимъ—Хоура, перваго выходца въ Ичкерію изъ аула Нашахэ; Хоуръ—Хасая, основавшаго аулъ Белгатой. Сынъ Хасая—Арсанъ 1, Арсана—Бугаловъ 1, Бугалова—Арсанъ 2, Арсана—Бугаловъ 2, Бугалова—Сатлакъ, Сатлака—Сеты, Сеты—Бугаловъ 3, Бугалова—Арсанъ 3, Арсана—Асанчи, Асанчи—Хасанъ, Хасана—Арсамбекъ, Арсамбека—Белакай, Белакая—Бешиль (умершій 140 а лѣтъ), Бешиля—Чабай, Чабая—Ыха, Ыхи—Автурханъ, который, живя въ настоящее время, имѣетъ трехъ женъ, приживъ съ ними 17 дѣтей. Слѣдовательно, послѣ Хоура, аулъ Белгатой готовится смѣнить 17-е поколѣніе.

Близь аула этого есть два кургана: *Стелла* и *Ерда*; курганамъ этимъ, какъ говорятъ белгатоевцы, народъ когда-то поклонялся.

15) *Дарго*, или *Дарга вэдэна*—Белгатоевской фамиліи—при р. Аксаѣ. Переселенцы изъ аула Белгатоя, занявъ *поляну*, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, назвали аулъ свой *Дарга*, отъ кумыкскаго слова: *дара—ущелье*. Аулъ этотъ основанъ лѣтъ 70 тому-назадъ.

16) *Ахкинъ-барзъ*—Белгатоевской фамиліи—при р. Гудермесѣ.

Преданіе, по поводу основанія этого аула, говоритъ слѣдующее: три белгатоевца, Хунка, Ирпеханъ и Шами, мѣсто съ курганомъ, гдѣ нынѣ аулъ, купили за 300 монетъ у маюртуповцевъ, Чеченскаго округа, такъ какъ оно принадлежало когда-то этимъ послѣднимъ. Поводомъ къ покупкѣ этой былъ слухъ, что въ курганѣ томъ (*курганъ—барзъ*) зарыто богатство, которымъ хотѣли воспользоваться купившіе его; но курганъ былъ пскопанъ (*копать—ахка*, *ископанъ—ахкины*) еще маюртуповцами. Новые

*) См. преданіе аула Эрсеной.

хозяева, хотя и принялись за ту-же работу, но кромѣ четокъ, конскихъ удилъ и т. п. мелкихъ вещей, ничего не нашли. Тѣмъ не мѣнѣе, пріобрѣтя курганъ покупкою, они поселились близь него, назвавъ свой поселокъ, а впослѣдствіи аулъ: *Ахинъ-барзъ — ископанный курганъ*. На курганъ этотъ указываютъ и теперь.

17) *Гордали*—при р. Аксаѣ. Основавшій аулъ этотъ былъ нѣкто *Гордалъ*, вышедшій въ Ичкерію изъ Нашахэ, лѣтъ 500 тому-назадъ.

18) *Хашки-мохкъ*—Гордалинской фамиліи—при р. Гудермесѣ. Назадъ-тому лѣтъ 50, нѣсколько человѣкъ переселились изъ аула Гордали на землю, заросшую садами алычи и, вырубивъ деревья, образовали тамъ поселеніе, названное *харсинъ хачишъ—алычовое*. Впослѣдствіи названіе это измѣнено въ *хашки*; *мохкъ — земля*.

19) *Шуани* (большіе)—при притокѣ р. Гудермеса. Основавшій аулъ этотъ, лѣтъ 500 тому-назадъ, былъ нѣкто *Шуанъ*, выходецъ изъ аула Нашахэ.

20) *Шуани* (малые)—Шуанинской фамиліи—при притокѣ р. Аксая. На мѣстности, гдѣ нынѣ аулъ, лѣтъ 50 тому-назадъ, поселился житель Большихъ Шуани, Магоматъ, образовавъ поселокъ изъ бѣглыхъ и плѣнныхъ казаковъ и солдатъ. Послѣдніе (плѣнные) попадались къ Магомату, какъ человѣку, дѣлавшему часто набѣги съ небольшими партіями товарищей въ окрестности нашихъ поселеній; первые-же (бѣглые), преимущественно солдаты, зная Магомата по слухамъ за добраго и гостепріимнаго человѣка, шли къ нему сами, въ полной увѣренности найти у него пріютъ и защиту—и никогда не ошибались. Магоматъ, подъ именемъ шуанинскаго, далеко извѣстенъ въ горахъ. Онъ живъ еще и теперь; старикъ—весьма бодрый.

21) *Аллерой*—при р. Аксаѣ. Вышедшій изъ аула Нашахэ въ Ичкерію, нѣкто *Аллеришъ*, основалъ этотъ аулъ лѣтъ 600 тому, назадъ.

22) *Мескеты*—Аллероевской фамиліи—при р. Аксаѣ. Переселенцы изъ Аллероя основали настоящій аулъ лѣтъ 200 тому-назадъ.

Поводомъ къ названію *Мескеты* послужило слѣдующее обстоятельство. На мѣстѣ, гдѣ нынѣ аулъ, былъ большой лѣсъ, въ которомъ весьма много водилось дикихъ козъ и оленей. Жители аула Аллероя ходили туда на охоту—какъ за жизненнымъ

продуктомъ, такъ и за ремнями, которые тамъ-же, на мѣстѣ, они выдѣлывали изъ кожъ убитыхъ звѣрей, для обуви и другихъ потребностей. Способъ очистки кожи отъ шерсти и ненужныхъ частей состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ столбъ, пробиваютъ въ немъ насквозь дыру, въ которую, порѣзавъ предварительно на ремни, протягиваютъ кожу отъ конца и до конца; съ одной стороны дыры, при наружной части отверстія, придѣланъ роговой клинъ или другое орудіе, ребромъ котораго при движеніи кожи счищается шерсть. Послѣ этого кожа провяливается. Затѣмъ берется ремень и рѣжется на чрезвычайно-тонкіе ремешки, называемые нитками — *тай*, для шитья обуви, сѣделъ, уздечекъ и т. п. Для ровной, правильной порѣзки кожи на нитки, прибѣгаютъ къ такому средству: тонкая плоская палочка (толщиною менѣе пальца, длиною вершковъ 6—7), зазубренная по серединѣ такъ, что ремень, упираясь одною стороною въ зазубрину, а съ другой въ лезвіе остраго ножа, протягивается во всю длину, оставляя между зазубриной и ножомъ нитку произвольной толщины. Ремень и отдѣляющаяся отъ него нитка тянутся вмѣстѣ однимъ человѣкомъ, тогда какъ другой даетъ направленіе и извѣстную толщину требующемуся ремешку. Работа эта производится всегда съ помощью другаго.

Приготовленные такимъ образомъ, для выдѣлки кожъ и ремешковъ, *столбъ* и *палочка*, называются ичкерицами—*мескетъ*. Въ лѣсу, гдѣ нынѣ аулъ, такихъ столбовъ и палочекъ было чрезвычайно много, — вслѣдствіе чего первые, поселившіеся здѣсь люди, назвали мѣсто своего жительства: *мескетъ метыкъ*. *Метыкъ—мѣсто*.

(Оленья кожа, по прочности своей, цѣнится ичкерицами выше козлиной, хотя эта послѣдняя въ отдѣлкѣ можетъ быть гораздо тоньше).

23) *Сугунты*—Аллероевской фамиліи—при р. Аксаѣ. Жители Сугунты — переселенцы изъ аула Мескеты, поселившіеся тутъ лѣтъ 60 тому-назадъ. До образованія еще Сугунты, былъ одинъ мескетинецъ *Сеги*, который, для болѣе удобнаго переѣзда жителей чрезъ балку, гдѣ нынѣ аулъ этотъ, построилъ мостъ — *ттай*. Впослѣдствіи, нѣсколько мескетинцевъ поселились близъ моста этого, назвавъ поселокъ свой: *Сегинъ-ттай — мостъ Сеги*. Названіе это измѣнено потомъ временемъ въ Сугунты.

24) *Замай-котаръ*—на правомъ берегу р. Аксая. *Зама*, переселенецъ изъ аула Мескеты, поселился на настоящемъ мѣстѣ *ху-*

тромъ, для болѣе удобнаго хозяйства. Переселеніе это было назадъ-тому лѣтъ 40.

25) *Исай-юртъ*—Аллероевской фамиліи—при притокѣ р. Аксая. *Исай*—выходецъ изъ Аллероя; *юртъ*—*аулъ*. Аулъ этотъ основанъ Исаемъ лѣтъ 80 назадъ.

26) *Турту-котаръ*—Аллероевской фамиліи—при притокѣ р. Аксая. *Турту* — изъ Аллероя, на настоящемъ мѣстѣ жительства устроилъ *котаръ*—*хуторъ*, лѣтъ 30 назадъ, и поселился въ немъ, пася баранту. Со временемъ, къ Турту, живому еще старику, присоединились другіе и образовался аулъ, удержавъ за собою названіе хутора.

27) *Давлетбій-котаръ*—Аллероевской фамиліи—при р. Гудермесѣ. *Давлетбій*—переселенецъ изъ Аллероя, лѣтъ 30 тому-назадъ, поселился *хуторомъ* на настоящемъ мѣстѣ расположенія аула, пася баранту.

28) *Шамхалъ-берды*—Аллероевской фамиліи—при р. Аксаѣ. *Шамхалъ* (какой—неизвѣстно), много времени назадъ, пріѣзжалъ въ аулъ Аллерой съ заявленіемъ аллероевцамъ пріязненныхъ своихъ отношеній. Народъ, довольный такимъ вниманіемъ и зная напередъ о времени пріѣзда шамхала, встрѣтилъ его на берегу Аксая, съ полнымъ угощеніемъ, по туземному обычаю. *Крутой берегъ*, *круча*—*бердъ*.

На мѣстѣ нынѣшняго Шамхалъ-берды основали аулъ, лѣтъ 50 тому-назадъ, переселенцы изъ Аллероя.

Восемнадцать человѣкъ выходцевъ, по преданію ичкеринцевъ, изъ аула Нашахэ, основали въ Ичкеріи всѣ названные аулы, болѣе или менѣе въ разное время. Память о первыхъ поселенцахъ здѣсь не умретъ въ народѣ, такъ какъ имена ихъ перешли въ потомство въ видѣ фамилій, которыя ичкеринцы носятъ. Но откуда родоначальники эти пришли въ Нашахэ? — вопросъ, въ Ичкеріи не разрѣшимый, хотя тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ историческій интересъ.

Годы, на которые указываютъ ичкеринцы, какъ на время основанія ауловъ, мало заслуживаютъ вѣроятія; но, устраняя недостатокъ этотъ, за отсутствіемъ письменныхъ документовъ, въ

этихъ годахъ, однако, можно видѣть порядокъ разселенія здѣсь людей впослѣдствіи, когда народъ, размножаясь, занималъ новыя мѣста. Такъ, судя по времени основанія ауловъ, ичкеринцы имѣли движеніе отъ Аргунскаго къ Кумыкскому округу; переселеніе-же изъ Ичкеріи въ позднѣйшее время, по случаю недостатка земли, было направлено къ Чечнѣ.

Ив. Поповъ.

Октябрь 1869 г.
Упр. Ведень.

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

ИЗЪ ЧЕЧЕНСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

Нѣсколько словъ о герояхъ въ ингушевскихъ сказаніяхъ.

Во всѣхъ ингушевскихъ сказкахъ и пѣсняхъ героями являются нярты (нарты) и орхустойцы, съ противоположными характерами. Первыхъ изображаютъ какъ людей въ высшей степени добрыхъ и нравственныхъ, а потому неудивительно, что слово нярть сдѣлалось между ингушами нарицательнымъ именемъ. Ингушъ, желая выразить посильнѣе похвалу кому-либо, говоритъ такъ: „нярть вохъ санна ва из“, то есть: онъ молодецъ какъ нярть, онъ добръ какъ нярть.

Преданіе гласитъ, что въ былое время, когда жили нярты, земля была дотого благодатна, что если сжать ее въ кулакъ, то изъ нея вытекала капля масла, если сварить одно ребро быка, то можно было накормить цѣлое войско; однимъ словомъ, во всемъ проявлялась благодать Божья.

Въ памяти народа нярты являются рыцарями, защитниками слабыхъ, и вотъ почему они ведутъ безпрерывную борьбу съ орхустойцами, являющимися въ народныхъ сказаніяхъ, какъ люди злые, коварные, завистливые. Орхустойцы необыкновенно сильны и всегда въ сказкахъ являются жаждущими борьбы съ кѣмъ-бы то ни было, безъ всякаго повода со стороны вынужденнаго къ борьбѣ соперника.

Во всѣхъ предпріятіяхъ орхустойцевъ, вожакомъ и совѣтникомъ ихъ является Ботоко Ширтга, —миѳическое лицо, обладающее особеннымъ сверхъестественнымъ свойствомъ—отправляться на тотъ свѣтъ и возвращаться обратно, когда ему вздумается. Не смотря на то, что онъ не принадлежалъ ни къ нярамъ, ни

къ орхустойцамъ, онъ всегда былъ на сторонѣ послѣднихъ и выручалъ ихъ въ случаѣ критическаго положенія; орхустойцы-же, какъ-бы въ благодарность ему, оскорбляютъ его остротами, иногда даже смотрятъ на него съ презрѣніемъ. Особенно этимъ отличается Соска-Солса, выдающійся изъ ряда своихъ соплеменниковъ-орхустойцевъ своею необыкновенной богатырской силой и прославленный различными побѣдами.

По какому-то странному обстоятельству, мѣстомъ дѣйствій, какъ орхустойцевъ, такъ и нартовъ, служитъ Галгаевское ущелье *), между тѣмъ постоянное жительство этихъ героевъ, какъ увѣряетъ народное сказаніе, есть Осетія, именно Санаби. Въ Галгаѣ много памятниковъ, свидѣтельствующихъ о Соскѣ-Солсѣ. Такъ, существуетъ повѣрье между жителями Галгаевскаго общества, что когда однажды Солса проѣзжалъ мимо аула Накиста и попросилъ у жителей напиться воды, то получилъ отказъ. Тогда конь его, какъ-бы по приказанію своего хозяина, ударилъ копытомъ въ землю и изъ подъ него хлынула вода и образовался колодезь, который до-сихъ-поръ носитъ названіе Солса. За отказъ и вмѣстѣ съ тѣмъ за оскорбленіе, Солса проклялъ жителей аула Накиста, которые съ-тѣхъ-поръ по настоящее время, какъ увѣряетъ народное преданіе, отличаются отъ другихъ ингушъ своимъ тупоуміемъ **).

Число нартовъ, какъ въ сказкахъ, такъ и въ пѣсняхъ, не опредѣлено, но орхустойцевъ считается 60 человѣкъ и всѣ они одного происхожденія.

Нарты вѣрили въ Бога и поклонялись Ему; орхустойцы хотя вѣрили въ Него, но всегда вели борьбу съ Нимъ. Въ наказаніе за это, Богъ постоянно противодѣйствовалъ ихъ желаніямъ и предпріятіямъ.

Если бывало орхустойцы посѣютъ хлѣбъ, то на пашнѣ ихъ выростала одна чистая трава; если орхустойцы варили себѣ мясо дичи (они старались питаться однимъ мясомъ послѣ неудачъ въ по-

*) Галгаевское ущелье находится въ Ингушевскомъ округѣ, въ Горскомъ участкѣ; въ этомъ ущельѣ протекаетъ рѣка Асса.

**) Жители аула Накиста въ самомъ дѣлѣ имѣютъ самыя ограниченныя умственныя способности.

сѣвѣ хлѣба), то оно въ самомъ котлѣ превращалось въ вонючій трупъ. Тогда они, видя, что борьба ихъ неравносильна, рѣшились на отчаянную смерть: они расплавили красную мѣдь и выпили ее. Такъ отравились орхустойцы, изъ которыхъ послѣднимъ испустилъ духъ Соска-Солса. Народная легенда говоритъ, что у Солсы предъ смертью появилась страшная жажда, и, когда въ предсмертной агоніи онъ увидѣлъ ворону, летѣвшую мимо него, то онъ обратился къ ней съ просьбою принести ему воды. „А я думала,—говоритъ ему ворона,—что ты уже умеръ и прилетѣла поклевать твой вкусный глазъ“. Солса проклинаетъ ворону и обѣщаетъ дать бокалъ напитка тому, кто убьетъ ее *). Проходитъ мимо него волкъ; онъ обращается и къ нему съ такою-же просьбою. Волкъ говоритъ ему, что онъ пришелъ не помогать, а поѣсть его внутренность, думая, что онъ испустилъ духъ. Солса и его тоже проклинаетъ и обѣщаетъ дать три бокала напитка тому, кто убьетъ его. Пролетаетъ затѣмъ мимо него голубь, онъ обращается и къ нему съ своею просьбою. Голубь приноситъ ему въ красныхъ чевякахъ воды—и Солса, утоливши жажду, умираетъ, поблагодаривъ голубя и погладивъ его по шейкѣ. Оттого-то, будто-бы, какъ говорятъ ингуши, у голубя шея золотистая и кричитъ-то онъ такъ: „кокъ солсанъ кокъ“, т. е. голубь, солсана голубь **).

Такъ изображаетъ ингушевская миѳологія конецъ существованія орхустойцевъ, играющихъ главную роль во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ ингушъ.

Что касается до ныртовъ, то они, послѣ погибели орхустойцевъ, долго существовали, и многіе ингуши производятъ свои фамиліи отъ нихъ. Одинъ старикъ увѣрялъ меня, что родъ его происходитъ отъ ныртовъ и насчиталъ мнѣ 20 колѣнъ.

Чтобы яснѣе составить себѣ понятіе о характерѣ орхустойцевъ, дѣйствующихъ во всѣхъ ингушевскихъ сказкахъ и пѣсняхъ,

---

*) Давать бокалъ какого-либо напитка—у горцевъ значитъ благодарить.

**) Если послушать, когда кричитъ лѣсной голубь, то кажется, что онъ произноситъ по-ингушски свое собственное имя и слово «Солсана».

я переведу одну сказку, или лучше сказать—легенду, болѣе популярную между горцами, а именно—о Колой-Кантѣ *).

Жили три брата и самый младшій изъ нихъ былъ Колой-Кантъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ ничего не работалъ и только укрѣплялъ свои тѣлесныя силы. Семь лѣтъ такъ прожилъ онъ на счетъ старшихъ двухъ братьевъ. Когда онъ почувствовалъ въ себѣ значительныя силы, тогда взялся за работу. Онъ имѣлъ особенную страсть къ овцамъ и потому сдѣлался пастухомъ. Въ это время у всѣхъ братьевъ было всего 20 овецъ и между ними былъ одинъ козелъ, говорившій по-человѣчески и прозывавшійся по имени своего хозяина, т. е. Колой-Кантъ. Когда Колой-Кантъ въ первый разъ отправился пасти своихъ овецъ, то заблудилъ и перешелъ черезъ нѣсколько горъ. Двѣнадцать лѣтъ не было о немъ въ домѣ ни духа, ни слуха; впродолженіи этого времени у Колой-Канта увеличилось овецъ настолько, что ихъ нельзя было сосчитать, и если обозрѣвать пространство, которое было занимаемо ими во время пасьбы, то невозможно было видѣть конца стада.

Всѣхъ овецъ Колой-Кантъ загонялъ въ огромную пещеру, имѣвшую входъ на-подобіе воротъ; вмѣсто дверей, онъ приставлялъ плоскій камень, который могли передвигать только 60 человѣкъ; онъ-же самъ одной рукой ставилъ его.

Соска-Солса, съ 60 орхустойцами, желалъ отправиться отыскивать добычу; но прежде онъ заѣхалъ, какъ и передъ прочими предпріятіями, къ Ботоко-Ширтга посовѣтоваться, куда отправиться ему за добычею. «Я укажу тебѣ на Колой-Канта: онъ имѣетъ баранту безъ счета, но я впередъ предупреждаю, что ты не сладишь съ нимъ; онъ черезчуръ силенъ»,—сказалъ Ботоко-Ширтга.

—«Что ты говоришь, Ширтга **), что ты стыдишь меня предъ орхустойцами? неужели я, Солса, который по силѣ, отвагѣ, хитрости не находилъ до-сихъ-поръ себѣ соперника,—не могу побѣ-

---

*) Колой—это названіе аула, который въ настоящее время находится въ Галгаевскомъ ущельѣ, а Кантъ значитъ по-ингушски и вообще по-чеченски: герой, молодецъ, юноша.

**) Ласочка. Здѣсь каламбуръ.

дить пастуха?» Онъ отправился съ своими товарищами къ Колой-Канту, съ намѣреніемъ угнать у него баранту. Когда подошли къ пещерѣ, гдѣ находился Колой-Кантъ, то они общей силой отодвинули плоскій камень, стоявшій при входѣ въ нее. Какъ только они вошли туда, къ нимъ направился козелъ, который говорилъ по-человѣчески, и сталъ драться съ ними: «Что ты дѣлаешь, Колой, развѣ не видишь, что они гости?», сказалъ Колой-Кантъ, который только что проснулся, и сталъ отгонять козла, но въ это время шестьдесятъ орхустойцевъ кинулись на него со всѣхъ сторонъ и самъ Соска-Солса бросился на него. Колой-Кантъ размахнулъ свои плечи и ударилъ всѣхъ орхустойцевъ объ стѣну пещеры, а Солсѣ далъ пощечину, такую, что тотъ закружился, какъ кубарь. Еле еле они ушли отъ Колой-Канта живыми.

Солса, пришедши къ Ботоко-Ширтга, сознался передъ нимъ, что существуетъ одинъ человѣкъ въ мірѣ сильнѣе его,—это Колой-Кантъ: «но я или онъ долженъ умереть—добавилъ Солса—намъ вмѣстѣ нельзя жить въ одно и тоже время!» Солса просилъ Ботоко-Ширтга, чтобы тотъ нашелъ средство уменьшить какъ-нибудь силу Колой-Канта, или научилъ-бы, какъ побѣдить его.

«Я нахожу одно средство», сказалъ Ботоко Ширтга: «это—вовлечь Колой-Канта въ любовную связь съ какой-нибудь женщиной, и если онъ проживетъ недѣли двѣ въ близкихъ отношеніяхъ съ женщиной, то потеряетъ свою прежнюю тѣлесную силу. Поэтому, если хочешь побѣдить своего соперника—Колой-Канта,—подошли къ нему свою сестру; пусть она постарается завязать съ нимъ связь. Чрезъ двѣ недѣли ты отправишься съ прочими орхустойцами къ Колой-Канту и вы смѣло можете связать его и угнать всю его баранту». Солса такъ и сдѣлалъ. Онъ подослалъ свою сестру къ Колой-Канту. Колой-Кантъ принялъ ее, и ночью для незнакомой гостьи зарѣзалъ барана.

Поужинавши, они легли спать отдѣльно, но спустя нѣсколько времени, сестра Сольса *) встала, подошла къ тому самому мѣсту, гдѣ лежалъ Колой-Кантъ, и хотѣла лечь съ нимъ, сказавъ ему, что сама судьба назначила ее быть его женою. «Поди прочь», сказалъ Колой-Кантъ, «знай, что я далъ слово никогда не жениться, не имѣть дѣла ни съ какой женщиной. Уходи отъ меня завтра-же, и если ты желаешь что-нибудь просить, то охотно отдаю тебѣ даже половину своей баранты, отвяжись

*) Когда Солса произносится въ родительномъ падежѣ, то между *л* и *с* слышится *ь*.

только отъ меня!» Но она осталась и на другую ночь и опять явилась къ постели Колой-Канта и была опять прогнана имъ. На третью ночь, когда она подошла къ нему, онъ уже не могъ пересилить страсть и позволилъ ей лечь съ собой. Съ этого времени Колой-Кантъ предался своей страсти—все время проводилъ съ сестрой Соска-Сольса. Онъ уже переставъ пасти барановъ; вмѣсто него смотрѣлъ за ними и загонялъ ихъ въ пещеру его ковелъ, который говорилъ по-человѣчески. Чѣмъ больше Колой проводилъ время съ сестрою Сольса, тѣмъ больше онъ терялъ силу. Онъ уже не могъ плотно ставить плоскій камень при входѣ въ пещеру, день-ото-дни входъ расширялся, такъ, что чрезъ 10 дней можно было человѣку свободно войти во внутренность пещеры. Между тѣмъ Солса не забылъ совѣта Ботоко-Ширтга: спустя двѣ недѣли онъ отправился вмѣстѣ съ Ботоко-Ширтга и своими товарищами-орхустойцами къ Колой-Канту. Такъ какъ входъ въ пещеру былъ свободенъ, то они вошли туда безъ препятствія и застали Колой-Канта спящимъ на колѣняхъ у сестры Сольса. Орхустойцы немедленно связали его веревкою, сдѣланною изъ конской шерсти. Колой-Кантъ тогда только проснулся, когда уже былъ связанъ; проснувшись, онъ сталъ биться такъ, что веревка, которая связывала его, врѣзалась до самыхъ костей. Орхустойцы зарѣзали его любимца, козла, для шашлыка. Колой-Кантъ просилъ у нихъ, чтобы они дали ему какую-нибудь кость его козла. Всѣ орхустойцы отказали ему въ этой просьбѣ: «я ему дамъ, что онъ проситъ», сказала сестра Сольса и подала ему бедерную кость. Взявши изъ рукъ виновницы своего безсилія кость, Колой-Кантъ сдѣлалъ изъ нея зурну и заигралъ на ней жалобнымъ голосомъ *). Голосъ этотъ былъ услышанъ женою старшаго брата Колой-Канта, когда вечеромъ она на дворѣ доила коровъ; она сказала: «это играетъ непремѣнно младшій братъ мужа моего; съ нимъ какое-нибудь несчастіе случилось». Она пошла объявить объ этомъ своему мужу и деверю. Тѣ немедленно погнались по ту сторону, гдѣ жили орхустойцы, предчувствуя, что брата ихъ, вмѣстѣ съ его барантой, угнали орхустойцы. Они уже догоняли орхустойцевъ между Джераховскимъ и Дарьяльскимъ ущельями, но Богъ, предвидя, что если братья Колой-Канта догонятъ орхустойцевъ, то прольется напрасно человѣческая кровь,—провелъ, для устраненія

*) Голосъ или мотивъ этотъ извѣстенъ у горцевъ подъ названіемъ «Колой-Кантъ» и въ ходу у пастуховъ.

кровопролитія, р. Терекъ такъ, что на правомъ берегу остался Колой-Кантъ съ братьями и сестрою Сольса и съ половиной своей баранты, а на лѣвомъ берегу — орхустойцы съ остальной половиной баранты Колой-Канта, какъ-бы въ калымъ за сестру Сольса. Колой-Кантъ, видя, что его отдѣляетъ Терекъ отъ орхустойцевъ, и желая показать имъ свою силу и ненависть къ нимъ, схватилъ длинный плоскій камень, ударилъ его о землю, говоря, что онъ швырнулъ-бы ихъ тоже о землю, если-бы они попались ему въ руки. Орхустойцы тоже, какъ-бы въ отвѣтъ ему, ударили такой-же камень о землю *). Погрозивши и показавши свою силу, они разошлись: орхустойцы отправились въ Санаби, а Колой-Кантъ, съ братьями и сестрой Сольса, которую онъ взялъ для себя въ жены, отправился домой. Прибывши въ свой родной аулъ, Колой-Кантъ пожелалъ испытать, насколько у него осталось силы послѣ женитьбы. Съ этой цѣлью, онъ, взлѣзши на вершину горы, поставилъ одинъ на другой три камня громадной величины **). Съ-тѣхъ-поръ его никто не трогалъ и не покушался угнать его баранту.

Ч. Ахріевъ.

---

*) Камень, которымъ, говорятъ, ударилъ Колой-Кантъ, стоялъ на правомъ берегу р. Терека, но когда въ 1856 г. прибыли въ Джераховское ущелье русскіе отряды, то онъ былъ раздробленъ солдатами на бруски, а камень, брошенный орхустойцами, стоитъ донынѣ на лѣвомъ берегу р. Терека, возлѣ Джераховскаго укрѣпленія.

**) Камни эти вмѣстѣ составляютъ нѣчто въ родѣ довольно высокой башни; каждый камень вышиною болѣе 2 саж. Между 2 и 3-мъ находятся маленькіе камни, въ родѣ подпорокъ. Эти-то камни, служащіе повидимому подпорками, приводятъ горцевъ къ тому убѣжденію, что они положены человѣческою рукою.

Лялъ-Султа *).

Лялъ-Султа былъ бѣлѣе снѣга. Жилъ нѣкогда великій царь, у него была только одна единственная дочь, уже взрослая. Съ самаго дня рожденія онъ держалъ ее въ запертой комнатѣ, никому не позволялъ видѣть ее и входить въ ея комнату; только одна рабыня имѣла къ ней доступъ. Такъ, царская дочь выросла, не видавъ ни разу ни людей, ни свѣта; ея ежедневная жизнь была однообразна; даже пища, состоявшая изъ мяса безъ кости и хлѣба безъ корки, все была одна и та-же. Разъ царь позволилъ рабынѣ отнести дочери мясо съ костью и хлѣбъ съ коркою. Увидѣвъ мясо съ костью и хлѣбъ съ коркою, царская дочь была удивлена. Она не могла скрыть своего удивленія отъ рабыни и сказала: «я не знала до-сихъ-поръ, что мясо бываетъ съ костью и хлѣбъ съ коркою». Очистивъ кость, царская дочь ударила ею о стѣну своей комнаты и пробила окно, чрезъ которое въ первый разъ проникъ въ ея комнату солнечный свѣтъ. Она еще больше удивилась солнечнымъ лучамъ. Она посмотрѣла на дворъ чрезъ окно и увидѣла молодыхъ людей; одни изъ нихъ играли въ снѣжки (было зимнее время), другіе дѣлали снѣжныя горки, чтобы перепрыгивать чрезъ нихъ. Царская дочь замѣтила особенно двухъ молодыхъ людей, говорившихъ горячо о чемъ-то. Она приложила ухо къ окну, чтобъ подслушать ихъ разговоръ. Ея уху дослышалось только, какъ одинъ изъ нихъ предлагалъ другому найти что-нибудь на свѣтѣ бѣлѣе снѣга; на это другой отвѣтилъ, что бѣлѣе снѣга—только одинъ человѣкъ въ мірѣ. «Кто онъ, этотъ человѣкъ?», спросилъ первый.—«Это—Лялъ-Султа,“ сказалъ второй. При имени Лялъ-Султа, въ головѣ царской дочери началъ рисоваться самый красивый образъ,

*) Это и слѣдующее сказаніе сообщены въ редакцію «Сборника» также г. Ахріевымъ.

Лялъ-Султа. Она поклялась непремѣнно выйти за него замужъ. Съ этого времени она сидѣла въ своей комнатѣ задумчива и угрюма.—«Что говоритъ наша дочь?», обратился царь къ рабынѣ его дочери.—«Дочь ваша»—сказала она—«была чрезвычайно удивлена, что мясо бываетъ съ костью и хлѣбъ съ коркою.» Затѣмъ она разсказала царю, какъ дочь его пробила окно костью, какъ она посмотрѣла чрезъ окно на дворъ и увидѣла молодежь, игравшую въ снѣжки, какъ она подслушала разговоръ двухъ молодыхъ человѣкъ и услышала отъ нихъ имя Лялъ-Султа, при этомъ служанка не упустила случая сказать царю, какъ дочь его обѣщалась выйти замужъ непремѣнно за этого Лялъ-Султа. . . Царь побагровѣлъ. «Какъ?!»—вскричалъ онъ—«дочь моя помышляетъ выйти замужъ безъ моего позволенія? еще за какого-то Лялъ-Султа? Она хочетъ меня осрамить въ горахъ предъ ханами, на плоскости предъ князьями *). Я ее погублю!» Онъ велѣлъ принести бочку съ желѣзными обручами, посадилъ въ нее свою дочь и пустилъ бочку по рѣкѣ. Бочка была выброшена рѣкой около мельницы. Хозяинъ мельницы нашелъ эту бочку, и когда вскрылъ ее,—къ удивленію, увидѣлъ въ ней дѣвушку. Лицо ея и все тѣло блестѣло бѣлизной.

Мельникъ отправилъ ее въ свой домъ. Жена мельника приняла свою гостью холодно. Въ ея головѣ сейчасъ родилась мысль, что мужъ ея сдѣлаетъ эту дѣвушку своею женою, а ее броситъ: она стала ревновать своего мужа и рѣшилась спровадить куда-нибудь свою соперницу. Но жена мельника сочла благоразумнѣе прежде узнать прошедшую жизнь своей гостьи. Она обратилась къ дѣвушкѣ съ вопросами: есть-ли у нея отецъ? кто онъ? какъ она попала въ бочку?—«Отецъ мой»—сказала дѣвушка—«великій царь. Онъ воспитывалъ меня соотвѣтственно моему положенію, то есть я сидѣла въ своей комнатѣ, не видѣла ничего, кромѣ четырехъ стѣнъ комнаты и своей прислужницы **). Разъ мнѣ подала моя рабыня въ первый разъ мясо съ костью; очистивъ эту кость, я ударила ею о стѣну своей комнаты и про-

*) Преданіе говоритъ, что у насъ, въ горахъ, были ханы. Это упоминается во многихъ чеченскихъ сказкахъ.

**) У чеченцевъ все воспитаніе дѣвушекъ заключается въ томъ, что онѣ ведутъ затворническую жизнь. Чѣмъ выше стоятъ ихъ отцы въ сословномъ отношеніи, тѣмъ онѣ съ большею строгостью ведутъ себя уединенно отъ общества. Такое понятіе о воспитаніи можемъ видѣть и во всѣхъ сказкахъ, гдѣ говорится о воспитаніи женщинъ.

била окно. Я имѣла любопытство посмотрѣть на свѣтъ чрезъ это окно и подслушать разговоръ двухъ молодыхъ человѣкъ о Лялъ-Султа. Я имѣла неосторожность произнести при рабынѣ своей клятву выйти замужъ непремѣнно за Лялъ-Султа. Рабыня передала это моему отцу. Онъ прогнѣвался на меня, что я осмѣлилась выбрать сама жениха, да еще незвѣстнаго; онъ посадилъ меня въ бочку и пустилъ по рѣкѣ». Произнеся эти слова, царевна горько заплакала. Жена мельника увидѣла въ царевнѣ, послѣ ея разсказа о своей жизни, вовсе неопасную соперницу, а слабую дѣвушку, съ которою можно сдѣлать все что̀ угодно. Поэтому она рѣшилась соединить эту дѣвушку съ Лялъ-Султа. Она утѣшала царевну, говоря ей, что желаніе ея выйти замужъ за Лялъ-Султа сбудется, такъ-какъ Лялъ-Султа доводится ей двоюроднымъ братомъ, и онъ часто ѣздитъ къ ней. «Подожди,» — добавила она—«завтра или послѣзавтра онъ пріѣдетъ навѣстить насъ, тогда уладимъ твое дѣло.» Лялъ-Султа пріѣхалъ на другой день къ мельнику. Жена мельника приняла его холодно, показывала ему видъ, что она чѣмъ-то недовольна имъ. «Ты чѣмъ-то недовольна мною?» спросилъ ее Лялъ-Султа. Она сказала ему, что недовольна имъ и будетъ выказывать свое неудовольствіе дотѣхъ-поръ, пока онъ не возьметъ за себя замужъ эту дѣвушку (указывая на царевну), которая потерпѣла столько бѣдствій,—«и все это черезъ тебя,» добавила она. Лялъ-Султа сказалъ ей, что онъ никогда не женится, что онъ имѣетъ на это свои причины. «Если ты не женишься на царевнѣ, то я прерываю всякія родственныя отношенія съ тобою,» прибавила она. Лялъ-Султа тотчасъ уѣхалъ отъ мельника и обѣщался не пріѣзжать никогда.

На дорогѣ ему встрѣтился нагайскій князь, Батерха. Послѣ обычнаго саляма, Батерха спросилъ Лялъ-Султа, откуда онъ ѣдетъ. Тотъ сказалъ, что онъ ѣдетъ отъ мельника, что онъ поссорился съ его женой, за то, что та требовала отъ него жениться на царевнѣ; что онъ отказался жениться, такъ-какъ не вѣритъ въ любовь женщинъ, въ ихъ привязанность, и всѣхъ ихъ считаетъ лицемѣрными созданіями.

—«Съ какого времени ожесточилось твое сердце противъ женщинъ и за что именно? могу-ли я знать?» спросилъ Батерха.

— «Была у меня жена»—сказалъ Лялъ-Султа: «любилъ, берегъ я ее пуще глазъ. Она тоже, думалось мнѣ, любила меня. Провести съ нею недѣлю казалось мнѣ сутками, а мѣсяцъ—недѣ-

лею. Такимъ образомъ я прожилъ съ нею два года, и это время было самое счастливое для меня. Но я замѣчалъ, что лошадь моя постепенно худѣла и находилъ ее въ конюшнѣ каждое утро вспотѣвшей. Я искалъ причины этого, и скоро открылась вся тайна для меня. Когда, однажды, я долго не могъ заснуть и думалъ о своей лошади,—жена моя, спавшая вмѣстѣ со мною, встала, потихоньку одѣлась въ мое платье, сѣла на мою лошадь и отправилась куда-то. Я хотѣлъ знать, куда моя жена отправилась ночью путешествовать, и потому поѣхалъ вслѣдъ за нею. Я ѣхалъ такъ, что не могъ быть замѣченъ ею и не терялъ ея изъ виду. Она наѣхала на колючіе кустарники, чрезъ которые не было возможности проѣхать: тутъ она ударила желѣзною лопаткою о землю, сказавши: «пусть, по волѣ лѣснаго мужа и его жены, кустарники разчистятся и будетъ большая дорога!» *). Какъ только произнесла она эти слова, кустарники разчистились и сдѣлалась большая дорога. Проѣхавъ свободно чрезъ кустарники, она наѣхала на кристалловыя горы. Она ударила желѣзною лопаткою о горы, произнося: «пусть, по волѣ горныхъ духовъ, сдѣлается дорога.» Дорога сдѣлалась. Наконецъ она пріѣхала къ пещерѣ. Она вошла туда. Я тоже вошелъ за нею. Пещера была убрана хорошо; кругомъ стѣнъ было повѣшено оружіе. Я, какъ вошелъ съ пещеру, спрятался за дверь. Въ пещерѣ сидѣлъ молодой человѣкъ. Я догадался, что этотъ мужчина—любовникъ моей жены, и что къ нему-то она совершаетъ ночныя путешествія. «Сколько времени я ждалъ тебя? почему ты такъ поздно пріѣхала?» обратился онъ грубо къ моей женѣ. Онъ всталъ, взялъ плеть и началъ бить мою жену до-тѣхъ-поръ, пока не показались на ея тѣлѣ синія пятна. Жена моя на каждый ударъ своего любовника отвѣчала только улыбкой. Она увѣряла его въ своей любви и сказала, что если сегодня она и явилась такъ поздно, то въ этомъ виноватъ ея дьяволъ-мужъ, который такъ долго не засыпалъ. —

---

*) Всѣ чеченцы до-сихъ-поръ твердо вѣрятъ, что въ каждомъ лѣсу живетъ лѣсной мужъ, съ женою. Лѣснаго мужа народъ нашъ представляетъ человѣкомъ, обросшимъ бородой до колѣнъ; на груди у него острый топоръ. Если онъ встрѣтитъ кого-нибудь изъ людей, то обнимаетъ его, чтобъ вдавить топоръ въ грудь обнятаго. Жена лѣснаго мужа отличается неестественой красотой: ея волосы отливаютъ золотистымъ блескомъ и доходятъ до пятокъ. Съ нею часто охотники вступаютъ въ любовную связь, но если связь эта станетъ извѣстна людямъ, то охотникъ умираетъ непремѣнно на другой годъ.

Все это я слышалъ. Въ моей груди кипѣло бѣшенство. Я готовъ былъ разорвать мою жену и ея любовника; но я рѣшился не дѣлать ничего имъ, пока они не разстанутся. Любовники скоро помирились между собою, какъ всѣ любовники: онъ потребовалъ для себя и для нея ужинъ. Увлеченные страстью, они не могли замѣтить, какъ я укралъ у нихъ ложку со стола и спряталъ въ карманъ. Уже передъ разсвѣтомъ, жена моя простилась съ своимъ любовникомъ и уѣхала домой. Лишь только она оставила его, я вышелъ изъ-за двери, подошелъ къ нему, ничего не говоря, схватилъ его за волосы, отрѣзалъ ему голову и спряталъ ее въ мѣшокъ. Послѣ этого я сейчасъ поѣхалъ домой, не по тому пути, по какому поѣхала жена, а по другому, и раньше ея успѣлъ пріѣхать домой, раздѣлся и легъ спать. Послѣ меня и жена моя пріѣхала. Она раздѣлась, положила мои одежды такъ, какъ я ихъ положилъ вечеромъ; потомъ легла спать подлѣ меня. Я притворился спящимъ и какъ будто ничего не знающимъ о ея ночныхъ похожденіяхъ. «Что-жъ, ты? поворотись, обними меня, мнѣ холодно,»—обратилась она ко мнѣ. Меня разсердило ея лицемѣріе, я уже не могъ удержаться и сказалъ ей: «пусть тебя обниметъ твой любовникъ, съ которымъ ты недавно разсталась.» Она стала укорять меня, будто я ревную ее. «А эта ложка чья? узнаешь?», спросилъ я, показывая ей ту ложку, которую укралъ. «А эту голову узнаешь?», сказалъ я, покативши голову ея любовника предъ ея глазами. Она поблѣднѣла, потомъ задрожала. Было у меня два табуна. Одинъ изъ нихъ пасся въ горахъ, другой—на плоскости. Я велѣлъ привести двухъ неуковъ, одного изъ горъ, другаго съ плоскости. Когда привели ихъ, я привязалъ къ ихъ хвостамъ ноги моей жены и пустилъ коней по полю,—ее разорвали пополамъ. Послѣ этого я далъ клятву никогда не жениться и не вѣрю ни въ любовь, ни въ искренность, ни въ привязанность женщинъ».

—«Ты, вѣроятно, судишь теперь всѣхъ женщинъ по своей бывшей женѣ,» сказалъ Батырха Лялъ-Султа: «послушай, я тебѣ разскажу изъ своей жизни кое-что и ты увидишь, что женщины бываютъ не одинаковаго нрава, не одинаковаго ума. Было насъ шесть братьевъ. Мы никого не боялись; все чужое мы считали за свое. Однажды мы всѣ шесть братьевъ отправились на добычу. Мы встрѣтили на дорогѣ цѣлую отару овецъ. За отарою шелъ пастухъ съ своею собакою. Онъ былъ ростомъ великанъ; его шагъ былъ похожъ на шагъ слона; его шуба была сдѣлана

изъ 60-ти овчинъ; его шапка была сшита изъ 8-ми овчинокъ. Собака его была величиною съ корову. Она, какъ увидѣла насъ издали, направилась къ намъ съ лаемъ. Мы чувствовали, что не въ состояніи будемъ отбиться отъ нея, потому начали искать защиты. Мы нашли человѣческій черепъ, величиною съ двойной котелъ, и укрылись подъ нимъ, всѣ шесть братьевъ, верхами; но собака не хотѣла отстать отъ насъ. Она кинулась на человѣческій черепъ. Пастухъ не обратилъ никакого вниманія на лай своей собаки; онъ прошелъ мимо насъ. Тогда собака схватила человѣческій черепъ и понесла его за пастухомъ. Догнавъ его, она поставила черепъ передъ нимъ, какъ будто говоря: «что-жъ ты насъ такъ пропускаешь?» Тогда, какъ будто очнувшись отъ сна, онъ толкнулъ черепъ своею пастушеской палкою, и мы всѣ шесть братьевъ вышли оттуда. «Зачѣмъ вы, муравьи, спрятались въ человѣческомъ черепѣ?», обратился онъ къ намъ. Мы униженно сознались, что, заблудивши, укрылись отъ его собаки. Онъ пригласилъ насъ на ночь къ себѣ.—«Что-жъ мы приготовимъ на ужинъ?», спросилъ онъ насъ, когда пришли къ нему. — «Ты хозяинъ, ты долженъ знать, что приготовить на ужинъ, а мы гости твои,» отвѣтили мы ему. — «Кто-жъ воды и дровъ принесетъ намъ?» —«Ты хозяинъ, ты долженъ знать, гдѣ вода и дрова, а мы гости,» опять мы отвѣтили ему. Тогда онъ схватилъ пивной котелъ однимъ пальцемъ и этимъ пальцемъ принесъ полный котелъ воды. Потомъ онъ отправился въ лѣсъ. Одной рукой онъ вытащилъ чинаровое дерево съ корнями и принесъ четыре бревна, — два подъ мышкой, два на спинѣ. На ужинъ онъ зарѣзалъ шестьдесятъ барановъ. Почти не сваривши, онъ поѣлъ всѣхъ ихъ, а намъ не далъ ничего. На другое утро онъ зарѣзалъ всѣхъ нашихъ лошадей. Пожравъ нашихъ лошадей, онъ отправился пасть овецъ, а намъ приказалъ не уходить никуда. Вечеромъ, онъ приготовилъ острый шестъ, воткнулъ насъ всѣхъ шестерыхъ братьевъ на этотъ шестъ и приготовилъ изъ насъ шашлыкъ. Пять моихъ братьевъ онъ пожралъ сразу, а меня оставилъ на утро поѣсть натощакъ; потомъ онъ легъ спать и заснулъ непробуднымъ сномъ. Зная, что не миную своей участи, если только останусь вмѣстѣ съ нимъ до утра, я рѣшился въ эту ночь доползти до сосѣдняго оврага. Привлеченный моимъ стономъ, одинъ охотникъ взялъ меня къ себѣ домой. Я лежалъ у него до-тѣхъ-поръ, пока не вылечились мои поджаренные бока. Потомъ я отправился, куда глаза глядятъ, и далъ клят-

ву убивать всѣхъ встрѣчныхъ на дорогѣ, какъ-бы мстя за братьевъ. Первымъ мнѣ встрѣтился молодой красивый человѣкъ. Онъ сидѣлъ на красивой лошади. Я прицѣлилъ пулю *), но мнѣ жаль было ударить ею въ красивый станъ; потомъ я прицѣлилъ пулю въ его грудь, но мнѣ жаль было его красивой наружности. Въ это время, какъ я вертѣлся около него, онъ пригласилъ меня быть его товарищемъ и ѣхать съ нимъ. Я согласился быть его товарищемъ и поѣхалъ съ нимъ. Ѣхали мы двое сутокъ; на третій день доѣхали до одной башни. Мы остановились около нея; товарищъ мой вошелъ во внутренность, а мнѣ велѣлъ остаться около лѣстницы, ведущей къ башнѣ, и сказалъ при этомъ, что если только я осмѣлюсь переступить хоть чрезъ одну ступеньку лѣстницы, то онъ мнѣ перерѣжетъ горло кинжаломъ. Я стоялъ довольно долго. Мнѣ былъ слышенъ шумъ, происходившій во внутренности башни. Мнѣ захотѣлось знать, отчего происходитъ этотъ шумъ,—и я со страхомъ полѣзъ по лѣстницѣ и сталъ около двери башни. Лишь только я сталъ около двери, товарищъ мой вышелъ на-встрѣчу ко мнѣ съ окровавленнымъ кинжаломъ и пригласилъ войти во внутренность башни. Я повиновался. Я увидѣлъ тамъ сорокъ человѣкъ, только что перерѣзанныхъ. Я спросилъ товарища моего, кто ихъ перерѣзалъ? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ ихъ перерѣзалъ, въ отмщеніе за брата, что они—орхустойцы **), тѣ самые, которые убили его брата, и добавилъ, что если онъ не позволилъ мнѣ войти вмѣстѣ съ нимъ въ башню, то это потому, что боялся, какъ-бы ему не помѣшалъ я перерѣзать орхустойцевъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, и на третій день мы въѣхали въ его огромный дворъ. Онъ самъ сперва вошелъ въ домъ, а мнѣ велѣлъ подождать, пока не приготовится въ кунацкой, чтобъ принять меня, какъ гостя. Я ждалъ долго; наконецъ у меня не хватило терпѣнія и я самъ вошелъ въ кунацкую. И что жъ?—я увидѣлъ въ кунацкой трупъ, уже разлагавшійся, и около него товарища, лежавшаго съ воткнутымъ кинжаломъ въ брюхо. Я хотѣлъ поднять его и снялъ шапку съ его головы, и, къ своему удивленію, я увидѣлъ на головѣ его длинныя косы. Я узналъ,

---

*) До введенія огнестрѣльнаго оружія, чеченцы употребляли лукъ, въ родѣ самострѣла. Лукъ натягивали шнуркомъ, положеннымъ въ два ряда. Между двумя шнурками придѣлывали клапанъ изъ ремня; на этотъ клапанъ клали свинцовую пулю—и били. Сила удара пули равнялась силѣ натягиванія лука.

**) См. выше, сказаніе о Колой-Кантѣ.

что товарищъ мой—женщина, а трупъ, уже разложившійся, — ея братъ, убитый орхустойцами. Вотъ женщина, такъ женщина! Чтожъ, похожа она, Лялъ-Султа, на твою бывшую жену? По одной женщинѣ нельзя судить о всѣхъ женщинахъ. Женщины бываютъ хорошія и дурныя: почему ты знаешь, что царская дочь, которую предлагаетъ тебѣ въ жены жена мельника, похожа на ту, о которой сейчасъ ты говорилъ?—Такъ женись на ней, не прекращай свой родъ.»

Такимъ образомъ Батерха убѣдилъ Лялъ-Султа, что женщины бываютъ не одинаковаго характера и ума. Лялъ-Султа женился на царевнѣ; сталъ съ нею жить, да дѣтей наживать.

Аулъ Фортаугъ.

Черкесъ-Иса и Чеченецъ-Иса.

Въ древнее время были извѣстны всему народу Черкесъ-Иса и Чеченецъ-Иса,—первый своимъ богатствомъ, а второй своимъ воровствомъ, удальствомъ, однимъ словомъ всѣми качествами, которыя должны принадлежать всякому прославившемуся чеченцу. У Черкеса-Иса пропали шестьдесятъ кобылицъ. Онъ вездѣ розыскивалъ ихъ; не было ущелья и тропинки, которыхъ-бы онъ не осматривалъ. Послѣ долгаго безуспѣшнаго обыска, онъ возвращался домой и заѣхалъ въ аулъ, въ которомъ жилъ Чеченецъ-Иса. Чеченецъ-Иса принялъ его и, уважая въ немъ право гостя, отдалъ ему его шестьдесятъ кобылицъ, украденныхъ имъ. Они сдѣлались между собою присяжными друзьями *), и Чеченецъ-Иса

*) Сдѣлаться присяжными друзьями—значитъ сдѣлаться братьями. Подобныхъ друзей иначе у насъ называютъ присяжными братьями. Обрядъ совершенія братства самый простой; обыкновенно, два новые друга пьютъ пополамъ стаканъ водки или молока и въ этотъ стаканъ должна быть брошена серебряная или золотая монета. Бросается эта монета въ стаканъ того, кто заискиваетъ дружбу, а достается она тому, у котораго заискиваютъ. Но если дѣлаются друзьями тѣ, которые прежде были врагами, за убійство брата и вообще родственника, то въ такомъ случаѣ обрядъ совершенія братства измѣняется. Всѣ родственники кровника и онъ самъ отправляются на могилу убитаго имъ; трое сутокъ простоявъ на могилѣ, какъ-бы прося прощенія у

взялъ слово съ Черкеса-Иса, что онъ пріѣдетъ опять къ нему черезъ мѣсяцъ. Въ концѣ этого срока у Черкеса-Иса заболѣла жена; но, не смотря на убѣдительную просьбу жены остаться при ней, пока она не умретъ (она уже лежала при смерти), онъ уѣхалъ къ своему другу, чтобы не измѣнить своему слову. На половинѣ дороги онъ узналъ, что жена умерла и оставила ему сына, но Черкесъ-Иса все-таки не возвратился домой, чтобъ похоронить жену; онъ продолжалъ свой путь.

— «Зачѣмъ ты въ назначенный срокъ не пріѣхалъ?» —обратился Чеченецъ-Иса къ Черкесу-Иса.

— «У меня жена заболѣла предъ моимъ отъѣздомъ и на половинѣ дороги я узналъ, что она умерла; вотъ почему я не могъ пріѣхать въ назначенный срокъ,» —отвѣтилъ Черкесъ-Иса.

Проживъ нѣсколько дней у Чеченца-Иса, Черкесъ-Иса уже собирался ѣхать назадъ, домой, но Чеченецъ-Иса не пустилъ его, говоря ему: „если только Черкесъ-Иса пріѣхалъ къ своему другу, Чеченцу-Иса, овдовѣвшимъ, то онъ долженъ уѣхать отъ него женатымъ.“ Они отправились искать невѣсту.

Ѣхали они цѣлый день и остановились въ пещерѣ ночевать. Черкесъ-Иса заснулъ, но Чеченецъ-Иса не могъ заснуть. Онъ слышитъ, какъ горные духи зовутъ другъ друга, по имени.

— „Пойдемъ, Алла-Белла»,—говоритъ Бельласъ,—„на поминки.“

— „Нѣтъ, Бельласъ»,—говоритъ Алла-Белла,—«мнѣ нельзя отлучиться отъ моей пещеры: у меня гости.“

— „Какіе-же у тебя гости?“, спрашиваетъ Бельласъ.

— „У меня Чеченецъ-Иса и Черкесъ-Иса»,—отвѣчалъ Алла-Белла. «А вотъ что, Бельласъ, вѣдь ты первый вѣщій между нашими духами—такъ угадай цѣль странствованія моихъ гостей.“

— „Цѣль ихъ»—сказалъ Бельласъ—«найти невѣсту овдовѣвшему Черкесу-Иса. Они найдутъ такую дѣвушку, которая показывается только отцу и матери, и больше никто не можетъ видѣть ее. Эта дѣвушка извѣстна всему свѣту“. Бельласъ указалъ аулъ, гдѣ она живетъ. Чеченецъ-Иса слышалъ это. Онъ, на другой день, поѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ въ аулъ, гдѣ жила эта извѣстная дѣвушка. Въ этомъ аулѣ была одна вдова.

убитаго, они отправляются къ его родственникамъ. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ родственниковъ кровника и онъ самъ сосутъ грудь матери убитаго имъ. Тогда они дѣлаются братьями родственниковъ убитаго, а самъ кровникъ—сыномъ матери убитаго имъ.

Чеченецъ-Иса и Черкесъ-Иса остановились у нея. „Зачѣмъ вы пріѣхали въ этотъ аулъ?“ спросила вдова.—„Да вотъ,“—отвѣчалъ Чеченецъ-Иса—„мы узнали, что въ вашемъ аулѣ живетъ дѣвушка, которая не показывается никому, кромѣ своего отца и матери, такъ пріѣхали ее сватать!“—„Высоко хватаете“, сказала вдова: „ее сватали цари да ханы и тѣ получили отказъ; а впрочемъ, попробуйте, я вамъ укажу домъ, гдѣ она живетъ!“—„Мы это и хотѣли узнать отъ тебя,“ сказалъ Чеченецъ-Иса. Она указала имъ ея домъ и дала при этомъ совѣтъ, какъ въѣхать въ ея дворъ и по какой причинѣ. „Такъ какъ“—сказала вдова—„въ дворѣ этой дѣвушки живутъ мастера серебряныхъ дѣлъ, то поѣзжайте къ нимъ, какъ будто хотите оправить свое оружіе серебромъ: если она покажется вамъ, тогда, значитъ, ваше дѣло подвигается впередъ“. Чеченецъ-Иса и Черкесъ-Иса поѣхали на другое утро къ мастерамъ. Какъ только въѣхали во дворъ, гдѣ жили мастера, Черкесъ-Иса началъ джигитовать. Въ это время дѣвушка бросила съ верхняго этажа кисть винограда и показала свою бѣлую ручку. Черкесъ-Иса схватилъ эту кисть винограда налету и спряталъ ее въ карманъ. Мастера велѣли пріѣхать вечеромъ. Черкесъ-Иса опять началъ джигитовать, какъ только вечеромъ въѣхалъ во дворъ, въ которомъ жили мастера и дѣвушка. Дѣвушка бросила ему яблоко и показала ему себя до пояса. Черкесъ-Иса схватилъ яблоко налету и спряталъ въ карманъ. Мастера велѣли имъ пріѣхать утромъ. Они пріѣхали и утромъ къ нимъ. Черкесъ-Иса сталъ джигитовать, какъ только въѣхалъ во дворъ дѣвушки: она бросила ему орѣхъ и показалась въ весь свой ростъ. Черкесъ-Иса схватилъ орѣхъ на воздухѣ и спряталъ въ карманъ.—„Ну, теперь вамъ удастся достигнуть вашей цѣли,“ сказала вдова: „только не дѣлайте промаха; слушайте моего совѣта. Она вамъ бросила въ первый разъ кисть винограда, во второй разъ яблоко, въ третій разъ орѣхъ,—это значитъ, что она явится гулять передъ разсвѣтомъ, въ первую ночь—въ виноградный садъ, во вторую—въ садъ, гдѣ растутъ только однѣ яблони, въ третью ночь—въ орѣховый садъ. Три ночи сряду вы должны ее караулить, и если только въ это время не успѣете увезти ее, то вамъ не видать ее никогда больше.“ Черкесъ-Иса и Чеченецъ-Иса отправились въ виноградный садъ. „Выбирай,“ сказалъ Чеченецъ-Иса Черкесу-Иса, когда они пріѣхали въ садъ: „хочешь-ли пасть лошадей нашихъ, или ждать дѣвушку и стоять наготовѣ во всякое время?“ Черкесъ-Иса согласился стоять въ саду и ждать дѣвуш-

ку. Но онъ не могъ стоять долго: его одолѣлъ сонъ. Онъ положилъ подъ голову сѣдло, укрылся буркой и легъ спать. Предъ разсвѣтомъ пришла дѣвушка въ виноградный садъ гулять. Она обошла кругомъ садъ и увидѣла лежащаго человѣка. Она подошла потихоньку къ нему, подняла бурку, посмотрѣла на его лицо и сказала: „какой красивый мужчина!“ Потомъ она отправилась домой, такъ, что ее никто не могъ видѣть. „Ну, что, приходила-ли дѣвушка ночью въ виноградный садъ?“ спросилъ Чеченецъ-Иса у Черкеса-Иса. Черкесъ-Иса сознался, что онъ спалъ, и потому не знаетъ, приходила-ли она въ садъ или нѣтъ. На другую ночь Черкесъ-Иса опять взялся ждать дѣвушку въ саду, гдѣ растутъ только одни яблони. Его опять преодолѣлъ сонъ; онъ легъ спать. Дѣвушка пришла и въ эту ночь въ садъ. Она опять увидѣла лежащаго человѣка, посмотрѣла на его лицо и сказала: „какой удивительно-красивый человѣкъ!“, и отправилась до зари домой.—На третью ночь Черкесъ-Иса опять согласился ждать дѣвушку въ орѣховомъ саду; онъ опять заснулъ. Дѣвушка пришла и въ орѣховый садъ. Она такъ-же, какъ въ первыя двѣ ночи, посмотрѣла на спящаго Черкеса-Иса и уже хотѣла возвратиться домой; но въ это время Чеченецъ-Иса схватилъ ее за станъ и сказалъ ей: „да благословитъ тебя аллахъ въ жены Черкесу-Иса!“ Онъ разбудилъ Черкеса-Иса, посадилъ ее на его лошадь и поѣхали обратно домой. Имъ пришлось опять ночевать въ прежней пещерѣ. Черкесъ-Иса и его невѣста заснули, но Чеченецъ-Иса не заснулъ. Онъ услышалъ разговоръ двухъ прежнихъ горныхъ духовъ.

— „Пойдемъ, Алла-Белла“,—говоритъ Бельласъ—„поѣдимъ одного быка; его семь лѣтъ откармливали!“

— „Нѣтъ, Бельласъ“,—говоритъ Алла-Белла,—„мнѣ нельзя отлучиться отъ моей пещеры, у меня гости“.

— „Какіе у тебя гости?“ спрашиваетъ Бельласъ.

— „У меня Чеченецъ-Иса, Черкесъ-Иса и его невѣста“,—отвѣчалъ Алла-Белла. „А вотъ что, Бельласъ: то, что ты предсказывалъ моимъ гостямъ, когда они ночевали у меня въ первый разъ, сбылось, такъ скажи, что теперь будетъ съ ними?“

— „Я скажу,“—сказалъ Бельласъ: „но если услышитъ мое предсказаніе кто-нибудь, да передастъ онъ кому-нибудь другому, то пусть онъ окаменѣетъ тогда! Твои гости доѣдутъ благополучно до дома Чеченца-Иса. Но, въ первую ночь, на супружеское ложе, въ

полночь, къ Черкесу-Иса съ женою, подползетъ большая змѣя и ужалитъ ихъ обоихъ."

Чеченецъ-Иса слышалъ, какъ Бельласъ заклиналъ того, кто передастъ то, что онъ скажетъ, и какую участь онъ предсказалъ Черкесу-Иса и его невѣстѣ. Онъ сталъ думать, какъ-бы избавить товарища и его невѣсту отъ предстоящей имъ погибели; но сказать имъ обоимъ, какая участь ихъ постигнетъ, значило подвергнуть себя опасности стать окаменѣлымъ. Чеченецъ-Иса рѣшился стоять съ шашкой въ комнатѣ, въ которой спали Черкесъ-Иса и его жена. Въ полночь, когда Черкесъ-Иса и его жена спали крѣпкимъ сномъ, поползла къ нимъ большая змѣя чрезъ дверь, около которой стоялъ Чеченецъ-Иса съ шашкой: онъ все рубилъ ту часть змѣи, которая показывалась въ комнатѣ, и эта работа для Чеченца-Иса продолжалась до самаго разсвѣта. Когда Черкесъ-Иса проснулся, то увидѣлъ Чеченца-Иса стоящимъ около кровати. Онъ сталъ подозрѣвать его въ связи съ своей женой; онъ даже отказался было отъ своей жены, такъ-какъ не онъ схватилъ ее въ орѣховомъ саду, а Чеченецъ-Иса, за что она и должна быть ему вѣрною женою.

—«Ты напрасно подозрѣваешь меня въ связи съ твоею женою», сказалъ Чеченецъ-Иса. «Если я пришелъ ночью въ вашу спальню, то только спасать васъ-же отъ неминуемой погибели». — Чтобы успокоить своего друга, онъ разсказалъ Черкесу-Иса, какъ онъ въ пещерѣ не спалъ, когда они въ ней ночевали, какой слышалъ разговоръ двухъ духовъ — Алла-Белла и Бельласа, и какъ Бельласъ предсказывалъ о погибели его и его жены. Лишь только Чеченецъ-Иса кончилъ свой разсказъ — онъ сейчасъ-же окаменѣлъ. Черкесъ-Иса увидѣлъ свою ошибку, но уже поздно. Онъ опять поѣхалъ въ пещеру, гдѣ они ночевали вмѣстѣ съ Чеченцемъ-Иса, чтобы узнать или услышать отъ духовъ, какія средства существуютъ, чтобъ превратить окаменѣвшаго Чеченца-Иса въ живаго человѣка. Черкесъ-Иса услышалъ, какъ Бельласъ приглашалъ Алла-Белла къ себѣ поточить свои зубы.

—«Нѣтъ, мнѣ нельзя отлучиться отъ моей пещеры», сказалъ Алла-Белла: «у меня гость».

—«Какой-же у тебя гость»? спросилъ Бельласъ.

—«У меня Черкесъ-Иса», отвѣтилъ Алла-Белла. «А скажи, Бельласъ, какая цѣль его пріѣзда въ мою пещеру»?

—«Цѣль его пріѣзда въ твою пещеру—услышать отъ насъ, какое средство существуетъ, чтобъ превратить окаменѣвшаго Чеченца-Иса въ живаго человѣка. Есть у Черкеса-Иса отъ прежней жены сынъ, который ищетъ своего отца около восьми лѣтъ; его сопровождаютъ двѣнадцать благородныхъ юношей. Въ его головномъ мозгу находится ласточка и если вынуть эту ласточку изъ черепа сына Черкеса-Иса и если она прикоснетъ свой язычекъ къ черепу окаменѣвшаго Чеченца-Иса, то онъ сейчасъ превратится въ живаго человѣка».

Черкесъ-Иса слышалъ разговоръ двухъ духовъ. Онъ поѣхалъ на другой день отыскивать своего сына. Онъ скоро встрѣтилъ молодаго человѣка; его сопровождали двѣнадцать благородныхъ юношей. Черкесъ-Иса узналъ въ немъ своего сына, а сынъ въ немъ — своего отца. Черкесъ-Иса пригласилъ своего сына ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ домъ его бывшаго друга, Чеченца-Иса; на дорогѣ онъ разсказалъ своему сыну, сколько его другъ, Чеченецъ-Иса, жертвовалъ собою для него; онъ разсказалъ ему, чрезъ кого окаменѣлъ его другъ; онъ разсказалъ ему, какое средство существуетъ, чтобы превратить Чеченца-Иса въ живаго человѣка.

—«Можешь-ли принести себя въ жертву для моего друга»? спросилъ Черкесъ-Иса у своего сына. Сынъ далъ согласіе: Тогда Черкесъ-Иса отрубилъ голову своему сыну и изъ его черепа вынулъ ласточку и она прикоснула свой языкъ къ черепу окаменѣвшаго Чеченца-Иса. Чеченецъ-Иса превратился въ живаго человѣка. „Чей этотъ черепъ, который лежитъ подъ моею кроватью?“ спросилъ Чеченецъ-Иса. Черкесъ-Иса разсказалъ про этотъ черепъ. Тогда Чеченецъ-Иса велѣлъ принести эту ласточку, — ему принесли ее; тогда онъ вложилъ ее на прежнее мѣсто, то есть въ черепъ сына Черкеса-Иса. Онъ дунулъ въ голову сына Черкеса-Иса—и она очутилась на туловищѣ; онъ дунулъ вторично—и сынъ Черкеса-Иса оживился. Черкесъ-Иса, его жена и сынъ ихъ поѣхали къ себѣ домой, а Чеченецъ-Иса остался у себя. Съ того времени дружба ихъ еще больше укрѣпилась.

Аулъ-Каракъ.

Сказка о Султанѣ *).

Изъ одного аула два охотника пошли на охоту; они пришли въ лѣсъ и, поохотившись недолгое время, убили дикаго козла; вздумали отдохнуть, развели огонь и, при желаніи закусить, содрали съ козла кожу, разрѣзали его на части, развѣсили ихъ на палкахъ, а изъ внутренностей хотѣли приготовить шашлыкъ. Сердце, легкія и проч. одинъ изъ охотниковъ надѣлъ на вертелъ и сталъ жарить, какъ вдругъ сердце козла лопнуло. Охотники удивились этому; тѣмъ болѣе они удивились, когда увидѣли, что части козла, будучи развѣшенными, сами собою стали собираться въ одно мѣсто, снова явился цѣлый козелъ и—убѣжалъ, оставивъ о себѣ только одно воспоминаніе. Изумленные товарищи были поражены на первыхъ порахъ до того, что не нашлись сказать другъ другу ни слова; наконецъ одинъ изъ нихъ проговорилъ: «вотъ случай! не разсказать его другимъ—нѣтъ возможности, а скажешь—никто не повѣритъ, между тѣмъ какъ все случившееся мы видѣли своими глазами». Такъ разсуждали они, возвращаясь домой.

На дорогѣ охотники увидѣли человѣка, пахавшаго землю двумя ослами. Подойдя къ костру, въ которомъ лежали два желѣзные прута, они поздоровались съ пахаремъ, пожелавъ ему хорошаго урожая въ будущемъ. Работникъ поблагодарилъ подошедшихъ и предложилъ имъ сѣсть отдохнуть, что было принято ими охотно, съ цѣлью поразсказать о происшедшемъ случаѣ. Они начали такъ: «случай, который сейчасъ видѣли, мы желали-бы разсказать тебѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшаемся начать разсказъ, въ полной увѣренности, что ты не повѣришь намъ». Работникъ сказалъ на это: «не удивляйтесь ничему въ мірѣ; въ немъ есть много вещей, которыхъ умъ нашъ не въ состояніи постигнуть. Говорите-же, что случилось съ вами, а потомъ я разскажу вамъ, что было со мною». Охотники подробно разсказали про сердце козла и потомъ про то, какъ козелъ тотъ, соединясь изъ частей, бѣжалъ отъ нихъ. «Все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я вамъ скажу теперь»,—промолвилъ работникъ. «Мое имя Султанъ. Обо мнѣ знаетъ весь бѣлый свѣтъ; вѣроятно, и вы теперь знаете меня, услыхавши мое имя. Я былъ гостепріимецъ и каждый проѣзжій чрезъ нашъ аулъ могъ найти у меня и пріютъ и кусокъ хлѣба, всегда и во всякое время

*) Эта и слѣдующая сказка сообщены въ редакцію „Сборника“ И. М. Поповымъ.

дня и ночи. Слушайте. За одной очень красивою дѣвушкою я ухаживалъ 8 лѣтъ; наконецъ женился на ней, и въ первую ночь свадьбы моей, когда легъ спать, слышу—кто-то стучится въ дверь. Торопясь встрѣтить запоздалаго гостя, я выскочилъ изъ сакли, въ чемъ былъ, и увидѣлъ всадника, который спросилъ меня: «это ты Султанъ?», и, получивъ утвердительный отвѣтъ, ударилъ меня плетью, проговоривъ: «дай Богъ, чтобы съ этихъ поръ ты сталъ черною собакою». Я дѣйствительно оборотился въ собаку тутъ-же и увидѣлъ, какъ ударившій меня плетью сталъ располагаться въ моемъ домѣ, входя въ положеніе хозяина. Наконецъ, онъ раздѣлся и легъ спать съ моею женою. Я пробылъ въ дворѣ своего дома три дня и видѣлъ, что мое мѣсто занято совершенно тѣмъ, по волѣ котораго я сдѣлался собакою. За это время я ничего не ѣлъ, не пилъ и только на четвертый день хотѣлъ приласкаться къ бывшей своей женѣ, съ тѣмъ чтобы она покормила меня; но, вмѣсто куска хлѣба, получилъ ударъ по носу. Послѣ всего этого, я, голодный, бѣжалъ съ двора, съ цѣлью найти себѣ гдѣ-нибудь пріютъ. Вышелъ я за аулъ и увидѣлъ вдали человѣка, который шелъ на гору, гдѣ паслась баранта: это былъ пастухъ, несшій барантѣ соль. Я подбѣжалъ къ нему и сѣлъ не въ далекомъ разстояніи; пастухъ началъ звать меня—я не иду; онъ бросилъ мнѣ кусокъ кукурузнаго хлѣба (спскиль)—я подошелъ и съѣлъ его. Пастухъ пошелъ дальше, а я опять остановился и опять получилъ кусокъ хлѣба; я продолжалъ дѣлать это до-тѣхъ-поръ, пока не наѣлся, послѣ чего пошелъ за пастухомъ на гору. На горѣ той я пробылъ около баранты, съ другими собаками, три дня; на четвертый пріѣзжаютъ къ пастухамъ гости. Для гостей этихъ пастухи зарѣзали барана, и въ то время когда выбрасывали изъ него кишки и другія ненужныя части, всѣ собаки, кромѣ меня, бросались къ тѣмъ частямъ, рвали ихъ и дрались, я-же смотрѣлъ на все это издали. Пріѣхавшіе замѣтили меня и удивлялись,—почему не бросаюсь къ кишкамъ и я. Пастухъ, мой хозяинъ, сказалъ на это: «собаку эту я нашелъ въ дорогѣ и самъ не менѣе васъ удивляюсь ея положенію: она такъ умна, какъ можетъ быть умнымъ только человѣкъ». Тогда гости, желая убѣдиться, насколько я, собака, сообразительна, предложили пастуху дать мнѣ кусокъ баранины и галушекъ въ чашкѣ, чтобы видѣть, какъ я буду ѣсть то и другое. Пастухъ сдѣлалъ это, а я поѣлъ, сколько слѣдовало, и затѣмъ, не кончивъ всего, пододвинулъ чашку обратно лапою. Го-

сти въ особенности удивились этому и сказали, что не можетъ быть, чтобы я когда-нибудь не былъ человѣкомъ. При напоминаніи въ эту минуту о томъ, что и я былъ когда-то въ образѣ человѣка, мнѣ стало грустно; я тогда-же бѣжалъ отъ нихъ на другую, болѣе высокую гору и сталъ просить Бога послать такую бурю, чтобы вмѣстѣ съ другими погибнуть и мнѣ самому, или оказать въ бурѣ той такую услугу кому-нибудь, чтобы слава обо мнѣ, какъ о собакѣ, разнеслась по всему свѣту. Въ скоромъ времени, дѣйствительно, заволокло небо, навпели тучи, пошелъ дождь и градъ, при сильномъ вѣтрѣ, съ такою силою, что гости, пастухи и всѣ собаки разбѣжались, оставивъ стадо барановъ на собственный произволъ. Настала ночь и баранта стала разбѣгаться, но я заворотилъ отлучившихся къ стаду и сталъ его караулить. Въ полночь, слышу, подходитъ къ стаду волкъ и пропѣлъ на двѣнадцать голосовъ благодареніе Богу, за то, что онъ далъ ему случай воспользоваться нѣсколькими баранами, такъ какъ при нихъ не было хозяевъ. На это я сказалъ ему: если-бъ васъ, волковъ, дѣйствительно было двѣнадцать, то и тогда-бы вы не воспользовались ни однимъ барапомъ, а ты—одинъ: тѣмъ болѣе я не подпущу тебя къ стаду даже близко. Волкъ воротился назадъ и въ скоромъ времени привелъ еще одиннадцать. Тогда они бросились къ стаду, но я, начиная съ перваго мнѣ попавшагося и до послѣдняго, передушилъ ихъ всѣхъ, сложилъ ихъ въ одну кучу и улегся наверху самъ, такъ-какъ, отъ бывшаго дождя, на землѣ было мокро и не было мѣста, гдѣ-бъ я могъ прилечь. Буря прекратилась, и поутру я увидѣлъ, какъ съ разныхъ мѣстъ собирались къ барантѣ пастухи и собаки и подходили тѣ-же гости. Одинъ изъ пастуховъ пришелъ раньше другихъ и, увидѣвъ меня лежащимъ на возвышеніи, проговорилъ: «вишь, подлая собака, передушила всѣхъ козловъ», причемъ ударилъ меня палкою. Я поднялъ ужаснѣйшій крикъ, пока не подошелъ мой хозяинъ и не спросилъ, въ чемъ дѣло. Ударившій меня пастухъ сказалъ, что онъ, не разсмотрѣвши, что это не козлы, а волки, ударилъ меня палкою. Я все-таки продолжалъ кричать до той поры, пока хозяинъ мой не ударилъ пастуха тою-же палкою, пока не отомстилъ за меня. Послѣ этого разъѣхались гости и все пошло прежнимъ порядкомъ. Въ скоромъ времени послѣ отъѣзда гостей, пріѣзжаетъ къ намъ кумыкскій князь. Онъ поздоровался, слѣзъ съ лошади и началъ просить моего хозяина дать ему меня на нѣсколько дней, за что предлагалъ 600 монетъ, говоря, что онъ слышалъ обо мнѣ

много удивительнаго. Послѣ поднесенной ему закуски, условіе совершилось окончательно и я былъ отданъ на три дня. Князь привелъ меня къ себѣ домой, покормилъ и на ночь привязалъ цѣпью къ среднему столбу въ саклѣ. Въ саклю эту, немного спустя, онъ ввелъ блѣдную и худую свою дочь и положилъ ее на постель. Въ полночь, я слышу, кто-то стучится въ окно и говоритъ: «какъ желаешь въ эту ночь: дать мнѣ нѣсколько капель крови, или умереть?» Дѣвушка отвѣтила: «лучше пей кровь мою, но дай мнѣ пожить.» Тогда въ окно вползла какая-то женщина и начала пить кровь дочери князя съ пальца ея ноги. Я догадался, зачѣмъ помѣстили меня въ этой саклѣ, но, будучи привязаннымъ, никакъ не могъ схватить вѣдьму. На утро князь приходитъ къ дочери и распрашиваетъ о томъ, что было ночью. Дочь отвѣтила: «собака могла-бы задушить ту, которая пьетъ мою кровь, но цѣпь была причиною, почему на этотъ разъ не было успѣха». На слѣдующую ночь меня оставляютъ въ той-же саклѣ, но уже безъ привязи. Вѣдьма пришла снова, и на тотъ-же вопросъ получила тотъ-же отвѣтъ. Въ то время, когда она начала сосать кровь княжны, я бросился на вѣдьму, схватилъ и началъ душить ее; тогда она сказала: «пусти меня, Султанъ, я сдѣлаю для тебя три добрыхъ дѣла, начавъ первое съ дочери князя: я сдѣлаю ее такою-же, какою она была до того, пока я не пила ея крови». Въ то время, когда вѣдьма говорила это, я такъ сильно сдавилъ ее, что изъ рта ея текла кровь въ тазъ, который, по совѣту вѣдьмы-же, я подставилъ ей. Крови было уже достаточно, и вѣдьма сказала снова: «помажь этой кровью дочь князя и та будетъ такою-же, какою была прежде». На этихъ условіяхъ я отпустилъ злодѣйку. На слѣдующее утро отецъ опять приходитъ къ дочери и опять спрашиваетъ, что́ случилось. Дочь объяснила ему все, что видѣла, сказавъ, что я и вѣдьма о чемъ-то разговаривали, но она понять насъ не могла. Князь увидѣлъ тазъ съ кровью и хотѣлъ вылить ее; но я удержалъ тазъ зубами и, обмакнувъ въ кровь лапу, помазалъ ею княжну. Княжна стала чувствовать себя немного лучше: тогда отецъ вымазалъ дочь всю и она стала тутъ-же прежнею красавицею. Затѣмъ, вѣдьма больше не приходила въ домъ князя и меня отвели обратно къ пастуху. Славы я достигъ; обо мнѣ, какъ о необыкновенной собакѣ, начали говорить вездѣ.

У пастуха я долго не оставался; во что-бы то ни стало, я хотѣлъ отомстить женѣ и ея любовнику, и съ этою цѣлью по-

шелъ къ себѣ домой. Мнѣ хотѣлось разорвать имъ животы и скрыться изъ своего аула навсегда. Когда я пришелъ домой—было поздно, любовники уже спали и я легъ у дверей сакли, въ ожиданіи выхода кого-нибудь изъ нихъ; но за дорогу я такъ усталъ, что незамѣтно для самого себя заснулъ. Было уже свѣтло, когда любовникъ моей жены вышелъ изъ сакли и, замѣтивъ меня спящимъ, опять ударилъ плетью, говоря: «будь ты воробьемъ». Въ мгновенье ока я превратился въ воробья и улетѣлъ. На сосѣднемъ заборѣ я сѣлъ и началъ снова грустить, разсуждая такъ: когда я былъ собакою—меня всѣ знали, боялись, а теперь, ставши воробьемъ, я долженъ буду умереть отъ руки какого-нибудь мальчика. Въ то время, когда я такъ печалился, ко мнѣ подлетаетъ стая воробьевъ и приглашаетъ летѣть въ чей-то садъ клевать ежевику и сливы. Я долго отказывался отъ этого, но меня уговорили: я полетѣлъ. Мы летѣли долго, наконецъ сѣли въ одномъ саду; около сада этого была землянка, совсѣмъ заросшая бурьяномъ, изъ котораго едва виднѣлась труба и струйка дыма — признакъ, что тамъ былъ живой человѣкъ. Товарищи мои принялись за работу, а я сѣлъ въ отдаленіи и смотрѣлъ на все это, не принимая никакого участья. Вдругъ, слышу, скрыпнула въ землянкѣ дверь и оттуда вышелъ худой оборванный мальчишка; онъ увидѣлъ въ саду стаю воробьевъ, бросилъ въ нихъ камнемъ и, къ несчастью моему, попалъ въ меня, совсѣмъ невиноватаго: онъ перебилъ мнѣ крыло и я упалъ на землю. Мальчишка подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ и хотѣлъ оторвать мнѣ голову, но потомъ сказалъ: «постой, воробья этого я прежде покажу матери»,—и понесъ меня въ землянку. Передавая матери, онъ просилъ ее зажарить меня на закуску, но мать сказала, что одного воробья для этого мало и послала сына набить еще. Когда мальчикъ вышелъ изъ землянки, женщина, у которой я былъ въ рукахъ, спросила меня: «это ты, Султанъ?»—«Да,» сказалъ я, узнавъ въ женщинѣ этой ту вѣдьму, которую я поймалъ въ домѣ князи. «Вотъ видишь», сказала она, «я дѣлаю для тебя другое доброе дѣло—даю жизнь и тебѣ, но на этотъ разъ съ условіемъ: ты долженъ достать мнѣ ту плеть, съ которою никогда не разстается любовникъ твоей жены». Я обѣщалъ. Вѣдьма спрятала меня отъ сына, мазала каждый день крыло мое масломъ, а я сталъ поправляться и скоро былъ совсѣмъ здоровъ. Когда я могъ уже летать, мы съ вѣдьмой отправились въ прежній мой домъ, къ саклѣ любовниковъ. Намъ нужно было дождаться ночи,

чтобы безопаснѣе уворовать плеть; мы спрятались въ дворѣ моемъ и въ это время вѣдьма сказала мнѣ: «когда заснутъ любовники, ты долженъ пролѣзть въ щель подъ дверью въ саклю, потомъ отправляйся прямо къ головамъ спящихъ и какъ можно тише вытащи изъ-подъ подушки любовника плеть. Какъ-бы тяжела она ни была для тебя, ты старайся дотащить ее до дверей, а здѣсь въ щелку я протащу ее сама». Настала полночь, мы отправились на воровство. Я пролѣзъ въ саклю, нашелъ плеть по указанію вѣдьмы и съ большимъ трудомъ дотащилъ ее до дверей. Рука подъ дверью взяла плеть и вслѣдъ за этимъ изъ сакли вышелъ и я. Когда плеть была въ рукахъ вѣдьмы, она сказала мнѣ: «ну, Султанъ, теперь я сдѣлаю для тебя третье и послѣднее доброе дѣло». При этомъ она ударила плетью, проговоривъ: «съ этихъ поръ будь ты опять человѣкомъ»—и я сталъ опять человѣкомъ. Вѣдьма хотѣла отъ меня бѣжать, увидѣвъ меня человѣкомъ, но я догналъ ее и отнялъ плеть. Вѣдьма скрылась. Когда я узналъ свойство плети, въ головѣ моей въ одну минуту родились тысячи мыслей, какъ-бы поскорѣе отомстить любовнику и женѣ моей за все то зло и безчестіе, которыя они сдѣлали мнѣ. Я долго думалъ и наконецъ рѣшился: когда встали любовники, я пошелъ къ нимъ въ саклю и изумилъ ихъ своимъ появленіемъ; ударами плети я сдѣлалъ изъ любовника ослицу а изъ жены—осла, которые и до настоящаго времени служатъ мнѣ. Посмотрите, какъ они грустно смотрятъ на насъ: это бывшая моя жена и ея возлюбленный. Я на нихъ работаю, пашу землю, и вотъ этими желѣзными прутьями, разогрѣвши докрасна, наношу имъ удары, если вижу хотя маленькое непослушаніе. Вотъ, что можетъ быть на бѣломъ свѣтѣ,—и я вѣрю тому, что вы разсказали мнѣ. Теперь мой разсказъ оконченъ. Прощайте, пора работать».

Сказка о бѣдномъ человѣкѣ.

Въ одномъ аулѣ жилъ бѣдный человѣкъ, женатый на очень красивой женщинѣ. Жили они такъ бѣдно, что не могли навѣрно расчитывать на существованіе втеченіе будущихъ 3—4 дней, если не пріобрѣтутъ чего-нибудь поденною работою. Не смотря между тѣмъ на такую бѣдность, жена страстно любила своего

мужа и далека была отъ соблазновъ постороннихъ людей, въ числѣ которыхъ за ней особенно ухаживалъ аульный мулла, очень богатый человѣкъ. Въ одинъ изъ невеселыхъ дней ихъ жизни, мужъ пошелъ въ лѣсъ принести дровъ; проходя за ауломъ какою-то поляною, онъ замѣтилъ въ сторонѣ два арбуза, сорвалъ изъ нихъ одинъ и поторопился возвратиться къ женѣ, съ цѣлью съѣсть тотъ арбузъ, о чемъ, какъ только пришолъ, и сказалъ ей. Жена возразила на это: «арбузы въ нашей мѣстности рѣдкость, а потому не лучше-ли продать его и купить себѣ хлѣба, что обезпечило-бы насъ на нѣсколько дней. Ступай къ муллѣ и предложи ему—онъ купитъ». Мужъ послушалъ жены и отправился, куда она ему посовѣтовала. За арбузъ мулла далъ много хлѣба. Получая арбузъ, мулла спросилъ: нѣтъ-ли у него еще?—«Одинъ есть», отвѣтилъ бѣдный человѣкъ.—«Принеси его мнѣ, я дамъ тебѣ то, къ чему ты самъ прикоснешься руками», сказалъ мулла, «но съ условіемъ, чтобы и ты отвѣтилъ мнѣ тѣмъ-же, если арбуза не доставишь.» Бѣдный отвѣтилъ: хорошо, и поторопился къ женѣ обрадовать ее предстоящею перемѣною положенія: онъ хотѣлъ прикоснуться къ сундуку, въ которомъ хранились деньги муллы. Жена была не менѣе довольна, что бѣдность ихъ не сегодня, такъ завтра замѣнится богатствомъ, и спросила мужа, на какой полянѣ онъ нашелъ арбузы? Мужъ сказалъ. «Смотри, торопись скорѣе, а то если кто-нибудь сорветъ его до тебя, то я увѣрена, что, по условію, которое сдѣлалъ съ муллою, ты долженъ будешь разстаться со мною: мулла прикоснется ко мнѣ, такъ какъ онъ влюбленъ въ меня». Въ то время, когда мужъ и жена разговаривали такимъ образомъ, мулла секретно подослалъ двухъ своихъ муталимовъ (учениковъ) подслушать, что они говорятъ по поводу арбуза, и если узнаютъ мѣсто, гдѣ онъ растетъ, то тотъ-же часъ бѣжать туда и сорвать его. Муталимы все это подслушали и, пока собрался мужъ, опрометью бросились на знакомую имъ полину и сорвали арбузъ, возвратившись къ муллѣ окольными путями.

Приходитъ на полину эту мужъ, ищетъ арбуза и чѣмъ больше старается найти его, тѣмъ менѣе надѣется пріобрѣсти богатство, а имѣстѣ съ этимъ и пользоваться правомъ мужа въ отношеніи любимой имъ жены. Наконецъ онъ убѣдился, что арбуза нѣтъ, что онъ сорванъ уже. Стыдъ, который ожидалъ его въ аулѣ, когда онъ, по условію, дастъ разводъ женѣ и увидитъ ее въ саклѣ муллы, заставилъ его не возвращаться домой, а уйти

отъ роднаго мѣста, куда глаза глядятъ. Онъ шелъ очень долго и наконецъ приходитъ къ какой-то большой рѣкѣ, на берегу которой, по другую сторону, стоялъ красивый городъ. Не имѣя возможности переправиться на ту сторону, несчастный мужъ сѣлъ на этомъ берегу и ожидалъ случая—не перевезетъ-ли его кто-нибудь. Когда онъ сидѣлъ, размышляя такимъ образомъ, изъ города выѣхалъ какой-то всадникъ и направился прямо къ рѣкѣ, какъ оказалось, напоить лошадь. Это было поутру. Другъ друга они замѣтили. Вечеромъ, тотъ-же всадникъ опять привелъ къ водопою лошадь и опять видѣлъ, какъ тотъ-же незнакомый человѣкъ сидѣлъ на томъ-же мѣстѣ. Съ цѣлью узнать, что за человѣкъ, пробывшій на одномъ мѣстѣ цѣлый день, всадникъ переправился на другой берегъ и, послѣ должныхъ привѣтствій, подробно узналъ о несчастіи, которое случилось съ бѣднымъ человѣкомъ. Житель города пригласилъ къ себѣ въ гости незнакомца и они оба переѣхали рѣку. — Здѣсь бѣднякъ узнаетъ, что хозяинъ дома, куда онъ пріѣхалъ,—богатый человѣкъ и пользуется славою хлѣбосола; городъ-же принадлежитъ хану. Хозяинъ дома принялъ гостя какъ нельзя лучше: накормилъ его и приготовилъ мягкую постель—пуховую. На другой день ханъ дѣлалъ угощенье людямъ, пользующимся въ городѣ почетомъ или по богатству, или по уму; онъ присылаетъ и за хозяиномъ, у котораго жилъ бѣдный человѣкъ. Хозяинъ передалъ посланному: «скажи хану, что я не могу быть: у меня знатный гость, пріѣхавшій изъ далекихъ мѣстъ». Посланный ушелъ. Затѣмъ хозяинъ обратился къ гостю, говоря: «я знаю, что ханъ пришлетъ и за тобою; мы пойдемъ; но смотри—ведь у него себя такъ, какъ и скажу тебѣ. Слушай. Прежде всего ты надѣвай лучшую мою черкеску и все что слѣдуетъ къ ней; возьми вотъ этотъ кинжалъ, въ ножнахъ котораго есть дорогой ножикъ: ты его никому не давай даже посмотрѣть. Во время закуски ты рѣжь имъ баранину, и когда другіе, дѣлавши тоже, будутъ обмывать свои ножи, ты не дѣлай этого, а не выпуская ножа изъ рукъ, оботри его объ полу черкески хана. Когда-же мы прійдемъ къ хану, ты садись рядомъ съ нимъ и не уступай своего мѣста, кто-бы ни пришелъ послѣ тебя. Если все это не будетъ исполнено,—ты погибъ». Послѣ наставленія этого, дѣйствительно пришелъ посланный вторично и отъ имени хана просилъ пожаловать обоихъ. Гость и хозяинъ были уже готовы, они пришли къ хану первыми; ханъ встрѣтилъ ихъ очень любезно, привставъ съ своего

мѣста. Бѣдный поклонился съ важностію и сѣлъ около хана. Съ тѣмъ вмѣстѣ какъ ханъ занялся гостемъ, товарищъ этого послѣдняго ушелъ на другую половину поговорить съ собравшимися тамъ менѣе почетными гостями. Между тѣмъ подходили новые гости и ханъ встрѣчалъ ихъ, соображаясь съ положеніемъ каждаго: одному подавалъ руку, вставая съ мѣста, другому только кивалъ головой; гость-же—бѣдный—все уступалъ мѣсто свое вновь пришедшему, до-тѣхъ-поръ, пока не очутился наконецъ у самаго порога. Затѣмъ подали закуску и начэли ѣсть. Одинъ изъ гостей, забывъ взять съ собою ножикъ, попросилъ стоявшаго сзади слугу дать ему свой; бѣдникъ, желая и тутъ быть любезнымъ, предложилъ завѣтный ножикъ своего хозяина. Гость принялъ его, поблагодарилъ; но прежде чѣмъ начать имъ рѣзать, ножикъ, какъ рѣдкость по отдѣлкѣ, сталъ переходить изъ рукъ въ руки: одинъ, полюбовавшись, передавалъ его другому и наконецъ онъ попалъ въ руки хана, который, взявши его, задрожалъ. Онъ всталъ съ своего мѣста и волнующимся голосомъ спросилъ: «чей этотъ ножъ?» Всѣ указали на бѣднаго человѣка. «Вотъ когда я нашелъ виноватаго!» крикнулъ ханъ и приказалъ арестовать несчастнаго. «Съ этимъ ножемъ у меня пропала громадная сумма денегъ и я строго накажу виновнаго», заключилъ ханъ.

Въ то время когда бѣдный былъ арестованъ, явился настоящій владѣлецъ ножа и просилъ хана отдать арестованнаго на его поруки, какъ гостя, который у него остановился. Ханъ согласился, но съ условіемъ, чтобы ручающійся далъ клятву не совѣтовать виновнику ничего, могущаго его оправдать, и слѣдить за нимъ. Клятва дана—и арестованный и хозяинъ его поспѣшили возвратиться домой.

Когда они пришли, хозяинъ показалъ гостю все свое нерасположеніе: онъ дурно накормилъ его, приказалъ постлать ему постель самую жесткую и не говорилъ съ нимъ ни слова. Настало время вечера: гость легъ на указанномъ ему мѣстѣ—у порога, а хозяинъ, взявши балалайку, сѣлъ у камина, играя и вмѣстѣ съ тѣмъ придумывая, какъ-бы, не нарушая данной клятвы, помочь гостю. Онъ думалъ долго и наконецъ остановился на кошкѣ, которая подошла къ огню. Гость еще не спалъ и видѣлъ, какъ хозяинъ, схвативши кошку за шею, началъ трепать ее, говоря: «послушай, кошка, ты—слабое животное; вѣдь только одинъ взмахъ—и я убью тебя, подлая ты эта-

кая! Вѣдь, ты, глупая кошка, не умѣешь беречи себя; а если-бъ ты была умная, то вотъ что должна сдѣлать-бы и не позже какъ завтра-же поутру: встать раньше, осѣдлать лучшаго моего коня, надѣть лучшій мой нарядъ, взять лучшее оружіе и поѣхать къ трусу хану во дворъ, джигитуя тамъ. Ханъ тебя увидитъ и спроситъ, что ты за человѣкъ? Ты скажи ему: я князь и искалъ убійцы двухъ моихъ братьевъ; въ груди одного изъ нихъ я нашелъ воткнутымъ ножикъ, который ты вчера призналъ своимъ. Я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ отомстить тебѣ. Ханъ, по трусости своей, попроситъ у тебя мировой—ты уступи ему; онъ предложитъ тебѣ много денегъ—ты возьми и возвращайся ко мнѣ. Пошла прочь, гадкая кошка, а завтра смотри у меня, иначе я убью тебя». Все это гость слышалъ, не проронивъ ни слова. Хозяинъ улегся спать, но не спалося гостю: чуть свѣтъ онъ сдѣлалъ все, что говорилось кошкѣ, сообразивъ, что это относилось къ нему, и поѣхалъ къ хану. У хана бѣдный человѣкъ исполнилъ все, что слѣдовало сдѣлать кошкѣ, и возвратился къ хозяину уже богатымъ: ханъ далъ ему нѣсколько сотъ тысячъ денегъ, ради того чтобы онъ не искалъ случая мстить ему за смерть двухъ своихъ братьевъ, убитыхъ, будто-бы, ханскимъ ножемъ.

Изъ числа полученныхъ денегъ гость далъ часть своему хозяину и собирался въ обратный путь на родину; но тѣмъ не менѣе былъ невеселъ при мысли о томъ, что такъ или иначе онъ все-таки долженъ будетъ отдать свою жену муллѣ, такъ какъ мулла богатъ и денегъ не захочетъ. Какъ выйти изъ такого постыднаго положенія? Богачъ проситъ совѣта у кунака своего. Кунакъ предложилъ ему слѣдующее: «когда пріѣдешь домой, построй двухъ-этажный домъ; въ нижнемъ этажѣ ты расположи частями все твое богатство, а въ верхнемъ помѣсти жену, такъ чтобы къ ней вела только одна лѣстница. Лѣстницу ты устрой такимъ образомъ: когда мулла, обойдя нижній этажъ и ни къ чему не прикоснувшись, захочетъ пойти на верхній, къ женѣ твоей, то чтобы лѣстница, при томъ какъ всходящій по ней станетъ на третью ступень,—опрокинулась. Если это случится съ муллою, онъ не захочетъ упасть и схватится за нее. Вотъ тебѣ случай—вмѣсто жены, отдать муллѣ одну только лѣстницу, такъ какъ прежде всего онъ прикоснется руками къ ней,—и этимъ условіе съ нимъ не будетъ тобою нарушено.»

Теперь уже богатый человѣкъ пріѣхалъ домой веселымъ и

засталъ свою жену такъ-же вѣрною и преданною ему: она не могла сдѣлаться женою муллы на томъ основаніи, что мужъ, оставляя ее, не далъ развода.

Домъ выстроенъ и къ муллѣ было послано приглашеніе прійти и выбрать то, что ему нравится. Мулла не заставилъ долго ждать себя: онъ пришелъ, обходилъ весь нижній этажъ, видя кучи серебра и золота, но не прикоснулся ни къ чему. Для того чтобы не прикоснуться къ чему-нибудь случайно, онъ заложилъ свои руки за спину и такъ отправился на верхній этажъ, увидѣвъ на балконѣ сидящею ту, которою хотѣлъ владѣть. Онъ становится на третью ступень и падаетъ, но, схватившись за лѣстницу, удержался. Мужъ воспользовался этимъ случаемъ, и не смотря на отказъ муллы, послалъ ему ту самую лѣстницу, а самъ съ-этихъ-поръ зажилъ съ женою богато и весело.

I*).

У одного умнаго и богатаго человѣка былъ сынъ, который ничего не дѣлалъ, а только веселился съ товарищами, поилъ и кормилъ ихъ и ѣздилъ съ ними по гостямъ.

Отецъ часто говорилъ ему, что онъ дѣлаетъ очень дурно, даже бранилъ его; но это ничего не помогало, такъ что отецъ, однажды, въ огорченіи, сильно заболѣлъ и, призвавъ сына, сказалъ ему: «Сынъ мой! я чувствую, что скоро умру; послѣ моей смерти, я знаю, что ты все имѣніе мое, съ дурными твоими товарищами, прокутишь, и когда тебѣ нечего будетъ пить и ѣсть, то и они тебя оставятъ, почетъ твой кончится и ты только тогда раскаешься въ своей жизни и такъ будешь сильно скучать, что тебѣ захочется лучше умереть, чѣмъ жить; поэтому, я приготовилъ тебѣ, въ верхней комнатѣ, веревку, чтобъ ты могъ на ней повѣситься; привяжи ты ее тогда себѣ за шею и повисни,—вотъ тебѣ мой послѣдній совѣтъ». Послѣ этого отецъ дѣйствительно вскорѣ умеръ; сынъ, какъ говорилъ отецъ, имѣніе съ товарищами своими прокутилъ, и когда нечего было пить и ѣсть ему, то и товарищи его оставили, и тогда онъ сказалъ: «Эхе! хе! Правду говорилъ мой отецъ; все что онъ говорилъ—правда вышла; те-

*) Нижеслѣдующія сказанія сообщены въ редакцію Д. Д. Дмитріевымъ.

перь мнѣ не остается ничего больше дѣлать, изъ того что онъ говорилъ, какъ только повѣситься. Пойду-же и умру хоть такъ, какъ онъ сказалъ». Съ этими словами, въ глубокомъ отчаяніи, пошелъ онъ наверхъ, завязалъ себѣ за шею веревку, приготовленную ему тамъ отцомъ, и повѣсился. Когда-же онъ повисъ на веревкѣ, то доска, къ которой она была прикрѣплена, упала, а вмѣстѣ съ ней посыпались, какъ дождь, золотыя деньги: ихъ спряталъ отецъ для своего сына, на то время, когда у него случится черный день. Сынъ взялъ эти деньги, оставилъ пьянство и гульбу и началъ жить, какъ его отецъ, занимаясь дѣломъ, которое приноситъ пользу и спокойствіе, и такъ-же, какъ его отецъ, сдѣлался послѣ хорошимъ хозяиномъ.

II.

Однажды, мальчикъ взялъ мѣшокъ и пошелъ въ лѣсъ за грушами; увидавъ на одномъ деревѣ очень много грушъ, онъ положилъ мѣшокъ на землю, а самъ взлѣзъ на дерево и началъ трясти его вѣтки, чтобъ груши падали внизъ. Въ это время близко проходилъ медвѣдь; замѣтивъ мальчика, онъ подошелъ къ дереву и сказалъ: «эй, мальчикъ, взлѣзь повыше на эту сухую вѣтку и потряси грушъ для меня». Мальчикъ, испугавшись медвѣдя, полѣзъ на вѣтку и сталъ ее трясти, но какъ она была сухая, то скоро обломилась, и онъ упалъ въ мѣшокъ; тогда медвѣдь завязалъ мѣшокъ веревочкой, а самъ пошелъ искать другой добычи.

Мальчикъ, услыша, что медвѣдь ушелъ, началъ стараться вылѣзть изъ мѣшка; долго ничего не могъ сдѣлать, наконецъ нашелъ маленькую дырочку, сдѣлалъ ее больше и, просунувъ руку, развязалъ мѣшокъ, вылѣзъ изъ него и, взявъ его на плечи, побѣжалъ какъ можно скорѣе домой.

III.

Въ то время, когда народъ часто ѣздилъ въ набѣги и привозилъ хорошія добычи, жилъ одинъ небогатый человѣкъ, который любилъ заниматься хозяйствомъ и имѣлъ мельницу.

Однажды, когда товарищи его весело собирались въ набѣгъ. ему очень захотѣлось поѣхать съ ними; для этого, онъ, продавъ мельницу, на вырученныя деньги купилъ коня и отправился за добычей. Въ первомъ-же дѣлѣ онъ получилъ сильную рану въ голову. Товарищи его, желая узнать, дошла-ли пуля до мозга, начали трогать рану.

«Что вы дѣлаете?» спросилъ онъ ихъ.—«Безпокоясь, не поврежденъ-ли мозгъ, хотимъ осмотрѣть», — отвѣчали они. «Не безпокойтесь!» сказалъ онъ имъ: «мозгъ не поврежденъ,—потому что его нѣтъ въ моей головѣ: если-бъ онъ былъ у меня, то я не продалъ-бы мельницы, чтобъ купить коня и пріѣхать сюда съ вами».

Пословицы.

У неимѣющаго сына—дочь пошла на войну.

Плачущій отъ души—не слезами, а кровью плачетъ.

Горячій (нетерпѣливый) человѣкъ только и хорошъ при переправѣ въ бродъ.

Безъ зубовъ волкъ не будетъ.

У разсудительнаго сына мать не будетъ плакать.

Лошадь, которую хозяинъ хвалилъ, впередъ не пришла.

Оставшаяся на ночь каша—говорить учится *).

У кого есть двѣ жены, тому собаки не нужно.

---

*) Эта пословица говорится въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный откладываетъ показаніе свое до слѣдующаго дня.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

КАКЪ ЖИВУТЪ ЛАКИ(*).

Не смотря на то, что лаки занимаютъ своими поселеніями весьма незначительное пространство, — климатическія условія ихъ земли довольно разнообразны. Къ югу, она поднимается выше и выше и упирается въ главный хребетъ, на которомъ лежатъ вѣчные снѣга; къ сѣверу-же и востоку—наоборотъ. Поэтому, хлѣба и вообще растительность созрѣваютъ въ сѣверной части ея двумя-тремя недѣлями раньше, чѣмъ въ южной. Но и въ сѣверной части лакской земли климатъ не одинаковъ. Такъ, напримѣръ, въ Вицхинскомъ магалѣ, составляющемъ сѣверную ея оконечность, не вездѣ одновременно созрѣваетъ растительность: по лѣвой сторонѣ Казикумухскаго-Койсу хлѣбъ поспѣваетъ раньше почти недѣлею, чѣмъ на правой сторонѣ этой рѣки, а разстояніе между этими мѣстностями составляетъ всего 4—5 верстъ.

Въ лѣтнее время въ горахъ никто не сидитъ сложа руки. Даже и тѣ, которые не имѣютъ собственныхъ полей, идутъ цѣлыми семействами на работу къ другимъ, за самую скудную плату; многіе и изъ тѣхъ, которые имѣютъ свои поля, благодаря различію климата, успѣваютъ помогать своимъ знакомымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ работы начинаются раньше. Считаю здѣсь нелишнимъ познакомить читателя съ общественными взаимными отношеніями горцевъ. Независимое и самостоятельное положеніе горца, каковымъ онъ пользовался и дорожилъ во время оно, заставляло его имѣть

(*) Начало этой статьи помѣщено въ III выпускѣ настоящаго „Сборника“.

тѣсную связь съ своимъ тухумомъ. который представлялъ собою какъ-бы одно семейство по отношенію къ прочимъ такимъ-же тухумамъ. Каждый аулъ въ горахъ состоитъ изъ двухъ-трехъ такихъ громадныхъ семействъ. защищающихъ интересы каждаго своего члена противъ другаго такого-же семейства, на жизнь и смерть. Изъ этого видно, что тотъ, у котораго больше родства, пользуется въ своемъ аулѣ большимъ вліяніемъ и почетомъ. Далѣе, сгруппированный изъ нѣсколькихъ такихъ семействъ, аулъ тоже составлялъ своего рода одно семейство по отношенію къ другимъ ауламъ, каждый членъ котораго готовъ былъ защищать своего односельца противъ иносельца и идти изъ-за интереса своего односельца на смерть, если того требовали обстоятельства. Независимо отъ этого, каждый горецъ имѣетъ въ прочихъ аулахъ по одному *камаличу*, т. е. близко-знакомому человѣку, у котораго онъ гоститъ, въ случаѣ ему придется бывать въ чужомъ аулѣ. Близкія и дружескія отношенія такихъ знакомыхъ сохраняются священно навсегда и потомственно. Пріѣхавшій въ чужой аулъ горецъ, если-бы остановился въ гостяхъ у другаго знакомаго, а не у *камаличу* своихъ предковъ, то этимъ нанесъ-бы послѣднему кровную обиду, и такой поступокъ его почелся-бы въ общественномъ мнѣніи недостойнымъ и низкимъ поступкомъ. Кунаки принимаютъ взаимное участіе безусловно во всѣхъ интересахъ другъ друга, а потому, во время полевыхъ работъ, изъ другихъ ауловъ, гдѣ еще не начиналась работа, являются (преимущественно женщины, а нерѣдко и мужчины) на помощь къ своимъ знакомымъ.

За нѣсколько дней *до выхода серпа* (*), въ нашемъ аулѣ народъ приготовлялся къ жатвѣ хлѣба. Работа эта, хотя считается общею для мужчинъ и женщинъ, но все-же самая значительная доля ея падаетъ на женщинъ, какъ это будетъ видно ниже. Въ каждомъ семействѣ бывало извѣстно въ тѣ дни, на какой именно пашнѣ болѣе поспѣлъ хлѣбъ, и таковая пашня назначалась для начатія жатвы. Орудіе для этой работы совершенно такой-же серпъ, какъ у русскихъ, и по большей части онъ русской-же работы.

(*) Туземное выраженіе о началѣ жатвы хлѣба.

Горцы покупаютъ на темиръ-ханъ-шуринскомъ и дербентскомъ базарахъ русскіе серпы и предпочитаютъ ихъ серпамъ мѣстной работы. Кромѣ серповъ, для жатвы также приготовляются и маленькія косы.—Приготовившись вполнѣ, народъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ извѣщенія мангуша о начатіи жатвы и кошенія. Наканунѣ назначеннаго *куписами* (старшинами) дня, уже вездѣ извѣстно объ этомъ, и послѣ предвечерней молитвы, мангушъ кричитъ, сколько есть мочи: «фатиха! завтра выходитъ серпъ: у кого хлѣбъ поспѣлъ—пусть жнутъ! Слушайте!» Послѣднее слово мангуша сопровождается шумнымъ крикомъ мальчиковъ, которые въ этомъ случаѣ собираются нарочно поближе къ мангушу.—На другой день, рано утромъ, хозяйки стараются убрать поскорѣе дома, кладутъ въ шерстяные мѣшки по полхлѣба съ сыромъ, или-же по нѣсколько горстей толокна, и отправляются на назначенную пашню, со взрослыми дочерьми, если таковыя находятся въ семействѣ. Мужчины-же въ эту пору по большей части бывали заняты въ прежнее время другими дѣлами, и только немногіе изъ нихъ принимали участіе вмѣстѣ съ женщинами въ жатвѣ.—Находясь въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ мюридами, лаки тогда часто терпѣли отъ нихъ нападенія. Хотя, по настоящему, въ такую пору и мюриды должны-бы были заниматься своими полевыми работами, но, во-первыхъ, между ними находились бѣглые *мугаджиры* (*), не имѣвшіе ровно ничего для работы, а только жившіе исключительно разбоемъ и грабежомъ и всегда усердно старавшіеся воспользоваться всякимъ удобнымъ для своей цѣли временемъ, особенно-же тою порою, когда жители наши, занятые своими работами, разсыпались по полю, и во-вторыхъ, у мюридовъ мужчины, отвлекаемые постоянною войною, взваливали всѣ полевыя и домашнія работы на однѣхъ лишь женщинъ. Такимъ образомъ, и коренные обитатели чисто-исламской и набожной земли, т. е. мюриды, постоянно присоединялись большими партіями къ мугаджирамъ, которые, отлично зная мѣстность своей родины, водили ихъ, чтобы грабить, убивать и брать въ плѣнъ своихъ бывшихъ одноплеменниковъ и даже родственниковъ, безъ различія пола и возраста. Такимъ

(*) т. е. бѣжавшіе къ мюридамъ (отъ слова *гиджра*—бѣгство изъ земли невѣрныхъ).

поведеніемъ мугаджировъ можно сколько-нибудь опредѣлить степень человѣколюбія горца и послѣдованія его основнымъ правиламъ мусульманской вѣры: „*любить ближняго и считать единовѣрцевъ братьями*“.

Глава послѣдователей шаріата и вообще сподвижники правовѣрія не только не препятствовали такимъ звѣрскимъ, противнымъ основанію поддерживаемой ими религіи, поступкамъ, но, напротивъ, властолюбивые и корыстолюбивые правители газаватистовъ, хорошо зная духъ народа, поощряли всѣми средствами все, что было по его вкусу. Отъ мугаджировъ даже требовалось, чтобы они какъ можно болѣе наносили вреда своимъ ближнимъ, находившимся подъ русскимъ управленіемъ. Населеніе, которое заблаговременно передать себя подъ защиту Россіи, находилось отъ земли, населенной вольными или невольными послѣдователями шаріата, въ разстояніи не болѣе 10—15 верстъ. Въ то время, какъ я теперь припоминаю, необходимо было для лицъ, стоявшихъ во главѣ семейства (не говорю о правителяхъ, которые управляли обществами: само-собою, положеніе ихъ было гораздо щекотливѣе), обходиться съ своими подчиненными черезчуръ снисходительно во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе, всякій изъ нихъ могъ подвергнуться опасности потерять навсегда кого-либо изъ своего семейства за самыя основательныя требованія—уважать его права, какъ главы семейства. Напримѣръ, какой-нибудь отецъ, если позволялъ себѣ произнести легкій выговоръ кому-либо изъ своихъ дѣтей за позднее возвращеніе домой или-же за неаккуратное исполненіе домашней работы, или мужъ своей женѣ за невкусный завтракъ или ужинъ, то оскорбленные до другаго утра оказывались уже на землѣ мюридовъ. Послѣдніе въ этихъ случаяхъ поступали весьма практично: по появленіи бѣглой женщины или дѣвушки, они немедленно выдавали ее замужъ, послѣ чего она само-собой не могла возвратиться обратно къ своей семьѣ; а бѣглымъ мужчинамъ предлагали немедленно нанести какое-нибудь кровное оскорбленіе прежнему своему обществу или-же какому-нибудь вліятельному лицу этого общества. Новый мугаджиръ не медлилъ пріобрѣсти къ себѣ довѣріе мюридовъ и старался убить или ограбить кого-нибудь изъ своихъ, что удавалось ему легко, благодаря знанію родной мѣстности. Послѣ того

бѣглецъ дѣлался настоящимъ мугаджиромъ и, само-собою, вѣчнымъ кровнымъ врагомъ своего общества. Шатаясь повсюду безъ дѣла, а потому и безъ насущнаго хлѣба, гонимые чувствительнымъ голодомъ, мугаджиры дѣлались въ непродолжительное время самыми отчаянными разбойниками: отъ рукъ ихъ страдали часто и самые близкіе ихъ родственники, оставшіеся подъ своею родною кровлею. Общество принимало мѣры противъ покушеній мугаджировъ, мало однако удовлетворявшія цѣли. Когда какой-нибудь мугаджиръ совершалъ грабежъ, ближайшіе родственники его обязаны были удовлетворять обиженныхъ, чрезъ что цѣлыя семейства разорялись до нищеты, по милости измѣнника своему семейству и обществу. Мугаджирамъ до этого дѣла не бывало. Имъ нужно было насущнаго хлѣба для существованія, довѣрія и славы посреди того общества, къ которому они перебѣжали, а тамъ хотя-бы цѣлый свѣтъ погибалъ черезъ нихъ,—они не чувствовали ни малѣйшаго угрызенія совѣсти; напротивъ, кому изъ нихъ удавалось побольше совершить самыхъ безчеловѣчныхъ поступковъ, тотъ стоялъ въ большемъ почетѣ въ средѣ коренныхъ жителей, ихъ властей и своихъ-же товарищей. Такія условія жизни мугаджира способствовали тому, что самый смирный человѣкъ, сдѣлавшись почему-бы то ни было мугаджиромъ, въ короткое время превращался въ кровожаднаго звѣря.—Я удивляюсь теперь, вспоминая, какъ снисходительно народъ нашъ смотрѣлъ на такое звѣрство.

Потерпѣвшіе отъ такихъ человѣко-звѣрей, не роптали на нихъ, а только жалѣли о случившемся несчастіи, подобно тому какъ если-бы какой-нибудь звѣрь истерзалъ вашего ближняго, или-же истребилъ вашу собственность, то вы только пожалѣете о случившемся несчастіи и упрекнете самого себя въ неосторожности. Не было-бы нелѣпо, если-бы вы начали упрекать за такое несчастіе самого звѣря. Помню, я ужасно боялся мюридовъ и мугаджировъ, воображая ихъ въ видѣ чертей и домовыхъ и даже еще въ болѣе страшномъ видѣ. Я слышалъ отъ взрослыхъ людей, бесѣдовавшихъ на площади, что черти только въ древнее время ходили на землѣ открыто: когда-же они увидѣли, что люди перещеголяли ихъ въ злости и обманахъ, то, сконфуженные такою побѣдою людей, они сдѣлались

невидимыми, чтобы кознодѣйствовать скрытно отъ людей. Поэтому, я боялся чертей только тогда, когда мнѣ приходилось оставаться наединѣ въ темномъ мѣстѣ дома. Притомъ-же черти казались мнѣ гораздо менѣе страшными, чѣмъ мюриды и мугаджиры, уже потому, что у меня были зашиты на рубашкѣ писанныя молитвы и я былъ увѣренъ, что хотя домовой и можетъ испугать меня издалека, но не посмѣетъ подойти близко и схватить меня. Отъ мюридовъ-же и мугаджировъ нельзя было защититься никакою молитвою . . . Тѣмъ не менѣе однако, были изъ молодежи въ народѣ такіе, что съ завистью смотрѣли на подвиги мугаджировъ и на неустрашимую храбрость нѣкоторыхъ изъ нихъ, приписывая ее какому-то божественному вдохновенію, и въ доказательство своихъ убѣжденій указывали на нѣкоторыя личности, которыя отличались смирною и тихою жизнію, а потомъ, убѣжавши къ мюридамъ, сдѣлались отчаянными мугаджирами,— и только очень немногіе возражали такой молодежи, говоря: „всякій изъ насъ хорошъ, когда не можетъ быть дурнымъ, а когда найдется малѣйшая къ тому возможность, то никто не упуститъ случая сдѣлаться дурнымъ". И дѣйствительно, поговорка эта вполнѣ характеризовала нравственность горца.

Мнѣ помнится, что на площадяхъ и улицахъ, во время обычныхъ бесѣдъ, между прочимъ разсказывали тогда объ ужасно-кровавой участи жителей одной деревни, которая была разорена дотла отрядомъ мюридовъ, во главѣ котораго находился лично самъ предводитель благочестивыхъ шаріатистовъ и имамъ смиренныхъ послѣдователей пути несомнѣннаго пророка.—Камаши (такъ называется этотъ ауль) не только былъ разоренъ до основанія (*), но, по личному приговору самого имама, всѣ мужчины свыше 15-ти лѣтняго возраста были осуждены на лишеніе жизни, такъ что изъ цѣлаго аула, состоявшаго изъ 170 дворовъ, не остался въ живыхъ ни одинъ взрослый мужчина, кромѣ нѣсколькихъ лицъ, ко-

(*) Ауль *Камаши* находится на лѣвой сторонѣ Казикумухскаго-Койсу, недалеко отъ Кумуха; только послѣ 1859 года оставшіеся въ живыхъ жители его возобновили его изъ развалинъ.

торыя на тотъ разъ были въ отсутствіи; всѣ были изрублены или застрѣлены богобоязливыми мюридами. Многія семейства, въ полномъ ихъ составѣ, были сожжены въ своихъ собственныхъ домахъ; между трупами мужчинъ находили и женщинъ, съ отрѣзанными грудями; страшные вопли женщинъ, душу раздирающіе ихъ стоны и плачъ дѣтей казались мюридамъ забавою и удовольствіемъ. Разсказывая объ участи несчастныхъ камашинцевъ, сдѣлавшихся жертвою жестокихъ мюридовъ, жители нашего аула, особенно женщины, выражали лишь только свое состраданіе къ погибшимъ, но я ни разу не слыхалъ, чтобы кто-нибудь осуждалъ этотъ поступокъ Шамиля.

По всему сказанному о междоусобной борьбѣ моихъ соотечественниковъ, читатель можетъ составить себѣ сколько-нибудь ясное понятіе объ отношеніяхъ жителей, бывшихъ въ то время покорными русскимъ, съ своими непокорными сосѣдями, а равно и о томъ, почему почти вся тяжесть трудовъ по хозяйству лежала на женскомъ полѣ. Съ тѣхъ поръ какъ *выходилъ серпъ*,—усиливался пограничный караулъ, и на мѣсто 15—20 человѣкъ, которые назначались для охраненія сельскихъ стадъ, теперь назначалось въ караулы отъ 20 до 30 и болѣе вооруженныхъ людей. Изъ нихъ часть, по назначенію мангуша, должна была выходить до разсвѣта *для очистки дорогъ*; они должны были осмотрѣть всѣ мѣста, гдѣ непріятель могъ спрятаться за ночь. Въ такіе караулы назначались болѣе или менѣе расторопные молодые люди, которые бывали уже въ перестрѣлкахъ и отличились. Съ ними не пускали людей преклонныхъ лѣтъ или слишкомъ молодыхъ, только что *привязавшихъ на себя оружіе*, потому что тутъ можно было ожидать опасности на каждомъ шагу: наткнуться на засаду и неожиданно быть убитымъ или взятымъ въ плѣнъ. Остальной караулъ выходилъ рано утромъ и до восхода солнца занималъ свою позицію. Старики и старухи оставались дома,—и въ тѣхъ семействахъ, гдѣ были маленькія дѣти, они занимали мѣсто нянюшекъ до возвращенія матерей съ работы. Иные молодые люди и даже мужья, выспавшись послѣ утренней молитвы,—въ своихъ тулупахъ и ночныхъ папахахъ, надѣтыхъ навыворотъ, для того чтобы

сколько-нибудь избавиться отъ мучительныхъ насѣкомыхъ,—лѣнивo ходили по площади и улицамъ, медленно выпуская изъ рта табачный дымъ. Когда-же солнце поднималось съ востока *на два столба* (*), они отправлялись домой и, отыскавъ гдѣ-нибудь завтракъ, оставленный матерью, сестрою или женою, принимались за наполненіе своихъ желудковъ бузою, которая въ рабочее время всегда найдется у горца, а потомъ, одѣвшись и вооружившись, отправлялись въ поле, гдѣ семейство каждаго изъ нихъ неутомимо работало. Пришедши на пашню, каждый снималъ съ себя верхнюю одежду и оружіе и, положивъ ихъ на удобномъ мѣстѣ, начиналъ связывать снопы хлѣба. Клали снопы вмѣстѣ, крестообразно, такъ чтобы колосья соединялись по серединѣ креста, называемаго *мцу*. Къ полудню рабочіе оставляли свою работу и удалялись куда-нибудь подъ тѣнь, для отдыха и совершенія полуденной молитвы, а потомъ, собравшись въ кружокъ, обѣдали. Обѣдъ всегда брали съ собой изъ дому, еще утромъ; онъ состоялъ изъ хлѣба, сыра или толокна и непремѣнно—бузы. Нѣкоторыя матери грудныхъ дѣтей, оставившія ихъ дома, подъ покровительствомъ бабушки или дѣдушки, возвращались домой, съ вязанкою травы на спинѣ, чтобы покормить грудью своихъ дѣтей; а тѣ изъ матерей, которыя не имѣли въ семействѣ ни бабушки, ни дѣдушки, брали своихъ маленькихъ дѣтей, вмѣстѣ съ колыбелью, въ поле,—и поставивъ колыбель въ тѣни, сами работали, убаюкивая ребенка, когда лишь онъ заплачетъ.

Во время жатвы народъ казался веселѣе обыкновеннаго, потому что это единственное время, въ которое горецъ обезпеченъ хлѣбомъ: хлѣбъ (сколько-бы его ни было) уже поспѣлъ, и нѣтъ пока надобности думать о покупкѣ его по мѣшочкамъ. Я говорилъ выше о томъ, что многія семейства, у которыхъ давно уже вышелъ свой собственный хлѣбъ,—къ началу лѣта покупали его понемногу, стараясь всячески какъ-нибудь дожить до новаго урожая. Такія семейства теперь спѣшили приносить съ поля по нѣсколько сноповъ и выколачивали колосья палкою, а очищенное зерно носили въ мелкія мельницы въ маленькихъ мѣшочкахъ, и такимъ

(*) Туземное выраженіе для опредѣленія утренняго времени.

образомъ кое-какъ обходились, пока средства позволяли имъ *сдѣлать чаръ*, т. е. смолотить хлѣбъ на гумнѣ, въ большемъ количествѣ. По вечерамъ, надъ ауломъ воздухъ наполнялся густымъ дымомъ: каждая хозяйка, по возвращеніи своемъ домой передъ вечеромъ, непремѣнно съ вьюкомъ сѣна на собственной спинѣ,—приготовляла *теплое сѣдомое* для семьи своей, позволяя себѣ лишнюю роскошь въ ѣдѣ, за то, что время рабочее и трудовое. Въ это время года, обыкновенно, во многихъ домахъ уже выходитъ запасъ копченой баранины, но зато у многихъ есть дойная корова. Это животное имѣетъ важное значеніе въ хозяйствѣ горца, въ особенности, у кого есть дѣти. Поэтому, хотя въ домѣ нѣтъ баранины, чтобы сварить мясное на ужинъ для посторонняго работника, но, благодаря дойной коровѣ, хозяйка не постыдится за скудность ужина или обѣда: сырники, пироги съ сыромъ, облитые масломъ, и, наконецъ, свѣжее масло или кислое молоко съ избыткомъ замѣняютъ мясо. Въ тѣхъ-же домахъ, гдѣ нѣтъ дойныхъ коровъ, куры имѣютъ не малое значеніе: вареники съ яйцами или-же яичница тоже не малая роскошь въ горахъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ домѣ на ужинъ приготовляютъ сытныя блюда, и очень рѣдкія хозяйки, работающія сами, безъ посторонняго, и не имѣющія маленькихъ дѣтей, ограничиваются сухою закускою, состоящею изъ толокна или вчерашняго хлѣба, съ водою, а иногда съ теплымъ наваромъ отъ хинкала или сывороткою, присланными кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ или сосѣдей.

Въ лѣтнюю рабочую пору, почти всѣ жители предпочитаютъ спать на крышахъ своихъ саклей, во избѣжаніе множества блохъ, которыя особенно разводятся въ лѣтнее время въ комнатахъ. Поэтому, послѣ ужина, каждое семейство выходитъ на крышу, гдѣ сушится сѣно, принесенное хозяйкою съ поля, и, разостлавъ какой-нибудь паласъ или войлокъ поверхъ сѣна, располагается на отдыхъ. Впрочемъ, нѣкоторые мужчины, въ особенности молодые парни, уходятъ изъ дома послѣ насыщенія своихъ желудковъ и собираются на площади, чтобы передавать другъ другу дневныя впечатлѣнія по сердечнымъ дѣламъ.

Въ горахъ, съ давнихъ поръ установился обычай, что болѣе или менѣе зажиточные хозяева, которымъ необходима посторонняя

помощь въ лѣтнихъ полевыхъ работахъ, приглашаютъ своихъ знакомыхъ, изъ своего аула или-же изъ другихъ селеній, на одинъ, на два дня работы. Это такъ называемая *марша*. Хозяева дѣлаютъ ее именно въ такихъ случаяхъ, когда хлѣбъ разомъ поспѣлъ и его нужно снять поскорѣе или-же когда сѣнокосное мѣсто находится въ отдаленности отъ аула и нужно его скосить сразу. Еще весною молодые парни говорятъ о прелестяхъ предстоящихъ маршей и, пересчитывая, сколько домовъ въ аулѣ, на которые можно расчитывать, что они сдѣлаютъ эту увеселительную маршу, вспоминаютъ прошедшія свои удовольствія въ подобныхъ-же случаяхъ. За нѣсколько дней уже бываетъ извѣстно, у кого изъ жителей и въ какой день будетъ марша, и потому молодежь ожидаетъ этого дня съ петерпѣніемъ. Хозяинъ, рѣшившись вслѣдствіе домашняго совѣта пригласить на помощь другихъ, дѣлаетъ заранѣе необходимыя приготовленія по части угощенія приглашаемыхъ: приготовляетъ хорошую бузу, хлѣба и барановъ, сообразно предполагаемаго количества гостей; отправляется въ ближайшую деревню также пригласить знакомыхъ. На маршу приглашаются преимущественно дѣвушки и молодыя женщины. Впрочемъ, не ихъ приглашаютъ, а просятъ ихъ родителей и мужей, чтобы они сдѣлали одолженіе и прислали своихъ дочерей или женъ на маршу. Молодыхъ-же парней приглашаютъ вовсе не для работы, а для развлеченія и удовольствія женщинъ. Поэтому, молодые люди, отправляясь на маршу, наряжаются въ лучшія одежды, украшаются отцовскимъ оружіемъ, красятъ усы, брѣютъ головы и тщательно смотрятся въ свои карманныя зеркальца. Тотъ, у кого недостаетъ чего-нибудь хорошаго въ одеждѣ или оружіи, беретъ это на время у другихъ. Женщины, хотя онѣ идутъ на утомительный трудъ, тоже не уступаютъ въ щегольствѣ своего костюма *мальчико-мужчинамъ* (*) Онѣ тоже надѣваютъ новыя платья, накидываютъ на головы новые ситцевые платки и обуваются въ сапоги изъ желтаго сафьяна. Нѣкоторыя матушки даже сами украшаютъ грудь достигшей поры дочери серебряными пуговицами, мелкими монетами, ракуш-

(*) Туземное выраженіе, означающее молодыхъ парней.

ками, четками изъ гвоздичнаго перца и т. п., какъ будто-бы посылаютъ онѣ своихъ дочекъ на выставку. Сами-же дѣвушки не забываютъ раскрасить свои ладони и пальцы красною персидскою краскою, которая придаетъ и безъ того грубой кожѣ еще большую жесткость. Въ назначенный день, всѣ участницы марши рано утромъ собираются около дома хозяина, взявши съ собою маленькія косы; къ женскому полу присоединяется кое-кто изъ вооруженной молодежи, а другіе, болѣе солидные парни и при этомъ не лишаютъ себя наслажденія поспать до восхода солнца. Собравшаяся толпа отправляется, въ сопровожденіи хозяина, на назначенное для кошенія мѣсто, съ пѣніемъ, сопровождаемымъ звуками зурны и барабана, а также безпрестанными выстрѣлами парней. Вслѣдъ за толпою отправляются изъ дома хозяина эшачьи вьюки, съ хлѣбомъ, мясомъ и бузою.

По прибытіи на сѣнокосъ, послѣ минутнаго отдыха, женщины строятся въ рядъ и, по данному знаку, начинаютъ косить, затягивая какую-нибудь пѣсню. Парни-же вертятся около женщинъ и шутятъ съ ними, поощряя ихъ къ работѣ. Но и сами женщины не упускаютъ случая входить въ состязаніе между собою, стараясь опередить одна другую. На обязанности парней лежитъ точить отупѣвшія косы. Чтобы найти предлогъ завести разговоръ съ хорошенькою дѣвушкою, парни сами пристаютъ къ ней, предлагая свои услуги поточить косу. И вотъ—бывало—подходитъ къ дѣвушкѣ какой-либо изъ парней, заломивши папахъ на-бекрень, и говоритъ: не отупѣла-ли коса, двоюродная?

—Что тебѣ за дѣло, если и отупѣла?

—Хочу наточить, иначе что-же мнѣ?

—Найдется, кому точить, когда нужно будетъ, а ты позаботься о своемъ желудкѣ и скушай прежде толокна,—отвѣчаетъ дѣвушка, не поднимаясь и продолжая усердно косить.

Подходитъ другой парень и говоритъ первому:

—Зачѣмъ ты приставалъ къ ней,—вѣдь она моя сосѣдка.

—Затѣмъ, что я *приведу ее* (женюсь на ней.)

—Найдется, кому привести ее и безъ тебя: она у насъ не лишняя.

—Что-же эти нечисторожденные толкуютъ тебѣ?—вмѣшивается третій.

—Мы говорили, что тебя нѣтъ, а вотъ и ты явился, чистородившійся, *какъ заноза въ глазъ*.

—Уходите, довольно! Учитесь себѣ ѣсть толокно, сыновья блудницъ!—замѣчаетъ дѣвушка.

—Ты еще изъ шараваръ не вылѣзъ . . .

—Не говори о шаравахъ, а то дѣвушки услышатъ.

—Да случится бѣда съ тѣмъ, что у васъ въ шаравахъ! Что пристали, какъ саранча?—говоритъ молодая женщина (*).

—Голодная курица видитъ во снѣ пруса,—такъ и ты думаешь все о томъ . . .

—Какіе скверные рты!

—Что ты сердишься на шаравары, вѣрно не получила отъ своего (мужа) долга подъ пятницу?

—На, точи мою косу и не говори скверныхъ словъ,—прерываетъ одна изъ дѣвушекъ.

—Если пойдешь со мною подъ гору вечеромъ, то буду точить,—отвѣчаетъ парень.

—Не только подъ гору, хоть куда-бы съ тобой ни пошла—съумѣю раздѣлаться съ тобой. Вѣдь на тебя матушка по ошибкѣ надѣла папахъ, а не платокъ,—отвѣчаетъ дѣвушка.

—Вишь, желаетъ задѣть мое самолюбіе, чтобы я въ самомъ дѣлѣ пошелъ съ нею!

—Есть-ли у тебя самолюбіе, чтобы можно было задѣть его! Про такихъ мальчишекъ говорятъ (поетъ, а другія дѣвушки за нею): «у кого есть толокно—у того вы работники; у кого есть буза—у того вы гости; у кого есть дочери—у того вы просители, а если не дадутъ—тогда вы плачете . . . . Папахъ, надѣтый на голову,—тряпка мельничная; ружье на плечахъ—стебель кукуру-

---

(*) Подобные разговоры, правда, несовсѣмъ умѣстны въ печати, но, опуская ихъ, редакція «Сборника» уклонилась-бы отъ своей цѣли—представить горцевъ такими, какъ они есть въ дѣйствительности, безъ прикрасъ, безъ маскировки. *Ред.*

зы . . . . Когда другіе идутъ на войну, нашъ молодецъ воюетъ за чашкою толокна».

—Постой, дочь блудницы, я тебѣ задамъ,—говоритъ раздосадованный парень: если-бы ты была годная, то не осталась-бы до-сихъ-поръ бременемъ для семейнаго камина.

—Довольно, собачій ротъ, молчи! Не тебѣ очередь мѣшаться въ люди, ступай играть въ бабки,—отвѣчаетъ дѣвушка, не оборачиваясь. Всѣ смѣются и дразнятъ парня. Женщины продолжаютъ косить усердно, стараясь каждая, чтобы сосѣдка не опередила ее, а мужчины, одобряя ихъ, кричатъ: «ай, дѣвушки! да дастъ вамъ Богъ счастья!», и тутъ-же точатъ о камень косы, а другіе болтаютъ съ женщинами.

—Если-бы ты былъ годный мужчина, то не выпустилъ-бы свою сосѣдку пойти за другого,—замѣчаетъ дѣвушка.

—Мы полакомились медомъ, пускай другіе съѣдятъ воскъ,—отвѣчаетъ онъ.

—Языкъ безъ костей. Говори, сколько хочешь.

—Я говорю, для тебя лучше будетъ, если сдѣлаешься моей. Развѣ я говорю изъ-за себя?

—Кошка говоритъ на курдюкъ: «тьфу, дрянь!», когда не можетъ достать его съ потолка,—замѣчаетъ сосѣдка дѣвушки и тутъ-же поетъ, а за ней затягиваютъ и другія: «какъ-бы ты ни хватался за свѣтлую звѣзду, развѣ можешь поймать Богомъ не данное счастіе“!! . . .

Такимъ образомъ работа идетъ шумно, быстро и весело. Случается, что, въ промежуткахъ разговора, когда дѣвушка не найдетъ что отвѣтить на какую-нибудь остроту парня, она бросается на него и толкаетъ его изъ всей силы, за что получаетъ взамѣнъ безцеремонный ударъ кулакомъ; при этомъ мужчины съ хохотомъ кричатъ дѣвушкѣ: «хорошенько его, чтобы онъ помнилъ! не бойся этой курицы» и проч., а женщины тоже кричатъ въ свою очередь мужчинѣ: «почеши крѣпко тамъ, гдѣ у нея чешется; жми ей грудь крѣпче . . . Вотъ, корова лѣзетъ на бычка» и проч.

Около восьми часовъ хозяинъ предлагаетъ завтракать и всѣ отправляются къ выбранному гдѣ-нибудь около родника или ру-

чейка мѣсту. Въ такихъ случаяхъ мужчины садятся вмѣстѣ съ женщинами за однимъ столомъ; сначала всѣ мужчины занимаютъ мѣста, а потомъ около нихъ садятся женщины. Завтракъ состоитъ изъ пшеничнаго хлѣба, мяса, сыра и бузы. Хозяинъ самъ и близкіе его родственники услуживаютъ, съ обнаженными головами и съ кувшинами въ рукахъ. Чашами служатъ бычачьи рога, которые быстро и безостановочно переходятъ изъ рукъ въ руки. Первымъ выпиваетъ самъ хозяинъ и, указывая на кого-нибудь, произноситъ: «да дойдетъ до тебя добро.» (*) На это получаетъ въ отвѣтъ: «да останешься съ добромъ». Такимъ образомъ обозначается очередь для питья, и рогъ, опорожняемый быстро, возвращается къ наполнявшему его хозяину. Иногда какой-нибудь веселый краснобай говоритъ обычную въ такихъ случаяхъ молитву, слѣдующаго содержанія: «Да умножится хлѣбъ, чтобы можно было дѣлать побольше бузы; да увеличится вѣра, чтобы Богъ насъ любилъ; да увеличится богатство, чтобы насъ любили люди; да будетъ уражай на хлѣбъ и овецъ; да поможетъ Богъ всему, что дѣлаемъ; да будетъ благодать на все, что ѣдимъ; дай Богъ имущество позволительное (трудовое) и положеніе мусульманское; дай, Боже, силу въ вѣрѣ и ниспошли въ смерти терпѣніе; не лишай, Боже, вѣры въ предсмертный часъ; да останутся враги наши завидующими нашему дыму; да останемся мы вмѣстѣ съ нашими друзьями, ѣдя и выпивая; да будетъ урожай на хлѣбъ ежегодно, а на пчелъ—черезъ годъ, и всегда—на лошадей; да первенствуемъ надъ врагомъ мечемъ, а надъ другомъ хлѣбомъ; да дойдетъ добро до храбраго молодца!» На послѣднее пожеланіе откликается нѣсколько голосовъ, съ шумомъ, перебивая другъ друга и оспаривая титулъ *храбраго молодца*. Первый, кто успѣваетъ откликнуться: «да останешься съ добромъ», получаетъ слѣдующій рогъ. Женщины пьютъ мало; ихъ упрашиваютъ парни выпить, посылаютъ къ

(*) Привѣтствіе лаковъ при питьѣ. Тотъ, къ кому обращено оно, долженъ выпить и послѣ указать на кого-нибудь такимъ-же привѣтствіемъ. Аварцы говорятъ: «да будетъ добро» и въ отвѣтъ получаютъ: «да дастся доброе счастіе.» Даргинцы говорятъ: «да будетъ урожай».—Въ обычаѣ не существуетъ пить за здоровье чье-бы то ни было.

нимъ вышесказанное привѣтствіе, но и въ такихъ случаяхъ, хотя принимается рогъ, однако онъ подносится только къ губамъ, причемъ женщина отворачивается лицомъ въ сторону. Завтракъ кончается скоро и вслѣдъ затѣмъ начинаются танцы; танцуютъ попарно, мужчина съ женщиною, подъ звуки лезгинки, которую играютъ на зурнѣ или на бубнѣ. Женщины поютъ на разные мотивы, хоромъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ такого веселья отправляются опять продолжать свою работу, а мужчины расходятся по сторонамъ для отдыха. Въ полдень вся публика бредетъ въ разныя стороны, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы молиться; но по большей части вовсе не молятся. Во все время работъ, женщины поютъ дружно, на обычный при такихъ маршахъ напѣвъ. Напѣвъ этотъ—женскій напѣвъ и принадлежитъ исключительно маршѣ. Одна поетъ скороговоркою, а остальныя подхватываютъ хоромъ послѣ каждой фразы: «ау! ау!» и когда пѣвица извѣщаетъ о концѣ пѣсни особенно тягучимъ голосомъ, тогда и хоръ затягиваетъ: «у—у—ура!» Слоги эти не имѣютъ никакого смысла.

Проводивъ такимъ образомъ цѣлый день, компанія двигается передъ вечеромъ домой, съ музыкою и пѣніемъ. Молодежь джигитуетъ и стрѣляетъ безпрестанно. Весь этотъ шумъ и гулъ особенно усиливается, когда толпа подходитъ къ аулу, направляясь къ дому хозяина марши, у котораго ожидаетъ ее сытный ужинъ. Женщины въ такихъ случаяхъ возвращаются безъ ноши на спинѣ. Не смотря на дневной трудъ, онѣ отдыхаютъ дома весьма мало, и то лишь когда ужинаютъ или молятся, а потомъ онѣ бываютъ обязаны увеселять компанію, располагающуюся за кувшинами бузы; всѣ дѣвушки, пришедшія сюда, стоятъ въ углу комнаты, прижавшись другъ къ дружкѣ, и, по командѣ шаха компаніи, исполняютъ свои роли: пляшутъ подъ зурну, поютъ пѣсни хоромъ, всѣ вмѣстѣ или раздѣлившись на двѣ партіи, и спорятъ, которая именно партія остановится прежде. Такіе споры въ пѣсняхъ продолжаются въ иныхъ случаяхъ до-тѣхъ-поръ, пока у однѣхъ не истощится весь запасъ пѣсенъ или пока не остановятъ ихъ соскучившіеся этимъ марши. Такимъ образомъ, оставаясь на вечеринкѣ до поздней ночи, пока напившаяся молодежь не захочетъ спать, дѣвушки расходят-

ся утомленными по домамъ, чтобы отдохнуть два, три часа и потомъ рано утромъ отправиться опять на полевую работу.

За подобную помощь въ полевыхъ работахъ, работавшіе не получаютъ ничего отъ хозяина, кромѣ благодарности и выраженія пожеланій найти хорошаго жениха для дѣвушекъ и долголѣтняго сына для молодыхъ женщинъ. Только приходящія изъ другаго аула получаютъ лоскуты шелковой или бумажной матеріи, въ $^1/_2$ или $^1/_4$ аршина величиною, такіе-же, какіе мужчины получаютъ при погребеніяхъ покойниковъ, за чтеніе молитвъ, и какіе составляютъ между горянками главный размѣнный товаръ для мелкой торговли. Ни одна горянка не купитъ даже и теперь что-нибудь изъ мелкой провизіи для хозяйства за деньги. Особенно-же это было въ прежнее время, когда серебряныя монеты были очень дороги, а мѣдныя деньги не имѣли никакой цѣны. Я помню, какъ одна сосѣдка обратилась однажды къ матери моей съ просьбою одолжить ей нѣсколько *черныхъ денегъ* (какъ ихъ называютъ) для починки мѣднаго котла,—и получила. Очень рѣдко являются продавцы какихъ-либо продуктовъ, какъ-то: фруктовъ, луку, чесноку, моркови, рѣдьки и т. д., которые-бы продавали ихъ исключительно за деньги или хлѣбъ. За деньги въ деревняхъ никогда не покупаютъ такихъ продуктовъ, а только вымѣниваютъ ихъ на лоскуты матеріи, на нитки, шелкъ, старыя одежды, шерсть и т. д. Эти-же самыя вещи служили въ то время матеріаломъ для вознагражденія за работу, а въ рѣдкость платили и копченымъ мясомъ или мукою. У насъ тоже бывали приглашаемы на работы одна, двѣ женщины, во время лѣта, и всегда получали въ плату старыя одежды, хлѣба или мяса, и никогда деньгами. Онѣ всегда казались очень довольными полученною платою и уходили съ тысячами благодарностей и пожеланій здоровья для дѣтей. Зато во время работы ихъ кормили сытно и онѣ всегда садились и ѣли вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ семействомъ.

Такимъ образомъ кипитъ уборка хлѣба и кошеніе сѣна, причемъ хозяева помогаютъ другъ другу. Тѣ семейства, которыя не успѣваютъ женить своихъ сыновей раннею весною и тѣмъ прибавить въ домѣ рабочую силу,—успѣваютъ по-крайней-мѣрѣ *на-*

дѣть знакъ на невѣсту т. е. обручить ее съ своимъ сыномъ, что также выгодно. Невѣсты по большей части работаютъ для жениха, вмѣстѣ съ его семействомъ, и этимъ прибавляются рабочія руки, хотя и не совсѣмъ усердныя. Молодой женихъ постоянно присутствуетъ тамъ, гдѣ его невѣста,—онъ помогаетъ связывать снопы и собирать ихъ въ кошы; онъ не говоритъ съ невѣстою, или вѣрнѣе, она не говоритъ съ нимъ ничего; она не уклоняется отъ пылкихъ его взглядовъ, на которые посылаетъ въ отвѣтъ только стыдливый взглядъ, а иногда и какое-нибудь ругательное слово, выраженное ласковымъ тономъ, какъ-то; „да утонешь въ бѣдѣ! что тебѣ отъ меня нужно?“ или: „безсовѣстный, разобью я твой черепъ“, и когда кто-нибудь изъ присутствующихъ женщинъ усовѣщиваетъ ее и напоминаетъ, что дѣвушкѣ такъ не слѣдуетъ говорить своему жениху,—она отвѣчаетъ лукаво: „кто сказалъ, что я невѣста?“ или: „пусть онъ не женится, пока она не выйдетъ за него“. Женихъ угрожаетъ тоже шутливо, что онъ не забудетъ ей этихъ словъ, и старается поймать ее гдѣ-нибудь наединѣ, когда она отлучается отъ остальныхъ, чтобы отомстить ей. Невѣста бываетъ сама рада отыскать такой случай, чтобы можно было пошалить съ женихомъ и попользоваться его грубыми ласками. Родные не препятствуютъ молодымъ въ такихъ свиданіяхъ, даже нарочно устраиваютъ ихъ. Въ другое, не въ лѣтнее, время трудно достаются такіе случаи, хотя женихъ и имѣетъ право заходить въ домъ невѣсты, не смѣя однако говорить съ ней свободно, при ея семействѣ. Онъ можетъ сидѣть у нея сколько-угодно, только въ отсутствіе отца семейства, и получаетъ всегда отъ будущей тещи хорошее угощеніе: для него всегда приготовляется особо какое-нибудь рѣдкое блюдо, съ кувшиномъ хорошей бузы, а также фрукты, табакъ (если онъ куритъ) и проч. Всему этому способствуетъ мать, по большей части завѣдомо отъ отца. Впрочемъ, считается неприличнымъ, чтобы женихъ посѣщалъ невѣсту, когда отецъ ея дома. Мать, сама бывшая когда-то невѣстою и помнящая стѣснительное положеніе, которое сама испытывала въ оное время, относится вообще снисходительно къ своей дочери, такъ что дѣлается почти посредницей между дочерью и ея возлюбленнымъ, даже втайнѣ отъ

отца. Для этого она сама старается удалить своего мужа изъ дому и при всякомъ удобномъ случаѣ даетъ знать будущему своему зятю, чтобы онъ явился. Это дѣлается обыкновенно по вечерамъ. Кромѣ того, она упрекаетъ свою дочь въ застѣнчивости и стыдливости и всегда старается извинить въ глазахъ жениха такое поведеніе дочери своей разными причинами. Отецъ-же, напротивъ, придерживается своихъ деспотическихъ правъ и требуетъ, чтобы дочь соблюдала всѣ обычныя приличія. Онъ думаетъ, что если ему тоже случалось быть женихомъ и удавалось удовлетворять своимъ прихотямъ, то это зависѣло совершенно отъ ловкости и умѣнья, которыми онъ побѣждалъ народные обычаи. Теперь-же, сдѣлавшись солиднымъ отцомъ семейства, онъ забываетъ совершенно о своей молодости, забываетъ дотого, что требуетъ отъ всѣхъ молодыхъ чрезмѣрной воздержности. Поэтому, онъ не проститъ дочери, если она позволитъ себѣ доставить случай своему жениху хотя-бы для обыкновенной бесѣды въ его присутствіи, и также сочтетъ за большую дерзость со стороны жениха, если онъ позволитъ не соблюсти правилъ уваженія къ нему, какъ отцу невѣсты. Съ другой-же стороны, онъ все-таки знаетъ, что чѣмъ больше препятствій къ свиданію молодыхъ, тѣмъ больше его домогаются, и что оно устраивается, или въ его домѣ, или у кого-нибудь изъ сосѣднихъ старушекъ; но онъ объ этомъ не говоритъ ничего: „*онъ глушитъ свой слухъ и ослѣпляетъ глазъ*“, чтобы этого не примѣчать.

Лѣтомъ, послѣ утомительнаго труда, вся семья горца спѣшитъ предаться покою на крышахъ или на галлереяхъ, а потому женихи и вообще поклонники прекраснаго пола могутъ имѣть свиданія съ своими возлюбленными только днемъ, въ полѣ, гдѣ работаютъ преимущественно женщины и гдѣ, благодаря условіямъ горнаго мѣстоположенія, способнаго на каждомъ шагу укрыть желающаго отъ постороннихъ взоровъ, молодые люди легко могутъ удалиться отъ наблюдателей куда-нибудь за камень или въ ущелье и тамъ повести сердечныя объясненія. Если у молодаго парня есть обрученная,—онъ слѣдитъ за ней, какъ тѣнь, и куда-бы дѣвушка ни пошла на работу, къ себѣ-ли, къ другому-ли, женихъ является туда, съ раскрашенными и намазанными саломъ усами, въ шапкѣ, надѣ-

той на-бекрень, и съ пистолетомъ за поясомъ. Онъ не говоритъ прямо съ невѣстою ничего и она тоже, но глаза его постоянно устремлены на нее, и когда встрѣчаются ихъ взгляды, то онъ не пропуститъ подать ей какой-нибудь знакъ глазами или бровями. У многихъ бываютъ условленные знаки для передачи другъ другу какихъ-нибудь мыслей, и обмѣниваясь такими знаками, незамѣтными для постороннихъ, они хорошо передаютъ другъ другу свои мысли. Такія-же пантомимы служатъ для объясненія между молодыми людьми обоего пола, когда они находятся дома, въ аулѣ: они выходятъ на крыши и передаютъ знаками другъ другу что̀ нужно. Знаки эти, однако, считаются высшимъ оскорбленіемъ для всякой другой, посторонней женщины, и молодой человѣкъ можетъ поплатиться жизнію, если позволитъ себѣ дѣлать глазки хотя-бы даже и хорошо знакомой женщинѣ, но не подавшей къ тому повода.

Я сказалъ, что въ лѣтнее рабочее время весьма затруднительно для молодыхъ устраивать свиданіе по вечерамъ. Но это касается только тѣхъ свиданій, которыя устраиваются по обоюдному согласію между обрученными. Зато время это доставляетъ много удобствъ парнямъ, желающимъ отомстить дѣвицѣ или родителямъ ея, за оскорбленіе, нанесенное отказомъ выдать ее замужъ, или-же желающимъ отплатить за оскорбленіе своей родственницы. Въ народѣ считается высшею местью и кровною обидою отрѣзать косу у дѣвушки или отнять что-либо изъ ея одежды. Это дѣлается воровскимъ образомъ, ночью, а потому лѣтомъ, когда всѣ спятъ на крышахъ, легко бываетъ подобраться тайкомъ къ своей жертвѣ. Совершивъ такое покушеніе на честь дѣвушки, побѣдитель на другой день объявляетъ народу объ этомъ, а самъ запирается дома, принявъ нужныя мѣры для защиты своей жизни отъ оскорбленныхъ родственниковъ дѣвушки, которые, въ свою очередь, стараются отомстить ему и стрѣляютъ въ его домъ, называемый тогда *держимымъ домомъ*, т. е. обороняемымъ домомъ. Общество принимаетъ живое участіе, чтобы покончить дѣло миромъ, и для этого прежде всего рѣжутъ быка, принадлежащаго виновнику, въ штрафъ. Для того чтобы сгладить такую вражду, общество старается склонить родителей дѣвушки, чтобы они выдали ее за оскор-

бителя—и этимъ часто оканчивается дѣло. Въ противномъ случаѣ, дѣвушка, сдѣлавшаяся жертвою такого оскорбленія, теряетъ въ обществѣ репутацію честной дѣвушки и на долгое время на нее кладется черное пятно, которое препятствуетъ другимъ, честолюбивымъ женихамъ рѣшиться взять ее въ жену. «Какъ-же жениться на дѣвушкѣ, опозоренной кѣмъ-либо изъ односельцевъ? вѣдь онъ будетъ смѣяться (*) надъ нею и намекать на то при случаѣ", —говорятъ въ такихъ случаяхъ молодые люди. Не смотря на это, иногда родители дѣвушки упорно отказываютъ войти въ родство съ оскорбителемъ и въ такихъ случаяхъ виновный подвергается изгнанію изъ деревни на нѣкоторое время, впродолженіе котораго онъ можетъ поплатиться жизнію, если попадется преслѣдующимъ его родственникамъ оскорбленной дѣвушки. Но подобныя опасности не останавливаютъ самолюбивую и мстительную молодежь. Молодой человѣкъ, сватавшійся за какую-нибудь дѣвушку и получившій въ томъ отказъ, стремится къ отомщенію за такое оскорбленіе и къ достиженію своей цѣли во что-бы то ни стало. Въ такихъ случаяхъ, по большей части, дѣвушка подвергается нападенію молодаго человѣка, когда она идетъ по воду. Если онъ вздумаетъ увезти ее, то въ такомъ случаѣ приготовляетъ заранѣе для себя товарищей изъ близкихъ друзей, которые ради друга рискуютъ лишиться по одному быку въ штрафъ на пользу общества. Такая подготовленная компанія дѣлаетъ засаду въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ и поджидаетъ появленія своей жертвы. Бросившись внезапно, они увлекаютъ дѣвушку общими силами. Мнѣ помнится, какъ однажды вечеромъ, на улицѣ, около фонтана, сбѣжалась толпа на отчаянный женскій крикъ; оказалось, что одинъ молодой человѣкъ, получившій отказъ отъ своей троюродной сестры, увозилъ ее съ улицы силою. Ее завезли въ домъ одного почетнаго жителя, гдѣ похититель заперся вмѣстѣ съ своими друзьями; туда-же сбѣжались родственники его и хозяина дома, съ оружіемъ въ рукахъ. Узнавши объ этомъ, ближайшіе родственники дѣвушки съ

(*) Лаки собственно выражаются при этомъ такъ: «вѣдь его ж... будетъ смѣяться».

отчаяніемъ бросились на этотъ домъ и стрѣляли изъ ружей. Въ цѣломъ аулѣ поднялась страшная суматоха. Аульныя власти, вмѣстѣ съ посторонними жителями, удерживали нападающихъ; женщины кричали и плакали, и только тогда успокоился аулъ, когда ночью вывели виновниковъ въ другую деревню, подъ прикрытіемъ вооруженныхъ родственниковъ, а дѣвушка, изнасилованная, униженная, осталась въ домѣ покровителя, который хотя и вовсе не сочувствовалъ похищенію, но долженъ былъ, по обычаю гостепріимства, защищать честь своего дома. Мальчики разсказывали, какъ они слышали вопли и крики несчастной дѣвушки, говорили, что похититель, съ товарищами, связалъ ее по рукамъ и ногамъ. При подобныхъ случаяхъ принято непремѣнно насиловать несчастную жертву, чтобы послѣ ни она, ни родные ея не могли отказать въ рукѣ ея похитителю. На другой день были выведены четыре быка на площадь и зарѣзаны сельскими мангушами, а чрезъ недѣли двѣ послѣ этого дѣвушка была выдана замужъ за ея похитителя, который устроилъ пиръ для родныхъ ея и цѣлаго общества и помирился.

Случалось иногда, что молодой человѣкъ, напавши на дѣвушку, отнималъ у нея платокъ или просто хваталъ ея за руку или за грудь и удалялся. Это называлось *поймать дѣвушку* и имѣло равносильное значеніе съ похищеніемъ; виновникъ въ этомъ подвергался тѣмъ-же взысканіямъ и опасностямъ, какимъ могъ-бы подвергнуться при похищеніи. Но разница въ томъ, что при такихъ случаяхъ часто не устраивался бракъ, и родные *пойманной дѣвушки* на-отрѣзъ отказывали войти съ оскорбителемъ въ родство.

Когда жатва оканчивается, въ окрестностяхъ деревни приготовляютъ токи. Земли подъ токами принадлежатъ отдѣльнымъ хозяевамъ, но право молотить на нихъ хлѣбъ имѣетъ нѣсколько лицъ, которыхъ земли лежатъ поблизости къ такимъ токамъ. Когда хозяинъ снимаетъ свой посѣвъ, всѣ участники въ токѣ посылаютъ по одному работнику, чтобы уровнять и утоптать мѣсто для молотьбы, и тогда начинается перевозка хлѣба съ поля на эшакахъ и рѣдко на лошадяхъ. До тѣхъ-же поръ снопы складываются въ полѣ мужскими руками въ копны. Съ ближайшихъ пашенъ нѣкоторыя хозяйки иногда сами таскаютъ снопы на спинѣ. Пере-

возка хлѣба лежитъ на обязанности мужчинъ, т. е. они вьючатъословъ, за которыми идутъ преимущественно мальчики, а иногда и дѣвушки. Сѣно-же перевозится раньше и складывается по большей части женщинами. Я уже сказалъ, что каждая женщина во время косценія не иначе возвращается домой, какъ съ порядочною ношею на спинѣ. Кромѣ того, многія хозяйки приглашаютъ своихъ родственницъ и знакомыхъ женщинъ на перевозку сѣна; тогда можно видѣть цѣлый караванъ навьюченныхъ сѣномъ женщинъ, идущихъ съ поля медленно, согнувшись подъ тяжестью вьюковъ, такъ что головы свои онѣ держатъ наравнѣ съ колѣнями. Такимъ образомъ, къ концу лѣта, окрестности аула уставляются копнами, сложенными на токахъ; но на нихъ складываютъ преимущественно пшеницу и ячмень.

Хотя считается необходимымъ для удобренія земли и уничтоженія сорныхъ травъ на пашняхъ, вспахать ее послѣ снятія хлѣба, но однако весьма немногіе хозяева исполняютъ это. Каждому семейству нужно бываетъ прежде всего снабдить себя хлѣбомъ, и потому всѣ торопятся молотить. Такъ какъ право молотьбы на одномъ и томъ-же токѣ принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ, то часто происходятъ споры, кому именно первому начинать. Всѣ нуждаются одинаково въ хлѣбѣ, а потому рѣшаютъ очередь или по жребію, или по добровольной уступкѣ, или-же просто кто успѣваетъ прежде всѣхъ положить одинъ снопъ посреди тока и на немъ большой камень, тотъ и получаетъ право первенства. При первоначальной молотьбѣ ограничиваются небольшимъ количествомъ хлѣба; обыкновенное его количество для одной молотьбы состоитъ изъ 4—5 эшачьихъ вьюковъ, вьюкъ-же состоитъ среднимъ числомъ изъ 22—23 сноповъ. Для молотьбы припрягаютъ, обыкновенно, пару быковъ или одну лошадь къ длинной палкѣ, прикрѣпленной однимъ концомъ къ ярму; къ палкѣ привязываютъ двѣ доски, въ которыя вставлены съ нижней стороны острые кремневые камни; на доски, для тяжести, кладутъ большой камень. Мальчики, обыкновенно, сами просятъ гонять быковъ, сидя на этихъ доскахъ, и такая гоньба считается особымъ удовольствіемъ. По временамъ хозяинъ перемѣшиваетъ солому вилами, до-тѣхъ-поръ, пока вся она не

перетрется въ мелкія части (саманъ). На послѣдній матеріалъ обращаютъ почти столько-же вниманія, какъ и на самое зерно, потому что онъ составляетъ главный кормъ для скота и большую часть зимняго топлива. Хозяинъ земли, на которой молотятъ, получаетъ съ каждаго молотившаго по одной большой корзинѣ самана, въ видѣ платы за право молотьбы. Растительный матеріалъ такъ скуденъ въ горахъ, что женщины не даютъ даже пропадать даромъ и той части самана, которая относится вѣтромъ въ сторону во время вѣянія. Ее собираютъ для мѣшанія съ глиною и потомъ смѣсь эту употребляютъ для смазыванія половъ въ саклях. Поэтому, саманъ составляетъ важную статью въ горскомъ хозяйствѣ и не имѣющіе его въ достаточномъ количествѣ стараются во-время запасаться имъ. Они заранѣе раздаютъ задатки лицамъ, которыя могутъ продать его, и при продажѣ онъ мѣрится локтями. Главная мѣра состоитъ въ кучѣ, длиною въ семь локтей. Эти семь локтей доходятъ иногда въ цѣнѣ отъ одного рубля до двухъ, а въ самое дешовое время отъ 25 до 40 к. Во время молотьбы, жители нетерпѣливо интересуются знать, какое количество получено зерна. Самымъ хорошимъ урожаемъ считается, если эшачій вьюкъ дастъ двѣ сабы пшеницы (приблизительно $1\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ). Весьма рѣдко случается, что одинъ эшачій вьюкъ дастъ больше двухъ сабъ, а когда доходитъ до трехъ сабъ, то это считается самымъ необыкновеннымъ урожаемъ.

Обезпечивши себя на первое время необходимымъ количествомъ хлѣба, хозяева стараются покончить первую пахать земли. Послѣ окончанія перваго паханья земли, всѣ принимаются за складываніе хлѣба въ скирды. Всѣ тѣ лица, которыя имѣютъ право молотьбы на извѣстномъ токѣ, имѣютъ также право класть скирды вокругъ тока, на извѣстномъ мѣстѣ. Мѣста эти, называемыя *камузанду*, имѣютъ опредѣленные размѣры и каждый можетъ продать свое право на это мѣсто кому-угодно. Для кладки хлѣба въ скирды приглашаютъ особыхъ мастеровъ. За это не всякій можетъ взяться. Для того, чтобы сложить спопы въ большую скирду, такъ, чтобы въ нее не проникла вода, чтобы скирда не свалилась и имѣла красивую форму,—требуется умѣнье. Обыкновенно, на землю сначала

кладутъ сухое сѣно, чтобы предохранить хлѣбъ отъ сырости, а потомъ воздвигаютъ круглую скирду, съ острымъ концомъ наверху. Для бросанія споповъ къ мастеру, съ помощью длиннаго шеста, съ крючкомъ на концѣ, собирается молодежь, даже безъ всякаго приглашенія, а для ловли споповъ и передачи ихъ мастеру стоитъ обыкновенно посреднѣ скирды мальчикъ. По укладкѣ скирдъ, хозяинъ дѣлаетъ угощеніе для работавшей молодежи, причемъ уничтожается порядочное количество бузы. Скирды эти стоятъ до начала зимы, а иныя—до конца ея.

По окончаніи жатвы и сѣнокоса и перевозки сѣна и хлѣба въ аулъ, женщины принимаются за новую работу. Сравнительно съ суровостью климата въ горахъ, природа слишкомъ поскупилась для обитателей горъ произведеніемъ горючаго матеріала. Не смотря однако на существенный недостатокъ въ топливѣ, горцы вовсе не заботятся о предохраненіи своей сакли отъ холода. Печей совсѣмъ не устраиваютъ, а окна такого устройства въ жилыхъ комнатахъ, что, при разведеніи огня въ нихъ, нужно открывать отверстія, чтобы сколько-нибудь избавиться отъ удушливаго дыма, который, поднимаясь съ очага, распространяется по всей комнатѣ, и только сквозной вѣтеръ можетъ выгонять его чрезъ отворенную дверь или другія отверстія, въ которыхъ обыкновенно нѣтъ недостатка въ жильѣ горца. Единственное топливо въ наибольшей части земли дагестанскихъ горцевъ—это бурьянъ. Въ нашемъ аулѣ онъ собирался съ общественныхъ выгоновъ. По окончаніи уборки хлѣба, провозглашалось мангушемъ дозволеніе косить его, и всѣ хозяйки, со всѣми взрослыми дочерьми, отправлялись на эти мѣста, подъ прикрытіемъ многочисленнаго конвоя изъ мужчинъ, и возвращались домой съ порядочными вьюками на своихъ спинахъ. Переноска бурьяна продолжалась около 10—15 дней, и у кого въ семействѣ имѣлось больше женщинъ, тотъ обезпечивалъ себя топливомъ больше другихъ. Кромѣ того, бѣдныя женщины ходили съ мѣшками и кошолками на лѣтніе выгоны и собирали съ нихъ сухой помет, также для топлива.

(*Продолженіе будетъ*). *Абдулла Омаровъ.*

СВАДЬБА У СѢВЕРНЫХЪ ОСЕТИНЪ.

Всѣ путешественники, посѣщавшіе Кавказъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, не мало интересовались осетинами и описанію ихъ посвящали извѣстную часть своихъ записокъ. Но эти описанія, къ сожалѣнію, страдаютъ двумя весьма-важными недостатками: во-первыхъ, они представляютъ собою только бѣглые путевые очерки, а не полное и спеціальное описаніе, такъ сказать, всего національнаго существа осетинъ—ихъ обычаевъ, нравовъ, вѣрованій, жизни домашней и общественной, давая только отрывочныя и краткія свѣдѣнія о характеристическихъ національныхъ особенностяхъ осетинъ; во-вторыхъ, всѣ эти описанія касаются преимущественно Южной Осетіи.

Предлагаемая статья, „Свадьба у сѣверныхъ Осетинъ“, представляетъ возможно-полное описаніе такихъ народныхъ чертъ осетинской жизни, которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, еще никто не описывалъ. Считаю нелишнимъ замѣтить также, что все предлагаемое описаніе, отъ начала и до конца, совершенно свободно отъ личныхъ моихъ мнѣній и что описательный пріемъ въ разсказѣ я старался сохранить чистымъ отъ примѣси какихъ-бы то ни было предвзятыхъ взглядовъ. *Авт.*

I.

Радостные случаи въ обыденной жизни всѣхъ осетинъ — это свадьба, рожденіе мальчика, спеленаніе его впервые въ колыбели (или авдабатан [1])—какъ называютъ его осетины), кахц, [2]) или празднованіе рожденія однолѣтнихъ младенцевъ мальчиковъ,— затѣмъ, праздники религіозные: курбанъ, т. е. разговѣніе, или ком-удзан, по-осетински (у осетинъ-мусульманъ),—пасха, рождество и новый годъ (у осетинъ-христіанъ,—впрочемъ, они-же и у большей части осетинъ-мусульманъ). Къ этимъ-же радостнымъ случаямъ или моментамъ въ жизни осетинъ должно отнести ежегодное празднованіе дней древне-языческихъ божествъ. Въ дни веселія устроиваются національныя пляски, съ игрой на гармоникѣ или на скрипочкѣ, пляски кабардинскія, — впрочемъ, эти послѣднія только въ части Осетіи, сосѣдней съ Малой Кабардой,—пляски даже чеченскія, поются пѣсни и проч. Обычай дозволяетъ дѣвушкамъ въ это время нарушать свою обычную затворническую жизнь, и своимъ соучастіемъ оживлять общественныя увеселенія; но это дозволяется дѣвушкамъ, а никакъ не женщинамъ [3]). Въ такіе дни сходится вся молодежь, преимущественно—молодежь, не связанная еще брачными узами, причемъ, само-собою, является возможность для всякихъ наблюденій, дѣлаемыхъ молодыми людьми, съ цѣлью выбора себѣ подругъ жизни. Дѣвушка, при тѣлесныхъ совершенствахъ, слывущая скромною въ своемъ околодкѣ, мастерицею въ рукодѣліи, да еще съ задатками доброй и опытной хозяйки, составляетъ идеалъ невѣсты.

Въ настоящее время такою дѣвушкою одинаково дорожатъ, какъ собственно-тагаурецъ, куртатинецъ и аллагирецъ [4]) изъ представительныхъ фамилій, такъ и фарсагъ и кавдасардъ [5]), вообще во всей Сѣверной Осетіи. Но не такъ было прежде. До

---

[1]) Отъ словъ АВДАН—колыбель и БАТТИН—связываю, пеленаю.

[2]) Большая деревянная чашка также носитъ названіе—КАХЦ.

[3]) Хотя женщинамъ народный обычай не даетъ права участія въ общественныхъ увеселеніяхъ, но зато онъ дозволяетъ имъ составлять свои женскія собранія—УСТИТИ АМБРД—СОБРАНІЕ ЖЕНСКОЕ.

[4]) Тагаурцы, куртатинцы и аллагирцы—это три общества въ Сѣверной Осетіи. Въ вышеписанномъ словѣ «тагаурцы» должно разумѣть собственно—тагаурцевъ, принадлежащихъ къ высшему сословію.

[5]) Фарсаги и кавдасарды—второе и третье сословія въ Сѣв. Осетіи.

освобожденія холоповъ (или *кусаговъ*, какъ называли ихъ осетины), у тагаурцевъ и у нѣкоторой части куртатинцевъ и аллагирцевъ, составлявшей вмѣстѣ съ тагаурцами высшее сословіе, — тѣлесное совершенство въ невѣстѣ, соединенное съ высокимъ родовымъ происхожденіемъ послѣдней, знаніе ею рукодѣлья, т. е. преимущественно вышиванья серебромъ или золотомъ (хардгахуд [6])—на народномъ языкѣ), умѣніе приготовлять тесемки и галуны,—считались выше всякихъ другихъ нравственныхъ ея достоинствъ и качествъ. Тогда алдары [7]), съ названной частью куртатинцевъ и аллагирцевъ, мало заботясь о хозяйствѣ и вообще о домашнемъ благосостояніи, потому что вся тяжесть заботъ о томъ падала на холоповъ,—разъѣзжали только, въ красиво-обшитыхъ галунами черкескахъ, на лихихъ коняхъ, по кунацкимъ родственниковъ и знакомыхъ, «подобно кабардинскимъ князьямъ,» какъ выражается народъ, рисуя беззаботность ихъ. Слѣдовательно, тогда этимъ наѣздникамъ было очень кстати имѣть женъ, вышивавшихъ искусно серебромъ. Къ чести ихъ, впрочемъ, должно отнести, что они и тогда, умѣніе приготовлять столъ для гостя и умѣніе ткать матерію для черкески ставили въ невѣстѣ за высокое достоинство и цѣнили дорого, какъ это можно судить по слѣдующему выраженію ихъ: «Что это за женщина, которая не въ состояніи приготовить столъ для гостя, не умѣетъ принять его, не можетъ соткать матерію на черкеску?!». Правда, не то было у остальной, большей части куртатинцевъ и аллагирцевъ, у которыхъ холоповъ почти не было и которые, слѣдовательно, не были избалованы ихъ услугами. У этихъ, естественно, вся забота о жизни лежала на нихъ-же самихъ, и требованія ихъ на счетъ нравственныхъ достоинствъ и качествъ невѣстъ и женъ всегда были серьезны и согласны съ условіями требованій жизни: куртатинцы и аллагирцы, не имѣвшіе холоповъ, никогда не упускали изъ виду, что вся тяжесть попеченій и заботъ о дѣлахъ домашнихъ лежитъ на женѣ. Поэтому, они пониманіе въ хозяйствѣ и склонность къ дѣламъ домашнимъ, хозяйственнымъ, ставили въ невѣстѣ выше всѣхъ другихъ достоинствъ, согласуя въ этомъ случаѣ свои требованія, относительно достоинствъ невѣстъ, съ практическимъ изреченіемъ извѣстной народной пого-

---

[6]) Отъ словъ хардга—канитель и худ—шитье.

[7]) Алдары — такъ называются собственно-тагаурцы. Слово-же алдаръ значитъ—господинъ.

ворки: «Бѣлъ и снѣгъ, да ноги въ немъ мерзнутъ». До освобожденія-же холоповъ, гордости и спѣси владѣльцевъ ихъ былъ полный просторъ. Если, напримѣръ, молодая тагаурка была хороша собою, мастерица вышивать серебромъ и золотомъ, умѣла приготовлять столъ для гостя и матерію для черкески, — она вполнѣ выполняла свое назначеніе; не ея дѣло, по ихъ понятію, вмѣшиваться въ дѣла хозяйственныя, домашнія,—на то есть *номулус* [8]) или *кусаг-ус* [9]), вся дѣятельность которыхъ поглощалась исполненіемъ работъ домашнихъ, а нерѣдко и полевыхъ.

Такъ думали и жили тагаурцы и тагаурки до освобожденія холоповъ. Важно сидѣть, поджавши подъ себя ноги, на большой кровати, на базѣ [10]), и заниматься вышиваніемъ серебромъ или фабрикаціею галуновъ—вотъ поза, приличная тагауркѣ, по понятію тагаурцевъ до освобожденія холоповъ. Только пожилой и старческій возрастъ втягивалъ тагаурку въ домашнія заботы. Тоже самое слѣдуетъ сказать о куртатинцахъ и аллагирцахъ, имѣвшихъ холоповъ.

Совершенно не то мы встрѣчаемъ у нихъ теперь, послѣ освобожденія холоповъ. Номул-усовъ и холоповъ вообще у нихъ уже нѣтъ. Отсюда ясно, что все то, что дѣлали тогда номулусы и вообще холопы, что составляло тогда цѣль жизни ихъ у господъ, теперь сваливается съ плечъ ихъ и переходитъ на праздныя и неозабоченныя до этого времени ничѣмъ плечи тагаурцевъ. Съ паденіемъ тагаурскаго величія и гордости, вмѣстѣ съ освобожденіемъ холоповъ, палъ также и прихотливый, своенравный запросъ ихъ на счетъ нравственныхъ качествъ невѣстъ и женъ; вмѣсто него проявился взглядъ практическій и болѣе согласный съ нуждами домашней, семейной жизни: теперь, при выборѣ невѣстъ, тагаурцы не довольствуются въ нихъ только полнымъ достаткомъ тѣлесныхъ совершенствъ, соединенныхъ съ виднымъ родовымъ происхожденіемъ, съ умѣніемъ вышивать серебромъ и ткать тесемки, серебряные и золотые галуны; теперь они требуютъ и хотятъ, чтобы невѣста, вмѣстѣ съ красивыми

---

[8]) Номул-ус—именная жена,—отъ словъ ном—имя и ус—женщина, жена. Въ Осетіи, сперва одному только высшему сословію, а потомъ и фарсагамъ, дозволялось брать въ наложницы, за опредѣленный выкупъ, дѣвушекъ—кавдасардокъ или рабынь. Онѣ назывались именными женами.

[9]) Рабочая женщина, рабыня.

[10]) Баз — это тоже что тюфякъ осетинскій, только немного короче и уже этого послѣдняго. Потомъ, баз—значитъ еще подушка.

тѣлесными формами, обладала задатками доброй и опытной хозяйки дома. Она должна обшить, обуть изъ привезеннаго мужемъ матеріала все семейство. Хозяйкѣ дома также вмѣняется въ непремѣнную обязанность присмотрѣть самой за всѣмъ въ домѣ, позаботиться о дневномъ пропитаніи цѣлаго семейства. Неумѣніе приготовить матерію для черкески начинаетъ ставиться чуть-ли не въ величайшій укоръ всякой тагауркѣ. Зато, опытная и искусная мастерица фабрикаціи ткани [11]) пользуется похвалой въ средѣ тагаурокъ-хозяекъ. Теперь, безъ боязни ошибиться, можно сказать, что требованія, относительно нравственныхъ качествъ невѣстъ, какъ у собственно-тагаурцевъ, такъ и у всѣхъ куртатинцевъ и аллагирцевъ, съ другими сословіями, фарсагами и кавдасардами Сѣверной Осетіи, почти одни и тѣже; всѣ они стремятся въ сущности къ одному и тому-же: имѣть въ домѣ хозяекъ дѣльныхъ, расторопныхъ, опытныхъ и женщинъ доброй нравственности.

Сказавши все это, приступаю къ описанію свадебнаго дѣла.

У насъ, участіе жениха въ дѣлѣ сватовства — участіе посредственное. По народному обычаю, онъ не можетъ явиться лично къ родителямъ избранной и объявить о своемъ желаніи соединиться съ ихъ дочерью. Съ его стороны это было-бы выраженіемъ величайшаго безстыдства, соединеннаго съ не меньшею наглостью и пренебреженіемъ къ обычаямъ страны. Онъ-бы заслужилъ большое нареканіе на себя въ людяхъ, еслибы осмѣлился сдѣлать это; онъ не только не могъ-бы свататься за дѣвушку, но не имѣлъ-бы права показываться въ люди. При такихъ обстоятельствахъ ясно, что услуга хорошаго друга или брата (только младшаго) становится необходимостью. Это въ самомъ дѣлѣ и выражается въ народной поговоркѣ: «хорошій другъ даже лучше брата». Сознавая хорошо свою безправность, положенную народнымъ обычаемъ, относительно личнаго объясненія о своемъ желаніи съ родителями или другими заступниками дѣвушки, женихъ надѣется только единственно на посредство своего друга. Онъ отправляется къ нему и, объяснивъ обстоятельства дѣла, уполномочиваетъ его отъ своего имени переговорить съ родителями дѣвушки. И вотъ съ этого момента женихъ становится лицомъ совершенно пассивнымъ, какъ въ дѣлѣ сватов-

---

[11]) Шерстяная ткань, изъ которой осетины дѣлаютъ черкески, называется—т ы н.

ства, такъ и въ дѣлѣ свадьбы вообще. Съ этого момента свою активную роль онъ передаетъ своему другу, который становится его ходатаемъ и устроителемъ свадьбы, а самъ онъ, принявъ роль жениха, становится какъ-бы лицомъ сторонним. Другъ жениха, расположившись въ кунацкой [12]) родителей дѣвушки, если онъ пріѣхалъ издалека или изъ другаго аула, проситъ къ себѣ старшаго изъ родственниковъ дѣвушки. Онъ не сейчасъ-же объявляетъ о цѣли своего пріѣзда: иногда двое-трое сутокъ онъ проводитъ въ кунацкой на правахъ гостя, не будучи спрошеннымъ о причинѣ его пріѣзда, развлекая и занимая въ тоже время вниманіе хозяина посторонними разсказами. Наконецъ, утромъ въ день своего отъѣзда, онъ, обращаясь къ хозяевамъ, говоритъ: «Я имѣю порученіе къ вамъ отъ N (при этомъ онъ называетъ имя уполномочившаго его); мнѣ вамъ нечего говорить о немъ: вы сами, должно быть, знаете, какой онъ имѣетъ домъ, какое семейство, какого онъ происхожденія. Вы сами знаете, что если остановится гость у него, то онъ отправитъ его, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, не осрамясь, и притомъ, гдѣ и самъ онъ останавится, вездѣ встрѣчаютъ его, какъ достойнаго мужчину. Также, должно быть, знаете, что въ средѣ своихъ сверстниковъ онъ не послѣдній. И вотъ онъ прислалъ меня сказать вамъ, что желаетъ состоять съ вами въ родствѣ. А вы подумайте, вы не мало доставите и мнѣ славы, если не заставите меня проѣхаться понапрасно. Подобное дѣло, кажется, ни Богу, ни людямъ не будетъ противно».—Родители или родственники дѣвушки не тотчасъ-же произносятъ свое рѣшеніе, особенно если дѣло клонится болѣе къ неосуществленію настоящаго предложенія, а устами старшаго говорятъ: «Ты самъ понимаешь и видишь, такой-то (при этомъ произноситъ имя уполномоченнаго), какую оказываетъ намъ славу и честь пославшій тебя къ намъ, дѣлая намъ такое предложеніе и домогаясь нашего родства; конечно, за это мы имъ очень довольны; если и Богъ имъ такъ будетъ доволенъ, то, повѣрь, на него не падетъ проклятіе Божіе. Хотя она и рождена отъ насъ, но она въ тоже время близка и другимъ родственникамъ; поэтому, не спрося никого изъ нихъ, и, вообще, безъ огласки, мы не должны ничего дѣлать и даже не можемъ дѣлать. Наконецъ, вѣдь и она существо, она также имѣетъ душу.

---

[12]) Гостиная кавказскихъ горцевъ извѣстна подъ названіемъ кунацкой.

Вѣдь въ день свѣтопреставленія [13]) она будетъ взывать къ Богу на насъ за наши грѣхи, если отдать се, не спросясь ея согласія, и если она, кто знаетъ, будетъ недовольна своимъ житьемъ. Поэтому, мы вотъ съ родственниками потолкуемъ и сегодня-же покончимъ это дѣло». Сказавъ эту рѣчь и попросивъ уполномоченнаго дождаться отвѣта, сами отправляются во внутренніе покои обсуживать—принять-ли предложеніе или отвергнуть. Матери сообщается обстоятельство тотчасъ-же, если она только есть; пожалуй, могутъ спросить и мнѣніе ея относительно этого предложенія. Но большею частью мнѣніе мужчинъ, старшихъ въ семьѣ, признается за единственно-непогрѣшимый авторитетъ; поэтому, оно большею частію и рѣшаетъ этотъ вопросъ. Что-же касается невѣсты, то часто ей не объявляютъ ничего до окончательнаго рѣшенія. Если обстоятельства дѣла требуютъ большой предусмотрительности, заступники дѣвушки сейчасъ-же посылаютъ за своими близкими родственниками-односельцами, и уже коллективнымъ совѣтомъ всѣ произносятъ окончательное рѣшеніе. Благодаря нашему времени, теперь, голосъ и воля дѣвушки все-таки имѣютъ значеніе, только еще не такое, противъ котораго, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не могли-бы посягнуть желанія и расчеты родителей. Однако, я не разъ слышалъ, что такая-то рѣшительно отказалась выйти за такого-то, говоря: «Если меня выдадутъ за него, я лучше убью себя, а все-таки не выйду за него». Изъ этой фразы видно, какая еще ничтожная доля независимости въ желаніи и въ рѣшеніи участи молодой выпадаетъ на нее самоё. Если-же возьмемъ лѣтъ тридцать или даже лѣтъ двадцать и пятнадцать тому-назадъ, то найдемъ дѣвушку существомъ совершенно-безгласнымъ относительно выбора себѣ друга жизни. Въ этомъ отношеніи рѣшеніе ея судьбы вполнѣ зависѣло отъ желанія и расчетовъ родителей, часто корыстныхъ, поощряемыхъ нестрого-опредѣленною нормою выкупа (или *калыма*, какъ иначе называютъ его) [14]). По народному обычаю, она, не имѣя права высказываться противъ желанія и рѣшенія родителей, должна была только безмолвно покориться имъ и не возражать, ибо они родили ее, слѣдовательно, она безропотно во всемъ должна повиноваться имъ, по мнѣнію родителей. У нея поэтому никогда и не спрашивали согласія ея.

---

[13]) День свѣтопреставленія называется у осетинъ—КАЙМАТИ-БОН.

[14]) Выкупъ по-осетински—ИРАД.

Но, въ наше время, большею частью объявляютъ дѣвушкѣ въ минуты сватанья, кто сватается за нее, спрашивая ея согласія въ тоже время. Она, потупя стыдливо взоръ и краснѣя, ничего не отвѣчаетъ первымъ допрашивателямъ, особенно если между ними есть такой, съ которымъ она не была прежде откровенна. Въ этомъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ и этикетъ не дозволяетъ ей не поскромничать: ее назовутъ даже наглою и безстыдною, если она на вопросъ спрашивающихъ отвѣтитъ прямо и рѣшительно, утвердительно или отрицательно. А такое молчаніе дочери со стороны родителей считается какъ-бы сигналомъ соглашенія съ желаніемъ ихъ. Этотъ фактъ я могу лично подтвердить недавнимъ примѣромъ. Въ одномъ домѣ, въ концѣ прошлаго года, сватали дѣвушку за одного мнѣ знакомаго осетина. Въ это время и мнѣ пришлось быть въ томъ-же домѣ. По-видимому, на предложеніе молодаго осетина, мать дѣвушки, такъ какъ она была единственною заступницею ея, сначала отвѣчала какъ-то нерѣшительно, и, можно сказать, даже не очень желала, чтобы дочь ея принадлежала этому молодому осетину. Но, посовѣтовавшись съ родственниками, она потомъ нашла, что этотъ молодой осетинъ одинъ изъ достойнѣйшихъ жениховъ, имѣющихъ право когда-либо расчитывать на полученіе руки ея дочери. Въ это время дочь отсутствовала: она была, кажется, у своей замужней сестры —сосѣдки. Мать велѣла позвать ее. Вскорѣ она явилась; ничего не подозрѣвая, предстала она предъ мать; конфузливо, въ полголоса, привѣтствовала родственниковъ. Мать встала съ своего сѣдалища и, въ сопровожденіи двухъ женщинъ, вышла съ дочерью въ смежную комнату. Переступивъ за порогъ, онѣ остановились, не затворивъ за собой двери; дочь стояла обращенною лицомъ къ намъ. При первомъ вопросѣ матери, который я не могъ разслышать, дочь, потупивъ взоръ, опустила голову, поблѣднѣвъ слегка. На всѣ послѣдующіе вопросы матери, она отвѣчала только перемѣной цвѣта лица изъ слегка-блѣднаго въ слегка-красный, не обнаруживъ въ тоже время ни малѣйшаго виду соглашенія или несогласія съ желаніемъ матери. Мать продолжала допрашивать, — дочь безмолвствовала. Наконецъ, мать, усмѣхнувшись, ударивъ ее слегка по плечу и сказавъ радостно: «дура!», обратилась къ двумъ женщинамъ: «Ну, оставьте ее! извѣстное дѣло — она ничего не скажетъ». Мать пришла и заняла свое сѣдалище между родственниками, сказавъ имъ, что она согласна. «Скажите, ради Бога, хотя она не говоритъ, но развѣ

по цвѣту лица ея не видно, хочетъ-ли она или нѣтъ? Посмотрите, какъ у ней лицо-то просвѣтлѣло!». Всѣ сказали, что это вѣрнѣйшій признакъ желанія ея; поэтому, они тутъ-же положили выдать ее за того молодаго осетина. «Обычай нашъ таковъ, что она прямо не можетъ отвѣтить», сказали многіе. Послѣ этого, дочь, какъ я слышалъ, посылала къ матери свою подругу сказать ей, что она не можетъ выходить за того осетина; но уже было поздно: слово *фідаом* (мѣримся, сходимся) было уже произнесено, и, въ знакъ согласія обѣихъ сторонъ, посланный отъ жениха оставилъ пистолетъ у матери дѣвушки.

Когда дѣвушка осмѣливается иногда не покориться въ свадебномъ дѣлѣ, гдѣ участь ея рѣшается нерѣдко очерти голову, по желанію родителей, то со стороны ихъ ее ожидаютъ тысячи упрековъ въ неблагодарности, въ неуваженіи и непочитаніи, а въ народѣ тысячи сплетенъ будутъ указывать на паденіе ея нравственности. Поэтому, въ дѣлѣ выбора жениха, дѣвушка, чтобы избавиться отъ тяжелыхъ упрековъ родительскихъ и нареканій общества, дорожитъ совѣтомъ, мнѣніемъ и желаніемъ родителей или ближайшихъ заступниковъ, если нѣтъ первыхъ. Она простосердечно говоритъ посланному отъ родителей: „Я согласна на все, на что согласны родители мои: сердца ихъ, я знаю, не пожелаютъ мнѣ худаго“ [15]).

Нечего и говорить, что такая наивность и довѣріе со стороны дѣвушекъ, къ сожалѣнію, не всегда обращаются для нихъ въ источникъ благоденствія въ грядущей семейной жизни.

Если родители дѣвушки находятъ достойнымъ настоящаго жениха по личнымъ его качествамъ сдѣлаться зятемъ ихъ, то у нихъ является рѣшимость выдать ее за него. При этомъ, въ наше время, за разборомъ личныхъ качествъ жениха, на судѣ родителей сейчасъ-же затрогивается вопросъ о домашнемъ благосостояніи, о хозяйствѣ жениха, ибо вопросъ этотъ, теперь, въ соединеніи съ немногими другими обстоятельствами, въ жизни осетина рѣшаетъ вопросъ о женитьбѣ: «Если, какъ человѣкъ, онъ хорошъ, да имѣетъ хорошій домъ (подъ словомъ «домъ» здѣсь

[15]) Сами родители, непрашивая согласія дочери на выходъ ея замужъ за того или другаго, обыкновенно не получаютъ отъ нея никакого отвѣта; потому что, по народному обычаю, какъ сказалъ я выше, со стороны дѣвушки было-бы нагло, если-бы она сказала въ отвѣтъ да или нѣтъ. А потому, родители, чтобы все-таки узнать ея желаніе, посылаютъ къ ней того, предъ кѣмъ она смѣла и откровенна.

также можно разумѣть «хозяйство»),—что-же намъ нужно еще?» Такими словами обыкновенно успокаиваютъ себя родители. Весьма часто, на этомъ основаніи, женихъ, не имѣющій никакого хозяйства или имѣющій незавидное хозяйство, подвергается саркастическимъ остротамъ родителей невѣсты или посторонихъ людей: «А что,—имѣетъ-ли онъ что-нибудь?» спрашиваютъ одни у другихъ.—«Какъ-же!» отвѣчаютъ тѣ: «одну собаку и двухъ кошекъ!» или говоритъ другую остроту: «У него такой домъ, что если въ него подуетъ вѣтеръ, то ничего оттуда не унесетъ!» И такими остротами часто родители уничтожаютъ всякую надежду жениха жениться на просимой имъ дѣвушкѣ. Затѣмъ, за вопросомъ о домашнемъ благосостояніи будущаго зятя, на родительскомъ судѣ выступаетъ очередь критическаго сужденія о нравственныхъ качествахъ той среды, въ которую должна вступить дочь ихъ, вышедши за настоящаго жениха. Свекровь называется *авсин* [16]), свекоръ—*хицау* [17]). Личныя достоинства или недостатки свекрови и свекра, а особенно достоинства или недостатки первой, такъ какъ она, пользуясь правомъ хозяйки дома, имѣетъ, въ первое время въ особенности, надъ невѣсткой почти-что неограниченное право командованія относительно отправленія домашнихъ работъ и нуждъ,—могутъ или ускорить, удвоить рѣшимость родителей на счетъ выдачи своей дочери за сына ея, или замедлить, а то, пожалуй, и вовсе затушить въ нихъ всякое желаніе соединенія ихъ дочери съ ея сыномъ, хотя-бы личныя качества сына и его домашнее благосостояніе не заслуживали отказа. Весьма часто пугаютъ родителей дѣвушки такими угрозами: «Если вы отдадите дочку вашу въ этотъ домъ, эта женщина (нужно разумѣть—свекровь) съѣстъ ее»; или: «Развѣ вы свою дочку отдаете на съѣденіе? Вы желаете, чтобы изгрызли ее?» Въ заключеніе всего идетъ сужденіе о родовомъ происхожденіи жениха. Впрочемъ, въ дѣлѣ женитьбы, этотъ вопросъ не всѣ общества Сѣверной Осетіи занималъ одинаково въ былыя времена и занимаетъ въ настоящее время. Большая часть куртатинцевъ и алагирцевъ, наро-мамисонцы и другіе, безразлично, какъ прежде выдавали, такъ и теперь выдаютъ своихъ дочерей, цѣня только одни личныя качества и достоинства въ женихѣ. Правда, за ку-

---

[16]) Свекровь назыв. авсин. Хозяйка тоже носитъ названіе авсин.

[17]) Свекоръ назыв. хицау; слово-же хицау значитъ господинъ, хозяинъ.

саговъ [18]) и они не выдавали своихъ дочерей, когда существовали еще кусаги; зато никогда не отказывали фарсагамъ и давно отдѣлившимся отъ своихъ покровителей кавдасардамъ. Не то было у тагаурцевъ, которые, производя себя отъ вѣнценосца [19]) и пользуясь въ народѣ почетомъ и правами дворянъ, гнушались выдавать своихъ дочерей за не-тагаурцевъ. Въ наше время, хотя это пристрастіе тагаурцевъ къ своему роду сильно поколеблено, такъ что теперь есть ужъ примѣры, что тагаурское племя не сильно гнушается брачнымъ соединеніемъ съ фарсагами, однако тагаурцы возкрешаютъ подчасъ свое алдарское высокомѣріе и сиѣсь гордыми отказами фарсагамъ.

Найдя претендента на руку своей дочери вполнѣ достойнымъ быть ихъ зятемъ и, поэтому, изъявивъ свое согласіе на выходъ ея, родитель и другіе родственники, присутствующіе на совѣтѣ, отправляются къ посланному отъ жениха. Они устами старшаго, какъ велитъ обычай, объявляютъ ему: «Мы очень довольны предстоящимъ родствомъ; лучшаго родства, сказать правду, Бога ради, мы не можемъ искать, а такимъ родственникомъ, какъ прославившій тебя, мы будемъ всегда дорожить. Теперь, да повелѣтъ Богъ дѣло наше такъ, какъ говорятъ сердца наши!» Затѣмъ, уполномоченный, вставая съ своего мѣста, произноситъ: «Да будетъ дѣло это спутникомъ въ добрый часъ совершившагося дѣла!» и подаетъ свой пистолетъ или пистолетъ жениха, нарочно взятый для этого случая у него, или, наконецъ, деньгами сколько-нибудь,—разумѣется, все это въ зачетъ слѣдуемаго выкупа за невѣсту, — въ знакъ улаженія дѣла, одному изъ младшихъ, присутствующихъ тутъ, братьевъ невѣсты или родственниковъ. Тутъ-же онъ назначаетъ родителямъ срокъ, по прошествіи котораго они, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ ближайшихъ родственниковъ и знакомыхъ, должны пріѣхать къ жениху за получкой выкупа. Съ этого времени дѣвушка, по народному обычаю, должна вести жизнь нѣсколько иначе. Прежде она могла являться въ сопровожденіи подругъ на всѣ общественныя увеселенія. Теперь, сдѣлавшись невѣстой, она можетъ являться лишь на такія увеселенія, гдѣ не можетъ встрѣтиться съ какимъ-либо дальнимъ или близкимъ родственникомъ жениха, ибо, по обычаю

---

[18]) Кусаг—рабъ.

[19]) Отъ слова ТАГАОРЪ, что значитъ ВѢНЦЕНОСЕЦЪ, ЦАРЬ, по-армянски.

осетинъ, она, сдѣлавшись невѣстой, должна скрываться, если не отъ всѣхъ, то по-крайней-мѣрѣ отъ значительно ее превосходящихъ лѣтами родственниковъ жениха.

Лѣтъ тридцать или двадцать тому-назадъ, случались примѣры, что родители дѣвушки, послѣ изъявленнаго ими согласія, рѣшительно отказывались выдавать дочерей за настоящихъ жениховъ ихъ. У кавдасардовъ и фарсаговъ, женихъ, получивъ назадъ отъ родителей невѣсты отданный имъ выкупъ и еще пятьдесятъ рублей въ видѣ штрафа, отказывался отъ всякихъ притязаній на ея руку. Тоже самое у кавдасардовъ и фарсаговъ Сѣверной Осетіи встрѣчается и теперь. Не то было тогда и есть въ настоящее время у всѣхъ тагаурцевъ, куртатинцевъ и аллагирцевъ изъ представительныхъ фамилій. Дѣло сватовства, или уложенія, считалось и считается въ настоящее время дѣломъ святымъ, нарушители котораго подвергались тогда и подвергаются теперь страшному гоненію со стороны жениха и родственниковъ его; у нихъ не допускается брать назадъ выкупъ, такъ какъ это считается дѣломъ постыднымъ и, по ихъ понятію, нестерпимымъ для самолюбія жениха. Его вездѣ будутъ укорять: «Что ты за молодецъ, если у тебя отняли невѣсту твою! если-бы ты оказался мужчиной, ты не позволилъ-бы этого!» Такіе упреки не можетъ снести дикое самолюбіе. Поэтому, женихъ всячески старается завладѣть невѣстой, какимъ-бы то ни было образомъ, чаще всего посредствомъ похищенія, и скорѣе обратить ее въ жену, во избѣжаніе дурныхъ, чаще всего кровавыхъ, результатовъ этого отказа. Если всѣ старанія его въ томъ остались тщетными, т. е. соперникъ его, другой претендентъ, уже завладѣлъ ею, то онъ считаетъ себя оскорбленнымъ съ двухъ сторонъ,—со стороны родителей невѣсты и со стороны жениха-соперника. Поэтому, онъ выжидаетъ удобной минуты, чтобы смыть нанесенное оскорбленіе убійствомъ кого-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ родителей невѣсты, если нельзя добраться до нихъ самихъ,—или убійствомъ своего соперника, сдѣлавшагося для него отъявленнымъ врагомъ. А ближайшіе родственники убитаго вмѣняютъ себѣ въ непремѣнный долгъ отомстить за убитаго тѣмъ-же. И вотъ завязывается начало страшнаго кровомщенія. Прежде также нерѣдко случалось, что у тагаурцевъ, у нѣкоторой части куртатинцевъ и аллагирцевъ, женихъ хотя и преслѣдовалъ неумолимою местью разстроившихъ его сватовство, однако самъ онъ

часто безнаказанно покидалъ свою засватанную, лишаясь только возвращенія уплаченной части выкупа [20]).

Въ разныя времена, въ Осетіи, у разныхъ народныхъ сословій, размѣръ калыма (выкупа) за дѣвушку былъ неодинаковъ. До окончательнаго покоренія Осетіи русскими, чистый калымъ простирался у аларъ [21]), у куртатинцевъ и аллагирцевъ представительныхъ фамилій, какъ говорятъ старики, до 1000 руб. сереб. (или 100 быковъ, по выраженію народа: цѣнность быка въ калымѣ равнялась 10 руб.). Такъ какъ такую сумму трудно, а нерѣдко и невозможно было выплачивать чистыми деньгами и скотомъ, которымъ большею частью выплачивали калымъ, то въ этомъ случаѣ цѣнность на оружіе, отдаваемое въ зачетъ калыма, и на мѣдную старинную утварь, значительно поднималась. Нерѣдко шашки, доставшіяся отъ отцовъ, хотя-бы и не съ богатою оправою, цѣнились по сто и въ полтораста руб. серебромъ. Оружіе такого рода, т. е. доставшееся отъ отцовъ, называлось *хазна* (что значитъ—драгоцѣнность). Съ покоренія Осетіи русскими и почти до 1866 года, калымъ у тагаурцевъ, куртатинцевъ и аллагирцевъ уменьшился до 440 руб., а у фарсаговъ и кавдасардовъ сначала до 300 рублей, потомъ до 150. Въ 1866 году собрались во Владикавказѣ представители трехъ сословій Сѣверной Осетіи и постановили норму калыма въ 200 рублей, какъ для тагаурцевъ, такъ и для фарсаговъ и кавдасардовъ Сѣверной Осетіи. Собственно-тагаурцы платятъ родителямъ невѣсты только сто рублей, а остальные его, слѣдуемые еще отъ жениха, родители, согласно постановленію корана, за-

[20]) Прежде, тотчасъ-же послѣ сватовства, дѣлались женихомъ не въ зачетъ выкупа слѣдующіе подарки: ФАТИ-БАХ (это выраженіе дословно значитъ КОНЬ СТРѢЛЫ, конь для СТРѢЛЫ, — отъ словъ: ФАТ—стрѣла, и БАХ—конь, лошадь; оно имѣетъ, кажется, иносказательное значеніе. Осетины часто говорятъ: «на кутаг фарáст, фати хузан» — ДѢЛО НАШЕ СДѢЛАЛОСЬ ПРЯМЫМЪ, ПОДОБНО СТРѢЛѢ, т. е., нужно понимать, что дѣло приняло весьма благополучный оборотъ. Поэтому, говорятъ осетины, ФАТИ-БАХ, отдавался какъ-бы въ знакъ совершенія благополучнаго (прямаго, какъ стрѣла,) направленія дѣла. Такъ истолковываютъ сами осетины смыслъ ФАТИ-БАХ); — МАДЫ-БАХ—конь для матери невѣсты (МАД—мать, БАХ—конь); МАДЫ АРВАДЫ-БАХ—конь для ближайшаго родственника тещи (МАД—мать, АРВАД—родственникъ, БАХ—конь) и АМЦЕДЖИ-БАХ—конь для кормильца невѣсты (амцек—кормилецъ), если только онъ былъ. Всѣ эти подарки въ настоящее время не дѣлаются болѣе.

[21]) Тагаурскихъ.

писываютъ въ собственность невѣсты, или въ *накяхъ*, чтобы впослѣдствіи, въ случаѣ развода, она могла получить ихъ. Другіе осетины-мусульмане, записавъ только пятьдесятъ рублей, получаютъ остальные. Родители-же осетинъ-христіанъ получаютъ весь выкупъ.

Послѣ соглашенія обѣихъ сторонъ, женихъ и невѣста обмѣниваются подарками. Онъ дѣлаетъ ей подарокъ, состоящій обыкновенно изъ штуки матеріи на платье или изъ шелковыхъ, цѣнныхъ или простыхъ, смотря по состоянію жениха, шалей. Она высылаетъ ему черкеску, поговицы или шапку. Получивъ весь выкупъ, родители невѣсты начинаютъ снаряжать ее ко дню отправленія. За недѣлю до отправленія, нарядивъ ее въ лучшее платье, они отправляютъ ее, въ сопровожденіи подругъ и одной родственницы, объѣзжать знакомыхъ и родственниковъ. Послѣдніе, съ своей стороны, пожелавъ ей всякихъ благъ и счастія въ семейной жизни и одаривъ мелкими вещицами (иглами, зеркальцами, платочками, колечками и т. п.), отпускаютъ ее домой.

II.

А родители, между тѣмъ, наготовивъ всего необходимаго для принятія и угощенія дружковъ жениха [1]) и гостей, ждутъ ихъ пріѣзда. Они, если состоятельны, заготовляютъ много пива (*баганы*), такъ какъ оно составляетъ первый и почетнѣйшій изъ всѣхъ напитковъ (на такіе чрезвычайные случаи нерѣдко, по неимѣнію хорошаго пивовара у себя, жители плоской Осетіи вызываютъ его изъ горной Осетіи, гдѣ находятся лучшіе пивовары), *араки* (эта послѣдняя, впрочемъ, бываетъ и у бѣдныхъ), *махсима*, или по-осетински *брагх* [2]) (у бѣдныхъ она является въ натуральномъ видѣ, безъ всякихъ приправъ, а у богатыхъ настаивается на меду и дрожжахъ, отчего получаетъ прозрачно-сѣрый цвѣтъ и, вслѣдствіе броженія, крѣпость спиртуозныхъ напитковъ,—

---

[1]) Дружки называются ЧИНДЗ-ХАДЖИТА, т. е. НЕСУЩІЕ НЕВѢСТУ — въ дословномъ переводѣ. Они приглашаются женихомъ изъ его близкихъ знакомыхъ и родственниковъ.

[2]) Просяной сокъ, приведенный въ броженіе, составляетъ напитокъ ВРАГХ, называемый по-кабардински МАХСИМА.

она носитъ названіе сѣрой махсимы и почитается не хуже пива); на-зарѣзъ предназначаютъ вола и тучныхъ барановъ, множество откормленныхъ индѣекъ, гусей, утокъ, куръ, и огромное количество яицъ для печенья разнаго рода.

Дружки извѣщаютъ о своемъ пріѣздѣ выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ и громкими возгласами радости. Они шумно въѣзжаютъ во дворъ родителей невѣсты, громко произнося различныя привѣтственныя фразы. Женихъ-же останавливается въ домѣ друга, пріятеля, или, наконецъ, родственника, въ томъ-же аулѣ. Другъ, пріятель или родственникъ, принявшій его подъ свою кровлю, называется *фсимъ*. Пока дружки не проводятъ невѣсту изъ родительскаго дома, до-тѣхъ-поръ женихъ, согласно обычаю, никуда не выходитъ изъ гостиной своего *фсима* и никому не показывается изъ своихъ родственниковъ, значительно превосходящихъ его лѣтами.

Между тѣмъ, дружки и гости, въ домѣ невѣсты, на дворѣ, устраиваютъ игры и пляски—осетинскія, кабардинскія, чеченскія [5]) и т. п., — все это, разумѣется, съ участіемъ дѣвушекъ, стыдливо выходящихъ изъ комнаты невѣсты на зовъ пріѣзжихъ гостей. Онѣ образуютъ собою особую группу, а мужчины, молодые дружки и гости, противъ нихъ другую. На средину выходитъ распорядитель игръ и плясокъ, съ хворостиной въ рукѣ. Раздвинувъ народъ вправо и влѣво размахами хворостины и образовавъ кругъ, онъ открываетъ затѣмъ увеселенія. Назначается онъ преимущественно по выбору, изъ аульной молодежи; при выборѣ распорядителя руководствуются тѣмъ соображеніемъ, чтобы онъ, будучи смѣлъ въ обращеніи, былъ знакомъ съ дѣвушками своего аула.

Всѣ пляски сопровождаются игрою національнаго оркестра. Онъ весьма немногочисленъ и состоитъ изъ скрипача (дѣвушки, играющей на гармоникѣ), и мальчика, колотящаго въ малый или большой тазъ, подъ тактъ пляски [4]). Вотъ вамъ и національный

[5]) Ирон-симд, ирон-кафт; каскон-симд, каскон-кафт; макалон-кафт.

[4]) Представьте себѣ большую сосновую чашку, натянутую воловьимъ пузыремъ, съ отверстіемъ на днѣ, съ древкомъ, вбитымъ въ одной сторонѣ чашки, служащимъ шейкой, съ двумя или четырьмя струнами изъ конскаго волоса. Это скрипочка осетинская. Во многихъ мѣстахъ Сѣверной Осетіи она уже вытѣснена употребленіемъ кабардинской скрипки, имѣющей все-таки сходство съ осетинской.

оркестръ. Игра оркестра, почти во всѣхъ пляскахъ сопровождаемая довольно стройнымъ и громкимъ боемъ въ ладоши, есть сигналъ къ началію плясокъ. Пляски, какъ я сказалъ выше, состоятъ собственно изъ плясокъ осетинскихъ, чеченскихъ и кабардинскихъ. Чтобы составить себѣ живое понятіе объ этихъ пляскахъ, ихъ характерныхъ и оригинальныхъ чертахъ, непремѣнно нужно видѣть ихъ въ натурѣ, потому что описаніе не въ состояніи дать такого живаго очерка ихъ, какой обѣщаетъ непосредственное впечатлѣніе. Какъ только заиграютъ на скрипочкѣ и на гармоникѣ для собственно-національной пляски, распорядитель плясокъ заботится о составленіи танцующей пары. Онъ подходитъ къ группѣ мужчинъ—и, взявъ изъ нихъ, кого заблагоразсудитъ, за рукавъ, выводитъ его на средину круга. Если-бы тотъ сталъ отпѣкиваться и вообще изъявлять свое нежеланіе плясать, распорядитель игръ безцеремонно сталъ-бы побуждать его къ пляскѣ ударами своей хворостины. Выбравъ мужчину, который въ ожиданіи дѣвушки крупно шагаетъ кругомъ, онъ, подойдя къ группѣ дѣвушекъ, привѣтливо приглашаетъ изъ нихъ кого-нибудь. Выходомъ дѣвушки на средину круга начинается серьозная пляска, походящая на всѣмъ извѣстный кавказскій танецъ «лезгинка». Затѣмъ, раздается дружный бой въ ладоши,—пляска оживляется. Со стороны дѣвушки, плавно-описывающей круги, выказывается много красы и граціи въ тѣлодвиженіяхъ, со стороны мужчины—много ловкости и живости. Въ этой пляскѣ нерѣдко завязывается споръ между танцующими, представителями двухъ группъ, дѣвушекъ и мужчинъ. Эти послѣдніе, по свойственному имъ стремленію—быть вездѣ первыми, въ танцахъ часто встрѣчаютъ въ нѣкоторыхъ дѣвушкахъ могущественныхъ соперницъ за первенство: иногда, послѣ продолжительнаго живаго танца, къ великой досадѣ мужчины, дѣвушка не оставляетъ круга, не обнаруживая тѣмъ своей усталости и, по понятію мужчинъ, слабости женской, а, напротивъ, живѣе и энергичнѣе продолжаетъ описывать круги и дѣлать обороты, побуждаемая одобрительными голосами своихъ подругъ. А мужчинѣ не приходится первому оставить кругъ: не принято и подымутъ на смѣхъ, говоря извѣстное выраженіе: «сломила его дѣвушка!» Чтобы избѣжать посмѣянія и прервать пляску, онъ, дѣлая скорые и внезапные обороты, всячески старается смѣшать и сбить съ такта дѣвушку, которая въ смущеніи и оставляетъ тогда кругъ. Но если и это не удается, если она своею ловкостью предупреждаетъ всѣ

его замыслы, тогда онъ старается напугать ее внезапнымъ выстрѣломъ изъ пистолета у самыхъ ногъ ея. Впрочемъ, выстрѣлы изъ пистолета дѣлаются часто для увеличенія эффекта и оживленія танцевъ. Нерѣдко эти выстрѣлы сопровождались несчастными случаями; однако, все-таки они, служа выраженіемъ удали и народнаго духа, еще существуютъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, на одномъ увеселеніи, въ домѣ генерала Муса Кундухова, случилось такое несчастіе. Семнадцатилѣтняя дѣвушка танцовала съ своимъ односелькемъ, молодымъ человѣкомъ. Послѣ получасовой пляски, молодой человѣкъ задумалъ было прервать ее выстрѣломъ. Онъ, танцуя и слѣдуя за дѣвушкой съ взведеннымъ куркомъ пистолета, пригнулся, съ цѣлью всадить пулю у самыхъ ногъ дѣвушки,—какъ она, вслѣдъ за выстрѣломъ, съ крикомъ упала на землю. Къ сожалѣнію подбѣжавшихъ къ ней, она лежала въ безпамятствѣ, съ прострѣленною ступнею лѣвой ноги. Доктора нашли за лучшее сдѣлать ей ампутацію. Послѣ того, какъ ей залечили рану, она вышла замужъ за того-же самого молодаго человѣка, который, по неосторожности своей, изуродовалъ ее.

Наплясавшись вдоволь, пара расходится; — мужчина пристаетъ къ мужчинамъ, сдѣлавъ въ тоже время рукоположеніе на одного изъ нихъ [1]), въ знакъ приглашенія на пляску; тоже самое дѣлаетъ дѣвушка. Мужчина и дѣвушка, принявшіе рукоположеніе, не имѣютъ права отказываться отъ танца, хотя-бы они не желали танцовать. Впрочемъ, они могутъ избавиться отъ обязательства, сдѣлавши по-крайней-мѣрѣ одинъ кругъ и въ свою очередь обязавъ кого-нибудь на танецъ также рукоположеніемъ. Шумно и весело продолжаютъ смѣнять другъ друга танцы кабардинскіе, чеченскіе и осетинскіе. Въ промежутокъ между танцами веселящую молодежь угощаютъ шашлыкомъ, пирогами и другими печеньями,—мужчинъ-же еще напитками. Интересно положеніе аульныхъ мальчиковъ на свадьбѣ. Они, находясь внѣ вниманія угощателей и разносчиковъ кушаньевъ, пріобрѣтаютъ средства и возможность пользоваться нѣсколько плодами свадебнаго пира посредствомъ ловкости рукъ, быстроты и рѣзвости ногъ, или сказать проще: народнымъ обычаемъ позволяется имъ хватать изъ кушаньевъ все, что возможно добыть ловкостью и проворствомъ. Къ вечеру всѣ танцы и игры на время стола унимают-

[1]) По-осетински, это рукоположеніе называется ч е п п а.

ся. Гости и дружки приглашаются къ обѣду въ большое отдѣленіе, служащее обыкновенно для стряпни, если оно есть, или ихъ усаживаютъ по старшинству гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ сарая, или просто на дворѣ, особенно, если время весеннее или лѣтнее, и если хозяинъ стѣсняется въ помѣщеніи. Размѣщаются они вокругъ національныхъ столовъ, по четыре или по шести человѣкъ. Столы—самаго незатѣйливаго и грубаго искусства, напоминающаго собою о патріархальности былыхъ временъ: плохо вытесанная доска, длиною приблизительно въ полтора аршина, насаженная на четыре коротенькія ножки, расположенныя у угловъ,—это одинъ видъ столовъ; большая, круглая, неглубокая деревянная посудина, насаженная на три коротенькія ножки, — другой видъ столовъ. Столы устанавливаются кругомъ. Срединная площадь бываетъ занята кушаньями и напитками, предназначенными для угощенія гостей, дружковъ и другихъ присутствующихъ. Центръ площади занимаютъ большія кадки пива, махемы и большіе кувшины араки; затѣмъ, огромныя деревянныя посудины, въ родѣ корытъ и плетенокъ, навалены цѣлыми, не расчлененными еще, баранами, индѣйками, гусями и курами; подальше, большіе деревянные лотки уставлены печеньемъ разнаго рода. Около всего этого суетливо хлопочутъ дѣятельные распорядители, угощатели и разносчики кушаньевъ. Усадивъ гостей и дружковъ, они начинаютъ обносить ихъ кушаньями и питьемъ. На двухъ-трехъ первыхъ столахъ, занятыхъ старшими, подается между прочими кушаньями по цѣльному бараньему корпусу и по одной бараньей головѣ, служащей символомъ старшинства и почета, по представленію нашего народа. Равнымъ образомъ снабжаютъ кушаньями и другіе столы, занятые людьми уже помоложе и вовсе молодыми. На счетъ раздачи мяса тутъ тоже соблюдаются извѣстныя правила, освященныя народнымъ обычаемъ: на эти столы уже ставятся не цѣльныя баранья туши и головы, а извѣстные куски или части барана, служащіе тоже выраженіемъ почета, соотвѣтствующаго возрасту гостей; шея, напримѣръ, служа выраженіемъ степенности возраста, подается пожилому или, по-крайней-мѣрѣ, полустепенному возрасту; лопатка опредѣляется гостямъ, имѣющимъ около тридцати лѣтъ; ребра и прочія части — молодымъ людямъ двадцати четырехъ-пяти лѣтъ; уши баранья отрѣзаются стариками для малолѣтнихъ мальчиковъ; стегно предназначается для малолѣтнихъ или для отроковъ и проч. До начатія пиршества, старшій

изъ всѣхъ присутствующихъ, предварительно обнаживъ голову и вставъ съ своего почетнаго мѣста, съ чаркою махсимы или пива въ одной рукѣ, съ ватрушкой и со стегномъ бараньимъ (стегно это собственноручно отрѣзается старикомъ отъ поданнаго бараньяго корпуса, для воздаянія молитвы) въ другой, обращается громко, во всеуслышаніе, ко всѣмъ присутствующимъ: «О, добрые люди! послушайте-ка немного. О, Боже! направь дѣло тѣхъ, ради которыхъ мы находимся тутъ, на путь счастія; поведи его такъ, какъ говорятъ сердца ихъ; чтобы домъ, въ который она (т. е. дѣвушка) занесетъ ногу, былъ осчастливленъ ея вступленіемъ, чтобы тамъ воцарилось благоденствіе! и предпиши много счастія ей самой въ средѣ семейства!» Со стороны присутствующихъ, впродолженіи всей этой молитвы, громогласно раздаются слѣдующіе возгласы: «Аминь! (уомен! уомен!—по-осетински) да пожелаетъ того Богъ!» Съ прекращеніемъ молитвы и возгласовъ начинается пиршество. Много уничтожается тутъ мяса, печенья разнаго рода и напитковъ—пива, махсимы и араки, такъ какъ каждый изъ дружковъ и гостей, желая показать себя мужчиной, а не слабой женщиной, по выраженію народа,—такъ сказать, усугубляетъ свои способности ѣсть и пить. Да и невозможно тутъ соблюдать воздержность въ пищѣ и питьѣ: угощатели питьемъ и разносщики кушаньевъ,—первые, обходя чарками гостей и дружковъ кругомъ, а вторые, постоянно обновляя на столахъ кушанья,—то и дѣло упрашиваютъ почти непереступно вы пивать и поѣдать все подаваемое имп. А кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты настоятельно требуетъ отъ дружковъ того-же самаго. Сперва, нѣсколько разъ обнесши ихъ и гостей простыми чарками пива, махсимы и араки, угощатели являются затѣмъ съ огромными турьими рогами [5]), величиною, по-крайней-мѣрѣ, въ два фута, наполненными до краевъ пивомъ. Раздавъ ихъ по рукамъ дружковъ и гостей, они зорко слѣдятъ, чтобы рога были выпиты, такъ какъ это заздравные тосты за кого-нибудь съ невѣстиной стороны или со стороны жениха. Рога тогда только принимаются изъ рукъ дружковъ и гостей, когда содержащееся въ нихъ пиво выпивается до капли. Многіе изъ дружковъ и гостей, желая избѣжать очередныхъ тос-

[5]) Во время торжественныхъ случаевъ, пить заздравные тосты изъ турьяго рога—обычай почти всѣхъ кавказскихъ горцевъ, унаслѣдованный отъ отцовъ.

товъ (*гаджидау*—по-осетински), всячески стараются незамѣтно ускользнуть изъ собранія на время этихъ тостовъ; но намѣренія ихъ оканчиваются большею частью полною неудачею, потому что сторожъ выхода, нарочно для этого приставленный, не соглашаясь ни на какія просьбы, подкупъ и обѣщанія гостей, безцеремонно сажаетъ ихъ назадъ на свои мѣста, гдѣ ихъ, по обыкновенію, приневоливаютъ уже извѣстными намъ тостами. Если кто-нибудь изъ дружковъ медлитъ выпиваніемъ врученнаго ему рога, то тутъ-же трое или четверо изъ сосѣдей поднимаются съ своихъ мѣстъ, съ слѣдующими, уже охрипшими, возгласами: «Не срами насъ! да будешь бабой, если осрамишь насъ! Развѣ мы не мужи?!!» Шумно, крикливо они окружаютъ его и, хлопая въ ладоши и напѣвая хрипло: «Выпивай!.. очищай!.. (очищай—въ смыслѣ *выпивай до капли*) выпивай!.. очищай»!.. докучаютъ ему до тѣхъ поръ, пока онъ, приложившись къ своему рогу, не осушитъ его на самомъ дѣлѣ. Когда рогъ осушенъ, тѣ съ громкими криками радости, сопровождаемыми нерѣдко выстрѣлами изъ пистолетовъ, и съ выраженіемъ самодовольствія, что они не скомфужены слабостью товарища, по выраженію ихъ,—занимаютъ свои мѣста. Такимъ образомъ, эти очередные тосты, независимо отъ прежнихъ простыхъ чарокъ араки и махсимы, обходятъ кругомъ раза два дружковъ и гостей, а кушанья—шашлыкъ, печенья, ватрушки, яичница, мясо и друг.—на столахъ то и дѣло смѣняютъ послѣдовательно и постоянно другъ друга. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго принятія горячительныхъ напитковъ, конечно, многіе изъ дружковъ, отуманенные хмѣльными парами, теряютъ бодрость духа, трезвость и произвольность движеній вообще. Этими обстоятельствами, какъ нельзя лучше, пользуются аульные мальчики: они тихонько подкрадываются къ дружкамъ и гостямъ, и, повырѣзавъ у нихъ серебряные пуговки, кресала, язычки отъ поясовъ, поворовавъ патроны и похвативъ шапки, стремительно пускаются въ бѣгство. Впрочемъ, должно замѣтить, что старѣйшіе и почетнѣйшіе изъ дружковъ и гостей изъяты отъ покушеній мальчиковъ, благодаря своему возрасту и мѣсту, занимаемому ими въ общественномъ мнѣніи. Предъ ихъ лѣтами, такъ сказать, всѣ благоговѣютъ. А мѣсто, какое они занимаютъ въ общественномъ мнѣніи, внушаетъ къ нимъ вездѣ и во всякое время почтеніе и уваженіе народа.

Пиръ продолжается до глубокой полуночи: тѣ изъ молодыхъ дружковъ и гостей, которые еще въ состояніи владѣть собою послѣ трудныхъ заздравныхъ тостовъ, оставляютъ пиршество и за-

тѣваютъ опять игры и пляски, разумѣется, съ участіемъ дѣвушекъ, забавлявшихъ дотого невѣсту. Веселящимся приноситъ на мѣсто увеселенія закуски, состоящія изъ шанлыка, ватрушекъ, печеній, мяса простаго и проч., чтобы въ промежутокъ между плясками желающіе могли удовлетворить аппетитъ. Сюда же являются аульные мальчики,—эти ловкіе хищники. Они, поощряемые обычаемъ страны, всячески стараются наказать дружковъ лишеніемъ шапки или чего-либо другаго Для этого они выжидаютъ удобной минуты, именно, чтобы тотъ, на шапку котораго направлены ихъ лихіе помыслы, былъ занятъ пляской; тогда рѣзвѣйшій и быстрѣйшій изъ всѣхъ мгновенно бросается на шапку и, давъ полную волю своимъ прытким ногамъ, убѣгаетъ съ нею оттуда, опасаясь, чтобы хозяинъ шапки не сталъ преслѣдовать его. Если-же мальчикамъ не удается пустить въ ходъ свою рѣзкость, ловкость и быстроту ногъ въ ущербъ вещамъ дружковъ, тогда они довольствуются малымъ: алчно кидаются на принесенныя закуски и, ухвативъ нѣсколько ватрушекъ и отбѣжавъ подальше, дѣлятъ ихъ между собою. Такими нападками аульные мальчики преслѣдуютъ дружковъ впродолженіи всего пребыванія ихъ въ домѣ невѣсты. Вплоть до полуночи поддерживается увеселеніе. Въ полночь всѣ думаютъ уже о покоѣ. Старѣйшіе и почетнѣйшіе изъ дружковъ занимаютъ гостиную, гдѣ имъ хозяинъ приготовляетъ постели. Остальные дружки и гости, отчасти утомленные продолжительнымъ дневнымъ бодрствованіемъ, а отчасти окончательно отуманенные и разбитые долгой попойкой, занимаютъ отдѣленіе, служившее имъ столовой, и располагаются тамъ, какъ попало, на голой землѣ. Проснувшись по-утру, кто изъ нихъ не находитъ шапки, которая уже на головѣ другаго молодца, удалившагося вовсе оттуда,—кто пояса, принадлежащаго теперь уже другому, — кто своихъ патроновъ, кто кинжала, а кто кое-чего изъ сѣдельныхъ принадлежностей. Это опять мальчики аульные воспользовались оплошностью дружковъ.

Второй день пребыванія дружковъ въ невѣстиномъ домѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, день отправленія невѣсты, проходитъ также, какъ первый, въ пляскахъ и другихъ играхъ, въ угощеніи, съ тѣми-же заздравными тостами. Наконецъ, окончивъ полную трапезу и, по заведенному обычаю, наградивъ мелкой или крупной монетой, смотря по состоянію, всѣхъ угощателей и разнощиковъ кушаньевъ и питья, также пивовара и женщинъ, готовившихъ кушанья, дружки требуютъ отъ старшаго изъ заступниковъ

невѣсты, чтобы готовила ее скорѣе въ дорогу. Во внутреннихъ покояхъ, въ самомъ дѣлѣ, снѣнятъ относительно сборовъ ея въ дорогу. Тутъ я нахожу необходимымъ описаніе костюма невѣсты. Онъ состоитъ изъ длинной шелковой [6]) или ситцевой, смотря по состоянію, рубахи, съ весьма широкими и длинными рукавами, въ которыхъ скрываются кисти рукъ (въ полной костюмировкѣ передній фасъ рубахи, отъ пояса и до ногъ, обутыхъ въ восточные башмаки, и обширные рукава остаются не закрытыми); на рубаху сверху надѣвается короткій шелковый или ситцевый бешметъ [7]), съ тальею, обшитый широкими серебряными галунами, на груди съ большими серебряными застежками или безъ нихъ, смотря тоже по состоянію, и съ короткими рукавами, доходящими только до локтевыхъ изгибовъ рукъ. Затѣмъ, наружное одѣяніе составляетъ длинный бешметъ, тоже съ тальею, кругомъ обшитый широкими серебряными галунами, но длиннѣ соотвѣтствующій рубахѣ. Этотъ бешметъ опоясывается широкимъ поясомъ, называемымъ *камари* [8]). Пряжка этого пояса представляетъ двѣ равныя половины, взаимно замыкающіяся. Каждая половина, шириною по-крайней-мѣрѣ въ два дюйма, а длиною въ три, изукрашена сердоликовыми кружками. Обѣ половины состоятъ изъ литаго серебра, поэтому поясъ этотъ, безъ сомнѣнія, довольно цѣненъ. Головной уборъ завершаетъ собою костюмировку. На голову надѣвается высокая шапка, съ околышемъ въ три дюйма ширины, сшитымъ изъ широкихъ серебряныхъ голуновъ, и съ суконнымъ или бархатнымъ верхомъ. Сверхъ шапки накидывается тонкая, бѣлая кисея, которая въ свою очередь прикрывается обширною шелковою шалью, спускающеюся на лицо всякій разъ, какъ невѣстѣ приходится, по обычаю народному, скрывать лицо отъ пытливыхъ взоровъ мужчинъ, за исключеніемъ, впрочемъ, ближайшихъ родственниковъ. Какъ весь этотъ костюмъ, такъ и богатство его, вмѣстѣ съ вычурностью вкуса,—не осетинскіе, какъ можетъ замѣтить всякій, сколько-нибудь знакомый съ разсказами путешественниковъ объ осетинахъ и кабардинцахъ. Этотъ костюмъ кабардинскій, заимствованный, со многими другими позаимствованіями, сѣверными осетинами, вслѣдствіе близкаго сосѣдства и

---

[6]) Шелковая матерія при этомъ должна быть или краснаго, или желтаго цвѣта.

[7]) Архалукъ.

[8]) По-грузински поясъ также называется—КАМАРИ.

постоянныхъ сношеній, изъ Малой Кабарды. Вообще, въ костюмѣ собственно-осетинъ господствовала бѣдность, съ полнѣйшею патріархальностью: въ женскомъ костюмѣ шапки, напримѣръ, не было, а вмѣсто нея были простыя шали, особеннымъ образомъ завязывавшіяся на головѣ; бешметы шились весьма просто, безъ большаго украшенія серебромъ, безъ дорогихъ серебряныхъ застежекъ; пояса, камари, тоже не было, а былъ широкій простой поясъ, встрѣчаемый теперь только у пожилыхъ женщинъ въ Сѣверной Осетіи, а въ Южной и у молодыхъ и даже у дѣвушекъ. Такимъ образомъ, нарядивъ сперва невѣсту въ эти свадебные наряды, хозяйки укладываютъ и сносятъ къ арбѣ, въ которой должна отправиться ихъ питомица въ мѣсто своего новаго назначенія, вещи, предназначенныя ей изъ родительскаго дома. А эти вещи составляютъ: большой сундукъ, заключающій въ себѣ подарки свекру и свекрови,—для перваго, обыкновенно, черкеску или матерію на черкеску (по-осетински *тын*), а для второй длинный бешметъ;—разную мелочь, необходимую для перваго обихода въ семейной жизни и служащую подаркомъ для разныхъ лицъ, по обычаю, подлежащихъ награжденію;—стѣнное зеркало, хотя бы самаго послѣдняго качества, но чтобы все-таки оно было; въ числѣ всего этого—небольшой мѣдный тазъ и рукомойникъ, также мѣдные. Изъ вещей крупныхъ, кромѣ сундука, нужно упомянуть еще тюфякъ, подушку и одѣяло—вещи весьма важныя и въ послѣдующей судьбѣ невѣсты. Отсутствіе ихъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ таза и рукомойника, можетъ повлечь за собою обидную долю для невѣсты. Въ домашнихъ спорахъ и распряхъ, возникающихъ часто въ семействѣ, также въ частныхъ пересудахъ постороннихъ людей, постоянно будутъ слышаться упреки: „пріѣхала она (невѣста) изъ дома родительскаго, такъ ей не въ чемъ было умыться, не было того, что могла-бы подостлать подъ себя, что подложить подъ голову и, наконецъ, чѣмъ укрыться, а здѣсь говоритъ, что то не такъ, другое не такъ“ и проч. Теперь должно быть понятно, почему одѣяло, подушка, тюфякъ и рукомойникъ важны и дороги для невѣсты. Затѣмъ, когда всѣ вещи невѣстины приведены въ порядокъ и уложены въ арбѣ, крытой сверху ковромъ,—со стороны невѣсты остается исполнить одно требованіе обычая, т. е. получить напутственное благословеніе отъ домашняго очага и надочажной цѣпи [9]), имѣющихъ, по представленію нашего народа,

[9]) Посреди отдѣленія, служащаго для стряпни, т. е. соотвѣтствую-

большую святость и силу напутственнаго благословенія. Шаферъ [10]) является проводникомъ невѣсты въ мѣсто нахожденія домашняго очага; дѣвушки, присутствующія при невѣстѣ, большею частію ея подруги, бросаются на шафера и обрываютъ на немъ черкеску или бешметъ, вообще верхнюю одежду, какъ бы въ отмщеніе, что ихъ лишаютъ одной подруги, такъ какъ тотчасъ-же по совершеніи этого обряда, подруга ихъ навсегда съ ними должна распрощаться и уѣхать въ мѣсто своего назначенія; однако, не взирая на это, онъ все-таки беретъ невѣсту подъ руку и, въ сопровожденіи всѣхъ дѣвицъ, вводитъ ее, съ опущенною на лицо шалью, въ отдѣленіе, служащее для стряпни, гдѣ, слѣдовательно, находится очагъ и надочажная цѣпь и гдѣ была столовая дружковъ и гостей. Дѣвушки, слѣдующія за невѣстой, играютъ на гармоникѣ и поютъ извѣстную свадебную пѣсню: „Алай, алай! уой алай, алай! алай, булай, уой алай, алай!... хорзы бонты“ (алай, алай—алай булай—это, кажется, припѣвъ, не имѣющій значенія; по-крайней-мѣрѣ я не знаю смысла этихъ словъ; слова же: хорзы бонты—значатъ—*въ добрые дни*, т. е. въ смыслѣ: въ добрый часъ)! Шаферъ подходитъ съ невѣстою къ очагу, и въ это время дружки и гости встаютъ съ своихъ мѣстъ, въ ожиданіи молитвы, которую долженъ произнести старшій и почетнѣйшій изъ нихъ. Глава собранія вскорѣ во всеуслышаніе говоритъ молитву: „О, Боже! такъ какъ дѣло это (свадьбу) ты распустилъ между людьми, то сдѣлай ихъ (нужно разумѣть невѣсту и жениха) сотоварищами въ лучшій день повстрѣчавшихся между собою людей! Уастырджи [11])! ты, направляющій на путь! поэтому, направь и ихъ на путь! О, Боже! дай намъ возможность услышать, что домъ, въ который она вступаетъ теперь, преисполнился счастіемъ: вотъ что просимъ у тебя, Единый Боже, создавшій насъ всѣхъ!“ Со стороны дружковъ и гостей слышатся постоянно: „Аминь, аминь!.. (уомен,

---

щаго кухнѣ, обыкновенно находится очагъ; надъ очагомъ въ дымовой трубѣ укрѣпляется перекладина, отъ которой къ очагу спускается цѣпь. Эта-то цѣпь и называется надочажною; при помощи ея варится на огнѣ все нужное,—стоитъ только привѣсить котелъ къ крюко-образному, висящему надъ огнемъ, концу цѣпи.

[10]) Шаферъ по-осетински носитъ названіе ЗА РУКУ ДЕРЖАЩАГО. Въ самомъ дѣлѣ, при всѣхъ выходахъ шаферъ ведетъ невѣсту подъ руку.

[11]) Уастырджи, по древнимъ языческимъ воззрѣніямъ осетинъ, есть божество мужчинъ, покровительствующее имъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Въ наше время имя это осетинами перенесено на св. Георгія. По мнѣнію всѣхъ осетинъ, Уастырджи и понынѣ остается покровителемъ мужчинъ.

уомец,—по-осетински) да пожелаетъ того Богъ!...“ А между тѣмъ, во время этой молитвы, шаферъ съ невѣстой дѣлаетъ три полныхъ оборота вокругъ очага; въ концѣ третьяго оборота онъ приглашаетъ невѣсту прикоснуться къ надочажной цѣпи рукой, что, разумѣется, исполняется ею немедленно. Лѣтъ девять или десять тому-назадъ, собственно-тагаурцы, и во главѣ ихъ Мусса-Кундуховъ, нашедъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ разительное выраженіе патріархальности въ этомъ обрядѣ, задумали его сократить: именно, исполненіе этого обряда они ограничили только прикосновеніемъ къ надочажной цѣпи, придавъ забвенію дѣланіе оборотовъ вокругъ очага. Въ это время выходила замужъ одна изъ дочерей Муссы. Когда она, желая получить благословеніе отъ домашняго очага, хотѣла сдѣлать три оборота вокругъ него, отецъ, зашедши впередъ, преградилъ дорогу дочери. Потомъ, обратившись къ шаферу, онъ сказалъ: „пусть она прикоснется только къ цѣпи — и больше ничего.“ Сказавши это шаферу, онъ во всеуслышаніе обратился къ тагаурцамъ съ такими словами: „Тагаурцы, да не назовется тотъ изъ васъ тагаурцемъ, кто не забудетъ отнынѣ этого обычая—дѣланія оборотовъ вокругъ очага; довольно будетъ, если невѣста прикоснется къ цѣпи!“ Съ того времени невѣсты собственно-тагаурки въ самомъ дѣлѣ не дѣлаютъ оборотовъ вокругъ очага.

По совершеніи обряда, невѣста, попрощавшись съ родителями, садится въ приготовленную для нея крытую арбу, съ своей кормилицей или, если ея нѣтъ, съ другой женщиной, посылаемой вмѣсто нея (она называется также—*джиза*), и съ двумя или тремя дѣвушками, нарочно пріѣхавшими изъ того аула, гдѣ живетъ женихъ. Нестройная пальба, поддерживаемая дружками, провожаетъ арбу до тѣхъ поръ, пока не скроется она за ворота. Затѣмъ, начинаются сборы дружковъ въ дорогу, полные самыхъ курьезныхъ сценъ. Лишившіеся шапокъ, не желая уѣхать безъ нихъ, стараются добыть ихъ у аульной молодежи, принявшей гостей такъ недружелюбно. Подобныя старанія большею частью оканчиваются неуступкой послѣдней, возней и суматохой; поэтому, дружки, выпросивъ у кого-нибудь овчинокъ (а имъ на этотъ случай даютъ старыхъ, завалящихся), старательно обвертываютъ ими головы; въ такомъ видѣ, сидя на лошадяхъ и смѣша зрителей разнаго рода уморительными тѣлодвиженіями и ухватками, они походятъ во многомъ на паяцовъ. А вотъ одинъ изъ нихъ хочетъ осѣдлать своего коня и, къ немалому удивленію своему, не находитъ подпругъ, а тутъ-

же близъ него стоящіе мальчики съ громкимъ смѣхомъ предлагаютъ ему мочалу, прося за нее три заряда пороху[12]) и говоря: „А за это время и подпруги твои отдохнутъ, а то ты слишкомъ утомилъ ихъ и, вотъ, видишь, онѣ и попрятались отъ тебя!“ Онъ, съ досады покрикивая на мальчиковъ, восклицаетъ: „Вотъ такъ волки! вѣдь, какъ далеко я запряталъ ихъ, а они все-таки откопали!!..“ Другой, кинувшись къ своей лошади, находитъ ее безъ уздечки и, разумѣется, подымаетъ крикъ; тутъ, откуда ни возьмись, являются тѣже насмѣшники и, прикинувшись, будто готовы услужить ему, предлагаютъ свои коротенькіе пояски. Наконецъ, кое-какъ поисправивъ понесенныя потери,—позанявъ у знакомыхъ шапки или обвернувъ сѣдла свои мочалой, если не удастся добыть у знакомыхъ на время ременныхъ подпругъ, а вмѣсто уздечки повязавъ морду лошади веревочкой, вмѣсто патроновъ воткнувъ палочные обрѣзки,—они выѣзжаютъ со двора, захвативъ себѣ на дорогу напитковъ и закуску. О своемъ пріѣздѣ они возвѣщаютъ своихъ односельцевъ выстрѣлами, когда ужъ имъ немного остается до самаго аула. Заслышавъ выстрѣлы, дѣвушки аула взапуски пускаются на встрѣчу къ невѣстѣ. Прибѣжавшая прежде всѣхъ и обнявшая невѣсту награждается ею наперсткомъ или, чаще всего, кольцомъ. Она тутъ-же садится въ арбу съ боку невѣсты; вторая тоже получаетъ что-нибудь отъ невѣсты и садится въ арбу, если только въ этой послѣдней есть мѣсто. Другія дѣвушки, слѣдуя за арбой, съ пѣніемъ: »алай—алай!« и съ игрой на гармоникѣ, провожаютъ ее такимъ образомъ до дома жениха. Тутъ ее ссаживаютъ и вводятъ въ нарочно для нея приготовленную и прибранную комнату. Тамъ она, въ углу, съ головой, покрытой шалью, стоитъ, принявъ позу опечаленной статуи, и такимъ образомъ стоитъ до тѣхъ поръ, пока не принесутъ ей чего-нибудь закусить или не придетъ шаферъ и не посадитъ ее, усѣвшись и самъ возлѣ нея. Съ нимъ однимъ она ведетъ разговоръ развязно, не стѣсняясь. Она называетъ его съ этого времени братомъ, а онъ величаетъ ее сестрой. Взаимныя отношенія ихъ съ этой поры становятся, въ самомъ дѣлѣ, братскими. Въ первое время семейной жизни невѣсты, шаферъ даже становится, можно сказать, ея руководителемъ, ея ментором.

---

[12]) У насъ говорятъ собственно не одинъ зарядъ, какъ по-русски, а одинъ выстрѣлъ, т. е. количество пороху, нужное для одного выстрѣла.

Между тѣмъ, на дворѣ собирается аульная молодежь и затѣваетъ пѣсни, пляски и игры, продолжающіяся до поздней поры. Тогда является родственникъ или другъ жениха[13]), въ гостиной котораго находится этотъ послѣдній, и упрашиваетъ молодежь отложить игры и забавы до слѣдующаго дня. Самъ онъ на нѣкоторое время удаляется и приходитъ потомъ въ сопровожденіи жениха, котораго онъ подводитъ къ комнатѣ невѣсты. Проводивъ жениха до комнаты, онъ возвращается домой.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о скандальномъ обычаѣ—подслушиваніи новобрачныхъ. Когда родственникъ или другъ жениха упрашиваетъ молодежь оставить игры и разойтись,—игры, дѣйствительно, оставляются, но молодежь не расходится, а скрывается отъ взоровъ родственника или друга жениха; между тѣмъ, по уходѣ его домой, она, оставивъ свою засаду, окружаетъ ту комнату, гдѣ находится молодая чета. Каждый изъ молодежи съ какою-то непонятною страстью прислушивается къ малѣйшему шелесту или тихому говору, слышимому изъ комнаты. Нѣкоторые-же даже просверливаютъ стѣны, чтобы предоставить себѣ болѣе удобствъ къ слушанію; другіе заходятъ по пути скандала дальше; они, не довольствуясь однимъ подслушиваніемъ и непремѣнно желая разсмотрѣть что-нибудь изъ сокровенныхъ сценъ, раскрываютъ слуховое окошечко, если это только возможно, стараясь въ тоже время какимъ-нибудь образомъ освѣтить комнату. Кто-нибудь изъ нихъ, взлѣзши на крышу и зажегши пукъ соломы, спускаетъ ее по трубѣ, чѣмъ даетъ возможность видѣть стоящимъ у щелей товарищамъ эти сцены. Цѣль-же этой суеты, этого скандала, состоитъ только въ томъ, чтобы передать утромъ жениху все слышанное и видѣнное.

На вечеръ другаго дня, или третьяго, устроивается *чиндзахсав* [14]). Въ домѣ жениха, по обыкновенію аульной молодежи,

---

[13]) Онъ называется—Ф с и м ъ. По обычаю народному, до извѣстнаго времени женихъ не можетъ пребывать дома одновременно съ невѣстой. Поэтому, онъ находится въ это время въ домѣ какого-нибудь родственника или друга,—называемаго Фсимъ. Въ прежнее время, невѣста не заѣзжала прямо въ домъ жениха, а останавливалась, до извѣстнаго времени, въ домѣ своего шафера,—отчего и этотъ послѣдній носилъ названіе Фсима. Теперь Фсима имѣетъ только женихъ, какъ въ своемъ аулѣ, такъ и въ аулѣ невѣсты; невѣста-же прямо заѣзжаетъ въ домъ жениха.

[14]) Чиндз-ахсав значитъ—невѣсткина ночь.

идутъ пѣсни, пляски и игры. По окончаніи этихъ увеселеній, усаживаютъ, какъ мы видѣли при отправленіи невѣсты изъ родительскаго дома, все аульное общество, по старшинству, на дворѣ или въ сараѣ. Послѣ молитвы, произносимой обыкновенно старѣйшимъ изъ всего собранія, начинается угощеніе, отличающееся, однако, не тѣмъ уже изобиліемъ съѣстнаго и напитковъ, какое было на пиршествѣ при отправленіи невѣсты, и умѣренностью засѣдающихъ здѣсь какъ въ ѣдѣ, такъ и въ питьѣ. Тутъ уже нѣтъ заздравныхъ тостовъ изъ турьяго рога, а вмѣсто нихъ простыя чарки обходятъ гостей раза два. Во время дѣлежа мяса, производящагося тутъ-же, въ кругу собранія, изъ комнаты невѣсты дѣвушки начинаютъ пѣть слѣдующую пѣсню, заключающую въ себѣ требованіе извѣстной части барана, искони имъ дарованной обычаемъ: „Подайте намъ ключицу нашу, ключица наша намъ нужна.“ Все пѣніе только и состоитъ—въ повтореніи этого двустишія. Распорядитель кушаньями [15]), заслышавъ это пѣніе, старается удовлетворить поющихъ. Одновременно съ угощеніемъ мужчинъ, шаферъ, въ сопровожденіи дѣвушекъ, поющихъ: «алай—алай», ведетъ молодую подъ руку въ мѣсто нахожденія домашняго очага, гдѣ ее ожидаетъ уже свекровь, съ чашкой въ рукѣ, наполненною смѣсью меду и масла. Шаферъ подводитъ невѣстку къ свекрови. Приподнявъ у невѣстки немного завѣсу лица, такъ, чтобы оно оставалось все-таки полузакрытымъ, онъ приглашаетъ ее опустить указательный палецъ въ чашу и, взявши имъ маленькую частицу смѣси, положить ее въ ротъ свекрови, которая затѣмъ въ свою очередь дѣлаетъ тоже самое по отношенію къ невѣсткѣ.

По совершеніи этого обряда, присутствующіе мальчики выхватываютъ чашку смѣси изъ рукъ свекрови и, выбѣжавъ на дворъ, дѣлятъ смѣсь между собою. Совершеніе этого обряда имѣетъ значеніе слѣдующаго народнаго заключенія: „Да будутъ такъ сладки свекровь и невѣстка другъ другу, какъ сладка людямъ эта смѣсь.“ [16]) Послѣ этого обряда, шаферъ, приподнявъ сзади шаль, выдергиваетъ острой палочкой изъ подъ-ися кисею, заноситъ ее надъ головой молодой и, описывая ею круги, торжественно произ-

---

[15]) Распорядитель кушаньями—по-осетински—Угдыгстаг.

[16]) Это—текстъ; я счелъ необходимымъ перевести его слово-въ-слово, потому что всякій другой оборотъ перевода измѣняетъ смыслъ текста и оригинальность народнаго выраженія.

носитъ: „Благоденствіе! благоденствіе! благоденствіе! девять мальчиковъ и одну голубоглазую дѣвочку!“ [17]) Женщины и дѣвушки принимаютъ изъ рукъ шафера эту палочку съ кисеею. Снявъ съ нея предварительно кисею, вмѣсто которой надѣвается на нее небольшой кусокъ коленкора или бязи, онѣ вколачиваютъ ее съ этимъ кускомъ матеріи въ переднемъ углу, почти у самаго потолка. Этотъ послѣдній обрядъ, т. е. вколачиваніе въ углу палочки съ кускомъ матеріи, по своему внутреннему смыслу мистическій, собственно-тагаурцы уже почти перестали отправлять. Однако, другія общества Сѣверной Осетіи, съ ихъ народными сословіями, не оставляютъ его.

Чиндз-ахсавъ есть первый пріемъ, первое знакомство невѣстки съ семействомъ, первое приглашеніе ея къ принятію участія въ семейныхъ отношеніяхъ, въ домашнихъ нуждахъ и заботахъ. Однако, невѣстка не сейчасъ-же послѣ чиндз-ахсава вступаетъ въ семейство. Она долго еще, недѣлы двѣ, по-крайней-мѣрѣ, не показывается почти всѣмъ членамъ семейства, не исключая даже свекрови, предъ которой она уже стояла и въ ротъ которой указательнымъ пальцемъ клала небольшую частицу смѣси. Для того чтобы невѣстка не пряталась какъ отъ нея, такъ и отъ всѣхъ тѣхъ изъ семейства, отъ которыхъ обычай дозволяетъ ей не скрываться, свекровь устроиваетъ собраніе женщинъ, съ хорошимъ угощеніемъ, и ужъ онѣ приводятъ невѣстку въ ея присутствіе. Обычай этотъ называется — показываніемъ. Съ этихъ поръ, исполняя легкія домашнія работы, она уже не скрывается отъ членовъ семейства, значительно уступающихъ ей по возрасту или даже равныхъ, что, впрочемъ, дѣлается по желанію и настоянію свекрови и другихъ старшихъ членовъ семейства. Но обычай строго предписываетъ ей скрываться отъ всѣхъ родственниковъ мужа, значительно превосходящихъ ее лѣтами. Это предписаніе обычая она должна соблюдать до могилы.

Въ первое время пребыванія невѣстки въ семействѣ, обычай запрещаетъ ей говорить съ кѣмъ-бы то ни было изъ семейства обыкновеннымъ разговорнымъ своимъ голосомъ: непремѣнно, по-крайней-мѣрѣ два или три мѣсяца, она должна говорить въ

---

[17]) Это восклицаніе есть ничто иное, какъ молитва шафера. Замѣчательно, что у насъ «голубоглазая» выражается прилагательнымъ «голубой» съ присоединеніемъ къ нему слова „дѣвушка“; между тѣмъ какъ по-русски вышло бы «голубая дѣвушка».

полголоса. Этотъ обычай называется — *уайсадын*, т. е. *говорить въ полголоса*. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, невѣстка все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ право говорить полнымъ разговорнымъ тономъ.

Джантемиръ Шанаевъ.

Одесса. 7 октября 1869 года.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА

ОБЪ ОСМОТРѢ КАЗЁННЫХЪ СВОБОДНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ НАГОРНОЙ ПОЛОСЫ МЕЖДУ РѢКАМИ ТЕБЕРДОЙ И ЛАБОЙ.

(Съ картою).

Казенныя свободныя земли нагорной полосы между рѣками Тебердой и Лабой представляютъ пространство, заключающее въ себѣ 3250 квадратныхъ верстъ или 338,541²/₃ десятины.

Все пространство это состоитъ изъ рѣчныхъ долинъ, отдѣленныхъ одна отъ другой высокими горными отрогами, выходящими изъ главнаго снѣговаго хребта (почти перпендикулярно къ его направленію) и идущими параллельно одинъ къ другому, съ юго-запада на сѣверо-востокъ, вслѣдствіе чего и рѣки, текущія между отрогами, имѣютъ то-же самое направленіе. Кромѣ того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отроги главнаго хребта уклоняются отъ своего прямаго направленія на сѣверо-востокъ, есть поперечные кряжи, какъ напримѣръ: Абишпра-Ахуба, Чапала и Пручъ-сыртъ, которые тянутся на небольшое разстояніе совершенно параллельно съ главнымъ снѣговымъ хребтомъ.

Рѣки, текущія на означенномъ пространствѣ (между рр. Тебердой и Лабой), раздѣляются на вытекающія изъ главнаго снѣговаго хребта, къ коимъ принадлежатъ: Теберда, Аксаутъ, Маруха, Большой Зеленчукъ и Большая Лаба, и на вытекающія изъ хребтовъ параллельныхъ къ главному: Карданикъ, Хуссы-Карданикъ, Кефаръ и Урупъ. Долины первыхъ рѣкъ, т. е. берущихъ

начало въ главномъ снѣговомъ хребтѣ (за исключеніемъ р. Марухи), начиная отъ истоковъ и не доходя верстъ на пять до границы казачьихъ земель, покрыты до половины высоты склоновъ, а иногда и до вершины, большимъ лѣсомъ, между которымъ, на самомъ днѣ долинъ, по обѣимъ ихъ сторонамъ, есть прогалины, иногда настолько большія, что на нихъ могутъ быть расположены поселенія. Долина-же р. Марухи, въ верхней части теченія, ближе къ снѣговому хребту, совершенно безлѣсна, а ниже она имѣетъ одинаковый характеръ съ долинами прочихъ рѣкъ, берущихъ начало въ главномъ снѣговомъ хребтѣ. Лѣса, растущіе въ долинахъ рѣкъ, вытекающихъ изъ снѣговаго хребта, ближе къ снѣговому хребту и на половинѣ склоновъ, образующихъ долины,— преимущественно хвойные (сосна, ель и другія), достигающіе громадныхъ размѣровъ; спускаясь-же ниже по теченію рѣки и ко дну долины, встрѣчаются и другія породы деревъ: береза, тополь, ольха, чинаръ, липа, а на Лабѣ и Большомъ Зеленчукѣ— ясень, кленъ и другія.

Рѣки, вытекающія изъ кряжей, параллельныхъ главному хребту, именно: Карданикъ, Хуссы-Кардоникъ, Кефаръ и Урупъ, текутъ по главной оси въ томъ-же направленіи, какъ и рѣки, берущія начало въ главномъ снѣговомъ хребтѣ. Долины ихъ, вплоть до границы казачьихъ земель, весьма узки и почти сплошь покрыты лѣсомъ разныхъ породъ, между которыми встрѣчаются сосна и ель (ближе къ истокамъ рѣкъ), но небольшихъ размѣровъ. Полянъ вообще почти нѣтъ, а если и встрѣчаются, то весьма небольшія.

Отроги главнаго хребта, образующіе рѣчныя долины, какъ уже сказано, снизу до половины высоты покрыты лѣсами, вершины-же ихъ, вблизи снѣговаго хребта и верстъ на двадцать пять отъ него, состоятъ почти исключительно изъ скалъ и каменистыхъ осыпей, между которыми кое-гдѣ попадаются котловины. На днѣ ихъ, лѣтомъ, когда сойдутъ снѣга, можетъ пастись сотня или двѣ барановъ, но не болѣе двухъ недѣль. Далѣе отъ снѣговаго хребта, вершины отроговъ, а отчасти и склоны ихъ теряютъ свой обрывистый характеръ и, покрытые обыкновенно мелкою густою травою, весьма удобны для пасьбы скота въ лѣтнее время; затѣмъ, еще далѣе, не доходя верстъ пять до казачьихъ границъ, отроги разомъ значительно опускаются и представляютъ пологіе скаты, по которымъ можетъ производиться сѣнокошеніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—пахота; этотъ-же самый

характеръ имѣютъ и отроги, раздѣляющіе долины рѣкъ, берущихъ начало изъ хребтовъ параллельныхъ главному.

Долины рѣкъ, вытекающихъ изъ главнаго хребта, имѣютъ еще одну особенность, именно: всѣ онѣ, по выходѣ изъ снѣговаго хребта, имѣютъ довольно широкое дно (иногда болѣе версты шириною), во многихъ мѣстахъ безлѣсное и настолько пологое, что тамъ можетъ производиться ѣзда на арбахъ и теперь. Потомъ, верстахъ въ сорока отъ главнаго хребта, долины вдругъ съуживаются и образуютъ тѣснины, верстъ на десять, на пятнадцать, а на Лабѣ не менѣе какъ на двадцать пять, по которымъ или вовсе нѣтъ сообщенія, или-же хотя и есть тропинки, но и тѣ съ трудомъ проходимы, а затѣмъ долины опять расширяются и въ этомъ уже видѣ доходятъ до границы казачьихъ земель. Поэтому, всѣ рѣчныя долины дѣлятся рѣзко на двѣ части: верхнюю, затѣснинную, и предтѣснинную, нижнюю. Нижнія части (предтѣснинныя), граничащія съ казачьими землями, имѣютъ уже какъбы плоскостной характеръ: горы, ихъ окружающія, невысоки, съ пологими склонами, по которымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть и теперь колесныя дороги; тамъ-же, гдѣ ихъ въ настоящее время нѣтъ, онѣ явятся отъ ѣзды, какъ только будутъ поселенія. Лѣсовъ на нихъ хотя не мало, но все-таки самыя лучшія земли, ближе къ дну долинъ, ими не покрыты. Эти лѣса преимущественно лиственныхъ породъ и развѣ только кое-гдѣ попадается одинокая сосна, да и то весьма небольшихъ размѣровъ. Затѣснинныя-же части долинъ, окруженныя высокими горами, представляютъ хотя и значительное число полянъ, но вообще такихъ, которыя удобны только для пасьбы и покоса и въ немногихъ мѣстахъ, ближе къ тѣснинамъ, для пахоты. Лѣса на нихъ преимущественно хвойные, и какъ внизу, въ предтѣснинной части долинъ, рѣдки деревья хвойныхъ породъ, такъ выше тѣснинъ рѣдки лѣса лиственныхъ породъ. Только въ частяхъ долинъ, прилегающихъ къ тѣснинамъ, по самымъ берегамъ рѣкъ, растетъ ольха и тальникъ.

Опредѣлить, до какихъ именно мѣстъ долины рѣчныя, выше тѣснинъ, могутъ быть удобны для поселенія, невозможно, не осмотрѣвши ихъ во время зимы и не въ одинъ годъ, а въ нѣсколько лѣтъ сряду. Камни, собранные повсемѣстно на полянахъ, чуть не до самаго снѣговаго хребта, хотя и показываютъ, что жившіе когда-то въ этихъ мѣстахъ люди пользовались днемъ рѣчныхъ долинъ, на всемъ ихъ протяженіи, но, вѣроятно, это было слѣд-

ствіемъ необходимости, такъ какъ верстъ на десять выше тѣснинъ всѣ поляны состоятъ, если не изъ болотъ, то изъ мочажинниковъ, а потому онѣ должны быть сочтены за неудобныя пространства.

Если вѣрить разсказамъ кувинцевъ и псхувцевъ, обитавшихъ въ горахъ по вершинамъ рѣкъ отъ Аксаута до Малой Лабы, то затѣсненная мѣстность, исключая долины Иркыза и Загдана и небольшихъ участковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, по Аксауту и Марухѣ, совершенно неудобна для зимовокъ со скотомъ, а слѣдовательно не можетъ годиться и для поселеній, потому, во-первыхъ, что долины этихъ рѣкъ покрываются снѣгомъ не менѣе 4 аршинъ глубины, который ложится весьма рано и сходитъ въ половинѣ апрѣля, и то только со дна долинъ. Притомъ, съ крутыхъ склоновъ горъ, часто бываютъ снѣговые завалы, еще болѣе увеличивающіе глубину снѣговъ. Что-же касается до долинъ Иркыза и Загдана, то на нихъ хотя тоже падаетъ глубокій снѣгъ, но по сторонамъ предгорій, обращенныхъ къ югу, снѣгъ бываетъ только до появленія солнца и нерѣдко уничтожается въ одинъ день. Правда, при дождливомъ лѣтѣ, сѣно, заготовленное на этихъ урочищахъ, отъ холоднаго и сыраго воздуха не успѣваетъ какъ слѣдуетъ высыхать, слѣдовательно, при такихъ климатическихъ условіяхъ, и яровой хлѣбъ родиться не можетъ, а озимый не всегда будетъ дозрѣвать; но такъ какъ дождливые года не всегда бываютъ, то все-таки долины Иркыза и Загдана могутъ считаться годными къ поселенію. Долины-же Аксаута и Марухи надобно признать почти негодными, такъ какъ небольшіе участки, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ по берегу рѣкъ между лѣсами и составляющіе вмѣстѣ весьма небольшое пространство, едва-ли заслуживаютъ того, чтобы ихъ принимать въ расчетъ, какъ мѣста годныя для поселеній.

Долины рѣкъ, какъ вытекающихъ изъ главнаго хребта, такъ и изъ параллельныхъ къ нему хребтовъ, отдѣлены совершенно одна отъ другой идущими по обѣимъ ихъ сторонамъ отрогами, вышина и крутизна которыхъ не допускаютъ никакого инаго сообщенія, какъ только по тропинкамъ, да и то въ весьма немногихъ мѣстахъ и не во всякое время года, почему поселенія должны расчитываться только по числу удобныхъ пространствъ въ каждой рѣчной долинѣ отдѣльно, т. е. каждая рѣчная долина должна имѣть свои особые поселки. А потому, сдѣлавъ общій обзоръ всѣхъ земель нагорной полосы между рѣками Тебердой и Лабой,

перейдемъ къ разсмотрѣнію каждой изъ рѣчныхъ долинъ этого пространства отдѣльно.

I. *Долина рѣкъ Теберды и Кубани.* Къ свободнымъ казеннымъ землямъ принадлежитъ только лѣвая сторона р. Теберды, отъ снѣговаго хребта до впаденія ея въ Кубань, и далѣе по этой послѣдней рѣкѣ, до впаденія въ нее р. Кубыша. Рѣка Теберда, по выходѣ изъ снѣговаго хребта, течетъ сначала съ юго-востока на сѣверо-западъ и, пройдя въ этомъ направленіи верстъ двадцать-пять, совершенно подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ вправо, принимая направленіе на сѣверо-востокъ. Отъ начала истока до поворота, лѣвая сторона р. Теберды представляетъ крутые обрывы, поросшіе лѣсомъ, и хотя по притокамъ ея съ этой стороны и встрѣчаются поляны, но на такой высотѣ (надъ уровнемъ моря), что онѣ не могутъ служить ни для чего инаго, кромѣ пасьбы скота, впродолженіи одного или двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, слѣдовательно вся лѣвая сторона долины р. Теберды до ея поворота неудобна къ поселенію. За поворотомъ долина расширяется и здѣсь съ лѣвой стороны идутъ мѣста, удобныя для поселенія, вплоть до р. Амгота; но все это пространство отдано Карачаевскому обществу и должно войти въ надѣлъ аула, который поселяется уже на правой сторонѣ р. Теберды, противъ устья р. Гидама. Затѣмъ, далѣе внизъ, почти до впаденія р. Джангеры, склоны лѣвой стороны спускаются внизъ къ рѣкѣ крутыми обрывами, поросшими лѣсомъ, такъ, что въ этихъ мѣстахъ также никакого поселенія не можетъ быть. У впаденія р. Джангеры, долина Теберды опять расширяется, вслѣдствіе чего по обѣ стороны Джангеры и далѣе внизъ до впаденія Теберды въ Кубань идутъ поляны, въ сложности составляющія пространство около двухсотъ десятинъ земли, удобной и для пахоты, такъ что на этомъ мѣстѣ можетъ быть небольшое поселеніе.

Отъ впаденія Теберды въ Кубань, лѣвая сторона этой рѣки, до впаденія въ нея р. Кубыша, представляетъ большую ровную площадь разной ширины (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе версты), прорѣзанную двумя рѣчками—Большою и Малою Шоной, и удобную для всякаго рода хозяйства. Пространство этой площади можно опредѣлить въ тысячу десятинъ, но нижняя ея часть, прилегающая къ рр. Каракенту и Кубышу, не можетъ быть принимаема въ расчетъ, такъ какъ она будетъ состоять всегда при каменно-угольныхъ копяхъ, лежащихъ по р. Каракенту, и слѣдова-

тельно только верхняя часть, пространствомъ до 700 десятинъ, можетъ быть принимаема въ расчетъ, и на этомъ мѣстѣ можетъ быть поселеніе, но также небольшое, которому трудно будетъ существовать, если ему не придать земель по вершинамъ обѣихъ Шонъ, Каракента и Кубыша. Все пространство, начиная отъ водораздѣла между р. Карданикомъ и Кубанью и ограниченное, съ одной стороны, теченіемъ р. Кубыша и съ другой—отрогомъ, раздѣляющимъ рѣчку Хоцоко отъ р. Джангеры, представляетъ весьма волнистую мѣстность. Большая часть этого пространства годна для всякаго рода хозяйства, чему доказательствомъ служатъ слѣды бывшихъ здѣсь прежде, когда-то очень давно, жилищъ. Правда, мѣсто это значительно возвышено надъ уровнемъ моря (около 4,000 футъ), но озимая пшеница, ячмень, рожь, гречиха, будутъ родиться и вызрѣвать, о покосахъ-же и говорить нечего. На пространствѣ этомъ, заключающемъ до 800 десятинъ, нѣтъ мѣста, которое можно признать вполнѣ удобнымъ къ поселенію, вслѣдствіе сильной его волнистости; поэтому оно должно быть соединено съ участками по р. Джангарѣ и на р. Кубани (по обѣимъ сторонамъ рр. Шонъ), для надѣла одного общаго селенія, которое можетъ быть съ удобствомъ устроено на Кубани, выше впаденія р. Большой Шоны. Выгодность такого расположенія поселенія доказывается остатками слѣдовъ поселеній по обѣ стороны р. Большой Шоны и ниже, по Каракенту и Кубышу. Слѣдовъ этихъ весьма не мало, и судя по нимъ, надобно полагать, что населеніе тутъ было не малое, для котораго однѣхъ равнинъ, прилегающихъ къ Кубани, не могло быть достаточно, и само собой разумѣется, что жившіе на Кубани у Шоны, выше и ниже ея, пользовались землями и по верховьямъ этой рѣчки и сосѣднихъ съ нею Каракента и Кубыша. И если въ прежнее время, когда изъ равнинъ, прилегающихъ къ Кубани, на верховья Шоны не было колесныхъ дорогъ, всѣ поселенія располагались на Кубани, то теперь, когда туда есть двѣ колесныя дороги, поселеній необходимо расположить выше или ниже р. Шоны, близь ея впаденія въ Кубань.

Дороги, о которыхъ сейчасъ говорилось, идутъ — одна по долинѣ р. Кубыша, совершенно годная даже для почтоваго сообщенія, и другая—сначала по ущелью Большой Шоны и потомъ по ущелью Малой Шоны, къ ихъ верховьямъ. Эта послѣдняя дорога была проложена около пятнадцати лѣтъ тому-назадъ, генераломъ Грамотинымъ (который былъ въ то время начальникомъ

центра), и теперь несовсѣмъ въ исправномъ состояніи, но, при самыхъ небольшихъ пожертвованіяхъ, можетъ быть обращена въ удобную, колесную дорогу. Кромѣ того, изъ долины р. Теберды на верховья р. Большой Шоны, ниже Джангеры, идетъ большая вьючная дорога, которая со-временемъ можетъ быть обращена въ колесную дорогу, потому что и теперь по ней иногда ходятъ арбы, хотя и съ большимъ трудомъ.

2. *Р. Карданикъ.* Отрогъ главнаго снѣговаго хребта, раздѣляющій долины рѣкъ Аксаута и Теберды, верстахъ въ пятидесяти по отдѣленіи отъ главнаго снѣговаго хребта, расширяется и образуетъ поперечный хребетъ, называемый Прунчъ-сыртъ, дающій начало многимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Теберду, Кубань и Аксаутъ. Изъ средины этого хребта беретъ начало, множествомъ рукавовъ, Карданикъ. Хребетъ Прунчъ-сыртъ высотою достигаетъ до 8000 футовъ, если не болѣе, и потому земли по истокамъ Карданика, до ихъ сліянія, могутъ служить только для лѣтнихъ пастбищъ.

Далѣе, отроги Прунчъ-сырта, образующіе долину Карданика, значительно понижаются и могутъ служить для покосовъ, въ мѣстахъ близкихъ къ рѣчному дну и на нѣкоторыхъ ложбинахъ; остальныя-же всѣ, открытыя отъ лѣсовъ мѣста состоятъ исключительно изъ мочажинника. Самое-же дно долины Карданика, отъ сліянія истоковъ Карданика до казачьей границы, хотя и можетъ быть запахиваемо, но оно такъ узко, что на всемъ этомъ протяженіи едва-ли составитъ и сто десятинъ. Изъ этого описанія видно, что собственно на р. Карданикѣ земель удобныхъ для поселенія нѣтъ, такъ какъ небольшое количество пахатныхъ земель, лежащее по самому дну рѣки узкою полосой, хотя и могло-бы удовлетворить пятьдесятъ дворовъ, которые, конечно, пришлось-бы расположить у рѣки, на днѣ долины, но тогда значительная часть ста десятинъ, лежащихъ близь самой рѣки, отойдетъ подъ усадьбы и огороды и затѣмъ для пахоты почти ничего не останется. Неудобство долины р. Карданика для поселенія доказывается еще и тѣмъ, что на пространствѣ, которое болѣе удобно (смотри на картѣ участки № 2 и 3), имѣющемъ около 2200 десятинъ, занимаютъ зимовники только два коша, едва могущіе въ этихъ мѣстахъ перезимовать, вслѣдствіе большихъ снѣговъ, каждую зиму здѣсь выпадающихъ, хотя сѣнокосовъ для этихъ двухъ кошей не только достаточно, но даже слишкомъ много. Не смотря на все это, долину р. Карданика, въ границахъ, указанныхъ

на картѣ, нельзя признать за землю вовсе неудобную къ поселенію: нѣтъ, и она можетъ послужить для этого, но не иначе, какъ по присоединеніи къ другимъ смежнымъ съ нею участкамъ.

3. *Р. Аксаутъ.* Рѣка эта по выходѣ изъ главнаго снѣговаго хребта течетъ съ малыми поворотами до самаго сліянія съ р. Марухой. Долина этой рѣки, какъ сказано уже выше, раздѣляется рѣзко на двѣ части тѣснивой, лежащей почти на срединѣ ея теченія, считая отъ истоковъ до сліянія съ Марухой. Верхняя часть долины, отъ главнаго снѣговаго хребта до тѣснины, до половины высоты склоновъ, ее образующихъ, покрыта строевыми хвойными лѣсами, которые, приближаясь къ тѣснинѣ, изчезаютъ и вмѣсто нихъ является береза, тополь, ольха, липа и др., въ такомъ-же изобиліи, какъ хвойные въ верхнихъ частяхъ долины; лѣса покрываютъ и всю тѣснину и продолжаются нѣкоторое пространство и по выходѣ изъ нея, съ тою только разницею, что по тѣснинѣ и выше ея лѣса покрываютъ дно и бока долины почти сплошь, оставляя только кое-гдѣ чистыя мѣста, между тѣмъ какъ по выходѣ изъ тѣснины, по дну долины лѣсъ растетъ только по берегу рѣки и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по склонамъ; дно же долины и большая часть склоновъ лѣсомъ не покрыты. Нижняя часть долины, отъ казачьей границы и до входа въ тѣснину, на разстояніи около пяти верстъ, представляетъ большую широкую площадь, лежащую по самому дну рѣки, по обоимъ ея берегамъ, и обставленную справа и слѣва горами, небольшая высота которыхъ и пологіе склоны прорѣзаны поперечными колесными дорогами съ Аксаута на Маруху и Карданикъ, оставшимися отъ бывшихъ здѣсь когда-то горскихъ поселеній. Дороги эти, правда, теперь въ запущенномъ состояніи и поросли мелкимъ березнякомъ, вслѣдствіе того, что по нимъ давно уже не ѣздятъ; но такъ какъ грунтъ земли вездѣ мягкій, то при самыхъ небольшихъ работахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (гдѣ земля промыта водою и гдѣ подѣлались осыпи), дороги въ нижней части долины р. Аксаута будутъ вполнѣ удобны для колеснаго сообщенія. Верхняя часть долины Аксаута, начиная отъ снѣговаго хребта вплоть до впаденія въ нее р. Морки, представляетъ у самой рѣки ровную плоскость, шириною въ полверсты и болѣе, до версты, поросшую по большей части лѣсомъ. На открытыхъ мѣстахъ далеко выше впаденія р. Морки, камни собраны въ кучи, что доказываетъ, что люди, жившіе когда-то по Аксауту, извлекали изъ

этихъ земель пользу; но, по осмотрѣ ихъ, оказалось, что выше впаденія р. Морки всѣ открытыя мѣста—дурнаго качества, такъ какъ состоятъ исключительно изъ мочажинника, переходящаго иногда въ болота, и могли—пожалуй—служить для сѣнокосовъ, но только при самой сильной необходимости; теперь-же они должны быть признаны неудобными для поселенія, хотя пасьба скота на этихъ земляхъ, вслѣдствіе болѣе ранняго ихъ открытія отъ снѣга, можетъ производиться (здѣсь говорится о земляхъ близь самой рѣки, т. е. о самомъ днѣ долинъ) съ ранней весны и до поздней осени. Ниже впаденія р. Морки до самой тѣснины, идутъ, на протяженіи около десяти верстъ, по правой сторонѣ почти сплошь, а частію и по лѣвой сторонѣ, поляны, пересѣкаемыя лѣсомъ или обрывами горъ, образующихъ долину. Поляны эти различной величины и въ сложности могутъ составить до 600 десятинъ. Затѣмъ далѣе, по самой тѣснинѣ, выдаются по правой сторонѣ рѣки нѣсколько полянъ и по лѣвой сторонѣ въ одномъ мѣстѣ довольно большая безлѣсная котловина, съ пологими скатами прилегающихъ къ ней горъ, называемая Керъ-Джаумазъ-Гаръ; на ней нѣсколько зимъ сряду находился кошъ Ширенъ-бія Маршании, отъ котораго остались кошевыя постройки, существующія и теперь. Въ сложности, описанные участки могутъ составить около 300 десятинъ. Такимъ образомъ, удобныхъ въ полномъ смыслѣ слова земель въ долинѣ р. Аксаута, можетъ быть, найдется отъ 800 до 900 десятинъ. Колесной дороги по ущелью р. Аксаута нѣтъ, а есть только вьючная тропинка, которая во многихъ мѣстахъ весьма плоха, и потому устроить поселеніе въ верхней части долины р. Аксаута невозможно, до-тѣхъ-поръ, покуда не будетъ проложена дорога по тѣснинѣ, на протяженіи восемнадцати или около этого верстъ. Собственно для поселенія въ верхнихъ частяхъ долины р. Аксаута дорогу прокладывать не стоитъ, но принимая во вниманіе богатство строеваго сосноваго лѣса по всей долинѣ, который, оставаясь безъ употребленія, будетъ значительно истребленъ пожаромъ (отъ ударовъ молніи), градомъ, вѣтрами и, наконецъ, отъ старости,—слѣдовало-бы заняться проложеніемъ по ущелью р. Аксаута колесной дороги, тѣмъ болѣе, что по свойству мѣстности на всемъ протяженіи, гдѣ необходимо проложить дорогу, по-видимому можно ожидать, что на это потребуется не особенно-значительный капиталъ, который, какъ только дорога будетъ проложена, возвратится въ нѣсколько лѣтъ отъ продажи лѣса.

4) *Р. Маруха.* Рѣка эта беретъ начало въ главномъ снѣговомъ хребтѣ и, до сліянія съ р. Аксаутомъ, дѣлаетъ нѣсколько весьма крутыхъ поворотовъ, послѣ чего, выйдя изъ тѣснины, течетъ около двадцати верстъ уже совершенно прямо. Долина р. Марухи, тѣсниной, находящейся верстъ на двадцать выше станицы Карданикской, раздѣляется, также какъ и Аксаутъ, на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Верхняя часть долины, отъ снѣговаго хребта до самой тѣснины, представляетъ совершенно пологое дно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ версту шириною, съ крутыми боками. Отъ снѣговаго хребта внизъ верстъ на пятнадцать, долина р. Марухи совершенно безлѣсна; далѣе же внизъ до тѣснины, долина и склоны горъ, ее образующихъ, до половины высоты покрыты строевымъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. Такой-же лѣсъ растетъ и по всѣмъ притокамъ, впадающимъ въ Маруху выше тѣснины. Но тѣснинѣ-же внизу растутъ лѣса лиственныхъ породъ, которые, поднимаясь по склонамъ, образующимъ тѣснину, переходятъ опять въ хвойные. За тѣсниной характеръ долины совершенно измѣняется: дно дѣлается весьма широко, а горы, идущія по бокамъ, разомъ значительно понижаются; лѣсовъ хотя также не мало, но сосны и ели и вообще деревъ хвойныхъ породъ вовсе нѣтъ, а болѣе всего встрѣчается береза, тополь, ольха, чинаръ и пзрѣдка ясень, дубъ, кленъ и др. По склонамъ долины р. Марухи, въ нижней ея части (на картѣ участки № 5 и 6), идутъ колесныя дороги, оставшіяся еще отъ прежде бывшихъ тутъ поселеній, находящіяся теперь не въ исправномъ видѣ, вслѣдствіе того, что по нимъ давно уже не ѣздятъ; но какъ только явятся поселенія по р. Марухѣ и по р. Зеленчуку, то дороги сами собой отъ ѣзды прійдутъ въ исправность, такъ какъ въ настоящее время вся ихъ неисправность заключается въ томъ, что онѣ заросли мелкимъ лѣсомъ и промыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водою. Пространствомъ эта часть долины около 1600 или 1700 десятинъ. Верхняя часть долины р. Марухи, лежащая выше тѣснины, къ поселенію удобна только верстъ на восемь, хотя и далѣе, вверхъ, собранныя кучи камня доказываютъ, что жившіе здѣсь когда-то люди пользовались и этими землями, не смотря на то, что онѣ почти сплошь состоятъ изъ мочажинника. Такимъ образомъ, верхняя часть долины р. Марухи, за исключеніемъ пространства, прилегающаго къ тѣснинѣ, годна только на пасьбу скота: внутри долины, начиная съ мая мѣсяца и до поздней осени, а выше, по склонамъ и вершинамъ горъ, об-

разующихъ долину, только въ августѣ и въ первой половинѣ сентября. Отъ тѣснины, начинающейся у поворота, который рѣка дѣлаетъ подъ прямымъ угломъ противъ урочища Ажюмга, долина р. Марухи, верстъ на восемь вверхъ, представляетъ сухую площадь, безъ болотъ и мочажинниковъ, шириною въ полверсты, а кое-гдѣ и болѣе. Площадь эта составляетъ самое дно долины, и сначала, версты на четыре вверхъ отъ тѣснины, рѣка идетъ къ правой сторонѣ долины, почему вся площадь лежитъ съ лѣвой ея стороны, на противоположной-же сторонѣ выдаются только небольшія полянки; далѣе-же вверхъ, рѣка идетъ болѣе къ лѣвой сторонѣ долины, такъ что открытою остается вся правая сторона, также версты на четыре, и на лѣвой сторонѣ въ свою очередь выходятъ только небольшія поляны на изгибахъ, образуемыхъ рѣкой. Такимъ образомъ, верстъ на восемь выше тѣснины, долина раздѣляется рѣкой на-двое: нижняя часть, самая лучшая (она сплошь удобна для пахоты), лежитъ вся по лѣвой сторонѣ рѣки, а верхняя—вся по правой сторонѣ рѣки. Все это мѣсто составитъ приблизительно около 500 десятинъ.

Проѣхать на верхнюю часть долины р. Марухи можно, или поднявшись по дорогѣ, идущей по самой вершинѣ водораздѣла Марухи и Большаго Зеленчука до уроч. Ажюмга, и оттуда уже спускаться внизъ на Маруху, или такимъ же родомъ поднявшись по водораздѣлу между Аксаутомъ и Марухой, выше впаденія въ Аксаутъ р. Морки, уже оттуда спускаться внизъ; кромѣ того, есть еще возможность проѣхать къ р. Марухѣ изъ долинъ Аксаута и Хыздыша (притокъ Большаго Зеленчука). Но всѣ эти дороги, кромѣ первой, отъ Ажюмга,—тропинки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва проѣздныя. Дорога отъ Ажюмга внизъ къ Марухѣ на нѣкоторое разстояніе колесная, вслѣдствіе того, что по ней вытаскиваютъ наверхъ водораздѣла строевой сосновый лѣсъ, растущій у вершинъ склоновъ водораздѣла. Далѣе-же внизъ идетъ только тропинка, крутая, но неособенно узкая и дурная. До продѣлки колесной дороги, поселеніе на Марухѣ, выше тѣснины, не можетъ быть устроено; дорога-же можетъ быть продѣлана только въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ теперь отъ уроч. Ажюмга вьючная тропинка. Иначе-же сдѣлать сообщеніе по Марухѣ невозможно, потому что тѣснина р. Марухи, продолжаясь по-крайней-мѣрѣ верстъ на пятнадцать, представляетъ узкую трещину, бока которой состоятъ изъ отвѣсныхъ скалъ. Прокладка дороги внизъ отъ Ажюмга, сколько можно судить по поверхности, будетъ состоять

преимущественно изъ земляныхъ работъ, всего на протяженіи не болѣе пяти или шести верстъ, слѣдовательно прійдется затратить весьма небольшой капиталъ, который (также какъ и на Аксаутѣ) возвратится отъ продажи лѣса, растущаго по Марухѣ.

5. *Р. Хуссы-Карданикъ.* Рѣка эта вытекаетъ многими рукавами изъ расширенія хребта, раздѣляющаго р. Маруху отъ р. Большаго Зеленчука. Всѣ истоки Хуссы-Карданика текутъ въ глубокихъ узкихъ оврагахъ, покрытыхъ сплошь сверху до низу лѣсомъ, березовымъ, чинаровымъ, тополевымъ и др., такъ что только вершины отроговъ, раздѣляющихъ истоки, остаются открытыми. Всѣ истоки, пройдя около пяти верстъ, сходятся недалеко отъ казачьей границы вмѣстѣ и образуютъ Хуссы-Карданикъ, склоны котораго весьма пологи и удобны для сѣнокосовъ и пахоты. Кромѣ того нѣкоторыя вершины отроговъ, не покрытыя лѣсомъ, также удобны для пахоты, въ особенности поляна (на картѣ участокъ № 8), гдѣ стоялъ лагеремъ въ 1855 году Магомедъ-Аминъ. Такимъ образомъ, по Хуссы-Карданику всего удобной земли наберется (на картѣ участки № 7 и 8), пожалуй, отъ 700 до 750 десятинъ. Остальныя земли по верховьямъ истоковъ Хуссы-Карданика, если и не покрыты лѣсомъ, то состоятъ изъ мочажинниковъ или-же слишкомъ возвышенны и потому годятся только для лѣтнихъ пастбищъ. Малое пространство удобныхъ земель и разбросанность ихъ въ разныхъ мѣстахъ, отдѣленныхъ лѣсомъ и глубокими ущельями истоковъ р. Хуссы-Карданика, едва-ли вызоветъ желающихъ поселиться въ этихъ мѣстахъ.

6) *Р. Большой Зеленчукъ.* Рѣка эта вытекаетъ изъ главнаго снѣговаго хребта нѣсколькими рукавами. Главный изъ нихъ— Иркызъ, къ которому присоединяется слѣва р. Атука, составляющаяся также изъ двухъ рѣчекъ: Ахчипсты и Речипсты, и справа— р. Хыздышъ, ниже впаденія которой рѣка принимаетъ названіе Большаго Зеленчука. Вся долина этой рѣки замѣчательна болѣе долинъ Аксаута и Марухи, во-первыхъ потому, что въ верхнихъ частяхъ своихъ настолько широка, что дозволяетъ устроить довольно значительное поселеніе; во-вторыхъ—по богатству лѣсами, и въ-третьихъ—по памятникамъ, оставшимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которые доказываютъ, что здѣсь были когда-то значительныя поселенія. Главный снѣговой хребетъ, отъ горы Эльбруса, близъ которой беретъ начало р. Кубань, постепенно понижается къ западу, и у верховьевъ Большаго Зеленчука разница въ высотѣ главнаго хребта уже весьма значительна, такъ, что на

верховьяхъ Зеленчука уже нѣтъ вѣчныхъ снѣговъ, тогда какъ на верховьяхъ другихъ рѣкъ (Марухи, Аксаута, Теберды и Кубани), нечего и говорить, лежитъ постоянный снѣгъ, спускающійся далеко внизъ въ долины этихъ рѣкъ. На верховьяхъ Зеленчука и нѣкоторыхъ изъ его притоковъ есть только ледники и то весьма небольшіе.

Значительное пониженіе снѣговаго хребта у верховьевъ Большаго Зеленчука образовало почти повсемѣстно по долинѣ Иркыза пологіе склоны и обширныя поляны, подобныя которымъ по величинѣ можно найти только въ ущельи р. Кубани, такъ что вся лѣвая сторона котловины, куда сливаются верховья Зеленчука, совершенно удобна къ поселенію. Котловина эта обставлена: съ юга—главнымъ снѣговымъ хребтомъ и его отрогами, образующими долины Хыздыша, Иркыза и Ахчипсты, съ запада—весьма невысокимъ хребтомъ, отдѣляющимъ ее отъ р. Пхіи, текущей въ Лабу, съ сѣвера—достигающимъ высоты десяти съ половиною тысячъ футовъ хребтомъ Абишира-Ахуба, и съ востока—отрогомъ главнаго хребта, раздѣляющимъ долины рр. Марухи и Хыздыша. Направленіе этой котловины не перпендикулярное къ главному снѣговому хребту, а параллельное ему, такъ, что если смотрѣть на котловину съ одной изъ возвышенностей хребта Абишира-Ахуба, то кажется, что она какъ будто упирается въ хребетъ, за которымъ течетъ Маруха, а между тѣмъ верстъ черезъ шесть послѣ сліянія Хыздыша съ Иркызомъ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ вправо и течетъ уже по новому направленію, на сѣверо-востокъ. Съ хребта Абишира-Ахуба вся котловина видна какъ на ладони. Весь нижній конецъ ея, отъ впаденія Хыздыша, покрытъ сплошнымъ лѣсомъ, который растетъ и по ея склонамъ; далѣе, по самой рѣкѣ, съ лѣвой стороны, идутъ лѣса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднимающіеся на склоны хребта Абишира-Ахуба и образующіе большія поляны; съ правой-же стороны, котловина отъ самой рѣки Ахчипсты, покрыта громаднымъ дремучимъ лѣсомъ, состоящимъ почти исключительно изъ деревъ хвойныхъ породъ. Затѣмъ, долины рр. Хыздыша, Иркыза Шопіи и Ахчипсты покрыты также почти до самаго главнаго снѣговаго хребта лѣсами, отъ которыхъ открытыми остаются самыя верхнія части склоновъ горъ, образующихъ эти долины и ихъ вершины, да въ долинѣ Иркыза есть нѣсколько довольно большихъ полянъ по лѣвой сторонѣ и одна поляна по правой сторонѣ, у впаденія въ Иркызъ рѣки Шопіи; на Хыздыш-

ше-же хотя и есть нѣсколько полянъ, но самыхъ незначительныхъ. По преданіямъ туземцевъ, въ долинѣ р. Иркыза, или лучше сказать—въ котловинѣ, куда сливаются верховья Зеленчука, жили когда-то карачаевцы, принужденные оставить это мѣсто вслѣдствіе притѣсненій кизилбекцевъ, жившихъ по ту сторону главнаго хребта. Насколько справедливо это преданіе, повѣрить невозможно; но что здѣсь была жизнь—сомнѣній нѣтъ. Два факта подтверждаютъ это: во-первыхъ, собранные вездѣ кучами камни, не только на сторонѣ хребта Абишира-Ахуба, гдѣ лежатъ лучшія земли, но и по долинѣ Иркыза, чуть не до главнаго хребта, и во-вторыхъ, всходы ржи въ двухъ мѣстахъ на лѣвой сторонѣ котловины. Эти оба факта, и въ особенности послѣдній, доказываютъ, что здѣсь были поселенія. Камни-же, собранные на весьма значительномъ пространствѣ, дозволяютъ предполагать, что населеніе было значительное. Слѣдовъ жилищъ жившихъ здѣсь людей весьма мало: кое-гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались камни, сложенные въ видѣ четвероугольниковъ, дающіе поводъ предполагать, что это были основанія домовъ, которые, вслѣдствіе обилія лѣса, строились — вѣроятно — изъ дерева. Очевидно только, что поселенія выселились весьма давно, такъ какъ во многихъ мѣстахъ въ долинѣ есть молодой березовый и сосновый лѣсъ, выросшій на совершенно ровныхъ площадкахъ, или полянахъ, у самой рѣки, которыя, конечно, были или пахотями или покосами, и на одной-то изъ такихъ площадокъ, почти у воды, была созрѣвшая рожь. Для того, чтобы этотъ лѣсъ выросъ до настоящей величины, нужно не менѣе столѣтія. Рожь, созрѣвающая здѣсь въ двухъ мѣстахъ, растетъ уже очень рѣдко, какъбы кустами, чего конечно не могло-бы быть, если-бы земли эти были оставлены недавно. Да, наконецъ, старики между туземцами говорятъ, что самые старые люди во время ихъ молодости разсказывали, что не помнятъ, чтобы на Иркызѣ было поселеніе, а только слышали, какъ преданіе, что тутъ жили карачаевцы, переселившіеся изъ сосѣдней долины, Загдана. Но такъ, или иначе, не говоря уже о преданіяхъ,—факты, объясненные выше, ясно доказываютъ, что въ долинѣ Иркыза были поселенія, оставившія эти земли вслѣдствіе какихъ-то необъяснимыхъ причинъ. Поселеніе можетъ быть устроено и теперь, и единственно только на лѣвой сторонѣ котловины, т. е. по склону хребта Абишира-Ахуба, такъ какъ весь противоположный склонъ сплошь покрытъ дремучимъ лѣсомъ; полянами-же, лежащими по р. Иркызу, могутъ

весьма удобно пользоваться тѣ, которые будутъ поселены по лѣвую сторону котловины, а о полянахъ по р. Хыздышу нечего и говорить: они слишкомъ незначительны, чтобы ихъ принимать въ расчетъ.

Итакъ, только лѣвая сторона долины Иркыза удобна къ поселенію. Длина ея, считая по прямой линіи параллельно хребту Абишира-Ахуба, около двадцати верстъ, ширина-же различная, именно, въ срединѣ и въ верхней части — отъ 5 до 6 верстъ, нижняя-же часть имѣетъ малую ширину, отъ 2 до 3 верстъ; кромѣ этого надобно замѣтить, что хотя на картѣ и не обозначено по лѣвой сторонѣ долины Иркыза значительныхъ ущелій или отроговъ, идущихъ отъ хребта Абишира-Ахуба, но въ дѣйствительности вся лѣвая сторона весьма волниста и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отроги горъ опускаются въ самую рѣку Иркызъ, раздѣляя совершенно долину.

Версты черезъ три послѣ крутаго поворота, который дѣлаетъ р. Иркызъ, черезъ нѣсколько верстъ по принятіи въ себя р. Хыздыша, долина съуживается и идетъ въ такомъ видѣ на протяженіи восьми верстъ, до урочища Нибна, гдѣ рѣка снова дѣлаетъ крутой изгибъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется и долина.

Вся эта тѣснина покрыта сверху до низу лѣсомъ, отъ котораго открытыми остаются только самыя верхушки горъ, образующихъ долину. По всѣмъ ущельямъ и склонамъ боковыхъ притоковъ, впадающихъ въ главную рѣку, всюду растетъ глубокій дремучій лѣсъ, въ нижнемъ концѣ долины—лиственныхъ породъ, а кверху, къ сторонѣ Иркыза—въ перемежку съ хвойнымъ. Правда, и по тѣснинѣ въ разныхъ мѣстахъ есть поляны между лѣсами, и довольно большія, но онѣ расположены слишкомъ порознь одна отъ другой, почему и нельзя на нихъ расчитывать, какъ на мѣста удобныя къ поселенію.

Отъ расширенія поляны у урочища Нибна и до церквей на правой сторонѣ Большаго Зеленчука, верстъ на пять нѣтъ удобныхъ земель, потому что склоны горъ по этой сторонѣ обрывами или весьма круго спускаются къ рѣкѣ, а на лѣвой сторонѣ, у самаго берега рѣки, хотя и есть поляны, но сжатыя, съ одной стороны—рѣкой, а съ другой—поросшими лѣсомъ крутыми склонами горъ, кои тянутся узкою полосою по самому берегу рѣки, отъ урочища Нибна до лежащей на противоположномъ берегу рѣки поляны, на которой находятся старыя церкви. Отъ этой по-

ляны и до самой казачьей границы, верстъ на семь, идутъ пять полянъ, раздѣляемыхъ одна отъ другой небольшими перелѣсками, растущими у рѣчекъ, бѣгущихъ съ праваго склона долины. Поляны вообще не широки: ближе къ казачьей границѣ—до версты и кверху, выше церквей—не болѣе полуверсты, но въ сложности составятъ отъ 500 до 600 десятинъ земли, годной ко всякому роду хозяйства.

На полянѣ у трехъ церквей остались слѣды отъ построекъ бывшаго здѣсь когда-то поселенія. Слѣды эти состоятъ: изъ сложенныхъ четыреугольниками камней, которые, вѣроятно, составляли основанія жилищъ; изъ лежащихъ во множествѣ кругомъ каждой изъ трехъ церквей кучъ камней, означающихъ, какъ надобно полагать, мѣста бывшихъ кладбищъ. Большое количество каменныхъ основаній отъ жилищъ, которыми усѣяна вся церковная поляна, имѣющая не менѣе двухъ верстъ длины, и множество могилъ кругомъ церквей, показываютъ, что здѣсь было большое населеніе, какъ-бы городъ, для котораго необходимо было построить три церкви. Населеніе это, конечно, не могло довольствоваться только прилегающими непосредственно къ церквамъ полянами,—напротивъ, надобно предполагать, что жившимъ у церквей, гдѣ, можетъ быть, было средоточіе какого-нибудь общества, принадлежали земли далеко въ окружности; вообще-же все это служитъ доказательствомъ удобства и хорошаго качества земли вокругъ церквей и что и теперь тутъ можетъ быть расположено поселеніе.

7. *Долина р. Кефара.* Кефаръ беретъ начало на сѣверномъ склонѣ хребта Абишира-Ахуба, нѣсколькими рукавами, которые текутъ въ глубокихъ ущельяхъ и, немного не доходя до казачьей границы, сливаются вмѣстѣ, принимая названіе Кефара. Удобныя мѣста по Кефару лежатъ уже на казачьихъ земляхъ; по казеннымъ-же землямъ на Кефарѣ и его притокахъ такихъ вовсе нѣтъ. Ущелья Кефара и его притоковъ даже не настолько богаты лѣсомъ, какъ ущелья другихъ рѣкъ. Въ нижнихъ частяхъ своихъ, незадолго до сліянія вмѣстѣ и послѣ сліянія, ущелья богаты лѣсомъ, какъ и при другихъ рѣкахъ; ближе-же къ верховьямъ, лѣсъ растетъ только въ самой глубинѣ долинъ, немного поднимаясь на склоны, а самыя верховья совершенно безлѣсны сверху и донизу. Но зато всѣ вершины отроговъ, раздѣляющихъ истоки Кефара, и хребетъ Абишира-Ахуба, изъ котораго они берутъ начало, представляютъ одно изъ самыхъ лучшихъ лѣтнихъ наст-

бищъ (джайлыковъ), по которымъ въ прежнее время пасли свои стада жившіе на южной сторонѣ горъ цебельдинцы, кизилбекцы и псхувцы. А теперь эти джайлыки остаются почти вовсе пустыми, потому что немногія стада жителей Зеленчукскаго округа, появляющіяся тамъ,—далеко не въ состояніи наполнить этихъ пространствъ, и только современемъ, когда явятся поселенія по Большому Зеленчуку и другимъ мѣстамъ нагорной полосы,—отъ кефарскихъ джайлыковъ будутъ получаться выгоды, соразмѣрно съ ихъ пространствомъ.

8. *Долина р. Урупа.* Урупъ, также какъ и Кефаръ, беретъ начало изъ хребта Абишира-Ахуба, нѣсколькими рукавами, которые, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ Урупъ. Всѣ эти рукава сначала текутъ въ одномъ направленіи, на сѣверо-востокъ, и потомъ два изъ нихъ, соединясь вмѣстѣ и принявъ названіе Урупа, дѣлаютъ крутой поворотъ направо, на востокъ. Пройдя въ этомъ направленіи верстъ двѣнадцать и принявъ въ себя всѣ другія рѣчки, бѣгущія съ хребта Абишира-Ахуба, рѣка дѣлаетъ вновь другой поворотъ, влѣво, и затѣмъ течетъ уже съ незначительными изгибами по прежнему направленію, на сѣверо-востокъ, до самой казачьей границы, пересѣкающей Урупъ на версту выше впаденія въ него слѣва р. Псекенчъ. Земли въ верхней части теченія Урупа, до его перваго поворота, состоятъ исключительно изъ отроговъ и глубокихъ ущелій, по большей части обрывистыхъ, по которымъ текутъ ручьи, составляющіе Урупъ. Всѣ эти отроги и лежащія между ними ущелья совершенно безлѣсны и лишь кое-гдѣ попадаются небольшими группами деревья хвойныхъ породъ. За первымъ поворотомъ появляются уже лѣса, сначала не въ значительномъ количествѣ, близъ самой рѣки, но приближаясь ко второму повороту, все болѣе и болѣе увеличиваются, покрывая и склоны долины, въ которой течетъ рѣка, до половины ихъ высоты, и наконецъ, за вторымъ поворотомъ, вся поляна самаго Урупа и всѣхъ его притоковъ сверху и до низу покрыта лѣсами, исключительно лиственными. Въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ, самыя вершины отроговъ, отдѣляющихъ притоки, обнажены отъ лѣсовъ, да въ долинѣ Урупа, у самой рѣки, выше и ниже впаденія въ нее р. Хадындыкъ, есть три поляны по правому берегу и одна на лѣвомъ берегу, у впаденія рѣчки Куши, и потомъ по лѣвому-же берегу Урупа, выше казачьей границы, есть одна поляна, въ версту длиною. На полянахъ у р. Хадындыкъ жилъ нѣкоторое время, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, аулъ Эгибокова, кото-

рый потомъ былъ разоренъ и переселился еще выше по Урупу, ко второму повороту, но тамъ только могъ просуществовать одну зиму и потомъ вновь перекочевалъ на верховья р. Шандаты (между Урупомъ и Кефаромъ), откуда былъ переселенъ уже незадолго до общаго покоренія Западнаго Кавказа.

На Шандатѣ аулъ могъ жить нѣсколько лѣтъ только вслѣдствіе необходимости. Открытыя отъ лѣсовъ вершины отроговъ (ущелья и долины рѣчекъ сплошь покрыты лѣсомъ), на которыхъ былъ расположенъ аулъ,—отъ множества лѣсовъ постоянно влажны до того, что на нихъ растетъ только осока, и во многихъ мѣстахъ состоятъ исключительно изъ болотъ. Что-же касается до поляны на верховьяхъ р. Урупа, то доказательствомъ ея неудобности къ поселенію служитъ то, что аулъ, бѣжавшій отъ войскъ, могъ только прожить тамъ одну зиму и выселился на Шандату, въ такое мѣсто, которое также могло служить для поселенія только вслѣдствіе необходимости. Итакъ, остаются только поляны по самому дну долины р. Урупа, на концахъ можетъ быть еще кое-какое поселеніе. Лучшая изъ этихъ полянъ—у самой казачьей границы; она можетъ вся сплошь служить для пахоты. Остальныя-же поляны хотя во многихъ мѣстахъ поросли осокой, но большая половина ихъ все-таки годна ко всякому роду хозяйства, да и поросшія теперь осокой мѣста, отъ уничтоженія въ изобиліи растущихъ кругомъ лѣсовъ, сами собой осушатся, какъ только будутъ въ этихъ мѣстахъ поселенія. Но все-таки, какъ ни описывай эти четыре или пять полянъ, трудно ожидать, чтобы явились желающіе на нихъ поселиться, развѣ только на нижней. Дѣло въ томъ, что всѣ эти поляны вмѣстѣ составляютъ не болѣе 400 или 450 десятинъ, а слѣдовательно, тамъ могутъ поселиться, при расчетѣ въ 30 десятинъ на душу, не болѣе пяти дворовъ, и такъ какъ поляны лежатъ не въ одномъ мѣстѣ, а разбросаны вдоль по ущелью р. Урупа, то и тѣмъ, которые поселятся на Урупѣ, прійдется селиться порознь, по одному, по два двора, смотря по количеству удобной земли на полянахъ. А въ такомъ глухомъ лѣсу, вдали отъ другихъ жилищъ, можетъ и нашлось-бы четыре или пять человѣкъ, желающихъ поселиться, но не порознь, а вмѣстѣ; отдѣльно-же—навѣрно не найдется.

Малое количество удобныхъ земель и большое количество лѣса, въ которому и къ настоящее время почти есть дороги, дозволяетъ оставить долину р. Урупа совершенно безъ поселенія. Лѣса, растущіе по Урупу, современемъ дадутъ большія вы-

годы; дорогу-же нужно въ нѣсколькихъ мѣстахъ исправить и тогда доступъ къ лѣсу будетъ вполнѣ удобенъ.

Часть земель, прилегающихъ къ верхней части теченія Урупа до его перваго поворота и далѣе внизъ ко второму повороту, состоитъ, также какъ и на Кефарѣ, изъ глубокихъ обрывистыхъ ущелій и отроговъ хребта Абишира-Ахуба, образующихъ эти ущелья. Всѣ эти мѣста не покрыты лѣсомъ и представляютъ превосходныя лѣтнія пастбища, но на нихъ теперь рѣдко появляются стада, такъ что это немалое пространство не приноситъ никакой пользы и, вѣроятно, еще долго будетъ оставаться въ такомъ положеніи, потому что въ станицахъ слишкомъ много своихъ земель, да и скотъ у казаковъ не пріученъ къ горнымъ пастбищамъ, а другихъ поселеній вблизи этихъ мѣстъ, которыбы нуждались въ джайлыкахъ, нѣтъ и не будетъ, потому что нѣтъ мѣстъ для поселенія.

9. *Кувинское ущелье, съ прилегающими къ нему землями.* Далеко внизъ, изъ черты земель нагорной полосы въ казачьи земли, выдался участокъ земли, между рѣками Урупомъ и Кефаромъ и горами, образующими Кувинское ущелье. Земли эти (на картѣ участокъ № 13) остались отъ жившихъ здѣсь до 1867 года псхувцевъ, выселенныхъ потомъ на Большой Зеленчукъ, и теперь отдаются въ аренду подъ сѣнокосъ и пасьбу скота. Участокъ этотъ заключаетъ въ себѣ около 9000 десятинъ земли, большая половина которыхъ, въ Кувинскомъ ущельѣ и передъ нимъ, почти до самаго уроч. Бахызыхъ, годны ко всякому роду хозяйства а мѣста, ближайшія къ уроч. Бахызыхъ, покрыты довольно густо лѣсомъ, между которымъ много небольшихъ открытыхъ участковъ, годныхъ для пасьбы скота и частью для сѣнокоса.

Изъ всѣхъ казенныхъ земель нагорной полосы, уже описанныхъ, этотъ участокъ заключаетъ самыя лучшія. Когда жили здѣсь псхувцы, то у нихъ отличные урожаи давало даже просо и кукуруза, чего нѣтъ на всѣхъ остальныхъ земляхъ нагорной полосы, и хотя кукуруза будетъ, пожалуй, вызрѣвать у церквей по Большому Зеленчуку, на Аксаутѣ у греческаго поселка и на равнинѣ у самой Кубани, по обѣ стороны р. Большой Шоны, но весьма плохо, какъ можно заключить изъ посѣвовъ на земляхъ у каменнаго моста на Кубани, лежащихъ на одной высотѣ съ мѣстами сейчасъ названными; просо-же нигдѣ, ни по Большому Зеленчуку, ни по Аксауту, ни по Кубани—не родится.

10. *Долина р. Лабы.* Лаба одинъ изъ самыхъ большихъ

притоковъ Кубани и, казалось-бы, что если другіе, меньшіе притоки ея представляютъ въ разныхъ мѣстахъ верхнихъ частей своего теченія небольшія пространства, удобныя къ поселенію, то на Лабѣ такихъ мѣстъ должно-бы быть еще больше; но совершенно напротивъ. Вся долина Лабы, отъ выхода изъ главнаго хребта и до казачьей границы, весьма глубока, и по этой причинѣ, горы, образующія ее, на двѣ трети своей высоты (отъ 5 до 8 тысячъ футовъ) представляютъ почти одни только обрывы, поросшіе громаднымъ лѣсомъ; далѣе-же къ вершинамъ отроговъ, если горы и становятся положе, то это уже на такой высотѣ, гдѣ растетъ только мелкая кустистая горная трава, составляющая хорошія лѣтнія пастбища (джайлыки). Такой характеръ имѣетъ долина р. Лабы отъ снѣговаго хребта до казачьей границы, на протяженіи болѣе восьмидесяти верстъ. Съ казачьей-же границы горы раздвигаются, и чѣмъ далѣе внизъ, тѣмъ долина рѣки все болѣе и болѣе расширяется. Ни на одной изъ долинъ описанныхъ выше рѣкъ нѣтъ такого богатства лѣса, какъ на Лабѣ. Главный хребетъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка беретъ начало, значительно уже понизился, а глубина долины и географическое ея положеніе, болѣе на западъ и ближе къ морю, служатъ причиной болѣе теплаго климата въ долинѣ Лабы. Это обстоятельство было, конечно, причиной сильной растительности лѣсовъ по Лабѣ, но кромѣ того, лѣса сохранились еще и отъ того, что къ нимъ нѣтъ доступа. Долина Лабы только въ двухъ или трехъ мѣстахъ, о которыхъ скажемъ ниже, представляетъ нѣсколько участковъ, удобныхъ къ поселеніямъ, и то весьма незначительнымъ; остальное-же пространство къ этому негодно, и до-сихъ-поръ, надобно полагать, обитаемо не было. У самой казачьей границы долина съуживается и дорога по ней для пѣшихъ и конныхъ прекращается, такъ, что для того, чтобы проѣхать въ то мѣсто, гдѣ ущелье Лабы, немного расширяясь, принимаетъ названіе долины Загдана, надобно подняться вверхъ — или на водораздѣлъ между Урупомъ и Лабой, или на водораздѣлъ между Большой и Малой Лабой и, доѣхавъ напротивъ Загдана, спускаться внизъ на Лабу. Неимѣніе доступа къ лѣсамъ снизу и совершенная ненаселенность въ верхнихъ частяхъ послужили къ сохраненію лѣсовъ въ ихъ первобытномъ состояніи, и надобно замѣтить, что такихъ громадныхъ деревьевъ нѣтъ нигдѣ на сѣверномъ Кавказѣ.

Изъ описанія долины р. Лабы видно, что по ней почти не

можетъ быть поселеній. Мѣстъ удобныхъ къ этому всего два: первое—на Загданѣ, по правую и по лѣвую сторону р. Лабы, противъ впаденія въ нее р. Мыды, гдѣ есть нѣсколько полянъ, могущихъ въ сложности составить до 800 десятинъ, и второе—у самой казачьей границы, по лѣвую сторону р. Лабы, для одного двора, не болѣе. Кромѣ того есть одна довольно большая поляна на правой сторонѣ рѣки, у начала Тамовскаго ущелья, противъ впаденія въ Лабу р. Дамхуреза, но для поселенія негодная потому, что большая часть ея покрыта осокой, а въ верхней части грунтъ совершенно каменистый, такъ что на немъ едва растетъ трава. Долина Загдана, по слѣдамъ, оставшимся на ней, показываетъ, что тутъ когда-то были поселенія. Вездѣ, гдѣ только есть открытыя отъ лѣса мѣста, видны запашки, на которыхъ и досихъ-поръ растетъ рожь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; даже является сомнѣніе, не въ нынѣшнемъ-ли году были здѣсь люди, оставившіе неубранными посѣянные хлѣба. Вѣроятно, это происходитъ отъ того, что лѣсъ, окружающій весьма густо, какъ-бы стѣной поляны, не дозволяетъ хлѣбнымъ сѣменамъ разноситься вѣтромъ или быть вытѣсненными сѣменами другихъ растеній, вслѣдствіе чего они, высыпаясь, оставались на мѣстѣ, гдѣ росли, давая на слѣдующій годъ новые урожаи. Достовѣрность этого подтверждается тѣмъ, что на полянахъ, не окруженныхъ лѣсомъ, рожь хотя и растетъ, но не сплошь, а кустами, какъ будто она вовсе не была посѣяна, а попала на это мѣсто случайно. Когда именно были здѣсь поселенія, отъ которыхъ остались посѣвы ржи, и кто были поселенцы — навѣрное ничего неизвѣстно; какъ преданіе, передаютъ, что когда-то въ этихъ мѣстахъ жили карачаевцы, занимавшіе и сосѣднюю съ Загданомъ долину Иркыза. Насколько достовѣрно это преданіе—разбирать нѣтъ надобности, но существованіе на Загданѣ въ прежнее время поселенія не подлежитъ сомнѣнію. Нельзя только сказать, въ какомъ именно мѣстѣ, на Загданѣ или въ долинѣ Иркыза, были расположены аулы, потому что отъ жилищъ не осталось никакихъ слѣдовъ, даже могилъ не видно, и потому надобно предполагать, что жившіе здѣсь выселились весьма давно. Осматривая ближайшія къ полянамъ мѣста, которыя теперь заросли лѣсомъ, видно, что прежде на нихъ лѣса вовсе не было и что лѣсъ, вѣроятно, выросъ послѣ того, какъ были уничтожены поселенія.

Затѣмъ, къ долинѣ Лабы относится р. Пхія, въ долинѣ которой также можетъ быть небольшое поселеніе. Вся правая

сторона этой долины, сверху, на три четверти своей высоты, совершенно открыта отъ лѣса, который растетъ только въ остальной, нижней части долины, по всему теченію р. Пхіи. Открытою частью долины Пхіи пользовались также жившіе на Загданѣ или въ долинѣ р. Иркыза, потому что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ между лѣсомъ въ нижней части долины выдаются открытыя чистыя мѣста, всѣ они были запахиваемы. На всѣхъ на нихъ, во время осмотра земель нагорной полосы, поспѣла рожь. Въ верхнихъ-же частяхъ долины Пхіи, открытой отъ лѣсовъ, запашекъ и всходовъ ржи не попадалось. Изъ этого надобно заключить, что наверху посѣвы не могутъ вызрѣвать, вслѣдствіе слишкомъ большой высоты этихъ мѣстъ надъ уровнемъ моря, зато всякое удобное мѣсто внизу долины, между лѣсомъ, запахивалось. Вся открытая часть правой стороны долины Пхіи и поляны между лѣсомъ внизу (на картѣ участокъ № 12) составятъ до 3,000 десятинъ. Другихъ мѣстъ, удобныхъ къ поселенію, кромѣ перечисленныхъ уже,—на Лабѣ нѣтъ, да и эти мѣста могутъ быть заселены только тогда, когда продѣлается дорога по Лабѣ, или по-крайней-мѣрѣ по ущелью р. Большаго Зеленчука, откуда, безъ особыхъ трудовъ, дорога можетъ дойти до долины р. Пхіи, черезъ невысокій перевалъ, раздѣляющій верховья рѣчекъ Пхіи и Речипсты, притока Иркыза; до того-же времени въ этихъ мѣстахъ о поселеніяхъ и думать нечего.

Итакъ, долины всѣхъ рѣкъ, вытекающихъ изъ снѣговаго хребта, раздѣляются рѣзко на двѣ полосы: лежащую выше тѣснинъ и лежащую ниже-тѣснинъ. Первая, за немногими исключеніями, не удобна къ поселенію, а тамъ, гдѣ поселенія могутъ существовать, на каждую душу должно быть дано не менѣе 60 десятинъ. Во второй, наоборотъ, большая часть земель годныхъ, поэтому надѣлъ можетъ быть только 30-ти десятинный. Наконецъ, нѣкоторыя земли, вдавшіяся глубоко между казачьихъ земель и находящіяся въ еще болѣе выгодныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, могутъ быть заселены при 20-ти десятинномъ надѣлѣ.

Всего вообще на свободныхъ казенныхъ земляхъ нагорной полосы между рѣками Тебердой и Лабой можетъ быть поселено, съ надѣломъ отъ двадцати до шестидесяти десятинъ на душу, около пятисотъ восемнадцати дворовъ, но изъ этого числа на Аксаутѣ уже поселяются греки.

Лѣса и дороги въ земляхъ нагорной полосы. О минеральныхъ богатствахъ казенныхъ земель нагорной полосы до-сихъ-поръ говорено не было, да и теперь говориться не будетъ, потому что при поѣздкѣ по этимъ землямъ, которая имѣла спеціальную цѣль осмотра мѣстъ, удобныхъ къ поселенію, не было возможности изслѣдовать минеральныя богатства. Что богатства эти есть—сомнѣнія быть не можетъ, но для открытія ихъ нужны, можетъ быть, труды не одного человѣка, впродолженіи значительнаго времени, тогда какъ по всей нагорной полосѣ само собою бросается въ глаза громадное, неисчерпаемое богатство лѣсовъ, не приносящихъ никакой пользы.

Въ ущельи каждой рѣки, отъ начала до конца ея теченія въ нагорной полосѣ, прежде всего бросается въ глаза обиліе лѣса, но преимущественно замѣчательна въ этомъ отношеніи долина р. Лабы. Если посмотрѣть на ущелье р. Лабы съ одной изъ горъ на вершинѣ водораздѣла между Урупомъ и Лабой, то какъ это ущелье, такъ и ущелья притоковъ Лабы, представляются сплошной массой лѣса, сквозь который кое-гдѣ просвѣчиваются небольшія полянки. Кромѣ обширности лѣса, на Лабѣ поражаешься еще размѣрами деревъ. Въ ущельяхъ другихъ рѣкъ также есть очень большія деревья, но они попадаются отдѣльно, изрѣдка; на Лабѣ-же большія пространства покрыты сплошь деревьями самыхъ громадныхъ размѣровъ. На р. Пхіи, недалеко отъ впаденія ея въ Лабу, было измѣрено одно изъ такихъ деревъ, поваленное вѣтромъ и совершенно еще свѣжее. Длина его оказалась въ 70 аршинъ и толщина слишкомъ въ два аршина; тутъ-же неподалеку лежалъ уже на половину сгнившій кленъ, толщиною до полутора аршина. Деревьевъ такихъ размѣровъ на р. Пхіи не одно, не два, а цѣлыя сотни, и между ними появляются еще громаднѣйшія. Лѣса на Лабѣ заключаютъ деревья различныхъ породъ: сосну, ель, пихту, лиственницу, дубъ, ясень, кленъ, чинаръ, липу, березу, тополь и т. д., и всѣ они достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Къ этому надобно прибавить еще слѣдующее замѣчаніе. На всѣхъ остальныхъ рѣкахъ, вошедшихъ въ это описаніе, дубъ встрѣчается весьма рѣдко и по большей части ничтожныхъ размѣровъ, кривой, сучковатый, почти негодный на поделки. На Лабѣ-же дубовыя деревья нисколько не уступаютъ деревьямъ другихъ породъ по размѣрамъ и годности для построекъ и поделокъ. Послѣ долины р. Лабы, по богатству и разнообразію лѣса, слѣдуетъ поставить долину Большаго Зеленчука, потомъ долину р. Аксаута и затѣмъ уже

долину р. Марухи, вся вершина которой, верстъ на пятнадцать отъ снѣговаго хребта, безлѣсна, и наконецъ долины Урупа, Кефара, Хуссы-Карданика и Карданика.

По долинѣ Большаго Зеленчука, лѣса, выше тѣснины (какъ и на другихъ рѣкахъ), — исключительно хвойные, съ небольшою примѣсью березы и тополя; по тѣснинѣ-же и ниже ея, сосна и ель встрѣчаются рѣже, только въ вершинахъ склоновъ долины, которые исключительно заросли деревьями лиственныхъ породъ, также весьма почтенныхъ размѣровъ. О хвойныхъ-же лѣсахъ нечего и говорить: на долинахъ всѣхъ рѣкъ выше тѣснинъ хвойные лѣса состоятъ исключительно изъ хорошаго строеваго лѣса, хотя и не такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ на Лабѣ.

Земли между рр. Тебердой и Лабой составляютъ пространство около 340 т. десятинъ и навѣрно третья часть этого пространства, то есть около 113 т. десятинъ, находится подъ лѣсомъ, и если положить на каждой десятинѣ только по сто деревъ, то и тогда число ихъ превыситъ 10 милліоновъ штукъ. Но едва-ли во всей нагорной полосѣ найдется много лѣсовъ такихъ рѣдкихъ; по большей-же части лѣса такъ густы, какъ только это возможно, а между тѣмъ дохода отъ этихъ лѣсовъ почти не поступаетъ. Главная причина такой безполезности лѣсовъ заключается въ томъ,что къ нимъ нѣтъ не только удобныхъ колесныхъ, но даже какихъ-нибудь дорогъ, хотя также не мало вліяетъ на бездоходность отъ лѣсовъ и то обстоятельство, что въ земляхъ станицъ, ближайшихъ къ землямъ нагорной полосы, весьма много своихъ лѣсовъ, которые удовлетворяютъ покуда не только собственныя нужды этихъ станицъ, но и потребность всего казачьяго населенія до самой Кубани, но главное обстоятельство бездоходности лѣсовъ — неимѣніе дорогъ.

Изъ описанія каждой рѣчной долины отдѣльно, видно, что лѣса по Урупу, Кефару, Хуссы-Карданику и Карданику могутъ быть вывозимы и теперь, а къ лѣсамъ по Марухѣ, Аксауту, Большому Зеленчуку и Большой Лабѣ доступа рѣшительно нѣтъ. Между тѣмъ самые лучшіе лѣса (сосновые, еловые и др.), въ которыхъ всѣ нуждаются для построекъ, растутъ именно въ долинахъ этихъ четырехъ рѣкъ. Въ лѣсахъ по Кефару, Урупу и Карданику, какъ замѣчено уже, никто не нуждается, потому что такіе-же лѣса есть въ ближайшихъ къ нагорной полосѣ казачьихъ станицахъ.

Тѣснины рѣкъ Аксаута, Марухи, Большаго Зеленчука и

Большой Лабы, составляющія препятствіе для свободнаго вывоза лѣса, растущаго за ними, не одинаковы. Самая неприступная тѣснина, какъ-бы трещина въ нѣсколько сажень шириною, съ отвѣсными боками значительной высоты,—Марухская. Она идетъ съ перерывами до поворота рѣки у урочища Ажюмга, на протяженіи около двадцати верстъ, послѣ чего долина вдругъ расширяется. Затѣмъ немногимъ уступаетъ Марухской тѣснинѣ тѣснина р. Лабы, которая въ добавокъ еще гораздо длиннѣе ея, потому что отъ самой казачьей границы до впаденія въ Лабу слѣва р. Домхуреца, на протяженіи слишкомъ тридцати верстъ, нѣтъ совсѣмъ дороги, а далѣе до уроч. Кармоко, верстъ на десять, уже есть тропинка по правой сторонѣ, которая при небольшихъ усиліяхъ можетъ быть обращена въ колесную дорогу. Тѣснина р. Аксаута не имѣетъ такой неприступности, какъ тѣснины Лабы и Марухи: это просто ущелье рѣки, верстъ на восемнадцать, болѣе узкое, чѣмъ вверху и внизу, но все-таки по правой сторонѣ его есть тропинка, которую только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ она идетъ по скаламъ и каменистымъ осыпямъ, будетъ затруднительно обратить въ колесную дорогу. Наконецъ, тѣснина Большаго Зеленчука идетъ всего только на восемь верстъ, отъ крутаго поворота, который дѣлаетъ рѣка, выходя изъ долины Иркыза, до другаго поворота у уроч. Нибна. На этихъ восьми верстахъ съузившагося ущелья нѣтъ никакого затрудненія проложить дорогу, потому что здѣсь всѣ препятствія состоятъ въ громадныхъ деревьяхъ, поваленныхъ цѣлыми рядами одно на другое, между которыми повырось уже новый молодой лѣсъ. Кое-гдѣ только выдаются выступы скалы, обмытые рѣкою, которые потребуютъ дѣйствительно порохострѣльныхъ работъ. Свалившійся-же лѣсъ разобрать, вырубить и счистить большаго труда не составитъ. Правда, далѣе за поворотомъ въ долину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прійдется также расчистить лѣсъ и прорѣзать дорогу по осыпямъ и скаламъ, вдающимся кое-гдѣ въ рѣку узкими выступами, но такихъ мѣстъ весьма немного. Однимъ словомъ, въ сложности всѣ мѣста, гдѣ прійдется расчищать лѣсъ и производить земляныя работы, составятъ не болѣе пятнадцати верстъ и затѣмъ колесное сообщеніе по долинѣ р. Иркыза можетъ производиться до самаго перевала на р. Пхію, въ долину Лабы.

Оставлять громадное количество лѣсовъ, растущихъ выше тѣсninъ, не извлекая изъ нихъ дохода,—не приходится: это значило-бы просто зарывать въ землю громадный капиталъ. Лѣса въ

нагорной полосѣ истребляются ежегодно пожарами отъ удара молніи, вѣтрами, снѣжными обвалами. Наконецъ, не говоря уже объ этихъ явленіяхъ, сколько лѣса гибнетъ отъ гнилости, старости и другихъ подобныхъ обстоятельствъ, а между тѣмъ, если нельзя спасти лѣса отъ истребленія вѣтрами, снѣговыми обвалами и пожарами отъ ударовъ молніи, то, при хорошемъ присмотрѣ, можно добиться, что пропажа лѣса отъ гнилости и старости не будетъ такъ велика, какъ теперь. Но для этого необходимо по долинѣ каждой рѣки имѣть сообщеніе.

Заканчивая описаніе земель нагорной полосы между рѣками Тебердой и Лабой, нельзя еще разъ не сказать о необходимости разработки дороги въ особенности по Большому Зеленчуку, потому что, не говоря уже о пользѣ для государства отъ увеличенія доходовъ, дорога эта дастъ возможность имѣть по низкимъ, сравнительно съ настоящими, цѣнамъ сосновый лѣсъ, такъ необходимый для построекъ всего населенія Кубанской области, получающаго его съ Волги по весьма высокимъ цѣнамъ, которыя должны значительно понизиться, какъ только по долинѣ Большаго Зеленчука будетъ возможно колесное сообщеніе. Въ особенности-же важна будетъ дорога по р. Большому Зеленчуку, когда по Кубанской области пройдутъ желѣзныя дороги, потребующія громаднаго количества лѣсныхъ матеріаловъ, доставка которыхъ сплавомъ по Лабѣ и Большому Зеленчуку и потомъ по Кубани будетъ стоить конечно дешевле, чѣмъ привозъ ихъ изъ лѣсныхъ русскихъ губерній изъ-за Волги. А рѣки Большая Лаба и Большой Зеленчукъ, съ апрѣля и до конца августа (въ особенности Лаба), вполнѣ удобны для сплава лѣса. О соединеніи-же Кавказа съ Россіей желѣзными дорогами поговариваютъ уже два года, а въ послѣдеее время стали появляться по этому предмету печатныя сужденія, всегда предшествующія близкому осуществленію подобныхъ предположеній. Слѣдовательно, небольшія затраты на проложеніе сообщенія по Зеленчуку будутъ черезъ нѣсколько лѣтъ имѣть сильное вліяніе на стоимость постройки желѣзныхъ дорогъ въ Кубанской области и дозволятъ сохранить значительные капиталы.

КАРТА

КАЗЕННЫХЪ СВОБОДНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ НАГОРНОЙ ПОЛОСЫ

между р.р.Тебердой и Б.Лабой.

Масштабъ 10 верстъ въ Англійскомъ дюймѣ.

10 8 6 4 2 0 10 20 верстъ

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРИМѢНЕНІИ НАРОДНЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ КЪ СУДОПРОИЗВОДСТВУ АБХАЗІИ.

Вслѣдъ за окончательнымъ покореніемъ Кавказа начался рядъ преобразованій, служащихъ къ введенію гражданскаго устройства между горскими племенами. Имѣя въ виду, что для полудикаго народа, въ которомъ всѣ общественныя и частныя отношенія обусловливаются установившимися обычаями, переходъ къ другимъ отношеніямъ, основаннымъ на требованіяхъ только что начинающейся для него жизни, будетъ слишкомъ рѣзокъ, правительство пощадило прежній строй общественной жизни горцевъ и къ нему примѣнило всѣ свои положенія, служащія руководствомъ для управленія ими. Мысль эта яснѣе всего выразилась въ положеніяхъ о судахъ.

Со дня введенія нашего управленія и до реформъ, предпринятыхъ въ послѣдніе годы, самыя частыя и, можно сказать, единственныя столкновенія горцевъ съ представителями нашей власти происходили только въ судахъ. Здѣсь рѣшались всѣ частныя и общественныя дѣла ихъ, причемъ, конечно, не могли не обнаруживаться неестественность и несостоятельность многихъ обычаевъ, служащихъ основаніемъ общественныхъ отношеній. Поэтому, думаемъ, что въ судахъ долженъ былъ уясниться для горцевъ взглядъ на предстоящую имъ жизнь и на вытекающія изъ нея, чуждыя для нихъ отношенія, какъ общественныя и частныя, такъ равно и отношенія къ власти. Окружные суды, сверхъ прямаго своего назначенія, должны были быть учрежденіями, подготовляющими народъ къ принятію тѣхъ реформъ въ бытѣ, которыя рано или поздно должны были состояться.

Трудно предполагать, чтобы, при составленіи положеній объ управленіи горцами, той или другой области, собственно въ смыслѣ вліянія нашего на народъ, давалось какое-нибудь другое зна-

ченіе окружнымъ судамъ, а при этомъ нельзя и думать, чтобы составители положеній старались строго ограничить не только кругъ дѣятельности судовъ, но и самую дѣятельность ихъ поставить въ полную и безусловную зависимость отъ народныхъ обычаевъ. Ограждая отъ произвола участь тяжущихся, они, вѣроятно, предполагали, что лучшая гарантія въ этомъ будетъ оставленіе судопроизводства на тѣхъ началахъ, которыя выработала сама жизнь народа и которыми онъ руководился до настоящаго времени: одно знаніе народныхъ обычаевъ должно было служить каждому болѣе или менѣе прочнымъ обезпеченіемъ отъ несправедливыхъ рѣшеній. Но, дѣлая подобное предположеніе, составители, надо думать, не считали безусловно необходимымъ примѣненіе народныхъ обычаевъ во всѣхъ случаяхъ.

Обычаи, нѣтъ никакого сомнѣнія, суть отраженіе народной жизни и прямо вытекаютъ изъ нея, но безошибочно можно сказать также, что въ народѣ, развитіе котораго было остановлено какими-нибудь внѣшними причинами, самая жизнь уже становится въ зависимость отъ старыхъ обычаевъ; поэтому, думаемъ, отступленіе отъ тѣхъ изъ нихъ, несостоятельность и даже вредъ которыхъ чувствовались самимъ народомъ, не только не могло нанести ущерба вліянію нашему на народъ, но, напротивъ, должно было принести существенную пользу, исподоволь устраняя вліяніе негодныхъ обычаевъ на жизнь народа. Составители положенія, не зная вполнѣ народныхъ обычаевъ, не могли, конечно указать на тѣ изъ нихъ, которые должны быть примѣняемы и которые нѣтъ: они предоставили инициативу этого выбора ближайшимъ начальникамъ, имѣвшимъ возможность на дѣлѣ познакомиться какъ съ самыми обычаями, такъ и съ примѣненіемъ ихъ. Надо полагать, что такъ думали составители положеній, но не всѣми такъ была понята ихъ мысль.

Считая отступленіе отъ буквы положенія преступленіемъ, нѣкоторые изъ предсѣдателей судовъ примѣняли его безразлично всегда и во всѣхъ случаяхъ, и часто, сознавая нелѣпость рѣшенія, основаннаго на обычаѣ, утверждали ихъ, или безъ всякаго измѣненія, или дѣлая исправленія, не имѣвшія вліянія на сущность рѣшенія. Слова положенія: «дѣла рѣшаются на основаніи народныхъ обычаевъ», царили въ судѣ при нѣкоторыхъ предсѣдателяхъ въ полной силѣ и служили щитомъ, прикрывавшимъ самыя рогатыя и произвольныя рѣшенія.

Для того чтобы показать, какъ несообразно ни съ дѣй-

ствительными цѣлями правительства, ни съ интересами населенія подобное слѣпое поклоненіе обычаю, и сдѣлаю въ настоящей статейкѣ краткій очеркъ судопроизводства, по народнымъ обычаямъ, въ окружныхъ судахъ Абхазіи, знакомыхъ мнѣ болѣе другихъ горскихъ судовъ.

Но, касаясь окружныхъ судовъ Абхазіи, я долженъ сдѣлать оговорку. Въ предлагаемой статьѣ я описываю судопроизводство, существовавшее до 1868 года. Съ этого года оно потерпѣло значительныя измѣненія, какъ въ принятіи и оцѣнкѣ жалобъ и доказательствъ, такъ равно и въ постановленіи заключеній, основывающихся уже не на однихъ обычаемъ народа принятыхъ доказательствахъ, но по убѣжденію въ правотѣ или виновности подвергшагося суду, вытекающемъ изъ тщательнаго разслѣдованія дѣла. Описываемыя много ниже основанія для произнесенія приговора по дѣлу и самая форма приговора остались только въ общинныхъ (сельскихъ) судахъ, неизмѣнно продолжающихъ дѣйствовать подъ вліяніемъ народныхъ обычаевъ *).

Абхазскіе окружные суды состоятъ изъ предсѣдателя, должность котораго исполняетъ окружной начальникъ или его помощникъ, и четырехъ депутатовъ по выбору населенія: одного отъ высшихъ сословій и трехъ отъ низшихъ. Къ высшимъ сословіямъ населенія относятся тавады (князья) и а́мишта (дворяне); къ низшимъ—анхае (вольные жители), ахуйю или агырва (крестьяне-хлѣбопашцы) и ахашала (рабы) **).

Представители этихъ послѣднихъ сословій въ окружныхъ судахъ всегда изъ анхае и никогда изъ агырва и ахашала, бо-

---

*) Абхазія поступила въ непосредственное русское управленіе только съ удаленіемъ послѣдняго владѣтеля ея, кн. Шервашидзе, въ концѣ 1864 года. До-тѣхъ-поръ существующій въ странѣ общественный строй былъ почти совершенно неизвѣстенъ русскимъ властямъ; 1865-й годъ прошелъ въ ознакомленіи административныхъ органовъ съ страной и въ собраніи данныхъ для составленія положенія объ управленіи ею, каковое положеніе утверждено въ августѣ 66 года; въ слѣдующіе два года, 66 и 67-й, вниманіе администраціи было главнымъ образомъ отвлечено, въ 1-й—возмущеніемъ, а во 2-й—переселеніемъ значительной части населенія въ Турцію. Этимъ и объясняется указываемое авторомъ неудовлетворительное состояніе судебной части въ краѣ до 1868 года. *Ред.*

**) Есть еще два сословія: шинагмы—домашняя прислуга бывшаго владѣтеля Абхазіи и членовъ его дома, и амацюрасгу—крестьяне-хлѣбопашцы, откупившіеся отъ нѣкоторыхъ повинностей. Первые причисляютъ себя къ высшему сословію, вторые—къ низшему и стоятъ между ахуйю и анхае.

лѣе другихъ нуждающихся въ защитѣ и безъ того не слишкомъ широкихъ правъ ихъ. Положительной причины устраненія этихъ двухъ сословій отъ представительства въ окружныхъ судахъ—не знаю; но слышалъ, что выставляютъ тому причиною наложенныя на нихъ обычаемъ обязательныя работы владѣльцамъ. Если только дѣйствительно это единственная причина устраненія ихъ отъ выбора въ депутаты судовъ, то думаю, что она легко могла быть уничтожена, если не на основаніи общаго положенія, существующаго во всей Имперіи для лицъ свободнаго сословія, по которому избираемые для занятія какихъ-либо общественныхъ должностей, на время исполненія ихъ, избавляются отъ всякихъ повинностей, то, по-крайней-мѣрѣ, на основаніи какого-нибудь частнаго положенія, соотвѣтствующаго бѣдному состоянію лицъ высшихъ сословій. Раздѣленнаго пополамъ жалованья, положеннаго депутату окружнаго суда, между избраннымъ въ депутаты отъ сословія агырва и его владѣльцемъ, было-бы достаточно для вознагражденія—перваго за исполненіе имъ обязанности депутата, а втораго за отнятіе у него на время рабочихъ рукъ.

Необходимость-же сословіямъ агырва и ахашала имѣть въ судахъ отдѣльнаго своего представителя вытекаетъ какъ изъ количественнаго отношенія этихъ сословій къ остальному населенію, такъ и изъ ихъ общественнаго положенія. Всѣхъ агырва въ Сухумскомъ отдѣлѣ до 2 т. семействъ или, полагая среднимъ числомъ по 5 душъ въ семействѣ, до 10 т. душъ обоего пола, или почти шестая часть всего населенія края *). Эта часть населенія можетъ состоять въ лично-зависимыхъ отношеніяхъ, не только къ лицамъ привиллегированнаго класса, но и къ лицамъ, выше ихъ стоящаго, зависимаго сословія—ахпае. Каждый изъ ахпае можетъ также—какъ тавадъ п[illegible]амиста—имѣть своихъ агырва, и отношенія ихъ къ послѣднимъ отнюдь не разнятся отъ отношеній къ нимъ привиллегированныхъ сословій. При существованіи подобной зависимости, могутъ-ли агырва, при рѣшеніи въ судахъ всѣхъ вопросовъ, касающихся споровъ ихъ съ лицами другихъ сословій, расчитывать на добросовѣстность судей, принадлежащихъ относительно ихъ къ классу владѣльческому? Думаемъ, что нѣтъ, и этимъ только и объясняемъ незначительность въ судахъ дѣлъ по нарушенію владѣльцами правъ своихъ зависимыхъ, не

*) По камеральнымъ описаніямъ, составленнымъ въ концѣ 1867 года, числилось въ Сухумскомъ отдѣлѣ 64,933 души обоего пола.

смотря на то, что въ дѣйствительности нарушеніе это бываетъ за-частую, и зависимый, принося жалобу начальнику, проситъ личнаго его участія, но никакъ не разбора дѣла въ судѣ. А между тѣмъ народный обычай далъ этому сословію относительно принесенія въ судъ жалобъ довольно обширныя права.

По обычаямъ края, никто изъ жителей Абхазіи не изъятъ отъ обвиненія и каждому предоставляется право потребовать другаго въ судъ. Ахашала (рабъ) можетъ всегда вызвать въ судъ своего господина, подвластный (анхае)—своего протектора, будетъ-ли онъ дворянинъ (а́мпста) или князь (тавадъ), дворянинъ—другаго дворянина или его подвластныхъ и рабовъ, сынъ можетъ вызвать мать или отца, жена—мужа и т. д., словомъ, никакія сословныя преимущества и никакія родственныя отношенія не могутъ служить препятствіемъ въ подобномъ случаѣ. Обычай этотъ безспорно хорошъ въ своемъ основаніи, такъ какъ даетъ большія права обиженному; но тамъ, гдѣ хорошая его сторона совершенно парализируется произволомъ рѣшеній, остается отъ него одна дурная — безотвѣтственность приносящихъ жалобы, порождающая множество самыхъ неосновательныхъ заявленій и затѣмъ ссоръ. Поводомъ къ обвиненію служитъ совершившійся фактъ, а основаніемъ—полный произволъ обвиняющаго.

Объявляя свою жалобу, истецъ, по большей части, утвердительно обвиняетъ отвѣтчика, не представляя никакихъ прочныхъ доказательствъ. Единственнымъ и самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, по мнѣнію абхазцевъ, служитъ разсказъ истца, обыкновенно бывающій чрезвычайно подробнымъ, такъ какъ будтобы обвинитель самъ присутствовалъ при совершеніи преступленія. Окончивъ обвиненіе, истецъ объявляетъ, что онъ убѣжденъ въ томъ, что такой-то сдѣлалъ то-то и что подтвердитъ свое показаніе присягой. По большей части этимъ и оканчивается роль обвиняющаго. Въ рѣдкихъ случаяхъ, впрочемъ, судъ оказываетъ наружное недовѣріе обвинителю и спрашиваетъ, можетъ-ли онъ представить свидѣтелей въ подтвержденіе своихъ словъ? Приготовленные, на этотъ случай, свидѣтели, преимущественно-родственники истца, повторяютъ съ тѣми-же подробностями его разсказъ и судьи при этомъ проникаются убѣжденіемъ въ дѣйствительной виновности обвиняемаго. Съ этого времени можно навѣрно сказать, что участь обвиняемаго уже рѣшена и что въ головахъ судей составилось опредѣленіе по дѣлу. Послѣ разбора трехъ-четырехъ дѣлъ, можно заранѣе предсказать рѣшеніе, кото-

рое будетъ постановлено въ данномъ случаѣ. Судьи готовы были-бы произнести его тотчасъ-же, но восточная мудрость, навѣянная на абхазцевъ изъ Турціи, внушающая неторопливость во всѣхъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе при обвиненіи кого-бы то ни было, заставляетъ ихъ наружно исполнить весь порядокъ законности и допустить обвиняемаго къ оправданію. Выступаетъ обвиняемый и такой-же длинной рѣчью, какъ рѣчь обвинителя, старается опровергнуть его показаніе, причемъ ему конечно помогаютъ его свидѣтели, родственники. Убѣжденіе судей о виновности отвѣтчика начинаетъ колебаться; писецъ замѣчаетъ это и представляетъ послѣдній неопровержимый аргументъ: «Я узналъ», говоритъ онъ, «всѣ подробности этого дѣла отъ доказчика, которому заплатилъ столько-то». Судьи многозначительно переглядываются и разслѣдованіе по дѣлу окончено. Продолжать его было-бы совершенно безполезно, да пожалуй, подчасъ, и опасно для судей, такъ какъ одно неосторожно-сказанное слово можетъ погубить ихъ репутацію. У каждаго, не только изъ судей, но и изъ присутствующихъ, весьма естественно, при такомъ объявленіи писца, готовъ сорваться съ языка вопросъ: «кто-же доказчикъ?» Но этотъ-то вопросъ и опасенъ для абхазца. Задать его, значитъ показать полное и самое невѣжественное незнаніе народныхъ обычаевъ, чего больше всего опасаются депутаты суда, потому что, съ пріобрѣтеніемъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ подобной репутаціи, онъ теряетъ надежду быть выбраннымъ на должность во второй разъ. Доказчикъ—лицо неприкосновенное, по народнымъ обычаямъ. Народъ сознаетъ всю гадость тайныхъ доносовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ считаетъ это единственнымъ путемъ, могущимъ иногда открыть истину, то не только пользуется услугами ихъ, но даже народнымъ обычаемъ гарантировалъ неприкосновенность доносчиковъ. Тотъ, кто откроетъ фамилію лица, сообщившаго ему о преступленіи, считается болтливымъ и не пользуется ни малѣйшимъ довѣріемъ; точно также никакимъ довѣріемъ не пользуется высказавшій желаніе разузнать, кто доказчикъ. Какъ тотъ, такъ и другой не допускаются къ обсужденіямъ вопросовъ общественныхъ и въ ихъ присутствіи другіе стараются быть осторожными въ своихъ словахъ.

Окончивъ разслѣдованіе, судьи приступаютъ къ составленію рѣшенія. Порядокъ требуетъ, чтобы въ это время ничто не отвлекало ихъ вниманія, почему всѣ, за исключеніемъ судей, удаляются изъ залы суда или, если судъ производится подъ откры-

тымъ небомъ, сами судьи отходятъ въ сторону и, живописно расположившись подъ какимъ-нибудь деревомъ, обсуждаютъ всѣ обстоятельства дѣла и составляютъ рѣшеніе. Затѣмъ, судьи подходятъ къ народу и одинъ изъ нихъ, вооружась палкой (непремѣнная принадлежность всякаго говорящаго рѣчь), которую, въ случаѣ неимѣнія своей, беретъ у кого нибудь изъ присутствующихъ, объявляетъ народу рѣшеніе. Объявленіе это состоитъ въ повтореніи всего сказаннаго истцомъ, отвѣтчикомъ, свидѣтелями того и другаго и заключенія или самаго рѣшенія. Послѣднее можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: «Судъ «опредѣлилъ такому то (истцу) дать присягу съ однимъ, двумя, «тремя . . . . . и т. д. соприсягателями въ томъ, что такой-то «(отвѣтчикъ) сдѣлалъ то-то. По принятіи этой присяги, отвѣт«чикъ удовлетворяетъ истца полностію (стоимостью украденной «вещи, убытковъ, понесенныхъ при розысканіи похитителя, т. е. «денегъ, заплаченныхъ доказчику, или опредѣленной обычаемъ «платы за кровь, если дѣло о кровомщеніи или тяжкой обидѣ). «Если-же истецъ не согласится присягой доказать справедливость «своего показанія, то предоставляется принять ее такому-то (от«вѣтчику), съ такимъ-то числомъ соприсягателей, въ томъ, что «его обвиняютъ ложно; по принятіи присяги, онъ избавляется «отъ отвѣтственности. Въ случаѣ-же непринятія присяги ист«цомъ и отвѣтчикомъ, первый удовлетворяется половиною иско«вой суммы». Вотъ обыкновенная формула рѣшенія дѣла по народнымъ абхазскимъ обычаямъ; въ частностяхъ, т. е. собственно въ назначеніи числа и достоинства присягателей, она иногда немного измѣняется, но въ существѣ никогда: присяга истцу и, буде онъ откажется, присяга отвѣтчику. Дать первому присягу отвѣтчику даже тогда, когда судьи убѣждены въ ложности обвиненія, противно обычаямъ.

Прослѣдивъ общій ходъ судопроизводства и постановленіе рѣшеній на основаніи обычаевъ народа, я постараюсь теперь разобрать каждую часть этой процедуры отдѣльно и указать, насколько всѣ онѣ состоятельны и къ какимъ результатамъ ведетъ въ Абхазіи поддержаніе суда по народнымъ обычаямъ.

Какъ видѣлъ читатель, основаніемъ для формальнаго обвиненія служатъ или показаніе лица, остающагося всегда скрытымъ, или просто прихоть обвинителя; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, основаніе признается достаточнымъ для разбора дѣла. Полная безотвѣтственность обвинителя даетъ возможность

привлекать къ суду людей совершенно невинныхъ въ преступленіи. Отвѣтчикъ, зная заранѣе, что обвиненіе, какъ-бы ни было оно неосновательно, будетъ принято и что, по ходу самаго судопроизводства по народнымъ обычаямъ, дающимъ присягу непремѣнно прежде истцу, онъ легко можетъ быть обвиненъ въ взводимомъ на него преступленіи,—или сходится съ истцомъ на мировую сдѣлку, или невольно дѣлается клеветникомъ, обвиняя въ свою очередь и точно также неосновательно другаго. Результатомъ этого бываетъ размноженіе кляузниковъ, затѣвающихъ иски при всякомъ удобномъ случаѣ, и то, что очень часто искъ, начавшійся по поводу украденной козы или коровы, ведетъ за собою послѣдовательно присягу двадцати или тридцати человѣкъ и оканчивается на самомъ бѣднѣйшемъ, не имѣющемъ возможности представить назначеннаго судомъ числа присягателей. Въ этомъ случаѣ, потерявъ безъ вины часть своего имущества и не имѣя средствъ впродолженіи короткаго времени поправить честнымъ трудомъ свое разстроенное хозяйство, отвѣтчикъ дѣлается дѣйствительнымъ преступникомъ и неправильно отнятое у него пополняетъ воровствомъ, расчитывая, что авось на него не падетъ подозрѣніе и что за сдѣланный имъ проступокъ поплатится кто нибудь-другой, точно также, какъ поплатился за другаго онъ. Если воровство удалось ему, онъ опять продолжаетъ жить честно, до-тѣхъ-поръ, пока вновь не задѣнетъ его судебная процедура о какомъ-нибудь бычкѣ; если-же нѣтъ и за неудавшееся воровство онъ лишится послѣдняго своего имущества, то тогда, махнувъ, какъ говорится, рукою на все, онъ спеціально посвящаетъ себя этому невинному промыслу, благо отбирать у него нечего, а содержаніе на гауптвахтѣ даетъ, если не семейству его, то по-крайней-мѣрѣ ему, обезпеченный кусокъ хлѣба, на все время его заточенія. Въ Абхазіи весьма достаточное число бездомныхъ, отказавшихся отъ своихъ семействъ, проживающихъ сегодня у одного, завтра у другаго и исключительно занимающихся, если не воровствомъ, то перепродажею и отводомъ въ Мингрелію украденнаго скота. Если прослѣдить ихъ жизнь, то легко убѣдиться, что очень многіе изъ нихъ дошли до настоящаго положенія именно сказаннымъ путемъ. Лишившись, безъ вины, своего рабочаго скота или коровъ, кормившихъ все семейство, они тѣмъ-же беззаконнымъ путемъ хотѣли возвратить отнятое и, потерявъ все состояніе, увидѣли свои семейства въ полной нищетѣ: тогда, бросивъ послѣднія на произволъ судьбы, они начали

скитаться изъ двора въ дворъ, промышляя себѣ пропитаніе воровствомъ, до-тѣхъ-поръ, пока какая нибудь неудавшаяся попытка не сажала ихъ въ острогъ. Въ 1867 году, въ сел. Ачандара, одинъ вольный житель (анхае), лишившійся по суду послѣдней коровы, сжегъ свой домъ, бросилъ семейство и ушелъ въ лѣсъ. На вопросъ: почему онъ это сдѣлалъ, онъ отвѣчалъ прямо, что «обвиненный невинно два раза въ воровствѣ, онъ лишился чрезъ это всего своего имущества и, когда убѣдился, что семейству его грозитъ полная нищета, то сжегъ домъ, для того, чтобы лишить семейство крова и тѣмъ заставить родственниковъ жены принять въ немъ болѣе живое участіе, а самъ ушелъ, чтобы не видѣть голодающими своей жены и дѣтей». Все это обвиненный высказывалъ въ судѣ, до своего преступленія, и выставлялъ, какъ доказательство своей невинности, прежнюю честную жизнь, но судъ остался глухъ къ его оправданію и поступилъ совершенно правильно, на основаніи народныхъ обычаяхъ, давъ присягу истцу, который, по безсовѣстности, легко ее исполнилъ. Настоящій воръ коровы отыскался чрезъ три недѣли послѣ сдѣланнаго обвиненнымъ преступленія.

Для поддержанія обвиненія необходимы свидѣтели, а для окончательнаго выиграния процесса—соприсягатели. Первыми, какъ я выше сказалъ, обыкновенно бываютъ родственники, или по крови, или по воспитанію, которое во многихъ случаяхъ ставится выше кровнаго родства. Участіе свидѣтелей, по большей части, ограничивается подтвержденіемъ показаній обвинителя или обвиненнаго въ присутствіи суда. Рѣдко когда они назначаются въ число соприсягателей, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдуется проступокъ или преступленіе, послѣдствія котораго отражаются не на одномъ обвинителѣ, но и на его родственникахъ. Обыкновенно-же, соприсягателями назначаются лица, принадлежащія только къ тому сословію, къ какому принадлежатъ тяжущіеся. Если послѣдніе принадлежатъ къ различнымъ сословіямъ, то каждому назначается по равному числу присягателей отъ того и другаго сословія. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, судъ не опредѣляетъ нравственныхъ качествъ соприсягателей, но отъ тяжущихся зависитъ допустить къ присягѣ или нѣтъ лицъ, приведенныхъ противникомъ. Уважительными причинами къ отводу отъ присяги считаются: родство кровное или по воспитанію; извѣстная всѣмъ вражда къ тому лицу, про-

тиву котораго соприсягатель свидѣтельствуетъ, и обнаруженная судомъ лживость присягателя.

По-видимому, эти требованія достаточно гарантируютъ участь тяжущихся отъ ложныхъ показаній, но распространеніе тѣхъ-же правъ, равно какъ на истца, такъ и на отвѣтчика, совершенно исключаетъ изъ абхазскаго судопроизводства примѣненіе этихъ правилъ. Съ отводомъ отвѣтчикомъ кого-либо изъ числа соприсягателей истца, по большей части разстраивается присяга послѣдняго и тогда самъ отвѣтчикъ долженъ представить назначенное судомъ число соприсягателей, причемъ со стороны истца легко можетъ быть предъявлено противу ихъ такое-же заявленіе объ отводѣ. Впрочемъ, во избѣжаніе возможности подобныхъ заявленій, тяжущіеся сами стараются не приводить къ присягѣ лицъ, состоящихъ съ ними въ родствѣ или во враждѣ съ противникомъ; что-же касается до отвода по лживости, то впродолженіи всего времени моихъ занятій въ окружныхъ судахъ Абхазіи, не было ни одного подобнаго примѣра.

При принятіи присяги долженъ непремѣнно присутствовать противникъ; если онъ откажется отъ этого, не представивъ уважительной причины отказа, то присяга считается какъ-бы принятою и не присутствовавшій теряетъ искъ, безъ права возобновлять его. Отказъ отъ присяги одного изъ приведенныхъ соприсягателей разстраиваетъ присягу остальныхъ, и тотъ, въ пользу котораго долженъ былъ присягать отказавшійся, теряетъ право возобновить присягу.

Число соприсягателей бываетъ различно и отъ одного человѣка доходитъ до 32-хъ.

Увеличеніе числа присягателей зависитъ: отъ важности обвиненія, при слишкомъ утвердительномъ характерѣ его, отъ общественнаго положенія тяжущихся и отъ вліянія ихъ на народъ. Большее число присягающихъ полнѣе удовлетворяетъ самолюбіе лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ, или пользующихся особымъ уваженіемъ народа, и потому какъ-бы полнѣе удовлетворяетъ обиду или убытки. Самое большое число соприсягателей назначается для окончанія кровомщенія между тавадами и а́мистами.

Женщина, по народному обычаю, никогда не должна присягать, не только въ качествѣ свидѣтеля, за кого-нибудь другаго, но даже и въ свое оправданіе; присяга, назначаемая судомъ женщинѣ, ложится на ближайшихъ ея родственниковъ. Съ введе-

ніемъ въ краѣ русскаго управленія, обычай этотъ измѣнился и, въ настоящее время, женщина присягаетъ вмѣстѣ съ своими родственниками, въ случаѣ обвиненія ея въ какомъ-либо важномъ проступкѣ.

Процессъ присяги, состоящій изъ произнесенія словъ, подтверждающихъ справедливость того, чьи интересы защищаетъ присягатель, производится—христіанами въ церкви, предъ крестомъ и евангеліемъ, а магометанами или подъ открытымъ небомъ, предъ обнаженнымъ кинжаломъ, или въ развалинахъ древнихъ церквей, пользующихся въ народѣ до настоящаго времени какимъ-то суевѣрнымъ почетомъ, или же наконецъ въ кузницѣ передъ наковальней. Всѣ присягающіе должны предварительно принести жертву, состоящую, по большей части, изъ мелкихъ денегъ. Христіане передаютъ приношенія священникамъ, а магометане лицамъ тѣхъ фамилій, подъ надзоромъ которыхъ состоитъ мѣсто присяги *). Лица эти пользуются особеннымъ уваженіемъ народа и, по мнѣнію его, оскорбленіе кого-либо изъ членовъ этихъ фамилій влечетъ за собою непремѣнно гнѣвъ божества, подъ покровительствомъ котораго онъ состоитъ.

Прослѣдивъ вкратцѣ порядокъ назначенія присяги, поводъ, служащій къ назначенію ея въ высшемъ или низшемъ размѣрѣ, и наконецъ самый актъ присяги, я постараюсь указать, какое имѣлъ вліяніе подобный способъ рѣшенія дѣлъ, какъ на матеріальное благосостояніе народа, такъ и, въ особенности, на его нравственность.

Подтвержденіе и опроверженіе всякаго иска свидѣтелями и присяжными ведетъ за собою отвлеченіе всѣхъ ихъ отъ домашнихъ занятій на болѣе или менѣе продолжительное время. Всѣ свидѣтели истца должны явиться въ судъ, вмѣстѣ съ нимъ, для заявленія жалобы. Если во время прихода ихъ, судъ занятъ разборомъ какого-либо дѣла, что случается очень часто, то истцу и

*) Къ удивленію моему, въ Самурзакани, гдѣ все населеніе давно уже приняло христіанство, я встрѣтилъ тотъ-же странный обычай. Въ селеніи Набакеви, всѣ приношенія отдавались членамъ фамиліи Чикватія, предкамъ которыхъ принадлежалъ, будто-бы, находящійся въ церкви образъ св. Георгія, пользующійся въ народѣ большимъ уваженіемъ. Только въ прошломъ году епископъ Гавріилъ уничтожилъ этотъ нелѣпый обычай, существовавшій по непростительному невниманію высшаго духовенства и корыстолюбію низшаго, такъ какъ священники селенія были преимущественно изъ фамиліи Чикватія.

его свидѣтелямъ приходится, подчасъ, пробыть въ окружномъ управленіи цѣлый день, для того только, чтобы заявить свою жалобу. Въ назначенный судомъ для рѣшенія дѣла день, истецъ опять долженъ прибыть въ судъ, вмѣстѣ съ своими свидѣтелями, и если, по какой-нибудь уважительной причинѣ, отвѣтчикъ не явится въ тотъ-же день, то назначается вторичный срокъ. При неявкѣ въ этотъ срокъ отвѣтчика, дѣло рѣшается на основаніи показаній истца и его свидѣтелей. Постановивъ рѣшеніе, судъ назначаетъ день присяги, въ который обязаны явиться истецъ и отвѣтчикъ, съ своими соприсягателями, для того, чтобы въ случаѣ отказа отъ присяги одной стороны немедленно принять присягу другой. Если-же произойдетъ не отказъ, а отводъ противникомъ хотя одного присягателя, то во вновь назначенный срокъ опять должны явиться какъ истецъ и отвѣтчикъ, такъ равно и ихъ присяжные. Такимъ образомъ, при выполненіи всей процедуры абхазскаго суда, искъ, начатый по поводу украденной козы *), влечетъ за собою отрывъ отъ работы 10—15 человѣкъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, на время отъ трехъ до пяти дней. Прибавьте къ этому такое-же число дней прогула, то въ общемъ итогѣ выйдетъ, что для удовлетворенія одного въ потерѣ 3—4 рублей надо оторвать отъ работы десять человѣкъ на шесть или на десять дней. Сверхъ того, такъ какъ нѣкоторыя селенія находятся слишкомъ въ далекомъ разстояніи отъ мѣста пребыванія окружнаго суда, то всѣ приходящіе изъ нихъ, для выполненія какого-нибудь фазиса народнаго суда, и не имѣвшіе по какимъ-нибудь причинамъ возможности сдѣлать этого въ день своего прихода, остаются на два, на три дня, а иногда и на недѣлю, въ томъ селеніи, гдѣ окружной судъ, и въ силу обычнаго у горцевъ гостепріимства содержатся на счетъ жителей селенія. Подобныхъ гостей каждодневно бываетъ до 100 человѣкъ и они въ буквальномъ смыслѣ объѣдаютъ селенія, гдѣ расположены окружныя управленія **).

Частое употребленіе присяги оказало еще болѣе вредное

---

*) Въ настоящее время иски на незначительную сумму, а также маловажные проступки, подлежатъ окончательному рѣшенію сельскаго суда.

**) Жители селенія Лыхны, по числу населенія одного изъ самыхъ большихъ въ Пицундскомъ округѣ, формально предлагали оказать свое содѣйствіе при постройкѣ дома для окружнаго управленія, если только оно будетъ перенесено изъ ихъ селенія въ мѣстечко Гудауты.

вліяніе на нравственность жителей. Но для этого мы должны коснуться религіознаго состоянія края.

Подвергшись вліянію турокъ, абхазцы утратили послѣдніе остатки своихъ религіозныхъ понятій. Учителями ихъ въ дѣлѣ религіи были необразованные торгаши-турки, употреблявшіе пропаганду какъ средство имѣть свободный доступъ внутрь страны, что было важно для нихъ въ торговомъ отношеніи. Проповѣдь такихъ импровизированныхъ муллъ имѣла вліяніе только на внѣшнюю сторону, познакомивъ абхазцевъ съ обрядами магометанъ. Духовное вліяніе ихъ было такъ слабо, что до-сихъ-поръ даже не могло изгладить въ умахъ народа того уваженія, которымъ въ прежнее время пользовались храмы, и того суевѣрнаго страха, которымъ еще язычники-абхазцы окружали представленія своихъ божествъ. Подъ перемѣннымъ вліяніемъ язычества, христіанства и магометанства, изъ абхазцевъ образовался народъ, религіозныя понятія котораго ближе всего подходятъ къ фетишизму. Представленіе о Богѣ смѣшивается у нихъ съ представленіемъ всего необъяснимаго, что для нихъ и служитъ предметомъ почитанія; самое понятіе о верховномъ существѣ поддерживалось страхомъ непонятныхъ явленій. При такомъ направленіи, достаточно было какой-нибудь несчастной случайности съ кѣмъ-нибудь, для того, чтобы воздавались божескія почести, не только тому явленію, отъ котораго произошла случайность, но даже и мѣсту, гдѣ она произошла. Въ преданіи абхазцевъ сохранилось, что одинъ, ложно свидѣтельствовавшій предъ судомъ, на другой день, войдя въ кузницу, потерялъ зрѣніе (случайность, которая легко могла быть при неосторожномъ обращеніи съ накаленнымъ желѣзомъ): этого достаточно было для того, чтобы кузница сдѣлалась священнымъ мѣстомъ принятія присяги и чтобы привѣшаніе къ дому, или къ дереву въ дворѣ, кузнечнаго молотка считалось символомъ призыванія Божьей кары: Гора Дудрипшъ, считающаяся священнѣйшимъ мѣстомъ во всей Абхазіи, вѣроятно обязана своею репутаціею точно такой-же случайности, и число жертвъ, подвергшихся Божьему гнѣву, за ложно принятую на этой горѣ присягу, передавась изъ рода въ родъ, дошло въ настоящее время до невѣроятной цифры и выставляется невѣрующимъ какъ доказательство святости мѣста. Эта вѣра въ немедленное наказаніе за преступленіе сдерживала нравственность абхазцевъ въ извѣстныхъ предѣлахъ; съ уничтоженіемъ ея, сама собою должна бы-

ла наступить полная распущенность. Послѣдній періодъ начался для абхазцевъ съ причисленіемъ ихъ къ православію.

Распространители православія, въ числѣ другихъ мѣръ, обезпечивающихъ успѣхъ новой религіи, нашли необходимымъ прекратить для новыхъ хртстіанъ присягу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она приносилась прежде, и перенести ее въ церкви. Народъ, совершенно не знакомый съ догматами христіанской религіи и не встрѣтившій въ новой присягѣ ничего немедленно угрожающаго за профанированіе ея, охотно принялъ это нововведеніе. Духовенство, говорящее большею частію только на грузинскомъ языкѣ, настолько-же чуждомъ абхазцамъ, какъ и русскій языкъ, не въ состояніи объяснить народу значеніе и святость новаго обряда,—и онъ смотритъ на него, какъ на актъ, требуемый судомъ, но не возлагающій никакой ответственности, не только на совѣсть присягающаго, но и на личность его. Само духовенство въ этомъ отношеніи недалеко ушло отъ абхазцевъ, и въ дѣлахъ, касающихся собственныхъ интересовъ, не отказывается принимать присягу для выпгранія самаго незначительнаго процесса *). Своимъ равнодушіемъ къ присягѣ, оно какъ-бы старается поддержать актъ, составляющій для него значительную статью дохода (**).

Слишкомъ частое повтореніе присяги и повтореніе ея безъ разбора, при всякомъ случаѣ, сдѣлали этотъ обрядъ ничего не значащимъ въ глазахъ абхазцевъ: они не только относятся къ нему равнодушно, какъ къ дѣлу обыденному, но даже съ презрѣніемъ, какъ къ акту, нѣкогда для нихъ столь страшному и теперь потерявшему всякое значеніе.

Толпы праздношатающихся нашли возможнымъ извлекать изъ частаго примѣненія присяги къ рѣшенію дѣлъ свою пользу и образовались цѣлыя артели, готовыя за извѣстную плату подтвердить присягою какое-угодно показаніе. Мѣстное духовенство, признавая этотъ порядокъ вещей самымъ выгоднымъ для своего кармана, открыло конкуренцію, сбавляя плату за принятіе

*) Въ 1867 году, одинъ мингрельскій священникъ, признавшій украденную у него лошадь у лыхнинскаго жителя Решида Парнаутъ-ипа и не имѣвшій никакихъ фактическихъ доказательствъ, просилъ допустить его къ присягѣ съ 12 соприсягателями, въ подтвержденіе справедливости своего показанія.

**) Въ лыхнинской церкви, напримѣръ, всѣ присягающіе платятъ отъ 20 до 30 коп. съ человѣка. Деньги эти поступаютъ въ безконтрольное распоряженіе священника.

присяги и доказывая преимущественную святость одного храма предъ другимъ. Въ послѣднее время, Лыхнинскій и Илорскій храмы занимали самыя почетныя мѣста и каждодневно въ нихъ приносилась присяга десятками людей.

Неуваженіе къ присягѣ ведетъ за собою неуваженіе и къ тому мѣсту, гдѣ она принимается. Какое значеніе имѣютъ въ настоящее время наши храмы въ глазахъ абхазцевъ, трудно рѣшить; но утвердительно можно сказать, что прежнее безотчетное уваженіе къ нимъ разсѣялось. Выводъ этотъ можно сдѣлать изъ сопоставленія того, что было и что есть въ настоящее время. Вполнѣ заслуживающій довѣрія, маіоръ Вороновъ разсказываетъ, что при занятіи нашими войсками Пицунды, храмъ былъ въ такомъ видѣ, какъ будто-бы въ немъ только что происходила церковная служба; несмотря на то, что все населеніе исповѣдывало магометанскую религію, оно не коснулось ни къ церковной утвари, ни къ евангелію, лежавшему на столѣ. Уваженіе народа къ храму было такъ велико, что, не смотря на способность свою легко увлекаться всякою блестящею бездѣлушкою, онъ не коснулся довольно цѣнныхъ церковныхъ вещей. Совершенно противоположное мы видимъ въ недавнее время. Абхазцы, въ 1866 году, перестрѣливаются съ казаками, спасавшимися въ лыхнинской церкви, тогда какъ, по понятіямъ тѣхъ-же абхазцевъ, всякій прибѣгнувшій подъ защиту храма дѣлается неприкосновеннымъ; они-же, въ 1867 году, обворовываютъ два раза церковь въ селеніи Ацы, причемъ не щадятъ и священныхъ сосудовъ и покушаются сдѣлать тоже самое въ церквахъ селеній Лыхны и Илори.

Подобныя явленія весьма естественны тамъ, гдѣ происходитъ борьба убѣжденій подъ вліяніемъ двухъ совершенно противоположныхъ религіозныхъ началъ, христіанскаго и магометанскаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они служатъ доказательствомъ шаткости убѣжденій вновь обращенныхъ въ православіе. Шаткость эта искоренится сама собою, одновременно съ тѣмъ, какъ окрѣпнутъ убѣжденія, но для этого необходимо неподоволь устранить все, что можетъ поддерживать привязанность къ прежнимъ религіознымъ понятіямъ и прежнему порядку вещей.

Привычка давать ложныя показанія подъ присягой, что неизбѣжно, если послѣдняя повторяется весьма часто и безъ всякаго разбора, т. е., если ею оканчиваются и серьезныя дѣла и пустые споры и недоразумѣнія, непремѣнно должна отражаться

на обыденной жизни народа: ложь и обманъ постепенно дѣлаются принадлежностью его характера. Подтвержденіе этого, къ сожалѣнію, можно видѣть уже теперь въ Абхазіи, гдѣ эти качества начинаютъ, по понятію народа, дѣлаться признаками тонкаго и хитраго ума, также точно, какъ незадолго до этого, воровство считалось признакомъ молодечества.

Независимо отъ дурнаго вліянія на религіозность народа и на его нравственныя качества, рѣшеніе дѣлъ свидѣтельствомъ подъ присягою, этотъ легкій способъ обвиненія, способствуетъ поддержанію вражды и мстительности. По понятіямъ абхазцевъ, оскорбленіе смывается только кровью оскорбившаго, или его родственника, или равносильнымъ-же оскорбленіемъ; но такъ какъ, съ одной стороны, убійства и всякія насилія строго преслѣдуются закономъ, а съ другой, горецъ не считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если не отомститъ онъ самъ, то обиженные и стараются отплатить за оскорбленіе полнымъ обобраніемъ обидѣвшаго, что легко сдѣлать, при принятіи способа обвиненія, усвоеннаго народнымъ обычаемъ, и отвѣтственности, на основаніи того-же обычая, падающей на имущество обвиненнаго. Только въ послѣднее время, при строгомъ разслѣдованіи всякаго обвиненія, обнаружилось, что одна изъ главныхъ причинъ, побуждавшихъ заявлять жалобы, была месть за обиды и оскорбленія. Эти побужденія, заглушая всѣ хорошія качества натуры абхазца, дѣлаютъ его въ высшей степени неразборчивымъ и несправедливымъ въ обвиненіяхъ. Случалось иногда, что абхазецъ обвинялъ своего отца или брата въ проступкѣ, заслуживающемъ не только отвѣтственности по народному обычаю, но и преслѣдованія на основаніи законовъ Имперіи, и раскаивался въ своемъ промахѣ только тогда, когда обвиненнаго постигало наказаніе; при этомъ открывалось, что затаенная злоба была главною причиною обвиненія. Но не всегда такимъ образомъ разыгрывалось судебное разбирательство; въ большей части случаевъ отвѣтственность падала на имущество обвиненнаго и онъ, лишась всего что имѣлъ,—при первомъ случаѣ, старался тѣмъ-же путемъ вредить своему обвинителю. Въ Абхазіи есть цѣлыя фамиліи, враждующія другъ противу друга, и самые частые тяжебные процессы именно случаются между ними.

Насколько судъ по народному обычаю могъ соотвѣтствовать вновь устанавливающимся отношеніямъ, можно видѣть изъ слѣдующаго дѣла, рѣшеннаго въ Пицундскомъ округѣ въ 1867 году.

Старшина сел. Дурюпшъ, Петръ Гумба, и житель сел. Ачандара, Хакуцъ Агейба, были женаты на родныхъ сестрахъ. Жена

Агейба, женщина капризная и сварливая, часто ссорилась съ своимъ мужемъ, и Петръ Гумба, принимая въ немъ, какъ въ родственникѣ, участіе, предложилъ ему свои услуги, обѣщая поговорить съ его женою и урезонить ее жить съ нимъ покойно, такъ какъ онъ, Петръ Гумба, живетъ съ своею женою. Для того чтобы вліять на сварливую женщину, не только словами, но и примѣромъ, Петръ Гумба пригласилъ жену Агейба погостить нѣкоторое время у своей сестры. Черезъ нѣсколько времени послѣ перехода жены Агейба къ Гумба, она принесла окружному суду жалобу, что была выдана безъ согласія своего за Агейба, который чрезвычайно дурно обращается съ нею, такъ что оскорбленіями и побоями довелъ ее дотого, что она должна была перейти на жительство къ своей сестрѣ, женѣ Петра Гумба. Судъ предложилъ ей подтвердить, съ двумя соприсягателями, свое показаніе подъ присягой, послѣ чего Агейба считается разведеннымъ со своею женою, которой долженъ при этомъ возвратить все принесенное ею приданое и заплатить полное кровомщеніе ея родственникамъ, за оскорбленіе жены разводомъ, вынужденнымъ его дурнымъ обращеніемъ. Жена-же Агейба, по изъявленному ею и Петромъ Гумба согласію, должна оставаться въ домѣ Гумба и быть его второю женою, за что Гумба платитъ Агейба 10 коровъ. Послѣдній протестовалъ противу такого нелѣпаго рѣшенія, но судъ остался непоколебимъ и отказался сдѣлать какое-бы то ни было разбирательство по этому дѣлу. Оскорбленный и разоренный, Агейба, по его собственному показанію, сначала разорялъ различными процессами Петра Гумба, а потомъ, подстерегши, убилъ его и добровольно отдался въ руки правосудія, приведя съ собою своего малолѣтняго сына, о которомъ просилъ имѣть попеченіе. Такого рода рѣшеніе, какъ выше сказано, вѣроятно никогда-бы не состоялось, если-бы судъ принялъ на себя трудъ разслѣдовать дѣло, какъ это пришлось сдѣлать послѣ преступленія, учиненнаго Хакуцомъ Агейба. Рѣшить бракоразводное дѣло на основаніи присяжнаго показанія женщины, еще до заявленія жалобы жившей открыто съ другимъ, и потомъ узаконить браномъ связь этой женщины съ лицомъ, уже женатымъ на ея-же сестрѣ, могъ только судъ на основаніи абхазскихъ народныхъ обычаевъ, считающій своею обязанностью только выслушать заявленіе и назначить то или другое число присягателей. Подобный судъ, въ разбираемомъ случаѣ, не только довелъ до преступленія Хакуца Агейба, но самъ сдѣлалъ криминальное преступленіе, уза-

конивъ бракъ христіанина на второй женѣ, при живой первой, еще ктому-же ея сестрѣ. Нелишнимъ считаю прибавить къ этому, что жители сел. Дурюпшъ были за нѣсколько лѣтъ до разбора этого дѣла православными и въ немъ постоянно жилъ священникъ.

Несостоятельность абхазскаго судопроизводства была наконецъ оффиціально сознана въ 1868 году; правильный, не формальный, а фактическій разборъ дѣлъ и постановленіе рѣшеній, примѣняясь къ законамъ Имперіи, съ разрѣшенія Главнокомандующаго, введены въ окружныхъ судахъ и приняты большинствомъ народа съ удовольствіемъ. Остается желать одного — чтобы буквальное, слѣпое примѣненіе къ судопроизводству народныхъ обычаевъ было исключено и въ общинныхъ судахъ, чего, по нашему мнѣнію, безъ труда возможно будетъ достигнуть, вслѣдъ за предстоящей реформою освобожденія зависимыхъ сословій, когда разборы споровъ мировыми посредниками между владѣльцами и подвластными дадутъ возможность большей массѣ народа лучше ознакомиться съ правильнымъ судопроизводствомъ.

Г. Сухумъ-Кале.

ЗАМѢТКА О КАРАЧАЕВСКИХЪ АДАТАХЪ ПО ДОЛГОВЫМЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ.

Карачаевцы живутъ при сліяніи истоковъ рѣки Кубани, между горою Эльборусомъ и главнымъ снѣговымъ хребтомъ. Пахатныхъ мѣстъ у нихъ весьма немного. Запахиваются только пространства, лежащія на днѣ долины, образуемой истоками Кубани, да и эти ничтожныя земли требуютъ самаго тщательнаго ухода, унаваживанія и поливки, а иначе нельзя надѣяться даже на плохой урожай. Затѣмъ, всѣ остальныя земли состоятъ изъ лѣсовъ, скалъ и крутыхъ склоновъ горъ, по которымъ и между которыми встрѣчаются отличныя пастбища, называемыя джайлыками *), а иногда и сѣнокосы. Понятно, что при такомъ недостаткѣ земель, удобныхъ къ пахотѣ, все вниманіе тѣхъ, которые жили въ этой суровой мѣстности, обратилось на другой родъ хозяйства—на скотоводство, которое было и есть главнымъ источникомъ богатства и благосостоянія карачаевцевъ.

Карачай покоренъ русскими подъ начальствомъ генерала Эммануэля, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1828 года. Въ это время границы Карачая были: съ одной стороны—главный хребетъ, съ другой—р. Худесъ, начиная отъ его верховьевъ до впаденія въ Кубань, а съ третьей—водораздѣлъ между рѣками Тебердой и Даутомъ, до того мѣста, гдѣ этотъ водораздѣлъ упирается въ Кубань. Все остальное пространство за этими границами принадлежало: на южномъ склонѣ горъ—сванетамъ, цебельдинцамъ и медовѣевцамъ, а на сѣверномъ склонѣ — кабардинцамъ, нагайцамъ, абазинцамъ и бѣглымъ кабардинцамъ.

Цебельдинцы—единственное племя, съ которымъ карачаевцы жили всегда въ ладу. Со всѣми-же остальными племенами они были постоянно во враждѣ и, конечно, другъ друга не жалѣли.

*) Лѣтники, лѣтнія пастбища.

Поэтому, карачаевцамъ оставалось только сидѣть въ нѣдрахъ своихъ горъ и защищать свои семейства и имущество за естественными укрѣпленіями, созданными для нихъ самой природой. Послѣ покоренія Карачая, положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось. Карачаевцы стали свободны по правую сторону Кубани, но съ лѣвой стороны, а также отъ сванетовъ и медовѣевцевъ имъ все-таки приходилось держать постоянные караулы, часто вовсе не помогавшіе и снятые только послѣ окончательнаго покоренія Кавказа въ 1864 году.

Изъ этого видно, что карачаевцы, стѣсненные въ своихъ горахъ между Худесомъ и Тебердой и отрѣзанные отъ всякихъ сношеній съ другими, болѣе сильными враждебными имъ племенами, по неволѣ должны были ограничиваться тѣмъ, что давала имъ скудная природа главнаго снѣговаго хребта и его отроговъ. Отъ этой замкнутости и произошли, надобно полагать, тѣ своеобразныя понятія о ростѣ на капиталъ, которыя существовали у нихъ до послѣдняго времени.

Горскія племена Кавказа имѣли понятіе о деньгахъ чрезъ торговыя сношенія или съ русскими или съ турками; но отъ тѣхъ и отъ другихъ Карачай былъ отрѣзанъ другими поселеніями, не пропускавшими ни одного карачаевца, и поэтому въ Карачаѣ, до начала нынѣшняго столѣтія, вовсе не имѣли понятія о деньгахъ, а если у нихъ иногда и попадалось какимъ-нибудь путемъ нѣсколько монетъ, серебряныхъ или золотыхъ, то онѣ составляли рѣдкость, которую всякій хранилъ какъ драгоцѣнность. Понятно, что такія деньги не могли вліять на долговыя отношенія карачаевцевъ, для чего пришлось придумать что либо другое. Имѣть для обезпеченія мѣны какую нибудь вещь, которая, заключая въ себѣ мало измѣняющуюся цѣнность, была-бы доступна для передачи, перевоза, пересылки и т. п., было необходимостью для всѣхъ народовъ въ самомъ началѣ ихъ существованія, и мы знаемъ, что сперва употребляли разные знаки мѣны, которые впослѣдствіи были замѣнены монетою. Точно такъ-же и карачаевцы, чувствуя необходимость облегчать мѣну разныхъ предметовъ, уплату рабочимъ и т. п.,—стали пріискивать предметъ, который-бы удовлетворялъ такой необходимости.

Всѣ занятія карачаевцевъ, по мѣстнымъ условіямъ, состояли, какъ сказано выше, въ скотоводствѣ; скотоводство было альфою и омегою ихъ жизни и въ скотоводствѣ они нашли единицу для мѣны. Наиболѣе постоянную, не мѣняющуюся цѣнность со-

ставляла у нихъ корова, но при этомъ было установлено, что нормальная корова не должна имѣть никакихъ недостатковъ, должна быть непремѣнно стельная и должна быть среднихъ лѣтъ, т. е. вообще нестарая. Выборъ палъ на корову еще по слѣдующему обстоятельству. Въ каждомъ человѣкѣ, на какой-бы низкой ступени развитія онъ ни находился, существуетъ понятіе о вознагражденіи за отданный въ долгъ капиталъ, т. е. о процентахъ, но, не зная денегъ, карачаевцы не могли представить себѣ, какимъ родомъ могутъ давать проценты такіе предметы, которые не даютъ сами по себѣ приплода, и поэтому-то они избрали, какъ мѣновую единицу, корову, естественный приплодъ которой и составлялъ проценты на капиталъ, т. е. на самоѣ корову. При этомъ надобно сказать, что кобылицу не выбрали потому, что у карачаевцевъ въ то время лошадей почти не было, а крупный рогатый скотъ былъ, если не у всѣхъ, то у многихъ. Послѣ признанія коровы за единицу мѣны, образовался и цѣлый рядъ особыхъ правилъ для вычисленія процентовъ, основанныхъ на приплодѣ и доходѣ, который даетъ корова. При этомъ положено было за основное правило при вычисленіи процентовъ, что корова телится всегда не теленкомъ, а телушкой, такъ какъ, въ случаѣ долгихъ просрочекъ, телушка тоже обратится въ корову и въ свою очередь дастъ приплодъ, и такъ до безконечности. Но кромѣ обыкновеннаго природнаго приплода, изобрѣтатели карачаевскихъ процентовъ не упустили изъ виду, что стельная корова даетъ доходъ молокомъ, которое, за непмѣніемъ хлѣба, составляетъ почти единственную пищу карачаевцевъ, и поэтому даваемое коровой молоко переложили въ предметы, которые имѣлись почти у всѣхъ и каждаго, а именно въ барановъ. Эти послѣдніе также принимаются за проценты, но какъ пособіе къ коровѣ, какъ размѣнная монета.

Такимъ родомъ образовалась слѣдующая система.

Корова въ осени уже непремѣнно стельная и весною отелится. Все лѣто до зимы она будетъ давать молоко; телушка сдѣлается уже большою, а сама корова опять будетъ стельною и на весну отелится вновь. Слѣдующею весною старая корова вновь отелится и будетъ давать молоко до зимы, а прошлогодняя телушка сдѣлается бугагатурлукъ (т. е. готовою для принятія б угая) и къ концу втораго года въ свою очередь должна быть стельною. На весну третьяго года старая корова отелится въ третій разъ и будетъ давать молоко; телушка отъ перваго года также

отелится и будетъ давать молоко, а изъ телушки втораго года сдѣлается бугагатурлукъ и она будетъ къ осени также стельною. Такимъ родомъ въ два года изъ одной коровы образуется двѣ коровы, большая телушка и два телка (непремѣнно телушки). Телокъ стоитъ всегда дешевле телушки, такъ какъ послѣдняя даетъ приплодъ, и при уплатѣ долговъ бычокъ трехъ лѣтъ принимается за телушку двухъ лѣтъ (бугагатурлукъ), а быкъ четырехъ лѣтъ идетъ наравнѣ съ коровой.

Если кто, будучи долженъ корову и не имѣя ея, захочетъ отдать баранами, то платитъ за холостую корову семь холостыхъ барановъ и одного барашка, или девять козъ и одного козленка, а за корову съ телкомъ отдаетъ семь барановъ съ барашками. Для расчета за молоко принимаются въ расчетъ два періода доенія—лѣтній, съ первыхъ чиселъ мая до начала августа, и осенній, съ начала августа до половины октября. Въ лѣтній періодъ, болѣе длинный, коровы даютъ молока болѣе, а потому за молоко въ лѣтній періодъ считается баранъ съ барашкомъ, въ осенній же періодъ за молоко считаютъ только одного барана.

При мелкихъ долгахъ счетъ ведется на овецъ, которыя также ежегодно даютъ приплодъ, и непремѣнно овцами-же. Счетъ овцами ведется до-тѣхъ-поръ, покуда стоимость овецъ не сравняется со стоимостью телушки и тогда дѣлается переводъ съ овецъ на телушку; затѣмъ уже правило извѣстно: телушка на слѣдующій годъ дѣлается коровой, а отъ коровы—молоко, телушка, и т. д., и т. д.

Расчеты, основанные на скотоводствѣ, потребовали и особаго разграниченія времени для уплатъ. Зимою скотъ кормится сѣномъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, коровы перестаютъ доиться и вообще зима—время для отдачи самое неудобное, такъ какъ скотъ въ это время года худъ. Поэтому, уплата всегда назначается или осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ, или весною, въ началѣ мая, когда скотъ успѣетъ поправиться послѣ зимы, а коровы потелятся. На этомъ основаніи, если кто продаетъ въ долгъ какую-бы то ни было вещь или деньги, то назначаетъ срокъ должнику или осенью или весною.

Теперь я приведу примѣръ. Положимъ, А сдѣлался долженъ Б одну корову и срокъ уплаты назначенъ былъ весною. Уплаты сдѣлано не было до осени и поэтому А долженъ отдать: корову съ телушкой, за лѣтнее молоко (джай-суту-учунъ)—овцу съ ягненкомъ и за осеннее молоко (кюзъ-суту-учунъ)—овцу, а такъ какъ

двѣ овцы съ ягненкомъ равняются телушкѣ, то, значитъ, осенью перваго года неисправный должникъ уплачиваетъ, вмѣсто одной коровы, корову и двухъ телушекъ (годовичковъ). Затѣмъ, если осенью отдача не послѣдовала, то двѣ телушки сдѣлались къ слѣдующей веснѣ уже бугагатурлукъ, т. е. такими, которыя къ осени будутъ стельными (кюзъ-гебугазъ), а корова должна быть съ телкомъ. Если въ эту вторую весну не послѣдовало уплаты, то отъ старой коровы теленокъ сдѣлается телушкой и за лѣтнее и осеннее молоко считается двѣ овцы съ ягненкомъ или другая телушка, а прошлогоднія телушки сдѣлаются стельными коровами, которыя на слѣдующую весну должны отелиться. Такимъ образомъ, къ осени втораго года А долженъ уплатить одну корову, двухъ телушекъ (годовичковъ) и двухъ молодыхъ стельныхъ телушекъ. Если и въ эту вторую осень не будетъ уплачено слѣдуемое, то на третью весну старая корова будетъ опять съ телкомъ, двѣ телушки перваго года также отелятся и сдѣлаются, значитъ, коровами, а двѣ телушки втораго года сдѣлаются бугагатурлукъ, т. е. уже такими, что въ осень будутъ стельными. Итакъ, на третью весну А долженъ уплатить уже трехъ коровъ съ телками и двухъ телушекъ, большихъ, готовыхъ къ осени сдѣлаться также коровами, т. е. въ два года капиталъ увеличится почти вчетверо.

Другой случай. А долженъ Б барашка (овцу), но весной на срокъ не отдалъ; барашекъ къ осени дѣлается большой овцой и къ веснѣ уже дастъ въ приплодъ новаго барашка, т. е. черезъ годъ отъ одного барашка дѣлается овца съ барашкомъ; если на вторую осень долгъ отданъ не былъ, то къ третьей веснѣ дѣлается двѣ овцы съ ягненкомъ, т. е. телушка; а телушка къ третьей осени будетъ бугагатурлукъ, а въ слѣдующую, четвертую весну уже телится, т. е. изъ барашка въ три года выходитъ, при такомъ расчетѣ, корова съ телкомъ: чуть-ли не въ десять разъ больше первоначальнаго капитала. Если А отдалъ Б за долгъ осенью корову, въ той увѣренности, что она къ веснѣ отелится, а между тѣмъ окажется, что она холостая, то отдавшій, весною-же, долженъ вмѣсто отданной отдать корову съ телкомъ и тогда онъ не уплачиваетъ никакихъ процентовъ; если-же весною онъ не исправитъ своей ошибки, то осенью уже уплачиваетъ корову съ годовымъ телкомъ, а за лѣтнее и осеннее молоко отдаетъ двухъ барановъ съ барашкомъ, или телушку, все равно какъ и при расчетѣ за стельную корову. Въ этомъ случаѣ

принимается во вниманіе, что отданная вмѣсто стельной коровы холостая лишаетъ получившаго ее молока и телка, а потому отдавшій не стельную корову, безъ карынъ-су (брюшная вода: это выраженіе означаетъ, что корова стельная), платитъ за всѣ убытки, отъ этого происшедшіе, если только весной не замѣнитъ отданной коровы другою, только что отелившеюся.

Этотъ расчетъ процентовъ нисколько не измѣнился и отъ введенія въ обращеніе въ средѣ общества денегъ, въ видѣ звонкой монеты и кредитныхъ билетовъ.

Послѣ покоренія Карачая, карачаевцамъ стало доступно сношеніе съ другими племенами, давно уже знавшими русскія деньги, на которыя совершались у нихъ всѣ сдѣлки. Сами карачаевцы, переставъ бояться русскихъ, вышли съ стадами изъ своихъ горъ и понемногу приблизились къ русскимъ станицамъ, находя даже болѣе безопаснымъ пасти скотъ вблизи станицъ, чѣмъ вдали отъ всякой защиты, въ горахъ, гдѣ скотъ каждую минуту могъ быть угнанъ отдѣльными шайками непокорныхъ горцевъ, часто переходившихъ черезъ Кубань.

Постоянныя сношенія съ русскими заставили карачаевцевъ познакомиться съ деньгами, и такъ какъ всякая мѣна на деньги совершалась гораздо легче, то въ обществѣ, рядомъ съ прежнею единицею мѣны, возникла новая, денежная; но послѣдняя была сравнена съ первою, такъ что деньги начинали считать десятками рублей (тумэнами), и стельная корова стала цѣниться также въ одинъ тумэнъ. Еще позднѣе, когда скотъ немного повысился въ цѣнѣ, то при долговыхъ обязательствахъ стали подраздѣлять денежные десять рублей (ачхи-тумэнъ) отъ скотныхъ десяти рублей (малъ-тумэнъ), но скотной тумэнъ все-таки по прежнему выражался коровой съ телкомъ, и хотя дѣйствительная стоимость коровы съ телкомъ была больше десяти рублей, но при уплатахъ долговъ, до послѣдняго времени, вмѣсто десяти руб., отдавали корову съ телкомъ, и наоборотъ.

Введеніе въ обращеніе денегъ нисколько не измѣнило расчета процентовъ, и въ немъ не было измѣнено ни одно малѣйшее правило. Напротивъ, деньги дали возможность еще болѣе усложнить систему процентовъ, потому что всѣ денежные долги стали переводиться на скотъ, потомъ, при высчитываніи процентовъ, дѣлался переводъ на деньги и потомъ опять на скотъ. Такъ, напримѣръ, А долженъ уплатить весною 10 рублей Б и

если, по требованію, уплата произведена не была, то вмѣсто десяти рублей считалась корова съ телкомъ, по которой высчитывались проценты; осенью корова сама уже оставалась коровою, телокъ стоилъ 4 руб., а за лѣтнее и осеннее молоко, т. е. за двухъ барановъ съ барашками, считалось 4 руб. 50 коп., т. е. всего 8 руб. 50 коп., а такъ какъ сумма эта равнялась молодой коровкѣ, стельной осенью, которая должна была телиться весною, то съ А взыскивалось осенью, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ просрочки, 18 руб. 50 коп., или старая корова и молодая коровка по третьему году (обѣ стельными). Если онъ не отдавалъ этого осенью, то къ веснѣ втораго года долженъ былъ отдать двухъ коровъ съ телками, которыя стоятъ, при переводѣ на деньги, 22 рубля, и такимъ родомъ продолжалось далѣе и далѣе.

Однимъ словомъ, деньги не принесли улучшенія или уменьшенія въ системѣ процентовъ, а напротивъ, только усложнили ее, заставивъ, при каждомъ новомъ срокѣ, считать наросшіе на скотъ проценты на деньги, которыя опять перекладывались на скотъ. При этомъ считалось обязательнымъ для заимодавца явиться въ назначенный срокъ и потребовать уплаты долга. Неисполненіе этого со стороны заимодавца лишало его права на полученіе процентовъ. Правило это было установлено потому, что многіе нарочно отдавали въ долгъ что-нибо и потомъ не напоминали, съ тою цѣлью, чтобы наросло больше процентовъ.

Изъ примѣровъ, приведенныхъ выше, мы видѣли, что въ два, въ три года можно было, вмѣсто барашка, отдать корову и, вмѣсто одной коровы, отдать четырехъ коровъ; но въ примѣрахъ тѣхъ только объяснялась система процентовъ, не переходившая далѣе трехъ лѣтъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, были случаи невѣроятные, изъ которыхъ я приведу нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся.

Исали Эркеновъ купилъ у женщины Хаджиматъ Долаевой кусокъ сафьяна на одни чевяки, что стоитъ самое большое—тридцать коп. Исали Эркеновъ, не смотря на напоминанія Долаевой, долго не платилъ, считая долгъ свой самымъ незначительнымъ, а между тѣмъ, черезъ семь лѣтъ, Долаева потребовала его въ мехкеме и заставила уплатить за кусокъ сафьяна три коровы съ телками, одну телушку-двухлѣтку (бугагатурлукъ) и двухъ барановъ съ барашками.

Ибрай Чотчаевъ купилъ у Иса Чотчаева мѣрку хлѣба, постоянная нормальная цѣна которой—пятьдесятъ копѣекъ, и черезъ шесть лѣтъ уплатилъ за нее пять коровъ.

Исмаилъ Мударовъ купилъ у кого-то шапку. Отъ неуплаты долга, насчитали за Мударовымъ корову, а въ слѣдующій годъ на нее процентами наросло 8 руб. 50 коп. или почти что другая корова, которую онъ отдалъ, а старая корова осталась, и такимъ родомъ, уплачивая проценты и не отдавая старой коровы, Исмаилъ Мударовъ велъ дѣло восемнадцать лѣтъ, уплативъ за папахъ восемнадцать коровъ.

Подобныхъ случаевъ множество, но довольно и этихъ трехъ, чтобы показать тотъ страшный расчетъ, который ожидалъ каждаго, сдѣлавшаго долгъ.

Подобные расчеты, установившіеся издревле, дѣлались уже адатными правилами, т. е. какъ-бы закономъ, по которому волею или неволею должны были дѣйствовать всѣ. Нѣкоторые, можетъ быть, желали-бы иначе условиться, но не могли; всесильный адатъ не дозволялъ другихъ сдѣлокъ, такъ, что когда вошли въ обращеніе деньги, то и онѣ не произвели переворота въ существовавшихъ правилахъ; напротивъ, ихъ подвели также подъ прежніе порядки.

Общество само чувствовало всю тягость подобнаго адата, но никто не рѣшался сказать противъ него слово, изъ боязни навлечь на себя неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что уплата процентовъ по этимъ правиламъ была невыгодна только для бѣдныхъ; богатые-же могли поплатиться только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Уничтоженіе подобныхъ адатовъ вліяетъ благодѣтельно на общество, потому что не дозволяетъ меньшинству богатыхъ эксплуатировать большинство бѣдныхъ или мало-состоятельныхъ. Въ Карачаѣ адатъ этотъ пересталъ существовать съ 1867 года, когда общество положило считать проценты на деньги и всякіе счеты на скотъ отмѣнить. Надобно полагать, что эта мѣра повліяетъ благодѣтельно на общество, значительная часть котораго, занятая прежде выпискиваніемъ средствъ къ уплатѣ процентовъ можетъ теперь обратить свой трудъ на улучшеніе своего благосостоянія.

Н. Петрусевичъ.

20 августа 1870 года.
Хумара.

ИЗЪ ГОРСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ.

I *).

Въ 3-мъ выпускѣ ,,Сборника'' помѣщенъ рядъ разнообразныхъ случаевъ проявленія преступной воли кавказскихъ горцевъ, съ цѣлью уясненія затруднительности въ дѣйствіяхъ горской администраціи въ борьбѣ съ тѣми проявленіями своеобычности горцевъ, которыя, по нашимъ воззрѣніямъ, составляютъ преступленія, а по адатамъ и понятіямъ горцевъ — нормальные, обычные поступки.

Россія никогда не имѣла отдѣльныхъ уголовныхъ законовъ для различныхъ народностей, какъ было въ средневѣковыхъ европейскихъ государствахъ, долгое время сохранявшихъ противоположный нашему порядокъ вещей. Еще въ Уложеніи царя Алексія Михайловича высказана мысль, что судъ долженъ быть равный всѣмъ людямъ Московскаго государства. Изъ общаго правила пришлось однакожъ дѣлать исключенія, обусловливаемыя историческими причинами. Не одни кавказскіе горцы, но и другіе инородцы не подлежатъ и въ настоящее время, за менѣе важныя преступленія, дѣйствію общаго для всей Россіи Уложенія о наказаніяхъ, и изъятіе это допущено, какъ выражено въ самомъ Уложеніи, до-тѣхъ-поръ, ,,пока дикіе нравы ихъ образованіемъ не смягчатся'', а отчасти и потому, что нѣкоторые изъ нихъ не принадлежали еще къ числу ,,прочныхъ'' подданныхъ Имперіи.

По мѣрѣ подчиненія русской власти кавказскихъ народовъ, необходимо было вводить нашу администрацію. Ничто такъ не располагаетъ къ правительству подчинившихся ему народовъ, какъ

*) Сообщеніемъ помѣщенныхъ подъ этою рубрикою криминальныхъ дѣлъ, по даннымъ Полеваго Аудиторіата,—редакція ,,Сборника'' обязана А. Я. Коробчицу.

уваженіе къ прежнимъ порядкамъ жизни побѣжденныхъ, какіе-бы ни были эти порядки, и устройство учрежденій, сообразно народному духу. Тогда власть дѣлается нечувствительною, народъ привыкаетъ къ ней и, исподоволь убѣждаясь, что уравненіе управленія съ общимъ государственнымъ строемъ принесетъ ему пользу, безропотно разстается съ прежними порядками, даже желаетъ благодѣтельныхъ реформъ.

Воинственный горецъ, привыкшій къ деспотическому повелѣнію своихъ прежнихъ предводителей, не перенесъ-бы на первыхъ порахъ совершенной ломки прежнихъ порядковъ, не перенесъ-бы подчиненія тѣмъ гражданскимъ органамъ власти, которые существуютъ въ Россіи со времени введенія положенія о губерніяхъ.

Вотъ основанія, почему въ мѣстной администраціи горскихъ народовъ, до настоящаго времени, не было становыхъ приставовъ и т. п. властей, а оставались наибы, старшины, кадіи, съ назначенными во главѣ отъ правительства окружными начальниками изъ военныхъ лицъ и высшими начальствующими лицами, также военными.

Болѣе всего—религія, потомъ—языкъ и наконецъ—форма суда, суть тѣ элементы, которыми дорожатъ вновь побѣжденные народы, коимъ судьба исторіи предрекла слиніе съ сильнымъ, окрѣпнувшимъ въ жизни, народомъ, гораздо ихъ цивилизованнѣе. Религія горцевъ, языкъ ихъ — оставлены неприкосновенными.

Что касается суда, то въ этомъ отношеніи горцы воспользовались формою, сохранившею прежній характеръ отправленія правосудія, соотвѣтствующею народному духу. Медленная письменая процедура, существовавшая у насъ въ производствѣ дѣлъ, даже не столь важныхъ, не была введена у горцевъ; они не подвергались наказаніямъ и взысканіямъ по общимъ законамъ. Судъ по адату оставленъ горцамъ, а для разбора дѣлъ учреждены окружные суды, съ гласнымъ и словеснымъ производствомъ, съ депутатами, въ качествѣ представителей сословій, и кадіями, по выбору жителей.

Окружнымъ судамъ подсудны преступленія: увозъ женщинъ, убійства и покаленія въ ссорахъ и дракахъ, кражи и мошенничества безъ ограниченія цѣны. Обвиняемые въ важныхъ преступленіяхъ судятся судомъ военнымъ, отличающимся болѣе бы-

стрымъ производствомъ сравнительно съ судомъ, существовавшимъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ до введенія реформы.

Выраженная въ 1-мъ выпускѣ, цѣль изданія „Сборника“ заключается въ знакомствѣ съ бытомъ горцевъ, явленіями въ жизни ихъ. Въ ряду этихъ явленій преступленія занимаютъ видное мѣсто: разсказъ о нихъ—вообще разсказъ о болѣзни народной, который обыкновенно сообщается для того, чтобы получить врачующія средства. Литературный разсказчикъ рисуетъ пріятными красками, руководимый воображеніемъ, тотъ предметъ, который взятъ цѣлью разсказа, — живописуетъ его; изложеніе-же фактовъ юридическаго дѣла — это дагерротипъ, фотографія того, что происходило.

Упомянутые въ началѣ статьи случаи проявленія преступной воли горцевъ (кромѣ случаевъ самоубійства) подлежали рѣшенію окружныхъ судовъ, или дѣйствію административныхъ мѣръ. По преступленіямъ-же важнымъ, чисто уголовнымъ, производились формальныя слѣдствія и виновные предавались военному суду, нерѣдко по полевымъ уголовнымъ законамъ. Окончательная участь преданныхъ военному суду рѣшалась конфирмаціями Главнокомандующаго.

Признавая не безъинтереснымъ знакомство съ дѣлами, болѣе другихъ характеризующими бытъ горцевъ и порочныя наклонности ихъ, мы помѣщаемъ здѣсь разсказъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ.

I. О жителѣ Ичкеринскаго округа, Терской области, аула Харачой, Таза Экмирзаевѣ.

За плѣненіемъ Шамиля покореніе горцевъ шло быстрыми шагами и закончилось завоеваніемъ Западнаго Кавказа. Фактъ быстраго и окончательнаго умиротворенія страны достоинъ замѣчанія въ томъ отношеніи, что подобныхъ мало встрѣчается въ исторіи. Послѣ паденія главнаго вождя, руководителя борьбы, обыкновенно являлись второстепенные, мелкіе борцы, которые волновали всю страну или отдѣльную область. На Кавказѣ такихъ примѣровъ не было. Маловажныя мятежническія вспышки, подобныя дѣйствіямъ Экмирзаева, скорѣе можно назвать безпорядками, могу-

щими имѣть мѣсто въ давно покоренной странѣ, чѣмъ серьезными народными возстаніями. Во всякомъ однакожъ случаѣ, имя Таза Экмирзаева останется неизгладимымъ на страницахъ исторіи Кавказа. Въ хронологическомъ показаніи Кавказскаго Календаря достопримѣчательныхъ событій въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ, въ 1865 году, подъ 24-мъ числомъ мая, означено: ,,пастухомъ изъ аула Харачой (на границѣ Андіи и Ичкеріи) Таза Экмирзаевымъ, провозгласившимъ себя имамомъ, произведена попытка къ возстанію въ Ичкеріи. Къ 24-му мая возстаніе подавлено самими жителями и Таза выданъ Харачойцами".

Во 2-мъ выпускѣ ,,Сборника", помѣщена прекрасная статья А. Ипполитова: ,,Ученіе зикръ и его послѣдователи въ Чечнѣ и Аргунскомъ округѣ", которую просимъ припомнить, такъ какъ изложенныя въ ней событія служатъ какъ-бы началомъ и объясненіемъ разсказа о дѣлѣ Таза. По словамъ статьи, не смотря на паденіе ученія, въ народѣ глухо бродили нѣкоторое время идеи, брошенныя въ него Кунтою-хажи (основателемъ ученія ,,зикръ") и развитыя его послѣдователями. Броженіемъ умовъ хотѣлъ, кажется, воспользоваться Таза, который утверждалъ, что назваться имамомъ ему велѣлъ самъ Богъ, въ присутствіи Кунта-хажи. Быть можетъ, Таза былъ членомъ секты и даже посвященнымъ въ оную; но въ интересѣ его было, при слѣдствіи, говорить, что фанатическій восторгъ, которому предавались зикристы, происходилъ у него, въ 1864 году, отъ болѣзни, вскорѣ оставившей его.

Таза въ показаніяхъ своихъ скупъ на подробности; но братъ его, Кеби, принимавшій и имѣвшій расчетъ принимать дѣятельное участіе въ попыткѣ къ возстанію, объясняетъ, что въ припадкахъ болѣзни Таза высказывалъ, что Богъ приказалъ ему быть имамомъ; что Богъ прислалъ ему въ подарокъ пару сѣрыхъ лошадей: одну полковника Головачева (начальника Ичкерійскаго округа), а другую андійца Гирея; что Богъ указалъ ему гору, наполненную золотомъ и т. п. Припадки эти, продолжаетъ Кеби, были непродолжительны, но измѣнили характеръ Таза, и не смотря на то, что его несвязныя рѣчи и сужденія лишены были всякаго смысла и послѣдовательности, многіе перетолковывали бредъ его, а односельцы его подумали, что Таза—святой и начали распространять объ этомъ молву, привлекшую къ пастуху приверженцевъ не только изъ ближайшихъ ауловъ, но изъ дальнихъ.

Несвѣдущій въ коранѣ, прикладывавшій къ показанію па-

лецъ, по совершенному незнанію грамоты, Таза Экмирзаевъ едвали могъ допускать мысль, чтобы изъ розсказней его вышло что-нибудь серьезное. Но въ маѣ 1865 года, чрезъ аулъ Харачой проходитъ какой-то молодой мулла и его заставляютъ писать отъ имени Таза прокламаціи въ сосѣдніе аулы, съ призывомъ къ возстанію. Что мысль о воззваніяхъ могла принадлежать не самому Таза, доказывается тѣмъ, что онѣ даже писаны были не въ его саклѣ, а въ домѣ одного изъ его приверженцевъ, которые мечтали, что изъ родного ихъ аула „изыдетъ пророкъ“. Воззванія, безъ чиселъ, съ означеніемъ только того, что онѣ писаны во вторникъ утромъ, посланныя въ аулы Дарго и Эрсеной, были слѣдующаго содержанія:

I. „Отъ имама, Бога боящагося, Таза Экмирзаева, брату нашему Арапхану и всѣмъ мусульманамъ“.

„Приготовляйтесь къ войнѣ съ невѣрными, которую завѣщалъ намъ Богъ чрезъ пророка Своего. Идите по дорогѣ Магомеда и гоните враговъ. Выходите за Бога; собирайтесь завтра на харачоевскихъ возвышенностяхъ и направляйтесь потомъ къ мѣсту—Кеттешъ-кортъ“.

2. „Брату нашему Албаету и всему обществу того аула, въ которомъ живетъ Албаетъ“.

„Приготовляйтесь къ войнѣ и изгнанію невѣрныхъ изъ земель нашихъ; сообщите о намѣреніи нашемъ аулу Эхишбатой и прочимъ мусульманскимъ ауламъ. Намъ необходима война, заповѣданная Великимъ Богомъ, по словамъ нашего пророка. Мѣсто собранія назначается завтра на возвышенностяхъ у аула Харачой, а путь—къ возвышенности Кеттешъ-кортъ“.

Эрсеноевцы показываютъ, что воззваніе привезъ неизвѣстный человѣкъ и бросилъ въ толпу народа; но какъ это воззваніе, такъ и другое, тогда-же представлены начальству.

Еще большею дерзостью, самонадѣянностію и ложью отличается третье воззваніе, въ формѣ письма къ жителямъ аула Элстанджи, отъ 9-го мая 1865 года, и отвѣтъ на него, 1-го того-же мая.

„Братья мои! Съ Шамхальской стороны мы получили извѣстія объ уничтоженіи мира и всѣхъ данныхъ намп обѣщаній невѣрнымъ, которыхъ проклялъ Богъ. Мы готовы, повинуемся и ожидаемъ только начала. Объ этихъ намѣреніяхъ сообщаемъ теперь вамъ, прося увѣдомленія о приготовленіи вашемъ къ принятію участія въ войнѣ съ невѣрными. Въ десятый день мѣсяца

мухаррема мы сдѣлаемъ нападеніе на крѣпость Ведень и отопремъ ея ворота“ *).

Отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Имаму правовѣрныхъ, Таза, жителю аула Харачой“.

„Увѣдомляемъ тебя, что мы уже приготовились къ войнѣ, къ которой ты приглашаешь насъ; желаемъ, чтобы Богъ оправдалъ обѣщаніе ваше и пусть оружіе правовѣрныхъ устремится на крѣп. Ведень. Да поможетъ намъ Богъ и съ малыми средствами и съ малымъ числомъ людей побѣдить и овладѣть сильными. Мало насъ и немного сочувствуетъ намъ изъ людей нашего аула, но захочетъ Богъ (мы надѣемся)—много изъ другихъ ауловъ пристанутъ къ намъ. За насъ только одни единовѣрцы“.

Въ призывномъ письмѣ отъ 9-го мая не упоминается имени Таза, но приложена печать, на которой едва замѣтно виднѣлась фамилія, или, правильнѣе сказать, имя отца его—„Экмирза“.—Таза показываетъ, что никогда не имѣлъ печати. Братъ его, подробно объясняющій другія обстоятельства дѣла, умалчиваетъ, однако, о сочиненіи воззваній, или, быть можетъ, слѣдователь не обратилъ на этотъ предметъ вниманія, тогда какъ фамильная печать могла находиться у Кеби и онъ могъ быть виновникомъ воззваній, или, по-крайней-мѣрѣ, одного изъ нихъ, въ формѣ письма.

Но начало сдѣлано, и Таза волей-неволей долженъ былъ разыгрывать роль имама, — роль, кончившуюся 24-го мая выѣздомъ его изъ аула, въ сопровожденіи двухъ партій, конной и пѣшей, на гору Кеттешъ-кортъ, служившую въ былое время въ Ичкеріи мѣстомъ сборища ичкеринцевъ.

Одновременно съ началомъ безпорядковъ въ аулѣ Харачой, сдѣлавшихся тогда-же извѣстными начальству, были приняты мѣры къ подавленію ихъ.

По распоряженію начальника округа, назначенная мѣстомъ сборища возвышенность была занята войсками, а Таза приказано явиться въ укр. Ведень. Таза ѣхать отказался; братъ его силою покуда не признавалась удобнымъ, чтобы не дать повода новымъ безпорядкамъ, если-бы приверженцы вздумали

*) Въ началѣ мая 1865 г. пущенъ былъ слухъ, что мусульмане осадили укр. Ведень, въ которомъ находились наши войска и начальникъ Ичкеринскаго округа.

вступиться за своего импровизованнаго имама. Наканунѣ выѣзда Таза изъ аула Харачой, посланъ былъ туда, для арестованія Таза, даргинской наибъ Чамакъ Ошіевъ, съ нѣсколькими всадниками; но для переговоровъ допущены были въ аулъ только трое изъ нихъ, которые убѣждали Таза въ необходимости исполнить приказаніе начальства. Допущенные къ Таза посланные, какъ показываютъ они, спросили его:

— Что ты намѣренъ дѣлать?

— Въ прошломъ году я былъ боленъ,—отвѣчалъ Таза,—и въ то время я былъ поднятъ на небо, въ самое мѣсто пребыванія Бога, и тамъ, въ присутствіи Архангела Гавріила, устуса Магомеда и Кунты, Онъ приказалъ мнѣ быть имамомъ.

— Богъ не являлся еще ни одному изъ святыхъ,—возразили посланные, — поэтому полагаемъ, что ты или съ ума сошелъ, или знаешься съ нечистою силою. Мы увѣрены, что подобное видѣніе тебѣ не могло представиться, потому что не было еще примѣра, чтобы Богъ являлся кому-либо изъ извѣстныхъ святыхъ. Напрасно ты затѣваешь такое дѣло; мы убѣждены, что какъ мы не можемъ поднять гору на своихъ плечахъ, такъ и ты не въ состояніи исполнить свое намѣреніе. Лучше, Таза, оставь свои несбыточныя надежды и послушайся приказанія начальства.

Послѣ этого Таза затрясся и, схвативъ съ лихорадочною дрожью лежавшій на полкѣ зеленый значекъ, сказалъ:

— Вотъ, что мнѣ прислалъ Богъ; а кто его прислалъ, тотъ и повелѣлъ мнѣ быть имамомъ. Я долженъ исполнить повелѣніе Бога и Магомеда-устуса.

Въ это время послышались въ народѣ, окружавшемъ саклю, въ которой велись переговоры, возгласы: „Таза—нашъ имамъ!“, раздались крики, выстрѣлы изъ ружей, а нѣкоторые заплакали. Зеленое знамя воткнуто было въ землю среди народа, котораго собралось до 300 человѣкъ, и начались пляски и пѣніе зикарло *).

По свидѣтельству тѣхъ-же посланныхъ, Таза колебался и какъ-бы раздумывалъ, что ему дѣлать. Долго ходилъ онъ по саклѣ задумчивымъ взадъ и впередъ, не обращая вниманія на окружавшихъ и не поднимая глазъ, устремленныхъ въ землю, что подало поводъ посланнымъ думать, что Таза бесѣдовалъ съ не-

*) Зикарло, отъ слова зикръ,—значитъ: молитвословіе, призываніе, воспоминаніе имени Бога.

чистою силою. Наконецъ, онъ прервалъ свои размышленія и сказалъ: „я поговорю съ родственниками и завтра утромъ дамъ рѣшительный отвѣтъ“.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, народъ толпился уже у жилища Таза, вокругъ зеленаго значка. Осѣдланныя лошади привязаны были къ плетню, которымъ обнесенъ дворъ; явились къ Таза и посланные. Увидѣвъ ихъ въ своей саклѣ, Таза, не говоря ни слова, снялъ съ себя чалму, вышелъ съ ними и сѣлъ на лошадь, чтобы, какъ полагали посланные, отправиться къ начальнику округа, въ укрѣпл. Ведень. Народъ понялъ его намѣреніе, поднялъ крикъ, сталъ стращать Таза, что въ Ведени ожидаетъ его строгое наказаніе, а нѣкоторые даже стрѣляли въ посланныхъ, такъ что они должны были спасаться бѣгствомъ. Кеби Эмирзаевъ объявилъ Таза, что онъ его не пуститъ, потому что увѣренъ, что его ожидаетъ неизбѣжная гибель, и если Таза не послушаетъ, то онъ его убьетъ. Одинъ-же изъ толпы закричалъ: „куда ты идешь: вѣдь тебя продаютъ“, а другой прибавилъ: „настало время начинать намъ святое дѣло, и вотъ свиньи, которыхъ первыхъ слѣдуетъ убить“. Эти слова относились къ посланнымъ.

Дальнѣйшій разсказъ основанъ на показаніяхъ жителей аула Харачой. Необходимо замѣтить, что находившіеся въ толпѣ и послѣдовавшіе потомъ за Таза не всѣ сочувствовали дѣлу. Но словамъ однихъ, они присоединились изъ боязни къ Таза, нѣсколько разъ объявлявшему, что противники будутъ казнены смертью; другіе—изъ любопытства; наконецъ третьи, боясь быть замѣшанными въ дѣло, скрылись съ семействами въ лѣсу.

Послѣ отъѣзда посланныхъ, приверженцы Таза приняли предосторожности на случай появленія нашихъ войскъ. Устроены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близъ аула пикеты и поставлены часовые, а къ Таза приставили, въ качествѣ тѣлохранителей, пять человѣкъ и назвали ихъ мюридами.

Предъ выѣздомъ изъ аула, Таза, въ бѣлой черкескѣ, въ чалмѣ, съ четками въ рукахъ, взошелъ на кровлю своей сакли и держалъ къ народу рѣчь: „Я желаю“—говорилъ онъ—„встрѣтить въ васъ сочувствіе къ моимъ намѣреніямъ, но знайте, что во всякомъ случаѣ я не измѣню имъ. Если вы, жители Харачоя, откажетесь помогать мнѣ, я найду себѣ, на Кеттешъ-кортѣ приверженцевъ, при помощи которыхъ не только сдѣлаюсь незави-

симымъ владѣтелемъ, но и съумѣю наказать выразившихъ ко мнѣ равнодушіе". Въ отвѣтъ на это, въ народѣ раздался крикъ: „Аллахъ! Аллахъ! да здравствуетъ нашъ имамъ!"

Г. Ипполитовъ, въ упомянутой статьѣ, объясняетъ, что 18 января 1864 года, зикристы, предводимые фанатиками, не вынимая оружія, но надѣясь лишь на сверхъестественную силу отсутствующаго Кунты и помощь неба, съ молитвою и пляскою, пошли на наши баталіоны.—Чѣмъ, какъ не подобнымъ фанатизмомъ, объяснить произнесенную къ народу рѣчь Таза, объявившаго, что сдѣлается независимымъ владѣтелемъ, безъ средствъ, безъ вѣрной даже надежды хоть на временную поддержку?

Но окончимъ разсказъ. Вскорѣ послѣ рѣчи Таза, двѣ партіи, конная и пѣшая, съ пѣніемъ зикрло, отправились изъ Харачоя на гору Кеттешъ-кортъ. Первою партіею, въ которой находился зеленый значекъ, предводительствовалъ самъ Таза.

При спускѣ въ ущелье, отстоящее отъ аула Харачой на 300 саж., показались еще двѣ партіи, спускавшіяся по горной дорогѣ изъ аула Элстанджи, съ бѣлымъ значкомъ, и также съ пѣніемъ зикрло присоединились къ Таза. При дальнѣйшимъ движеніи партій, зеленый значекъ держали по-очереди.

Но энтузіазмъ приверженцевъ Таза долженъ былъ вскорѣ охладѣть: на Кеттешъ-кортѣ они встрѣтили партію хорошо-вооруженныхъ всадниковъ, посланную подъ начальствомъ даргинскаго наиба, Чамака Ойшіева, который, не допуская къ себѣ фанатиковъ, послалъ кадія, съ предложеніемъ оставить тотчасъ-же гору. Видя готовность нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ исполнить приказаніе, Таза сказалъ: „Я думалъ, что всѣ мусульмане будутъ мнѣ братьями; если-же ошибся, то мнѣ ничего болѣе не остается, такъ только удалиться". Пришедшіе къ горѣ партіи стали отступать, но медленно, нерѣшительно; тогда всадники Чамака Ойшіева начали стрѣлять по отступавшимъ, чтобы не дать времени одуматься имъ; съ противной стороны отвѣчали выстрѣлами; убійства однако-же не произошло; все кончилось незначительною раною въ руку одного отступавшаго и пораненіемъ двухъ лошадей въ партіи преслѣдователей.

Преслѣдованіе продолжалось до рѣки Гулиса; по переправѣ чрезъ рѣку, приверженцы Таза," окончательно убѣдясь въ несбыточности его надежды, оставили своего имама, разошлись по домамъ, а самъ Таза былъ арестованъ, доставленъ въ укр. Ве-

день и преданъ, какъ возмутитель, военному суду по полевымъ уголовнымъ законамъ.

Эфемерный имамъ, Таза Экмирзаевъ, 51-го года, оправданія началъ свои съ того, что положительно отвергалъ обвиненіе даже въ помышленіи о вооруженномъ возстаніи и объяснялъ, что хотя и писалъ записки о томъ, чтобы собрались люди, но не объяснялъ въ нихъ о цѣли этого собранія; цѣль заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ другими и просить ихъ ходатайства за него предъ начальствомъ, такъ какъ объ немъ донесли, что будто онъ возмущалъ народъ. Значекъ не былъ символомъ власти, а только служилъ забавою для молодежи. Относительно того, что Таза высказывалъ, что онъ посланъ отъ Бога быть имамомъ и что кто ему не послѣдуетъ, будетъ казненъ смертью, онъ объяснялъ, что, быть можетъ, въ припадкахъ умственнаго разстройства, которыми онъ часто страдалъ, и бредилъ что-нибудь подобное, но въ здравомъ разсудкѣ не говорилъ. По требованію начальника округа не являлся изъ опасенія подвергнуться аресту, такъ какъ зналъ, что былъ очерненъ предъ начальствомъ.

Таза Экмирзаевъ былъ подвергнутъ формальному медицинскому освидѣтельствованію и испытанію, но умственныя способности его оказались въ нормальномъ состояніи. Судъ приговорилъ его, какъ возмутителя, къ смертной казни; но, по конфирмаціи, онъ сосланъ въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

Для полноты разсказа остается упомянуть, что когда Таза былъ преданъ суду, жители аула Харачой подали прошеніе начальнику Ичкеринскаго округа, въ которомъ объясняли, что разсказы Таза увлекли ихъ. Они присоединились къ нему, вышли изъ аула и были обмануты, и вотъ теперь, за ихъ невѣжество и необдуманное увлеченіе, пала на нихъ вина. Раскаявшись, они даютъ клятву отрѣзать голову всякому, кто вздумаетъ сдѣлать то, что сдѣлалъ Таза.

Судебному преслѣдованію харачоевцы не подвергались, но такъ какъ нѣкоторыхъ личностей, болѣе другихъ принимавшихъ участіе, опасно было оставить на мѣстѣ жительства, то они подвергнуты временному удаленію въ Россію и сверхъ того съ харачоевцевъ взыскана денежная пеня, въ вознагражденіе тѣхъ изъ преслѣдователей, лошади которыхъ ранены въ перестрѣлкѣ.

II. О жителяхъ Хунзахскаго наибства, Аварскаго округа, селен. Хунзахъ, Омарѣ Нуръ-Магома-оглы и Али Гасанъ-Гуссейнъ-оглы.

Настоящее дѣло, подобно приведенному въ 1-мъ выпускѣ „Сборника“ случаю изъ горской криминалистики, служитъ доказательствомъ приверженности горцевъ къ расправѣ по своимъ адатамъ, — къ самосуду. Благодаря распорядительности наиба, съ преступниками не свершилось того-же или подобнаго, чему подверглась женщина въ сел. Калаки, побитая камнями за умерщвленіе рожденнаго ею ребенка, прижитаго, какъ утверждала она, съ бывшимъ прежнимъ мужемъ, бросившимъ ее, и притомъ не по согласію, а съ изнасилованіемъ. Уложеніе о наказаніяхъ не ставитъ на одну степень виновности умышленное убійство и умерщвленіе матерью, побуждаемою стыдомъ и страхомъ, своего незаконнорожденнаго младенца. При смягчающихъ-же обстоятельствахъ, наказаніе виновной значительно облегчается, какъ справедливо поступилъ въ прошломъ году Тифлисскій окружной судъ, по дѣлу о солдатской дочери Аксиньѣ Барятинской, опредѣливъ ей за умерщвленіе незаконнорожденнаго своего ребенка, при смягчающихъ обстоятельствахъ, тюремное заключеніе, впрочемъ— на три съ половиною года *).

Такимъ образомъ хунзахскій наибъ далъ возможность закону и суду исполнить свое призваніе и спасъ отъ жестокой смерти едва достигшихъ совершеннолѣтія Омара и Али, дѣло которыхъ заключается въ слѣдующемъ. 19 февраля 1865 года, на дорогѣ изъ Хунзаха въ сел. Гоцатль, найденъ убитымъ оглинскій житель, Гаджи-Магома Омаръ-оглы. Подозрѣніе въ совершеніи преступленія пало на подсудимыхъ, потому что оба они были неодобрительнаго поведенія. Омаръ, 18 февраля, былъ раненъ, какъ объяснялъ онъ, товарищемъ своимъ Али въ отмщеніе за старую вражду, но какъ происходило это пораненіе — никто не видѣлъ. Подсудимые арестованы и въ домахъ ихъ произведенъ обыскъ. У Али оказался кинжалъ, принадлежавшій убитому. Тогда Али и Омаръ сознались въ убійствѣ Гаджи-Магомы.

Въ мгновеніе объ открытіи разнеслась молва по Хунзаху. Жители собрались, всѣ безъ исключенія, 20-го числа, на площадь и, съ негодованіемъ на преступниковъ, требовали немед-

*) „Кавказъ,“ 1869 года, № 126.

ленно наказать убійцъ смертью. Сакли Али и Омара были сожжены, а сами они выведены на площадь и привязаны къ столбу. Кадій обратился къ народу и объяснилъ, что, прежде наказанія Али и Омара, слѣдуетъ просить разрѣшенія у наиба и потомъ уже убить ихъ. Въ это время наибъ вышелъ къ народу и остановилъ гнѣвъ волновавшейся толпы, объяснивъ, что русскій законъ, по которому будутъ осуждены преступники, неумолимъ, и что они будутъ казнены, по желанію ихъ—смертью.

Омаръ Нуръ-Магома-оглы и Али Гасанъ-Гусейнъ-оглы преданы были военному суду, по полевымъ уголовнымъ законамъ.

Подсудимые объяснили, что за нѣсколько дней до байрама, они сошлись вмѣстѣ, завели разговоръ о бѣдности своей и рѣшили, для того чтобы поправиться,—ограбить какого-нибудь богатаго человѣка. Выборъ палъ на Гаджи-Магому, который, по торговымъ дѣламъ, находился тогда въ Хунзахѣ. О немъ говорили, какъ о богатомъ человѣкѣ; убійцы-же расчитывали, что у Гаджи-Магомы должны быть при себѣ деньги, потому что онъ въ Хунзахѣ собиралъ долги. Ктому-же, — разсуждали сговорщики, — убить такого человѣка, какъ Гаджи-Магома,—не грѣхъ, потому что онъ даже намаза никогда не дѣлалъ. Сговорившись такимъ образомъ, Али и Омаръ стали избѣгать частой встрѣчи между собою, чтобы не подать повода къ подозрѣнію, а между тѣмъ слѣдили за своею жертвою. Чрезъ нѣсколько дней послѣ байрама (18 февраля), рано утромъ, Омаръ, находясь около своего дома, увидѣлъ Гаджи-Магому отправлявшимся въ дорогу. Немедленно пошелъ онъ къ Али, пригласилъ его съ собою, и по другой улицѣ отправились догонять жертву, которую вскорѣ нагнали, и пошли вмѣстѣ. Когда вошли они въ глубокій оврагъ, представлявшій удобство къ совершенію преступленія, Али и Омаръ оробѣли и знаками предоставляли другъ-другу починъ дѣла, и уже послѣ долгихъ колебаній, вмѣстѣ и быстро напали на Гаджи-Магому, въ одно мгновеніе нанесши ему кинжаломъ нѣсколько ударовъ. Пораженный вздумалъ было защищаться, но силы достало только обнажить кинжалъ, и отъ истеченія крови онъ упалъ на землю. Али ударилъ умирающаго камнемъ въ лицо, а Омаръ перерѣзалъ ему горло. Совершивъ убійство и вырѣзавъ карманъ изъ бешмета убитаго, а также взявъ кинжалъ его, Омаръ и Али пошли отъ трупа, и тогда Омаръ замѣтилъ на правой своей рукѣ незначительную рану. Изъ ограбленнаго Омару досталось

55 руб. 60 коп., а Али—кинжалъ, портмоне и такое-же количество денегъ.

Не безъинтересно, по своей оригинальности, добавленіе къ такому чистосердечному сознанію одного изъ подсудимыхъ—Али Гасанъ-Гусейнъ-оглы. Онъ показалъ, что имъ нужны были деньги, для поправленія бѣднаго положенія, а не кровь, и они желали лучше ограбить, чѣмъ убить кого-либо; но такъ какъ были увѣрены, что никто своего даромъ не отдастъ, то и рѣшились убить Гаджи-Магому.

Омаръ Нуръ-Магома-оглы, 22-хъ лѣтъ, и Али Гасанъ-Гусейнъ-оглы, 23-хъ лѣтъ, приговорены судомъ къ смертной казни; но, по конфирмаціи, сосланы въ каторжную работу въ рудникахъ на двадцать лѣтъ.

III. Объ убійствѣ рядоваго Аксенова.

Происшествіе, служащее предметомъ озаглавленнаго дѣла, случилось въ 1862 году, и не смотря на продолжительность производства, виновникъ не открытъ. Сопоставляя обстоятельства этого дѣла съ обстоятельствами двухъ дѣлъ, изложенныхъ выше, и вообще изъ знакомства съ уголовными дѣлами о горцахъ, слѣдуетъ вывести заключеніе, что по тѣмъ преступленіямъ, которыя въ средѣ населенія не встрѣчаютъ сочувствія ни къ преступленію, ни къ виновнику онаго, сами жители выдаютъ обвиняемаго, способствуютъ къ раскрытію подробностей. Съ другой стороны, представляются трудно-преодолимыя препятствія, почти невозможность, открыть виновныхъ, когда поступокъ, въ мнѣніи горцевъ, не считается злодѣяніямъ, не вызываетъ ненависти. Можетъ-ли горецъ считать важнымъ преступленіемъ убійство солдата, чуждаго ему по племени и религіи, солдата, который въ недавнее прошлое штурмовалъ горскіе аулы и хозяйничалъ въ нихъ по праву побѣдителя?

Въ исключительныхъ, кажется, только случаяхъ можно допустить, чтобы виновникъ преступленія не былъ извѣстенъ мѣстному населенію. Всякое происшествіе, обыкновенно, составляетъ предметъ разговора въ окрестныхъ аулахъ, а извѣстно, какъ падки на разговоры, преданные праздности, восточные магоме-

танскіе народы, съ какимъ удовольствіемъ они слушаютъ разсказы о новостяхъ и съ какимъ искусствомъ умѣютъ выѣдать то, что ихъ интересуетъ. Сожалѣніе къ обвиняемому, котораго настигнетъ наказаніе, и боязнь подвергнуться мести самого обвиняемаго, или его родственниковъ, заграждаютъ уста знающему о преступникѣ.

Не даромъ выражаются, что деньги развязываютъ языкъ и руки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгали къ этому всемогущему средству, чтобы, какъ говорится, добыть языка. Къ несчастію рода человѣческаго, рѣдко встрѣчаются личности, въ которыхъ внѣдряется одинъ какой-либо порокъ. Падкая на деньги корыстолюбивая натура горца, вызвавшаяся открыть преступленіе, въ большей части случаевъ обуревается другими пороками. Такая личность не внушаетъ къ себѣ полнаго довѣрія, да и обвиняемый не упуститъ оправдываться, что доказчикъ клевещетъ на него изъ мести, за то, что онъ когда-то обнаружилъ его воровство, что онъ имѣлъ ссору съ нимъ и т. п. Доказчики, разъ объявивши о преступленіи, впослѣдствіи отказывались отъ своего открытія, или выгораживали изъ дѣла тѣхъ, которыхъ имъ не хотѣлось подводить подъ отвѣтственность, или наконецъ обвиняли другихъ, нисколько неповинныхъ въ дѣлѣ, удовлетворяя своему корыстолюбію и другимъ порочнымъ наклонностямъ.

При такомъ положеніи сысканной части между горскимъ населеніемъ, нужно съ полнымъ одобреніемъ отнестись къ установленному издавна (если не ошибаемся, А. П. Ермоловымъ) правилу, что въ тѣхъ случахъ, когда не будетъ открыто виновника преступленія, мѣстные жители должны быть подвергнуты денежной пени*). Такъ поступлено и въ настоящемъ дѣлѣ, къ изложенію котораго переходимъ.

4-го августа 1862 года, въ 3 часа пополудни, рядовой 80-го пѣхотнаго кабардинскаго, генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка, Аксеновъ, отойдя отъ лагеря, расположеннаго при аулѣ Дай, Аргунскаго округа, въ лѣсъ за листьями, для покрыши балагана, былъ раненъ пулею изъ азіатской винтовки и чрезъ нѣсколько минутъ умеръ. Посланная тотчасъ-же команда нижнихъ чиновъ,—въ двухъ верстахъ отъ мѣста, гдѣ былъ

*) Въ древнѣйшемъ законодательствѣ нашемъ, Русской Правдѣ или Правдѣ Ярослава, встрѣчается подобное установленіе. Налагавшаяся, въ случаѣ неоткрытія виновнаго, на цѣлый округъ пеня называлась—дикая вира.

найденъ убитый, встрѣтила 4-хъ чеченцевъ, съ ружьями, и у одного изъ нихъ, Гацы Анхирова, оказалось ружье, незадолго предъ тѣмъ выстрѣленное.

Арестованные чеченцы показали, что они ходили въ лѣсъ на охоту и убили одного кабана. На сдѣланный по звѣрю выстрѣлъ, прибѣжало нѣсколько другихъ чеченцевъ. Оставивъ ихъ возлѣ звѣря, охотники отправились въ лагерь, чтобы тамъ продать добычу, и на дорогѣ были арестованы. У Анхирова ружье дѣйствительно было выстрѣлено и этимъ выстрѣломъ убитъ кабанъ; кто-же убилъ солдата, они не знаютъ.

Начальникъ команды нижнихъ чиновъ объяснилъ, что, продолжая поиски, по арестованіи четырехъ чеченцевъ, онъ замѣтилъ еще нѣсколько чеченцевъ и, подойди къ нимъ, дѣйствительно увидѣлъ убитаго кабана, причемъ чеченцы ему сказали, что охотники ушли въ лагерь, чтобы продать добычу.

Спустя четыре дня послѣ происшествія, старшина аула Дай, Бекбулатовъ, представилъ къ начальству жителя того аула, Даду Исаева, какъ убійцу. Бекбулатовъ объяснилъ при этомъ, что Исаевъ обвиняется въ убійствѣ цѣлымъ ауломъ, потому что онъ въ день убійства караулилъ съ ружьемъ свою кукурузу, близь лагеря, затѣмъ бѣжалъ въ Аксанды и приведенъ оттуда на другой день.

Вслѣдствіе этого четыре чеченца освобождены отъ преслѣдованія, а Дада Исаевъ арестованъ. Исаевъ объяснилъ, что въ день убійства рядоваго Аксенова онъ, дѣйствительно, съ ружьемъ, караулилъ свою кукурузу отъ кабановъ, но изъ ружья не стрѣлялъ и въ такомъ видѣ передалъ его, по возвращеніи въ аулъ, сестрѣ. Потомъ изъ аула ходилъ въ Тавлію за пшеницею, гдѣ и былъ арестованъ посланными старшиною.

Показаніе Исаева подтвердила сестра его.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи, 28 человѣкъ жителей аула Дай и самъ старшина Бекбулатовъ показали, что выдали Исаева за убійцу Аксенова, какъ человѣка одинокаго, безроднаго, съ цѣлію освободить заарестованныхъ чеченцевъ, людей семейныхъ. Дѣйствительно-ли Исаевъ убилъ солдата, они не знаютъ, и ни въ чемъ дурномъ его не замѣтили.

Такимъ образомъ къ обвиненію Исаева въ убійствѣ не открыто доказательствъ; но показаніе его о томъ, что во время происшествія онъ караулилъ съ ружьемъ свою кукурузу, близь которой случилось убійство, и указаніе старшины на Исаева, какъ

на убійцу, наводили на него подозрѣніе. Нельзя не допустить и того, что покойный Аксеновъ, дорогою въ лѣсъ, могъ сорвать нѣсколько кукурузы и поплатился за это жизнью.

Исаевъ, по рѣшенію дѣла, послѣдовавшему въ 1865 году, оставленъ въ подозрѣніи, и за нимъ, равно и за четырьмя чеченцами, на коихъ впервые пало подозрѣніе, учрежденъ надзоръ. Бекбулатовъ-же смѣщенъ съ должности старшины и преданъ военному суду, за несправедливое показаніе и по подозрѣнію въ сокрытіи убійцы.

Въ судѣ оказалось, что Бекбулатовъ основалъ свое объявленіе о виновности Исаева на словахъ родственниковъ арестованныхъ чеченцевъ, а родственники показали, что говорили это съ единственною цѣлью доставить свободу арестованнымъ.

Но такъ какъ Бекбулатовъ утверждалъ, что онъ и самъ былъ убѣжденъ въ виновности Исаева, а отзывъ его о безпомощности Исаева положительно оказался неосновательнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ порядочное хозяйство и сестру на своемъ попеченіи, то дѣйствія въ этомъ дѣлѣ Бекбулатова представлялись явно недобросовѣстными и давали право заключать, что онъ главный виновникъ въ сокрытіи настоящаго виновника убійства.

Дѣло о Бекбулатовѣ кончилось тѣмъ, что онъ отправленъ на житье въ отдаленныя губерніи Россіи на три года, а съ жителей аула Дай велѣно взыскать штрафъ въ 600 рублей.

Окончательное рѣшеніе участи Таза Экмирзаева и двухъ хунзахцевъ служитъ примѣромъ, что и въ томъ случаѣ, когда преступленія горцевъ предавались дѣйствію русскихъ уголовныхъ законовъ, строгость ихъ невполнѣ примѣнялась къ обвиняемымъ. Таза и оба хунзахца, по точной системѣ военно-уголовныхъ законовъ, на основаніи которыхъ они судились, подлежали смертной казни, но она замѣнена наказаніемъ, опредѣляемымъ общими уголовными законами. Приведеніе смертныхъ приговоровъ въ исполненіе обыкновенно имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда въ преступленіи видны были особая жестокость и безнравственность, доходившія до звѣрства, когда въ преступникѣ замѣчалась нераскаянность, когда въ какой-либо мѣстности случаи убійства, разбоевъ и грабежей повторялись часто и представлялось необходимымъ строгостью наказанія воздержать другихъ отъ престу-

пленій,—словомъ, когда въ преступникахъ или преступникѣ замѣчалось, что они не горцы, изъявившіе намъ свою покорность, а прежняго времени горцы, дѣйствіями своими заявившіе, что способны и въ будущемъ на подобныя-же преступленія и что на разбой и убійство русскихъ они смотрятъ глазами и понятіями, какими смотрѣли они сами, или ихъ отцы, въ прошлое время набѣговъ и враждебныхъ къ намъ отношеній.

Слѣдующія два дѣла, по которымъ приведены въ исполненіе смертные приговоры, будутъ подтвержденіемъ сказаннаго выше.

IV. Объ осетинахъ Ардонскаго аула, Джебертѣ Илаевѣ, Бечирѣ Газаевѣ и Джафарѣ Тотіевѣ.

Въ Ардонской станицѣ, Терскаго казачьяго войска, проживалъ маститый семидесятилѣтній старецъ, заштатный священникъ, Максимъ Затворницкій. Жилъ онъ одиноко, въ собственномъ домикѣ, близь станичной церкви.

3-го февраля 1866 года,—въ четвергъ на сырной недѣлѣ,—въ два часа пополудни, Затворницкій разговаривалъ въ церковной оградѣ съ стоявшимъ на часахъ казакомъ; позже его видѣли проходившимъ по улицѣ съ ведромъ по воду. При свѣтѣ восковой свѣчи, онъ совершилъ свой скромный ужинъ, состоявшій изъ сыра, луку и рыбы, и легъ спать, не помышляя, что, вмѣсто ожидаемой имъ спокойной и тихой кончины, ему придется въ ту ночь умереть подъ кинжалами убійцъ.

Не смотря на бѣдную обстановку жизни, нѣкоторые думали, что Затворницкій жилъ такъ отъ скупости, свойственной старымъ людямъ, и подозрѣвали, что у него были деньги. Такъ, вѣроятно, думали и подсудимые, сговорившіеся воспользоваться мнимымъ богатствомъ Затворницкаго и избравшіе для того самое удобное время—ночь на масляной недѣлѣ, когда въ станицѣ большая часть жителей, послѣ широкаго разгула, спала крѣпкимъ сномъ.

Ночью, на 4-е февраля 1866 г., Илаевъ, Газаевъ и Тотіевъ явились къ дому своей жертвы никѣмъ незамѣченными. Газаевъ ногою разбилъ окно, и всѣ трое вошли въ домъ спавшаго Затворницкаго. Преступники имѣли съ собою спички и лучину,

которую и зажгли въ первой комнатѣ. Дверь въ слѣдующую комнату, въ которой спалъ священникъ, была также отбита; шумъ и свѣтъ отъ лучины разбудили его и онъ вскочилъ съ кровати; но, по крику Илаева: „коли его,“ Газаевъ первый ударилъ несчастнаго кинжаломъ въ грудь. Затѣмъ преступники нанесли Затворницкому множество кинжальныхъ ударовъ, которые пробили легкія, сердце и лобную кость. Въ расчетѣ на поживу преступники сильно ошиблись: во всемъ домѣ они нашли только одинъ голландскій червонецъ и 1 руб. 70 коп. мелкими деньгами.

При производствѣ слѣдствія прежде другихъ подсудимыхъ заподозрѣнъ Илаевъ. Уликами служили: кровавыя пятна на платьѣ и окровавленный кинжалъ, конецъ котораго былъ сломанъ и остался въ головѣ убитаго Затворницкаго.

Илаевъ показалъ, что ничего о преступленіи не знаетъ; на другомъ допросѣ Илаевъ объяснилъ, что преступленіе совершили Газаевъ и Тотіевъ; самъ онъ участія не принималъ и узналъ о виновникахъ предъ арестованіемъ его, что и было причиною недонесенія о преступленіи Газаева и Тотіева.

Эти подсудимые при первомъ допросѣ также во всемъ запирались. Вскорѣ, однако, Тотіевъ сознался въ преступленіи, а за нимъ сдѣлалъ сознаніе и Газаевъ.

По показанію Газаева и Тотіева, подговорилъ ихъ на преступленіе Илаевъ, утверждавшій, что у Затворницкаго много денегъ. Они втроемъ наносили удары убитому. Послѣ убійства, Илаевъ взялъ окованную желѣзомъ шкатулку, въ которой, однако, денегъ не оказалось, а были бумаги и ничего почти нестоящія вещи. Илаевъ хотѣлъ поджечь домъ священника, чтобы скрыть слѣды преступленія, отъ чего Газаевъ и Тотіевъ удержали его, и говорилъ, что убійство священника онъ принимаетъ на свою душу,—да и грѣха въ этомъ преступленіи не видѣлъ, потому что русскіе убили родственника Илаева.

Илаевъ, послѣ продолжительнаго запирательства, сдѣлалъ наконецъ сознаніе во всемъ томъ, въ чемъ уличали его товарищи; даже выразился, что Газаевъ и Тотіевъ гибнутъ чрезъ него, такъ какъ онъ научилъ ихъ совершить преступленіе.

Первые слѣды преступленія открыты двумя урядниками, которымъ дано порученіе развѣдывать негласно о преступникахъ; къ раскрытію слѣдовъ содѣйствовалъ начальникъ аула. Илаевъ не зналъ объ этихъ личностяхъ, но ему хотѣлось отмстить открывателямъ, и вотъ онъ началъ впутывать въ дѣло разныхъ лицъ. У

Плаева были два знакомыхъ казака въ стан. Ардонской, которыхъ онъ, вѣроятно, заподозрилъ въ содѣйствіи при розыскахъ; не зная о томъ, что одинъ изъ этихъ казаковъ уже умеръ, Плаевъ оговорилъ ихъ, что будто они подучали его воспользоваться имуществомъ Затворницкаго. Проживавшій съ Плаевымъ въ одномъ аулѣ, изъ осетинъ, прапорщикъ Гойтовъ также былъ заподозрѣнъ Плаевымъ въ предательствѣ—и въ судѣ, производившемся при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи посторонннихъ зрителей, Плаевъ объявилъ, что Гойтовъ по убійству священника принялъ на себя большой грѣхъ, а на требованіе разъяснить эти слова, говоритъ, что произнесъ ихъ съ тѣмъ, чтобы о поступкѣ съ нимъ Гойтова узнали родственники Плаева.

Вообще, при производствѣ дѣла, Тотіевъ, первый сдѣлавшій сознаніе и вовлеченный, какъ можно полагать, въ преступленіе двумя другими преступниками, былъ вѣренъ своему сознанію; Газаевъ въ судѣ отвергалъ многое изъ того, въ чемъ прежде сознавался, что, однако, не измѣняло степени участія его въ преступленіи; Плаевъ-же, отказываясь отъ сознанія, утверждалъ, что въ убійствѣ Затворницкаго не участвовалъ, не входилъ даже въ комнату и ударовъ священнику не наносилъ, а совершили убійство Газаевъ и Тотіевъ, когда Плаевъ стоялъ на дворѣ; шкатулки не бралъ, домъ поджечь не собирался и, отправляясь съ цѣлью только обворовать Затворницкаго, когда узналъ, что товарищи убили его,—объявилъ имъ, что это преступленіе они должны принять на себя и что послѣ убійства онъ не хочетъ брать ничего, принадлежащаго Затворницкому, хотя-бы у него нашлись и милліоны.

Лживость такого показанія была очевидна для суда, какъ вслѣдствіе того, что Газаевъ и Тотіевъ утверждали противное, такъ и по оригинальности способа опроверженія уликъ. Находясь подъ тяжестью ихъ, Плаевъ долженъ былъ отказываться отъ того, что сейчасъ утверждалъ. Такъ, сказавъ, что вовсе не входилъ въ комнаты дома Затворницкаго и не бралъ шкатулки, Плаевъ въ усердіи доказать свое безкорыстіе зашелъ слишкомъ далеко: онъ даже заставилъ, будто-бы, Газаева отказаться отъ намѣренія взять серебряный крестъ, найденный въ одной изъ комнатъ. Этимъ онъ опровергалъ самого себя, такъ какъ прежде утверждалъ, что въ комнату вовсе не входилъ. Когда-же спросили его, зачѣмъ онъ входилъ въ комнату, когда не хотѣлъ воспользоваться имуществомъ убитаго, Плаевъ отвѣчалъ двояко: входилъ потому, что его позвали,—входилъ потому, что такъ велѣлъ

ему Богъ, и наконецъ выразился, что въ томъ-то и несчастіе его, что онъ взялъ шкатулку убитаго и хотѣлъ воспользоваться его имуществомъ. Разумѣется, такими и подобными изворотами Плаевъ не могъ ни въ комъ поколебать убѣжденія въ виновности его.

Всѣ трое подсудимыхъ приговорены судомъ къ смертной казни; но казнены были, въ гор. Владикавказѣ, 19-го сентября 1866 года, чрезъ повѣшеніе, только Плаевъ и Газаевъ; Тотіевуже, во вниманіе къ сознанію его и молодости лѣтъ, смертная казнь замѣнена ссылкою въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.

Плаевъ, Газаевъ и Тотіевъ были христіане. Жители одного съ ними аула о поведеніи ихъ дали самыя неблагопріятные отзывы, въ особенности объ Плаевѣ, который въ мнѣніи народа считался первымъ воромъ и для котораго не было ничего святаго *).

V. О жителяхъ Кабардинскаго округа, Исхакѣ Гукежевѣ, братьяхъ Шумаха и Маша Медаліевыхъ и Харисѣ Хажиретловѣ.

Въ восьми верстахъ отъ стан. Зольской, Терскаго казачьяго войска, на лѣвомъ берегу р. Малки, проживалъ отставной титулярный совѣтникъ Трипольскій, 70-ти-лѣтній старикъ.— Мѣстность, гдѣ стоялъ домъ, пріобрѣтенный Трипольскимъ по упраздненіи карантинно-таможенной линіи, называлась „Извѣстный Бродъ,“ была проѣзжая и Трипольскій, какъ видно, занимался тайною продажею водки.

8-го января 1869 года, въ двѣнадцатомъ часу ночи, призваннымъ въ домъ Трипольскаго казакамъ стан. Зольской, представилось ужасное зрѣлище: въ домѣ лежали четыре израненные трупа—

*) Почти за годъ до убійства Затворницкаго, въ г. Владикавказѣ былъ убитъ въ своей квартирѣ казначей Управленія Начальника Терской области, коллежскій ассесоръ Пашутинъ, а во время производства дѣла объ убійствѣ Затворницкаго лишенъ жизни, близъ ст. Магометъ-Юртовской, членъ войсковаго правленія Терскаго казачьяго войска, полковникъ Булгаринъ; въ обоихъ убійствахъ обвинялись горцы Назрановскаго участка. Это обстоятельство могло служить причиною приведенія въ исполненіе надъ Плаевымъ и Газаевымъ смертнаго приговора.

самого Трипольскаго; работника его, крестьянина Зябкина, 60-ти лѣтъ; вдовы, солдатки Макѣевой, 60-ти лѣтъ, и мальчика Павла Павлова, 4-хъ лѣтъ; имѣвшій ночлегъ въ домѣ Трипольскаго, рядовой Спиявинъ, 35-ти лѣтъ, и дѣвица Марья Павлова, 16-ти лѣтъ, были еще живы, но находились въ предсмертныхъ мученіяхъ. Ранена неопасно дѣвочка Авдотья Воробьева, 5-ти лѣтъ. Изъ бывшихъ въ домѣ остались нетронутыми 8-ми мѣсячный ребенокъ спавшій въ люлькѣ, и братъ Марьи Павловой, Иванъ, 12-ти лѣтъ, который и извѣстилъ казаковъ о происшествіи.

Сундуки были разбиты и изъ нихъ взяты разныя вещи и деньги, хранившіяся въ шкатулкѣ, найденной невдалекѣ отъ дома Трипольскаго.

Вотъ, что разсказалъ мальчикъ Павловъ, какъ казакамъ, такъ и на допросѣ, до обнаруженія еще преступниковъ. Предъ сумерками пріѣхали верхомъ четыре кабардинца; трое имѣли кинжалы, а четвертый—кинжалъ, пистолетъ и шашку. Описывая подробно примѣты трехъ и говоря, что четвертаго не замѣтилъ, Павловъ объяснилъ далѣе, что пріѣхавшіе потребовали водки, на 30 к., а потомъ еще на 15 к. Водку кабардинцы пили въ комнатѣ, въ которой находились всѣ убитые и гдѣ Павловъ лежалъ на печи. Трипольскій вышелъ въ другую комнату. Они приглашали всѣхъ пить, но принялъ предложеніе только Спиявинъ. Сидя за столомъ, кабардинцы разговаривали по-русски и на туземномъ языкѣ и распрашивали, много-ли людей живетъ въ домѣ, далеко-ли отъ дома мельница, а когда окончили пить, одинъ изъ нихъ сказалъ: „ну, теперь пора расплатиться съ хозяиномъ“— и вышелъ въ другую комнату. Раздался крикъ Трипольскаго, а находившіеся въ той комнатѣ, гдѣ былъ Павловъ, начали рубить кинжалами всѣхъ, кромѣ его, Павлова, потому что его не замѣтили или забыли о немъ. Совершивъ убійства, кабардинцы занялись грабежомъ; забрали изъ разбитыхъ сундуковъ вещи и уѣхали. Тогда Павловъ, по совѣту умиравшей сестры своей, Марьи, побѣжалъ на находившуюся вблизи мельницу казака, который позвалъ другихъ казаковъ изъ станицы и всѣ они прибыли въ домъ Трипольскаго.

Кромѣ Павлова, сестра его Марья и рядовой Спиявинъ предъ смертью разсказали казакамъ тоже самое о происшествіи. Казаки бросились преслѣдовать преступниковъ по слѣдамъ, видѣли постоянно слѣды по всей дорогѣ отъ дома Трипольскаго до аула Клишіева (Атажукинъ-тожъ), Черекскаго участка, Кабардинскаго

округа, но въ аулѣ слѣды были затерты скотомъ, который выгонялся на водопой къ р. Малкѣ.

Всѣ розыски слѣдственной комиссіи не имѣли успѣха втеченіи почти трехъ недѣль. Къ чести жителей Кабарды, преступники не нашли сочувствія къ себѣ въ своей средѣ. Составленъ былъ адресъ, представленный начальству, за подписью болѣе 100 лицъ, изъ почетныхъ жителей, съ просьбою о примѣрной казни виновниковъ; явились доказчики, имѣвшіе возможность представить улики и поличное. Замѣчателенъ своею оригинальностью укоръ, которымъ стыдилъ убійцъ изобличитель: „зачѣмъ, вы,—говорилъ онъ имъ—убили столько людей: на зиму столько и барановъ не бьютъ,—убили даже женщинъ!“

Положительно изобличенными убійцами оказались подсудимые, жители упомянутаго аула, Гукежевъ, Шумаха и Маша Медаліевы и подозрѣвался въ участіи съ ними Хажиретловъ.

Вѣроятно, изъ опасенія не управиться вчетверомъ, Гукежевъ подговаривалъ на участіе доказчика, который отказался, и когда разнесся слухъ объ убійствѣ, укорялъ Гукежева и Медаліевыхъ вышеприведенными словами, требовалъ, чтобы они подѣлились съ нимъ добычею, получилъ отъ нихъ золотой перстень Трипольскаго, который нарочно заложилъ подъ росписку, узналъ, гдѣ были спрятаны ограбленныя вещи, и когда добылъ такія улики, объявилъ начальству. Разсказъ его со словъ преступниковъ о происшествіи почти тождественъ до мельчайшихъ подробностей съ разсказомъ мальчика Павлова.

Обвиняемые отъ начала до конца производства слѣдствія не сдѣлали сознанія.

Мальчикъ Павловъ трехъ изъ нихъ призналъ виновниками, объясняя дѣйствія ихъ при совершеніи преступленія и тѣ примѣты, которыя онъ указалъ еще до начала слѣдствія.

Въ копнѣ сѣна, принадлежавшаго Исхаку Гукежеву, найдено много изъ ограбленныхъ вещей; въ домѣ его оказались также ограбленныя вещи, да и арестованъ Гукежевъ въ чулкахъ убитой Марьи Павловой. У Медаліевыхъ въ домѣ также найдено поличное; кромѣ того они успѣли уже продать серебряныя ложки, съ вензелемъ Трипольскаго.

Хариса Хажиретлова мальчикъ Павловъ назвалъ только похожимъ на одного изъ грабителей; въ домѣ у него поличнаго не найдено, но Павловъ показалъ, что убійцы, говоря по-кабардински, называли одного именемъ Харисъ.

Было употреблено еще одно средство къ повѣркѣ уликъ и доказательствъ, открытыхъ по дѣлу. Во время слѣдствія и суда, обвиняемые содержались отдѣльно, но когда судъ постановилъ приговоръ, они заключены въ одну камеру. На часы ко входу былъ поставленъ кабардинецъ, одѣтый въ солдатское платье. Долго преступники молчали, но наконецъ стали вести разговоръ о преступленіи; разговоръ этотъ, какъ передавалъ часовой кабардинецъ, ясно свидѣтельствуетъ о солидарности всѣхъ четырехъ обвиненныхъ.

Недостатокъ совершенныхъ доказательствъ лишилъ возможности обвинить Хажиретлова въ преступленіи: онъ оставленъ въ сильномъ подозрѣніи и сосланъ въ Сибирь на водвореніе. Относительно-же Исхака Гукежева, Шумаха и Маша Медаліевыхъ утвержденъ приговоръ суда—казнить ихъ смертію чрезъ повѣшеніе.

О казни, совершенной надъ Илаевымъ и Газаловымъ, мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній; о казни-же надъ убійцами Трипольскаго и пяти другихъ беззащитныхъ жертвъ, заимствуемъ разсказъ корреспондента газеты «Кавказъ» (№ 94,—1869 года).

«Съ 4-хъ часовъ утра, 25-го іюля (1869 г.), въ г. Нальчикѣ началось движеніе; въ пять часовъ вышли войска на мѣсто, назначенное для казни, гдѣ были приготовлены три висѣлицы. Желая прослѣдить, какое дѣйствіе произведетъ роковая вѣсть о смерти, я пошелъ на гауптвахту, гдѣ преступники содержались. Преступники спали, вѣроятно, очень хорошо и еще ничего не знали, что можно было замѣтить по ихъ заспаннымъ глазамъ и улыбающимся лицамъ, совершенно спокойнымъ; только на лицѣ Шумаха Медаліева разливалась сосредоточенная грусть. Въ особенности Гукежевъ казался въ хорошемъ расположеніи духа. Когда вывели преступниковъ изъ камеры, я спросилъ Гукежева, что онъ видѣлъ во снѣ, и получилъ въ отвѣтъ: «ничего особеннаго, а что?» Но мой вопросъ заставилъ обратить вниманіе на окружающій конвой и онъ угадалъ, что происходитъ. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «я этого давно ожидалъ; что-же дѣлать, когда-нибудь надо умереть; не начать-же жаловаться и тужить—все равно—не простятъ; плакать не будемъ—не бабы, а Богъ видитъ

все.» При этомъ никакой перемѣны я не замѣтилъ у него на лицѣ; оно оставалось по прежнему веселымъ. Когда-же съ него сбили кандалы и онъ, съ завязанными назадъ веревкой руками, оперся на перила плацъ-формы, я замѣтилъ у него нѣкоторое волненіе, выразившееся въ учащенномъ постукиваніи ногою о полъ и треніи за спиною рукъ. Медаліевы-же, вѣроятно, не догадывались, въ чемъ дѣло, потому что Маша прехладнокровно слѣдилъ за разбивкой у него кандаловъ, а Шумаха спросилъ у Гукежева, что́ все это значитъ, и получилъ лаконическій отвѣтъ: «послѣ узнаемъ». По снятіи кандаловъ, двинулась печальная процессія; преступники шли бодро, разговаривая между собою, дотѣхъ-поръ, пока не увидѣли висѣлицы; тогда они переглянулись другъ съ другомъ и поблѣднѣли. Я ожидалъ, что они лишатся присутствія духа, но это было съ ними лишь только на одно мгновеніе; затѣмъ лица приняли полное безстрастное выраженіе, не оставлявшее ихъ до послѣднихъ минутъ. Замѣчательно, что въ числѣ зрителей никого не было изъ кабардинцевъ».

II *).

7-го января 1870 г., житель сел. Кули, Казикумухскаго округа, Курбанъ Магомедъ-Шамхалъ-оглы, за то, что отецъ его не согласился оставить ему бутылку, которая, въ числѣ прочихъ вещей, была назначена въ приданое за сестрою Курбана, при выдачѣ ея въ замужство,—ранилъ себя кинжаломъ.

6-го января, жителька сел. Лабко-Махи, Даргинскаго округа, дѣвушка 16-ти лѣтъ, Гурджинатъ Омаръ-кизы, повѣсилась въ домѣ своей матери.

По произведенному дознанію, оказалось, что старшая сестра заставляла ее приготовлять ужинъ, но Гурджинатъ не послушалась, за что сестра ударила ее; Гурджинатъ, разсердившись, ушла въ другую комнату, гдѣ черезъ нѣсколько часовъ найдена была повѣсившеюся.

*) Помѣщаемые ниже криминальные случаи взяты изъ доставляемыхъ въ Кавказское Горское Управленіе вѣдомостей о происшествіяхъ по областямъ и округамъ съ горскимъ населеніемъ, и служатъ дополненіемъ къ ряду таковыхъ случаевъ, помѣщенному въ 3 выпускѣ „Сборника“

23-го января, житель сел. Каразанъ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Магомадъ Османъ-оглы, ночью, въ постелѣ, выстрѣломъ изъ пистолета получилъ смертельную рану, а жена его, Зарабъ-бике, спавшая съ нимъ, получила 10-ть кинжальныхъ ранъ. Магомадъ, передъ смертью, послѣдовавшею чрезъ нѣсколько часовъ послѣ пораненія, показалъ, что въ него выстрѣлила жена его и за это онъ также поранилъ ее. Она, однако, въ пораненіи мужа не созналась. Изъ разспросовъ односельцевъ и жены Магомада оказалось, что онъ страдалъ припадками умопомѣшательства и ревновалъ жену къ другимъ.

5-го февраля, жителька сел. Усиши, Даргинскаго округа, Сузумъ Магомадъ-кизы, сынъ ея Молла Чаху-оглы и дочь Патиматъ схватили, проходившую мимо ихъ дома, жену брата Сузумъ, Багомая, Патиматъ Хаджи-кизы, затащили въ конюшню и, связавъ ее, сильно пожгли раскаленнымъ желѣзомъ заднюю и дѣторолныя части тѣла. Сузумъ застала предъ тѣмъ Патиматъ въ прелюбодѣяніи съ постороннимъ лицомъ, затаила злобу къ ней и спустя нѣсколько дней сдѣлала такую расправу.

Житель Кайтаго-Табасаранскаго округа, сел. Уркарахъ, Муртузали Казали-Шихъ-оглы, 1-го февраля убилъ односельца своего, Устаръ-Хана Ампръ-оглы.

При разслѣдованіи этого дѣла въ окружномъ судѣ, Муртузали, сознавшись въ этомъ убійствѣ, показалъ, что однажды, въ прошломъ году, онъ схватилъ односелку свою, дѣвушку Батту, съ намѣреніемъ увезти ее, но она оказала сопротивленіе и подняла крикъ, почему онъ принужденъ былъ бросить ее. Затѣмъ онъ предложилъ родственникамъ названной дѣвушки выдать ее за него замужъ, и хотя родственники согласились на это предложеніе, но она сама не согласилась. Тогда Муртузали, видя, что его желаніе не осуществилось,—черезъ нѣкоторое время подкараулилъ Батту; когда она прогоняла скотъ на водопой, онъ, съ двумя родственниками своими, схватилъ ее и изнасиловалъ. Не смотря и на это безчестіе, она все-таки не согласилась выйти за него замужъ. Затѣмъ, поступокъ Муртузали былъ подвергнутъ наказанію по адату. Послѣ этого Батту вышла замужъ за Устаръ-Ха-

на, что и возбудило еще большую злость въ Муртузали, и онъ съ-тѣхъ-поръ искалъ случая отмстить Устаръ-Хану, котораго, какъ отзывается самъ убійца, предупреждалъ не жениться на Батту.

Убійство это совершено, какъ оказалось по разслѣдованіи, слѣдующимъ образомъ: въ день убійства, Муртузали, узнавъ, что Устаръ-Ханъ въ этотъ день будетъ возвращаться изъ сел. Кубачи, гдѣ онъ былъ пастухомъ, засѣлъ на дорогѣ, и когда Устаръ-Ханъ проходилъ мимо него,—онъ сперва выстрѣлилъ въ него изъ ружья, а потомъ бросился на него съ обнаженнымъ кинжаломъ и нанесъ ему еще четыре раны. Устаръ-Ханъ умеръ на мѣстѣ-же.

10-го февраля, житель Кайтаго-Табасаранскаго округа, сел. Падаръ, Кули Молла-оглы, выстрѣломъ изъ ружья, заряженнаго тремя пулями, убилъ, по кровомщенію, односельца своего Курбана Махмудъ-оглы, въ чемъ Кули при допросѣ и сознался.

По разслѣдованіи этого дѣла въ окружномъ судѣ, оказалось, что лѣтъ 15 тому назадъ, отецъ нынѣ убитаго Курбана, Махмудъ, убилъ отца Кули, Моллу. Во время управленія Кайтагомъ гвардіи полковника Ахмедъ-Ханъ-бека, убійца Махмудъ былъ примиренъ съ родственниками убитаго имъ Моллы, съ уплатою имъ за кровь по адату положеннаго діата; но Кули Молла-оглы, не признавая этого примиренія, на томъ основаніи, что въ то время онъ былъ малолѣтнимъ, — въ отмщеніе за смерть отца, убилъ Курбана. Убійство это совершено изъ-за плетня, въ такое время, когда убитый проходилъ по улицѣ.

Марта 9-го, житель Кантышева аула, Ингушевскаго округа, Муса Абіевъ, взявъ сыновей своихъ, Мустафу и Адиль-Гирея-Эсанія, и мать ихъ, Бокиръ, отправился въ аулъ Долакова, къ брату этой послѣдней, Эльжаруко Актоліеву, съ предложеніемъ взять обратно сестру и заплатить за это, по обычаю, отказную корову. Когда на предложеніе Абіева Актоліевъ отвѣчалъ отказомъ, то Муса и сыновья его вывели Бокиръ за аулъ и, сорвавъ съ нея всю одежду, пустили нагую, а сами вновь явились къ Актоліеву

и завели ссору, а затѣмъ драку, причемъ Абіевы смертельно ранили кинжаломъ Казбека Амхедова—родственника Актоліева, а этому послѣднему нанесли нѣсколько тяжелыхъ ранъ, кинжаломъ-же, въ голову, лѣвую лопатку и лѣвую руку.

23-го мая, абазинецъ аула Бибердова, Гагій Кемкятль (27-и лѣтъ), вслѣдствіе семейнаго раздора, въ запальчивости нанеся кинжаломъ три раны (оказавшіяся неопасными) своей женѣ, Кябаханъ (20-ти лѣтъ отъ роду), поразилъ потомъ себя однимъ ударомъ въ животъ и вскорѣ умеръ.

3-го мая, житель сел. Худыхъ, Кюринскаго округа, Рамазанъ Магомедъ-оглы, убилъ жену односельца своего, Курбана Реджебъ-оглы, Бицы-Фатьму Ягья-кизы, которая, по показанію убійцы, обманомъ взяла у него 150 руб., обѣщаясь развестись съ мужемъ, а потомъ выйти за него, Рамазана, но не только не выполнила обѣщанія своего, а еще постоянно оскорбляла его при встрѣчахъ словами и бросала въ него камнями.

9-го мая, житель селенія Акуша, Даргинскаго округа, пастухъ Дурухъ-Юнусъ-оглы загналъ стадо барановъ на ротное покосное мѣсто 83-го пѣхотнаго самурскаго полка, на урочищѣ Урусъ-Буланъ. Присматривавшій за покосными мѣстами рядовой того полка, Егоръ Ильинъ, сгоняя баранту, вступилъ съ пастухомъ въ драку, въ которой Дурухъ нечаянно ранилъ Ильина высунувшимся изъ сломанныхъ поженъ концемъ кинжала, отъ чего раненный умеръ на мѣстѣ. Арестованный Дурухъ, узнавъ, что Ильинъ умеръ отъ раны,—разрѣзалъ себѣ животъ ножомъ и, чтобы навѣрно не остаться живымъ, мгновенно вытащилъ кишки, перерѣзалъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и—вскорѣ умеръ.

6-го мая, жителька сел. Уллуая, Даргинскаго округа, Маримa Ибрагимъ-кизы, во время попойки, бывшей въ домѣ мужа ея, завела съ пасынкомъ своимъ, Багандъ-Али Ибрагимъ-оглы, ссору, въ которой принялъ сторону Маримы родственникъ ея,

Али Али-оглы, и въ происшедшей затѣмъ дракѣ между Багандъ-Али и Али Али-оглы, они нанесли другъ другу кинжалами по нѣсколько ранъ, и оба умерли намѣстѣ.

28-го мая, житель сел. Неци, того-же округа, 13-ти лѣтъ, мальчикъ Ника-Ахма Курбанъ-оглы, заставъ мать свою въ полѣ, въ прелюбодѣяніи съ односельцемъ своимъ, Сулейманомъ Магомедъ-оглы, нанесъ ему кинжаломъ рану, отъ которой онъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

10-го мая, жители сел. Ходжалъ-Махи, того-же округа, двоюродные братья, Ника Каштыли-оглы и Аду Ника-Магомадъ-оглы, были въ гостяхъ у проживающаго въ томъ селеніи Магомеда Муртузали-оглы. Въ разговорѣ, Аду, въ видѣ насмѣшки, напомнилъ Ника, что невѣста его вышла замужъ за другаго. Въ завязавшейся по этому поводу ссорѣ, они оба, обнаживъ кинжалы, нанесли другъ другу раны, отъ чего Ника на другой день умеръ. Во время драки раненъ также бывшій съ ними Али Магомадъ-оглы, старавшійся рознять ихъ.

Марта 4-го, жители Урусъ-Мартанскаго аула, Чеченскаго округа, Ахты Бехоевъ и Эди Исламовъ, проѣзжая по своимъ дѣламъ въ аулъ Старый-Юртъ, встрѣтили на дорогѣ пѣшаго односельца своего, Гончагу Гонкіева, старика 60-ти лѣтъ. По просивъ у него табаку и огня и получивъ отказъ, они избили его плетьми и нанесли ему нѣсколько легкихъ кинжальныхъ ранъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, Бехоевъ замѣтилъ своему товарищу, что они напрасно обидѣли старика. Въ отвѣтъ на это, Исламовъ выхватилъ кинжалъ и нанесъ Бехоеву легкую рану по лѣвому плечу, но въ свою очередь получилъ отъ товарища тяжелую кинжальную рану въ животъ.

Мая 26-го, нѣсколько нагайцевъ, работая въ полѣ, близъ аула Караузень, Кумыкскаго округа, часовъ въ 5 вечера сѣли отдохнуть на мѣстѣ-же работы. Въ это время къ нимъ подошелъ неизвѣстный вооруженный горецъ и, посидѣвъ съ ними нѣсколько времени, вдругъ вскочилъ на ноги и сдѣлалъ выстрѣлъ изъ ружья въ сидѣвшаго противъ него нагайца Таймасхана Елокаева,

который въ ту-же минуту умеръ; потомъ онъ бросился бѣжать, заряжая вновь ружье. Братъ убитаго Таймасхана, Теленчи Елокаевъ, догнавъ убійцу и выстрѣливъ по немъ изъ ружья, нанесъ ему еще кинжаломъ нѣсколько смертельныхъ ранъ. Предъ смертію, убійца Таймасхана успѣлъ, однако-же, разсказать, что онъ—житель Казьма-аула, Темусъ Батырхановъ, и въ день происшествія вышелъ изъ дому, съ цѣлію отыскать нагайца Таймасхана Елокаева, который, въ бытность свою абрекомъ, убилъ его старшаго брата. Случай помогъ ему: не зная Таймасхана лично, Батырхановъ услышалъ въ кружкѣ сидѣвшихъ нагайцевъ его имя и фамилію и, узнавъ затѣмъ, кто именно такъ называется,—убилъ своего кровника.

Мая 30-го, житель аула Сурхохи, Ингушевскаго округа, Іота Хамерзіевъ, на свадьбѣ у односельца своего, пилъ изъ глиняной чашки брагу. Въ это время танцовавшій въ числѣ прочихъ, ингушъ-же, Бече Мусіевъ, ударивъ ногой въ чашку, ушибъ ею Хамерзіева и облилъ его брагой. Это послужило поводомъ къ дракѣ, которая вскорѣ прекратилась, но когда гости начали расходиться по домамъ, то родственники Хамерзіева и Мусіева снова завязали между собою драку. Въ этой дракѣ были ранены: Іота Хамерзіевъ шашкой въ обѣ руки и въ спину; Дударко Дзоріевъ пулей въ голову; Амиръ Дакіевъ пулей въ ногу и въ животъ навылетъ; Тотиръ Торіевъ получилъ огнестрѣльную-же рану въ лѣвый бокъ навылетъ, а Цунто Торіевъ раненъ въ лѣвую ногу выше колѣна.

Іюня 17-го, житель аула Верхняго Ачалука, того-же округа, Маалъ Батіевъ, подозрѣвая односельца своего, Темурко Тебоева, въ воровствѣ у него, назадъ тому 9 лѣтъ, лемеша,—постоянно требовалъ отъ него очистительной присяги въ своей правотѣ, и на этотъ разъ, встрѣтивъ Темурко на улицѣ, дерзко повторилъ требуемое. Когда Тебоевъ, по-прежнему, не обратилъ вниманія на требованіе Батіева, этотъ послѣдній выстрѣломъ изъ пистолета разбилъ Тебоеву кисть правой руки, а вслѣдъ затѣмъ нанесъ ему кинжаломъ тяжелую рану въ голову. Между тѣмъ сынъ раненаго, Салимъ, мальчикъ 15-ти лѣтъ, узнавъ въ чемъ дѣло и видя, что Маала повели арестованнымъ къ начальнику участка,

верхомъ бросился вслѣдъ за Батіевымъ и конвоировавшимъ его, съ цѣлію отмстить за отца; но онъ былъ остановленъ помощникомъ аульнаго старшины, Тотрачомъ Готіевымъ. Мальчикъ просилъ пустить его, угрожая въ противномъ случаѣ смертью, и когда на угрозы его Готіевъ не обратилъ вниманія, Салимъ выстрѣломъ изъ пистолета раздробилъ Тотрачу правую руку выше локтя.

Іюня 12-го, житель аула Махулъ, Галгаевскаго общества, Цоми Албаковъ, возвращаясь изъ лѣса домой, съ двумя навьюченными хворостомъ ослами, былъ встрѣченъ, около аула Аченты, жителями этого селенія, Хампи Долокаевымъ и сыномъ его, Чаба, которые, избивъ Цоми Албакова, за то, что онъ, будто-бы, не имѣлъ права рубить въ лѣсу ихъ аула хворостъ, отняли у него притомъ и вьюки. Албаковъ, придя въ свой аулъ, заявилъ о случившемся съ нимъ своему односельцу, Бурсуку Баашкову, который, съ племянниками своими, Дуда Бургуловымъ, Эса Аспіевымъ, Ича Актемировымъ и съ самимъ Албаковымъ, тотчасъ же отправился въ аулъ Ачепты и требовалъ возвращенія хвороста. Получивъ отказъ, махулинцы затѣяли ссору съ Долокаевыми, а затѣмъ и драку, имѣвшую послѣдствіемъ поранепіе четырехъ человѣкъ. Когда-же ачентинцы отдали вьюки Албакову и драка прекратилась,—одинъ изъ нихъ, по имени Эдыкъ Аліевъ, прибѣжавъ въ близь-лежащій аулъ Цоми и, разсказавъ тамъ, что махулинцы, будто-бы, порубили его односельцевъ, уговаривалъ идти скорѣй на помощь. Толпа, повѣривъ этому слуху, бросилась въ аулъ Махулъ и тутъ снова завязалась драка, въ которой съ обѣихъ сторонъ были ранены, хотя большею частію легко, семнадцать человѣкъ. Прибывшіе вскорѣ старшины Верхне-Галгалаевскаго общества съ трудомъ могли остановить эту драку.

Житель Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, сел. Чонтъ-аулъ, Кильисъ-Ханъ Кади-Хаджи-оглы, утромъ 11-го августа 1869 года, встрѣтивъ у водопоя жену свою, Аджау, бросился на нее съ обнаженнымъ кинжаломъ и убилъ ее, нанеся ей нѣсколько тяжелыхъ ранъ.

По разслѣдованіи этого дѣла въ дагестанскомъ народномъ судѣ, оказалось слѣдующее:

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Кильясъ-ханъ, уѣзжая изъ своего селенія, оставилъ дома жену свою, Аджау, и сына, Керимъ-хана. Ночью, 4-го числа того-же мѣсяца, Аджау легла спать, а сынъ ея Керимъ-ханъ остался во дворѣ караулить скотъ; вполночь Аджау вышла изъ комнаты и пошла въ конюшню, въ которой находился скотъ; заподозривъ ее въ чемъ-то недобромъ, Керимъ-ханъ пошелъ вслѣдъ за нею, и когда подошелъ къ конюшнѣ, услышалъ внутри голоса своей матери и еще чей-то. Керимъ-ханъ, обнаживъ кинжалъ, зашелъ въ конюшню, гдѣ засталъ вмѣстѣ лежащими свою мать и односельца своего, Мусу Бійкиши-оглы; увидавъ ихъ въ такомъ положеніи, онъ ударилъ Мусу ногою и, когда послѣдній вскочилъ, нанесъ ему въ голову ударъ кинжаломъ; послѣ этого Муса выбѣжалъ изъ конюшни, но Керимъ-ханъ догналъ его на улицѣ и нанесъ ему нѣсколько ранъ, впрочемъ, не опасныхъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ этого, Кильясъ-ханъ вернулся домой и, узнавъ отъ сына о случившемся, заявилъ жалобу мѣстному начальству и, впредь до окончанія этого дѣла, Аджау была выведена изъ дома мужа.

Между тѣмъ Кильясъ-ханъ, утромъ 11-го августа, прогоняя скотъ на пасьбу, встрѣтилъ у водопоя свою жену и, бросившись на нее съ обнаженнымъ кинжаломъ, убилъ ее на мѣстѣ.

2-го іюня, жителька селенія Мекеге, Даргинскаго округа, Залма Шехша-кизы, дѣвица 50-ти лѣтъ, бросилась въ глубокую кручу и убилась на смерть. Поводомъ къ этому, какъ оказалось по дознанію, было неудовольствіе Залмы на младшаго брата своего, женившагося противъ ея воли на дѣвушкѣ, выборъ которой она не одобряла.

5-го іюня, жителька селенія Куппа, того-же округа, вдова Рукіатъ Али-кизы, повѣсилась въ домѣ своей матери, у которой она проживала съ двумя малолѣтними сыновьями. Причиною самоубійства, какъ показываютъ родственники Рукіатъ, была беременность ея отъ незаконной связи.

8-го іюня, житель селенія Цизгари, того-же округа, Магомадъ Магомадъ-оглы, сгоняя съ своего поля быковъ, принадлежавшихъ

односельцу его, Али Алхиловъ-оглы, ранилъ одного быка. Передъ вечеромъ, когда Али сталъ выговаривать Магомаду, зачѣмъ онъ ранилъ быка, между ними завязалась ссора, въ которой Магомадъ Магомадъ-оглы и два зятя его, Иби и Гасанъ, сдѣлали въ Али три выстрѣла и убили его на мѣстѣ.

23-го іюня, житель селенія Мулебки, того-же округа, Курбанъ Магома-оглы, проходя мимо очара (мѣсто сельской сходки), замѣтилъ сидѣвшаго тамъ въ числѣ прочихъ односельца своего, Ника-Рабадана Юсуфъ-оглы; къ послѣднему онъ питалъ вражду за то, что года два тому назадъ, Ника, въ ссорѣ, ранилъ сына его. Подошедъ сзади и обнаживъ кинжалъ, Курбанъ бросился на него, съ намѣреніемъ нанести ему смертельный ударъ, но успѣлъ только слегка ранить его. Тогда Ника, вскочивъ съ своего мѣста, выстрѣломъ изъ пистолета убилъ Курбана на мѣстѣ. Затѣмъ сынъ Курбана, Гусейнъ, узнавъ объ этомъ, вбѣжалъ въ домъ Ника и, заставъ тамъ лежавшую въ постели больную сестру его, Ашуру,—выстрѣломъ изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями, нанесъ ей глубокую рану.

16-го іюля, житель Балкарскаго общества, Кабардинскаго округа, Карабашъ Османовъ, услышавъ отъ жены своей, что, будто-бы, отецъ его, Баучу, больно прибилъ внука (сына Карабаша), бросился на Баучу и нанесъ ему кинжаломъ тяжелыя раны въ голову и правое плечо, порѣзавъ при этомъ во многихъ мѣстахъ руки.

Іюля 30-го, жители аула Саясанъ, Нагорнаго округа, Сай и Сетій Тембіевы, разрубивъ пойманный на рѣкѣ Аксаѣ односельцемъ ихъ Эльдарханомъ Иналовымъ липовый брусъ, перевезли его въ свой дворъ. Узнавъ объ этомъ, Эльдарханъ Иналовъ и братъ его Хамидъ, пришедши къ Тембіевымъ, замѣтили имъ, что они не имѣли права брать чужое, вслѣдствіе чего произошла между ними ссора, въ которую вмѣшался сынъ Сетія, Висерикъ, и, въ за-

пальчивости, выстрѣломъ изъ пистолета ранилъ Хамида Иналова въ грудь навылетъ, за что и самъ получилъ двѣ раны шашкою отъ брата Хамида, Эльдархана. На крикъ и шумъ дравшихся сбѣжались родственники Иналовыхъ и Тембіевыхъ, и въ общей дракѣ между ними были ранены: Готора Бугуевъ—кинжаломъ въ животъ, Годома Хасауовъ—ружейнымъ выстрѣломъ въ бокъ навылетъ и чеченка Геди Бошіева—ружейнымъ-же выстрѣломъ въ бокъ навылетъ. Висерикъ Сетіевъ и женщина Геди вскорѣ отъ нанесенныхъ имъ ранъ умерли.

Августа 15-го, сынъ жителя Нижне-Наурскаго аула, Чеченскаго округа, мальчикъ 16-ти лѣтъ, Такаръ, поздно вечеромъ встрѣтивъ въ аулѣ своего отца, Джантемира Бексултанова, возвращавшагося на повозкѣ съ поля,—выстрѣломъ изъ пистолета нанесъ ему рану въ лѣвый бокъ навылетъ. Джантемиръ на другого-же день умеръ; отцеубійца-же, хотя и скрылся тотчасъ послѣ преступленія, но потомъ пойманъ и арестованъ. При первоначальномъ допросѣ о причинѣ, побудившей его на преступленіе, Такаръ объявилъ, что отецъ грозилъ убить его, и онъ, боясь, что угрозу эту отецъ приведетъ въ исполненіе, предупредилъ его.

Августа 15-го, житель Куларскаго аула, того-же округа, Оздемиръ Урусбіевъ, войдя въ домъ односельца своего, Давлетмирзы Давлетгиреева, намѣревался изнасиловать жену его, но, замѣтивъ приближеніе къ дому самого Давлетмирзы, успѣлъ бѣжать въ домъ аульнаго старшины, гдѣ и былъ арестованъ. Родственникъ-же оскорбленной женщины, Теки Давлетгиреевъ, пробравшись тайно въ дворъ старшины и увидя Оздемира стоящимъ на молитвѣ, подкрался къ нему сзади и нанесъ ему пять кинжальныхъ ранъ.

Августа 12-го, житель селенія Цилити, того-же округа, 13-ти лѣтній мальчикъ, Асламурза Каргіевъ, нанесъ кинжаломъ опасную рану въ животъ односельцу своему, 15-ти лѣтнему-же мальчику, Вато Мазалову, за то, что, будто-бы, послѣдній изнасиловалъ его.

13-го іюня, жителька аула Атажукина, Зеленчукскаго округа, временно-обязанная унаугка Зазу Агоева (20-ти лѣтъ отъ роду) лишила жизни родную дочь свою, Гуляну, бросивъ ее въ р. М. Зеленчукъ. Причина, побудившая на такой поступокъ Зазу, по словамъ ея, заключалась въ томъ, что она, не имѣя въ груди молока для кормленія дитяти, хотѣла избавиться отъ заботъ и безпокойства по прокормленію коровьимъ молокомъ и соскою постоянно-больнаго и худосочнаго ребенка.

Окружной судъ, при разборѣ обстоятельствъ преступленія Зазу, между прочимъ указалъ, что подобныя преступленія, въ прежнее время, проходили въ средѣ горскаго населенія безнаказанно, ибо въ книгѣ «Даматъ», въ главѣ «Джинаятъ», на стр. 848, говорится, что мать, убившая свое дитя, не наказывается на этомъ свѣтѣ, но только морально преслѣдуется; такъ, наприм., подобныя женщины лишаются права на участіе въ общественной ѣдѣ и питьѣ, и если онѣ приготовятъ что-нибудь въ пищу, то приготовленное ими считается «харамъ», т. е. нечистымъ; въ будущей-же жизни онѣ подлежатъ мученіемъ ада. Такой взглядъ на дѣтоубійство подтверждается въ книгѣ «Дураръ», стр. 179, и «Дураръ-Мухтаръ», стр. 219.

Борьба съ леопардомъ.

Берусь описать довольно рѣдкій, можетъ быть даже единственный случай убійства леопарда палкою, въ конюшнѣ, бывшій въ Карачаѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго года.

Леопарды, какъ извѣстно, водятся по обоимъ склонамъ Кавказскаго хребта, на всемъ почти его протяженіи; извѣстно также, что леопарды настолько смѣлы, что забираются иногда въ конюшни, для похищенія козъ и овецъ; но, все-таки, убить леопарда палкою едва-ли кому удавалось, а между тѣмъ настоящею весною былъ именно такой случай.

На картахъ Кавказа за прежніе годы, Карачай обозначался; теперь-же названія этого не встрѣчается на картахъ, и потому предварительно необходимо сказать, что Карачаемъ называется часть главнаго снѣговаго хребта, съ его отрогами, откуда беретъ начало р. Кубань. При сліяніи ея истоковъ сгруппировалось шестнадцати-тысячное населеніе, носящее названіе Карачаевскаго общества. Рѣка Кубань составляется изъ двухъ рѣкъ, Учкулана и Хурзука, который раздѣляется еще на собственно Хурзукъ и Улу-Камъ. При сліяніи Хурзука съ Улу-Камомъ и потомъ съ Учкуланомъ, сгруппирована наибольшая масса населенія, а далѣе, вверхъ по теченію этихъ рѣкъ, населеніе уменьшается, такъ что верстахъ въ 6-ти, въ 7-ми попадаются уже только отдѣльные домики.

Верстахъ въ четырехъ отъ устья р. Улу-Кама есть мѣсто, называемое Чилмасъ, гдѣ живетъ, у самого почти входа въ глубокое и узкое ущелье, карачаевецъ Исмаилъ-Бегеюлъ-Улу. Сакля Исмаила построена, какъ и всѣ вообще карачаевскія сакли, изъ цѣльныхъ брусьевъ, составляющихъ срубъ, подъ земляною крышею. Карачаевцы—преимущественно скотоводы, а потому сакли ихъ отдѣляются отъ конюшенъ, построенныхъ подъ одну крышу, только одною стѣною, въ которой всегда находится дверь. Точно также и у Исмаила-Бегеюлъ-Улу, рядомъ съ саклей, стѣна объ стѣну, была конюшня, примыкавшая къ саклѣ одною изъ продольныхъ своихъ сторонъ. Въ конюшнѣ было двое воротъ. Одни, въ поперечной стѣнѣ, выходили прямо на р. Улу-Камъ, а другія были близъ задняго конца конюшни, въ продольной ея стѣнѣ. Около первыхъ, переднихъ, воротъ былъ и ходъ изъ сакли. Вся конюшня была еще обложена каменною стѣною, которая, расходясь передъ задними воротами, образовывала дворикъ, имѣв-

шій особыя наружныя ворота. Для того-же, чтобы понять, какимъ образомъ леопардъ забрался въ конюшню, необходимо описать устройство воротъ. Кто бывалъ въ какихъ-бы то ни было горскихъ саклякъ, тотъ знаетъ, что двери въ нихъ состоятъ изъ двухъ половинокъ, заходящихъ одна на другую. Въ саклякъ двери запираются деревяннымъ клиномъ, вставляемымъ извнутри въ дверной порогъ, послѣ того какъ двери бываютъ затворены. Но для воротъ употребляется не клинъ, а деревянный засовъ, для котораго по обѣимъ сторонамъ двери ставятъ столбы. Между этими столбами и стѣною и ходитъ засовъ, который обыкновенно дѣлаютъ изъ крѣпкаго гибкаго дерева.

Въ ночь съ 24-го на 25-е марта, когда уже легли спать, жена Исмаила-Бегеюлъ-Улу услышала крикъ козленка и сказала своему мужу, что вѣрно забрался какой-нибудъ звѣрь. Исмаилъ, зная, что конюшня его нѣчто въ родѣ крѣпости, посмѣялся надъ женой, но она все-таки зажгла лучину и пошла посмотрѣть. Она увидала, что всѣ козы, которыхъ было болѣе ста штукъ, лежатъ подлѣ заднихъ воротъ. Подойдя ближе, она замѣтила, что засовъ былъ задвинутъ не вполнѣ, а только на-половину. Ворота показались ей немного подавшимися внутрь, и когда она подошла совсѣмъ къ нимъ, то увидѣла, что какая-то пестрая лапа, высунувшись изъ-подъ воротъ, держитъ козленка. Толкнувъ ворота наружу, она прижала пеструю лапу, которая съ силой была выдернута изъ-подъ воротъ. Жена Исмаила сейчасъ-же отворила ворота и увидѣла, что какой-то пестрый звѣрь идетъ тихо по дворику и потомъ, прыгнувъ на стѣну, ушелъ. Воротившись обратно въ конюшню и заперши ворота, она засовъ почти не задвинула, такъ что онъ едва нажималъ верхнюю половину. Пройдя къ мужу, она разсказала ему все что̀ видѣла, но Исмаилъ все-таки ей не повѣрилъ, считая видѣннаго ею звѣря за игру воображенія. Часа черезъ два послѣ этого, въ конюшнѣ опять раздался крикъ; жена, вскочивъ, сказала, что это, вѣроятно, пришелъ опять тотъ-же звѣрь. При этомъ второмъ крикѣ и Исмаилъ встревожился. Взявъ винтовку, онъ вошелъ въ конюшню, а вслѣдъ за нимъ вошла жена, держа зажженную лучину. Въ этотъ разъ всѣ козы были у переднихъ воротъ и со страхомъ посматривали въ задній конецъ конюшни. Приближаясь осторожно туда, Исмаилъ замѣтилъ, что какой-то пестрый звѣрь лежитъ какъ разъ передъ задними воротами надъ полузадавленнымъ уже козленкомъ. Свѣтъ отъ лучины, блеснувъ въ глаза леопарду, за-

ставилъ его бросить козленка и удалиться въ самый задній уголъ конюшни. Тутъ онъ сталъ цѣпляться на стѣну, очевидно ища выхода, но его не оказалось. А между тѣмъ Исмаилъ подступалъ къ нему все ближе и ближе, съ винтовкой наготовѣ, и только-что хотѣлъ сдѣлать выстрѣлъ, какъ леопардъ кинулся на него, прямо на грудь. Завязалась безмолвная борьба; ни человѣкъ, ни звѣрь не уступалъ; а въ это время винтовка, которую Исмаилъ не выпускалъ изъ рукъ, выстрѣлила на воздухъ. У Исмаила не осталось другаго оружія, такъ-какъ, вскочивъ съ постели, онъ не успѣлъ захватить кинжалъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ борьбы, онъ наконецъ сбросилъ съ себя леопарда, который готовъ былъ опять на него кинуться. Не имѣя въ рукахъ ничего, кромѣ незаряженной винтовки, Исмаилъ подступилъ къ леопарду, держа винтовку дуломъ къ нему. Леопардъ схватилъ конецъ ея въ ротъ. Тогда Исмаилъ два или три раза ткнулъ его изъ всей силы, прямо въ горло, послѣ чего леопардъ выпустилъ ее и сдѣлался замѣтно смирнѣе. Исмаилъ повторилъ тотъ-же маневръ и леопардъ опять схватилъ прямо за конецъ винтовки; тогда Исмаилъ опять ткнулъ его винтовкой въ ротъ, стараясь посильнѣе загнать ее въ горло звѣрю. Леопардъ выпустилъ винтовку вторично, и потомъ уже не хваталъ ее за конецъ, а старался поймать зубами и когтями за бокъ; на Исмаила-же онъ и вовсе пересталъ бросаться. Жалѣя винтовку, Исмаилъ оставилъ ее и, найдя въ углу конюшни простыя деревянныя вилы, началъ бить ими звѣря, но послѣ двухъ или трехъ ударовъ вилы разлетѣлись въ куски. Тогда Исмаилъ приказалъ своей женѣ, бывшей безмолвной наблюдательницей этой борьбы, принести дубину. Жена, положивъ лучину на землю, принесла такую палку, какую только могла найти подъ рукою. Послѣ двухъ или трехъ ударовъ, и эта палка сломалась. Тогда Исмаилъ, осмотрѣвшись кругомъ, увидалъ переложенный поперекъ конюшни дрюкъ, которымъ и началъ бить леопарда. Послѣ довольно значительнаго числа ударовъ, леопардъ былъ убитъ, а на утро съ него сняли шкуру, которую возили потомъ на показъ по всему Карачаю.

Можетъ показаться страннымъ, какъ леопардъ попалъ въ конюшню, и почему онъ не вышелъ изъ нея такъ-же, какъ попалъ въ нее. Это случилось такъ. Я уже сказалъ, что жена Исмаила, осмотрѣвъ конюшню, оставила засовъ почти незадвинутымъ: леопардъ, подойдя къ воротамъ, которыя отпирались внутрь, и стараясь вытащить изъ-подъ нихъ козленка, всѣ силы

нѣе и сильнѣе нажималъ ихъ, вслѣдствіе чего засовъ выгибался-а между двумя половинками воротъ образовалось наконецъ пространство, чрезъ которое леопардъ и протиснулся понемногу въ конюшню. Какъ только это случилось, то засовъ упругостью своей заставилъ ворота захлопнуться, такъ что звѣрь очутился какъ-бы въ западнѣ.—Шкура этого леопарда—прекраснаго свѣтло, желтаго цвѣта, съ черными кольцеобразными пятнами; отъ головы до конца хвоста она длиною въ три аршина съ четвертью; на кончикѣ-же хвоста есть роговой наростъ, доказывающій, что убитый звѣрь именно леопардъ, такъ-какъ нароста этого у другихъ семействъ изъ рода кошекъ нѣтъ. — Встрѣчи леопарда, котораго называютъ здѣсь обыкновенно барсомъ, оканчиваются рѣдко въ пользу человѣка. Горцы очень боятся этого звѣря, считая его самымъ сильнымъ и опаснымъ изъ всѣхъ звѣрей, водящихся въ горахъ, и не рѣшаются затрогивать его даже тогда, когда увѣрены въ своемъ выстрѣлѣ. Поэтому, убійство леопарда въ конюшнѣ палкой надобно приписать особенной смѣлости и силѣ карачаевца Исмаила Бегеюлъ-Улу. Впрочемъ, леопардъ помялъ и искусалъ ему довольно сильно лѣвую руку, но безъ особенно-дурныхъ послѣдствій, такъ что уже черезъ мѣсяцъ послѣ борьбы съ этимъ звѣремъ Исмаилъ началъ ею вполнѣ владѣть.

Н. Петрусевичъ.

22 августа 1870 года.
Хумара.